

Г. А. ДЗИДЗАРΙΑ

**ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
АБХАЗИИ**

1910—1921

Тбилиси—1963

Г. А. ДЗИДЗАРΙΑ

1964 г.

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ АБХАЗИИ
1910 — 1921

Государственное издательство
«САБЧОТА САКАРТВЕЛО»
Тбилиси — 1963

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Очерки истории Абхазии. 1910—1921» являются результатом многолетней работы автора. Монография была начата еще в довоенные годы, когда по изучаемому периоду почти ничего не было написано, а основной архивный материал оставался неразысканным. Отдельные исследователи в своих работах лишь попутно касались истории Абхазии 1910—1921 годов.¹

Несколько работ, в основном по конкретным вопросам темы, было опубликовано автором в разных сборниках, начиная с 1943 года²; в 1957 году вышел составленный им сборник документов и материалов «Борьба за Советскую власть в Абхазии. 1917—1921» с обширным введением, излагающим события этого периода, а в 1958 году — обобщающая монография «Очерки истории борьбы за Советскую власть в Абхазии. 1917—1918».

Некоторые из этих работ, относящиеся к начальному периоду, не лишены недостатков, обусловленных обстановкой периода культа личности, нарушенном ленинских принципов и норм в сфере научного творчества.

XX съезд КПСС, в корне изменивший всю обстановку, открыл широкие горизонты, создал благоприятные условия для глубокого и объективного изучения всех многообразных проблем истории.

В данную книгу вошли все указанные выше работы авто-

¹ См., например, Г. В. Чапуридзе. Борьба грузинского народа за установление Советской власти. М., 1956.

² «Аграрная политика меньшевиков в Абхазии» («Труды» Сухумского государственного педагогического института, II. Сухуми, 1943), «К вопросу о положении Абхазии накануне Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.» («Труды» Абхазского государственного музея, вып. I. Сухуми, 1947), «Из истории борьбы за Советскую власть в Абхазии» («Труды» Абхазского института языка, литературы и истории. АН Грузинской ССР, XXIV. Сухуми, 1951), «Из истории установления Советской власти в Абхазии» («Исторические записки», 44. Изд. АН СССР. М., 1953), «1917 год в Абхазии» («Труды» Абхазского института..., XXV, 1954), „აფხაზეთის მშრომელთა საკითხი ხელისუფლების გამარჯვებისათვის ბრძოლაში“ (Сб. „სოციალისტური რევოლუციის გამარჯვება საქართველოში“. Тбилиси, 1957), «Атсьны-Асовет ичра ашықаргыларазы ақуџара» (Журн. „Алашара“, 5. Сухуми, 1957) и другие.

ра в переработанном виде и с использованием новых архивных и иных материалов. Она является первым монографическим исследованием, в котором, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, делается попытка систематического освещения истории Абхазии фактически с 1910 по начало 1921 года.

Изучение событий дано в неразрывной связи как с положением во всей Грузии и Закавказье, так и с общей ситуацией, сложившейся в тот период в России.

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла свободу всем угнетенным народам царской России.

Основной причиной задержки победы Советской власти в Закавказье являлся временный перевес сил контрреволюции, созданный иностранной военной интервенцией.

В работе дается описание общего состояния Абхазии как в период нового революционного подъема¹ и империалистической войны, так и в годы господства меньшевиков, которые создали в Грузии, как говорил Н. С. Хрушев на торжественном заседании, посвященном 40-летию установления Советской власти и образования Компартии Грузии, «режим дикого террора и произвола, поставили страну на грань экономической катастрофы. Это был режим худшего пошиба, чем даже царский режим, ибо он целиком держался на штыках иностранных оккупантов».² На конкретном материале выявляется националистическая контрреволюционная сущность меньшевиков — агентов международного империализма и прислужников «собственной» буржуазии.

Автор стремился на основе многочисленных фактов показать нарастающую в Абхазии классовую борьбу, которая еще весной 1918 года привела к массовому вооруженному восстанию трудящихся. В книге подробно рассказывается об истории этого восстания и дается анализ действий революционных сил, причин их успехов и временного поражения. Очень яркие и последующие революционные события. Все эти явления имели значение не только собственно для данного края, но и для всей Грузии. Они вместе с тем красноречиво свидетельствуют о том, что социалистическая революция и здесь созрела прежде всего на почве внутренней классовой борьбы. Подчеркиваются также особенности и трудности, вытекавшие из местных условий.

¹ Экономическое положение Абхазии в 1910 — 1913 гг. дается в кратком изложении ввиду его подробного освещения в работах А. А. Олонцкого «Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии» (Сухум, 1934) и «Сельское хозяйство Абхазии перед войной 1914 г.» («Труды» Абгосмузея, II, Сухуми, 1957).

² «Правда», 13 мая 1961 г.

Огромна была помощь трудящимся Абхазии в их героической борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией со стороны других районов Грузии и Кавказа, великого русского народа и его доблестной Красной Армии. Это было бескорыстным выполнением интернационального долга трудящихся, проявлением глубокого пролетарского гуманизма.

Общим выводом книги, сделанным на основании исследования материалов, является историческая неизбежность победы трудящихся, победы дела партии великого Ленина.

Неоценимым источником и методологической основой монографии являются бессмертные творения В. И. Ленина, партийные документы, новая Программа КПСС, принятая на историческом XXII съезде партии. Большое научное и руководящее значение имеют для темы труды учеников и соратников В. И. Ленина. В работе использован новый учебник «История Коммунистической партии Советского Союза», в котором научно обобщен всемирно-исторический опыт борьбы за коммунизм, а также «Очерки истории Коммунистической партии Грузии» (ч. I).

Богатый материал по исследуемой проблеме имеется в архивах Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и его Грузинского филиала, Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР, Центрального государственного архива Октябрьской революции Грузинской ССР, Центрального государственного архива Советской Армии, Центрального государственного архива Абхазской АССР, Абхазского государственного музея, Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР и других архивных и научных учреждений страны. Материал этого рода широко привлечен в работе; использовано много новых документов, из которых целый ряд впервые вводится в научный оборот. В процессе написания книги использованы, кроме того, газетные данные и воспоминания участников революционной борьбы в Абхазии, а также исследования, мемуары и журнальные статьи по общим вопросам как истории Грузии и Закавказья, так и всего Советского Союза.

Следует подчеркнуть, что расширен круг участников событий, из которых многие пали жертвами в период культа личности и были преданы забвению. Выявлены новые данные о них. Несомненно, эти материалы будут представлять большой интерес, особенно для нашей молодежи, которая ознакомиется по ним с героической жизнью людей, посвятивших себя великому делу освобождения трудящихся, делу Октябрьской революции.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

АБХАЗИЯ В ГОДЫ НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА И ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В социально-экономическом и культурном отношении Абхазия была одной из отсталых окраин Российской империи. Трудящиеся массы Абхазии, как и всей Грузии, находились под тяжелым гнетом самодержавия, помещиков и буржуазии.

Располагая значительными возможностями для развития промышленности, Абхазия тем не менее имела лишь мелкие предприятия (лесопильные, винокуренные, лимонадные, гончарные, известковые и т. д.) почти не вышедшие, за исключением нескольких лесопильных заводов, из стадии кустарных и полукустарных мастерских узко местного значения, в среднем с 2—3 рабочими и, как правило, без механических двигателей. В 1911 году, например, в Абхазии (Сухумском округе¹) работало до 395 таких промышленных предприятий, общая сумма продукции составляла 186 171 руб., а число занятых рабочих — 1 044 чел.² По данным 1914 года, общая доля промышленной продукции, составлявшей 185,5 тыс. рублей, в народном хозяйстве Абхазии равнялась 1,3 процента³.

В г. Сухуме, в местечках и во многих селах Абхазии были разбросаны кустари-одиночки и мелкие мастерские и производства. Однако кустарная промышленность Абхазии, как и повсюду на Кавказе, давно шла на убыль под давлением конкуренции со стороны русских фабричных изделий.

Лесные и горные богатства Абхазии также не стали объектом правильно организованной эксплуатации.

Рост же табаководства не сопровождался развитием со-

¹ По царскому административному делению, просуществовавшему до мая 1919 года, Абхазия официально именовалась «Сухумским округом», причём из ее состава с декабря 1904 по декабрь 1917 года был выключен Гагринский участок, присоединенный к Сочинскому округу Черноморской губернии. В 1919 году участки также были переименованы в уезды, а местечки Гагры, Гудауты и Очамчыры — в города.

² «Кавказский календарь на 1913 г.». Тифлис, 1912, Отд. стат., стр. 270.

³ Арх. Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 1116, л. 9.

ответствующей отрасли промышленности: табак вывозился, почти не подвергаясь переработке на месте. Это вытекало из колониальной политики царизма и стремлений монополистического капитала к отрыву процесса производства сырья от процесса его обработки на окраинах. Именно поэтому в Абхазии отсутствовал и такой вид производства, как консервное, хотя здесь имелись благоприятные условия для его развития.

Положение рабочих было тяжелым. Они получали мизерную заработную плату. Рабочий день их не был ограничен. Отсутствовала всякая охрана труда. Не соблюдались элементарные требования техники безопасности.

В общей системе народного хозяйства Абхазии сельское хозяйство играло главную роль. Оно составляло основную специфику страны. Сельскохозяйственный характер Абхазии иллюстрируют данные о городском населении, составлявшем весьма незначительный процент по отношению к сельскому населению. Причем городов в полном смысле слова в Абхазии в то время не было, за исключением Сухума.

Но и в сельском хозяйстве примитивная техника, отсталые формы полеводства и животноводства характеризовали экономику Абхазии. Такие культуры, как чай, эфирносы, тунг и другие почти не были известны населению края.

Из всей территории Абхазии (Сухумского округа) в 774 000 десят, в 1914 году под сельскохозяйственные культуры было освоено всего лишь 10 проц. (приблизительно 78 200 десят.), из которых 59 300 десят. занимала кукуруза, все остальные зерновые культуры — 1231 десят., картофель — 126 десят., виноградники — 3098 десят., плодовые сады — 400 десят., прочие растениеводческие культуры — 315 десят., сенокосы — 690 десят., табачные плантации — 13170 десятин⁴.

Все отрасли сельского хозяйства, за исключением табаководства, находилась в состоянии затяжного кризиса, сопровождавшегося обеднением основных масс трудящегося крестьянства. Чрезвычайно тяжелое положение сельского хозяйства обострялось особенно тем, что оно было опутано густой сетью феодально-крепостнических пережитков, сохранных крестьянской реформой 1870 года и представлявших прямое следствие всей последующей политики царизма. С другой стороны, происходил быстрый процесс расслоения абхазской деревни. Лучшие земли в Абхазии принадлежали помещикам и кулакам. Крестьяне, основное население страны, владели менее чем 25 проц. земли.

⁴ П. В. Гугушвили. Табаководство в Грузии и Закавказье. 1801—1920 гг. «Труды» института экономики АН Грузинской ССР, XI. Тбилиси, 1969, стр. 207.

В докладе начальника Сухумского округа от 31 августа 1909 года наместнику Кавказа говорилось: «В Кодорском участке поземельное устройство крестьян чрезвычайно неправильно. В то время как лица влиятельные и, в частности, привилегированные имеют большие земельные наделы, доходящие до 20 десятин, почти во всех селениях имеется масса крестьян, обремененных большими семьями и имеющих весьма ограниченные наделы... В большинстве селений... имеется масса малоземельных крестьян, имеющих надел от одного вортала (менее $\frac{1}{3}$ десятины) до одной и не более двух» десятин⁵.

Согласно столыпинскому аграриному закону от 9 ноября 1906 года, в Абхазии в 1909 году были начаты работы по размежеванию земель. Но более подробная «Инструкция по земельному устройству населения Сухумского округа» была издана лишь 14 января 1914 года. Землеустройство отдельных хозяйств не было полностью закончено вплоть до 1917 года. Норма отвода из общинных земель была установлена в 3—7 десят. на двор. Фактически для громадного большинства крестьян она была значительно ниже. В Гудаутском участке в 1913 году 5034 крестьянских дыма имели «культурной» наделной земли 13368 десят. или, в среднем, на дым 2,6 десятины. В размежеванной части Лыхнинской общины участки в 3 десят. и выше насчитывались лишь в 11 случаях, число же участков менее одной десят. равнялось 76 из общего числа отведенных участков 101. В Окумской общине Самурзаканского (Гальского) участка 78 хозяйствам было обмежевано 219 десят. или, в среднем, по 2,6 десят. на хозяйство. Менее одной десятины получили 11 хозяйств, от 1 до 5 десят. — 44 хозяйства, остальные 23 хозяйства — по 5 и более десятин⁶.

На основании материалов по селам Гуп и Члоу Кодорского (Очемчирского) участка можно составить приведенную на 9 странице таблицу, показывающую картину расслоения абхазского крестьянства⁷.

Процесс разложения крестьянства с наибольшей яркостью выявлялся в наиболее товарной отрасли Абхазии — в табаководстве. Уже в 1905 году Абхазия по размерам табаководства занимала пятое место в Российской империи; в 1913 году площадь ее табачных плантаций составляла 79,4 проц. табачных плантаций Закавказья, а Грузии — 83,2 процента.

⁵ Цит. по статье А. А. Олонецкий. Сельское хозяйство Абхазии перед войной 1914 г. «Труды» Абхазского государственного музея, II. Сухуми, 1957, стр. 52.

⁶ Там же, стр. 53, 55.

⁷ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, д. 455, лл. 9—10, 18—21.

Группа крестьян	Г У П						Ч Л О У					
	Число дворов	Процент	Коллич. участк.	Процент	Всего земли	Процент	Число дворов	Процент	Коллич. участк.	Процент	Всего земли	Процент
I. Имевшие до 1 дес.	2	9,1	4	9,5	1 д. 1160 с.	0,8	4	5,2	4	2,4	2 д. 400 с.	0,5
II. Имевшие до 3 дес.	6	27,3	8	19,1	11 д. 660 с.	8,7	23	29,9	39	23,2	50 д. 228 с.	12,5
III. Имевшие от 3 до 10 дес.	11	50,0	26	61,9	73 д. 2040 с.	57,9	42	54,5	107	63,7	224 д. 600 с.	60,8
IV. Имевшие свыше 10 дес.	3	13,6	4	9,5	41 д. 400 с.	32,6	8	10,4	18	10,7	105 д. 1980 с.	26,2
Итого:	22	100	42	100	127 д. 1830 с.	100	77	100	168	100	403 д. 360 с.	100

Распределение табачных плантаций в Абхазии перед войной 1914 года выглядит следующим образом⁸:

В среднем за 1909 — 1914 годы

Размер плантаций	Число плантаций	% к общему числу	Средний размер одной плантации (десятины)	Общая площадь плантаций (десятины)	% к общей площади всех плантаций
До 1 десятины	2882	46,5	0,3	865	11,2
От 1 до 2 десят.	2164	34,9	1,5	3426	44,2
1 . 2—5 .	1010	16,4	2,5	2525	32,6
5 и выше .	132	2,2	7,0	924	12,0

Почти 20 процентов (18,6) всех плантаторов, имевших плантации размером свыше 2 десят., надо полагать, применяли наемный труд в значительных размерах. В их руках было сосредоточено 44,6 проц. всей площади плантаций. 2,2 проц. плантаций с площадью свыше 5 десят. были определено кулачками.

Крестьяне Абхазии, испытывая острый земельный голод, вынуждены были идти в кабалу к помещикам и арендовать у них землю на условиях издольщины. Эта крепостническая форма аренды земли заключалась в том, что крестьяне должны были уплачивать землевладельцу за аренду натурой четверть, треть, а подчас и половину урожая⁹. На условиях де-

⁸ А. А. Олонецкий. Сельское хозяйство Абхазии перед войной 1914 г., стр. 64.

нежной аренды заключались договоры землевладельцами с арендаторами-табаководами. Надо сказать, что около 60 проц. всех табачных плантаций находилось на арендованной земле. Рост табаководства, форсируемый российским капиталом, происходил в условиях нещадной эксплуатации плантаторов-крестьян. Плантаторская масса эксплуатировалась также скупщиками, кулачеством и представителями торгового капитала. Она несла потери и от колебаний рыночных цен. Орган местной буржуазии газета «Сухумский листок» писала: «Испытывая большой недостаток в деньгах, они (табаководы. — Г. Д.) находятся в сильной зависимости от скупщиков...»¹⁰

Тяжко страдали крестьяне Абхазии также от скупщиков винограда и лесопромышленников, которым они «вынуждены были продавать [свою продукцию] за какую угодно цену, лишь бы пополнить свой скудный бюджет несколькими десятками рублей»¹¹. Крестьяне несли, кроме того, большие тяготы налоговых платежей.

Царское правительство чинило препятствия развитию культуры. Народное образование было в загоне. Не в лучшем положении находилось и дело народного здравоохранения. Население Абхазии обслуживалось лишь несколькими лечебными учреждениями, влачившими жалкое существование. Между тем заболеваемость населения была высокая. Жители с. Квитаул Кодорского участка в жалобе, поданной ими директору канцелярии наместника Кавказа летом 1909 года, писали: «Гибнем мы благодаря отсутствию медицинской помощи. Для нас недоступны как врачи, так и медикаменты... До слез жаль, когда на наших глазах умирают дети наши от лихорадки за отсутствием хинина»¹².

---

⁹ Например, в договоре, заключенном в 1914 году между Д. И. Риделем — доверенным крупнейшего абхазского землевладельца князя Г. Д. Шервашидзе и крестьянами селений Бабушера, Варча и Пшап (Гумистинский участок) на аренду земель предусматривалась арендная плата натурой «в размере урожая, кукурузы, чалы, сена, винограда, орехов, лобно, гоми, разных фруктов и шелковичных коконов». Причем порядок оплаты был следующий: весь собранный урожай делился арендаторами на 4 части, доверенный князя Шервашидзе выбирал из них любую, и эту долю помещика к нему в имение должны были доставить арендаторы (Арх. Абхазского государственного музея, ф. 1, д. 10, л. 5). Один из таких договоров, заключенный 20 января 1914 года, Г. Гиоргадзе опубликовал в XXXII выпуске «Трудов» Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.

¹⁰ «Сухумский листок», 1912 г., № 177.

¹¹ ЧСХ, 1915, №№ 5—6, стр. 242.

¹² Цит. по статье С. Басария. Забытый край. Журн. «На Кавказе», т. II, №№ 7—8. Екатеринбург, 1910, стр. 298.

Экономический, политический и национальный гнет все больше и больше вызывал у трудящихся ненависть к существующему строю. Начавшийся в стране с 1910 года новый подъем революционного движения «докатился, наконец, и к Сухуму»¹³. Здесь в 1912—1913 годах имели место забастовки рабочих типографий; были случаи, когда бастовавшие выходили победителями. Устраивались маевки¹⁴. В апреле 1914 года бастовали рабочие Сухумской опытной станции. 20 числа рабочие предъявили требование об увеличении им зарплаты на 20—25 процентов. Администрация отклонила это требование рабочих, «хотя вполне сознавала, что рабочие получают недостаточно». Тогда большинство рабочих станции прекратило работу. С 1 мая все бастовавшие рабочие были уволены¹⁵. Были случаи покушения крестьян на жизнь помещиков и табачных спекулянтов, а также выступления против сельских старшин, которые, как правило, являлись представителями кулачества и опорой царизма в деревне.

Большевистская партийная работа в Грузии после ареста царской охранкой летом 1910 года Тифлисского комитета значительно ослабла. Восстановление нелегальных партийных организаций было неотложной задачей, поставленной В. И. Лениным. Это удалось осуществить одновременно в Тифлисе и Сухуме, где в блоке с большевиками действовали меньшевистско-партийцы.

В 1907 году в Сухум приехал Класион Меладзе, активный участник революционного движения в Имеретии. Он сгруппировал подпольных деятелей и создал ячейку¹⁶. Постепенно в Сухумской организации налаживалась партийная работа; созывались партийные собрания, собирались членские взносы, обсуждались наиболее важные вопросы организации. Было налажено получение газеты «Звезда»¹⁷ и журнала «Мысль»¹⁸. Сухумские большевики пытались установить связь с меньшевистским Закавказским областным комитетом и послали с этой целью в Тифлис делегата. Однако эти переговоры, как и переговоры тифлиских большевиков,

¹³ «Второй бюллетень Сухумской опытной станции за 1914 г.». Сухум, 1914, стр. 4.

¹⁴ ЦГАА, ф. 65, д. 117, лл. 1—15. В. Г. Иванов. К истории революционного движения в Абхазии (1905—1921 гг.).

¹⁵ «Второй бюллетень Сухумской опытной станции за 1914 год», стр. 4.

¹⁶ И. Жвания. Из воспоминаний о работе в Абхазии. Сб. «К истории революционного движения в Абхазии». Сухум, 1922, стр. 30.

¹⁷ «Звезда» — большевистская нелегальная газета, выходила в Петербурге с 16(29) декабря 1910 г. по 22 апреля (5 мая) 1912 г.

¹⁸ «Мысль» — большевистский философский и общественно-экономический журнал, издавался в Москве с декабря 1910 г. по апрель 1911 г.

не увенчались успехом. Тифлисская группа большевиков осуществляла руководство Сухумской группой¹⁹.

Как свидетельствовал старый сухумский типографский рабочий В. Г. Иванов (Богданов), именно с 1908 года в Сухуме усиливается подпольная партийная работа, рабочих вовлекают в социал-демократические кружки. Сам он становится членом большевистской партии в 1909 году²⁰.

Член партии с 1901 года и один из руководителей большевиков Абхазии С. И. Кухалейшвили об этом периоде работы писал: «Из ссылки я вернулся в 1910 году, когда «ликвидаторство» начало проявлять себя и в Сухуме. Наша фракция энергичными действиями, порвав всякую связь с ними (ликвидаторамн. — Г. Д.), сумела парализовать их работу и свести ее на нет. Нам удалось установить правильную связь с Тифлисским комитетом», откуда поступала разная литература, «которая быстро распространялась по всему Сухумскому округу. ...Подготовительная работа шла к празднованию 1 Мая в 1910 году». Но некоторые его организаторы, в том числе А. Мгеладзе и С. Кухалейшвили, «были схвачены и заключены в тюрьму. Это обстоятельство ослабило работу комитета»²¹. С 1911 года «работа опять наладилась и комитету удалось установить связь с Петербургом; начали получать газету «Правда», журналы «Просвещение» и «Вперед». Затем «партийная работа почти стихла и сводилась только к распространению среди массы литературы». Но вскоре снова «работа оживилась и мы начали получать заграничную литературу через город Краков»²².

Другой старый большевик Н. И. Бахтадзе, который в 1911 году был направлен в Гудауты, где вначале работал в порту рабочим, а затем техником на строительстве Черноморской железной дороги, писал, что он «связался с партийной организацией», которой руководил В. Абашидзе²³ при активной помощи рабочего Д. Смирнова. Здесь Бахтадзе «принимал участие в подпольной организации до 1915 года»,

¹⁹ «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», ч. I. Тбилиси, 1957, стр. 218—219.

²⁰ В. Г. Иванов. К истории революционного движения в Абхазии.

²¹ С. И. Кухалейшвили в своей автобиографии отмечал, что он был членом Сухумского горкома партии с июня 1908 г. по июль 1914 г. (ПА Груз-филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 5, д. 242, л. 99).

²² С. Кухалейшвили. Обзор революционной работы в Абхазии. Сб. «К истории революционного движения в Абхазии». Сухум, 1922, стр. 25.

²³ В. Г. Абашидзе (1890—1921) — член большевистской партии с 1907 года, после окончания Харьковского фармацевтического училища начал работать в Абхазии (Сухум, Гудауты) в качестве проливора.

когда он был уволен с работы за революционную деятельность²⁴.

Вот еще несколько фактов из биографии старого коммуниста (с 1904 года) К. Н. Макарова. В 1908 году Макаров в Гаграх, где он работал на строительстве дворца принца Ольденбургского в качестве столяра, организовал кружок. В 1910 году он возглавил забастовку столяров сухумских мастерских, которая была выиграна рабочими: их требования о повышении зарплаты и сокращении рабочего дня были удовлетворены. В 1911—1912 годах Макаров являлся членом Сухумского комитета партии, «организовывал первомайские забастовки»²⁵.

Небезынтересно и сообщение Л. К. Тиракьяна: «Официально членом партии РСДРП Сухумской городской организации я стал с сентября 1908 года. Так как эти годы были годами тяжелой реакции (1908—1911 гг.), Сухумская подпольная организация хотя и существовала, но особо большую работу вести не могла, но зато была организована учеба... В 1912 году я был послан Сухумским подпольным комитетом в гор. Поти на подмогу для организации портовых рабочих-армян и их участия в забастовке чаптурских рабочих марганцевых руд...»²⁶

Из отношения прокурора Кутаисского окружного суда имени начальника Кутаисского губернского жандармского управления от 28 января 1913 года²⁷ мы также узнаем, что летом 1912 года в Сухум прибыл из Кутаиса Г. Е. Такайшвили, который «при возобновлении работы в Сухумской группе социал-демократической партии будет пропагандистом». 21 мая 1912 года был задержан один номер газеты «Социал-Демократ»²⁸ высланный из-за границы в Сухум в адрес Такайшвили. 10 сентября 1912 года в квартире последнего был произведен обыск, при котором были обнаружены «запрещенные к обращению в публике» один экземпляр «Рабочей газеты»²⁹ и брошюры: М. Лядов «История Российской социал-демократической партии», П. Кропоткин «Речь бунтовщика», Л. Толстой

²⁴ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 43, л. 348; ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 142, лл. 9—12.

²⁵ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 42—43.

²⁶ Там же, л. 467.

²⁷ Даты до 26 марта (8 апреля) 1918 года даются по старому стилю, а после этого числа — по новому стилю.

²⁸ «Социал-Демократ» — нелегальная газета, центральный орган РСДРП, выходила с февраля 1908 г. по январь 1917 г. С декабря 1911 г. редактировалась В. И. Лениным.

²⁹ «Рабочая газета» — нелегальный орган большевиков, издавалась в Париже с 30 октября 1910 г. по 30 июля 1912 г. Газетой руководил В. И. Ленин.

«Офицерская памятка», А. Бах «Голод» и др., а также рукопись «Плеханов о ликвидаторах», в которой говорилось: «Могут ли они познать между единомышленниками хотя одно лицо, которое в свое время протестовало бы против ликвидаторских подвигов. Все единомышленники знаменитого Г. (Г. В. Плеханова. — Г. Д.) показали себя такими людьми, которым дороги не партия в ее целом, а только та часть партии, к которой они принадлежат». Кроме того, было обнаружено открытое письмо «с рисунком народного восстания» и печатным текстом на грузинском языке «с призывом к революционному восстанию».³⁰

Большевики Грузии приняли деятельное участие в подготовительной работе к созыву VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП. Наряду с Тифлисской партийной организацией, созыв конференции поддержала Сухумская организация. По указанию Г. К. Орджоникидзе, руководившего всем делом подготовки конференции, в Абхазию были направлены А. Долидзе и К. Уджмаджуридзе.³¹

VI партийная конференция была созвана в январе 1912 года в Праге. В. И. Ленин, руководивший Пражской конференцией, счел нужным записать интересные факты о положении, создавшемся на местах. Судя по этим записям, сделанным В. И. Лениным, в Грузии в сравнительно хорошем состоянии были большевистские организации Тифлиса и Сухума. В. И. Ленин записал следующие сведения о Сухумской организации³²:

«Сухум. Рабочие есть у садовладельцев, затем приказчики etc. Рабочих очень мало. Реакция разбила организацию.

Но в 1909 — 1910 годах создали Общество народных университетов. С.-д. не могут его использовать. Тогда они (в 1910 г.) восстанавливают работы; человек 8 взялись и довели организацию до 30 человек (и большевики, и меньшевики — партийцы) — к 1911 г. Получали «Мысль», «Звезду», «Голос Социал-Демократа»³³. (Из 30 человек интеллигентов около 5—6 чел.).

Меньшевики считают «Нашу зарю»³⁴ бесспорно ликвидаторской, в «Голосе» же выделяют Мартова.

Сухум хотел связаться с Кавказским областным комитетом, но не мог, несмотря на проезд делегата от Сухума в Тиф-

³⁰ ЦГИАГ; ф. 27, д. 2090, лл. 3—5.

³¹ «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», ч. I. Тбилиси, 1957, стр. 223.

³² См. журн. «Пролетарская революция», 1941, стр. 149.

³³ «Голос Социал-Демократа» — заграничный орган меньшевиков-ликвидаторов; выходил в Женеве, затем в Париже в 1908—1911 гг.

³⁴ «Наша заря» — ежемесячный легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов; выходил в Петербурге в 1911—1914 гг.

лис. Докладчик (Серго)³⁵ видел его в Тифлисе и делал ему доклад; сей делегат был за РОК³⁶.

Деятельность партийных организаций после Пражской конференции во всей стране заметно усилилась. Этот общий подъем захватил и партийные организации Абхазии.

Согласно одному сообщению, в 1912—1913 годах большевистские организации существовали в Сухуме, Гудаутах, Гульрипше. Отдельные партийные работники имелись также в других местах Абхазии. Наиболее сильной из этих организаций была Сухумская, возглавляемая С. Кухалейшвили и К. Меладзе. Склад литературы помещался в лавке для больных во втором корпусе санатория «Гульрипш». Часто выпускались листовки и размножались на гектографе. Массовки проводились почти еженедельно³⁷. В те годы (1910—1913), как и в последующие периоды борьбы, в Сухуме активную революционную работу вел старый большевик В. З. Добровольский, особенно среди рабочей молодежи под видом занятий по словесности и иностранным языкам³⁸.

В эти годы на путь активной революционной деятельности становится Нестор Аполлонович Лакоба (1893—1936), вступивший в ряды РСДРП(б) в 1912 году. В «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (М., 1962, стр. 163) среди поколения правдистов, из которого вышли видные деятели партии большевиков, названо и имя Н. А. Лакоба.

Огромную роль в укреплении большевистских организаций, в сплочении вокруг них трудящихся масс сыграла начавшая выходить в 1912 году в Петербурге большевистская газета «Правда». Сухумская партийная организация вела большую работу по распространению этой газеты. Один С. И. Кухалейшвили в Сухуме получал до 70 экземпляров «Правды». Газета быстро распространялась в массах³⁹.

Важным участком легальной работы большевистской партии была Государственная дума. На выборах в IV Думу (осень 1912 года) по рабочей курии большевики одержали полную победу. Избирательная кампания в национальных окраинах проходила в более тяжелых политических условиях, чем в центральной России. Тем не менее эта кампания в Тифлисе, Кутансе, Сухуме и других местах проходила под большевистскими лозунгами. Однако столыпинский реакционный избирательный закон, жестокие репрессии против большеви-

³⁵ Г. К. Орджоникидзе.

³⁶ РОК — Российская организационная комиссия. Была создана на основе решения заграничного совещания большевиков — членов ЦК РСДРП 10—17 июня 1911 г. для практической подготовки VI Всероссийской конференции РСДРП. На конференции с докладом о работе Российской организационной комиссии по созыву конференции выступал Г. К. Орджоникидзе.

³⁷ «Трудовая Абхазия», 4 марта 1922 г., № 52, Сухум.

³⁸ ПА Грузфильала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 374, лл. 371—372.

³⁹ И. Жвания. Из воспоминаний о работе в Абхазии, стр. 31.

ков Грузии не дали последним возможности провести в депутаты своего кандидата⁴⁰.

В адресной книге ЦК РСДРП, являющейся ценным источником для изучения огромной работы, которая была проведена в 1912—1914 годах Центральным Комитетом по сплочению и укреплению партии⁴¹, трижды упоминается Сухум: «г. Сухум, типография Гелгадзе и Коландаришвили Вала»; «Сухум, городская аптека Ахабадзе и на полях помета — «годен»; «Сухум, гараж Н. Д. Нодия, г-ну Шварцу»⁴². Н. К. Крупская в письме к тифлисским большевикам отмечала: «У нас нет адресов, кроме Сухума»⁴³.

С. И. Кухалейшвили, как уже отмечалось, писал, что после 1912 года сухумские большевики начали получать зарубежную литературу через город Краков. В октябре 1913 года в Сухуме и Гудаутах были получены резолюции Краковского летнего совещания ЦК РСДРП совместно с партийными работниками⁴⁴.

В июне 1913 года в Сухум приезжала сестра известного меньшевистского лидера Л. Мартова Вера Цедербаум с целью объединения местных большевистской и меньшевистской организаций. Однако большевики категорически высказались против объединения. После этого поражения меньшевики старались направить в Сухум побольше своих работников (И. Рамишвили, К. Нинидзе и др.), которые пытались подорвать влияние большевиков. Через некоторое время около Беслетского (Венецианского) моста состоялось новое совещание, на которое был приглашен и меньшевик Скобелев. Здесь прошла резолюция меньшевиков. Но дело дошло до физической схватки, в результате чего пострадал С. Кухалейшвили. В конце концов, собрание было сорвано. В этом деле активную роль сыграл и К. Меладзе⁴⁵.

Но 14 ноября 1913 года на собрании Тифлисской большевистской организации представитель сухумских большевиков предложил признать объединение большевистской и меньше-

⁴⁰ «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», ч. I, стр. 243—246.

⁴¹ В июне 1912 года зарубежная часть ЦК РСДРП (Зарубежное бюро) во главе с В. И. Лениным переехала из Парижа в Краков, что должно было способствовать укреплению и расширению связей с Россией. ЦК вел обширную переписку с местными организациями. Эта работа осуществлялась через Н. К. Крупскую.

⁴² Адресная книга ЦК РСДРП в 1954 году была передана в Центральный партархив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в числе других материалов Краково-Поронинского архива В. И. Ленина и опубликована в первом номере журн. «Исторический архив» за 1959 год.

⁴³ «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», ч. I, стр. 254.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Сб. «К истории революционного движения в Абхазии», стр. 31; Арх. Ахазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, ф. I, д. 186/114, л. 273; ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. I, д. 659, л. 6.

вистской организаций в Сухуме, так как здесь меньшевики отказались от своей тактики, признали правильным существование нелегальной партийной организации. Тифлисская организация согласилась на такое объединение с тем, однако, условием, чтобы в Сухумской объединенной организации не допускались никакие уклоны в сторону меньшевизма и твердо соблюдался принцип нелегальной работы, чтобы она приняла к руководству для всей своей дальнейшей деятельности решения Пражской конференции⁴⁶. Это было ошибкой. Уроки революции 1905—1907 годов не были учтены — отсутствие организационного размежевания с меньшевиками ослабляло революционную работу.

Тем не менее большевики Абхазии продолжали вести активную работу. Несмотря на постоянные политические преследования, они регулярно устраивали нелегальные сходки и собрания, распространяли революционную литературу. Сухумские большевики часто выступали в Народном университете⁴⁷. Здесь шли споры между ними и меньшевиками. Большевики разоблачали ликвидаторов, их предательство перед рабочим классом.

В мае 1914 года в Сухуме произошли аресты большевиков. Начальник Тифлисского губернского жандармского управления полковник Пастрюлин в секретном донесении в департамент полиции 4 июня 1914 года писал: «...В пределах Закавказского края, в гг. Тифлисе, Баку, Кутансе, Батуме, Поти и Сухуме, действительно среди рабочих... проповедываемые социал-демократические идеи нашли значительное количество последователей, причем социал-демократы имеют сильное влияние на рабочих, выразившееся в проведении ряда забастовок, как бывших в прошлом году в пределах Закавказского края, так и последовательно продолжающихся до настоящего времени»⁴⁸.

Тот же Пастрюлин в своем донесении от 7 июня 1914 года указывал, что в Сухуме образовалось несколько социал-демократических кружков из рабочих, «и работа налаживается». Вслед за этим последовали обыски и аресты. По поводу результатов обыска у Н. И. Елкина (из г. Уржума), работавшего в Сухуме в качестве переводчика, полковник Пиралов сообщал в департамент полиции 14 июня 1914 года, что он выписывал для рабочих значительное количество политической литературы, открытки с изображениями К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля и Ф. Лассаля; у него было найдено «много разных рабочих газет», в том числе ленинская газета «Социал-Демократ»⁴⁹.

⁴⁶ «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», ч. I, стр. 237.

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 102, ДП, оп. 15, д. 5, ч. 79, л. 27.

⁴⁸ Там же, ч. 39, л. 1.

Летом 1914 года М. Давиташвили (Давидов) из Парижа писал М. Торошелидзе в Грузию о том, что В. И. Ленин получил его письмо и «очень доволен сообщением о приморском городе» — Сухуме⁵⁰.

Большевики Грузии неустанно боролись за создание и укрепление нелегальных партийных организаций. Чиатурская организация взяла на себя инициативу созыва конференции рабочих социал-демократов, в которой должны были участвовать представители Тифлиса, Чиатур, Кутаиса, Сухума, Батума, Поти и Новороссийска. Созвать конференцию намечалось 13 июля 1914 года. Но сведений об этой конференции не сохранилось⁵¹. Известно также, что сухумские большевики в августе 1914 года через И. Е. Жвания установили связь с Новороссийском для регулярного получения политической литературы⁵².

* * *

В июле 1914 года Германия объявила России войну. В нее постепенно вступили все главные империалистические державы. Войну давно готовяли империалисты всех стран, по вине которых народы были ввергнуты в кровавую бойню.

С самого начала войны Абхазия, как и все Черноморское побережье России, оказалась под угрозой непосредственных военных действий. Положение стало особенно угрожающим после вступления в войну с Россией Турции и образования осенью 1914 года нового фронта — Кавказского, когда Закавказье в целом стало прифронтовой полосой.

Начинается бомбардировка Черноморского побережья германо-турецкой военной эскадрой во главе с крейсерами «Гебен» и «Бреслау», пропущенными в Черное море союзниками России, боявшимися усиления русских позиций на Востоке. 21 октября вблизи берегов Сухума показалось первое вражеское судно. 24 октября произошла бомбардировка Поти. Весть об этом распространилась в Сухуме утром 25 октября, а появившийся на горизонте через несколько часов неприятельский крейсер «произвел панику и все население двинулось в горы»⁵³.

Вместе с тем германские империалисты вели в Закавказье шпионскую и диверсионную деятельность, которая была ими развернута еще задолго до начала войны. Кайзеровская Гер-

⁴⁹ Там же, 7 делопроизвод., 1914 г., д. 1076, лл. 7—8.

⁵⁰ „გვერდობის მაცნე“; 1 (12), 1930, стр. 339, 343.

⁵¹ «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», ч. I, стр. 238.

⁵² ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 659, л. 8.

⁵³ «Третий бюллетень Сухумской опытной станции за 1915 год». Сухум, 1915, стр. 6—7.

мания всегда придавала большое значение Кавказу вследствие важности его стратегического положения и естественных богатств. Германская завоевательная экспансия на Кавказ явилась неотъемлемой и составной частью пресловутой политики «движения на Восток» („Drang nach Osten“), на основе чего строилась и вся подрывная деятельность Германии против России. Задачам, поставленным этим лозунгом, была целиком подчинена и работа германской разведки. Деятельностью немецких шпионов и диверсантов на Кавказе руководил консул Германии в Тифлисе граф фон дер Шуленбург⁵⁴. А германскому консулу в Эрзеруме Эдгару Андерсу была конкретно поручена подготовка отторжения Абхазии и Аджарии от России и захвата восточного побережья Черного моря⁵⁵.

На заседании Общества изучения Черноморского побережья 5 февраля 1916 года В. П. Вишневский сообщал, что в Германии ему пришлось увидеть карту Черноморского побережья, составленную настолько детально, что «превосходит все наши даже секретные карты генерального штаба». Она была составлена перед самой войной специально командированными специалистами, приехавшими на побережье под видом экскурсантов. В Гаграх в честь приезда немецких «экскурсантов» был даже «устроен целый праздник». «Оказывается, что эти туристы сняли особыми фотографическими аппаратами все наше побережье, для чего на пароходе подходили к берегу во всех нужных местах, как например, у устьев рек, долин, мысов и пр. и с парохода и с берега творили за наш хлеб-соль свое гнусное дело шпионажа»⁵⁶.

В 1913 году германскоподданный Лев Шелленберг в Сухуме приобрел ледоделательный завод, оборудованный группой предпринимателей еще в 1911 году. После объявления войны Шелленберг «вознамерился злоупотреблять созданным положением» и начал чрезмерно повышать цены на лед. Когда же ему была предъявлена минимальная такса, он прекратил выделку льда и решил вывезти свою машину из Сухума. Шелленберг таким образом пытался создать «умышленно затруднительные условия для всего населения, лишая возможности лазаретов, больниц, санаториев, обслуживающих нужды эвакуированных воинов, иметь в самое нужное время необходимый предмет — лед»⁵⁷.

В Сухуме 26 октября 1916 года был арестован Ели Ка-

⁵⁴ Шуленбург перед нападением на Советский Союз фашистской Германии в 1941 году был ее послом в Москве.

⁵⁵ «Германские оккупанты в Грузии в 1918 году». Сборник документов и материалов. Тбилиси, 1942, стр. 11.

⁵⁶ В. Н. Как немцы у нас съемку делали. «Сухумский вестник», 24 июня 1916 г., № 138.

⁵⁷ ЦГАА, ф. 4, д. 2465, л. 4.

пель—владелец типографии «Победа». Он в феврале 1916 года находился в г. Констанце и под именем Бернарда Зильденберга служил там в австрийском консульстве. Капель «разными незаконными способами» добивался освобождения от военной службы лиц, подлежащих призыву, для чего часто ездил в г. Ахал-Сенаки (ныне г. Миха Цхакая)⁵⁸.

Активно развивалась также деятельность турецких агентов и шпионов. Временный генерал-губернатор Кубанской области и Черноморской губернии уже 1 сентября 1914 года сообщал о том, что получены сведения об отправке из Турции на Кавказ агентов с чужими паспортами⁵⁹. В ноябре того же года один из таких агентов высадился в Сухуме. Затем он пытался вести пропаганду в некоторых селах Абхазии. После ареста у него было обнаружено большое количество рукописей и заметок, среди которых имелся газетного формата листок, где восхвалялось турецкое правительство и содержалась клевета на Россию⁶⁰. В декабре месяце в с. Джгерда Кодорского участка по распоряжению начальника Сухумского округа генерала Ф. А. Засыпкина был арестован турецкоподданный Али Хасан-оглы, который «внушал основательное подозрение в агитации среди» людей мусульманского вероисповедания «в пользу ислама и Турции»⁶¹.

В 1916 году положение на Черноморском побережье стало еще более серьезным. В ответ на успешные действия русских войск на Кавказском фронте⁶² «германские [подводные] лодки были активно использованы на Черном море», и, между прочим, в число «подвигов» одной из них («V-33») «надлежит включить обстрел Сухумского маяка...»⁶³. Эта лодка 18 марта, кроме того, обстреляла пассажирский пароход у устья р. Гумиста, выпустила несколько снарядов по Гудаутам. В результате этих обстрелов были убитые и раненые среди пассажиров парохода и местного населения, а также разрушенные здания. 27 июня у Нового Афона подводная лодка потопила военный транспортный пароход. С июля из Сухума мимо Ново-Афонского монастыря часто стали летать военные самолеты⁶⁴.

⁵⁸ ЦГИАГ, ф. 64 с. д. 7, лл. 14, 79, 83.

⁵⁹ Адыгейский областной госархив (г. Майкоп), ф. 21, д. 814—19, л. 147.

⁶⁰ ЦГИАГ, ф. 2, д. 33821, лл. 106, 111.

⁶¹ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 42, л. 3.

⁶² Русские армии, действовавшие на Кавказском фронте против турок, нанесли им ряд поражений и овладели к концу 1916 г. на южном побережье Черного моря крепостью Эрзерум и городом Трапезунд.

⁶³ Гибсон и Прендергаст. Германская подводная война 1914—1918 гг. Воениздат, М., 1938, стр. 141.

⁶⁴ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 198, лл. 228—229 об. Журнал Ново-Афонского монастыря о важнейших событиях со дня основания его.

В первые же месяцы войны нормальная жизнь в Сухуме и во всей Абхазии была нарушена. Еще 24 августа 1914 года отделения Азовско-Донского коммерческого и Государственного банков были эвакуированы из Сухума, а 17 октября выехало и казначейство. Командующий черноморской береговой охраной генерал Соллогуб 25 октября телеграфировал в Сухум, чтобы все правительственные учреждения отправились в Ахал-Сенаки или Туапсе. Утром 26 октября началась эвакуация населения города в Туапсе⁶⁵. Но 1 ноября 1914 года в Сухуме была получена телеграмма помощника наместника Кавказа по гражданской части гофмейстера Н. Л. Петерсона о приостановлении дальнейшей эвакуации имущества правительственных учреждений до особого распоряжения⁶⁶.

Однако вследствие того, что каждый день ожидалась бомбардировка города вражеской эскадрой, население массами выезжало и уже к началу 1915 года большинство жителей покинуло Сухум. В городе было закрыто большинство магазинов. Опустели санатории и курортные гостиницы⁶⁷. Некоторые школы, например, Сухумская горская школа и пансион Сухумской женской гимназии, были эвакуированы в Георгиевск, а в оставшихся контингент учащихся резко сократился: в Сухумской женской гимназии число учащихся с 280 чел. к концу 1914 года дошло до 20 чел.⁶⁸ Эвакуировались также Сухумская опытная станция и многие другие учреждения. Архивы и некоторые ценности спешно были вывезены на Северный Кавказ, где, между прочим, впоследствии пропал архив Сухумского окружного управления. «Понятно, что при таких условиях общественная жизнь в городе едва теплилась»⁶⁹.

Сухум был признан эвакуационным пунктом, куда направлялись больные воины, отравленные удушливыми газами и нуждавшиеся в клиническом лечении. Здесь был оборудован лазарет. В черте города и в его окрестностях, в санаториях, в августе 1916 года содержалось до 500 больных солдат и офицеров⁷⁰. Кроме того, по распоряжению верховного начальника по эвакуационной и санитарной части принца А. П. Ольденбургского Сухуму было отведено центральное место по культуре лекарственных растений и предложена их техническая переработка на особой химико-фармацевтической фабрике⁷¹.

⁶⁵ «Третий бюллетень Сухумской опытной станции за 1915 год», стр. 7; «Сухумский вестник», 1 января 1916 г., № 1.

⁶⁶ «Третий бюллетень Сухумской опытной станции за 1915 год», стр. 9.

⁶⁷ В одном Сухуме перед войной было 4 санатория на 470 мест, 30 пансионатов, 3 больших и несколько маленьких гостиниц («Труды курортной комиссии», № 1. Сухум, 1915, стр. 25).

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 19, 1915 г., д. 1159, л. 2.

⁶⁹ «Сухумский вестник», 1 января 1916 г., № 1.

⁷⁰ ЦГАА, ф. 4, л. 2463, л. 1.

⁷¹ «Сухумский вестник», 8 декабря 1915 г., № 236.

Из местечка Гудауты в связи с войной дачевладельцы и другие богачи также спешно выезжали. Начались «общая паника в коммерческом мире... и массовое требование капиталов по вкладам и текущим счетам». За короткое время банк выдал 43 000 руб.; кроме того, за несколько дней до вступления в войну Турции учтено было векселей на сумму около 10 000 руб. Утечка денег из оборотных средств крайне отрицательно повлияла на весь ход банковских операций Ссудно-сберегательного товарищества и Общества взаимного кредита⁷². Вообще с осени 1914 года начинается «всеобщий застой в экономической и торгово-промышленной жизни населения Гудаут и Гудаутского участка»⁷³.

Связь Абхазии с югом России по морю была нарушена. С 16 октября 1914 года, когда «произошел разбойничий набег «Гебена» и «Бреслау» на незащищенные города Черноморского побережья (обстрел Новороссийска, Феодосии и Севастополя)..., прекратилось пароходное сообщение»⁷⁴. «После появления неприятельских крейсеров и подводных лодок на Черном море, — писал сухумский городской голова Н. Тавдгиридзе, — всякого рода способы сообщения между Сухумом и центрами управления и торгово-промышленной жизни были прекращены...»⁷⁵ Тавдгиридзе сгущал краски. Но что расстройство транспорта тяжело отразилось на экономической жизни Абхазии, — это было несомненно. Абхазия, лишенная железной дороги, была связана с портами и городами Черноморского побережья, главным образом, морским путем. Только этим путем велась и заграничная торговля.

Война пагубно отразилась на всем народном хозяйстве. В особо катастрофическом положении оказалось сельское хозяйство. Поскольку главной товарной отраслью хозяйства абхазской деревни и главным предметом вывоза являлся табак, то громадный ущерб был нанесен, прежде всего, табаководству. Стала сказываться нехватка рабочих рук. Экспорт табака за границу прекратился, в результате чего уже в начале войны табаководство в Абхазии оказалось в полосе глубокого экономического кризиса. «Табаководство по округу, — писал член Сухумского общества сельского хозяйства С. Алферов, — в зависимости от обстоятельств военного времени, понесло громадные потери. Вся уборка табака происходила спешно, при недостаточном количестве рабочих рук, при высоких ценах на последние, с громадными затруднениями ввиду сокращения деятельности кредитных учреждений»⁷⁶.

⁷² «Сухумский вестник», май 1915 г., № № 59, 66 — 69, 75 и 79.

⁷³ Там же, 13 мая 1915 г., № 66.

⁷⁴ «Третий бюллетень Сухумской опытной станции за 1915 год», стр. 6.

⁷⁵ ЦГАА, ф. 4, д. 2504, л. 64.

В 1914 году в Абхазии было 9 478 табачных плантаций, под которыми было занято 13 107 десят., количество собранного табака равнялось 602 270 пуд., а в 1915 году табачных плантаций было 9 298 с площадью в 8 824 десят., собранного табака — 425 400 пудов⁷⁷. Цены же на абхазские табаки оставляли далеко за собой даже минимум 1905 года, и уже в конце 1914 года они упали сравнительно с довоенными примерно в 2 — 3 раза. «Не сотни, не тысячи, — писал С. Алферов, — а сотни тысяч пудов урожая этого года (1914. — Г. Д.) находятся в табачных сараях или казармах... Мы вместо усиленного спроса на табак являемся свидетелями небывалого падения цен на него»⁷⁸.

Тяжелым состоянием хозяйства крестьян-табаководов пользовались крупные капиталисты, концентрировавшие в своих руках всю табачную промышленность. В докладе Совета кооперативного товарищества табаководов Гумистинского уезда от 27 июня 1920 года указывалось, что русский табачный синдикат «Петроградское торгово-экспортное товарищество», став единственным хозяином табачного рынка в период войны, за первые 3 года войны успел «по совершенно низким ценам закупить 75—80% наличного в Абхазии табака. При этом синдикат и др. фирмы, покупая за бесценок табаки, одновременно прекратили выдачу всякой ссуды, вследствие чего плантаторы принуждены были сократить до минимума площадь табачных плантаций»⁷⁹.

Так, для табаководства, ставшего в первом десятилетии XX века ведущей товарной культурой сельского хозяйства Абхазии, «наступил окончательный кризис»⁸⁰.

Площадь под кукурузой хотя и не сократилась (табачные поля пошли, в значительной части, под кукурузу), но урожайность понизилась весьма заметно. Годы войны были годами систематических неурожаяев. Лето 1914 года было крайне дождливым, с ливнями, «нанесшими целые опустошения хозяйству»⁸¹. На заседании Сухумского общества сельского хозяйства 7 декабря 1914 года Н. С. Джанишия полагал, что урожай 1914 года едва ли равней половине того количества, кото-

⁷⁶ С. Алферов. Задачи Сухумского общества сельского хозяйства в переживаемый округом момент. ЧСХ, № 12, декабрь 1914 г. Сухум, 1915, стр. 637.

⁷⁷ ЦГАА, ф. 3, д. 34, л. 32.

⁷⁸ ЧСХ, № 12, декабрь 1914 г. Сухум, 1915, стр. 637.

⁷⁹ ЦГАА, ф. 321, д. 31, л. 12.

⁸⁰ ЧСХ, № 12, декабрь 1914 г. Сухум, 1915, стр. 637.

⁸¹ «Отчет о деятельности Сухумского общества сельского хозяйства за 1914 год». Сухум, 1915, стр. 20.

рое потребно населению Абхазии, чтобы прокормиться год. Он также указывал, что не только южные районы пострадали от неурожая, но и северные⁸².

Южная часть Абхазии действительно очень сильно пострадала. Вот что писал анонимный автор в газете «Сухумский вестник» о положении в Самурзаканском участке: «Ни для кого не подлежит сомнению, что общий экономический кризис, переживаемый страной в связи с обстоятельствами, вызванными ужаснейшей из всех времен истории международной войной, тяжело отразится и на бедном, изолированном от центров мнра самурзаканском населении, но что население это переживает от экономических явлений чисто местного... характера — далеко немногим известно». Частыми дождями были затоплены все низкие места района, и без того болотистые. Посеянное крестьянами зерно сгнило. То, что было вначале спасено, в конце концов также погибло. В довершение, все, почти уже золотящиеся посевы кукурузы, вымокли поздним летом. Урожай получился самый скудный. В результате этого недостаток в хлебе чувствовался еще осеью, а в начале лета следующего года «нельзя было указать даже одно семейство, имеющее свое продовольствие». Вместе с тем с наступлением зимы стал болеть рабочий и молочный скот. Падеж длился всю зиму. Скот «чах и издыхал, спасения не было». Таким образом, «и без того рбедоленное неурожаем население лишилось хозяйственных доходов и со своего главного подсобного занятия — скотоводства». «Но не думайте, — продолжал корреспондент, — что хоть в чем-нибудь повезло пострадавшим самурзаканцам; от других видов местного хозяйства получился тоже скудный заработок: мелкие орехи осенью не вывозились и местные скупщики забрали их за бесценок; шелководство удалось посредственно, но сбыта почти вовсе нет...» «В общем, — говорится в заключение, — состояние самурзаканцев самое критическое. И это положение усугубляется еще боязнью народа даже и в настоящем году, ввиду все еще непрекращающихся дождей. Не все поля засеяны, а на засеянных — не видно всходов»⁸³.

В Самурзаканском участке в 1914 году особенно сильно пострадали от неурожая Гудава, Репо-Шешелети, Набакеви, Саберио, Речхи и другие села. По приблизительному подсчету, по этому участку недород кукурузы определился в 150 000 пудов. Многочисленные бедные крестьянские семьи могли записаться на зиму 1914—1915 годов не более как 4—6—10 пудами кукурузы. В Кодорском участке пострадали поля в селах

⁸² ЧСХ, № 1—2, 1915, стр. 9.

⁸³ «Сухумский вестник», 22 мая 1915 г., № 74.

Тамыш, Моква, Илори⁸⁴. Гудаутский участок пострадал в 1915 в результате засухи⁸⁵.

1915 год также был неурожайным. Сухумское окружное сельскохозяйственное совещание, состоявшееся в октябре 1915 года, констатировало, что в последние два года в Абхазии — небывалый неурожай кукурузы. В связи с этим совещание даже специально обсудило вопрос о введении в Абхазию культуры колосовых, чтобы «отчасти гарантировать население от полного голода, неизбежного при теперешнем однообразии полевых культур, в случае недорода основного местного хлеба — кукурузы»⁸⁶. От чрезмерных дождей летом 1914 года серьезный ущерб был нанесен и пчеловодству⁸⁷.

В результате неурожая 1914—1915 годов население, по крайней мере, ряда сел, «с последними грошами бросилось к горячему хлебу». Таких крестьян было немало. Только в одном селе в мае 1916 года их насчитывалось около 100 дворов. С этих бедных крестьян хлебопродавцы «сдирают кожу». По подсчетам одного современника, в результате этого грабительства трехмесячный убыток указанных 100 крестьянских дворов составлял минимум 1 440 руб., а в течение года — не менее 5—6 тысяч рублей. Крестьяне ежегодно теряли при покупке и других предметов первой необходимости «в 20 раз больше»⁸⁸. Тот же автор заявлял: «Сельские торговцы всегда отличались у нас своим отчаянным хищничеством, но в настоящее время их преступное грабительство дошло до самой невозможной степени»⁸⁹.

Переживало тяжелый кризис и виноделие. Продажа вина была строго запрещена правительством. Н. С. Джанашия на заседании Сухумского общества сельского хозяйства 7 декабря 1914 году констатировал, что Гудаутский участок «терпит громадные убытки, так как не может сбыть своего вина—этого главного продукта своего хозяйства»⁹⁰. На заседании 3 мая 1915 года Джанашия также заявил, что продажа вина в указанном участке дает около 40 руб. на душу, «так что утвер-

⁸⁴ ЧСХ, № 12, декабрь 1914 г. Сухум, 1915, стр. 634.

⁸⁵ «Сотрудник закавказской миссии», № 2. Сухум, 1913, стр. 24.

⁸⁶ ЧСХ, №№ 10—11, октябрь—ноябрь 1915 г. Сухум, 1916, стр. 483.

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 года, на крестьянских землях посевная площадь под кукурузой, среди других полевых культур, составляла 76,4 проц. или 30 736 десят. (ЦГАА, ф. 12, оп. 1, д. 65, л. 220).

⁸⁷ «Отчет о деятельности Сухумского общества сельского хозяйства за 1914 год», стр. 26.

⁸⁸ В. Г. Адлейба. Обирание сельчан. «Сухумский вестник», 29 мая 1916 г., № 116.

⁸⁹ Там же, 1 июня 1916 г., № 117.

⁹⁰ ЧСХ, №№ 1—2, 1915, стр. 10.

ждать, будто запрещение вывоза вина не дает населению убытков, неправильно»⁹¹.

В связи с систематическими реквизициями уменьшилось количество рабочего скота. В Сухум часто приходили такие приказы: «Для нужд Юго-западного фронта [в] кратчайший срок необходимы хорошие вьючные лошади, конх от Сухумского округа требуется 200...»⁹²; «для нужд Приморского отряда произвести в Сухумском округе новую реквизицию 105 вьючных лошадей»⁹³. Одной из причин «опустошения хозяйства» Лыхнинской опытной станции был признан факт «потери лошадей, которые взяты были в мобилизацию 20 июля, и уход двух опытных рабочих, призванных на войну...»⁹⁴ Кроме того, был падеж скота, а также разразилась эпизоотия среди домашней птицы. Все это «слишком сильно расшатало и без того весьма скромный бюджет абхазского сельчанина, который за последнее время начал голодать»⁹⁵.

Война оторвала от производительного труда часть населения. Тех же, кого не брали в армию из-за недоверия, облагали дополнительными военными налогами и сборами.

Все более нщали широкне трудовые массы. Увеличивалось число деревенской бедноты. С другой стороны, усиливалось кулачество, наживавшееся на нужде и горе народа.

Тяжело отзывалась война и на промышленности. Немногочисленные мелкие предприятия, имевшиеся в Абхазии, закрывались. Было приостановлено строительство и такого относительно крупного лесопромышленного предприятия, как завод Балашова на реке Бзыбь⁹⁶, и лесопромышленность Абхазии свелась почти на нет. Если в 1907 году продукция лесопильных заводов равнялась 131.300 руб., а число занятых на них рабочих определялось в 518 чел., то в 1915 году продукция этих предприятий сократилась до 1 700 руб., число же рабочих — до 75 чел. Общая продукция промышленных предприятий в 1915 году по сравнению с 1911 годом сократилась на 25 198 руб., а количество рабочих — на 164 чел.⁹⁷.

Приостановилось всякое строительство на побережье. Единственной крупной стройкой была Черноморская железная дорога (ЧЖД), строительство которой было возобновлено по

⁹¹ ЧСХ, №№ 7—9, 1915, стр. 6.

⁹² ЦГАА, ф. 4, д. 2260, л. 45. Телеграмма Кутаисского губернатора начальнику Сухумского округа от 5 июня 1915 г.

⁹³ Там же, л. 35. Донесение Сухумского окружного воин. повинности присутствия Сухумской горуправе от 7 мая 1916 г.

⁹⁴ «Отчет о деятельности Сухумского общества сельского хозяйства за 1914 год», стр. 20.

⁹⁵ В. Г. Адлейба. Обирание сельчан. «Сухумский вестник», 29 мая 1916 г., № 116.

⁹⁶ Это предприятие стоило хозяину до 1,5 миллиона рублей, одних пихтовых брусев уже было заготовлено около 100 тыс. штук.

⁹⁷ «Кавказский календарь», 1909, 1913, 1917 гг.

стратегическим соображениям в начале 1914 года⁹⁸. Но вскоре, в связи с войной, приток средств прекратился и работы фактически не велись. Почти весь состав строителей, лошади, автомобили, пароходы, моторы и пр. были мобилизованы; заказанные железнодорожные рельсы и металлические части мостов также пошли на военные дороги. Строительство ЧЖД по тем же соображениям было возобновлено в 1916 году, но затем, в связи с гражданской войной, снова прекратилось⁹⁹.

Положение рабочих и всей городской бедноты стало очень тяжелым. В выходящем в Екатеринодаре (ныне Краснодар) журнале «Прикубанские степи» 22 февраля 1917 года (№ 11, стр. 15—16) было помещено сообщение сухумского корреспондента, рабочего, очень ярко характеризовавшее положение рабочих Абхазии в годы войны. Указывая, что всех рабочих здесь было до 5 тыс. человек, он писал: «Кто в нашем краю из рабочих не был, только тот не знает, какому бесправию подчинены рабочие и чересчур уже нахальному своеволию кулаков-предпринимателей и купцов-спекулянтов... Как предприниматели, также и купечество объединились в одно целое, и трудовая жизнь распыленного и разрозненного рабочего класса находится всегда в зависимости от их произвола...» «Товарищи, — писал корреспондент далее, — теперь обращаю ваше внимание на тех, которые живут нашим трудом. Наши порабитители-хозяева живут в свое удовольствие: хорошо едят, много пьют. Мы же, работающие на них, питаемся гинлой рыбой и сырым хлебом, которые в их же лавках и покупаем, платя за него в два раза дороже его стоимости. Таким образом и другие продукты в их лавках продаются».

Как писалось в газете «Сухумский вестник» еще 12 июля 1915 года, большая часть трудящихся Сухума, особенно приказчики, лишены были всякой возможности вести нормальный образ жизни; они не имели отдыха даже в воскресные и праздничные дни. Торговцы произвольно начали открывать свои магазины в 5 часов утра, «а закрывать магазины им совсем не хотелось»; во всяком случае, магазины начали закрываться, как правило, не раньше 11 часов вечера. Еще труднее приходилось тем приказчикам, которые получали квартиру от своих хозяев: по 5—6 человек, а иногда и больше, жили в одной маленькой, душной и грязной комнате. Когда же случалось приказчику заболеть, хозяин немедленно давал ему расчет «и беспомощного выгонял на улицу, говоря, что больше ему не нужен». Аналогично было положение и аптекар-

⁹⁸ Строительство ЧЖД было начато в 1902 году, а после начала русско-японской войны законсервировано. Работы по его возобновлению были начаты частным обществом, созданным в конце 1913 года.

⁹⁹ «Краткая историческая справка по вопросу о сооружении ЧЖД». Сухум, 1928.

ских служащих. Если доходы аптековладельцев к осени 1915 года увеличились в 2 раза, то максимум жалования аптекарского помощника составлял 70—80 руб., а ученика — 40—50 руб.¹⁰⁰

Особо следует сказать о положении учителей. Сухумский епархиальный училищный совет в своей докладной на имя сухумского епископа в 1915 году писал, что материальное положение учителей в церковных школах епархии «слишком затруднительно. Этому способствуют, во-первых, различные обстоятельства военного времени, и, во-вторых, бывший в Сухумском округе двухлетний неурожай, благодаря чему сильно повысились цены на все продукты первой необходимости, а на некоторые предметы цены даже удвоились; ...прожить на 30 рублей месячного жалования стало совершенно невозможным»¹⁰¹. Попечитель Кавказского учебного округа в своем докладе наместнику Кавказа от 10 сентября 1915 года также отмечал, что материальные средства Сухумской женской гимназии «дошли до плачевного состояния, и весь педагогический персонал и служащие должны были отказаться, в силу обстоятельств, от получения жалования полностью и существовать на гроши в течение четырех месяцев»¹⁰².

Дороговизна росла с каждым днем, продовольственных и промышленных товаров оставалось все меньше и меньше. Реальная заработная плата рабочих и служащих резко снизилась. Вот как характеризовало продовольственное положение Кавказского побережья Сухумское общество сельского хозяйства 5 апреля 1915 года: «Установлено, что снабжение мукой побережья настолько незначительно, что временами некоторые пункты остаются по нескольку дней без хлеба; доставка лекарственных препаратов в аптеки настолько незначительна, что наблюдается лекарственный голод». Край сильно нуждается в сахаре, соли и других продуктах. Недостаток привоза и почти полное отсутствие вывоза создали такие цены на предметы потребления, что наблюдается уже «постепенное обнищание населения, и, несомненно, край экономически настолько падает, что возрождение его возможно будет лишь через немалое количество лет»¹⁰³.

В ноябре 1915 года наместник Кавказа созвал совещание для обсуждения положения на Кавказе, на котором особо подчеркивалось, что вопрос о дороге, поддерживающей сообщение между восточным побережьем Черного моря, соединяющей Сухум через Зугдиди с закавказской магистралью, по обстоя-

¹⁰⁰ «Сухумский вестник», 17 сентября 1915 г., № 169.

¹⁰¹ Цит. по книге А. П. Дудко. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851—1917 гг.). Сухуми, 1956, стр. 233.

¹⁰² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 49, 1915 г., д. 1159, л. 2.

¹⁰³ ЦГАА, ф. 30, д. 85, лл. 17—18.

тельствам военного времени признан первостепенной важности¹⁰⁴. По докладу транспортной секции совещание указало на необходимость широкого использования шоссейных дорог, в частности, Сухумско-Зугдидской, Военно-Сухумской и Новороссийско-Сухумской. Однако вследствие того, что этот вид транспорта был неудобным, дорогим и коммерчески невыгодным, план совещания оказался неосуществимым.

Сухум в деле снабжения предметами первой необходимости, констатировал городской голова Н. Тавдгиридзе, находится в гораздо худших условиях, чем другие города Закавказья и всей России¹⁰⁵. «Отсутствие не только удобного, но и вообще устроенного пути сообщения ставит жителей побережья, особенно самую населенную часть — Сухумский район — в безвыходное положение»¹⁰⁶. Уже в первой половине 1915 года в «Третьем бюллетене Сухумской опытной станции» подчеркивалось, что подвоза съестных продуктов и других товаров нет, все с каждым днем дорожает.

В то время, когда все более усиливался процесс обнищания трудящихся масс города и деревни, буржуазия и помещики, кулаки и всякого рода ростовщики и лавочники, пользуясь бедственным положением масс, а также широко используя военную конъюнктуру, наживали громадные барыши. Буржуазия развивала бешеную спекулятивную деятельность. На IV съезде представителей кавказских городов, происходившем в г. Тифлисе в середине 1915 года, подчеркивалось, что «вызываемое военным временем расстройство коммуникационных путей, уменьшение доставки продуктов и дороговизна последних открывают широкое поле деятельности для лиц, ищущих легкой наживы, для фальсификаторов и для недобросовестных торговцев, которые за недостаточностью на рынке продуктов стремятся заполнить его различными фальсификатами, суррогатами и недоброкачественными товарами»¹⁰⁷. Для торговцев, как писала газета «Сухумский вестник», «чем дальше в лес, тем больше дров», но для бедного населения все это «очень и очень дает себя чувствовать»¹⁰⁸.

В 1915 же году П. Осинов писал: «Наша городские думы, где большинство гласных — купцы, умышленно замалчивают дороговизну. Иногда в думе кто-нибудь и закричит об удручающей дороговизне, но такой голос или тонет в молчании гласных, или же какой-либо гласный, как это было, будто бы, в Сухуме, отвечает на это, что государственное самоуправление

¹⁰⁴ ЦГАА, ф. 4, л. 2202, л. 1.

¹⁰⁵ «Сухумский вестник», 3 июля 1916 г., № 144.

¹⁰⁶ ЦГИАГ, ф. 30, л. 236, л. 2. Донесение Н. Тавдгиридзе заместителю Кавказа от 17 октября 1916 г.

¹⁰⁷ ЧСХ, №№ 5—6, 1915, стр. 303.

¹⁰⁸ «Сухумский листок», 8 мая 1915 г., № 63.

не должно бороться за коммерцию и мешать купцам... Наш сухумский рынок сейчас обиаггел...» «Дороговизна стала так велика, что мы уже теперь с тревогой взираем на завтрашний день и сокращаем свои потребности до минимума в ущерб здоровью и благополучию»¹⁰⁹.

Если цены на продукты в Сухуме в июле 1914 года считать за 100 проц., то к июлю 1916 года они повысились следующим образом¹¹⁰:

	в %
На муку белую пшеничную 1 сорта	212,6
„ „ „ 2 „	235,7
„ „ ржаную	223
„ крупу пшеничную	661
„ „ ячменную	266,6
„ „ перловую	266,6
„ хлеб 1 сорта	177,7
„ „ 2 „	200
„ „ 3 „	166,6
„ „ ржаной	166,6
„ яйца	166,6
„ говядину 1 сорта	183
„ баранину 1 сорта	195
„ свинину 1 сорта	200
„ сало говяжье	200
„ сало свиное	233
„ масло сливочное	218,5
„ „ топленое	200
„ „ подсолнечное	200
„ кур	222
„ гусей	191

Цена же на кукурузу уже к концу 1914 года по сравнению с довоенной повысилась вдвое, на местный сыр к 1916 году — до 200 проц., на вино — 260 проц. Так что «многим придется встречать новый [1916] год со стаканами воды в руках», — писала газета «Сухумский вестник»¹¹¹.

Это предсказание не только сбылось — действительность превзошла его. В Абхазию не оказалось даже засушливого хлеба. «Округ продолжает не получать ни одного пуда муки, запас только на два дня; положение крайне обостренное», — телеграфировал начальник округа Н. В. Поливанов в Тифлис 5 февраля 1917 года¹¹².

Положение в местечках было особенно тяжелым. Гудаутское местечковое управление 2 апреля 1916 года констатировало: «Почти все имеющиеся у местных торговцев запасы съе-

¹⁰⁹ «Труды курортной комиссии», № 1. Сухум, 1915, стр. 26—28.

¹¹⁰ С. Е. Сеф. Борьба за Октябрь в Закавказьи. Заблуждения, 1932, стр. 3.

¹¹¹ «Сухумский вестник», 1 января 1916 г., № 1.

¹¹² ЦГАОРГ, ф. 1471, оп. 1, д. 833, л. 19.

стных продуктов и, вообще, предметов домашне-хозяйственного потребления первой необходимости уже истощились за последнее время... Высокие цены на продукты в Сухуме еще повышаются в Гудаутах накладными расходами по доставке их сюда... В связи с этим, из-за недостатка в Гудаутах вообще съестных продуктов, значительно поднимаются цены и на съестные продукты, доставляемые на местный рынок поселянами...»¹¹³

Трудящиеся массы подвергались все большему лишению. «Приходится констатировать тот печальный факт, — говорится в цитированном выше документе, — что населению Гудаут неизбежно грозит кризис, если не общей голодовки, то во всяком случае недоедания, которое и теперь уже проявляется до некоторой степени у бедного класса населения»¹¹⁴.

«Сухумский вестник» также писал, что в м. Гудауты жизнь вздрожала: «Весьма ощутительно бьют по карманам и по нервам бедного населения высокие цены на предметы первой необходимости, а часто и полное отсутствие продуктов на местном рынке». Например, бывает, что хлеба «совсем не достанешь ни за какие деньги». «Не мудрено поэтому, что потребители-обыватели волновались, негодовали, «кляли зубы на полку», оставаясь на «пище св. Антония», и подчас заявляли претензии местечковой администрации»¹¹⁵.

Та же газета писала, что гудаутские городские власти не желают бороться за благополучие населения, что вопли последнего не долетают до управского переулочка, не проникают сквозь толщу равнодушия «отцов-города». Вакханалия цен вздувается торговцами, стремящимися использовать благоприятный для них момент. «А аппетиты перепродавцов давно перешли всякие границы приличия»¹¹⁶.

Война и резкое ухудшение продовольственного положения в стране вызвали острое недовольство широких слоев населения. Усилилась критика продовольственной политики царского правительства и некоторыми кругами либеральной буржуазии¹¹⁷. В Абхазии в этом отношении были характерны отдельные выступления на страницах газеты «Сухумский вестник» и журнала «Черноморское сельское хозяйство».

* * *

Царское правительство начало войну под торжественный гул приветствий буржуазии и помещиков всей империи. Верноподданническая шумиха «содействия великой и культурной

¹¹³ ЦГАА, ф. 4, д. 85, лл. 45—46.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ «Сухумский вестник», 7 мая 1915 г., № 62.

¹¹⁶ Там же, 12 апреля 1915 г., № 43.

¹¹⁷ Н. В. Симонов. Сельское хозяйство России в годы первой мировой войны. «Вопросы истории», № 3, 1955, стр. 69.

войне», «войне до победного конца» находила активную поддержку как в Абхазии, так и во всей Грузии у помещиков и буржуазии. По примеру грузинского дворянства, князя и дворяне Абхазии немедленно откликнулись на войну желанием «повергнуть к стопам горячелюбимого и обожаемого царя верноподданические чувства и ... организовать... конную часть»¹¹⁸. Вскоре была сформирована такая часть под названием «Абхазской сотни», которая затем вошла в качестве «Четвертой сотни Черкесского полка» в «Кавказскую туземную конную дивизию» («Дикую дивизию») и действовала сперва на русско-австрийской границе Юго-западного операционного участка, а с середины 1916 года и до начала 1917 года — на Румынском фронте и в других местах Восточного (Русского) фронта¹¹⁹.

Духовенство также активно выступало в защиту войны и самодержавия. Богатый Ново-Афонский монастырь жертвовал на нужды войны деньгами и различными предметами на сумму около 20 000 рублей. Одной соленой рыбы (кутума) было отправлено на Кавказский фронт 226 бочек (чистого веса — до 200 пуд.). Монастырская литейная мастерская с августа 1915 года была переключена на изготовление снарядов для армии и уже к январю следующего года была сдана первая партия в 2 600 штук. Кроме того, в новороссийском и керченском подворьях и в самом монастыре были предоставлены помещения для раненых. Монастырская быстроходная лодка была передана военному ведомству. Характерно и то, что число «ополченцев» и ушедших на войну из монастыря к 1916 году составляло 24 чел.¹²⁰ Духовные отцы, молясь в церквях «о мире всего мира», оправдывали и освящали кровавую войну.

Постановлением Сухумской городской думы от 15 сентября 1915 года был учрежден Сухумский военно-промышленный комитет, один из комитетов, созданных российской имперналистической буржуазией по всей стране с целью мобилизации промышленности на нужды войны и подчинения своему влиянию рабочего класса. При Сухумском комитете были образованы секции по сбору металла, заготовке продуктов, лекарственных растений и бамбука и изготовлению металлических изделий. Комитет усиленно изыскивал способы «ускорения эксплуатации» ткварчельского угля. Доклад о качестве этого угля, сделанный химиком В. М. Козловым, был заслушан на одном из заседаний комитета¹²¹. Однако Сухумский ко-

¹¹⁸ «Сухумский листок», 6 августа 1914 г., № 388.

¹¹⁹ Арх. Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9, л. 13; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 11, папка № 3, л. 18; «Сухумский вестник», 20 ноября 1916 г., № 258.

¹²⁰ ЦГАА, ф. 11, д. 60, л. 12.

¹²¹ ЦГИАГ, ф. 30, д. 237, лл. 10—11.

митет с самого начала своей деятельности сознавал, что «должен прийти к убеждению в чрезвычайных трудностях, с которыми ему придется бороться для успешного развития работы на оборону»¹²².

Вместе с тем здесь, как и повсюду, была начата подготовка к созданию при Военно-промышленном комитете «рабочей группы»¹²³, что вытекало из стремления буржуазии подчинить своему влиянию рабочих. О существовании «рабочей группы» при Сухумском военно-промышленном комитете свидетельствует постановление этой группы от 5 марта 1917 года о выборе Н. Цинцадзе (председателя «рабочей группы») в Сухумский исполком¹²⁴.

Сухумское общество сельского хозяйства 5 октября 1915 года постановило обратиться к общественным организациям и органам сельскохозяйственной и общей печати с воззванием о необходимости объединения всех сельскохозяйственных организаций, кооперативов и прочих учреждений во Всероссийский союз, «который мог бы дать отечественной промышленности громадные заказы...»¹²⁵

Сухумское общество сельского хозяйства занималось и многими другими вопросами, направленными на оказание содействия продолжению войны. Экономическая комиссия названного общества обсуждала и продвигала вопрос, например, о сбыте свинных туш для нужд армии из Очемчир, где «также наблюдается кризис по случаю пароходных рейсов»¹²⁶. Либеральные буржуа из того же Сухумского общества сельского хозяйства, много говорившие перед войной о «бессловном земстве», теперь ходатайствовали о распространении положения о земских учреждениях 1890 года на Закавказский край¹²⁷, т. е. вполне мирились с цензовым земством, избранным по реакционному царскому положению.

Буржуазные круги мечтали о создании Сухумской губернии. Правление Сухумского общества сельского хозяйства и Сухумская городская управа еще в начале 1914 года обращались к наместнику Кавказа с ходатайством о преобразовании Сухумского отдельного округа в Сухумскую губернию. Они уверяли в «невозможности дальнейшего присоединения» г. Сухума и Сухумской городской управы к Кутаисской губернии¹²⁸. В противовес этому депутация в составе М. Шер-

¹²² «Сухумский вестник», 9 октября 1916 г., № 222.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Арх. Абгосмузея, ф. 1, л. 54, л. 32.

¹²⁵ ЧСХ, № 12, декабрь 1914 г. Сухум, 1915, стр. 624.

¹²⁶ «Отчет о деятельности Сухумского общества сельского хозяйства за 1914 год», стр. 31.

¹²⁷ В. В. Маркович. Опять о земстве. ЧСХ, №№ 10—11, октябрь-ноябрь 1915 г. Сухум, 1916, стр. 476—481.

¹²⁸ ЧСХ, №№ 7—9, 1914, стр. 477—484; «Сухумский вестник» 6 декабря 1915, № 235.

вашидзе, А. Чукбар, Б. Езугбая, М. Эмухвари, П. Анчабадзе и других в апреле 1916 года обратилась к наместнику Кавказа с письмом, в котором говорилось, что если уж невозможно будет Сухумский округ преобразовать в отдельную губернию и он должен быть присоединен к какой-нибудь губернии, то в таком случае его нужно включить в состав Кутаисской губернии. Они также ставили вопрос об обучении в школах на родном языке, об открытии большего числа школ практического характера, о проведении новых дорог и ремонте старых и т. д.¹²⁹

Меньшевики, эсеры и другие мелкобуржуазные партии, оказавшиеся на стороне империалистической буржуазии, своими действиями способствовали разжиганию в Абхазии, как и повсюду, буржуазно-патриотического угара.

Летом 1916 года русские армии прорвали Юго-западный фронт, что создало предпосылки для полного поражения германо-австрийской коалиции. В этом прорыве приняла участие и Абхазская сотня. «Сухумский вестник» время от времени печатал материалы о действиях этой части на фронте. Так, из статьи «Наши абхазцы — герои на войне»¹³⁰ мы узнаем, что еще 2 мая 1915 года Абхазская сотня силой в 45 человек отбила атаку австрийцев численностью до 300 человек, заняв фронт на протяжении около двух верст, а 20 мая отряд под командованием корнета К. Ш. Лакербай более чем на 14 часов задержал наступление 4 австрийских рот (600 человек) с пулеметами и артиллерией. Та же газета в ноябре 1916 года сообщила, что под Станиславовом Абхазская сотня трижды отбила атаки противника и заставила его отступить, что вызвало падение г. Станиславова, куда первыми вошли абхазские кавалеристы¹³¹. Кроме того, на фронте действовал и Сухумский полк под командованием полковника Г. К. Шервашидзе¹³².

Однако, несмотря на успехи русской армии на Юго-западном и Кавказском фронтах, военное поражение царской России в мировой войне ясно определилось. Царская армия, полуголодная и раздетая, плохо вооруженная и руководимая бездарными военачальниками, в обстановке технической и экономической отсталости, катастрофического развала в тылу, терпела поражение за поражением.

Все это вскоре омрачило восторженное настроение господствующих классов. Нарушается «единение» царя и империалистической верхушки. Буржуазия и все так или иначе заин-

¹²⁹ Журн. „თავისუფალი საქართველო“, № 23, 1916, стр. 4.

¹³⁰ «Сухумский вестник», июль 1915 г., №№ 121—122.

¹³¹ И. в. Лакербай. Подвиг Абхазской сотни. Там же. 20 ноября 1916 г. № 258.

¹³² Арх. Абхазского института им. Д. Г. Гулиа, ф. 1, д. 95, лл. 1—2; «Отчет о деятельности Сухумского общества сельского хозяйства за 1914 год», стр. 2.

тересованные в войне круги приходят в лихорадочное движение. «Патриотический» подьем сменяется «патриотической» тревогой буржуазии за исход войны. «С какими яркими надеждами встретили мы прошлый [1915] год,—писал орган сухумской буржуазии «Сухумский вестник». — Тогда он был молод, красив и обещал так много. Минуло двенадцать месяцев, земля совершила свой урочный путь вокруг солнца, и вот «считать мы стали раны, товарищей считать». Много новых ран насчитали мы и многих старых товарищей не досчитались... И вдруг... мы начали отступать. Мы отступали медленно и грозно. Снарядов не было..., с голыми руками против обильно снабженной и страшной своей численностью артиллерии противника бороться было невозможно. И для героев есть невозможное...»¹³³

Попытка царского правительства заключить сепаратный мир с Германией еще больше озлобила империалистическую буржуазию. Она все больше убеждалась, что царское правительство неспособно вести успешно войну. Сухумская буржуазия на страницах газеты «Сухумский вестник» 1 января 1916 года писала, что «несмотря на все тяжкие испытания и разочарования, пережитые Россией в истекшем году, ...война до конца. Мир — прекрасная мечта. Но сейчас она не ко времени, для нас по крайней мере».

* * *

В годы войны большевики вели большую и сложную работу. Они сразу оценили войну как империалистическую, грабительскую с обеих сторон. Партия, руководимая В. И. Лениным, немедленно выдвинула лозунг «превращения войны империалистической в войну гражданскую». В противовес меньшевистско-эсеровской политике защиты своего буржуазного правительства в империалистической войне большевики стояли за его поражение, они были верны знамени пролетарского интернационализма.

Громадное теоретическое и практическое значение для деятельности большевников в годы войны имели новые труды В. И. Ленина об империализме. В. И. Ленин дал законченную теорию социалистической революции, теорию о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой, стране. На основе теоретической установки партии по вопросам войны, мира и революции большевики проводили свою практическую работу в России.

Активную пропаганду вели стоявшие на ленинских позициях большевистские организации Грузии и Закавказья во главе с С. Шаумяном, А. Джапаридзе, Ф. Махарадзе и другими.

¹³³ «Сухумский вестник», 1 января 1916 г., № 1.

К сожалению, мы лишены возможности сколько-нибудь подробно охарактеризовать работу большевиков Абхазии в период войны. Однако и сохранившиеся скудные данные убедительно свидетельствуют, что деятельность эта была достаточно активной и содержательной, несмотря на то, что условия работы большевиков стали во время войны более тяжелыми. Уже 22 июля 1914 года за подписью временного генерал-губернатора Сухумского округа и г. Сухума генерала Засыпкина были изданы «Обязательные постановления»¹³⁴, в которых запрещалось следующее: распространение словесно или печатно сведений о распоряжениях и действиях правительства и отдельных его органов, а равно о каком-либо событии или общественном бедствии, «вызывающих в населении неуважение или враждебное отношение к правительственной власти и ее представителям, или возбуждающих в нем волнение, тревогу...»; возбуждение к беспорядкам, волнениям, демонстрациям; распространение произведений печати, «подвергнутых аресту...»; устройство всякого рода сходбищ и собраний «без соблюдения установленных законом правил», а также запрещались всякого рода уличные сборища, демонстрации и манифестации; самовольный созыв «не уполномоченными на сие законом лицами сельских сходов»; пение песен «противоправительственного характера».

Имелся специальный раздел «О подстрекательстве к забастовкам». «Воспрещается, — говорилось в нем, — подстрекательство и принуждение к стачкам и забастовкам рабочих и служащих на фабриках, заводах и всякого рода промышленных и торговых предприятиях, а равно и в среде сельских рабочих». Домовладельцы, держатели гостиниц, духанов, кофеен и т. д. предупреждались об «особенно строгом наблюдении», чтобы в домах и в других помещениях не устраивались тайные типографии, не хранились взрывчатые вещества; запрещались склады «противоправительственных изданий и чтобы никакие земляные работы не производились без ведома полиции». Жителям местечек и селений предлагалось немедленно сообщать о появлении в пределах их местожительства лиц, укрывающихся от преследования властей, а также «возбуждающих население к волнениям» и т. п.

В конце 1915 года, во время очередной мобилизации, в Сухуме прошли аресты большевиков, обвинявшихся в агитации против войны. Многие были высланы из Абхазии или мобилизованы в армию (С. Кухалейшвили, И. Жвания и др.)¹³⁵.

Несмотря на жестокий террор, большевики Абхазии, как и другие большевистские организации Грузии и Закавказья, вели пропагандистскую, агитационную и организаторскую ра-

¹³⁴ «Сухумский листок», 3 августа 1914 г., № 387.

¹³⁵ И. Жвания. Из воспоминаний о работе в Абхазии. Сб. «К истории революционного движения в Абхазии», стр. 32.

боту в массах. Исходя из указаний В. И. Ленина, ЦК партии, они занимали в отношении войны, мира и революции последовательную пролетарскую, интернационалистическую позицию.

Руководящую роль в Закавказье играла бакнинская большевистская организация во главе с испытанным ленинцем С. Шаумяном. С 1915 года большевистским организациям края удалось восстановить связи с В. И. Лениным и ЦК партии, с Петроградским большевистским комитетом. В октябре 1915 года в Баку под руководством С. Шаумяна и Ф. Махарадзе состоялось совещание кавказских организаций большевиков, сыгравшее важную роль в дальнейшей деятельности большевистских организаций всего Кавказа. На этом совещании был избран руководящий партийный центр — Кавказское бюро РСДРП(б), в состав которого вошли С. Шаумян, Ф. Махарадзе, И. Фиолетов и другие. После совещания работа большевистских организаций края приняла еще более широкий размах, были приняты меры для усиления партийной работы среди трудящихся¹³⁶.

Большевики использовали все легальные возможности для ведения работы в профсоюзах, кооперативах, культурно-просветительных учреждениях и т. д. В 1915—1916 годах руководителем, например, профсоюза железнодорожников являлся большевик К. Н. Макаров, который создавал кружки в Сухуме и на линии стройки ЧЖД до Сочи¹³⁷. В 1915 году в Сухуме была сделана попытка организовать кооператив без революционных элементов. Однако на третьем собрании, созванном по этому вопросу, большевики добились провала этого плана и установили свое влияние в кооперативе «Эстония» (впоследствии — «Заря»)¹³⁸. Это имело важное значение, так как большевики получали возможность вести работу среди широких масс. Сухумский городской голова Н. Тавдгиридзе подчеркивал, что в июльские дни 1916 года в распространении в Сухуме «тенденций и инсинуаций» большую роль играли деятели кооператива¹³⁹. Большевики продолжали вести работу и в Сухумском народном университете, выступая с революционной агитацией перед слушателями.

Большую деятельность развернули большевики среди солдат. Так, мобилизованные в армию С. Кухалейшвили и

¹³⁶ «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», ч. I, стр. 264, 267.

¹³⁷ Архив Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 43.

¹³⁸ Из «Трудов курортной комиссии» за 1916 г. мы узнаем, что в это время в Сухуме существовало три кооператива: «Ссудно-сберегательное товарищество», «Эстонское экономическое товарищество» и «Общество взаимного страхования от огня».

¹³⁹ ЦГАА, ф. 4, д. 2343, лл. 16—17. Донесение Н. Тавдгиридзе кутаисскому губернатору от 16 июля 1916 г.

А. Урушадзе во второй половине 1916 года в Сухуме создали нелегальную ячейку из 15—20 солдат, связавшись со всеми воинскими частями, дислоцированными здесь. Меньшевики же (В. Есванджия, Д. Захаров и др.) отрицательно отнеслись к этому делу¹⁴⁰.

Особо важное значение придавалось работе среди рабочих строительства Черноморской железной дороги. Как свидетельствует А. Мгеладзе, абхазский участок этого строительства был разбит на 3 района, к которым были прикреплены К. Макаров, А. Мгеладзе и И. Сургуладзе. В результате здесь в 1914—1915 годах имелось 7 ячеек — свыше 100 чел., причем более половины из них работали на строительстве Сухумского туннеля, которым руководили А. Мгеладзе и А. Долидзе. Сюда был направлен и К. Уджмаджуридзе. Кроме того, было создано две профессиональных организации¹⁴¹.

В конце 1916 года в Самурзаканском (Гальском) участке рабочих строительства Демьянов установил связь с местными работниками — Я. Хабурзания, А. Габлая, К. Колбая и другими, которых познакомил с деятельностью подпольной большевистской организации на строительстве ЧЖД и с программой Коммунистической партии. Был организован подпольный партийный комитет под председательством Я. Хабурзания¹⁴².

В конце того же года в Гудаутском участке Н. А. Лакоба удаётся укрепить большевистскую организацию. Лакоба к этому времени уже прошел определенную революционную школу: вел пропагандистскую работу среди рабочих и крестьян Батумской области, за что ему царскими властями в начале 1913 года было предложено покинуть территорию области; в 1913—1914 годах был в Грозном, где вел политическую работу среди рабочих грозненских нефтяных промыслов и чеченских трудовых масс. В 1916 году Н. А. Лакоба учился на юридическом факультете Харьковского университета, с этого же года и в начале 1917 года работал в Гудаутах на строительстве Черноморской железной дороги¹⁴³.

С начала 1916 года здесь в качестве техника работал Ф. И. Христовский, участник революции 1905—1907 годов,

140 С. Кухалейшвили. Обзор революционной борьбы в Абхазии. Сб. «К истории революционного движения в Абхазии», стр. 26; აბხაზე რევოლუციური მოძრაობის ისტორია საქართველოს სსრ-ში 1917—1918 წლებში და ქართველ უკლასობურ-ბრძოლველ ოპოზიციონერ ბელადებს შეეძრათა სათავეები. Тифлис, 1927, стр. 9—10.

141 «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», ч. I, стр. 223; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 275, 277.

142 ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 99, л. 3.

143 Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 41—47; «Голос Трудовой Абхазии», 5 мая 1923 г., № 101; ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1054, лл. 2—4;

ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 246, лл. 39—43.

проведший три года в царских тюрьмах. Христовский организовал среди рабочих кружок. Один из участников этого кружка Д. П. Агрба, член КПСС с 1919 года, с благодарностью вспоминает, что, «работая под руководством опытного революционера» Христовского, он и его товарищи стали разбираться в целях борьбы большевистской партии¹⁴⁴. Гудаутская большевистская организация имела связи с другими большевистскими организациями, вела активную работу среди трудящихся, особенно — крестьянства.

Следует отметить тот факт, что большевики Абхазии, руководствуясь указаниями ЦК партии, боролись против участия рабочих в Сухумском военно-промышленном комитете, так как такие комитеты помогали «вести империалистическую, реакционную войну»¹⁴⁵.

Иначе вели себя меньшевики. 18 сентября 1916 года в Сухуме, в загородном саду, состоялось их собрание. Присутствовавший на этом собрании один из лидеров грузинских меньшевиков А. Чхекели, как доносил полковник Трескин в департамент полиции 12 октября 1916 года, «советовал выжидательное и спокойное поведение...»¹⁴⁶

Царское правительство подвергало большевистские организации все новым и новым репрессиям. В августе 1916 года было арестовано руководящее ядро — Закавказское бюро РСДРП(б). Еще в марте 1916 года был арестован и выслан из пределов Закавказья С. Г. Шаумян за найденное у него письмо В. И. Ленину. В сентябре «по делу о революционной организации» в Сухуме прошли аресты большевиков и других революционных деятелей (В. П. Гобечия)¹⁴⁷.

* * *

Репрессии не могли остановить нового подъема революционного движения, возглавляемого большевиками. Накануне войны рабочие стачки начали перерастать в вооруженное восстание. Однако подъем революционного движения был прерван войной, в которой царское правительство искало спасения от революции. Но с весны 1915 года снова широкие размеры приняло стачечное движение, а к концу года наметилась революционная ситуация. Война и хозяйственная разруха вызывали острое недовольство трудящихся масс, на плечи которых падала вся тяжесть войны. Война стала могучим ускорителем процесса революционизирования этих масс. В

¹⁴⁴ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 14—15, 23 а—23 б.

¹⁴⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 366.

¹⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 102, ДП, оп. 17, д. 5, ч. 39, л. 6.

¹⁴⁷ ЦГИАГ, ф. 27, д. 486, лл. 113, 119.

1915 году в стране было 900 стачек, в которых участвовало свыше полумиллиона рабочих, а в 1916 году — 1410 стачек с участием свыше миллиона человек.

В 1915—1916 годах в Грузии и во всем Закавказье произошёл целый ряд забастовок. В 1916 году в Сухумском порту рабочие бастовали дважды. Война застала сухумских грузчиков еще не организованными в профсоюзы. В городе существовали артели рейдовых и береговых грузчиков, набиравшихся подрядчиками. Условия труда в этих артелях были очень тяжелые. В мае 1916 года, в момент выступлений рабочих в г. Тифлисе, сухумские портовые рабочие забастовали и предъявили подрядчикам и «Русскому обществу парокходства и торговли» (РОПиТ) требование о повышении платы за выгрузку и погрузку пароходов. Несмотря на все репрессии со стороны полицейских властей, рабочие выиграли забастовку: их требования о 10-процентной надбавке к зарплате и другие были удовлетворены¹⁴⁸.

В результате поражения царских войск, резкого ухудшения материальных условий жизни народа, исключительной дороговизны и произвола спекулянтов летом 1916 года по всей стране разразились так называемые «женские бунты» или «продовольственные беспорядки». В Закавказье это движение раньше всего началось в Баку, а затем охватило Тифлис и ряд других городов и сел.

В Сухуме движение, по мнению городского головы Н. Тавдгиридзе, приняло даже «специфический характер». «Хотя, — писал он кутаисскому губернатору 16 июля 1916 года, — как обнаружилось впоследствии по тифлисским беспорядкам, это явление общего характера и повторялось почти одновременно во многих районах, но события, имевшие место в гор. Сухуме, носили какой-то специфический характер». В том же донесении Тавдгиридзе сообщал, что уже в конце июля 1916 года чувствовалась атмосфера «неприязни и недоброжелательного отношения, созданного стараниями известной группы»¹⁴⁹.

1 июля 1916 года, с 6 часов утра, на улицах Сухума, главным образом у базара и около магазинов, начали собираться женщины, «возмущаясь дороговизной жизни и выражая намерение разгромить магазины». Это были доведенные до отчаяния голодом и нищетой жены рабочих и солдат, находившихся на войне. Но в этот день им не удалось приступить к разгрому купеческих магазинов и прибывшим на место события начальником Сухумского округа генералом Ф. Засыпкиным «порядок был восстановлен», причем несколько женщин было взято в полицейское управление.

Однако 2 июля, также с 6 часов утра, на базаре появи-

¹⁴⁸ ЦГАА, ф. 102, д. 325, лл. 13—14.

¹⁴⁹ Там же, д. 2343, лл. 16—17.

лась группа женщин в 10—15 человек, которая скоро увеличилась до 30—40 человек. Женщины требовали продажи продуктов по тем ценам, которые будут установлены ими. Прошло еще некоторое время и, раздраженная упорством торговцев, толпа начала ломать магазины и разбрасывать товары. В этот день было разгромлено около 20 магазинов. Причем многие женщины держали палки и топоры¹⁵⁰.

Ввиду недостаточности наличного состава охраны магазинов начальник округа решил пополнить и расставить ее около торговых рядов, учреждений и домов, которые могли быть подвергнуты нападению. Было решено немедленно усилить состав стражи, образовав три отряда под командой трех приставов¹⁵¹. Скоро на место события прибыло около 20 конных стражников под командой ротмистра Микиртумова, но они не смогли ничего сделать.

Генерал Засыпкин, видя, что увещания его не помогают, приказал стражникам стрелять вверх. Но это только еще больше обозлило женщин, начавших бить самого генерала, который, будучи ушиблен, вынужден был бежать, оставив вместо себя подполковника Г. Навроцкого¹⁵².

К женщинам присоединились мужчины. На помощь пришли также крестьяне ближайших сел¹⁵³. Нашелся и руководитель. Это был рабочий Черноморской железной дороги, родом из Харьковской губернии, Карп Дмитриевич Педан¹⁵⁴, имевший «аттестацию за подготовку толпы, целые недели собирал сходки, подготовлял толпу, а городская полиция ничего не знала»¹⁵⁵.

В тот же день, 2 июля, наместник Кавказа получил следующую телеграмму: «В городе Сухуме погром магазинов толпою женщин, полиция бессильна, войско держится пассивно, положение тяжелое»¹⁵⁶. 3 июля снова началось хождение женщин по улицам города, а к полудню толпа во главе с К. Педаном пришла в помещение городской управы, чтобы выработать твердые цены на продукты питания. Генерал Засыпкин, «заболев нервным расстройством», передал власть своему помощнику Навроцкому, но тот тоже не решился принять репрессивные меры¹⁵⁷.

Движение перекинулось в районы Абхазии. 3 же июля в

¹⁵⁰ ЦГИА СССР, ДП, IV, 35, ч. 3, 1916 г., лл. 3—4. Донесение начальника Кутаисского губернского жандармского управления полк. Трескина в департамент полиции от 11 июля 1916 г.

¹⁵¹ ЦГАА, ф. 4, д. 2343, л. 9.

¹⁵² ЦГИА СССР, ДП, IV, 35, ч. 3, 1916 г., лл. 3—4.

¹⁵³ ЦГАА, ф. 4, д. 2343, лл. 16—17.

¹⁵⁴ ЦГИА СССР, ДП, IV, 35, ч. 3, 1916 г., лл. 3—4.

¹⁵⁵ ЦГАА, ф. 4, д. 2343, лл. 16—17. Донесение сухумского городского головы Н. Тавдгиридзе кутаисскому губернатору от 16 июля 1916 г.

¹⁵⁶ Цит. по указ. книге С. Е. Сефа, стр. 17.

¹⁵⁷ ЦГИА СССР, ДП, IV, 35, ч. 3, 1916 г., лл. 3—4.

с. Дранда собралась толпа женщин и решила идти на базар с требованием установить пониженные твердые цены на продукты первой необходимости, в противном случае — «начать погром по примеру сухумского». Навстречу толпе вышел урядник Нещенко, а затем и торговцы. Тем не менее женщины, вооруженные камнями и палками, направились на базар, где они разгромили 15 магазинов и лавок. Однако «бунт» был подавлен, а его зачинщики, в количестве 13 человек, арестованы¹⁵⁸.

Движение началось и в Гудаутах. 5 июля женщины с утра начали ходить по улицам и требовать снижения цен на продукты. Интересно то, что участники движения разбрасывали листовки. В одном призыве даже говорилось: «Требовать прекращения войны». Но к 3 часам дня толпа женщин была разогнана¹⁵⁹.

Власти были настолько напуганы событиями, что Сухумская городская управа на экстренном заседании, состоявшемся 2 июля, постановила сдать «на текущий счет наличности кассы, по случаю беспорядков в городе, в государственный банк, всего 3 700 руб.»¹⁶⁰. Управа обратилась к населению Сухума с воззванием, в котором обещала вместе с представителями общественных организаций «немедленно взять дело продовольствия в свои руки и понизить цены на все товары до крайней возможности и сегодня же приступить к работе в этом направлении»¹⁶¹.

Но это делалось лишь для того, чтобы выиграть время. Сухумский городской голова Н. Тавдгиридзе писал 4 июля помощнику заместителя Кавказа князю Орлову: «Третий день грабеж магазинов. Полная анархия. Просим командировать опытного распорядителя охраны города [для] восстановления порядка»¹⁶².

Буржуазия г. Сухума, не на шутку напуганная движением масс, была крайне возмущена неспособностью полицейских властей и воинских частей быстро и жестоко подавить это движение. По поручению сухумских купцов М. Шенгелая 3 июля телеграфировал в штаб Кавказской армии: «Возбужденная, озлобленная толпа окрестных плантаций громит магазины, наводит панику, молим защиты, охраны имущества, неприкосновенности личности, назначения следствия, определения размеров убытков, каковые колоссальны»¹⁶³.

По уполномочию сухумских же купцов, М. Шенгелая и С. Кагоров писали 4 июля в Сухумскую городскую думу: «Глу-

¹⁵⁸ ЦГИА СССР, ДП, IV, 35, ч. 3, 1916 г., лл. 5—6. Донесение полк. Трескина в департамент полиции от 19 мая 1916 г.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ ЦГАА, ф. 4, д. 2343, л. 5.

¹⁶¹ Там же, л. 1.

¹⁶² Там же, л. 11.

¹⁶³ Цит. по указ. книге С. Е. Сефа, стр. 19—20.

бокопечальное событие, имевшее место с 1 по 3 июля, привело нас к еще более глубокопечальному убеждению в том, что существующая на месте власть не в состоянии справиться с лежащей на ней задачей и обязанностью в деле поддержания порядка и спокойствия от посягательств на них со стороны разных злонамеренных лиц... Нет никакой гарантии в том, что местная власть очутится на высоте своего положения в случае повторения подобных событий. Поэтому просим думу поставить настоящее положение на обсуждение думы и командировать депутацию из гласных и торговцев для личного доклада его императорскому высочеству и местнику Кавказа для принятия соответствующих мер»¹⁶⁴.

Н. Тавдгиридзе, придя в себя от растерянности и сваливая все на других, писал 16 июля кутаисскому губернатору: «Неопытный исп. об. полицеймейстера Шанский потерял голову и не мог проявить никакой власти. Установлены следственной властью факты, что на ввиду у городских в присутствии вашего исп. об. полицеймейстера 6—7 баб камнями и топорами ломали двери магазинов»¹⁶⁵.

Никто не решался занять место полицеймейстера г. Сухума, в том числе и начальник Гудаутского участка Д. Келбакиани, который категорически отказался от предложенной ему должности. Полную растерянность сухумских властей характеризует также отношение помощника местника Кавказа Орлова в управление Сухумского округа Навроцкому от 4 июля 1916 года. «По поступившим ко мне сведениям, — писал он, — с момента вступления вашего, по поручению заболевшего генерала Засыпкина, в управление Сухумом вами не принято никаких решительных мер к прекращению беспорядков. Считаю подобное отношение ваше к возложенным на вас обязанностям преступным бездействием власти, — предлагаю вам немедленно принять все меры, в зависимости от местных условий настоящего момента, к прекращению беспорядков. Прежде всего, вам надлежит немедленно арестовать какого-то неизвестного субъекта, по слухам, якобы бывшего члена Государственной думы, который руководит толпой женщин, производящих беспорядки. Распорядитесь привлечь конную полицейскую стражу, а также примите все меры, кои признаны будут целесообразными для ликвидации беспорядков. Ожидаю донесения от вас о принятых вами мерах и о положении дел в округе и городе Сухуме»¹⁶⁶.

Характерно и то, что в те дни появилось обращение к населению города от лица какой-то «группы сознательных граждан», в котором осуждалось движение и призывалось к его немедленному прекращению. Однако даже это «обращение» при-

¹⁶⁴ ЦГАА, ф. 4, д. 2340, л. 12.

¹⁶⁵ Там же, д. 2343, лл. 16—17.

¹⁶⁶ Цит. по указ. книге С. Е. Сефа, стр. 18.

звало требовать мира, который «положит конец кровопролитию и всевозможным спекуляциям; требовать возвращения братьев, мужей и отцов с поля брани»¹⁶⁷. 14 и 15 июля движения началось в Хони, Самтреди и Кулаши¹⁶⁸.

В конце июля 1916 года в Сухуме снова имели место протесты и волнения трудящихся. Так, например, 31 июля мелкие служащие торгово-промышленных предприятий, «принимая во внимание дотоле неслыханную дороговизну», вынесли резолюцию об улучшении своего материального положения. Они постановили добиваться увеличения жалования. Собрание выбрало 5 человек для ведения переговоров с хозяевами предприятий¹⁶⁹.

Грузинские меньшевики вместе с либеральной буржуазией выступали против движения городских масс. Центральный орган грузинских меньшевиков газета «Танамедрове азри» («Современная мысль») 17 июля 1916 года писала: «Мы жестоко порицали такие выступления; так как такая мера борьбы против дороговизны, как разгромы, ни к каким полезным результатам не приведет... Мы призываем всех принимавших в этом погроме участие к успокоению...»

Один из меньшевистских лидеров Н. С. Чхеидзе совместно со священником Хундадзе и полковником князем Микеладзе с разрешения царских властей разъезжал по районам Грузии и выступал с призывом к населению не устраивать волнений. В защиту этой позиции грузинских меньшевиков выступил Л. Мартов, который утверждал, что «путь этого рода «буитов» не ведет к цели и в конечном счете вреден с точки зрения интересов пролетариата»¹⁷⁰.

В связи с этим В. И. Ленин написал статью «Потуги обелить оппортунизм», в которой разоблачал предательство меньшевиков¹⁷¹. Пренебречь народным движением, хотя и стихийным, и клеймить его как реакционное явление было полнейшим оппортунизмом. Большевики во главе с В. И. Лениным умели использовать такое движение и направить его в русло сознательной революционной борьбы против самодержавия и капитализма.

Царизм, поддерживаемый меньшевиками, жестоко подавлял стихийные выступления масс. По официальным данным, только в Баку было убито и ранено 66 человек. В ночь на 4 июля в Сухуме был арестован К. Педан и еще 91 человек¹⁷².

¹⁶⁷ ЦГИА СССР, ДП, IV, 35, ч. 3, 1916 г., л. 7.

¹⁶⁸ Там же, лл. 5—6.

¹⁶⁹ ЦГАА, ф. 4, д. 2475, л. 1.

¹⁷⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 157—160.

¹⁷¹ Там же, стр. 159.

В с. Дранда полицейские власти подвергли аресту 32 женщины и 9 мужчин¹⁷³. Аресты состоялись и в Гудаутах. Судебный следователь Сухумского округа А. Устинов в августе 1916 года писал, что в его производстве находится дело «о публичном скопище женщин, совершивших 2-го июля сего года в городе Сухуме разгром многих магазинов»¹⁷⁴. Движение пошло на убыль. Однако «продовольственные беспорядки» во многих местах имели место в течение всего 1916 года.

28 июля 1916 года забастовали рабочие Сухумской электростанции. «Обязанности станции случайно и отчасти исполняла луна», — писала по этому поводу газета «Сухумский вестник»¹⁷⁵. 14 октября забастовку начали 150 рабочих сухумских табачных складов «Петроградского торгово-экспортного акционерного общества». Рабочие от Сухумской конторы общества потребовали увеличения зарплаты на 30 — 40 проц., им прибавили лишь 20 проц. Рабочие заявили о своем невыходе на работу, пока не будет удовлетворено полностью их требование¹⁷⁶. 16 октября в отделе хроники газеты «Сухумский вестник» появилось сообщение: «Забастовка рабочих «Петроградского торгово-экспортного акционерного общества». В том же отделе газета 21 октября уведомляла о прекращении забастовки, «Возникший на экономической почве, — писала она, — конфликт между рабочими и администрацией табачной фирмы «Экспорт» в настоящее время разрешился благополучно тем, что рабочие получили надбавку в 25% на круг с зачетом пропущенного времени».

26 октября того же года потийские портовые рабочие объявили забастовку. За время войны эта была третья забастовка портовых рабочих Поты. В 1914 и 1915 годах они, в результате настойчивых требований, добились повышения зарплаты¹⁷⁷. Увенчалась победой рабочих и октябрьская забастовка 1916 года. Рабочие порта добились новой прибавки — 20 проц. к получаемой ими зарплате¹⁷⁸. 14 октября 1916 года в г. Поты забастовали 65 рабочих лесопильных заводов, которые требовали увеличения зарплаты по 75 коп. в день на человека. 15 октября требование этих рабочих также было удовлетворено¹⁷⁹.

¹⁷² ЦГИА СССР, ДП, IV, 35, ч. 3, 1916 г., лл. 3—4.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ ЦГАА, ф. 4, д. 2400, л. 1.

¹⁷⁵ «Сухумский вестник», 31 июля 1916 г., № 168.

¹⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 102, оп. 108, ДП, IV, 35, ч. 2, л. 7.

¹⁷⁷ Там же, ДП, IV, 35, ч. 2, 1916 г., лл. 1—2.

¹⁷⁸ Там же, л. 9.

¹⁷⁹ ЦГИА СССР, ДП IV, 35, ч. 2, 1916 г., л. 6.

Под влиянием потийских событий в декабре того же года рабочие Сухумского порта снова забастовали с целью повышения зарплаты и улучшения условий труда. Но эту забастовку рабочие проиграли. На территорию порта были введены военные силы. В результате рабочие вынуждены были согласиться работать на прежних условиях, а через некоторое время был объявлен локаут¹⁸⁰. В этот же период под руководством нелегальной большевистской группы произошла забастовка железнодорожных рабочих в Самурзаканском участке. Они требовали увеличения заработной платы и улучшения питания. В забастовке участвовало до 300 человек, и она кончилась частичной победой рабочих¹⁸¹.

Вместе с тем продолжались выступления городской массы на почве чрезвычайных продовольственных затруднений. Гласные Сухумской городской думы писали в управу, что «в настоящее время вопрос об организации продовольственного дела, особенно ввиду недавних событий, является наиболее спешным и не терпящим отлагательства»¹⁸².

Была сделана попытка установить твердые цены на продовольственные товары. Однако в результате этого такие продукты, как мука, картофель, масло и сыр вовсе исчезли с рынка¹⁸³. Не хватало хлеба, сахару. По поводу картофеля торговцы прямо заявляли, что они не будут торговать этим продуктом: «Пусть торгуют картофелем те, которые установили на него таксу». Они были готовы сгноить муку в подвалах, но не допустить ее продажи по твердым ценам¹⁸⁴. Местный сыр, исчезнувший с рынка на второй же день после введения новой таксы, теперь можно было достать только из-под полы, а цены зависели от «милости» торговца, писал «Сухумский вестник» 14 июля 1916 года. Газета отмечала, что «простой рабочий народ уже начинает переставать пить чай». В другом месте: «Беднота же вместо чая пьет воду, да и той в Сухуме мало»¹⁸⁵. В хронике под названием «Безхлебье» «Сухумский вестник» сообщал: «В субботу утром город остался без хлеба; обыватели с сокрушением говорили: «Вот мы жаловались на черный хлеб, а теперь и вовсе никакого нет»»¹⁸⁶.

Не могло, конечно, изменить положение и совещание, созванное заместителем Кавказа в ноябре 1916 года, куда были приглашены и представители сухумских властей для разра-

¹⁸⁰ ЦГАА, ф. 101, д. 325, лл. 13—14.

¹⁸¹ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 909, л. 3.

¹⁸² ЦГАА, ф. 4, д. 2360, л. 1.

¹⁸³ См., например, «Сухумский вестник», 14 и 15 июня 1916 г., № 153 и 154.

¹⁸⁴ Там же, 14 июня 1916 г., № 153.

¹⁸⁵ Там же, 15 июня 1916 г., № 154.

¹⁸⁶ «Сухумский вестник», 16 октября 1916 г., № 227.

ботки мероприятий, направленных к устранению причин всевозрастающих цен на квартиры, предметы первой необходимости и т. д.¹⁸⁷

Наряду с подъемом движения рабочих и всей городской массы нарастало стихийное движение крестьян. В ликвидации пережитков крепостничества было заинтересовано все крестьянство. Вместе с тем внутри самого крестьянства, по мере развития в нем капиталистических отношений, все более и более обострялись противоречия между кулачеством и деревенской беднотой.

Центральным вопросом борьбы крестьян против помещиков и царизма был вопрос о земле. В Абхазии перед 1917 годом еще не было значительных крестьянских выступлений, что объясняется изолированностью крестьянского движения, ничтожностью в крае пролетарской прослойки и социально-экономической отсталостью деревни. Но и здесь, хотя и очень медленно, нарастал протест, происходили стихийные аграрные волнения, носившие антипомещичий и антиправительственный характер.

В годы войны в абхазской деревне своеобразный характер приобретают стачки. Такие стачки возникали, например, в Гудаутском участке. Крестьяне, ущемляемые скупщиками-спекулянтами, отказывались продавать свой виноград по низким ценам. И «вот ежегодно осенью, — говорится в одной заметке того времени, — в Гудаутском участке виноградари сговаривались устроить стачку с целью не допускать продажи винограда по тем недопустительно низким ценам, какие назначали скупщики»¹⁸⁸.

Летом 1916 года стачка крестьян вспыхнула в имении П. Ф. Лопатина¹⁸⁹ в поселке Бамбора села Лыхны. В этом хозяйстве широкое развитие получило промышленное садоводство (особенно персиковая культура) и табаководство. Во время сбора фруктов и работы на табачных плантациях сюда на заработки приходили крестьяне из Лыхны и других

¹⁸⁷ ЦГАА, ф. 4, д. 2210, лл. 9—10.

¹⁸⁸ ЧСХ, №№ 5—6, 1914, стр. 242.

¹⁸⁹ П. Ф. Лопатин (1863—1937) — сын иваново-вознесенского фабриканта. В Москве вошел в народовольческую организацию. В 1886 г. был арестован и сослан на каторгу в Сибирь, где находился до 1895 г. П. Ф. Лопатин оказал В. И. Ленину материальную поддержку для издания «Искры». Получив наследство, он, хотя по-прежнему и стоял на народнических позициях, отправил Ленину в Женеву 10 тыс. рублей. Другую часть наследства Лопатин израсходовал на покупку земли возле Гудаут в Бамбора, где и занялся промышленным садоводством. П. Ф. Лопатин похоронен в Москве на Новом-Девичьем кладбище в аллее ветеранов революции (См. Л. Прицкер. Документы рассказывают... «Советская Абхазия», 29 апреля 1962 г., № 85).

ближайших сел. Управляющий имением и его помощники, пользуясь частым отсутствием хозяина, допускали злоупотребления — снижали оплату труда и т. д. Однажды, когда в ожидании парохода (а он приходил в Гудауты во время войны очень редко) была снята большая партия персиков, крестьяне-сборщики потребовали увеличения поденной оплаты. Они выбрали своим руководителем Темура Габраа, а также выделили две дружины, из которых одна должна была следить за тем, чтобы никто не выходил на работу, а другая — околотить персиковые деревья. Вскоре прекратили работу и табачники. Через несколько дней требование крестьян об увеличении оплаты труда было удовлетворено¹⁹⁰.

Когда в июле 1916 года в Сухуме и в других местах Абхазии возникли «продовольственные беспорядки» городских масс, то крестьяне ближайших сел приняли активное участие в этом движении. Сухумский городской голова Н. Тавдгиридзе сообщал по этому поводу кутаисскому губернатору: «В первый же день июля стали являться в город с дубинками, топорами и дрючками из окрестных плантаций — и женщины и мужчины»¹⁹¹. Городской голова приказал и. о. полицеймейстера Сухума Шанскому поставить на перекрестках охрану и всех, направляющихся в город «с дубинками и прочими приспособлениями для битвы», задерживать и не пропускать в город. Однако крестьяне прорвались в Сухум и движение приняло большой размах¹⁹².

Нечто подобное было и в Гудаутах. Здесь был городской, всегда ходивший по улицам с небольшой цепью в руках, ударом которой он часто награждал крестьян. Он спровоцировал однажды группу сельчан на какую-то скандальную историю, за которую они были сосланы в Сибирь. За этот поступок городской был убит одним крестьянином¹⁹³.

Но крестьянские выступления все еще носили стихийный характер. Так, стачки виноградарей «обычно... оканчивались выгодно для скупщиков и весьма убыточно для крестьян. Неорганизованные попытки помочь себе приводили, следовательно, к ухудшению положения»¹⁹⁴.

Пронсходило революционизирование и солдатской массы. Измученные затянувшейся войной и озлобленные развалом хозяйства в деревне, солдаты отказывались на фронте идти в

¹⁹⁰ Г. А. Дзидзария. К вопросу о положении Абхазии накануне Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. «Труды» Абхазского государственного музея, I. Сухуми, 1947, стр. 218.

¹⁹¹ ЦГАА, ф. 4, д. 2343, лл. 16—17.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ К. Ковач. Песни кордорских абхазцев. М., 1930, стр. 21.

¹⁹⁴ ЧСХ, №№ 5—6, 1914, стр. 242.

наступление, а в тылу — участвовать в подавлении революционного движения народных масс. Не останавливаясь на вопросе об общем разложении армий Кавказского фронта, которое усиливалось с каждым днем, мы коснемся лишь тех военных частей, которые находились на территории Абхазии. В этом отношении особенно характерно поведение солдат во время «продовольственных беспорядков» в Сухуме летом 1916 года. В телеграмме, полученной наместником Кавказа 2 июля 1916 года из Сухума, сообщалось, что в то время, когда женщины производят погром магазинов, «войска держатся пассивно»¹⁹⁵. Начальник кутаисского жандармского управления подчеркивал, что утром 2 июля для разгона толпы женщин был двинут конный отряд, «однако никаких попыток к прекращению погрома не делали»¹⁹⁶.

Когда 3 июля начальник Сухумского округа генерал Засыпки передал временно власть своему помощнику Навроцкому, последний также не решился «принять какие-либо репрессивные меры, высказывая сомнения в надежности гарнизона», ибо воинские части с самого начала к «беспорядкам» «отнеслись пассивно», а 3 июля и вовсе бездействовали¹⁹⁷. В этот день в Сухуме было созвано специальное совещание в составе начальника Кутаисского жандармского управления, товарища прокурора, полицеймейстера, начальника гарнизона, командира роты ополченцев, командира казачьей сотни и др. На совещании обсуждался вопрос: будут ли стрелять казаки и ополченцы в народ в случае «крайней необходимости»? Уже сама постановка вопроса говорила о неблагонадежности воинских частей. Младший офицер казачьей сотни определенно заявил, что казаки ни за что не выступят против народа и стрелять не будут. То же заявил и командир роты ополченцев.

Это вскоре подтвердилось. Подполковник Навроцкий 24 июля 1916 года писал, что «когда, наконец, удалось разогнать публику, на что понадобилось немало времени», он приказал командиру сотни «взять в плети» толпу, а стражникам и городовым — «не пускать публику близко». Казаки подъехали к толпе, но «среди них произошло какое-то замешательство и они повернули обратно». Перед этим командир сотни доложил, что и при выезде казаков из казармы «нижние чины дружины (солдаты. — Г. Д.), живущие с казаками в одной казарме, кричали вслед: «Только попробуйте тронуть... мы вам покажем...» Я имел точные сведения, — писал Навроцкий, — о том, что гарнизон: рота ополченцев, полусотня казаков, а также нижние

¹⁹⁵ Цит. по указ. соч. С. Е. Сефа, стр. 17.

¹⁹⁶ ЦГИА СССР, ДП, IV, 35, ч. 3, 1916 г., лл. 3—4. Донесение нач. кутаисского жандармского управления полк. Трескина от 11 июля 1916 г.

¹⁹⁷ Там же, л. 1. Телеграмма полк. Трескина в департамент полиции от 3 июля 1916 г.

чины, стоящие в округе на усилении полицейской стражи, стояли... на стороне народа и громко заявили, что они вступятся за них, если со стороны полиции будут какие-либо выступления»¹⁹⁸.

Было беспокойно и среди учащейся молодежи, особенно в Сухумской учительской семинарии¹⁹⁹. Директором ее являлся старый царский бюрократ Пархоменко. Он был жесток, груб и резок в своих действиях. Им были введены в семинарии казарменные порядки. Семинаристов держали взаперти, месяцами их лишали права выхода в город; в баню, церковь и на прогулку их выводили только строем, а все, что они читали, строго контролировалось. К тому же семинаристов кормили очень плохо. В семинарии учились преимущественно дети трудовых крестьян, поэтому настроение масс им больше передавалось, чем учащимся других учебных заведений города.

25 февраля 1917 года в Сухумской семинарии вспыхнула забастовка-протест. Семинаристы покинули стены учебного заведения. Занятия прекратились. Забастовкой руководили старшеклассники, среди которых особенно активную роль играл М. Чалмаз. Участвовали также Б. Качия, Е. Шамба, А. Тодуа, А. Аршба, Н. Бокучава и другие, а ими «кто-то руководил из городских большевистских организаций». Учащимся семинарии был предъявлен ультиматум немедленно убрать Пархоменко с поста директора, изменить режим в семинарии в сторону его демократизации, улучшить питание и отменить обязательное посещение церкви.

Забастовка затянулась. В семинарию приходили представители городских властей и пытались уговорить учащихся возобновить занятия, но безрезультатно. Вскоре стало известно о свержении самодержавия. Требования семинаристов были удовлетворены²⁰⁰.

Так война, усилив ненависть и озлобление к царскому правительству среди самых широких масс трудящихся, активизировала революционное движение против войны и царизма как в тылу, так и на фронте, как в центре, так и на окраинах.

* * *

Как отмечалось выше, царское правительство всячески препятствовало развитию культуры и просвещения абхазского народа. Более 90 процентов населения Абхазии оставалось неграмотным.

¹⁹⁸ Цит. по указ. соч. С. Е. Сефа, стр. 26—27.

¹⁹⁹ Сухумская учительская семинария была открыта в 1915 г. с целью подготовки учителей для сельских школ Абхазии. Ее учебный корпус помещался в бывшей гостинице «Эллада» (по нынешней улице Горькой, № 5).

²⁰⁰ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, д. 186/114, лл. 341—344; Е. К. Шамба. Сквозь грозы. Сухуми, 1961, стр. 25—26.

Однако царизм не мог не считаться с потребностями развивающегося капитализма и ростом национального самосознания народа. Но в проведении культурно-просветительных мероприятий он руководствовался прежде всего своей колониальной политикой, в частности, соображениями русификации и внедрения православного христианства.

В 1914/15 учебном году в Абхазии было все же 156 школ с общим числом учащихся 8720 и чел. и 264 преподавателя. В 1915 году в Сухуме начала функционировать учительская семинария. Надо сказать, что многие школы были открыты по настоянию населения, тяга которого к знанию все более росла. В октябре 1913 года в с. Моква состоялось собрание представителей Кодорского участка, где говорили: «Мы хорошо сознаем пользу учителя, мы знаем, что только образование может вывести нас из настоящего тупика». Обсуждался вопрос и о родном языке, об улучшении его преподавания²⁰¹.

Проводилась определенная работа по созданию учебников и учебных пособий для абхазских школ. В 1906 году в Тифлисе вышло второе издание «Абхазской азбуки» Д. К. Мачавариани и Д. И. Гулиа. В 1907 году Ф. Х. Эшба в Тифлисе издал на абхазском языке задачник для начальных школ. В 1908 году в Тифлисе вышла «Книга для чтения на абхазском языке для абхазских училищ». В 1909 году в Тифлисе вышли абхазский букварь А. М. Чочуа и брошюра «О разведении и откорме уток. Искусственный вывод (никубатор)» в переводе лыхнинского учителя Н. С. Патеяпа. В 1910 году в Тифлисе же на абхазском языке Управлением Кавказского учебного округа были изданы книги «Болезнь домашних птиц и их лечение» в переводе Д. И. Гулиа, «Краткое руководство к разведению гусей» в переводе Н. С. Патеяпа, «Чесотка. Оспа. Холера» в переводе Д. Т. Маргания. В 1912 году офицер М. К. Шервашидзе составил карту Абхазии («Апсны ахсаала») на абхазском языке для абхазских школ. В 1914 году в Тифлисе вышло второе дополненное издание букваря А. М. Чочуа с приложением к нему «Методических пособий» С. А. Алферова. В 1915 году С. А. Алферов и А. И. Чукбар издали в Тифлисе книгу для чтения «Родная жизнь».

Все шире становится круг национальных учительских кадров. Наряду с представителями старшего поколения — Ф. Х. Эшба, В. Х. Гарцкия, П. Г. Чарая, Н. С. Джанашия, К. Д. Мачавариани и Д. И. Гулиа, на поприще народного просвещения выступают С. Я. Чанба, А. М. Чочуа, Д. К. Кобахия, С. П. Басария, А. И. Чукбар, П. С. Шакрыл, К. Ф. Дзи-

²⁰¹ «Сухумский вестник», №№ 278 и 279, 1913 г.

дзария и другие, которые внедряют передовые методы обучения в школах Абхазии.

Обращает на себя внимание статья С. Я. Чанба «Путь к уму — через глаза и руки», опубликованная в газете «Сухумский вестник» от 25 августа 1916 года. Он писал: «В наше новое время замечается усиленное оживление педагогической жизни. Чтобы разрешить основные вопросы обучения и воспитания и изгнать из жизни школ пассивное, неподвижное словесное преподавание, создаются попытки к наиболее целесообразной постановке этих жизненных вопросов». Из современных таких попыток автор указывал «на трудовое начало в школе, имеющее целью связать школьное преподавание с жизнью, с окружающей школьной обстановкой».

Абхазия жестоко страдала из-за исключительно плохого состояния медицинского обслуживания населения. Однако перед войной наблюдается некоторый рост количества врачей (главным образом из приезжих) и лечебных объектов. В 1913 году в Сухуме практиковавших врачей было 28 человек, зубных — 11, фельдшеров — 14, акушеров — 9. Еще в 1903 году по инициативе профессора А. А. Остроумова была открыта городская больница, а позже амбулатория при ней. В 1913 году в Сухуме имелось 4 аптеки, 3 аптечных магазина и 1 военный лазарет²⁰². С 1905 по 1914 год в Сухуме в течение курортного сезона функционировало до 20 частных пансионатов. Большой вклад внес Н. Н. Смецкой в строительство первых в Абхазии санаториев. В Гульрипше он закончил строительство санаторных зданий: в 1902 году — белого, в 1913 году — красного. Агудзерский санаторий начал работать в 1905 году²⁰³. Вместе с тем Смецкой создает в окрестностях Сухума замечательный дендрарий, а второй дендрарий — в районе Гульрипш с лечебно-курортным назначением.

В начале XX века в Сухуме создается ряд общественных организаций, ставивших своей целью проведение культурно-просветительных и других мероприятий: Общество по распространению грамотности среди грузин, Общество народных университетов (1908 г.), Армянское благотворительное общество, Сухумское медицинское общество любителей и исследователей природы и населения, Общество изучения Черноморского побережья, Отделение Красного креста, Общество борьбы с туберкулезом. Было создано Общество распространения просвещения среди абхазцев, а в 1913 году — Бзыбский комитет этого общества под председательством С. М. Ашхацава

²⁰² К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913, стр. 56—59.

²⁰³ Ш. Д. Гогохия. Курорты Абхазии. Сухуми, 1961, стр. 16.

(членами были А. И. Чукбар и др.)²⁰⁴. Общество ставило спектакли и литературные вечера. Бзыбский комитет, кроме того, организовал запись абхазских сказок.

Довольно плодотворно работало Сухумское общество сельского хозяйства, основанное в 1898 году. Оно оказывало агрономическую помощь зажиточным слоям крестьянства и занималось распространением сельскохозяйственных знаний среди «аборигенов и поселян». При обществе находились различные комиссии (экономическая, лесо-садовая, курортная, по пчеловодству, птицеводству и др.), постоянные сельскохозяйственные курсы (с 1911 г.), библиотека. Большое внимание уделялось сельскохозяйственным чтениям. К этому делу на местах привлекались народные учителя. Были организованы постоянные показательные участки в селах Илорн и Лыхны, склад сельскохозяйственных орудий — в Сухуме, а его отделения — в Гудаутах и Лыхнах²⁰⁵. Район деятельности, например, лыхнинского склада распространялся на все села Гудаутского участка²⁰⁶. Сухумское общество сельского хозяйства в течение многих лет возглавлял В. В. Маркович. Это был энтузиаст субтропического преобразования флоры Абхазии и крупный субтропик-ботаник²⁰⁷.

Еще в 1894 году, на средства любителей, была создана Сухумская садовая сельскохозяйственная опытная станция с акклиматизационным садом и опытным полем, а в 1907 году при ней открыта «Практическая школа садовых рабочих»²⁰⁸. Станция имела табаководческое, консервное и полеводческое отделения, отдел питомников и семенной контрольный комитет, а также библиотеку, музей, химическую лабораторию, микологический, метеорологический, зитомологический и ботанический кабинеты. В 1914 году был учрежден Совет станции. Станция внесла значительный вклад в обогащение растительных ресурсов Абхазии. С 1903 года ею руководил В. В. Маркович²⁰⁹.

В Сухуме выходили журналы «Черноморское сельское хозяйство» (с 1903 г.) с приложением «Черноморский селянин» и «Известия Сухумской садовой и сельскохозяйственной опытной станции», а также ежегодные отчеты о деятельности

²⁰⁴ См. «Сухумский вестник», 11 января 1913 г., № 67.

²⁰⁵ «Отчет о деятельности Сухумского общества сельского хозяйства за 1914 год». Сухум, 1915.

²⁰⁶ См. «Отчет СОСХ за 1912 г.», стр. 32.

²⁰⁷ См. М. Бгажба. Растениеводческие основы сельского хозяйства Абхазии. Тбилиси, 1963, стр. 21.

²⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 19, 1914 г., д. 988, л. 230.

²⁰⁹ «Известия Сухумской садовой и сельскохозяйственной опытной станции», № 23. Тифлис, 1915.

Сухумского общества сельского хозяйства и т. д. Редактором этих изданий ряд лет являлся тот же В. В. Маркович. Кроме того, в качестве приложения к «Черноморскому сельскому хозяйству» выпускались различные другие отчеты, доклады и научно-популярные брошюры. Так, в 1909 году был опубликован доклад В. В. Марковича «Роль гигрометрии в деле местного предсказания природы», сделанный на XII съезде естествоиспытателей и врачей в Москве. «Черноморский селянин» в 1914 году дал приложение на абхазском языке — «Посадка плодовых деревьев в Сухумском округе». Сухумская опытная станция в 1914 и 1915 годах выпустила три «Бюллетеня», а Курортная комиссия в 1915 году начала издавать «Труды».

В Сухуме издавалось также несколько газет, из которых главными были выходивший два раза в неделю «Сухумский листок» (1908 — 1917 гг.) и ежедневный «Сухумский вестник» (1911 — 1917 гг.) — органы либеральной буржуазии. Между прочим, в «Сухумском вестнике» продолжительное время работал старый большевик В. З. Добровольский, а временами, например, в 1913 году, являлся даже его редактором, что, естественно, сказывалось на направлении этой газеты. В Сухуме и в других местах открываются библиотеки и читальни.

Творческая и практическая деятельность ряда членов Сухумского общества сельского хозяйства, Сухумской садовой и сельскохозяйственной опытной станции и некоторых других лиц имела важное научное и практическое значение. Своей плодотворной творческой работой особенно выделялись В. В. Маркович, Т. К. Кварацхелия, П. В. Чиков, В. М. Козлов и другие.

То же наблюдалось и в изучении языка, фольклора, этнографии и истории абхазского народа. О наиболее значительных работах из этой области будет сказано ниже.

Еще в 1891 году «дед абхазской школы» Ф. Х. Эшба опубликовал историко-этнографический очерк «Местечко Очемчиры, селения Илори и Беслахуба»²¹⁰, имевший большое значение для всех последующих краеведов и специалистов.

П. Г. Чарая написал серьезное исследование под названием «Об отношении абхазского языка к яфетическим». Оно было опубликовано по решению Историко-филологического отделения Российской Академии наук и вышло в Петербурге в 1912 году под редакцией и с предисловием Н. Я. Марра. К. Д. Мачавариани является автором нескольких работ, главным образом, по этнографии абхазского народа, публиковавшихся начиная с 80-х годов XIX века в разных журна-

²¹⁰ См. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», в. XI. Тифлис, 1891.

лах и газетах. В 1913 году в Сухуме вышел его обобщающий труд «Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу», в котором содержится обширный историко-этнографический очерк об Абхазии.

Две очень ценные этнографические работы, Н. С. Джанашия в 1915 и 1917 годах были опубликованы академиком Марром в журнале «Христианский Восток» под названиями: «Религиозные верования абхазов» (Пг., т. IV, в. 1) и «Абхазский культ и быт» (т. V, в. III). С. М. Ашхацава для записи бзыбской речи абхазского языка в 1906 году составил специальный алфавит в г. Юрьеве (Тарту) с помощью профессора Леонгарда Мазинга. На этом алфавите в 1913 году, по поручению Российской Академии наук, было записано Бзыбским комитетом по распространению грамотности среди абхазцев 100 абхазских сказок. Названный алфавит впервые был опубликован в 1918 году в гудаутской газете «Воля Вольных»²¹¹.

Начинается развитие художественной литературы. Еще в 60-х годах XIX века на этом поприще выступает Г. М. Шервашидзе (Чачба) — сын последнего владетеля Абхазии. Он примыкал к передовой грузинской интеллигенции, возглавляемой И. Чавчавадзе. Им создано немало проникновенных лирических стихотворений, несколько пьес и комедий, некоторые из которых построены на историко-бытовом материале из жизни абхазского народа. Горячую любовь к родной Абхазии поэт особенно полно выразил в стихотворении «Абхазская песня «Варада»». Он писал свои произведения на грузинском и русском языках. Умер Георгий Михайлович в 1918 году²¹².

Но зарождение абхазской художественной литературы было связано с появлением оригинальных произведений на абхазском языке. Первым создателем таких произведений был сын многострадального варчинского крестьянина Дмитрий Иосифович Гулиа. В 1912 году в Тифлисе вышел его сборник «Стихотворения и частушки», проникнутый безграничной любовью к трудящимся и глубокой ненавистью к их эксплуататорам. Поэт обращается к трудовой Абхазии:

Здравствуйте, трудящиеся,
В поте лица работающие,
Трудом сеющие...

В 1913 году выходит созданная Д. И. Гулиа первая абхазская поэма о любви и дружбе, а в 1919 году — первое про-

²¹¹ С. М. Ашхацава. Пути развития абхазской истории. Сухум, 1925, стр. 39—40.

²¹² См. გორგო შარვაშიძე. ლაბიჯი, ეპოსი, დრამა. Сухумი, 1946.

изведение абхазской художественной прозы — замечательный рассказ «Под чужим небом». Глубокое влияние на формирование Д. И. Гулна оказали как творчество выдающихся грузинских поэтов революционно-демократического направления И. Чавчавадзе и А. Церетели, так и классиков русской литературы.

Народное творчество по-прежнему оставалось главной формой искусства, самым популярным видом которого были песни и танцы. Особым почетом пользовались скрипачи и песенники-импровизаторы. Одним из ярких представителей песенной поэзии был ачандарский народный поэт Жана Ачба (умер в 1916 г.), выступавший с заостренной социальной тематикой²¹³.

В конце XIX — начале XX века театральное искусство и драматургия делают первые шаги. В Сухуме любительскими труппами осуществлялись постановки ряда русских и грузинских пьес. Гастролировали здесь грузинские профессиональные театры под руководством Л. Месхишвили, В. Гуниа и др., труппа Грузинского театрального общества под руководством Ш. Дадияни²¹⁴.

В 1914 году в Сухуме был организован и начал выступать театрализованный абхазо-грузинский народный хор под руководством Д. Лолуа, который одновременно являлся зачинателем в сборе и записи на фонографе образов абхазского музыкального фольклора. В 1915 — 1916 годах в Сухуме в театре Самуриди (ныне кинотеатр «Апсны») были показаны силами местных любителей несколько пьес — «Келешбей» и «Сафарбей» (инсценировка С. А. Ашхацава по историческому роману Д. Л. Мордовцева «Прометеево потомство»), «Умиряющие картинки» и «Дым без огня» Г. Шервашидзе, и др.²¹⁵ 21 июня 1915 года в Гудаутах была показана вышеуказанная инсценировка Ашхацава²¹⁶, а 28 октября в Сухуме в театре И. М. Алонзи прошла пьеса из абхазской же жизни и инсценирована абхазская свадьба. Причем на этом вечере было «много абхазцев и не только местных, близких Сухуму, но и приехавших из далекой Самурзакани»²¹⁷.

Таким образом в общих чертах состояние культурной жизни Абхазии к 1917 году, несмотря на колониальную политику царизма.

213 М. Лакербай. Очерки из истории абхазского театрального искусства. Сухуми, 1962, стр. 20—24.

214 სუბაჟი ვერსიის სიმღერის თეატრი. Сухуми, 1951.

215 М. Лакербай. Указ. соч., стр. 38, 43.

216 «Сухумский вестник», 19 июня 1915 г., № 98.

217 «Сухумский вестник», 1 декабря 1915 г., № 230.

ГЛАВА ВТОРАЯ

АБХАЗИЯ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В феврале 1917 года в России началась революция и в течение нескольких дней под могучим натиском рабочего класса и крестьянства развалилась монархия, державшаяся веками. Это было важнейшим историческим событием на пути к Великой Октябрьской социалистической революции. В. И. Ленин еще в 1905 году предвидел, что победа буржуазно-демократической революции в России «будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот»¹.

Революция, начавшаяся в Петрограде и быстро охватившая всю Россию, докатилась и до Закавказья. Однако своеобразие внутренней обстановки оказало здесь сильное влияние на развитие революционных событий.

Известие о Февральской революции для грузинских меньшевиков, игравших первостепенную контрреволюционную роль во всем Закавказье, явилось несколько неожиданным. Они еще были не уверены в полном поражении царизма и в победе революции. Получив известие о событиях в Петрограде², меньшевики не только не огласили сообщение об этих событиях в центре и не предприняли каких-либо решительных шагов для развития революции в крае, но их лидеры Н. Жордания и Н. Рамишвили не нашли ничего лучшего, как поспешить добиться у наместника Кавказа и главнокомандующего Кавказским фронтом великого князя Н. Н. Романова внеочередного

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 109.

² От меньшевика Г. Пагава из Москвы была получена первая зашифрованная телеграмма: «Мтаврбадзе (правительство. — Г. Д.) скончался, сообщите родным и знакомым».

приема, чтобы выразить ему свои верноподданнические чувства и согласовать с ним линию дальнейшего поведения своей партии.

В результате этих переговоров наместник сообщил всем генерал-губернаторам, губернаторам и т. д., что население Кавказского края сохраняет «полное спокойствие» и руководители «общественных организаций», в том числе и меньшевиков, обещают и впредь поддерживать среди населения «порядок».

Такой тактики держалась и буржуазная Тифлисская городская дума. Такова была позиция и Сухумской городской думы. Ее буржуазно-помещичьи руководители, с согласия меньшевиков, также решили скрыть от населения известие о революции, полученное в Сухуме 2 марта — одновременно от московского городского головы Челнокова и помощника кавказского наместника по гражданской части генерала Орлова, и выразить свои верноподданнические чувства свергнутому «августейшему монарху» в лице того же Н. Н. Романова³.

Вместе с тем, чтобы гарантировать себя от неудовольствий со стороны Временного правительства в том случае, если победа революции окажется не призрачной, сухумская буржуазия поспешила уверить и новую власть в готовности служить ей не за страх, а за совесть. Не скупясь на громкие выражения, Сухумская городская дума еще 2 марта телеграфировала председателю Государственной думы М. В. Родзянко, московскому городскому голове Челнокову и его тифлисскому коллеге дашнаку А. И. Хатисову о том, что она всецело подчиняется руководству Временного правительства⁴.

А на следующий день, 3 марта, в связи с получением из Петрограда лично от Родзянко телеграммы о том, что самодержавие свергнуто и власть перешла окончательно в руки Временного комитета Государственной думы⁵, руководители буржуазии города предприняли дальнейшие шаги в отношении собственной перестраховки: Сухумская городская дума избрала исполнительный комитет и опубликовала обращение к населению. Сухумская городская дума, говорилось в этом воззвании, «приветствует обновление России, призывает население Сухума соблюдать полный порядок и спокойствие, необходимые как для благополучного завершения начатого дела — спасения Российского государства, так и для поддержки армии, дабы дать ей возможность спокойно довести до победного конца свое великое дело защиты отечества. Сухумская

³ Арх. Абхазского государственного музея, ф. 1, г. 54, лл. 8, 35.

⁴ Там же, д. 48, лл. 3—5.

⁵ Там же, л. 6.

городская дума... принимает все меры к правильному и спокойному течению общественной жизни в городе»⁶.

Это первое официальное объявление в Сухуме о февральских событиях в центре ярко отражает страх местной буржуазии и помещиков перед дальнейшим развитием революции. Здесь нет ни слова о смене власти в Абхазии. Исполком же отнюдь не думал брать в свои руки исполнительную власть, он надеялся ограничиться лишь функциями «всестороннего освещения и оповещения о принимаемых мерах». В состав этого исполкома «Рабочая группа при Сухумском военно-промышленном комитете» 5 марта послала своего представителя Нестора Цницадзе⁷. Буржуазные исполнительные комитеты образовались также в Гудаутах и Очамчирах.

Вследствие такой позиции буржуазии и меньшевиков в Закавказье в первые дни революции оставался на месте нетронутым весь аппарат царской власти. Например, в Сухуме старые учреждения и суды, цензовая городская дума, избранная на основе реакционного закона 1892 года, во главе с известным деятелем николаевского времени крупным помещиком и табачным спекулянтом князем Н. Тавдгиридзе продолжали выполнять свои функции. Оставался на месте и начальник Сухумского округа флигель-адъютант полковник Н. В. Поливанов.

Но такое положение в крае не могло долго продолжаться. Задержать революцию, сохранить целиком прежние порядки было не под силу ни старой романовской администрации, ни буржуазии, ни поддерживавшим ее меньшевикам и эсерам. Вскоре по всему Закавказью прокатилась широкая волна массовых революционных манифестаций.

Торжественные манифестации и митинги активно прошли, в частности, в Сухуме и в других местах Абхазии⁸. Так, рабочие Сухума, занятые на строительстве Черноморской железной дороги, вышли на городскую площадь, а оттуда пошли с красным знаменем и пением революционных песен по главным улицам и остановились у здания городской управы, где прошел митинг⁹. В Гудаутском участке, в Мюсере, где находилась главная строительная контора ЧЖД, также состоялось собрание рабочих¹⁰. Управляющий Сухумским отделением госбанка в объяснительной записке к отчету за февраль 1917 го-

⁶ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 54, л. 25.

⁷ Там же, л. 32.

⁸ ს. ბეჭიძე. 1917-1921 წლები საქართველოში (მნიშვნელოვან ამბავთა კრონოლოგია). Тбилиси, 1941, стр. 5.

⁹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 11, папка № 1, л. 2.

¹⁰ Там же, ф. 1, д. 186/114, лл. 236—23в.

да отмечал, что в Сухуме часть населения отнеслась к событию сочувственно, а другая часть — с тревогой за будущее¹¹.

Из разных мест Абхазии были направлены приветственные телеграммы Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов, в которых выдвигались требования о немедленном созыве Учредительного собрания и решении вопроса о земле, войне и мире¹². Началось брожение в дислоцированных на побережье воинских частях. Волновалась абхазская деревня. Народные массы, вопреки уговорам меньшевиков, везде упраздняли старую администрацию. В Сухуме был арестован жандармский полковник, из тюрьмы освобождены политические заключенные и т. д.¹³

Повсюду возникали Советы рабочих и солдатских депутатов. В Тифлисе уже 5 марта был создан Совет рабочих, а 6 марта — Совет солдатских депутатов. В эти и последующие дни Советы оформились также в Кутаисе, Батуме, Сухуме и других городах. Однако воспользовавшись тем, что большевистские организации были сильно ослаблены репрессиями царизма в период, предшествовавший революции, что их руководители находились в тюрьмах и ссылках, меньшевикам и эсерам удалось захватить руководящую роль в этих Советах.

В такой обстановке, сложившейся в Закавказье в целом после Февральской революции, наместник Кавказа не мог дальше оставаться на своем посту. Получив благодаря попустительству меньшевиков время, Романов устроил свои дела, скрыл и уничтожил важные документы и, захватив с собой большие ценности, в специальном поезде безнаказанно уехал из Тифлиса.

Вместо царского наместника, «в целях установления прочного порядка и устроения Закавказского края», постановлением Временного правительства от 9 марта 1917 года, являвшегося орудием диктатуры буржуазии, был образован Особый закавказский комитет (ОЗАКОМ) из 5 членов Государственной думы во главе с кадетом Б. Харламовым. В комитет вошел и один из лидеров грузинских меньшевиков А. Чхенкели. ОЗАКОМ в своей деятельности опирался на блок закавказских буржуазно-националистических партий — грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов, поддерживавших антинародную политику Временного правительства.

В Сухуме постановление о создании органа новой власти — «Городского комитета общественной безопасности», было принято секциями местной думы 8 марта. Комитет, во главе ко-

¹¹ ЦГАА, ф. 6, д. 31, л. 142.

¹² Газ. „*გზობობა*“, № № 1—10, 1917 г.; газ. „*საქართველო*“, № 66 и 71, 1917 г., Тифлис.

¹³ ЦГАА, ф. 6, д. 31, л. 145.

того был поставлен и. о. сухумского городского головы В. Н. Долинский¹⁴, создавался «с целью укрепления в городе власти нового правительства». Комитет был обязан наблюдать «за функционированием правительственных и общественных учреждений в духе требований нового правительства, а в случаях, не терпящих отлагательства, принимать необходимые меры к водворению порядка, доводя впоследствии об этом до сведения Городской думы»¹⁵.

9 марта 1917 года в театре И. М. Алоизи собралась Сухумская городская дума. На заседании прежде всего был оглашен манифест Временного правительства. Затем объявили об образовании в Тифлисе Комитета общественной безопасности и о распоряжении помощника наместника Кавказа Орлова: «Все губернаторы на Кавказе, в том числе и начальник Сухумского округа г. Поливанов, впредь до особого распоряжения остаются на местах». Дума решила кооптировать в свой состав князя Г. М. Шервашидзе и И. Б. Захарова. Наконец, были оглашены результаты «трудов комиссии» об учреждении Комитета общественной безопасности. В состав комитета входили: городской голова, комиссар полиции, «представитель» рабочих организаций и 3 человека от думы¹⁶. Думой было вынесено также постановление о реорганизации полиции в милицию. Комиссар милиции избирался думой, а его помощник «по наружной части» назначался комитетом¹⁷.

10 марта в Сухуме было созвано совещание «представителей» населения Абхазии для организации окружной власти. Характерно, что оно было созвано царским начальником Сухумского округа Поливановым¹⁸. Указанное совещание, руководимое князем А. Г. Шервашидзе (Чачба), было также явно буржуазно-помещичьим. Заслушав сообщение князя Шервашидзе о текущем моменте, совещание постановило образовать «Окружной комитет общественной безопасности», куда должны были входить по три представителя от участков округа и один представитель от г. Сухума, а до организации этой окружной власти был выделен «Временный комитет общественной безопасности» под председательством того же А. Г. Шервашидзе. Членами комитета стали представители дворянства и купечества (Н. Тавдгиридзе, В. Лакербая, Д. Захаров и др.). Совещание вынесло постановление и об образовании окружной милиции, временным комиссаром которой был назначен князь Таташ Маршания. По вопросу об организации местной администрации было решено образовать комитеты общественной безопасности во всех участках. Решение об

¹⁴ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 61, лл. 3—4.

¹⁵ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 54, л. 30.

¹⁶ «Сухумский вестник», 12 марта 1917 г., № 56.

¹⁷ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 60, л. 2.

¹⁸ Там же.

организации милиции предусматривало в каждом участке выбрать участковых комиссаров, а в общинах — старшин¹⁹.

Затем были посланы телеграммы в Петроград Временному правительству и в Тифлис ОЗАКОМу с уверением, что в Сухуме установлен «образцовый порядок» и все «воодушевлены» желанием служить новому правительству²⁰. Тем не менее «Временный окружной комитет» отказался от каких бы то ни было решительных мер по отношению к царскому начальнику в Абхазии²¹.

Но начальнику округа, власть которого так долго казалась лишь поколебленной, пришлось все же удалиться на пароходе, использовав также «время свободно уничтожить компрометирующие бумаги»²². Более того, как сообщают очевидцы, новые власти организовали проводы Поливанову, для чего были даже вызваны «представители» из участков.

О каком-либо серьезном конфликте между создателями новой власти и старой властью не могло быть и речи. Господствующие классы под прикрытием соглашательских партий в обстановке нарастания революционного движения шли просто на временную перемену вывески.

В телеграмме группы абхазских народных учителей из Гудаут от 14 марта 1917 года, адресованной министру юстиции А. Ф. Керенскому, говорилось: «Кучкой верноподданных прислужников старого правительства—дворян и князей—при содействии старой администрации организован Окружной комитет общественной безопасности, [который] думает по своему произволу злоупотребить добытыми народом [и] армией правами. В их обращении не признается прямого голосования. Просим распоряжения разогнать эту кучку самозванцев, ненавистную для народа, впредь до организации в абхазских общинах Гудаутского участка Комитета безопасности всеобщим собранием населения, всеобщим, равным, прямым, тайным избирательством»²³.

В своем обращении к трудовому крестьянству Гудаутского участка те же учителя писали: «До вас, вероятно, дошло, что в Сухуме организовался Окружной комитет общественной безопасности. Этот комитет не может касаться вас, ибо вы не участвовали в его организации и вас туда не пригласили. Лиц, которые вошли в этот комитет, тоже узнаете. Окажете ли вы им доверие?»²⁴.

Особый закавказский комитет своим комиссаром по Абха-

¹⁹ Арх. Абгосмузея, ф. 1, л. 59, л. 17.

²⁰ Там же, д. 54, лл. 1, 7, 32.

²¹ Там же, лл. 17—17 об.

²² «Сухумский вестник», 23 апреля 1917 г., № 78.

²³ ЦГАОРГ, ф. 1472, оп. 1, д. 54, л. 6 об.

²⁴ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 59, лл. 19—19 об.

зии официально утвердил А. Г. Шервашидзе, а его заместителем — Д. В. Захарова²⁵.

В Грузии и Закавказье, в частности в Абхазии, после свержения самодержавия, как и во всей России, создалось двоевластие.

* * *

Трудящиеся массы, узнав о составе Окружного комитета общественной безопасности, были охвачены глубоким возмущением, и это возмущение приняло форму активных действий, как только был поставлен вопрос о создании местной администрации. Когда стало известно о петроградских и сухумских событиях гудаутский участковый начальник Д. Келбакиани незамедлительно уехал. Некоторое время в участке не было почти никакой власти. На приморском бульваре в Гудаутах 12 марта 1917 года собрался митинг. Представитель Окружного комитета общественной безопасности В. Лакербая, рисуя радужными красками перспективы работы последнего, назойливо рекомендовал поддержать этот орган и беспрекословно подчиняться всем его решениям.

Большевики во главе с Н. А. Лакоба выступили с разъяснением собравшимся здесь смысла текущих событий и перспектив развития революции. Они разоблачили перед массами меньшевистского оратора. Один из крестьян с Абгархук, потрясая кинжалом, воскликнул, обращаясь к В. Лакербая: «Довольно! Довольно вам, дворянам и князьям, обманывать нас! Теперь настало время, когда мы сами будем ковать свое счастье собственными руками...»²⁶

Меньшевистский оратор, потерпев полный провал, вынужден был покинуть митинг. Но каких-либо определенных решений на митинге принято не было. Все ждали чего-то нового из Сухума. Массы были еще не подготовлены к должному восприятию событий, хотя их симпатии с первых же дней революции были на стороне большевиков²⁷.

В марте 1917 года в Гаграх дважды проводились собрания представителей революционных сил северо-западной (Бзыбской) Абхазии, в которых принимал участие и представитель Сочинской большевистской организации Н. П. Поярко²⁸. Руководствуясь установкой большевистской партии, По-

²⁵ ЦГАОРГ, ф. 1471, оп. 1, д. 472, л. 23.

²⁶ Личный архив Н. А. Лакоба (Сухуми, ул. Н. Лакоба, д. 26, кв. М. Джих-оглы). «К истории гражданской войны в Абхазии (1917—1921 гг.)», лл. 36—37.

²⁷ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулна, ф. 1—0, д. 12, л. 18; д. 11, папка № 3, л. 13 об.

²⁸ Н. П. Поярко был одним из руководителей вооруженного восстания в Сочи в 1906 году, а в период борьбы за Советскую власть он возглавлял Совет рабочих и солдатских депутатов, Ревком и Красную гвардию (умер в 1921 г.).

ярко разъяснял подлинную сущность Временного правительства, разоблачал предательство эсеров и меньшевиков, говорил о необходимости развертывания борьбы за передачу власти Советам. На места были посланы агитаторы: в Сочи — Н. Поярко, В. Виноградов и другие; в Гудаутский участок — народный учитель Д. Кобахия, Д. Багателия и Я. Михайлов (Сангулия); в Гагринский — А. Надарейшвили и В. Чантурия²⁹. В самих Гаграх вскоре после революции образовался «Отряд самозащиты», а также Совет рабочих и солдатских депутатов³⁰. Председатель этого Совета Войцехович в ночь на 22 апреля 1917 года приезжал в Гудауты на моторной лодке «Бабочка»³¹.

В конце марта 1917 года в с. Лыхны, на обширной поляне — Лыхнашта, собрался многолюдный сход, имевший задачей, как думали крестьяне, решить вопрос о власти. На нем присутствовало более 3 тысяч крестьян. Почти поголовно явились и помещики. Собравшиеся расположились под вековыми липами. Крестьяне стали отдельно от князей и дворян. Сход открыл upholstery окружной власти дворянин меньшевик В. Лакербая, уже однажды потерпевший поражение, но надевшийся здесь, опираясь на помещиков и кулаков, на успех. Он предложил создать, согласно инструкции Окружка, участковую администрацию. Выступили и некоторые другие абхазские меньшевики. Князья и дворяне (Саатбей Чачба, Мурзакан Лакрба и др.) пытались внушить крестьянам идеи об «отсутствии» классовой борьбы внутри абхазского народа, «единстве интересов» помещиков и крестьян³².

Но все их усилия были тщетны. Призыв помещиков «объединиться в этот исторический день» и создать на этой основе единую власть встретил со стороны трудового крестьянства отпор. Крестьянские ораторы прямо заявили, что крестьяне не могут объединиться с помещиками, когда последние обладают большим количеством лучшей земли и считают себя «благородными», а крестьяне страдают от малоземелья и бесправия. Они говорили, что власть теперь должна принадлежать только трудящимся, старые же порядки должны быть уничтожены³³.

Эти речи, к сожалению, не дошли до нас в письменном виде. Но сохранилось выступление агронома Ефимова. «Ваши враги, — говорил он, обращаясь к крестьянам, — не дремлют, они уже выработали образ действий и выбрали Комитет, который хочет взять власть над вами. В состав этого Комитета

²⁹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гуляна, ф. 1, д. 68, лл. 1—3.

³⁰ ЦГАА, ф. 65, д. 260, л. 25 об.

³¹ ЦГВИА, ф. 12, оп. 1, д. 1300 с, л. 20.

³² ЦГАА, ф. 65, д. 260, лл. 98, 105; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гуляна, ф. 1—0, д. 12, лл. 20—22.

³³ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гуляна, ф. 1—0, д. 12, лл. 21—22.

входят 4 князя, один дворянин и одно лицо нам неизвестное... Скажите, кто же из вас принимал участие в избрании этого Комитета, который хочет сейчас властвовать над вами? Он хочет заменить собою старые власти... Вы видите эти развалины, в них жили в стародавние времена ваши князья. Это здание было построено трудами ваших подневольных предков, по спинам которых гуляла княжеская нагайка. Прошли уже те времена... Но ведь потомки их, помня заветы своих предков, хотят... по-старому управлять вами, потомками их бывших рабов...»³⁴

Задачи, выдвигавшиеся представителями большевистской организации, шли гораздо дальше, чем те, о которых говорил цитированный выше оратор. Н. Лакоба и другие большевики разъясняли сущность революции и те задачи, которые стояли перед трудящимися³⁵. Народный учитель Дмитрий (Никуа) Кобахия, по воспоминаниям участников схода, заявил, что настало время, когда униженные и обиженные будут всем, лозунг об «общенародном единстве» выдуман эксплуататорами лишь для того, чтобы «примирить» эксплуатируемых с нищетой и бесправием. Мы, трудовые люди, не братья тех, которые много времени стегали нас ремнями, нарезанными из нашей собственной кожи³⁶... Н. Лакоба призвал революционное крестьянство к сплочению своих сил, к совместной борьбе трудящихся всех национальностей³⁷.

Надо сказать, что этому сходу предшествовала большая работа большевцов среди трудового крестьянства. Предварительно было созвано совещание большевиков, на котором Н. Лакоба была выдвинута идея создания революционной крестьянской дружины под названием «Киараз». С этой целью Б. Агрба, З. Отырба и другие были направлены в отдельные села. Сам Н. Лакоба выступал на сходе крестьян с. Абгархук³⁸.

Крестьяне на Лыхнинском сходе заглушили голоса князей и дворян. Крестьянин Рашит Гумба заявил о твердой решимости трудового крестьянства организовать власть из своих представителей, а Абзагу Камлия воскликнул: «Пора сбросить, наконец, дворянское ярмо. Что мы будем слушать дво-

³⁴ «Сухумский вестник», 16 апреля 1917 г., № 73.

³⁵ А. Кукба я. Из воспоминаний о революционном движении в Абхазии. ЦГАА, ф. 65, д. 192, л. 18; Его же. Союз попов и социал-предателей. «Красногвардеец — красный партизан Абхазии», 4 марта 1933 г.

³⁶ Эти слова Д. К. Кобахия настолько сильно запечатлелись в памяти очевидцев, что через 23 года, при нашей записи в 1940 году, многие рассказчики, в отдельности, почти одинаково воспроизводили их. См. также арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 12, л. 23.

³⁷ Арх. Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9, лл. 40—41.

³⁸ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 11, папка № 3, л. 13 об.

рянских прихвостней!»³⁹ Из князей и дворян никто теперь не отваживался выступить, опасаясь, очевидно, расправы со стороны возбужденного крестьянства. Ясно видя свой провал, они отказались участвовать и в выборах. По предложению большевиков, сход выразил недоверие Окружному комитету общественной безопасности.

В итоге в органы участковой власти были избраны депутаты от крестьян. Председателем Комитета общественной безопасности Гудаутского участка стал Д. Кобахия, комиссаром — Н. Лакоба. Через несколько дней были избраны и сельские органы из представителей же крестьян. Например, в Лыхнах комиссаром стал Мартын Тарнава, а в Новом Афоне помощником комиссара — С. Пилия⁴⁰.

Таким образом, в Гудаутском участке меньшевистско-дворянский блок потерпел поражение. Ведущая роль в Гудаутском участке уже летом 1917 года принадлежала Совету рабочих и крестьянских депутатов с большевиками во главе. Комиссар участка Н. Лакоба не выполнял распоряжения сухумских властей. Оставлялись без последствий и жалобы крупных землевладельцев на «самовольные захваты» земель крестьянами, на «незаконные» порубки помещичьих лесов и т. д. Гудаутский Совет запретил, например, продавать свою землю крупному помещику Мурзакану Лакрба⁴¹.

В Самурзаканском участке также состоялся сход населения для выборов комитета и комиссариата. На это собрание большевистская организация привела рабочих со строительства железной дороги. Участковым комиссаром был избран большевик Е. Эшба, который разоружил полицию и т. д.⁴² После же его переезда в Сухум меньшевикам удалось 30 июля провести комиссаром своего представителя К. Шария, «выбор» которого, как говорилось в одной телеграмме, направленной ОЗАКОМУ, «совершенно противоречит интересам законных выборов, пристрастие, произвол, незаконные действия...»⁴³

В Гумистинском участке сухумским властям удалось провести в местные органы своих ставленников. Однако и здесь росло классовое самосознание трудящихся. 26 марта 1917 года в селе Дранда состоялся митинг, с трибуны которого крестья-

³⁹ «К истории гражданской войны в Абхазии», л. 38.

⁴⁰ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 12, лл. 24—26; ЦГАА, ф. 65, д. 260, л. 96; Самсон Пилия. 1917—1921 гг. «Красногвардеец — красный партизан Абхазии», 7 ноября 1932 г.

⁴¹ «К истории гражданской войны в Абхазии», лл. 38—39.

⁴² ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 642, л. 6; ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 909, л. 3. Автобиография Е. А. Эшба.

⁴³ ЦГАОРГ, ф. 1471, оп. 1, д. 472, л. 17.

не услышали лозунг: «Да здравствует свобода!» Выступили большевники, приехавшие из Сухума. Они разъясняли массам смысл событий. В этот день через село Дранда проходила кавалерийская часть. Один из крестьян крикнул: «Да здравствует свобода!». Солдаты ответили тем же возгласом. Крестьяне с помощью революционно настроенных бывших солдат, вернувшихся с фронта, начали обезоруживать стражников, урядников и сельских старшин⁴⁴.

Среди кодорского крестьянства появились трибуны, которые беспощадно разоблачали действия агентов Временного правительства и звали массы к борьбе за подлинную народную власть. Одним из таких революционеров, пользовавшихся среди трудящихся большим авторитетом, был крестьянин с. Беслахуба Караман Мамацев, позже зверски убитый князем Т. Маршания в с. Джгерда⁴⁵. Участковым комиссаром был избран депутат крестьянства — народный учитель Антон Логуа⁴⁶.

В мае 1917 года в Очемчирах состоялся новый массовый участковый сход. На нем Н. Лакоба, приехавший из Гудаут, выступил с речью, направленной против князей и дворян, которые и здесь снова потерпели поражение. Когда же они, собираясь уезжать, стали ждать, когда крестьяне, согласно традиции, подведут им лошадей и помогут подняться на седло, Н. Лакоба обратился к крестьянам с призывом покончить с этим обычаем. Князьям и дворянам пришлось самим прислуживаться друг другу и покннуть сход под громкий смех большинства присутствующих⁴⁷. В Гаграх 9 июля 1917 года состоялись выборы в «Гражданский местный комитет»⁴⁸.

Было беспокойно и в воинских частях. Уже на заседании Сухумской городской думы 9 марта 1917 года «вопрос о лицах, сеющих в Сухуме смуту, иллюстрируется характерным примером неповиновения одного солдата приказу адъютанта начальника Сухумского гарнизона». Причем по предложению председателя меньшевистского Совета рабочих депутатов этот вопрос был передан на обсуждение буржуазного исполнительного комитета⁴⁹.

⁴⁴ И. С. Каландия. Аҭсны Асовет мҭра ашьакурҭыларазы ақуҭара агуаларшәарақуа. «Аҭсны Каҭшь», 4 октября 1957 г.

⁴⁵ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 64.

⁴⁶ Антон Сергеевич Логуа (1893—1923) был убит на посту заместителя председателя Исполкома Совета Кодорского уезда 2 июня 1923 года в с. Члоу бандитом (ЦГАА, ф. 10, д. 64).

⁴⁷ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, л. 186/114, лл. 64—65.

⁴⁸ ЦГАА, ф. 51, д. 57, л. 9.

⁴⁹ «Сухумский вестник», 12 марта 1917 г., № 85.

Меньшевики играли руководящую роль в закавказских органах власти, порожденных Февральской революцией. Один из их лидеров А. Чхеидзе стал фактически руководителем ОЗАКОМа, являвшегося местным органом Временного правительства. То же самое было и в Абхазии, где в учреждениях Временного правительства ряд руководящих мест был занят меньшевиками. Д. Захаров стал заместителем председателя Окружного комитета общественной безопасности, а 27 октября 1917 года постановлением ОЗАКОМа был назначен окружным комиссаром⁵⁰. Другой меньшевик Д. Эмухвари с самого начала вошел в состав Окружкома, возглавив продовольственную комиссию, а 24 мая 1917 года был назначен одним из окружных уполномоченных ОЗАКОМа по Абхазии⁵¹.

Таким образом, меньшевики создавали как бы персональную унию между Советами и органами Временного правительства. Эта политика меньшевиков логически вытекала из их взгляда на революцию, как на буржуазную. Они вместе с эсерами скатились целиком к мелкобуржуазной теории «примирения» классов. Выходившая революционная программа Советов, подчиняя их интересам буржуазии, они категорически возражали против лозунга «Вся власть Советам!». В июле 1917 года А. Чхеидзе специально объездил Абхазию, где руководил «выборами» городских дум, «крестьянскими» съездами, укреплением органов милиции и т. д.⁵²

В Абхазии, как уже отмечалось, Советы рабочих и солдатских депутатов возникли в первые дни революции. В Сухуме они существовали раздельно. Руководство Советом рабочих депутатов находилось в руках меньшевиков (председатель С. Рамишвили). Большевик А. Урушадзе, служивший в местном лазарете, стал председателем Совета солдатских депутатов вместо меньшевика Д. Эмухвари, а С. Кухалейшвили — членом президиума. Но этот Совет также оказался неспособным противопоставить себя буржуазно-дворянской власти. Более того, 11 марта 1917 года он обратился в Сухумскую городскую думу с просьбой о кооптировании в состав гласных трех его представителей, в том числе А. Урушадзе и С. Кухалейшвили, заявив при этом, что он ставит своей целью служение интересам Временного правительства⁵³. А когда в марте же месяце сухумские рабочие-печатники объявили экономическую

⁵⁰ ЦГАОРГ, ф. 1471, оп. 1, д. 472, лл. 23, 34.

⁵¹ Там же, л. 3.

⁵² Там же, ф. 1472, оп. 1, д. 54, лл. 19—21.

⁵³ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 56, л. 16: აბგოსმუზეუმის მდივანის ანგარიში. Указ: соч., стр. 11—14.

забастовку, для проведения которой была избрана комиссия в составе В. Иванова, В. Каландарашвили и П. Яхиопуло, то в это дело вмешался Совет солдатских депутатов, который предложил рабочим приступить к работе, мотивируя тем, что забастовка «немыслима» в дни революции, когда печать имеет особенно большое значение⁵⁴. Таким образом, большевики, находившиеся в Сухумском Совете солдатских депутатов, в первые дни революции заняли глубоко ошибочную позицию по отношению к буржуазному Временному правительству. Такую позицию в этих новых условиях, как известно, заняли некоторые большевистские комитеты и ряд видных работников партии⁵⁵.

В результате всего этого Сухумский и некоторые другие Советы вскоре оказались под буржуазным контролем, превратились в придаток буржуазных органов, а отдельные их руководители с самого начала приняли активное участие в органах буржуазно-помещичьей власти. В этом отношении резко отличался Гудаутский Совет, в котором преобладало влияние большевиков, вследствие чего сухумские меньшевики не раз прибегали в действиях против него к вооруженной силе.

В резолюции, принятой по предложению меньшевиков окружным съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, состоявшимся в Сухуме 29 мая 1917 года, говорилось, что вся полнота исполнительной власти принадлежит городскому и окружному буржуазным исполнительным комитетам, а Советы рабочих и солдатских депутатов являются лишь органами контроля⁵⁶. Следовательно, Советы словно были созданы только для того, чтобы способствовать буржуазной власти, следить за действиями ее представителей и оказывать некоторое давление на эту власть.

Представляет интерес для характеристики работы меньшевистских советов заседание Сухумского Совета от 15 мая 1917 года. К сожалению, до нас не дошел протокол этого заседания, но сохранились о нем кое-какие сведения из статьи одного из его участников, напечатанной в органе сухумского комитета партии эсеров газете «Наш путь» под названием «Впечатление из поездки по Абхазии». Из этой статьи видно, что на указанном заседании, происходившем под председательством Д. Захарова, наряду с другими вопросами обсуждался и вопрос о борьбе против крестьянских выступлений. Уже только такая постановка вопроса является чрезвычайно показатель-

⁵⁴ ЦГАА, ф. 101, д. 326, л. 33. История Союза печатников.

⁵⁵ См. «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1962, стр. 210.

⁵⁶ «Наш путь», 31 мая 1917 г., № 6, Сухум.

ной. Воинственно настроенный меньшевик Куликовский разразился речью, в которой заявил: «Если кучка каких-то абхазцев в горах взбунтуется против нас, то мы их не боимся, у нас для этого есть пушки, пулеметы и пр.»⁵⁷.

Меньшевики в блоке с другими контрреволюционными силами всячески старались пресечь деятельность подлинных революционеров, которые в первый период революции, благодаря поддержке народных масс, оказались в руководстве того или иного административного органа или учреждения и заменить их своими единомышленниками. В этом отношении характерно, что сухумское казначейство перестало отпускать средства на содержание гудаутского административного управления, а против Гудаутского Совета не раз направлялись карательные отряды.

2 июля 1917 года состоялись выборы в Сухумскую городскую думу. Опираясь на буржуазные элементы города, меньшевики добились большинства в думе. Городским головой был избран меньшевик В. Чхиквишвили⁵⁸.

Предательскую роль играли и эсеры. Они стремились оживить свою работу, добиваясь влияния среди масс. С этой целью Сухумский комитет эсеровской партии с 14 мая 1917 года начал выпускать газету «Наш путь». Сухумские эсеры (Н. Доценко и др.) пытались использовать для поднятия «авторитета» своей организации и приезд известного русского революционера, социалиста Г. А. Лопатина (1845—1918) в Сухум в мае 1917 года. В своем органе они дали хвастливое сообщение о том, что вместе с Лопатиным обсуждали «отношение к текущему моменту»⁵⁹.

* * *

Люди, сидевшие в органах буржуазно-помещичьей окружной власти, вместе с теми, чьи интересы они представляли, всякими путями стремились задержать дальнейшее развитие и углубление революции в крае.

По вопросу войны они стояли на позиции необходимости продолжения ее «до победного конца». Сухумские либералы в программной статье «Возрождение России», напечатанной в журнале «Черноморское сельское хозяйство», писали: «Рабочие к станкам, солдаты в окопы!— вот клич нашего правительства, вокруг которого надо всем объединиться. Сейчас надо всем забыть всякую личную и национальную вражду, всякие партийные счеты и всем работать только в одном направлении, чтобы довести войну до победного конца»⁶⁰. В сухумских

⁵⁷ «Наш путь», 21 мая 1917 г., № 3.

⁵⁸ ЦГАА, ф. 6, д. 139, л. 159.

⁵⁹ «Наш путь», 31 мая 1917 г., № 6.

⁶⁰ ЧСХ, №№ 3—4, 1917, стр. 79.

воинских частях был оставлен черносотенный офицерский состав. Старое Окружное воинское присутствие по-прежнему выполняло свои функции. Были вызваны к исполнению воинской повинности по досрочным призывам военнообязанные за 1917, 1918 и 1919 годы, а также много ратников ополчения 1 и 2 разрядов призывных возрастов и белобилетников призывов с 1910 по 1916 год для нового переосвидетельствования. 22 апреля 1917 года Д. Захаров в официальном отделе газеты «Сухумский листок» выступил с угрожающей статьей, которая заканчивалась словами: «Укрывающиеся (от явки к исполнению воинской повинности. — Г. Д.) будут немедленно задержаны и отправлены этапом». Было проявлено большое усердие и в распространении «Займа свободы», рассчитанного на увеличение военных расходов для продолжения войны, а также в сборе средств среди населения.

Окружное и сухумское городское управления безуспешно пытались разрешить тяжелое продовольственное положение Абхазии. Они стремились «усоветить» богачей, умоляя их пойти на некоторые уступки. «Пусть никто не думает, — говорилось в воззвании Сухумского исполкома, — что права, имущество, блага жизни достаются без жертв, без труда, без ограничений своих appetитов. Вот руководствуясь этими соображениями, Сухумский исполнительный комитет обращается с настоятельной просьбой прежде всего к сухумским купцам умерить свои запросы на прибыль, сократить размер получаемого процента за свои посреднические услуги; цены на товары будут установлены особо избранной комиссией...»⁶¹ 1 апреля 1917 года А. Шервашидзе и Д. Захаров циркулярно доводили до сведения участковых и сельских исполнительных комитетов, что привоз пищевых продуктов (муки, кукурузы и др.) в Абхазию будет весьма ограничен, а к осени, возможно, совершенно прекратится и «округу может угрожать голод». В обязательном порядке устанавливалось, чтобы каждое хозяйство в крае производило посев кукурузы в таком размере, при котором оно могло бы прожить год без покупного хлеба⁶².

Разумеется, эти меры не спасли положения. Напротив, продовольственное положение Абхазии все более и более ухудшалось. В газете «Сухумский вестник» 16 июля 1917 года писалось: «Граждане, мы страдаем от дороговизны... Но, страдая, делаем ли хоть что-нибудь, чтобы парализовать это постоянное возрастание цен на предметы первой необходимости?.. И перед нами стоит грозный призрак того, что и за деньги мы не сможем удовлетворить своих даже самых скромных пот-

⁶¹ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 59, л. 7.

⁶² ЦГАОРГ, ф. 1471, оп. 1, д. 629, л. 18.

ребностей. Граждане! Не пора ли подумать о средствах борьбы с ней?»

Появляются предложения есть дельфинов, воробьев и голубей. Доктор зоологии А. А. Дирсен писала в журнале «Черноморское сельское хозяйство»: «Нет ничего невозможного в том, что хорошо приготовленное дельфиновое мясо было бы вкуснее нашей буйволятины, которую мы принуждены есть, а голуби и воробьи по вкусу напоминают дичь». Вместе с тем Дирсен, констатируя, что в то время, когда «население стонет под бременем дороговизны продуктов», прекратились рыбный, дельфиновый и устричный промыслы, подчеркивала, что в мирное время, когда совершался правильный подвоз продовольствия, Сухум потреблял по самому скромному подсчету не менее 8 тыс. пудов свежей рыбы, привозимой из разных пунктов побережья и добываемой в сухумских водах; «теперь же, при полном расстройстве транспорта и при недостатке пищевых продуктов, мы лишились к тому же и этих 8000 пудов рыбы»⁶³.

Разрешение земельного вопроса, вопроса о лесах, о предприятиях и др. оттягивалось «до Учредительного собрания». По земельному вопросу, являвшемуся самым жгучим вопросом для основного населения края, ОЗАКОМ ограничивался лишь съемочно-топографическими работами. В постановлении временной комиссии ОЗАКОМа по земельным делам от 31 марта 1917 года, утверждением ОЗАКОМом 13 апреля того же года, прямо говорилось, что в Абхазии в 1917 году будут произведены только съемочные работы для выяснения количества земель, угодий и т. д.⁶⁴ Однако Сухумский окружной комитет общественной безопасности был вынужден сам заняться этим вопросом, поскольку в обстановке нарастающего аграрного движения это требовалось для спасения помещичьего хозяйства. Земельная комиссия комитета, сплошь состоявшая из помещиков и их классовых друзей, пыталась фактически продолжать столыпинскую аграрную политику. Она стремилась наделить землей «сильных хозяев» (кулаков) за счет некоторых «казенных» и общинных фондов, а также «бесхозяйственных» имений (большей частью имений бывших царских чиновников, покинувших Абхазию). Буржуазно-помещичья власть пыталась создать «массовую опору» в деревне, привлекая на свою сторону деревенскую верхушку.

В газете «Наше слово» от 31 мая 1917 года в статье «Общинное и частное землевладение» приводились следующие факты: «...Нуждающиеся крестьяне стали продавать свои частные наделы. Скупщики и эксплуататоры, пользуясь нуждой своих односельчан, стали скупать у них земли всяческими

⁶³ ЧСХ, №№ 3—4, 1917, стр. 91—104.

⁶⁴ ЦГАОРГ, ф. 1471, оп. 1, д. 825, лл. 44—46.

путями. Пошла бешеная купля-продажа земель... Безвыходная нужда малоземельных крестьян, имеющих всего 2—3 десят. неудобной земли на человека, платящих высокие сельские налоги и масса других причин экономического характера, толкала наших крестьян продавать свои земли.

Что же касается деятельности той местной администрации (участковой и сельской), где сидели, во всяком случае в первый период революции, некоторые подлинные представители крестьянства, то они были лишены возможности предпринять какие-либо шаги, тем более, что Временное правительство категорически считало «недопустимым проявление насилия над личностью (крупных землевладельцев. — Г. Д.) и самопроизвольное разрешение земельного вопроса в совершенно случайном порядке самим заинтересованным населением»⁶⁵.

Об этом же писал и ОЗАКОМ в специальном отношении от 23 апреля 1917 года всем губернским, окружным и областным исполнительным комитетам⁶⁶. Летом 1917 года ОЗАКОМ вновь разослал губернским комиссарам директиву по земельному вопросу, которая гласила: «По всей строгости закона преследовать лиц, виновных в самочинных действиях... Предложить населению впредь до решения вопроса о земле Учредительным собранием безнедоимочно уплачивать поземельные и другие налоги и платежи в земельные банки»⁶⁷.

Председатель ОЗАКОМа Б. Харламов еще 11 апреля 1917 года телеграфировал в Сухум: «Самовольных захватов нельзя допускать. Комитет должен принять меры к урегулированию отношений между владельцами земли и арендаторами»⁶⁸. Член ОЗАКОМа меньшевик А. Чхенкели также писал в Гудауту 29 апреля 1917 года: «Лишение свободы за неуплату арендных денег, захват частновладельческих земель безусловно воспрещен. Аграрный вопрос разрешается [в] законодательном порядке»⁶⁹. Комиссар Гумистинского участка в своем отношении Драндскому земельному комитету от 25 апреля 1917 года предлагал предупредить «всех вообще арендаторов не захватывать самовольно никакой земли»⁷⁰.

Особенно тяжелым было положение рабочих. В резолюции общего собрания рабочих и служащих Черноморской железной дороги, состоявшегося 15 апреля 1917 года, приводились факты издевательства над рабочими и служащими. Так, инженер Невесский бил рабочих⁷¹. Рабочие-пищевики

⁶⁵ «Наш путь», 31 мая 1917 г., № 6.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Цит. по книге Г. В. Хачапурдзе. Борьба за пролетарскую революцию в Грузии. Тбилиси, 1936, стр. 180—181.

⁶⁸ ЦГАОРГ, ф. 1472, оп. 1, д. 54, л. 2.

⁶⁹ Там же, л. 7.

⁷⁰ ЦГАА, ф. 12, д. 569, л. 6.

⁷¹ «Сухумский вестник», 20 апреля 1917 г., № 75.

вспоминали впоследствии, что им приходилось работать в исключительно тяжелых условиях продолжительное время, при этом они были лишены возможности собираться для обсуждения каких-либо своих вопросов⁷².

Хотя был издан декрет о 8-часовом рабочем дне, но он был снабжен такими оговорками, которые лишали его всякого значения. Рабочих заставляли работать 10—12 и более часов в сутки. В газете «Сухумский вестник» 20 апреля 1917 года была помещена статья под названием «Еще о 8-часовом рабочем дне», в которой анонимный автор писал: «В своей заметке «Внимание Совета рабочих депутатов» я писал о том, что многие хозяева перечисленных мною категорий не ввели до сих пор 8-часовой рабочей день». Рабочим, выполняющим издольную работу, хозяева «выдают на харчи деньги... 30 коп. в день и 20 руб. в год на одежду. Это — при теперешних-то ценах! Я полагаю, что Совету рабочих депутатов надо было бы более детально ознакомиться с положением как мастеров, так и учеников в разных мастерских. Известно ли, например, Совету, что у многих даже и обеденный перерыв не соблюдается, вопреки постановлению?» Данная статья заслуживает внимания и для характеристики меньшевистского Совета.

Комиссар торговли и промышленности ОЗАКОМа М. Джафаров 5 сентября 1917 года телеграфировал в Сухум комиссару труда ОЗАКОМа на Черноморской железной дороге В. Чхиквишвили:⁷³ «Прошу обратить внимание на положение рабочих Самурзаканского района Черноморской дороги. По заявлению представителя рабочих Хабурзаня, рабочие пятый месяц не получают жалованья»⁷⁴.

Жестоко страдали и служащие. Сухумский городской голова 1 июля 1917 года писал, что в кассе нет денег и служащие во всех учреждениях города испытывают нужду⁷⁵.

Буржуазное правительство еще менее было в состоянии разрешить национальный вопрос; оно не объединяло народы, а разъединяло их.

В Абхазии, как и в соседних с ней районах, грабежи и другие уголовные преступления стали массовым явлением, о чем свидетельствуют многочисленные документы того периода⁷⁶. Так, председатель «Гражданского комитета» Гудаут Любарский 26 июля 1917 года телеграфировал в Тифлис А. Чхенкели: «Покорнейше прошу распоряжения спешно прислать конный наряд тридцать человек для ночной патрульной служ-

⁷² ЦГАА, ф. 101, д. 325, лл. 23—24.

⁷³ В. Чхиквишвили в качестве комиссара ЧЖД по уполномочию ОЗАКОМа в Сухум прибыл в мае 1917 года.

⁷⁴ ЦГАА, ф. 4, д. 2607, л. 2.

⁷⁵ Там же, д. 2599, л. 10.

⁷⁶ ЦГВИА, ф. 12, оп. 1, д. 1300 с.

бы. Грабежи в Гудаутах сильно участились. Население в страхе»⁷⁷.

Такое положение естественно толкало трудящихся Абхазии на путь революционной борьбы. В 1917 году был организован ряд профессиональных союзов. Вскоре после Февральской революции в Сухуме был создан профсоюз печатников⁷⁸, в марте — Товарищество извозопромышленников⁷⁹, в апреле — Общество педагогов Абхазии⁸⁰, в мае — профсоюз портовых грузчиков⁸¹. В первой же половине 1917 года образовались профсоюзы рабочих табачных плантаций Гумистинского участка⁸², шоссеииков, фармацевтов, бухгалтеров и конторщиков⁸³.

3 апреля инженеры и техники Сухумского отдела строительства Черноморской железной дороги, игнорируя рабочих и служащих, создали из своего состава комитет во главе с ненавистным рабочим инженером Невеским. В ответ на это 15 апреля состоялось общее собрание рабочих и служащих в количестве 500 человек. Было решено организовать Союз рабочих и служащих, а также произвести на местах выборы выборщиков для центрального комитета. В резолюции этого собрания было выражено порицание инженерам и техникам, которые 3 апреля «состряпали из своего состава самозванный комитет без участия рабочих и служащих, вероятно, в надежде, что рабочие, служащие и мастеровые будут слепо подчиняться старой власти». «В этом комитете узурпаторов, — говорилось далее в резолюции, — избран был председателем известный насильник, который бил своими руками рабочих» (инженер Невеский. — Г. Д.)⁸⁴.

16 июля 1917 года был создан Сухумский союз табачных плантаторов-крестьян⁸⁵. В докладной записке правления этого союза на имя II крестьянского съезда так определялись его цель и задача: «Борьба с купцами-спекулянтами, которые пользовались покровительством старого правительства, брали народные деньги в банках и посредством этого наживали себе огромные капиталы; и вместе с тем десятки лет высасывали кровь и пот с плантаторов-крестьян, за счет труда которых еще более усиливали свои капиталы, нажитые на народные деньги»⁸⁶.

77 ЦГВИА, ф. 12, оп. 1, д. 1300 с, л. 86.

78 ЦГАА, ф. 101, д. 5, л. 33.

79 Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулна, ф. 1, д. 60, л. 4.

80 ЦГАА, ф. 101, д. 325, лл. 51—52; д. 5, лл. 126—127.

81 Журн. «Профессиональная жизнь Абхазии», январь 1922 г., № № 1—2, стр. 51, Сухум.

82 «Трудовая Абхазия», 23 марта 1930 г., Сухум.

83 ЦГАА, ф. 6, д. 17, л. 129.

84 «Сухумский вестник», 20 апреля 1917 г., № 75.

85 ЦГАА, ф. 321, д. 1, л. 1.

86 Там же, д. 3, л. 5.

Вопреки меньшевистским призывам, рабочие и мелкие служащие вели борьбу за улучшение своего материального положения. В марте 1917 года сухумские печатники объявили экономическую забастовку. Для проведения и руководства забастовкой была избрана специальная комиссия. Забастовка не на шутку испугала соглашательский Совет рабочих депутатов, и ему удалось сорвать забастовку в самом ее начале⁸⁷.

Сухумский комитет партии меньшевиков 23 марта 1917 года на страницах буржуазной газеты «Сухумский вестник» выступил с воззванием к рабочим и служащим торгово-промышленных предприятий. Констатируя, что «в последнее время» эти массы «стали предъявлять к хозяевам экономические требования», комитет утверждал, что будто такие «разрозненные выступления» «ослабляют мощь и смысл рабочего движения» и предлагал «действовать совместно с ним и при его только посредстве, обращаясь к нему всякий раз».

Часты были забастовки рабочих на строительстве Черноморской железной дороги. Особенно характерны две забастовки, возникшие в 1917 году в Самурзаканском участке. Первая забастовка была объявлена в апреле месяце и длилась 7 дней. Рабочие требовали увеличения заработной платы, уменьшения рабочего дня и улучшения питания. Меньшевики пытались сорвать забастовку, но рабочие упорно отстаивали свои требования. В результате, требования рабочих были частично удовлетворены. Руководитель большевистской организации этого участка Я. Хабурзания был арестован меньшевистскими властями, но через несколько дней, по требованию рабочих, освобожден и направлен на место работы в Гали.

В мае вспыхнула вторая забастовка железнодорожных рабочих по всей линии ЧЖД Самурзаканского участка. Она скоро перекинулась и на Кодорский участок. Движением и в данном случае руководили большевики. По их инициативе в Оцемчирах было созвано общее собрание рабочих стройки обоих участков. И на этот раз меньшевики пытались сорвать забастовку. Но их ораторы были удалены рабочими с трибуны. Рабочие выиграли забастовку; было заключено соглашение, хотя власти затем и расторгли его. Революционное движение железнодорожных рабочих Самурзаканского участка настолько усилилось и настолько стало заметно руководством большевиков, что В. Чхиквишвили вынужден был поставить официально вопрос о прекращении работ на этом участке железной дороги. Обеспокоенные власти решили приостановить строительство дороги в Самурзаканском участке⁸⁸ и, та-

⁸⁷ ЦГАА, ф. 101, д. 31, лл. 31—34.

⁸⁸ ПА Грузфилнала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 909, лл. 4—5.

ким образом, «большевиетски настроенных рабочих выкинули» из Абхазии⁸⁹.

Было неспокойно и на всей линии строительства ЧЖД. Рабочие Сухумского отдела дороги добились удаления инженера Н. Невесского с поста председателя комитета союза и выдвинули на эту должность своего представителя. В Мюсере железнодорожные рабочие создали комитет во главе с Грачевым. Над зданием, в котором находился рабочий комитет, было водружено красное знамя. Как вспоминает член комитета Д. П. Агрба, часто устраивались собрания рабочих, на которых обсуждались вопросы об установлении 8-часового рабочего дня и увеличении заработной платы, и рабочие частично добились удовлетворения своих требований⁹⁰.

О некоторых фактах крестьянского движения уже говорилось. Заслуживает внимания и следующее событие. В мае 1917 года по инициативе представителей крестьян в земельных органах был созван гудаутский участковый крестьянский сход. Вновь на Лыхинской поляне собрались крестьяне, а также князя и дворяне. Снова разгорелась борьба между крестьянами и помещиками, которая сейчас носила еще более острый характер. Она шла вокруг земельного вопроса. Крестьяне настаивали на немедленном разрешении аграрного вопроса, они требовали землю. Крупный помещик Мурзакан Лакрба, всячески обороняясь от наступления крестьянства, ссылался на тот факт, что нигде еще в России крупные частновладельческие земли не переданы крестьянам.

Возражая одному из крестьянских ораторов, заявившему, что нет никакой «особой природы» дворян, Лакрба многозначительно показал на свои погоны (он был в чине юнкера милиции), на что Н. Лакоба ответил, что уже нет того, кто их дал ему и охранял⁹¹. Лакрба бросил реплику: «Ты говоришь, что старого режима нет. Значит, ты и погоны с меня снимешь?» На это Лакоба сказал: «Пачкать мои руки я не стану, а погоны твои сами скоро спадут с твоих плеч»⁹². Заявление Н. Лакоба о том, что «дело мурзакановых уже похоронено»⁹³ — было встречено крестьянской массой с громадным удовлетворением. Чтобы избежать открытого столкновения с крестьянами, помещики вынуждены были поспешно удалиться. Вслед им неслись угрозы и проклятия⁹⁴.

Учащаются случаи захвата помещичьих и монастырских земель крестьянами. Еще 6 апреля 1917 года А. Шервашидзе

⁸⁹ Е. Эшба. Выборы Сухумского совета. «Голос Трудовой Абхазии». 1 февраля 1922 г., № 25.

⁹⁰ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 23 в.

⁹¹ Там же, ф. 1—0, д. 12, лл. 33—34.

⁹² «К истории гражданской войны в Абхазии», л. 40.

⁹³ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 67, л. 10.

⁹⁴ Там же, ф. 1—0, д. 12, лл. 33—34.

и Д. Захаров телеграфировали ОЗАКОМУ: «Самовольно некоторые лица захватывают частновладельческие земли. Просим указаний»⁹⁵.

Для характеристики настроения трудовой интеллигенции небезынтересен следующий факт. Первый учительский съезд Абхазии, состоявшийся в Сухуме 6 апреля 1917 года, выразил недоверие епархиальному наблюдателю школ и, с целью ограничения его прав, избрал комитет по управлению школами Абхазии, без ведома и согласия которого запрещалось производить всякие перемещения, увольнения и назначения учителей. На этом же съезде было образовано Общество педагогов Абхазии и утвержден его устав⁹⁶.

* * *

Если говорить об общем политическом положении в Абхазии после Февральской революции, следует отметить и то обстоятельство, что здесь, как и повсюду, наблюдалось известное оживление и среди духовенства. Местное духовенство, до этого находившееся на заднем плане (в крае господствовали ставленники Российского синода), начинает борьбу за руководство; в ней приняли участие и представители буржуазно-националистической интеллигенции.

Грузинское духовенство созвало съезд, на котором был решен вопрос о восстановлении в Грузии патриархата-католикосата⁹⁷. 27 мая 1917 года в Сухуме также состоялся съезд духовенства Абхазии, который, заслушав доклад о «тяжком крестном пути абхазской церкви», принял резолюцию об образовании «отдельной, независимой и вполне самостоятельной абхазской церкви»⁹⁸.

Так часть абхазской интеллигенции, преимущественно буржуазно-националистической, вкупе с «отцами» церкви и представителями буржуазно-помещичьих кругов, занялась вопросами церкви. В условиях, когда перед пролетариатом и беднейшим крестьянством стояла задача осуществления социалистической революции, борьба за «определение положения абхазской церкви» была контрреволюционной. И меньшевики, конечно, охотно пошли на заключение негласного союза с церковью. Вот почему трудящиеся массы отрицательно отнеслись к тому, что так сильно волиовало церковников и националистическую интеллигенцию, хотя и те и другие и пытались говорить от имени народа. Кроме того, некоторые из тех интеллигентов, которые вначале были вовлечены в

⁹⁵ ЦГАОРГ, ф. 1472, оп. 1, д. 54, л. 1.

⁹⁶ ЦГАА, ф. 101, д. 325, лл. 51—52; д. 326, лл. 26—27.

⁹⁷ Ф. Махарадзе. Диктатура меньшевистской партии в Грузии. Госиздат. Тифлис, 1921, стр. 83.

⁹⁸ Резолюцию съезда см. в приложении к брошюре М. И. Тарнава «Краткий очерк истории Абхазской церкви». Сухум, 1917.

«церковное дело», вскоре не только отошли от него, но и включились в активную революционную борьбу.

Поскольку в составе делегатов съезда было немало крестьян, приглашенных сюда для соблюдения «демократии», большевики решили использовать и эту трибуну для разоблачения контрреволюционных элементов. Например, Н. Лакоба поднял на смех организаторов съезда, назвав их «мировыми посредниками между богом и людьми». Несмотря на отрицательную реакцию руководства, Н. Лакоба смело перешел от отвлеченных религиозных споров к обсуждению волнующих народные массы вопросов. «Трудовой народ, — сказал он, — должен теперь сам разрешать наболевшие вопросы, а здесь попы, вкупе с людьми в чинах, орденах и аксельбантах, говорят за него и говорят от имени народа»⁹⁹.

Ни «разрешение» церковного вопроса, ни организация органов Временного правительства не могли, однако, задержать развитие революционного движения в крае, которым руководили большевики.

* * *

Только партия большевиков, как единственная революционная партия пролетариата, разоблачая предательскую политику соглашательских партий, вела неутомимую борьбу за торжество интересов трудящихся. Большевистские организации Грузин и Закавказья, выйдя из подполья после Февральской революции, развернули политическую и организационную работу среди трудящихся. В то время, как мелкобуржуазные партии ограничивались рамками буржуазно-демократической революции, большевики края твердо проводили политическую линию, направленную на дальнейшее развитие революции. Они исходили из Апрельских тезисов В. И. Ленина и решений VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), в которых был определен курс партии на переход от первого этапа революции, «давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»¹⁰⁰.

Руководствуясь решениями Апрельской партийной конференции, большевики Грузии порвали формально существовав-

⁹⁹ «К истории гражданской войны в Абхазии», л. 41.

¹⁰⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 4.

¹⁰¹ Вскоре после Февральской революции тифлиссские большевики пошли на формальное объединение с меньшевиками. 26 марта 1917 г. был создан временный объединенный Тифлиссский комитет РСДРП.

шую организационную связь с меньшевиками и создали самостоятельные большевистские организации¹⁰¹. 5 июля 1917 года в Тифлисе состоялась общегородская конференция большевиков, избравшая Тифлисский комитет РСДРП(б). Большевики вслед за этим полностью порвали с меньшевиками и выделились в самостоятельную организацию в Батуме, Чиатурах, Кутаисе, Гори и других городах.

Так было и в Сухуме. Е. Эшба писал, что в мае 1917 года он, С. Кухалейшвили, Н. Сванидзе и К. Макаров «учинили раскол в Окружном объединении с.-д. комитете и основали свой, большевистский комитет (председателем был избран я)»¹⁰². Этот факт подтверждает и С. Кухалейшвили, который сообщает: «С Февральской революции 1917 года в течение трех месяцев мы (большевики. — Г. Д.) и меньшевики имели одну организацию, где коммунисты были сплочены в отдельной фракции. Положение постепенно обострялось. С каждым днем становилось ясно, что меньшевистское направление шло в буржуазное болото, а нам нельзя было с ними оставаться, поэтому и организовали отдельную независимую организацию, членами которой были — я, Эшба, Сванидзе и Добровольский»¹⁰³.

Сухумский окружной комитет РСДРП(б) во главе с Е. Эшба, по свидетельству того же С. Кухалейшвили, «усилил работу по всему Сухумскому округу»¹⁰⁴. Ефрем Алексеевич Эшба в Коммунистическую партию вступил в 1914 году. В 1913 — 1916 годах, будучи студентом юридического факультета Московского университета, он принимал участие в революционном движении в Москве, за что был арестован и после 7-месячного предварительного тюремного заключения предан военному суду, но бежал на Кавказ. В Абхазию Эшба вернулся после Февральской революции и сразу окупился в активную революционную борьбу¹⁰⁵.

В Сухуме большевики опирались на революционно настроенных рабочих порта, печатников и табачников, а также на солдат караульной роты, расположенной в казармах бывшего Сухумского полка. Была создана группа из наиболее подготовленных рабочих, через которых сухумские большевики непосредственно вели работу среди рабочих и солдатских масс. Например, грузчику Сухумского порта И. Рудь, рабочему одной из столярных мастерских А. Квятко и члену комитета А. Перову была поручена работа среди солдат караульной роты, старому большевику В. Иванову и типографскому рабочему И. Бакрадзе — среди печатников и табачников, рабочим

¹⁰² ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, л. 642, л. 6.

¹⁰³ ЦГАОРГ, ф. 791 с/2417, оп. 1, д. 351, л. 23. ს. კუხალეიშვილი და ნ. სვანიძე, «გადასული რევოლუციის შემდეგ», 1927 წ.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 642, лл. 5—10; МГОАОР, ф. 2165, оп. 1, д. 1690, лл. 16—17.

К. Макарову и Т. Хребтову — в железнодорожном батальоне¹⁰⁶. Среди рабочих Сухумского порта большую работу вел П. Кобанцов, через которого проходила вообще вся подпольная корреспонденция¹⁰⁷. В результате такой политической работы во всех названных учреждениях и организациях к началу 1918 года были созданы боевые группы.

Усилилось влияние большевиков, как уже отмечалось, и в Совете рабочих и солдатских депутатов, куда вошла целиком большевистская ячейка, возникшая еще в 1916 году среди солдат Сухума¹⁰⁸. Сухумский гарнизон к августу 1917 года был фактически в руках большевиков¹⁰⁹.

Революционной работой в Гумистинском (Сухумском) участке непосредственно руководил Г. Атарбеков, член большевистской партии с 1908 года, участник революционного движения с 1905 года. Он приехал в Абхазию по состоянию здоровья в начале 1917 года и поступил на работу в профсоюз рабочих табачных плантаций указанного участка в качестве секретаря¹¹⁰. Атарбеков установил связь с рабочими и крестьянскими массами и сразу же, как впоследствии вспоминали сухумские рабочие, зарекомендовал себя подлинным защитником рабочих¹¹¹.

Вместе с Атарбековым активную революционную работу вел Класион Меладзе. Орган Кавказского и Тифлисского комитетов РСДРП(б) газета «Кавказский рабочий» о революционной деятельности К. Меладзе того периода писала, что «все время имел тесную связь с рабочими табачных плантаций Черноморского побережья. Приезжие товарищи разыскивали его всегда среди рабочих». Газета отмечала роль Меладзе в работе большевистских организаций в Сухуме и его окрестностях¹¹². Другими наиболее активными деятелями здесь являлись С. Кухалейшвили и Е. Дамения, которые также вели политическую работу на лесозаводе (Кодор), в селах (Дранда, Бабушера и др.) и среди рабочих и солдат Сухума¹¹³.

С первых же дней Февральской революции в Гудаутском участке активно выступила группа большевиков во главе с Н. А. Лакоба. Уже говорилось о той деятельности, которая была развернута этой группой в связи с событиями, вызванными Февральской революцией. Большевики здесь с весны 1917

¹⁰⁶ ПА Грузфилинала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 504, л. 215; Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии. Сб. «К истории революционного движения в Абхазии». Сухум, 1922, стр. 8; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 8, л. 3; ф. 1, д. 166/114, лл. 1—3.

¹⁰⁷ ЦГАА, ф. 65, д. 145, л. 1 об.

¹⁰⁸ С. Кухалейшвили. Обзор революционной работы в Абхазии. стр. 26; აბხაზე რევოლუციის უკანა პერიოდი. Указ. соч., стр. 10—12.

¹⁰⁹ აბხაზე რევოლუციის უკანა პერიოდი. Указ. соч., стр. 12.

¹¹⁰ ПА Грузфилинала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 34, лл. 103—107.

¹¹¹ «Трудовая Абхазия», 23 марта 1926 г., Сухум.

¹¹² «Кавказский рабочий», 25 января 1918 г., № 18, Тифлис.

¹¹³ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 8, л. 3.

года пользовались большим влиянием среди трудящихся. В сухумской эсеровской газете «Наш путь» 21 мая 1917 года сообщалось, что в Гудаутском участке «все интеллигентные абхазцы принадлежат к социал-демократической партии» — речь идет о большевистской партии. «Я объясняю это явление большой организованностью названной партии в этом районе...», — заключал автор, объездивший районы Абхазии.

Как известно, в Гудаутском участке, как и во всем крае, кипучую революционную работу вел в 1905 году выдающийся деятель Коммунистической партии Г. К. Орджоникидзе. И многие из тех, кем руководил пламенный ленинец в период первой русской революции, снова выступали активными участниками революционной борьбы. Немало крестьян еще хранили у себя розданное им 12 лет назад оружие.

Гудаутский комитет РСДРП(б) в составе Н. Лакоба, Д. Смирнова, В. Конджария, П. Козловского и других обеспечивал правильное политическое руководство революционным движением трудящихся масс. Он сплотил вокруг себя железнодорожных рабочих, солдат гарнизона и трудовую интеллигенцию, в первую очередь сельских учителей и агрономов. Особое внимание уделялось работе среди крестьянства. Активную революционную работу в деревне по заданию большевистской организации вели крестьяне Б. Агрба и З. Отырба, а также народные учителя Д. Кобахия, М. Гобечия, И. Чамуга, А. Кукба и другие. Некоторые из них стали впоследствии важными деятелями борьбы за Советскую власть в Абхазии. Это относится прежде всего к Максиму (Иса) Георгиевичу Гобечия, который в большевистскую партию вступил в 1917 году¹¹⁴. Большевики, как отмечалось, руководили Советом, который фактически управлял участком¹¹⁵.

Гудаутский большевистский комитет выступал с воззваниями к трудящимся, которые разоблачали предательство меньшевиков, призывали к борьбе с помещиками и буржуазией. Большое внимание уделялось делу воспитания трудящихся в духе пролетарского интернационализма. В указанных воззваниях подчеркивалось, что интересы трудящихся всех национальностей, населяющих Абхазию, совпадают; при этом предупреждалось, что будут попытки со стороны врагов посеять национальную рознь и т. д.

Небезынтересен и такой факт. На крестьянском митинге в с. Петропавловском (ныне Приморское) Н. Лакоба высту-

¹¹⁴ М. Г. Гобечия (Гуатас-ипа) — сын лыхнинского крестьянина; перед революцией 1917 года ряд лет работал в качестве народного учителя в разных селах Гудаутского участка: Абгархук, Отхара, Лыхны.

¹¹⁵ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 7; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гуляя, ф. 1—0, д. 8, л. 3.

пил с речью на тему «Война или мир». В этом кулацкие элементы усмотрели агитацию против Временного правительства, вследствие чего Лакоба попал под суд Гудаутского гарнизона. Главными обвинителями были кулаки названного села и офицеры гарнизона. Но они были разбиты, так как на стороне большевиков были солдаты, которые находились под влиянием П. Козловского¹¹⁶.

Если в деревне главным противником были помещики и кулаки, пытавшиеся использовать патриархальные пережитки в сознании части абхазского крестьянства, то в Гудаутах единым фронтом выступали против большевиков меньшевики (Гигиберия, Зинейшвили и др.), кадеты (Молчанов, Олейников, Струнов), федералисты, дашнаки и эсеры¹¹⁷.

Гудаутская большевистская организация имела постоянную связь с Сухумским окружным и Кавказским краевым комитетами РСДРП(б), с отдельными большевистскими организациями Мегрелии и других районов Западной Грузии, а также Северо-Западного Кавказа. В Гудауты регулярно поступали большевистские газеты «Правда» и «Кавказский рабочий», а также инструкции ЦК РСДРП(б). Руководители большевистской организации участка в этих материалах «черпали все, что надо было»¹¹⁸. Н. Лакоба вместе с несколькими делегатами из Абхазии принимал участие в работе Кавказского краевого съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов, открывшегося в Тифлисе 8 мая 1917 года. На этом съезде, прошедшем под явно преобладающим влиянием меньшевиков, Н. Лакоба, как и другие большевики, выступил с острой критикой меньшевистского руководства. Связавшись с большевистской организацией города, Лакоба выступил также на собрании солдат, которые встретили его возгласами «ура!»¹¹⁹.

Большевистская организация Гудаутского участка в течение целого года, начиная с Лыхнинского схода, «выдерживает бешеный натиск контрреволюционеров — князей, дворян и меньшевиков»¹²⁰. 3 июля в Сухуме распространились даже слухи «о возникновении Гудаутской республики». Буржуазная газета «Сухумский вестник» хотя и успокаивала обывателей, что слухи эти «лишены основания», но вынуждена была признать, что там «был факт крайних эксцессов» и «приняты

¹¹⁶ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 6—7; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 8, л. 3, стр. 6—7.

¹¹⁷ «К истории гражданской войны в Абхазии», л. 40.

¹¹⁸ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 9; ЦГАА, ф. 65, д. 192, л. 18; «Голос Трудовой Абхазии», 4 марта 1922 г., № 52; «Красногвардеец — партизан Абхазии», 4 марта 1933 г.

¹¹⁹ «К истории гражданской войны в Абхазии», л. 41.

¹²⁰ «Голос Трудовой Абхазии», 6 мая 1923 г., № 101. Биография Н. А. Лакоба.

меры»¹²¹. Однажды из Сухума на «усмирение» «анархического» Гудаутского участка была послана воинская часть, но солдаты перешли на сторону революционной массы¹²².

Не помогли и «мирные» средства. В Гудауты приехал известный впоследствии меньшевистский палач В. Джугели с целью влить большевистскую организацию участка в меньшевистскую, но потерпел полную неудачу, за что он назвал Н. Лакоба и рабочего Д. Смирнова «анархистами» и уехал ни с чем в Сухум. И в самом Сухуме большевистская организация во главе с Е. Эшба была непреклонна¹²³.

В Гаграх, несмотря на противодействие меньшевиков во главе с М. Амчиславским и В. Нодия, в блоке с приспешниками принца Ольденбургского и местных дворян (Шенгелая и др.), большевики стали играть руководящую роль в Совете рабочих депутатов¹²⁴. В 1917 году здесь возник партизанский отряд, действовавший под руководством А. Бендукидзе и К. Аласания¹²⁵.

В Самурзаканском участке большевистская организация также значительно выросла и усилила свою работу. В ней активную роль играли Е. Эшба, вскоре переехавший в Сухум, Я. Хабурзания, А. Габлая и другие. Через некоторое время в Гали прибыл студент Московского коммерческого института Н. Сванидзе, который руководил указанной организацией большевиков до своего переезда в Сухум для работы в Окружном комитете партии. К концу 1917 года большевики распространяли свое руководство почти на весь Самурзаканский участок; они руководили стачечной борьбой рабочих железнодорожной стройки и выступлениями крестьян¹²⁶.

Надо сказать, что для революционной работы здесь была благоприятная почва. Самурзаканский участок был одним из тех районов Абхазии, где особенно были обострены классовые противоречия между помещиками и крестьянами. Одновременно с выделением немногочисленной кулацко-зажиточной верхушки, ведшей хозяйство на капиталистических началах с применением наемного труда, здесь росла масса бедняков, ограниченность земельных наделов которых вынуждала их идти в кабалу к помещикам и кулакам, нести бремя «голодной аренды» и, наконец, просто обращаться в полупролетариев, искать заработков, батрачествуя или нанимаясь рабочими, лесорубами, грузчиками, чернорабочими. В годы войны толпы крестьян шли наниматься на строительство Черноморской же-

¹²¹ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 7.

¹²² «Сухумский вестник», 4 июля 1917 г., № 87.

¹²³ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 9.

¹²⁴ К. Семерджиев. 1917—1918 гг. в Гаграх. «Красногвардеец — партизан Абхазии», 7 ноября 1932 г.

¹²⁵ ЦГАА, ф. 65, д. 266, л. 25.

¹²⁶ ПА Грузфильнала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 909, лл. 3—5.

лезной дороги, где общались с кадровыми рабочими. Кроме того, Самурзакаинский участок представлял из себя ту часть Абхазии, население которой было обязано повсеместно отбывать воинскую повинность¹²⁷. Именно поэтому империалистическая война больше всего коснулась трудового крестьянства этого района, откуда сотни молодых тружеников, одетые в солдатские шинели, отправлялись преимущественно на Кавказский фронт¹²⁸.

После июльских событий в Петрограде контрреволюция при поддержке меньшевиков и эсеров перешла в наступление. Многие большевистские организации Абхазии перешли на нелегальное положение. В Сухумском Совете солдатских депутатов, например, меньшевики и эсеры заняли руководящее положение; председателем Совета стал офицер эсер Мясников¹²⁹.

В новых условиях в деятельности большевиков Абхазии и Грузии в целом, как и для всей партии, решающее значение имел VI съезд РСДРП(б), нацеливший партию на вооруженное восстание, на социалистическую революцию. Большевики края, руководствуясь историческими решениями съезда, вели борьбу за победу социалистической революции.

Накануне Октябрьской революции, 2—7 октября, в Тифлисе состоялся Кавказский краевой съезд большевистских организаций. Съезд прошел под лозунгом выполнения решений VI съезда партии и определил тактику большевиков Кавказа в борьбе за социалистическую революцию. В резолюции съезда о текущем моменте говорилось, что рабочий класс, солдаты, революционное крестьянство не должны останавливаться перед трудностями и жертвами и должны смело идти к завоеванию власти и спасению страны и революции от гибели. На съезде был избран Кавказский краевой комитет РСДРП(б) — руководящий орган партийных организаций Кавказа¹³⁰.

В октябре 1917 года героический рабочий класс России в союзе с трудовым крестьянством под руководством Коммунистической партии во главе с ее основателем и вождем В. И. Лениным свергнул власть капиталистов и помещиков, установил диктатуру пролетариата и создал первое в мире социалистическое государство.

Лозунги Великой Октябрьской социалистической революции, выражавшие коренные интересы рабочих и крестьян, завоевали на сторону Советской власти самые широкие слои трудящихся всех народов страны.

¹²⁷ Абхазское население в других районах края не призывалось к отбыванию воинской повинности; оно уплачивало вместо нее особый военный налог.

¹²⁸ «К истории гражданской войны в Абхазии», ил. 75—76.

¹²⁹ აბხაზეთის უბუნებისათვის. Указ. соч., стр. 19.

¹³⁰ «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», ч. I, стр. 311—314.

Великие освободительные идеи Советской власти восторженно принимались на Кавказе. Известие о победе Октябрьской революции быстро распространилось по всему Закавказскому краю. Рабочие Баку, Тифлиса, Эривани, Батума, Сухума и других городов и районов, солдаты и крестьянские массы с величайшей радостью и энтузиазмом встретили весть о социалистической революции. В Абхазии во многих местах прошли митинги. Так, в Кодорском участке состоялся митинг, на котором выступали П. Бигвава и другие большевики, и в тот же день был организован участковый комитет РСДРП(б)¹³¹.

С. Кухалейшвили писал, что победа Октябрьской революции вдохновила не только коммунистов, такой переворот в ближайшее время «ожидало все абхазское трудовое население». С этого момента от меньшевиков «отошла полностью та часть населения, которая сочувствовала им»¹³².

Росло большевистское влияние во всех районах Абхазии. Росли и крепились партийные организации за счет возвращавшихся с фронта солдат. Крепли связи большевиков Абхазии с большевистскими организациями соседних районов. Так, в ноябре 1917 года гудаутские большевики на р. Мчишта (Черная) созвали межрайонный (Гагринского, Гудаутского и Гумистинского участков) крестьянский сход, где присутствовали и делегаты из Сочи. Здесь с речами выступили Н. Лакоба и старый сочинский большевик Н. Поярко. Меншевистские же ораторы (В. Лакербая, Л. Картозия) сходом были изгнаны¹³³.

Это, конечно, еще не означало, что трудящиеся края полностью освободились от влияния меньшевизма. Однако отход от меньшевиков наиболее сознательных рабочих еще до победы Великого Октября был настолько явным фактом, что Н. Жордания уже 30 сентября 1917 года на областном съезде меньшевистской партии вынужден был заявить, что свою тактику меньшевики должны построить таким образом, чтобы отвлечь рабочие массы от охватившего их большевистского настроения¹³⁴.

Одновременно с ростом большевистского влияния на трудящиеся массы в Закавказье шла консолидация контрреволюционных сил. Имущие классы края воочию увидели, что Октябрьская революция и Советская власть несут им неминуе-

¹³¹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, л. 186/114, л. 68.

¹³² ს. კუხალეიშვილი. ჩვენი პარტიული-ფიქციური მემკვიდრეობა, წიგნი, ლ. 23.

¹³³ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 8, л. 4; «К истории гражданской войны в Абхазии», л. 42.

¹³⁴ Н. Жордания. За два года. Доклады и речи. Тифлис, 1919 стр. 40.

мую смерть. Борьба против Советской власти стала для них поэтому вопросом жизни и смерти.

Ненавидя Советскую власть, напуганные ростом революционного движения трудящихся масс внутри Абхазии, часть помещиков и буржуазно-демократической интеллигенции обратила свои взоры к Союзу объединенных горцев Кавказа — контрреволюционной организации, созданной еще в мае 1917 года. Организаторы союза и его исполнительного органа (Центрального комитета) — клерикальные и реакционные круги Северного Кавказа — присвоили себе название «правительства» Северного Кавказа от Черного моря до Каспийского и стремились к установлению турецкого протектората. Это, с позволения сказать, «правительство», имевшее целью задержать надвигающуюся пролетарскую революцию, своей деятельностью нанесло большой ущерб интересам трудящихся масс края. Отсюда и понятно сближение Союза горцев и реакционных элементов Абхазии.

Представители последних во главе с князем А. Шервашидзе, ложно выдавая себя за делегацию абхазского народа, ездили в город Владикавказ (ныне г. Орджоникидзе), где вели переговоры с руководителями Союза объединенных горцев. Первый так называемый «общегорский съезд» представителей аулов Кубанской области и Черноморской губернии, состоявшийся 10 — 17 августа 1917 года в ауле Хакуринохабль Майкопского отдела, «по вопросу об отношении горцев Кубанской области к абхазскому народу», приняв «во внимание, что абхазский народ по происхождению, вере и быту является родственным племенем абазинцев и что обособленность их есть результат исторически неблагоприятно сложившихся обстоятельств», постановил: Обращение указанных «представителей» приветствовать и «принять все меры к сближению» абхазов и абазин; поручить Мумину и Гирею Кизилбекову «взять на себя труд о приглашении в Абхазию достаточного числа мулл, о командировании которых просил у съезда представитель абхазцев»¹³⁵. Затем в Абхазию приезжал уполномоченный Союза горцев Асланбек Шерипов с целью втянуть Абхазию в этот «союз» и установить связи с турецким правительством на предмет «заключения договора»¹³⁶.

Замечательный впоследствии революционер-большевик, геройски погибший в сентябре 1919 года в борьбе за Советскую власть, двадцатилетний А. Шерипов в то время еще находился под влиянием буржуазно-националистического Союза

¹³⁵ АОГА, ф. 21, 1917 г., д. 853—21, л. 147.

¹³⁶ Е. Эшба. Асланбек Шерипов. Грозный, 1929, стр. 94

горцев. Это был первый этап в революционной деятельности Асланбека, который, по характеристике Е. Эшба, прошел «путь от наивного националиста-революционера до большевика-коммуниста», сложив «свою голову в битве с белыми»¹³⁷.

Однако все указанные происки не увенчались успехом. Это относится, в частности, и к миссии Асланбека Шерипова, несмотря на его энергичную деятельность и страстные речи.

Нарастание классовой борьбы внутри Абхазии помешало замыслам контрреволюционеров. Сам Шерипов в своих письмах из Сухума к руководителям союза в известной мере отражал обстановку в крае. В одном из них (от 18 сентября 1917 года) он сообщал, что в первой половине сентября 1917 года в Самурзаканском участке состоялся сход, на котором был поставлен вопрос о присоединении Абхазии к Союзу горцев. При присутствии Д. Маршания и других представителей местных помещиков на этом сходе возмутило крестьян; «сход резко раскололся, разделился на 2 части, и чуть не возникло столкновение», в результате чего помещиков «пришлось... уговорить уехать»¹³⁸. Аналогичный случай имел место и на сходе в Гудаутском участке 20 сентября 1917 года¹³⁹.

Шерипов также свидетельствовал о том процессе, который шел в это время внутри меньшевистского Совета рабочих депутатов. Под влиянием большевиков Совет вынужден был поставить вопрос: на каком основании без его ведома ведется спешная работа по вовлечению Абхазии в Союз горцев. Совет 20 сентября заслушал доклад Шерипова по этому вопросу и вынес резолюцию о необходимости отправить во Владикавказ телеграмму следующего содержания: «Делегация», возглавляемая А. Шервашидзе, «выбрана помимо Совета и не может отражать воли населения...» Несмотря на то, что Шерипов «и другие возражали, что практических результатов это не принесет, но резолюция прошла...» Тем не менее меньшевикам удалось сорвать это решение, и телеграмма не была послана¹⁴⁰.

¹³⁷ Е. Эшба. Указ. соч., стр. 13, 16.

¹³⁸ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулна, ф. 1, д. 59, л. 1.

¹³⁹ Там же, л. 5. Письмо А. Шерипова от 24 сентября 1917 года. Сохранилось всего 3 письма Шерипова из Абхазии; они приводятся с комментариями в книге Е. Эшба «Асланбек Шерипов» (стр. 88—96).

¹⁴⁰ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулна, ф. 1, д. 59, лл. 4—5.

Надо сказать, что письма Шерипова свидетельствуют и о том, что его иллюзии в связи с первым периодом Февральской революции стали рассеиваться перед лицом абхазской действительности, где уже разворачивалась классовая борьба среди «единого» абхазского народа. Е. Эшба подчеркивает, что «первые уроки трезвой политики Шерипов получал именно в Абхазии (Е. Эшба. Указ. соч., стр. 92).

Представители абхазской контрреволюции 20 октября 1917 года приняли участие в подписании в г. Владикавказе так называемого «Союзного договора», в силу которого 16 ноября в г. Екатеринодаре начало свои действия «Объединенное правительство Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей». «Горский народ Сухумского округа (абхазцы)» был «включен» в этот «союз»¹⁴¹. Это была новая попытка создать «мощный» контрреволюционный блок против революционного движения рабочих и крестьян. Однако под ударами сил революции «Юго-восточный союз» распался на несколько местных «правительств», возглавляемых буржуазно-националистической и казачьей верхушками.

В Абхазии Асланбек Шерипов развернул кампанию по организации «Абхазского национального совета», подобно тем организациям Северного Кавказа, на которые опирался ЦК Союза горцев. Это предложение было охотно принято абхазскими помещиками и буржуазно-националистической интеллигенцией. В условиях победы Октябрьской революции его поддержали официально и грузинские меньшевики, тем более, что Шерипов, вероятно, по дипломатическим соображениям, подчеркивал, что Союз горцев—политическое, а не административное учреждение, что его ЦК только контролирует, но не управляет, что в административном отношении Абхазия может оставаться за ОЗАКОМом, так как, ввиду географических и иных условий, это иначе невозможно решить¹⁴². Более того, меньшевики с целью отвлечь внимание трудовых масс от революции, изолировать край от Советской России теперь сами становились инициаторами созыва съезда «представителей населения». Было решено созвать его под названием «крестьянского съезда Абхазии».

Грузинские меньшевики, а также эсеры, дашнаки, мусавитисты и грузинские федералисты пока у власти находилось Временное правительство стояли за единую Россию и беспрекословно подчинялись всем распоряжениям центральной власти. Но как только последняя была свергнута и была установлена диктатура пролетариата, все эти партии категорически отказались признать Совет Народных Комиссаров и пророчили неизбежность скорой гибели диктатуры пролетариата. Когда же их надежды не оправдались, они, при поддержке иностранных империалистов и всех контрреволюционных партий Грузии, Армении и Азербайджана, 14 ноября 1917 года организовали в Тифлисе особое правительство—Закавказский комиссариат¹⁴³ во главе с меньшевиком Е. Гегечкори.

¹⁴¹ ЦГАА, ф. 339, д. 2, лл. 3—4.

¹⁴² Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 59, лл. 4—5.

¹⁴³ В него вошли все вышеуказанные партии и, таким образом, социал-соглашатели и представители буржуазии и помещиков составили союз, в котором руководящая роль принадлежала грузинским меньшевикам.

Это «правительство», отгородившись от Советской России, имело своей целью искоренение большевизма в Закавказье.

В связи с образованием Закавказского комиссариата, созданный Временным правительством по управлению Закавказьем Особый закавказский комитет 15 ноября 1917 года вынес решение о прекращении своей деятельности. Участвуя в Закавказском контрреволюционном комиссариате, грузинские меньшевики решили создать свой «чисто национальный орган власти» и с этой целью созвали 19 ноября в Тифлисе первый так называемый Национальный съезд Грузии, который объявил себя Национальным собранием и образовал Национальный совет Грузин. Такие же «национальные советы» создали армянские дашнаки и азербайджанские мусаватисты. Но именно грузинские меньшевики главным образом были ответственны за отделение Закавказья в целом от Советской России¹⁴⁴.

Вот что писала впоследствии сухумская большевистская газета «Сухумская правда»: «Свое похоронное, антинародное дело закавказская власть ознаменовала объявлением «самостоятельности» Закавказья, отделением его от России; при царском режиме наши лже-революционеры кричали об единстве России, ныне уже они отделяются от Республиканской России»¹⁴⁵.

Таким образом, меньшевики и эсеры, поставленные перед перспективой потери власти, очутились в союзе с нмущими классами. Так создавалась антисоветская коалиция в Закавказье.

В этих условиях задачей названного выше «крестьянского» съезда в Абхазии была также изоляция края от Советской России, борьба против роста революционного движения. Путем насилий, подлогов и обмана меньшевикам удалось провести в состав съезда представителей князей, дворян, кулаков и националистической интеллигенции. Этот антидемократический съезд был торжественно открыт в Сухуме, в театре Самуриди, 7 ноября 1917 года. Но даже такой съезд оказался далеко непослушным вследствие присутствия на нем отдельных представителей большевистской организации и трудового крестьянства. Здесь обсуждался вопрос, вокруг которого шли горячие споры накануне съезда. С новой силой разгорелась борьба за ориентацию. Однако эта «борьба» так же быстро прекратилась, как и возникла, когда спорившие стороны услышали голос подлинных народных представителей. Большевики в упор поставили вопрос о земле. Некоторые наиболее дальновидные помещики (Титш Маршания и др.) соглаша-

¹⁴⁴ Д. Енукидзе. Крах империалистической интеллигенции в Закавказье. Тбилиси, 1954, стр. 18—19.

¹⁴⁵ «Сухумская правда», 16 апреля 1918 г., № 1.

лись «добровольно» отрезать кое-что из своих обширных земельных владений и этим «отвести» опасность, так реально угрожавшую всему их существованию. Но даже на это не желал идти контрреволюционный блок¹⁴⁶.

Однако если в земельном вопросе среди эксплуататорских классов нашлись лица, которые, считаясь с обстановкой, чувствовали необходимость в какой-либо мере пойти на «уступки», то предложение представителей большевистской организации Е. Эшба и Н. Лакоба о создании подлинного Совета рабочих и крестьянских депутатов и передаче ему всей власти привело в ярость всех, кому были чужды интересы трудовых масс. Меншевики А. Чхенкели и В. Джугели, задававшие тон на съезде, всячески «предостерегали» от каких бы то ни было «поспешных шагов»¹⁴⁷.

Страх перед революцией заставил контрреволюционные элементы договориться. Это обстоятельство обеспечило и успех плана представителя Союза горцев и его единомышленников в Абхазии. Съезду была представлена резолюция о создании «Абхазского народного совета». 8 ноября 1917 года большинство съезда, категорически отвергнув резолюцию большевиков, приняло постановление об образовании названного органа. Были приняты «декларация» съезда и «конституция» Абхазского народного совета, определявшие цели, задачи и структуру последнего¹⁴⁸. Причем они были составлены в основном А. Шериповым и С. Басария, из коих первый являлся и докладчиком по этим вопросам на съезде.

Представители большевистской организации и трудового крестьянства категорически высказались против всех этих мер, разоблачив их антинародную сущность. Е. Эшба и Н. Лакоба в своих выступлениях подчеркивали, что для крестьянства необходим крепкий союз с рабочими, что классовые интересы рабочих и крестьян без различия национальностей везде и всюду совпадают. Они характеризовали Чхенкели и его единомышленников как контрреволюционных деятелей, политических жуликов. Старый революционер П. Гегелия, 70-летний старик, взойдя на трибуну, пригрозил им, заявив, что все их фокусы ни к чему не приведут¹⁴⁹.

«Народный» совет в преобладающем большинстве своем был составлен из соглашательских, буржуазно-помещичьих и буржуазно-националистических элементов. Совет становится декоративным прикрытием реакционной политики меньшеви-

¹⁴⁶ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 12, лл. 36—37.

¹⁴⁷ ЦГАА, ф. 65, д. 21; Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 10; Е. Эшба. Асланбек Шерипов, стр. 14.

¹⁴⁸ ЦГАА, ф. 339, д. 1, л. 1.

¹⁴⁹ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 11.

ков, так как «старается примирить трудящихся Абхазии с правительством меньшевиков»¹⁵⁰.

Указанный совет признавал власть и компетенцию Сухумского окружного комитета общественной безопасности, Особого закавказского комитета Временного правительства и ЦК Союза горцев Северного Кавказа. Четвертый параграф декларации гласил: «Те основные задачи, которые обязан выполнять Абхазский народный совет, определяют позицию этого совета по отношению ко всем политическим организациям и административным учреждениям Кавказа и России»¹⁵¹. Причем характерно, что действия совета должны были быть определены указаниями уже свергнутого Временного правительства и его органов на местах.

«В тех случаях, когда какое-либо административное учреждение, лицо или общественно-политическая организация совершает акт или издает постановление, противоречащее принципам демократии» и нарушающее права населения, совет лишь оставлял за собой право протеста¹⁵². Нужно сказать, что совет под давлением «оппозиции» иногда прибегал к этому «праву». Но с этим никто не считался серьезно, как никем не выполнялись его многочисленные постановления. Меньшевикам нечего было бояться такого учреждения. Наоборот, совет, образовавшись уже после Октябрьской революции, когда революционная волна с севера разлилась по всей огромной стране, захватывая окраину за окраиной, становилась политической ширмой для собирания контрреволюционных сил в Абхазии.

Поэтому контрреволюционный Союз горцев опирался на такие советы и стремился их создать там, где их еще не было для изоляции народов Кавказа от Советской России. Такую же цель преследовали меньшевики и другие их организаторы, создавая подобные органы в Абхазии.

1 декабря 1917 года контрреволюционная казачья и горская буржуазно-помещичья верхушка создали новое Временное терско-дагестанское правительство в составе нефтепромышленника Талы Чермоева, коннозаводчика Пшемахо Коцева, князя Рашит-хана Капланова и др. В «декрете № 1» этого «правительства» от 4 декабря 1917 года, где «определялась» территория, на которую «распространяется» полностью государственная власть» его, говорилось: «В отношении Закатальского и Сухумского округов Временное горское правительство

¹⁵⁰ Ф. Махарадзе. Диктатура меньшевистской партии в Грузии, стр. 71.

¹⁵¹ ЦГАА, ф. 339, д. 1, л. 1.

¹⁵² Там же.

имеет власть по вопросам национально-культурного и политического характера, распространение теперь же и полностью государственной власти Горского правительства на эти округа представить на разрешение Закатальского и Сухумского народных советов»¹⁵³. Для борьбы против Советской власти правительство Чермаева и К° начало создавать вооруженные силы. Оно опиралось на части «Дикой дивизии». «Декретом № 8» это «правительство» предлагало сформировать Абхазский конный полк применительно к штабам «кавказских туземных конных полков»¹⁵⁴.

После I «крестьянского» съезда, сфабриковавшего Абхазский «народный» совет, меньшевики созвали в Сухумском театре собрание части его делегатов, на котором говорили, главным образом, сами меньшевики. Выступал А. Чхенкели. Ораторствовал и военный комиссар Закавказского фронта жер Гобечия, который воинственно заявил, что он большевиков не боится, поносил революционных рабочих и солдат. Удалось выступить представителю большевистской организации Е. Эшба. Н. Лакоба, который пришел с опозданием, также попросил слова. Но председатель собрания В. Чхиквишвили отказал ему, заявив, что от большевиков уже говорили. В зале раздались голоса: «долгой!». Лакоба протестовал, говоря, что будет выступать как делегат Гудаутского участка, а не как уполномоченный партийной организации. Меньшевик Д. Эмухвари подошел к Н. Лакоба, чтобы увести его в сторону, но встретил со стороны Лакоба решительный отпор. В зале поднялась паника, все бежало в беспорядке. Собрание было сорвано. На другой день стало известно о позорном бегстве из Сухума ночью на истребителе Чхенкели, Гобечия и др.¹⁵⁵.

Первый «крестьянский» съезд и это меньшевистское собрание вочью показали трудящимся Абхазии, как была велика пропасть между революционной партией пролетариата — большевиками и мелкобуржуазной партией — меньшевиками. Идейное сражение, данное меньшевкам на указанном съезде, писал впоследствии Н. Лакоба, «закрепилось нашей победой. Хотя формально и был выбран Абхазский национальный совет, но все крестьяне, участники съезда, разъехались с нашими коммунистическими и советскими лозунгами»¹⁵⁶.

Последовавшие за съездом участковые крестьянские сходы отказались признать Абхазский народный совет. Так, сход крестьян Гудаутского участка, состоявшийся в с. Лыхны под председательством народного учителя И. Чамагуа, на котсром

¹⁵³ ЦГАА. ф. 339, д. 2, л. 5.

¹⁵⁴ Там же, л. 11.

¹⁵⁵ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 11—12; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, д. 186/114, лл. 280, 313 об.

¹⁵⁶ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 12.

было заслушано сообщение Н. Дакоба, категорически высказался против совета и вынес соответствующее решение¹⁵⁷.

Таким образом, так называемый Абхазский народный совет повис в воздухе с самого же начала. Он влачил жалкое существование благодаря поддержке меньшевиков и был лишь видимостью власти.

По настоянию большевистских организаций Закавказья 19 декабря 1917 года в Тифлисе был созван II Краевой съезд Советов рабочих депутатов. Однако нормы представительства на съезд были установлены таким образом, что 80 тысяч организованных рабочих Баку были представлены на нем 37 делегатами, 47 тыс. избирателей Тифлисской губернии — 90 делегатами, 2 100 организованных рабочих Сухумского округа — только 4 делегатами, причем 2 меньшевика и 2 правых эсера¹⁵⁸.

* * *

Положение трудящихся масс все более и более ухудшалось. Сухумская городская дума на заседании 18 октября 1917 года уполномочила городскую управу возбудить ходатайство о предоставлении правительственной гарантии по займу в Сухумском отделении Азовско-Донского коммерческого банка на значительную сумму сроком на 9 месяцев. Необходимость займа диктовалась «продовольственными затруднениями и неотложными задачами, без выполнения которых городское население и городские учреждения потерпят большой ущерб». «Наблюдающаяся повсюду дороговизна предметов первой необходимости и отсутствие их на рынке; — писала Сухумская городская управа, — приняли для Сухума катастрофический характер. Сухум отдален от железных дорог, транспортное движение случайное; вдобавок к этому чума уничтожила в Сухумском округе почти весь рогатый скот; неурожай этого и прошлого годов угрожает голодом населению округа, а между тем Кубанская область, снабжавшая Сухум мукой и убойным скотом, почти что прекратила доставку этих продуктов...»¹⁵⁹.

В этом отношении характерно также сообщение директора Сухумской учительской семинарии, который писал о «край-

---

¹⁵⁷ Там же; Ак. Кукбая. Союз попов и социал-предателей (А. Кукбая являлся секретарем указанного съезда).

¹⁵⁸ С. Е. Сеф. Борьба за Октябрь в Закавказье, стр. 66.

¹⁵⁹ ЦГАА, ф. 4, л. 2588, л. 17.

них затруднениях» с продуктами «первой необходимости, как-то: муки, сахара, масла коровьего и постного, разного рода круп, риса, картофеля, макарон; недоброкачественности получаемых на базаре продуктов, а именно — хлеб и картофель уже целый месяц получают с резким запахом керосина, зарегистрировано несколько случаев нахождения в хлебе червей и пр.»¹⁶⁰.

Рабочие сухумского обоза и пожарной команды писали в начале 1918 года в управу: «Получая 130 — 140 руб. в месяц жалования, нам приходится кормиться хлебом и чаем, которых в настоящее время не отпускают в достаточном количестве... Мы лишены возможности приобрести как мясо, так и другие продукты»¹⁶¹.

Свою ничтожную зарплату рабочие не получали по несколько месяцев. На заседании профсоюза рабочих и служащих Гагринской климатической станции 8 апреля 1918 года отмечалось, что рабочие и служащие станции 2 месяца как не получают зарплату¹⁶².

Некоторое представление о положении учителей и школ Абхазии дают материалы Горской школы, женской гимназии, высшего начального училища и семинарии г. Сухума. В августе—сентябре 1917 года шла целая переписка об ассигновании Горской школе определенной суммы ввиду того, что «жизнь неимоверно вздорожала», — «в противном случае пансион надлежит закрыть»¹⁶³. Дирекция гимназии в октябре 1917 года писала: «К несчастью, жизнь вздорожала в 10 раз, потребности учебного заведения значительно расширились..., а средства гимназии остались почти такими же. Учительскому персоналу... приходится существовать на гроши...»¹⁶⁴. По поводу добавления новых предметов и увеличения часов по некоторым дисциплинам говорилось: «Но где же взять средства на покрытие этого нового расхода. Остается только увеличить плату за правоучение, которая и так достаточно велика и не под силу большинству бедного населения Сухума. Такая мера, конечно, нежелательна»¹⁶⁵. И действительно, с 1917 года была повышена плата за правоучение: в младших классах — до 100 руб., в старших — 120 руб. и в VIII кл. — 150 руб., благодаря чему «явилась возможность повысить поурочную плату

¹⁶⁰ Цит. по статье А. П. Дудко. Из истории Сухумской учительской семинарии. «Груды» Сухумского госпединститута им. А. М. Горького, VII. Сухуми, 1955, стр. 71.

¹⁶¹ ЦГАА, ф. 4, д. 2904, л. 12.

¹⁶² Там же, ф. 51, д. 57, л. 121.

¹⁶³ ЦГАОРГ, ф. 1471, оп. 1, д. 615, л. 1.

¹⁶⁴ ЦГАА, ф. 21, д. 397, л. 15.

¹⁶⁵ Там же, л. 16.

до 75 рублей в год и таким образом, хотя и очень незначительно, но тем не менее несколько улучшить материальное положение служащих гимназии»¹⁶⁶. При таких условиях дети рабочих и крестьян, разумеется, либо вовсе не могли учиться, либо составляли ничтожный процент среди учащихся и, как правило, не доходили до старших классов. В той же школе, например, в VI классе в 1916/17 учебном году училось всего 22 чел., из которых была только 1 крестьянская дочь, детей же рабочих не было вовсе¹⁶⁷.

Педагоги Сухумского высшего начального училища в марте 1917 года подали через инспектора училища заявление в Сухумское городское самоуправление с просьбой об увеличении им квартирного довольствия. «Размер квартирного довольствия, — говорилось в этом заявлении, — был установлен более десяти лет тому назад..., но с тех пор условия значительно изменились и представляется справедливым увеличить это довольствие... Основной оклад содержания у нас невелик; некоторые из нас не получают даже и этого небольшого «нормального» жалованья: их труд оплачивается всего-навсего 710 руб. (в год. — Г. Д.); прибавку мы получаем в 40%; все это делает положение наше тяжелым». На заявлении имеется резолюция следующего содержания: «Просители не значатся в числе городских служащих и, следовательно, полагаги бы претензии их признать неосновательными»¹⁶⁸.

В ноябре 1917 года педагоги этого училища снова подали заявление в Сухумское городское самоуправление. Инспектор училища А. М. Чочуа, препровождая новую просьбу учителей, 15 ноября писал: «28-го марта с. г. за № 104 я представил в Сухумскую городскую управу мотивированную просьбу учащихся вверенного мне училища об увеличении им квартирного довольствия из средств города, но до сего времени никакого ответа не последовало. В настоящее время учащие, ввиду переживаемого ими финансового кризиса, вновь обратились ко мне с просьбой напомнить управе о их просьбе»¹⁶⁹.

Само заявление, подписанное А. М. Чочуа и пятью другими педагогами, гласило: «Мы проникнуты горячим стремлением принести народу возможно больше блага, просветить его и выдвинуть его на то место, которое он вправе занимать по своим духовным качествам. Мы горячо заявляем, что не материальные выгоды заставили нас сделаться учителями, ибо известно, каково материальное положение учителя. Мы заявляем, что и впредь, как бы ни ухудшилось наше материальное

¹⁶⁶ ЦГАА, ф. 21, д. 419, л. 30 об.

¹⁶⁷ Там же, д. 303, лл. 357, 396.

¹⁶⁸ Там же, ф. 4, д. 2607, лл. 5—5 об.

¹⁶⁹ ЦГАА, ф. 4, д. 2607, л. 27.

положение, не оставим своей деятельности, ибо мы работаем по призванию, а не из выгоды. И теперь, когда выбиваемся из сил, мы заявляем, что невыносимая нужда толкает нас употреблять время, по праву принадлежащее школе, на побочные заработки, вроде частных уроков..., когда мы видим, что мы физически не в состоянии принести ту пользу, которую должны и хотели бы принести; мы заявляем, что это недопустимо, что народное просвещение, основа благосостояния и могущества народа, остается в том же положении, как и прежде...»¹⁷⁰.

Очень тяжелым было положение Сухумской учительской семинарии, которая из-за отсутствия средств и продуктов питания вынуждена была закончить учебный год 24 марта 1917 года, а рождественские каникулы были устанювлены с 15 декабря 1917 года по 8 января 1918 года, «...принимая во внимание необеспеченность семинарий топливом и материальными средствами, уменьшение в Сухуме порциона хлеба до 1/2 фунта на человека, при совершенном отсутствии говядины; и другие экономические причины...» При Горской школе на 1917/18 учебный год был закрыт пансион¹⁷¹.

Сочинская газета «Солдат и рабочий» писала 14 января 1918 года, что в Гаграх плохо живется чиновникам почтово-телеграфной конторы, «находящейся под начальством маленького самодержавца, да неважно себя чувствует и большинство здешней публики, связанной по рукам и ногам бессмысленными и бездушными формальностями, подчас самыми возмутительными, доводящими до бешенства, предъявляемыми этим сатрапом..., верным стражем канцелярщины ромаиовской эпохи».

Служащие сухумского обоза 22 января 1918 года писали в управу: «Как известно управе, дороговизна жизни с каждым днем увеличивается, и мы при таких условиях не можем нести городскую службу, если только не будет увеличено нам содержание на 60%. В случае отказа в удовлетворении нашей просьбы, просим нас поставить в известность до 1 января 1918 года, чтобы мы могли после указанного срока подыскать себе другие работы»¹⁷².

Служащие, как правило, не получали также вовремя и эту ничтожную зарплату. Так, из отношения начальницы Сухумской женской гимназии в Военно-революционный комитет Абхазии от 7 апреля 1918 года мы узнаем, что служащие этого учебного заведения не получали содержания в течение января—марта месяцев 1918 года¹⁷³.

¹⁷⁰ ЦГАА, ф. 4, л. 2607, л. 28.

¹⁷¹ Цит. по указ. статье А. П. Дудко, стр. 73.

¹⁷² ЦГАА, ф. 4, л. 2904, л. 13.

Голодающие служащие очень часто вынуждены были бросать работу и заниматься мелкой торговлей и мешочничеством. Вот что писал по этому поводу председатель окружного съезда мировых судей: «Затруднительность положения служащих во всех правительственных и общественных учреждениях вследствие прогрессивно возрастающей дороговизны на предметы первой необходимости настолько известна и понятна для всех, что не требует разъяснения... При таких условиях правильно работать и выполнять продуктивно государственные и общественные обязанности становится невозможным. Всякий, имеющий возможность заняться коммерцией, избегает службы, а остающиеся все время заняты мыслью о способах прокормления семьи. Это обстоятельство не может пагубно не отразиться на ходе работ государственных и общественных учреждений»¹⁷⁴.

В обстановке расширения восстания деревенской бедноты и среднего крестьянства Грузии, в обстановке бурного подъема крестьянского движения во всем Закавказском крае, наступившего вслед за Великой Октябрьской социалистической революцией, меньшевики, с самого начала отказавшись от программы решительной аграрной революции, рассматривали свое земельное законодательство лишь как вынужденную уступку крестьянскому движению. Но даже и своей программы меньшевики не думали проводить.

Деятели Абхазского народного совета также вынуждены были работать над «разрешением» земельного вопроса. Надо сказать, что они иногда откровенно выбалтывали, что эта необходимость «разработки» аграрного закона была продиктована именно желанием «ослабить начавшееся... аграрное движение, чреватое крупными осложнениями...»¹⁷⁵.

16 декабря 1917 года Закавказский комиссариат издал декрет о земле — «Положение о передаче земельным комитетам земель казенных, бывших удельных, церковных, монастырских и крупных частновладельческих». По этому декрету и закону Абхазского народного совета о земле подлежали конфискации лишь те земли, которые в результате падения царского режима и распада на окраинах русской православной церкви все равно оказались без хозяина. Помещичье же землевладение почти не затрагивалось. Не была указана норма земельных владений, т. е. что считалось «крупными землевладельческими» имениями. Не сказано было также определено, что земля передается в руки крестьян и на каких

¹⁷³ ЦГАА, ф. 21, д. 413, л. 16.

¹⁷⁴ Там же, ф. 21, д. 430, л. 1.

¹⁷⁵ Там же, ф. 339, д. 17, л. 11.

началах это должно было произойти. В постановлении совета говорилось только, что перечисленные земли отдаются в ведение состоящего при нем земельного комитета. Поскольку не было никаких практических указаний на то, как должна проводиться земельная реформа, постольку всякие попытки крестьян произвести самостоятельный раздел помещичьих земель строго преследовались. Земельному комитету совета строго вменялось «в обязанность безусловно запрещать всякие земельные захваты и дележи, охранять леса от вырубки»¹⁷⁶.

Однако под давлением крестьянского революционного движения Закавказский сейм 7 марта 1918 года издал новый аграрный закон. Но и этот закон, гарантировавший неприкосновенность владений мелких помещиков и кулаков, снабженный всевозможными оговорками в пользу крупных землевладельцев, в Абхазии не был проведен в жизнь. Здесь было принято лишь решение, явившееся по сути дела копией декрета Закавказского комиссариата от 16 декабря 1917 года. Оно было принято в марте 1918 года на кулацком так называемом II «крестьянском» съезде и, вслед за съездом, меньшевистским Окружным исполкомом Совета крестьянских депутатов¹⁷⁷.

Говоря о сохранении крепостинческих пережитков в деревне, центральный орган меньшевиков газета «Борьба» сообщала, что князья и дворяне Кодорского участка, собрав контрреволюционные элементы, организовали особый отряд «охраны»; начальник этой «охраны», разъезжая по деревням со своим отрядом в течение полутора месяцев, усердно вымогал оброк у крестьян и отличился тем, что вооруженными силами заставил крестьян-арендаторов имения генерала Гватуа отдать четверть урожая¹⁷⁸.

«До сих пор, — писала названная газета, — в Абхазии сохраняются аграрные отношения дореволюционного времени. Если вам угодно полюбоваться на помещиков, которые не сея собирают в житницы, если вы хотите увидеть арендаторов, трудящихся в поте лица и отдающих урожай землевладельцам, вам не нужно ехать на Украину Скоропадского, вы можете лицезреть эту картину и ближе — в Сухумском округе. Но не дает ли это права крестьянам Абхазии и арендаторам-мингрельцам, работающим на абхазских князьях, говорить: революция нам ничего не дала!.. И можем ли мы рассчитывать на внутреннюю политическую связь с нами населения,

¹⁷⁶ ЦГАА, ф. 339, д. 17, л. 11.

¹⁷⁷ «Воля вольных», 16 (29) и 17 (30) марта 1918 г., №№ 11 и 12, Гудауты.

¹⁷⁸ «Борьба», 25 марта 1918 г.

которому мы не помогли в осуществлении его основного права, которому мы в ходе революции не помогли свергнуть иго помещиков»¹⁷⁹.

Вот еще один факт, характеризующий меньшевистскую аграрную политику. В феврале 1918 года управляющий именем князя Г. Д. Шервашидзе (Чачба) Д. И. Ридель жаловался, что Гумистинский земельный комитет распорядился о неуплате «владельцу арендаторами договорных сумм, а равно четвертой доли кукурузы не только за 1917 год, но и недоимки за шестнадцатый год, требуя от арендаторов уплаты денег комитету»¹⁸⁰. Характерно и то, что краевая земельная управа, куда поступила указанная жалоба с отношением Закавказского комиссариата от 13 февраля 1918 года, признала постановление Гумистинского земельного комитета неправильным и об этом поставила в известность соответствующие земельные органы¹⁸¹.

Ясно, что такая политика лишь углубляла классовый характер землевладения, о чем свидетельствуют и следующие конкретные данные. По переписи 1917 года земельная площадь в Абхазии (без Гагринского участка) в 646 352 десят. перед 1917 годом распределялась таким образом¹⁸²:

Частновладельческие	131 984,1 десят.
Надельные	191 756,9 »
Учрежден. и ведомственные	15 632,8 »
Казенные	306 978,2 »

Из 114 284 десят. всей «удобной земли» у крестьян было лишь 89 517 десят., хотя из общего количества хозяйств 25 738 «хозяйства крестьянского типа» составляли 25 251¹⁸³. В одной только Цебельде в руках бывших царских военных и гражданских чиновников находилось более 27 тыс. десят. земли. Граф Бобринский имел здесь 7 443,5 десят. Князь Г. Д. Шервашидзе владел 6 тыс. десят.¹⁸⁴ В Гагринском участке 6 владельцев имели 3 042 десят. земли, причем, главным образом, земли курортного значения. Из них на долю принца А. П. Ольденбургского падало 1 322 десят.¹⁸⁵ Земельными магнатами являлись и отдельные монастыри. Например, Ново-Афонский монастырь в 1917 году владел вместе с пицундским подворьем 4 079 десят.¹⁸⁶, Драндский — 370 десят.¹⁸⁷ и т. д. Между

¹⁷⁹ «Борьба», 10 июля 1918 г., № 113.

¹⁸⁰ ЦГАОРГ, ф. 1472, оп. 1, д. 56, лл. 23, 30.

¹⁸¹ Там же, лл. 28—29.

¹⁸² Г. А. Дзидзария. Аграрная политика меньшевиков в Абхазии. «Труды» Сухумского госпединститута, II. Сухуми, 1943, стр. 61.

¹⁸³ ЦГАА, ф. 12, оп. 1, д. 65, л. 219.

¹⁸⁴ Г. А. Дзидзария. Указ. соч., стр. 61.

прочим, эти монастыри являлись очагами контрреволюции и вели активную борьбу против революционного движения в Абхазии. Так, на заседании Совета солдатских депутатов Сухумского гарнизона 8 мая 1917 года отмечалось, что служители Драндского монастыря вели контрреволюционную пропаганду, в частности, распространяли брошюры монархического содержания, не сияли портреты членов царской фамилии и т. д.¹⁸⁸

Происходил дальнейший быстрый процесс расслоения крестьянского хозяйства. Инспектор межевого отдела при канцелярии ОЗАКОМа в докладной записке на имя директора названной канцелярии от 26 мая 1917 года говорил следующее о положении в Абхазии: «Надо иметь в виду, что в общинах Сухумского округа и среди крестьян землевладение по дьямам распределяется крайне неравномерно». Он неоднократно указывал на существование «малоземельных» и «малоземельных» крестьянских дворов¹⁸⁹.

По сельскохозяйственной переписи 1917 года, 25 251 «хозяйство крестьянского типа» Абхазии (без Гагринского участка) имели 89 517 десят «удобной земли», в том числе «пашни» — 59 774 десят. На одно хозяйство приходилось 3,5 десят., в том числе пашни — 2,3 десят. Душевой надел был намного меньше, одной десятины. Неудивительно поэтому, что крестьяне вынуждены были прибегать к аренде, и арендованная ими земля под пашней составляла 35,5 проц. к площади наделенной пашни. Всего же крестьяне арендовали 23 249 десят., в том числе 21 217 десят. пашни. В то же время крестьяне сдавали в аренду 3 744 десят., в том числе пашни — 3 635 десят. Арендодатчиками были в большинстве кулаки, но бывала и беднота, порывавшая с земледелием и сдававшая свои ничтожные наделы. Крестьянские хозяйства без рабочего скота достигали 35 проц. (8844), без коров — 19,5 проц. (4925),

¹⁸⁵ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, д. 615, лл. 1—16.

¹⁸⁶ Там же, ф. 11, д. 127, л. 148.

О крупном характере хозяйства Ново-Афонского монастыря говорят и следующие данные. В монастыре в 1913 г. было 700 монахов и «послушников». Он имел каменоломни, водяную мельницу, кирпичный завод, чугунолитейную, механическую, столярную, токарную, сапожную и портняжную мастерские; конский, коневенный и алебастровый заводы; небольшие электростанцию и пристань; узкоколейную дорогу, шедшую вокруг всего монастыря; пасеки; оливковые и мандариновые рощи. Виноградники давали ежегодно свыше 30 тыс. ведер вина. В 1911 г. монастырь стал продавать оливковое масло; в 1912 г. были устроены печи для сушки чернослива (К. Д. Мачавариани. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913, стр. 189—190).

¹⁸⁷ ЦГАА, ф. 1, д. 8047, л. 13.

¹⁸⁸ Там же, д. 8031, л. 35.

¹⁸⁹ ЦГАОРГ, ф. 1471, оп. 1, д. 825, лл. 44—46.

не имевшие вообще никакого скота — 7 проц. или 1773 хозяйства¹⁹⁰.

Следует особо остановиться на положении крестьян — табачных плантаторов. Громадное большинство из них арендовало землю под плантации и было одновременно в полной зависимости от скупщиков табака. Если аренда земель под кукурузу в большинстве случаев была натуральная (четверть или треть урожая), то под табачные плантации и огороды она была почти всегда денежная.

Сухумский союз плантаторов подчеркивал, что в то время, когда купцы-спекулянты иживали огромные капиталы, «высасывая кровь и пот с плантаторов-крестьян», последние «за свой тяжелый до крови и пота труд получали какие-то жалкие остатки, которых многим плантаторам не хватало даже на пропитание своих семейств»¹⁹¹. Особенно же тяжелым было положение батраков.

Союз плантаторов приводил следующий пример. Если реализованный в 1917 году урожай табака 1916 года определить в 90 миллионов руб., то результаты вознаграждения труда плантаторов-крестьян и рабочих составляли всего лишь 27 млн. руб., а остальные 63 млн. руб. клали себе в карман всякие спекулянты. Вот на какие средства богачи «раскатывали в автомобилях и устраивали в [ресторанах] Ориентале и Сан-Ремо вечера в несколько сот рублей, и под звуки хлопья пробок из шампанского и грома тарелок кутят до тех пор, когда семья бедняка-плантатора, в экономии керосина туша лампу, садится завтракать...»¹⁹²

Сухумский союз плантаторов писал II «крестьянскому» съезду в марте 1918 года: «Представим себе того бедняка плантатора-крестьянина, который вместе со своей семьей почти круглый год работает над табаком и живет на занятые им в кредит деньги. При сдаче табака спекулянту его обманут в цене, обворуют в складе, обвесят на весах и, ко всему этому, сделают еще скидку; в результате расчета плантатор получает гроши, в некоторых случаях остается у спекулянта даже в долгу. Между тем семья остается голодная и босая, и нет денег на уплату других побочных долгов. Такие случаи бывали не десятками или сотнями, а тысячами, и на все это не обращалось со стороны администрации никакого внимания»¹⁹³.

Касаясь общей обстановки возникновения Союза плантаторов в 1917 году, правление союза в своем отчетном докладе в декабре 1918 года отмечало: «Это был последний кризис в финансовом отношении, негде было плантатору рубля достать на

¹⁹⁰ ЦГАА, ф. 12, оп. 1, д. 65, лл. 219—221.

¹⁹¹ Там же, ф. 321, д. 3, л. 5.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же, лл. 5—6.

свои нужды, к тому же ужасная дороговизна жизненных предметов первой необходимости в округе от зависимости разрухи транспорта еще более усиливала и без того критическое положение нашего Товарищества...»¹⁹⁴

На положении плантаторов-крестьян и на табаководстве в целом пагубно отражалась деятельность синдиката табако-промышленников «Петроградского торгово-экспортного товарищества». Этот синдикат фактически являлся англо-американским. Он был официально зарегистрирован 2 сентября 1913 года в Лондоне под названием „The Kurian Tabaco Company Limited“¹⁹⁵. Являясь почти единственным хозяином табачного рынка в первые три года войны, синдикат успел по совершенно низким ценам закупить 75—80 проц. наличного количества табака в крае. При этом синдикат и другие фирмы, покупая за бесценок табак, одновременно прекратили выдачу всяких ссуд, вследствие чего табаководы вынуждены были сократить до минимума площади табачных плантаций¹⁹⁶.

Действительно, в 1917 году сокращение площадей под табак в Абхазии (без Гагринского участка) по сравнению с 1914 годом равнялась 4 875 десят. (с 13 170 до 8 295 десят.), сокращение же урожая по сравнению с 1916 годом произошло на 77 834 пуда (с 557 834 до 480 000 пудов)¹⁹⁷.

Шло сокращение площадей и по другим культурам. Оно в 1917 году по сравнению с 1914 годом составляло: под кукурузу — основную хлебную культуру края — на 27 709 десят. (с 59 300 до 31 591 десят.), остальным зерновым культурам — 280 десят. (с 1 231 до 951 десят.), картофелю — 89 десят. (с 126 до 37 десят.), виноградникам — 681 десят. (с 3 098 до 2 417 десят.)¹⁹⁸. Резко падало и животноводство. В 1917 году в Абхазии разразилась эпидемия чумы рогатого скота, которая прекратилась лишь в конце 1918 года¹⁹⁹.

Так деградировало сельское хозяйство, как и все народное хозяйство Абхазии.

¹⁹⁴ ЦГАА, ф. 321, д. 1, лл. 59—60.

¹⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 14, д. 231, л. 58.

¹⁹⁶ ЦГАА, ф. 321, д. 31, л. 12.

¹⁹⁷ ЦГАА, ф. 12, оп. 1, д. 65, л. 220; «Известия Абхазской сельскохозяйственной опытной станции», № 36. Сухум, 1928, стр. 77.

¹⁹⁸ ЦГАА, ф. 12, оп. 1, д. 65, лл. 219—220; П. В. Гугушвили. Табаководство в Грузии и Закавказье. «Труды» института экономики АН Грузинской ССР, XI, стр. 207.

¹⁹⁹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 93, лл. 18—19, 84. Между прочим, ветеринарный врач А. И. Агрба (1862—1941), служивший с 1908 года в Карской области, в конце 1917 года был командирован Закавказским ветеринарным советом в Абхазию. В Гудаутском участке он провел ряд ветеринарных мероприятий.

Все это способствовало дальнейшему развитию революционного сознания масс. В конце 1917 года возник ряд новых профессиональных союзов: служащих гостиниц, пишевиков, домашней прислуги и помощников врачей г. Сухума, служащих Сухумской городской управы. Правда, профсоюзы были слабо организованы, существовали разобщенно и действовали на свой страх и риск. Например, устройство Союза служащих пароходных и транспортных предприятий, как писали впоследствии члены этого союза, носило ведомственный характер: в него принимались только сотрудники Русского общества пароходства и торговли. В первое время руководителями союза избирались преимущественно представители администрации, что в конце концов привело к обособлению водников в свой профсоюз моряков²⁰⁰. Большевики стремились превратить профсоюзы в орудие своей политики. Работа профсоюзов, как подчеркивали рабочие-печатники, «всячески тормозилась сверху. Совет профсоюзов (меньшевистский. — Г. Д.) Сухума в корне пресекал всякую попытку печатников увеличить свои оклады»²⁰¹. Однако печатники, как и другие рабочие, вели упорную борьбу, и в профсоюзах вытеснялось влияние меньшевиков.

Как известно, 23 сентября 1917 года было решено объявить по всей России всеобщую железнодорожную забастовку. В этот день состоялось общее собрание членов профсоюза Сухумского отдела ЧЖД. На собрании обсуждался вопрос о присоединении к всеобщей забастовке железнодорожников. Сразу же возник конфликт между рабочими с одной стороны администрацией и высшими служащими — с другой. Последние, исходя из установки эсеро-меньшевистского ВИКЖЕЛя, всячески старались удержать рабочих от выступления. Президиум, состоявший почти из одних представителей рабочих, покинул собрание после того, как администрация и высшие служащие добились отклонения внесенной рабочими резолюции, которая дважды ставилась на голосование²⁰².

После победы Октябрьской революции борьба рабочих железнодорожников Сухумского отдела ЧЖД стала еще активнее. 21 ноября состоялось собрание членов профсоюза отдела. На собрание пришли почти все рабочие, в том числе и не члены союза. Представители рабочих произносили речи, в которых разоблачали саботаж высших служащих из местной администрации, а также профсоюза инженеров и техников. И когда последние покинули зал заседания, один из ораторов

²⁰⁰ ЦГАА, ф. 101, д. 326, лл. 248—251.

²⁰¹ Там же, д. 325, лл. 31—34.

²⁰² Там же, ф. 4, д. 2607, л. 5.

назвал их контрреволюционерами²⁰³. 22 декабря состоялось «частное совещание» высших служащих, предметом обсуждения которого были действия комитета Сухумского отдела вообще и, в частности, на общем собрании 21 ноября 1917 года. Совещание постановило: о действиях Сухумского комитета довести до сведения главного директора комитета в Сочи, а также сообщить комиссару труда ОЗАКОМа на ЧЖД и всем профсоюзам дороги; признать необходимым перензбратъ Сухумский комитет отдела²⁰⁴.

В июне 1917 года профсоюз служащих-фармацевтов сухумской городской аптеки предъявил городской управе требование повысить зарплату. Но это требование не было удовлетворено. Тогда 5 октября они категорически запросили городскую управу, намерена ли она удовлетворить все пункты их требования. «В противном случае союз за последствия не отвечает», — писали они в заявлении²⁰⁵. Под угрозой забастовки управа вынуждена была ввести в городской аптеке такую же оплату труда, как и в других аптеках.

Профсоюз служащих правительственных учреждений г. Кутаиса обратился в Сухумский профсоюз судебных работников с призывом примкнуть к назначенной на 5 октября 1917 года забастовке служащих в казенных учреждениях Кутаисской губернии. По этому поводу состоялось собрание представителей правительственных учреждений г. Сухума. Однако забастовка в Сухуме 5 октября не произошла: благодаря стараниям меньшевистских лидеров некоторых профсоюзных организаций, а также ввиду обещания правительства улучшить материальное положение чиновников. Тем не менее в Сухуме одновременно с Тифлисом, Кутансом и другими городами 5 декабря 1917 года была объявлена забастовка государственных служащих. В 1917 году имело место выступление и служащих местного Общества взаимного кредита²⁰⁶.

В конце 1917 года в Гудаутах существовал один рабочий союз; его возглавляли активные революционные деятели И. Редькин и К. Кореньков; к ним «доходили временами большевистские газеты «Правда» и др.»²⁰⁷.

Начальник Гагринской почтово-телеграфной конторы отказался выдать служащим учреждения «традиционные награждения». В связи с этим, начиная с 30 декабря 1917 года, «заволновались... чиновники и низшие служащие и немедленно созвали собрание своего комитета... На этом же собрании все члены его вынесли единодушное постановление о не-

²⁰³ ЦГАА, ф. 4, д. 2607, лл. 4—5.

²⁰⁴ Там же, л. 5.

²⁰⁵ Там же, л. 16.

²⁰⁶ Там же, ф. 6, д. 17, лл. 129—130.

²⁰⁷ Там же, ф. 65, д. 260, лл. 107—108.

доверии начальнику и решили отстранить его, а все дела и кассу поручили принять одному из членов комитета. Когда же предъявили такое постановление начальнику, то получили довольно характерный ответ, достойный гоголевского Держиморды: «Никаких ваших комитетов я не признаю и признавать не желаю, если бы был сейчас старый строй, то я всех бы вас выгнал»²⁰⁸.

Определенная часть крестьянства в известной мере находилась еще в плену соглашательских иллюзий. Но основная масса крестьянства, разочаровавшись в способностях новых властей и испытывая на себе огромное влияние ленинского Декрета о земле, начинает разрешать земельный вопрос по-своему. Захваты земель и рубка лесов, принадлежавших помещикам, монастырям и кулакам, принимали все более массовый характер.

В цитированной выше статье «Впечатления из поездки по Абхазии» в газете «Наш путь» констатировалось, что крестьяне с нетерпением ждут «благоприятного разрешения земельного вопроса. Этот вопрос чуть-ли не больше всего интересует их»²⁰⁹.

Сухумский Совет солдатских депутатов постановил подвергнуть секвестру имущества великого князя А. М. Романова «Синоп» и «Диоскурия» (около Сухума)²¹⁰. По постановлению же Совета в мае 1917 года 400 монахов Ново-Афонского монастыря были обезоружены (отобраны австрийские винтовки), конфискована типография Драндского монастыря, которая была перевезена в Сухум для обслуживания Совета²¹¹. В связи с этим 13 июня 1917 года обер-прокурор Святейшего синода обратился к военному министру с жалобой, из которой узнаем: когда стало известно, что в типографии Драндского монастыря печатаются «листки монархического содержания», которые в начале марта были разосланы «благотворителям», Совет после обыска в монастыре конфисковал типографию; в мае был произведен обыск и в Ново-Афонском монастыре, в результате чего были уничтожены портреты бывшего царя и царицы; настоятель Сухумского кафедрального собора протонерей Г. Голубцов был посажен в тюрьму, а епархиальный наблюдатель С. Алферов выслан из Абхазии²¹². Интересен и следующий факт. В момент, когда Совет солдатских депутатов производил разоружение новоафонских монахов, офицеры Сухумского гарнизона тайно созвали свое собрание, на кото-

²⁰⁸ «Солдат и рабочий», 14 февраля 1917 г., № 132, Сочи.

²⁰⁹ «Наш путь», 21 мая 1917 г., № 3.

²¹⁰ Г. В. Хачапуридзе. Борьба грузинского народа за установление Советской власти. М., 1956, стр. 54.

²¹¹ იმერეთის რევოლუციური კომიტეტი. Указ. соч., стр. 15; ЦГАА, ф. 1, д. 8047, л. 24.

²¹² იმერეთის რევოლუციური კომიტეტი. Указ. соч., стр. 15—16.

ром обсудили вопрос «О введении жестокого режима в армии». Узнав об этом, солдаты немедленно вернулись в Сухум и разогнали офицерское собрание²¹³.

В декабре 1917 года крестьяне дважды напали на Моквинский монастырь. Ввиду этого настоятельница монастыря игуменья Досифея просила меньшевистского комиссара Сухумского округа об охране монастыря²¹⁴. Наместник Ново-Афонского монастыря архимандрит Илларион в своем отношении в Сухумский окружной комиссариат от 8 декабря 1917 года писал, что с начала мировой войны в монастыре прекращены строительные работы и его хозяйство «ввиду аграрных беспорядков пока в застое»²¹⁵. Нападение вооруженных крестьян было совершено и на Драндский монастырь 24 декабря 1917 года²¹⁶.

В конце 1917 года, в обстановке серьезных волнений крестьян по всему краю, в Гудаутском участке развернулось массовое крестьянское движение. 3 ноября 1917 года в м. Гудауты был убит большевик Дмитрий Кобахия²¹⁷, пользовавшийся большой популярностью среди трудового крестьянства²¹⁸. Это убийство было совершено наемным бандитом, посланным контрреволюционерами. Гибель Д. Кобахия сыграла большую роль в дальнейшем обострении классовых противоречий в Гудаутском участке. На этот акт крестьяне ответили усилением борьбы против князей и дворян, возбуждая крестьян и других участников. Над открытым гробом покойного крестьяне произнесли речи, давая клятву отомстить за своего любимца²¹⁹.

Между прочим, в «уставе» («конституции») крестьянской организации «Книараза», о которой речь будет идти ниже, на-

²¹³ სსბგბგო უბრეზობა. Указ. соч., стр. 17.

²¹⁴ ЦГАА, ф. 1, д. 8047, л. 17.

²¹⁵ Там же, ф. 11, д. 135, л. 66.

²¹⁶ Там же, ф. 12, д. 574, л. 1.

²¹⁷ Там же, ф. 65, д. 260, л. 105.

²¹⁸ Д. Кобахия был сыном лыхнинского крестьянина Кайнагу Кобахия (Мчиц-ипа), участника восстания 1866 года в Абхазии. Д. Кобахия после окончания лыхнинской двухклассной школы поступил в Эреванскую учительскую семинарию, которую окончил в 1913 году. Затем он ряд лет вел преподавательскую работу в сельских школах Абхазии. Еще в семинарии Д. Кобахия обращал на себя внимание не только своими прекрасными способностями, но и стремлением «защищать слабых и обиженных». Это стремление защищать бедных у молодого Кобахия проявилось очень активно в годы его учительства. В с. Гуп Очемчирского участка, где он начал свою преподавательскую деятельность после окончания семинарии, Д. Кобахия выступал в защиту угнетенного крестьянства. На этой почве отношения между ним и помещиками (князем Д. Маршанья и др.) настолько обострились, что он вынужден был оставить свою преподавательскую работу в названном участке и переехать в родное село Лыхны, где вскоре и застали его события 1917 года (Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулна, ф. 1, д. 69, л. 1).

²¹⁹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулна, ф. 1—0, д. 12, лл. 76—77; ф. 1, д. 69, л. 2.

шло свое отражение обвинение крестьянскими массами «привилегированного сословия» в «составлении заговора на жизнь убитого учителя Кобахия, в укрывательстве убийц Кобахия и освобождении их из тюрьмы»²²⁰. Надо сказать, что в это время вообще наблюдалось оживление дворянской контрреволюции, повсюду бесчинствовали черные сотни (например, в Гудаутском участке — «дворянская сотня» Д. Маргания).

В связи с разгулом контрреволюции вообще и в ответ на убийство популярного в крестьянской среде Д. Кобахия, в конце 1917 года в Бзыбской Абхазии идея образования революционной крестьянской дружины под старинным названием «Киараз»²²¹ или «Аихаю Киараз»²²² («Крестьянский Киараз») получает организационное оформление.

Слово «Киараз» по смыслу означает объединение. У абхазов вплоть до текущего столетия под таким названием существовали организации трудовой взаимопомощи. Крестьяне отдельного поселка выходили, как правило, на совместные полевые работы в страдные периоды, особенно на прополку кукурузы. Коллектив киаразовцев выступал одновременно и как своего рода оборонительный союз, в любой момент готовый отразить нападение неприятеля. Каждый из них вместе с тохой приносил свое ружье, которое во время работы вешал наготове, недалеко перед собой на кол. Надо сказать, что указанным обычаем, практиковавшимся в крестьянской среде, нередко пользовались и феодалы, превращая его в средство эксплуатации, несмотря на всю патриархальную окраску этого обычая. Кроме того, для карательных мероприятий и личной охраны крупные абхазские феодалы, в первую очередь владетельные князья, имели вооруженную организацию под тем же названием «Киараз»²²³.

Революционная крестьянская дружина «Киараз» существовала до весны 1921 года и ее деятельность проходила под непосредственным руководством большевистской организации. История «Киараза» тесно была связана с именами таких видных абхазских революционеров, как Н. Лакоба, И. Вардания, В. Агрба, М. Гобечия и других, многие из которых являлись членами Коммунистической партии с 1912—1918 годов.

В селе Джирхва, вдали от участкового центра, был созван сход крестьянства. Из Гудаут приехали также рабочие. На сходе первым выступил Н. Лакоба, который рассказал о

²²⁰ ЦГАА, ф. 339, д. 2, лл. 58—60.

²²¹ Там же, ф. 65, д. 260, лл. 98, 105.

²²² Там же, ф. 12, д. 574, л. 87.

²²³ Ш. Иналпа. Абхазы. Сухуми, 1960, стр. 155—156; А. В. Фадеев. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум, 1931, стр. 29; И. Г. Антелава. Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII веков. Сухуми, 1949, стр. 96.

цели и принципах организации «Киараза». Затем состоялась запись в ряды этой крестьянской дружины.

В сравнительно короткий срок почти во всех селах Гудаутского и, частично, Гагринского участков возникли отряды «Киараза». В начале в «Киараз» объединялись преимущественно беднейшие слои крестьянства, возмущенные действиями классовых врагов. Затем его ряды пополнялись и за счет среднего крестьянства, а также отдельных элементов из зажиточных слоев. Это создавало известную пестроту в составе «Киараза». Но все же основная масса киаразовцев шла за большевиками, чему способствовали доходившие до них вести о великих социалистических преобразованиях в Советской России.

Чтобы добиться монолитности «Киараза» и предупредить возможную измену и предательство его участников, было решено привести к присяге в верности делу революции всех киаразовцев на горе Дыдрыш в с. Ачаидара. Руководители «Киараза» и в некоторых других случаях умело использовали старые традиции в решении революционных задач.

В практической деятельности «Киараза» в первое время едва ли не решающее значение имела борьба против дворянской контрреволюции. Она проявлялась в разнообразной форме. В с. Лыхны отряд «Киараза», стремясь выявить виновников убийства Д. Кобахия, в течение месяца подвергал преследованию некоторых из представителей помещиков. В Гудаутах была арестована группа князей и дворян²²⁴. Киаразовцы окружили отряд черносотенцев во главе с Д. Маргания и обезоружили его²²⁵.

Уже в это время отдельные отряды «Киараза», расположенные в разных селах, начали отбирать землю у князей и дворян, крупных арендаторов и кулаков и передавать ее малоземельным крестьянам. Так, например, в с. Звандрипш организуется земельная тройка, которая приступила к дележу помещичьей земли. Надо сказать, что на 200 крестьянских хозяйств указанного села приходилось всего лишь 1 200 га, тогда как помещики имели 1 100 га земли. Звандрипшский отряд «Киараза» в это время насчитывал около 60 человек²²⁶.

«Киараз» имел большую поддержку со стороны всего трудового крестьянства. Его состав с течением времени все более пополнялся за счет революционно настроенных крестьян.

Зародившись в гуще абхазского крестьянства, «Киараз» вскоре стал интернациональной организацией. В его отряды вступали также грузинские, русские, армянские и другие крестьяне-бедняки, батраки и рабочие. Например, был создан так

²²⁴ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гуляна, ф. 1—0, д. 12, л. 80.

²²⁵ Там же, ф. 1, д. 59 а, л. 11.

²²⁶ ЦГАА, ф. 65, д. 260, лл. 103—104.

называемый «Лазский партизанский отряд» во главе с Риза Бибин-оглы (убит в 1920 году в меньшевистском застенке), состоявший преимущественно из лазских сельскохозяйственных рабочих-табачников и рыболовов. Он перебрасывал боеприпасы для отрядов «Киараза» на рыболовных лодках, выгружая их в селах Мгудзырхва и Бамбора. «Лазский отряд», действуя с весны 1918 года как одна из боевых единиц «Киараза», показывал пример бесстрашия в боевых операциях²²⁷.

Боевые крестьянские дружины создавались и в других участках Абхазии. Революционизированию крестьянства содействовали солдаты-фронтовики, которые с конца 1917 года начали возвращаться на родину в массовом порядке. Это было особенно заметно в Самурзаканском участке. Их руководителем здесь стал простой крестьянин-солдат П. Е. Дзигуа. Вокруг стойкого большевика Павла Дзигуа, выделявшегося своими организаторскими способностями и отвагой, группировались революционные силы участка. Осенью 1917 года в с. Набакеви было созвано нелегальное собрание. Здесь было заложено начало революционной организации в составе Ф. и Д. Тория, Б. Эхвая и др. под председательством П. Дзигуа. Эта организация впоследствии, в 1918 году, сыграла большую роль в борьбе за Советскую власть в данном районе²²⁸.

Примерно в ноябре 1917 года был образован Кодорский участковый комитет РСДРП(б) в составе демобилизованных солдат А. Убриря (председатель) и П. Бигвава и Н. Матарадзе — сына поквешского крестьянина. Еще летом 1917 года П. Бигвава привез из Батума марксистскую литературу («Манифест Коммунистической партии» и др.) и начал распространять ее среди рабочих и молодежи, в частности, учащихся Очемчирского вышеначального училища. Вместе с тем в ряде сел (Гуп, Поквеш, Беслахуба) возникли боевые отряды, которые под руководством С. Капба, Е. Кобахия, Т. Бгажба и других вели борьбу против контрреволюционных сил участка. В начале 1918 года было организовано несколько сельских партийных ячеек²²⁹.

Для характеристики революционного настроения абхазского крестьянства в конце 1917 года представляет интерес и следующий факт. Абхазский народный совет 21 ноября срочно

²²⁷ «Красногвардеец — партизан Абхазии», 7 ноября 1932 г.; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 12, л. 88; Е. К. Шамба Указ. соч., стр. 39.

²²⁸ ЦГАА, ф. 65, д. 260, лл. 43, 49, 50, 54; М. Пипия, З. Лабахуа и др. Шесть месяцев борьбы за Советскую власть в Самурзаканском, ныне Гальском, районе в 1918 году. «Красногвардеец—партизан Абхазии», 4 марта 1933 г.

²²⁹ ЦГАА, ф. 65, д. 260, лл. 60—83; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 68—69, 71.

телеграфировал Закавказскому комиссариату: «Комиссар Кавказской армии Федотов телеграфно предупредил, что по селам Абхазии расквартирует войска для прекращения якобы усилившихся грабежей. Предупреждаем, что это вызовет народное волнение ужасными последствиями. Просим предотвратить его»²³⁰.

Ф. Е. Махарадзе впоследствии подчеркивал, что в период Февральской и особенно Октябрьской революций 1917 года «абхазские крестьяне доказали свою верность и преданность делу пролетарской революции»²³¹.

В литературе уже отмечено, что среди войск Кавказской армии авангардную роль в революционной борьбе играл и Сухумский гарнизон²³². 10 декабря 1917 года состоялся II съезд Кавказской армии, который в отличие от I съезда держал курс на революционную политику. На этом съезде присутствовал и делегат Сухумского гарнизона, которым по возвращении в Сухум был сделан в местном Совете солдатских депутатов подробный доклад о съезде и расколе на нем. Как доносил исполняющий должность начальника гарнизона полковник Новицкий главному начальнику Кавказского военного округа 15 января 1918 года, в связи с этим среди солдатской массы гарнизона «проявился резкий перелом». Части гарнизона, одна за другой, стали выносить резолюции о непризнании Закавказского комиссариата и Краевого Совета солдатских депутатов. Первые активные действия были предприняты 4 Кавказской позиционной батареей, солдаты которой, поделив между собой имущество батареи, стали требовать от ее командира проездные документы и, получив их, начали разъезжаться. Аналогичные действия предприняли и солдаты 15 Кавказской позиционной батареи. 10 тяжелая батарея Севастопольской крепостной артиллерии «принципиально присоединилась» к названным батареям. Солдаты 232 пехотной Донской дружины также поделили между собой запасное обмундирование и постановили выдать каждому солдату по одной винтовке и по 120 патронов к ней, а нестроевым — по одному револьверу с патронами.

Узнав об этом полковник Новицкий немедленно, в «полном согласии с местными организациями», решил «во что бы то ни стало воспрепятствовать увозу оружия из Сухума». Для этого был наряжен караул от Абхазской сотни и сформированная караульной добровольческой роты для охраны складов с оружием, были высланы на пристань патрули

²³⁰ ЦГАОРГ, ф. 1472, оп. 1, д. 54, л. 35.

²³¹ Ф. Махарадзе. Грузия в XIX столетии. Краткий исторический очерк. Записка, 1933, стр. 47.

²³² См. М. В. Церпиадзе. Революционное движение в Грузии в 1914—1917 годах. Тбилиси, 1960, стр. 267—268.

«для воспрепятствования солдатам увозить с собою оружие», что и удалось сделать. Спешно было произведено формирование так называемой «добровольческо-караульной роты». Был образован особый штаб под руководством В. Чхиквишвили для борьбы с «разбоями и грабежами». В ночь на 11 января 1918 года в Сухуме было объявлено осадное положение. Город был оцеплен войсками и произведены «облавы и обыски»²³³.

При меньшевистском исполкоме Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Сухуме существовала комиссия «по борьбе с дезертирством»²³⁴.

О чем говорят приведенные факты? Прежде всего необходимо подчеркнуть, что подобное явление в еще большей степени имело место во многих других местах Грузии и Закавказья, а события в Абхазии составляли звено в этой общей цепи. Все это свидетельствует о том, что в конце 1917 года, в обстановке триумфального шествия Советской власти по всей огромной стране, в Закавказье наступил благоприятный момент для взятия власти в руки рабочих и крестьян. Нельзя не согласиться с М. В. Церцвадзе, который пишет, что местные большевистские организации были готовы и ждали указания от Кавказского краевого комитета РСДРП(б) о взятии власти в свои руки; в Батуме, Сухуме, Поти, Чхатуре, Ахалцихе и других местах «не представляло большого труда взять власть в свои руки»²³⁵. И то совершенно верно, что решения VI съезда большевистской партии, взявшего курс на подготовку и проведение вооруженного восстания, в равной мере относились к Грузии и ко всему Закавказью²³⁶.

Однако эта возможность была упущена. Надеясь на мирное разрешение вопроса о власти, большевики Закавказья не смогли предпринять необходимых мер в борьбе за власть. Они не создали вооруженной силы пролетарской революции. Не была использована и такая серьезная сила, как русская революционная армия, возвращавшаяся с Турецкого фронта после открытия мирных переговоров²³⁷.

* * *

С целью усиления борьбы против революционного движения в Закавказье в целом и против Советской России, а также юридического оформления отделения края от РСФСР, 10 фев-

²³³ ЦГВИА, ф. 1300 с, оп. 1, д. 2, л. 162.

²³⁴ ЦГАА, ф. 321, д. 4, л. 31.

²³⁵ М. В. Церцвадзе. Указ соч., стр. 301.

²³⁶ М. В. Церцвадзе. Указ соч., стр. 332.

²³⁷ Г. К. Жвания. Борьба большевиков Грузии за Советскую власть. Сб. «Великий Октябрь». М., 1958, стр. 357—358.

раля 1918 года из членов разогнанного в Петрограде Учредительного собрания был создан контрреволюционный Закавказский сейм, пополненный представителями различных партий: меньшевиков, мусаватистов, дашнаков, эсеров, кадетов. Председателем этого лжепарламента был избран Н. Чхеидзе.

Накануне открытия сейма, 9 февраля, между Абхазским народным советом в лице тогдашнего его председателя А. Г. Шервашидзе и Национальным советом Грузии было заключено «соглашение» об «установлении взаимоотношений между Грузией и Абхазией». «Выработка формы будущего политического устройства Абхазии», пределы которой признавались от р. Ингур до р. Мзымта, «приурочивалась» к Учредительному собранию, срок созыва которого не был установлен²³⁸.

Проводились и другие меры. Наступление контрреволюции все более и более усиливалось. Был закрыт ряд большевистских газет, производились аресты большевистских руководящих работников. Во многих районах Закавказья было введено военное положение.

Наступление контрреволюции вызвало отпор со стороны трудящихся масс. Н. Жордания, выступая на заседании Сейма, говорил: «Вы знаете, что у нас в стране, особенно в уездах, все больше и больше увеличивается анархия (крестьянские выступления. — Г. Д.), что бывают эксцессы... Среди рабочего класса настроение большевистское, даже меньшевники-рабочие заражены большевизмом»²³⁹.

Большевистские организации Абхазии, энергично разоблачая контрреволюционные силы Закавказского края, поднимали массы на борьбу за Советскую власть. Гудаутская партийная организация, например, «обсуждая вопрос о закавказской власти и принимая во внимание, что Закавказский комиссариат является самочинным и что он противопоставляет себя Совету Нар. Комиссаров, утвержденному Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», единогласно вынесла следующую резолюцию:

«1) Отстаивать всеми силами Советскую власть во всей России, как власть самих рабочих, солдат и крестьян.

2) Бороться всей своей энергией за немедленный переход всей полноты власти на Кавказе к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

3) Разъяснять рабочим, солдатам и крестьянам контрреволюционность Закавказского комиссариата»²⁴⁰.

Начало 1918 года ознаменовалось дальнейшим усилением революционного движения трудящихся Абхазии, как и всего Закавказья. В Сухуме 4 января 1918 года предательски был

²³⁸ ЦГАА, ф. 339, д. 6, л. 23.

²³⁹ Цит. по указ. соч. Д. Енукидзе, стр. 23.

²⁴⁰ «Кавказский рабочий», 4 января 1918 г., № 1.

убит К. Меладзе. Похороны этого пламенного большевика превратились в мощную политическую демонстрацию. Собра-лось несколько тысяч человек, рабочие произносили революци-онные речи²⁴¹.

В январе на Сухумской опытной станции возник конфликт рабочих и служащих с администрацией. Столкновение про-изошло на почве ущемления интересов рабочих и служащих и антидемократических действий дирекции станции²⁴². Анало-гичный случай имел место в феврале и у железнодорожников²⁴³. В этом месяце произошла крупная стачка рабочих, строивших Черноморскую железную дорогу.

18 февраля 1918 года в Сухуме произошли «сильные бес-порядки», в результате чего были «уничтожены часть инвен-таря и все деловые бумаги, бывшие в производстве при кан-целярии... комиссариата...», — писал комиссар Сухума в го-родскую управу²⁴⁴.

В начале 1918 года происходила забастовка рабочих-печатников Сухума. По словам участников забастовки, «печат-никам впервые пришлось выступить серьезно в защиту своих экономических интересов». Составив проект коллективного до-говора и включив в него ряд экономических требований, печатники повели борьбу с хозяевами. Была избрана комиссия в составе В. Каландарашвили, М. Хахмигери и Ф. Камаева для заключения коллективного договора с предпринимателя-ми. В конце концов рабочие заставили хозяев подписать дого-вор²⁴⁵.

Такая забастовка была и на Сухумской электростанции. Профсоюз электриков, объединявший также механиков кино, монтажников и работников телефонной станции, добился заклю-чения коллективного договора с предпринимателями. Договор предусматривал улучшение условий труда, очередные отпуска и т. д. Однако вскоре он был нарушен администрацией. В знак протеста работники станции снова объявили забастовку.

²⁴¹ Там же, 25 января 1918 г., № 18.

²⁴² При выборе председателя собрания сотрудников Сухумской опытной станции рабочие и служащие выставили своего кандидата. «Научная коллегия» во главе с директором демонстративно покинула зал. Возмущенное этим собрание вынесло постановление: признать нужным выразить всем покинувшим собрание полное порицание; реорганизовать хозяйственно-ад-министративный комитет, включив в него по одному рабочему от каждого отдела; производить увольнение служащих и рабочих только с разрешения общего собрания. На следующее собрание «научная коллегия» и вовсе не явилась, что собрание сочло для себя крайне оскорбительным и снова вы-несло «коллектив» порицание (ЦГАА, ф. 4, д. 2215, лл. 15—17).

²⁴³ ЦГАА, ф. 4, д. 2215, л. 20.

²⁴⁴ Там же, д. 2890, л. 20.

²⁴⁵ ЦГАА, ф. 101, д. 326, л. 33. История Союза печатников.

чем вынудили предпринимателей повысить им заработную плату и выплачивать ее аккуратно²⁴⁶.

В 1918 году возникло еще несколько профсоюзов. В самом начале года в Сухуме под руководством грузчика-большевика Желудкова, приехавшего с Волги, и при активном содействии грузчиков П. Кобанцова, Р. Цитлидзе, Д. Севрикова и др. было создано общее собрание рейдовых и береговых грузчиков. На собрании был поставлен вопрос о необходимости организации профсоюза грузчиков для защиты их экономических и правовых интересов. Было выбрано правление профсоюза грузчиков в составе 7 человек под председательством Желудкова²⁴⁷. Весной того же года по инициативе рабочих К. Макарова, И. Филимонова и других в Сухуме был создан профсоюз строительных рабочих. Правление союза состояло из 10 человек под председательством К. Макарова²⁴⁸.

В этот период учащаются захваты крестьянами помещичьих и монастырских земель. Наместник Ново-Афонского монастыря архимандрит Илларион в своем докладе сухумскому епископу Сергию 16 февраля 1918 года сообщал, что, как давно доносят иноки, обслуживающие монастырские хутора, абхазские крестьяне из Аацы и других сел, приходя иногда партиями, «распланировывают монастырскую землю; говорят о том, где кто из их предков когда-то жил...» 12 февраля «обход монастырской земли» у хуторов и дальней пасеки делала группа крестьян в 50 человек из того же с. Аацы. Крестьяне требовали, чтобы, «во избежание погрома», всю монастырскую землю «добровольно передали в распоряжение их, абхазцев». Вместе с тем было заявлено, что среди населения три течения: «Более или менее степенного возраста — пожилые, хотят мирного, а некоторые элементы ждут решения земельного вопроса Учредительным собранием, а молодежь в большинстве торопится и готова даже решить дело путем захватным и порядком хоть бы и погромным». Поэтому «предупреждают нас, — писал наместник далее, — что медлить с решением этого вопроса нельзя и небезопасно, что монастырю надо идти навстречу желанию поселян абхазцев; что молодежь бумагам разным не придает никакого значения и самим поземельным комитетам не верит, считая их сторонниками одних богатых людей»²⁴⁹.

Наместник Ново-Афонского монастыря писал также в Закавказский комиссариат, сообщая, что абхазские крестьяне «занимают землю Ново-Афонского монастыря, строят сакли, пашут покосы, выгон для скота, грозят реквизировать и продать четвертого марта аукционом скот и хозяйственный инвен-

²⁴⁶ Там же, л. 310.

²⁴⁷ Там же, д. 325, л. 37.

²⁴⁸ Там же, лл. 13—18.

²⁴⁹ ЦГАА, ф. 1, д. 8047, лл. 39 — 39 об.

тарь, отобрать почти всю землю нашу... Прошу убедительно защитить обитель»²⁵⁰. Сухумский епископ Сергей в свою очередь просил Абхазский народный совет «оказать влияние на жителей сел. Аацы и других соседних селений посодействовать, дабы сохранены были за Ново-Афонской обителью... те земли, какие у нее есть»²⁵¹.

В феврале 1918 года состоялся волостной сход крестьян селений Владимировского и Эстонского, который вынес постановление отобрать принадлежавшие Драндскому монастырю земли, с находившимися на них постройками²⁵². Настоятельница Моквинского монастыря игуменья Досифея в своем заявлении в Моквинский сельский исполком от 6 января 1918 года писала: «Ввиду тяжелого военного времени наш Моквинско-Успенский м-рь весьма нуждается в охране, а потому всепокорнейше прошу возбудить ходатайство перед Сухумским окружным исполнительным комитетом о выдаче нам для охраны вышеупомянутого монастыря 7 винтовок со всеми своими патронами...»²⁵³

Вооруженные нападения крестьян также были совершены на Дурипшскую церковь в ночь с 13 на 14 января 1918 года, на Абгархукскую церковь — 21 января, на хутор Драндского монастыря — 3 февраля²⁵⁴. 2 марта 1918 года настоятельница Каманского монастыря игуменья Нина писала о нападении на монастырь в ночь с 1 на 2 марта и просила обеспечить его охраной²⁵⁵.

В феврале 1918 года в с. Дранда приехал меньшевик Рамишвилн и выступил перед крестьянами с демагогической речью. Крестьяне категорически спросили его: «Как будет решен вопрос о земле?» «Землю надо выкупить», — последовал ответ. Тогда крестьяне заявили меньшевистскому представителю: «Земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает, мы боролись за землю и впредь будем бороться...» Через несколько дней после этого приехавший в с. Дранда большевик Е. Дамения объяснил собравшимся крестьянам, что меньшевики, как показывает практика, не хотят дать землю крестьянам, а большевики с самого же начала социалистической революции решили земельный вопрос в пользу трудового крестьянства²⁵⁶.

С ростом и углублением борьбы крестьян против крупных землевладельцев обострились классовые противоречия и внут-

²⁵⁰ ЦГАОРГ, ф. 1472, оп. 1, д. 56, л. 32.

²⁵¹ ЦГАА, ф. 1, д. 8047, л. 41.

²⁵² ЦГАА, ф. 1, д. 8047, л. 9 об; ф. 12, д. 574, л. 56. Рапорт наместника Драндского монастыря епископу сухумскому от 11 февраля 1918 года.

²⁵³ ЦГИАГ, ф. 1472, оп. 1, д. 10, л. 11.

²⁵⁴ ЦГАА, ф. 1, д. 8077, лл. 9, 10, 14.

²⁵⁵ Там же, л. 18.

²⁵⁶ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулна, ф. 1, д. 186 лл. 26—27.

при самого крестьянства. 18 марта 1918 года состоялось собрание крестьян с Владимировского Гумистинского участка: Выступавшие указывали, что у крестьян в селе «нет самоуправления, а существует маленький бесконтрольный царек, [который] выжимает соки [из] сельской бедноты...» Призыв одного из ораторов — Г. Радовича: «Так давайте же и мы сбросим своих сельских царьков и будем сами собой управлять», — был горячо поддержан собравшимися крестьянами. Была избрана комиссия по реорганизации Владимировского самоуправления²⁵⁷.

На конференции большевистских организаций Западной Грузии, состоявшейся в Кутаисе 20 — 23 февраля 1918 года, на которой присутствовал и делегат от Абхазской партийной организации, указывалось, что деревня переживает глубокий кризис; в сознании трудового крестьянства произошел огромный перелом, следствием чего явился его отход от меньшевиков, оказавшихся совершенно неспособными разрешить земельный вопрос в пользу крестьян²⁵⁸.

Показателем постепенного роста классового самосознания трудящихся и усиления противоречий между классами является также разложение Абхазской сотни²⁵⁹. Командный состав сотни состоял из князей, дворян и кулаков, а всадники (рядовые), главным образом, были из крестьян, которые под влиянием общей революционной ситуации в стране начинают постепенно сознавать, что они являются слепым орудием в руках князей и дворян и глубоко заблуждаются, когда думают, что служат интересам абхазского народа.

Разложение сотни началось еще на фронте. В этом отношении интересен следующий факт. Группа всадников Черкесского конного полка во главе с Василием Лакоба была командирована в г. Киев, где их застали события Февральской революции. Здесь многие из них быстро примкнули к революционному движению. Киевским большевистским комитетом было поручено В. Лакоба вести работу с целью разложения Дикой дивизии. После его возвращения в дивизию, по доносу одного всадника, за В. Лакоба был установлен надзор. Он был направлен, под предлогом несения охраны какого-то фольварка при сахарном заводе, в Кишиневскую губернию. Лакоба вел агитацию среди всадников за прекращение войны. Агитация велась и среди местного крестьянства. В. Лакоба рас-

²⁵⁷ ЦГАА, ф. 22, л. 45, л. 11.

²⁵⁸ „რეზოლუციები მიღებული დასავლეთ ამიერკავკასიის კონფერენციებზე რუს. სოციალ-დემოკრატ. მუშ. პარტი. (ბოლშ.), რომელიც მოხდა ქ. ქუთაისში, 1918 წ. თებერვლის 20-30 რიცხვებში“. Кутаис, 1918.

²⁵⁹ «Абхазская сотня» участвовала в составе «Дикой дивизии» в походе генерала Корнилова на Москву и Петроград в сентябре 1917 года, а после разгрома корниловщины она прибыла в Сухум в распоряжение Абхазского народного совета.

пространял воззвания и листовки, издававшиеся Киевским комитетом большевистской партии²⁶⁰. Однажды он созвал сход крестьян и, став на стол, начал говорить, что необходимо изгнать из своей среды попов, расстрелять помещиков и поделить между собой их земли и т. д. Затем В. Лакоба, организовав отряд из 12 всадников, явился в г. Беидеры и поднял восстание при участии солдат пехотных частей, покинувших фронт. Посланные туда части Черкесского полка под командой князя Шервашидзе подавили восстание, а Лакоба был арестован и заключен в Киевскую тюрьму. Офицерский состав дивизии требовал немедленного расстрела В. Лакоба, а всадники-крестьяне стали в защиту своего товарища. Телеграммой командования Юго-западного фронта В. Лакоба был затребован в Киев, а затем выслан на родину²⁶¹.

Большевики вели работу среди рядовых всадников сотни. Так, гудаутские коммунисты (Н. Лакоба, М. Гобечия) такую работу проводили через всадника Н. Кокоскерия, сына бедного абхазского крестьянина из с. Отхара. Кокоскерия сообщает следующее из беседы Н. Лакоба с ним, состоявшейся в Гудаутах в средних числах февраля 1918 года. Н. Лакоба «спрашивает меня, почему мы в Сухуме, а не у себя дома. Я отвечаю ему, что мы защищаем от врагов свою родину — Абхазию. Он усмехнулся и спрашивает: «В пользу кого?». Я ему сразу отвечаю: «В пользу абхазского народа». Н. Лакоба, объясняя всаднику его заблуждения, сказал: «Кто такие ваши начальствующие лица? Конечно, князья и дворяне. Кто такие правители города Сухума? Опять так они. Назови хоть одного рабочего или крестьянина среди них? Не найдешь. Следовательно, вы охраняете не народ, как ты понимаешь, а кучку господствующих людей...». В таком же духе высказались и другие. «Я, — продолжает Кокоскерия, — целый день ходил как пораженный, и мне стало стыдно носить свои погоны... Для меня открылся новый мир и новые понятия. Я решил твердо поехать [в Сухум] и сказать своим товарищам, что мы заблуждаемся. Как решил, так и сделал... Среди всадников пошло сильное волнение»²⁶².

Всадники категорически потребовали распустить их по домам, в случае отказа угрожая вооруженным выступлением. Абхазский народный совет и сухумские меньшевистские власти вынуждены были удовлетворить требование всадников. Совет предложил им сдать оружие и обмундирование. Но всадники, не выполнив эти требования, разошлись по домам.

²⁶⁰ Арх. Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9, лл. 13—17.

²⁶¹ Там же; ПА Грузфильнала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 909, л. 4; ф. 14, оп. 5, д. 246, лл. 1—21.

²⁶² Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 11, папка № 3, 1932 г., лл. 23—25; ф. 1, д. 186, лл. 374—376.

Всадники из Гудаутского участка вошли в состав «Киараза». В Сухуме остались лишь начальствующий состав и небольшая группа всадников²⁶³.

Меньшевистский партийный офицер «Эртоба», описывая общее положение в Сухуме к февралю 1918 года, отмечал, что отсутствие денег приостанавливает работу по строительству железной дороги. Ведется агитация против сухумского городского головы В. Чхиквишвили и других. Рабочие находятся под сильным влиянием большевиков. «Рабочие требуют новых выборов Совета. В Совет в большинстве проводят большевиков. Вернувшиеся с фронта солдаты ищут работу. Они требуют, чтобы дело защиты города было в их руках». Меньшевистских гвардейцев называют «подкупленными буржуями»²⁶⁴.

Надо сказать, что большевики в Сухумском Совете рабочих и солдатских депутатов уже в конце 1917 года, после Октябрьской революции, получили перевес: систематическая агитация большевиков «открыла глаза рабочим и показала им истинных друзей трудящихся»²⁶⁵. На общем собрании рабочих г. Сухума 2 мая 1918 года указывалось, что в феврале 1918 года были произведены перевыборы в Совет, который «по составу стал большевистским»²⁶⁶. Председателем его, вместо меньшевика В. Чхиквишвили, был избран Е. Эшба.

Из сказанного видно, насколько сильно возросло влияние большевиков среди трудящихся масс, которые все более решительно становились на путь активной революционной борьбы. Большевистские организации Абхазии росли и крепились. Председатель Гудаутского комитета РСДРП(б) Н. Лакоба сообщал Кавказскому краевому комитету РСДРП(б) следующее: «Организация наша сильна и крепка. В данный момент, когда меньшевики и правые эсеры преступно, полные ужаса и трепета перед буржуазией, изменили интересам пролетариата... наша организация, сознавая вдвойне свою ответственность, будет всеми силами бороться за торжество идей большевизма. Никакая гнусная ложь, провокаторство закавказских меньшевиков, не останавливающих ни перед какими средствами, чтобы выйти из помойной ямы, куда они скатились благодаря своей соглашательской политике, не могут расстроить наших рядов. Мы просим поддерживать с нами постоянную связь, давать нам директивы». Это письмо было опубликовано в тифлисской большевистской газете «Кавказский рабочий» 4 января 1918 года.

²⁶³ Там же, лл. 25—26.

²⁶⁴ „Эртоба“, 1918 г., № 53.

²⁶⁵ Е. Эшба. Выборы Сухумского совета. «Голос Трудовой Абхазии», 1 февраля 1922 г., № 25.

²⁶⁶ «Сухумская правда», 5 мая 1918 г., № 16.

Весьма показательны и следующее письмо ЦК РСДРП (б) от 17 января 1918 года в адрес Гудаутской большевистской организации: «Уважаемые товарищи! Приветствуем вас с организацией в Гудаутах нашей большевистской организации и надеемся, что с вашей поддержкой мы сумеем завладеть и Сухумским советом, и Закавказским комиссариатом. Для связи с нами пользуйтесь адресом: Николаевская, 12. На всякий ваш вопрос мы постараемся давать посильные ответы, дабы удовлетворить ваши нужды. Для связи с Черноморским флотом, которую считаем крайне важной и нужной для вашей работы в одном из пунктов Черноморского побережья, советуем вам обращаться в Севастополь... Пишите почаще, товарищи, и сообщите нам точные сведения о количестве членов вашей организации, о том, как вы ведете работу и т. д.»²⁶⁷

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В АБХАЗИИ В 1918 ГОДУ

В феврале 1918 года в Сухуме была сделана попытка установить Советскую власть. 15 февраля на сухумском рейде остановился вспомогательный крейсер «Дакия» — один из кораблей русской Черноморской военной эскадры, возвращавшийся из Трапезунда в Севастополь. Сухум, засоренный буржуазно-помещичьими элементами и белым офицерством, естественно, произвел неприятное впечатление на революционных матросов. Встретясь на бульваре с поручиком Абхазской сотни князем Н. Эмухвари, разгуливавшим в полной форме царского офицера, матросы потребовали от него снять погоны, а затем, после отказа, сорвали их. Эмухвари убил одного из матросов, ранил другого и скрылся. События вызвали в городе волнение, власти растерялись¹.

Сухумские большевики решили воспользоваться сложившейся обстановкой. Они, по словам меньшевистского окружного комиссара Д. Захарова, «вызвали движение во всем городе»². 16 февраля, около 2 часов дня, Е. Эшба, Н. Сванидзе и другие большевики Сухума пришли в военный городок и, обрисовав положение в городе, вступили в переговоры с представителями гарнизона (Н. Юрковым и др.). Был проведен митинг, после чего гарнизон направился к театру, где собралось много людей, в том числе рабочие порта и типографий³. Вместе с тем большевики связались немедленно с матросами корабля. Последние предъявили властям ультиматум: в пользу семьи убитого матроса выдать 15 тыс. рублей, немедленно разыскать офицера Эмухвари, власть передать Военно-революционному комитету. Однако военный корабль, перегруженный пассажирами, не дожидаясь ответа на свой ультиматум, в 10 часов вечера ушел по направлению к Новороссийску, чтобы сдать пассажиров. Но судовой комитет дал телеграмму

¹ ЦГАОРГ, ф. 1472, оп. 1, д. 56, л. 26.

² „Голос“, № 44, 1918 г.

³ ЦГАА, ф. 65, д. 365, лл. 129—132.

в Батум: «Прислать срочно в Сухум два миноносца или большое боевое судно»⁴.

Утром следующего дня в Сухум прибыл большевистский эскадренный миноносец «Дерзкий»⁵, вызванный из Батума гидросамолетом. Последний спустился в Батумскую бухту, подрулил к самому миноносцу и летчик, связавшись с председателем судового комитета П. А. Грудачевым, сообщил о событиях в Сухуме и просил о помощи. Миноносец немедленно полным ходом направился в Сухум. За несколько километров до города было дано 5—6 выстрелов из орудий, чтобы тем самым дать знать о приближающейся помощи красногвардейцам. Еще в пути было вооружено карабинами 70 человек из команды. Орудия и пулеметы были готовы к обстрелу. Миноносец пришвартовался кормой к концу деревянной пристани. Быстро был выведен с корабля вооруженный отряд на берег. Моряки связались прежде всего с руководителем местных большевиков Е. Эшба, который информировал их о положении дел в городе⁶.

Миноносец потребовал от сухумских меньшевистских властей в течение 24 часов выполнить ультиматум «Дакий». Это требование матросов, одобряемое сухумскими большевиками, было поддержано и солдатами местной караульной роты. Начальником роты для борьбы с меньшевистским отрядом был избран Т. Джикия⁷. «Грузинские части нас не поддержали», — жаловался меньшевистский окружной комиссар Д. Захаров⁸.

Экстренно был созван Совет рабочих и солдатских депутатов. Совет выделил Военно-революционный комитет (ВРК) под председательством Е. Эшба. В его состав вошли также Г. Атарбеков, С. Кухалейшвили, Н. Сванидзе, А. Перов и другие большевики. К ВРК фактически перешла власть в городе, «ибо, — сообщал В. Чхиквишвили, — матросы никакой другой власти не доверяли»⁹. Руководящую роль большевиков в установлении новой власти подчеркивал и другой меньшевик — М. Цулукидзе, который писал: «Видя, что на их (большевиков. — Г. Д.) стороне крупная вооруженная сила—

⁴ ЦГАВМФ, ф. 183, д. 49, л. 25.

⁵ Миноносец «Дерзкий» был послан в феврале 1918 года из Севастополя в Трапезунд для охраны порядка эвакуации русской армии с Турецкого фронта. Миноносец вынужден был из Трапезунда пойти в Батум, чтобы запастись нефтью и пресной водой.

⁶ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 173, лл. 1—2; М. Любчиков, П. Болгаря. Моряки черноморцы в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.). Ялта, 1957, стр. 48—49.

⁷ «Роботда», № 53, 1918 г.

Тедоре Джикия был убит в схватке с меньшевистским отрядом в тот период борьбы.

⁸ «Роботда», № 44, 1918 г.

⁹ ЦГАОРГ, ф. 2, оп. 1, д. 176, лл. 8—9.

и морская, и сухопутная. В. - революционный комитет фактически объявил себя органом, имеющим всю полноту власти. Голоса наших представителей в Военно-революционном комитете терялись... Большевики делали, что хотели...»¹⁰

Председатель судебного комитета П. Грудачев предложил хозяину гостиницы «Бристоль» (ныне здание правления Сухумского морского порта) в течение двух часов освободить помещение. Последний запротестовал и заявил, что это невозможно за такой короткий срок. Когда же Е. Эшба сообщил, что гостиницу занимают всякие контрреволюционные элементы, в том числе белые офицеры, председатель судебного комитета потребовал освободить гостиницу не за 2 часа, а за 1 час. Гостиница была реквизирована. Вместе с тем было организовано несколько групп вооруженных моряков для проверки всех гостиниц, обезоруживания офицеров и вообще очистки города от контрреволюционных элементов¹¹.

ВРК объявил местом своего пребывания гостиницу «Сан-Ремо» (ныне «Рица»), которая также была реквизирована¹². Был образован военный штаб Красной гвардии во главе с Н. Юрковым. Ему непосредственно подчинялись все вооруженные силы, находившиеся на территории г. Сухума¹³. Из тюрьмы были выпущены политзаключенные, которые, вооружившись, присоединились к караульной роте. Солдаты захватили ружья и патроны. Все общественно-административные организации были обязаны действовать в полном контакте с ВРК. Часть оружия была переброшена в с. Дранда для вооружения крестьян, среди которых в эти дни велась усиленная революционная работа. С городской буржуазии была взыскана контрибуция в размере 15 тыс. рублей¹⁴.

16 февраля ВРК опубликовал обращение к населению (Бюллетень № 1 — «К товарищам и гражданам!»). В нем он обязывался принять самые решительные меры к розыску убийцы матроса, беспощадно пресекать всякую попытку сеять раздор между вооруженными частями, а также национальную рознь и т. д. «Знайте, товарищи и граждане, — говорилось в бюллетене, — что власть в твердых руках, и всякий, посягнувший на нарушение революционного порядка, будет предан Военно-революционному суду... Вы должны подчиняться исключительно распоряжениям Военно-революционного комитета»¹⁵.

¹⁰ «Кавказское слово», 23 февраля 1918 г., № 43, Тифлис.

¹¹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 173, л. 2.

¹² «Наше слово», 23 августа 1918 г., № 73.

¹³ ЦГАА, ф. 65, д. 365, л. 8.

¹⁴ ЦГАОРГ, ф. 2, оп. 1, д. 178, лл. 8—9; «Слово», №№ 44 и 53, 1918 г.

¹⁵ «Борьба за Советскую власть в Абхазии». Сб. документов и материалов. 1917—1921. Сост. Г. А. Дзидзария. Сухуми, 1957, стр. 49, док. № 19.

Город Сухум был объявлен на осадном положении. В районе с. Дранда были задержаны Эмухвари и сопровождавший его Смел Бадия. Их допросили. Затем арестованные были отправлены на миноносец, так как держать их в городе было небезопасно. Николаю Эмухвари, видимо, кто-то передал револьвер, и, когда его вели вниз по трапу, он убил старшего унтер-офицера Коновальчука и направил браунинг на председателя судебного комитета П. Грудачева, но патрон стал ребром, а перезарядить револьвер Эмухвари не мог; так как у него левая рука была контужена на фронте и не действовала. Он был тут же убит и тело его брошено в море. Скоро миноносец ушел в Севастополь, поскольку большая часть команды требовала увезти тело Коновальчука¹⁶.

Надо сказать, что в деятельности сухумских большевиков было немало ошибок и промахов. Прежде всего, в состав ВРК были допущены представители меньшевиков, в том числе городской голова В. Чхквишвили. Почти ничего не было сделано для установления связи с районами, несмотря на то, что на местах известия о сухумских событиях быстро распространились и нашли горячие отклики. Сухумская меньшевистская газета «Известия» подчеркивала: «Эти события взбудоражили все население округа и города»¹⁷. Из Мерхеул, Гульрипш, Дранда, Пшап и других сел Гумистинского участка большая группа фронтовиков и крестьян под руководством С. Кухалейшвили и И. Тодуа ворвалась в город Сухум, и они влились в ряды революционных вооруженных отрядов¹⁸. Газета «Эртоба» писала, что зажженный большевиками огонь «уже охватил ближайшие села, и трудно сказать, чем это кончится»¹⁹. Из Гудаут поступило сообщение о готовности крестьян прийти на помощь ВРК²⁰.

Кодорское дворянство (Нахарбей Ачба и др.) пыталось организовать выступление против революционного Сухума. В с. Тамыш был созван сход. Но выступившие здесь С. Капба, А. Убирия, М. Авидзба и другие добились срыва плана контрреволюционеров²¹. Была сорвана также их попытка привлечь к этому делу и самурзаканских крестьян, куда для этой цели было послано несколько человек из «влиятельных» дворян. Один из них, выступая на крестьянском сходе, пытался оклеветать большевиков. Но эта злобная речь была прервана воз-

¹⁶ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, д. 62, л. 143; д. 173, л. 4.

¹⁷ «Известия», 2 марта 1918 года, № 227.

¹⁸ М. Х. Мнкамба. Из воспоминаний старого коммуниста. Сухуми, 1962, стр. 11.

¹⁹ «Эртоба», № 53, 1918 г.

²⁰ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 13; «Красногвардеец—красный партизан Абхазии», 4 марта 1933 г.

²¹ ПА Грузфилиала, ф. 93, оп. 2, д. 909, л. 4.

мушенными крестьянами, и оратора прогнали с трибуны. Фронтвики, приветствуя отпор крестьян демагогу, начали стрелять в воздух, затем арестовали «делегатов»²².

Меньшевики с самого начала развернули подрывную работу. При содействии Чхиквишвили помощник начальника меньшевистской гвардии М. Цулукидзе и комиссар Сухума В. Лакербая вывели из города меньшевистские воинские части и сосредоточили их в с. Лечкоп, около дач Симоновой и Томара. Вслед за этим меньшевистские деятели покинули город. Бежал с ними и Абхазский народный совет со своей сотней. Все эти контрреволюционные силы сконцентрировались в районе с. Эшера, чтобы, соединившись со всеми антибольшевистскими элементами, двинуться на Сухум. Вечером 17 февраля М. Цулукидзе, В. Лакербая, Л. Картозия и другие местные меньшевистские вожаки собрались в квартире В. Чхиквишвили, на даче Шаншиева. Сам Чхиквишвили тем временем выехал в Кодор для сбора дополнительных сил; выехали и другие «влиятельные» меньшевики, «кто в Гудауты, кто в Эшеры, с определенным намерением познакомиться с настроением крестьянства»²³.

В тот же день Абхазский народный совет предъявил ультиматум: немедленно ликвидировать ВРК, расформировать караульную роту по национальным частям и подчинить их начальнику гарнизона, передать батарею Абхазской сотне, опубликовать фамилии лиц, выдавших князя Н. Эмухвари. Большевики категорически отклонили все эти требования²⁴.

18 февраля оставшиеся в Сухуме меньшевики покинули город. А вечером того же дня было начато наступление контрреволюционных сил на Сухум. Утром следующего дня караульная рота и другие защитники города после разведки двух гидропланов местного авиационного отряда сами пошли против неприятеля. Выступление это было поддержано оружейным огнем крейсера «Король Карл», стоявшего в это время на рейде, и истребителей, а также гидропланами, которые корректировали стрельбу и сами сбрасывали бомбы²⁵. Противник был отброшен.

Очевидец событий, некий М. Филиппов, приехавший в Сухум 19 февраля, в своем письме из Сухума 15 марта 1918 года писал, что с теплохода «только успел высадиться на берег, как большевистские гидропланы и вспомогательный крейсер «Король Карл» стали бомбардировать город. С большим трудом и за дорогую цену я нашел себе номер, в котором и про-

²² ЦГАА, ф. 65, д. 260, лл. 42 об., 60—61.

²³ «Наше слово», 23 августа 1918 г., № 73; «Голос», № 44, 1918 г.

²⁴ ЦГАОРГ, ф. 2, оп. 1, д. 178, лл. 8—9.

²⁵ Там же.

сидел безвыходно 19—20—21 (февраля), дни гражданской войны между большевиками и меньшевиками»²⁶.

Крейсер снялся с рейда и ушел в Батум²⁷. Меньшевики распустили провокационный слух о том, что будто против Сухума со стороны Кодора идут вооруженные крестьяне, и одновременно уснули на наступление на революционные силы. В ночь на 21 февраля основные силы контрреволюции ворвались в город. Они начали обезоруживать красногвардейцев, жестоко подавлять их сопротивление. Один из красных отрядов вынужден был сдаться. Караульная рота и другие части после упорного сопротивления отступили в сторону с. Дранда, где, объединившись с вооруженными крестьянами, готовились к дальнейшей борьбе. Город был оцеплен. Начались аресты²⁸.

Тем не менее меньшевики в Сухуме чувствовали себя очень неуверенно. «Положение отчаянное, — доносил В. Чхиквишвили Ною Жордания и другим 21 февраля 1918 года. — Нас не только не слушают, но и настроены очень даже враждебно мингрельцы из Дранды». С другой стороны, оказывается, абхазцы очень лояльно настроены по отношению «не только к мингрельцам, но и ко всем другим народам». Далее Чхиквишвили просил принять срочные меры, чтобы предупредить вмешательство русского флота и двинуть сухим путем или морем хотя бы один батальон с легкой артиллерией²⁹.

Сухумский окружной комиссар Д. Захаров тоже просил комиссара по делам внутренних дел закавказского контрреволюционного правительства А. Чхенкели, ввиду сочувствия крестьян большевикам, обратиться к ним с «авторитетным» словом. Вместе с тем он предлагал спешно создать в Сухуме боевую часть³⁰.

А. Чхенкели 21 февраля дал телеграмму командующему Черноморским флотом, а также Батумскому Совету рабочих и солдатских депутатов с требованием послать представителей в Сухум для принятия мер и предотвращения подобных явлений здесь в будущем³¹.

23 февраля Чхенкели обратился к Абхазскому народному совету, Сухумскому окружному исполкому Совета и Сухумской городской управе с предложением принять решительные меры против развивающихся в крае революционных событий. «До меня дошли сведения, — писал он, — что в округе... началась агитация... Необходимо объединить все силы... для успешной

²⁶ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 62, л. 7.

²⁷ «Известия», 9 марта 1918 г., № 231, Сухум.

²⁸ ЦГАОРГ, ф. 2, оп. 1, д. 178, лл. 8—9.

²⁹ Там же.

³⁰ «Наше слово», 23 февраля 1918 г., № 43; «Голос», № 44, 1918 г.

³¹ ЦГАОРГ, ф. 2, оп. 1, д. 178, лл. 8—9.

борьбы с надвигающейся опасностью». С этой целью Чхенкели предлагал немедленно создать особый комитет «безопасности», который мог бы также бороться против выступлений крестьянства за землю, новые земельные комитеты. При этом он подчеркивал, что «крестьянство всех национальностей одинаково заинтересовано» в земельной реформе³².

В Сухуме был образован так называемый «Комитет общественной безопасности» во главе с В. Чхиквишвили, который должен был принять в свои руки «всю полноту власти»; он сформировал особую воинскую часть — «Сухумский народный легион»³³. Комитет выпустил несколько специальных бюллетеней. В бюллетене № 1 комитет грозил, что будут приняты «самые решительные, вплоть до расстрела, меры к прекращению» революционной борьбы³⁴. В бюллетене № 3 комитет утверждал, что он стоит на страже охраны имущества граждан «без различия классов». Комитет «напоминал», что в случае возникновения новых революционных выступлений «он не остановится ни перед какими мерами для закрепления в городе и округе порядка (буржуазно-меньшевистского. — Г. Д.)»³⁵.

Комитет, вместе с тем, опубликовал фальшивку — «обращение» председателя ВРК Абхазии Е. Эшба к «делегации», прибывшей на крейсер «Король Карл», в которой караульная рота «клеимилась» названем «роты, изменившей народу и революции» и требовалось от всех «принятия» мер к ее разоружению и аресту. К фальшивке была сделана приписка, в которой также ложно заявлялось, что ее подлинник хранится в штабе Комитета общественной безопасности³⁶. Были пущены и другие провокационные слухи.

* * *

Одновременно меньшевики, с целью задержания роста революционного крестьянского движения в Абхазии, подготавливают созыв II «крестьянского» съезда. Мысль об этом была подана А. Чхенкели в приведенном выше обращении от 23 февраля, который определял съезд как место осуждения всех тех, которые выступали против политики меньшевиков³⁷.

Съезд, на котором присутствовало до 300 человек, происходил в Сухуме 4—9 марта 1918 года. Большевики послали на съезд в качестве своих представителей несколько человек (П. Дзигуа и др.) во главе с Н. Лакоба, который по настоя-

³² «Возрождение», 23 февраля 1918 г.

³³ «Известия», 2 марта 1918 г., № 227, Сухум.

³⁴ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гудиа, ф. 1, д. 62, л. 2.

³⁵ ЦГАА, ф. Коллекции, д. 1, л. 3.

³⁶ Там же, л. 4.

³⁷ «Возрождение», 23 февраля 1918 г.

нию трудовых крестьян был избран заместителем председателя съезда. Выступая на съезде против меньшевиков, Н. Лакоба разоблачил их уловки. В проекте резолюции, оглашенном Лакоба от имени большевиков, отмечалось:

«За целый год революции крестьянство округа абсолютно ничего не получило.

а) Нет земельной реформы.

б) Нет авторитетной власти, которая опиралась бы на революционную демократию всех народностей, населяющих абхазскую территорию.

в) Ничего не сделано в направлении культурного строительства края»³⁸.

Большевистские делегаты предлагали всю полноту власти в Абхазии передать Советам рабочих и солдатских депутатов.

Одновременно Е. Эшба через гудаутскую газету «Воля вольных» обратился к крестьянским делегатам с воззванием, в котором говорилось: «Я готов был приехать на съезд, мне очень хотелось указать крестьянским депутатам то, в чем я вижу единственный выход для революционного крестьянства Сухумского округа. Но враги мои приняли все меры, чтобы мое появление на съезд сделать невозможным. Этим я не хочу сказать, что я боюсь смерти, только я не хочу, чтобы из-за меня пролилась хоть капля крови и пострадало бы дело, которому я по силам служу, дело трудящегося народа... Я глубоко убежден, что ни земельная реформа, ни культурное строительство в Сухумском округе невозможны без мирного сожительства всех народностей, населяющих округ.

Я глубоко убежден поэтому, что крупные землевладельцы-князья, в интересах сохранения своей собственности и привилегий, всеми имеющимися у них силами будут стараться натравить одну нацию на другую, чтобы в крови национальной резни потопить и земельную реформу, и свободу, и равенство, и сохранить свое старое положение. Отсюда, с несомненностью для всякого честного революционера, вытекает необходимость объединения крестьянства всего округа, создания крестьянской власти в округе, без которой немыслимы ни земельная реформа, ни равенство, ни просвещение...

Я глубоко убежден, что крестьяне округа без различия наций найдут общий язык для мирного и совместного разрешения всех сложных вопросов, для осуществления требований народа... Необходим аппарат власти, принудительная сила, которая, давая отпор нарушителям революционного порядка, проводила бы в жизнь немедленно эти требования...

³⁸ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гула, ф. 1, д. 63, л. 148.

Единственный выход для мирного разрешения революционных задач — власть Совета крестьянских депутатов в Сухумском округе. И съезд крестьянских депутатов будет постольку значительным и важным, поскольку решит вопрос о власти в указанном виде»³⁹.

Однако меньшевистско-кулацкое большинство съезда категорически высказалось «против большевистского принципа организации власти»⁴⁰. После долгих и горячих дебатов⁴¹ съезд, «который прошел под флагом борьбы с большевизмом», принял меньшевистские резолюции, «явно направленные против трудового крестьянства»⁴².

Н. Лакоба заявил, что признанная съездом власть долго не может существовать и он слагает с себя обязанности заместителя председателя съезда. Затем он со своими единомышленниками демонстративно покинул зал заседания, выразив уверенность в том, что когда трудовое крестьянство узнает на местах об обмане и антинародном характере съезда, оно решительно сметет предательский меньшевистский совет. Лакоба уехал в Гудауты прежде, чем власти успели арестовать его⁴³.

Съезд принял резолюцию по аграрному вопросу. Но это решение реально ничего не давало крестьянству, жаждавшему разрешения данного вопроса. Более того, съезд предупреждал земельные комитеты, что они «должны оберегать» свободные земли и леса «от самовольных захватов», а вопрос об арендаторах «остаётся открытым впредь до разрешения такового в общекраевом масштабе высшим законодательным учреждением»⁴⁴. А таким учреждением кулацкий съезд признал контрреволюционный Закавказский сейм, высшим же органом в пределах Абхазии — буржуазно-помещичий Абхазский народный совет⁴⁵.

Вслед за этим меньшевистский Окружной «крестьянский» исполнительный комитет, созданный на съезде⁴⁶, выработал программу («Положение») своей практической деятельности. Исполком «ставит своей задачей, — говорилось в ней, — в контакте с Абхазским народным советом проводить в жизнь все законы, изданные Сеймом с согласия Краевого (меньшевистского. — Г. Д.) центра Совета р., с. и кр. депутатов» и направленные против революционного движения в Абхазии, «к осу-

³⁹ «Воля вольных», 6 марта 1918 г., № 3.

⁴⁰ «Кавказ», 15 (28) апреля 1918 г., № 86.

⁴¹ «Воля вольных», 11 марта 1918 г., № 7.

⁴² «Сухумская правда», 16 апреля 1918 г., № 1.

⁴³ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 15.

⁴⁴ «Известия», 10 марта 1918 г., № 232, Сухум.

⁴⁵ «Воля вольных», 8 и 11 марта 1918 г., № № 4 и 7; «Сухумская правда», 16 апреля 1918 г., № 1; «Известия», 9 марта 1918 г., № 231.

⁴⁶ Исполком состоял из 9 лиц, «избранных» на съезде: по два человека от Самурзаканского, Кодорского, Гумистинского и Гудаутского участков и одного — от Гагринского участка.

ществлению в России» буржуазной республики. «Придерживаясь тактики» Краевого центра Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, он «принимает деятельное участие в организации государственных и общественных органов» (буржуазных. — Г. Д.) и т. д. В этих целях Исполком Совета крестьянских депутатов объединился с Исполкомом Совета рабочих депутатов и с ним составил «один высший революционный (контрреволюционный. — Г. Д.) орган в округе»⁴⁷.

* * *

Все эти и подобные им меры, проводившиеся меньшевиками, не могли, однако, обмануть трудящиеся массы, которые уже хорошо знали подлинную цену меньшевистской демагогии. Большевистская газета «Сухумская правда» отмечала, что делегатам II «крестьянского» съезда не удалось на местах сделать доклады и провести в жизнь те решения, которые были приняты на съезде; крестьяне отвергли их и избрали свои Советы крестьянских депутатов⁴⁸. И сами меньшевистские руководители признавали этот факт. В. Чхиквишвили констатировал, что «крестьянам стали большевики разъяснять», что решение съезда по земельному вопросу не выражает их интересы. При этом он указывал, что «в агитации среди абхазских крестьян сыграли видную роль и играют теперь большевики» Н. Лакоба и В. Агрба⁴⁹.

Революционное движение рабочих и крестьян, влияние большевиков выросло в Абхазии настолько сильно, что сухумская меньшевистская газета «Известия» 2 марта 1918 года вынуждена была признать, что за последнее время «авторитет» власти меньшевиков в крае основательно пошатнулся и «сильно развился... большевизм».

Большевики Сухума снова развернули активную деятельность. Они созвали нелегальное партийное собрание, на котором был избран руководящий комитет, членами которого стали С. Кухалейшвили, А. Мгеладзе, В. Гогия и А. Долидзе⁵⁰. Росли ряды Абхазской партийной организации. Создавались новые партийные ячейки. Например, в начале 1918 года при Сухумской почтово-телеграфной конторе была организована партийная ячейка (В. Иванов—Иванишвили, А. Ломая, М. Кухалейшвили, К. Парцвания и др), организатором и душой которой был Т. Узнадзе, прнехавший в Сухум на посто-

⁴⁷ «Известия», 24 марта 1918 г., № 243, Сухум.

⁴⁸ «Сухумская правда», 16 апреля 1918 г., № 1.

⁴⁹ «Кавказ», 15 (28) апреля 1918 г., № 86.

⁵⁰ ЦГИАГ, ф. 791 с/2417, оп. 1, д. 351, л. 13: ა. დოლიძე, *ბოლშევიკების მოღვაწეობის (სოხუმის ოლქის ორგანიზაციის მოღვაწეობის)*; Там же, л. 25. ს. კუხალაიშვილი, *ჩვენნი ბრძოლა აფხაზეთში მეწმევიკების წინააღმდეგ (მოგონება)*.

янную работу из Тифлиса в декабре 1917 года. Был создан также красногвардейский отряд из работников младшего персонала почты и телеграфа под командованием коммуниста Седака⁵¹. Из сельских первичных организаций можно назвать, например, бабушерскую партийную ячейку, которая охватила довольно значительное количество коммунистов (И. Каландия, П. Сичинава, Б. Абхазава и др.). Хорошо работала и Мерхеульская организация (С. Кардава, М. Чикобава, М. Каландия и др.)⁵².

В это время уже все Закавказье было охвачено борьбой рабочих и крестьян за Советскую власть. Эта борьба увенчалась успехом в пролетарском Баку. Советская власть была установлена на Северном Кавказе. Кавказский краевой комитет РСДРП(б), после расстрела участников большевистского митинга 10 февраля 1918 года в Александровском саду в Тифлисе, вынес решение перевести все большевистские организации Грузии на нелегальное положение и приступить к подготовке вооруженного восстания.

В Батуме 11 февраля 1918 года состоялась объединенная конференция Батумской и Гурийской большевистских организаций с участием представителей большевистской организации Абхазии и Черноморского революционного флота. Конференция по докладу М. П. Орахелашвили приняла решение об организации вооруженного восстания в Батуме⁵³.

Конференция большевистских организаций Западной Грузии, состоявшаяся в Кутаисе 20—23 февраля 1918 года, на которой присутствовал и представитель от Абхазской партийной организации, также нацелила большевиков края на восстание за власть Советов. Решением этой конференции в Сухум были направлены член комитета А. Урушадзе, В. и Н. Бахтадзе⁵⁴ для оказания помощи абхазским большевикам.

Исходя из этой общей задачи борьбы за победу социалистической революции в крае была начата подготовка к вооруженному восстанию и в Абхазии. В конце февраля в Батуме состоялось совещание в составе М. Орахелашвили, Е. Эшба, Н. Лакоба, Г. Атарбекова и представителя Черноморского флота Иванова, на котором был выработан соответствующий план⁵⁵. Согласно этому плану, выступление должно было начаться повсеместно. Предполагалась помощь со стороны пов-

⁵¹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/144, л. 383; д. 185/113, л. 102.

⁵² Там же, л. 249; ЦГАА, ф. 65, д. 265, лл. 91—93.

⁵³ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 898, лл. 2—3; М. Г. Джиджиешивили. Борьба за Советскую власть в Аджарии (1917—1921 гг.). Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1958, стр. 8.

⁵⁴ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 898, лл. 2—3.

⁵⁵ Н. Л а к о б а. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 14.

станческих районов Западной Грузии и отдельных советских районов Северного Кавказа — в первую очередь Сочи и Туапсе.

В Батуме с помощью местных большевиков и большевистски настроенных матросов было раздобыто значительное количество оружия. Около 200 винтовок, несколько больших ящиков гранат и патронов, благодаря Черноморскому военному флоту, были переброшены в Абхазию. В Сухуме высадился Н. Лакоба для распространения листовок «Правда о сухумских событиях», отпечатанных в Батуме в опроверженные меньшевистской клеветы относительно сущности февральских революционных событий в Сухуме, а Е. Эшба с оружием направился в Гудауту, где предполагалось организовать главный штаб восстания⁵⁶. Тем временем С. Кухалейшвили и в Сухум привез около 500 винтовок⁵⁷. Некоторое количество оружия было получено также в Кодорском участке. Кроме того, за оружием были командированы Н. Юрков, А. Мгеладзе и другие в Новороссийск и Екатеринодар⁵⁸, а в Туапсе — И. Рудь для организации отряда⁵⁹.

Повсеместно шла деятельная подготовка к вооруженному восстанию. Был образован повстанческий оргкомитет во главе с Е. Эшба. В Гудаутском участке крестьянская дружина «Киараз» была пополнена (насчитывала около 1000 чел.) и приведена в полную боевую готовность. Причем в нее широко привлекались представители молодежи. Вот что пишет один из этих бойцов Е. Шамба: «Я вступил в «Киараз» в родном селении Звандрипш в начале 1918 года. Привлек меня в дружину член Гудаутского штаба И. Д. Вардания. Помню, как радовалась мы с Костей Гамисония (мой сверстник) после того, как нам было объявлено, что мы приняты в «Киараз». Сколько было поздравлений друг другу⁶⁰. Солдаты Гудаутского гарнизона поддерживали большевиков⁶¹.

В Сухуме и в его районе создавались боевые рабочие и крестьянские дружины. В с. Дранда был образован Военно-революционный комитет в составе Г. Атарбекова (председатель), С. Кухалейшвили, Е. Дамения, В. Гогия и А. Долидзе. Вырабатывается план восстания в данном районе, который

⁵⁶ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 14; «Красногвардеец — красный партизан Абхазии», 7 ноября 1932 г.

⁵⁷ С. Кухалейшвили. Обзор революционной работы в Абхазии, стр. 26.

⁵⁸ ЦГАА, ф. 65, д. 365, лл. 9, 129—132; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 288—289.

⁵⁹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 3 в.

⁶⁰ Е. К. Ш а м б а. Сквозь грозы. Сухуми, 1961, стр. 36.

⁶¹ «Красногвардеец — красный партизан Абхазии», 7 ноября 1932 г.; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 12, л. 88; Е. К. Ш а м б а. Указ. соч., стр. 39.

был согласован с общим планом восстания, для чего в Гудауты к Е. Эшба и Н. Лакоба ездили С. Кухалейшвили, В. Гогия и А. Долидзе⁶².

В Самурзаканском участке подготовкой вооруженного восстания также руководил подпольный Революционный комитет во главе с П. Дзигуа. Вокруг комитета сплачиваются беднейшие слои населения, формируются боевые отряды, изыскивается оружие и т. д.⁶³

Большая работа велась и в Гаграх. Надо сказать, что этот город в то время был сильно засорен контрреволюционными элементами, бежавшими из Советской России. Здесь находились такие махровые контрреволюционеры, как жандармский генерал граф Шебеко, генерал граф Кочергин — один из близких к министру двора графу Фредериксу, генерал Золотарев, князь Сергей Голлицын, граф Зерискоу, полковник Скалон и др., которые в ожидании лучших дней нашли приют у меньшевиков⁶⁴.

Вооруженное выступление раньше всего было начато в этом районе, что было особенно важно для установления связи с соседними советскими районами Северного Кавказа. Состоялось первое заседание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов нового состава под председательством гудаутского рабочего Д. Смирнова, которое, заняв «позицию Советской власти», сделало следующее заявление: «Отныне принадлежит власть на месте только Совету Раб., Солдатск. и Кр. Деп. Всякое сопротивление, саботаж и т. д. будут караться самыми строгими карами революционного времени. Советская власть неуклонно будет проводить в жизнь декреты, обнародованные Народными Комиссарами... Шлем горячий привет ВЦИК С. Р. С. и Кр. Д. и Народным Комиссарам. Выражаем им полное доверие и будем на местах работать в контакте с ними»⁶⁵.

В следственном деле «О большевистском выступлении в Сухумском округе» говорится: «В Гаграх активное проявление большевизма началось 1 марта, когда образовались митинги, появились ораторы и в тот же день был организован Исполнительный комитет совета из одних большевиков и их сторонников. Совет вынес решение начать вооруженное выступление на рассвете следующего дня»⁶⁶.

⁶² С. Кухалейшвили. Обзор революционной работы в Абхазии. стр. 26; *ა. რევოლუციური ბრძოლის უძრავი ძეგლები*, лл. 14—16.

⁶³ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулна, ф. 1—0, д. 11, папка № 2, лл. 34—35; «Красногвардеец-партизан Абхазии», 4 марта 1933 г.

⁶⁴ К. Семерджиев. 1917—1918 гг. в Гаграх.

⁶⁵ «Крестьянин и рабочий», 1 марта (16 февраля) 1918 г., № 159, Сочи.

⁶⁶ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, лл. 38—39.

14 (27) февраля 1918 года в Туапсе открылся съезд Советов Черноморской губернии. На съезд выехал председатель Гагринского Совета Д. Смирнов. Воспользовавшись этим, местные меньшевики и белогвардейцы пытались снова захватить власть в Гаграх. Они обратились к Исполкому Гагринского Совета с провокационным предложением перейти из занимаемой Советом приморской гостиницы в одно из помещений во дворце принца Ольденбургского. Но как только выделенная Исполкомом для приема нового помещения комиссия во главе с А. Чалигава в сопровождении 5 красногвардейцев подошла к воротам дворца, она была встречена выстрелами засеившей там меньшевистско-белогвардейской банды⁶⁷.

Но провокация не удалась. Она закончилась полным провалом для гагринских контрреволюционеров. Дворец был обстрелян из орудия, находившегося в распоряжении Совета (выпущено было 4 снаряда). Защищая подступы к дворцу, конница противника, состоявшая в основном из дворян и князей, прибывших накануне во главе с офицером Маргания, была отброшена и дворец был взят⁶⁸. В тот же день возвратился из Туапсе Д. Смирнов, который, узнав о событиях в Гаграх и ожидая новой провокации со стороны местных контрреволюционных элементов, отправил телеграммы в Сочи и Гудауту с просьбой прислать подкрепление. В телеграммах, адресованных в Гудауту, говорилось: в первой — «Старые Гагры взяты, пришлите подкрепление, через пять минут будут взяты Новые»; во второй — «Гагры в наших руках, пришлите подкрепление для водворения порядка, а затем, если будет ваше распоряжение., направимся брать Гудауту и Сухум»⁶⁹.

Сочинский Совет немедленно выслал в Гагры отряд красногвардейцев во главе с Н. П. Поярко,⁷⁰ незадолго до этого участвовавшим в разгроме белогвардейской части в районе Лазаревского, откуда белые начали было наступление, чтобы соединиться с меньшевистскими войсками в Абхазии. Революционный Исполнительный комитет Сочинского окружного Совета рабочих и крестьянских депутатов еще 14 (27) февраля 1918 года вынес постановление следующего содержания: «Послать для восстановления и организации Советской власти

⁶⁷ «К истории гражданской войны в Абхазии», лл. 56—57.

⁶⁸ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 15; К. Семерджиев. 1917—1918 гг. в Гаграх.

⁶⁹ «Воля вольных», 18 марта 1918 г., № 13.

⁷⁰ «Красное Знамя», 28 апреля 1940 г., № 98, Сочи.

Сочинская Красная гвардия являлась в Сочи решающей вооруженной опорой Советской власти, победившей в январе 1918 года. «Ревком производит, — говорится в одной телеграмме из Сочи Закавказскому комиссариату, относящейся к концу января 1918 года, — обыски, аресты, освобождает арестованных, налагает штрафы. Его опорой является многочисленная Красная гвардия. [во] главе которой стоит большевик Поярко...» (ЦГАОРГ, ф. 1472, оп. 1, д. 56, л. 21).

30 человек красногвардейцев во главе с членом Революционно-исполнительного комитета в Гагры, поручается т. Поярко организовать передвижение до Гагр 40 человек. Выезд назначается на пятницу, т. е. 1 марта»⁷¹.

В Гагры немедленно приехали из Гудаут Е. Эшба и Н. Лакоба, которые совместно с Д. Смирновым и другими гагринскими руководителями выработали окончательный план операций против меньшевистского Сухума.

Гагринский Совет в первый же день назначил комиссаров: финансов — Кузнецова, народного просвещения — К. Семержнева, народных имуществ — Ю. Мамулия; был образован Военно-революционный трибунал, закрыт следственно-мировой участок. В Исполнительный комитет, состав которого менялся, также вошли И. Криволапов, матрос Сиротин. В Квирквелия и другие. Комитет пополнился выбранными от Гагринской климатической станции (В. Филипчук, А. Соловьев, В. Паргалава и др.). Непосредственными исполнителями распоряжений Исполкома являлись комиссары В. Васильев, А. Бендукидзе, В. Паргалава и А. Чалигава, которые проводили обыски, реквизиции и аресты⁷². Один из арестованных в то время впоследствии писал о решительном действии вооруженных матросов, которые предавали Военно-революционному суду контрреволюционные элементы⁷³. «Имущий класс был обложен контрибуцией» на сумму 50 тыс. рублей, из коих было взыскано 25 тыс. рублей. Деньги всех учреждений были конфискованы и переводились на текущий счет Исполнительного комитета Совета в банк. Операции банка были прекращены и принимались лишь суммы на текущий счет Исполкома⁷⁴.

Гагринский исполком направил в с. Калдахвара М. Миканба, который вместе с крестьянином Ч. Ашхараа созвал крестьянский сход. Крестьяне единодушно заявили, что они признают Советскую власть и уполномочили М. Миканба и М. Бения сообщить об этом Гагринскому исполкому⁷⁵.

12 (25) марта, по «соглашению и инициативе представителей Советской власти в Гаграх», близ р. Мчишта (Черная), состоялся крестьянский сход, на котором встретились Н. Лакоба и Н. Поярко. Здесь меньшевики пытались спровоцировать крестьян и направить их против Гагр. Поярко в своей речи заявил: «Мы кулаками никому своего не навязываем, мы защищаем лишь тех, кто признал Советскую власть, а такими мы почитаем гагринцев, признавших власть Народных Комис-

⁷¹ «Крестьянин и рабочий», 5 марта (20 февраля) 1918 г., № 162.

⁷² ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, лл. 38—39.

⁷³ «Наше слово», 7 декабря 1919 г., № 269.

⁷⁴ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, лл. 38—39.

⁷⁵ М. Х. Миканба. Указ. соч., стр. 14—15.

саров». Далее оратор, говоря о целях и задачах, «какие большевики преследуют и будут преследовать в своей деятельности», призвал крестьян отстаивать свои интересы в борьбе с эксплуататорскими классами⁷⁶. Выступал и Н. Лакоба. Большевики потерпели поражение. Крестьяне стали на сторону Советской власти⁷⁷. На сходе присутствовали и представители дворянства (Званба, Маргания, Палба), которых партизаны обезоружили и произвели обыск в их домах с целью изъятия оружия⁷⁸.

Вскоре после этого в с. Лыхны, на исторической поляне, состоялся сход трудящихся всего Гудаутского участка. В начале схода произошло идейное сражение между большевиками и меньшевиками. Был поставлен вопрос: кто за большевиков и кто за меньшевиков—и предложено отделиться в разные стороны сторонникам тех и других. Н. Лакоба отошел и сел на лужайку. За ним последовали руководители и рядовые члены «Киараза», а за ними и вся остальная трудовая крестьянская масса. На месте осталась небольшая группа людей во главе с Л. Картозия и К. Барцыц, председателем Комитета общественной безопасности Гудаутского участка, вокруг которых группировались местные меньшевики⁷⁹. Для более прочного объединения дружинников и подтверждения их верности делу социалистической революции Н. Лакоба снова повел собрание на присягу, где вместе со всеми и сам присягнул. Киаразовцы заверили, что будут сражаться до последней капли крови за власть Советов. В Гудаутском участке была провозглашена Советская власть⁸⁰.

В Гудаутах немедленно были захвачены оружие, боевые и продовольственные запасы. Большевики, предвзято упрямую борьбу, лихорадочно вооружались. Офицерам было дано задание привести в порядок орудия, установленные в свое время на побережье для борьбы с «Гебен» и «Бреслау». Захват этих орудий Гудаутским большевистским комитетом был поручен К. Инал-ипа, которому способствовал Я. Михайлов (Сангулия)⁸¹. Активную роль играли также солдаты местного гар-

⁷⁶ (К.) Дзидзария и (А.) Чукбар. К гагринским событиям. «Воля вольных», 15 марта 1918 г., № 10.

⁷⁷ Арх. Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9, лл. 43—44; В. А. Агрба. Воспоминания; К. Семерджиев. 1917—1918 гг. в Гаграх.

⁷⁸ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулия, ф. 1, д. 186/114, л. 17.

⁷⁹ Там же, ф. 1—Q, д. 12, л. 93.

⁸⁰ «Сухумская правда», 24 апреля 1918 г., № 8; ЦГАА, ф. 65, д. 260, лл. 12—18, 201—202.

⁸¹ К. П. Инал-ипа. Гражданская война в Абхазии. «Красногвардеец—партизан Абхазии», 7 ноября 1932 г.; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулия, ф. 1, д. 68, л. 9.

низона. Сюда были стянуты киаразовцы для поддержания революционного порядка⁸².

В следственном деле о большевистском выступлении в Абхазии в 1918 году говорится, что в средних числах марта 1918 года в Гудаутах образовался большевистский орган, ведавший всеми делами управления — Исполнительный комитет объединенных Советов рабочих и крестьянских депутатов Гудаутского участка под председательством Н. Лакоба; членами являлись В. Агрба, И. Вардания, И. Чамагуа, Я. Антонов, Х. Шамба, З. Отырба, П. Козловский, К. Кореньков, В. Соколов и другие⁸³.

Исполком 20 марта (3 апреля) 1918 года издал «Бюллетень № 1», в котором опубликовал постановление следующего содержания:

«1. Взять власть в свои руки в городе и в участке, как революционному органу, выбранному рабочими и крестьянами.

2. Упразднить Комитет общественной безопасности, самочинно организовавшийся, следовательно, и не пользующийся авторитетом среди населения.

3. Вся вооруженная сила — красногвардейцы, участковые и сельские милиционеры (последние будут переименованы в красногвардейцев) переходят в распоряжение Исполнительного комитета.

4. Участковый и городской комиссары ответственны перед Исполнительным комитетом.

5. Город объявить на осадном положении.

6. Всякого рода оружие будет отбираться у лиц, не имеющих на то разрешения от Исполнительного комитета. Такое разрешение надо получать в течение трех дней.

7. Уличенные злоумышленники будут судимы Военно-революционным трибуналом, который будет организован Советом рабочих и крестьянских депутатов...

Всякое сопротивление или провокационные выходки контрреволюционных сил будут подавляться всеми силами, вплоть до применения вооруженной силы».

Вместе с тем объявлялось, что порывается всякая связь с меньшевистским Сухумом. «Все граждане, — говорилось в бюллетене, — уезжающие по направлению к Сухуму, обязаны брать пропуск», «иначе они будут задерживаться в Афонне и доставляться обратно»⁸⁴.

Во главе милиции был поставлен комиссар И. Вардания, его заместителем являлся Х. Шамба, а комиссаром города — С. Пилия. В состав Военно-революционного трибунала входили Н. Лакоба (председатель), П. Козловский, И. Чамагуа и

⁸² Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 12, лл. 92—93.

⁸³ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, лл. 35—36.

⁸⁴ «Борьба за Советскую власть в Абхазии», стр. 52, док. № 22.

другие; в состав Народного суда—И. Бураковский, В. Конджария и Редькин. Были образованы также продовольственный, финансовый и другие комитеты во главе с комиссарами⁸⁵.

Н. Лакоба впоследствии, на съезде крестьян Гумистинского участка 22 апреля 1918 года, сделал следующую информацию: «В Гудаутском участке крестьяне, созвавшие общий съезд, отказались от признания власти национального «Абхазского народного совета». И приняли у себя систему Совета делегатского, Совета участкового, — по одному делегату от каждой общины, всего, по числу участков, 21 делегат. Из делегатского Совета был выделен Комиссариат, приступлено к организации Революционного трибунала вместо прежнего суда, принята в ведение Совета почта, управление портом и т. д.»⁸⁶.

Гудаутский Совет предварительно принял «все меры к завладению им (Сухумом. — Г. Д.) без кровопролития», послал туда делегацию для переговоров с меньшевистскими властями. Но последние отказались вступить в такие переговоры. Тогда Совет вынес решение о немедленном наступлении на Сухум, приняв все необходимые меры⁸⁷.

Ночью красные части, основную массу которых составляли отряды «Киараза», под командой К. Инал-ипа, В. Лакоба и К. Алба окружили Новый Афон, разоружили меньшевистскую милицию и пограничный отряд, захватили орудия, пулеметы и боеприпасы; было прервано телеграфное и телефонное сообщение с Сухумом.

Комиссар Гудаутского участка И. Вардания и комиссар города С. Пилия обратились к населению с объявлением, опубликованным в газете «Воля вольных» 29 марта 1918 года, в котором говорилось о том, что ими приняты «все категорические меры к урегулированию спокойной жизни в городе и участке». Далее сообщалось:

«1. Обысков почных не будет, если они и будут производиться, то днем, до 6-ти часов вечера, по ордерам и только у подозрительных лиц.

2. Поставлены всюду дежурства усиленной охраны.

Относительно последних политических движений, то они уже урегулированы.

4. Население должно знать, что власть местной организации не допустит бесчинств и произвола, посему население может быть вполне спокойно за свое имущество и жизнь».

Уже Лыхнинский оход вынес решение по земельному вопросу. «Наиболее состоятельные лица» были обложены конт-

⁸⁵ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, лл. 35—36; «Воля вольных», 6 (19) апреля 1918 г., № 29; «Наше слово», 7 декабря 1919 г., № 269.

⁸⁶ «Сухумская правда», 24 апреля 1918 г., № 8.

⁸⁷ «Наше слово», 7 декабря 1919 г., № 269; «Кавказ», 15 (28) апреля 1918 г., № 86.

рибуцией на 500 тыс. рублей, и эти средства были объявлены «народным достоянием», производилась реквизиция оружия и военной контрабанды⁸⁸.

Производилось формирование новых отрядов из пришедших сюда группами крестьян. Эти части были снабжены продовольствием и отчасти обмундированием за счет запасов Ново-Афонского монастыря. Одновременно в Новом Афоне была проведена партийная конференция с участием представителей сформировавшихся в разных местах Абхазии отрядов; был разработан план дальнейших операций⁸⁹.

«Большевики, — сообщал В. Чиквишвили меньшевистскому руководству в Тифлис, — в западной части округа пустили в ход все средства, чтобы нанести смертельный удар меньшевистской власти и Абхазскому народному совету⁹⁰. Гудаутский ревком уславливается с сухумскими и гумистинскими большевиками о дне наступления на Сухум.

Меньшевики мобилизовали все свои силы: создали окружной штаб и особую «ударную группу» из офицеров, торговцев, духанщиков. В Новом Афоне произошла встреча между повстанческими отрядами, наступавшими под командованием В. Лакоба и К. Инал-ипа, и меньшевистскими частями. Но последние отказались вступить в сражение и были отозваны обратно⁹¹. Быстро разложилась и так называемая «охрана народного совета», сколоченная абхазскими князьями и дворянами⁹². После этого случая меньшевики, чтобы выиграть время, пытались приостановить движение красных отрядов «мирными» средствами. Командование повстанцев на это ответило: «Трудящиеся Абхазии желают только власти Совета Народных Комиссаров» — и начало наступление на Сухум.

Крестьяне Гумистинского участка «во всех селах, районах единогласно постановили: «Поддержать крестьян Гудаутского участка всеми вооруженными силами, чтобы освободиться от власти, не признанной тремя участками»⁹³. В с. Владимировском был сформирован отряд в количестве 50 человек (руководитель Г. Радович). К нему примкнули партизаны из с. Эстонского и других мест. Такие отряды были созданы также в селах Бабушера, Варча, Пшап, Дранда и Гульрипш — около 200 человек (руководитель Б. Абхазава). Другой отряд возник в с. Мерхеул, к которому присоединились крестьяне из Герзеул, Абжаква и других сел — до 70 человек (руководитель С. Кардава). В Цебельде был организован отряд в 200 человек (руководитель Х. Керселян). В ночь на 25 марта (7 апре-

⁸⁸ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, лл. 35—36.

⁸⁹ К. П. Инал-ипа. Гражданская война в Абхазии.

⁹⁰ «Кавказ», 15 (28) апреля 1918 г., № 86.

⁹¹ «Кавказ», 28 марта (10 апреля) 1918 г., № 73; «Борьба», 30 марта (12 апреля) 1918 г., № 10.

⁹² «К истории гражданской войны в Абхазии», л. 59.

⁹³ «Сухумская правда», 16 апреля 1918 г., № 1.

ля) отряды из Дранда, Бабушера и Владимировского собрались в Гульрипш, в местности Агудзера, где к ним присоединились крестьяне других сел. Здесь находились ВРК и штаб повстанцев. Эти отряды и цебельдинские партизаны под командованием Г. Атарбекова, С. Кухалейшвили, Е. Дамения и С. Кардава двинулись к Сухуму⁹⁴. К ним присоединились пригородные крестьяне, аридовавшие около 300 десят. Городской земли⁹⁵. Одна часть отрядов двигалась со стороны Сухумской горы и Остроумовского ущелья, другая — военного городка.

Меньшевики, по заявлению Д. Захарова, «приняли все възможные меры к отражению»⁹⁶. Повстанцы, число которых, по сообщению газеты «Борьба», было до 1 тыс. человек⁹⁷, а по сообщению В. Чхиквишвили — не менее 1500 человек⁹⁸, окружили город со всех сторон и открыли огонь⁹⁹. Боевые действия шли всю ночь с 7 на 8 апреля (с 25 на 26 марта)¹⁰⁰.

В решающий момент отряд из кодорских крестьян и соседственных на территории военного городка, отказался действовать и частично перешел на сторону красных. Проникшие в него большевистские агитаторы сыграли свою роль. Даже ударные контрреволюционные части, меньшевистские гвардия и милиция совершенно растерялись. Силы красных представлялись врагу явно преувеличенными¹⁰¹.

В 5 часов утра 8 апреля меньшевистские парламентарии заявили о сдаче города, а через некоторое время, в 11 часов, основные силы повстанцев вступили в Сухум¹⁰². Они тотчас же заняли почту, телеграф и другие учреждения; захватили пушки и пулеметы; дали телеграмму в Ахал-Сенаки, что Сухум взят, и что они намерены идти на Поты¹⁰³. Был образован Военно-революционный комитет Абхазин.

8 же апреля вышел приказ № 1 Советов крестьянских де-

⁹⁴ ЦГАА, ф. 65, д. 260, лл. 91—93; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 186/114, лл. 249, 452—453; «*ბრძოლა*», 17, 19.

⁹⁵ «Кавказ», 15 (28) апреля 1918 г., № 86.

⁹⁶ «Борьба», 30 марта (12 апреля) 1918 г., № 10.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ «*ბრძოლა*», 17 (30) апреля 1918 г., № 88.

⁹⁹ «Кавказ», 15 (28) апреля 1918 г., № 86.

¹⁰⁰ В дальнейшем даты даются только по новому стилю.

¹⁰¹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 12, л. 95.

¹⁰² В. Чхиквишвили, намеренно искажая действительность, писал, что сдача Сухума меньшевистскими властями будто произошла совершенно мирно и что это было обусловлено отсутствием сил и «желанием» предотвратить кровопролитие. Исход событий он даже объявил «большой победой» себя (См., например, «*ბრძოლა*», 17 апреля 1918 г.). То же самое писал Д. Захаров («Борьба», 30 марта (12) апреля 1918 г.).

¹⁰³ «Борьба», 30 марта (12 апреля) 1918 г., № 10; «Кавказ», 15 (28) апреля 1918 г., № 86; «*ბრძოლა*», 17 (30) апреля 1918 г., № 88; «Прикубанская правда», 2 мая 1918 г., № 21.

путатов Гагринского, Гудаутского и Гумистинского участков, в котором сообщалось о победе Советской власти в Абхазии¹⁰⁴.

Сухумский Совет рабочих депутатов, председателем которого стал старый коммунист К. Н. Макаров, постановил: «Признать власть Сов. Нар. Комиссаров, работать в полном контакте с Военно-революционным комитетом и участковыми Советами крестьянских депутатов Сухумского округа, стоящими на той же позиции, принять на себя власть в Сухуме. Поручить Исполнительному Комитету Совета рабочих депутатов Сухумского округа принять меры к скорейшему созыву съезда Советов раб. и крест. депутатов для создания окружного центрального советского органа власти»¹⁰⁵.

Крестьянский съезд Гумистинского участка также твердо заявил: «Революционный съезд крестьян Гумистинского участка признает Советскую власть и всеми силами будет отстаивать ее от контрреволюции, — будет ли эта контрреволюция внешняя, или внутренняя. Съезд, сознавая всю опасность от турецкого деспотизма и полную неспособность Закавказского комиссариата., находит необходимым свергнуть Закавказский комиссариат и объединиться с Российской Республикой, признавая Центр. Исполн. Комитет Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов и Совет Народных Комиссаров»¹⁰⁶.

Решительную борьбу с меньшевистской властью повели и трудящиеся Самурзаканского участка. Большевики, узнав о намерении меньшевистских властей обезоружить возвращавшихся с фронта революционно настроенных солдат, созвали 11 апреля в Гали участковый сход. По сообщению меньшевистского официоза газеты «Эртоба», на сходе присутствовало около 300 человек, в том числе представители сухумских и зугдидских большевиков; среди собравшихся было много бывших солдат-фронтовиков¹⁰⁷. Выступившие представители Сухумского окружного ВРК (Е. Шония и др.) ознакомили собрание с событиями в других участках, с положением дел в Сухуме и призвали самурзаканцев провозгласить Советскую власть.

Солдаты в своих речах «ни перед чем не останавливались, чтобы любым путем скомпрометировать Закавказское правительство», — констатировала газета «Эртоба»¹⁰⁸. Другой меньшевистский официоз «Борьба» писал по этому поводу: «На собрание 11 апреля явилось огромное количество вооруженных солдат, которые вели себя очень вызывающе, шумели, щелкая затворами, и не позволяли никому высказываться против большевистской резолюции и вносить поправки. Офи-

¹⁰⁴ «Сухумская правда», 16 апреля 1918 г., № 1.

¹⁰⁵ Там же, 10 мая 1918 г., № 1.

¹⁰⁶ Там же, 25 апреля 1918 г., № 9.

¹⁰⁷ „Эртоба“, 10 мая 1918 г., № 92.

¹⁰⁸ Там же.

цера, который высказался, они обвинили в контрреволюционности и стали угрожать ему расправой»¹⁰⁹.

Между прочим, на сходе имел место и такой факт. Здесь выступил и делегат из Кодорского участка, речь которого с абхазского языка на мегрельский переводил дворянин Л. Хачубия. Последний при переводе большевиков обозвал босяками. Следивший за переводом кородский делегат стал протестовать. Услышав это, взял слово фронтовик В. Кецбая и, высоко подняв винтовку, сказал: «Мы, большевики, хотим власть рабочих и трудовых крестьян. Кто против нас, тот против рабочих и крестьян. Таковым нет пощады с нашей стороны». Крестьяне дружно поддержали оратора. Снова поднялась стрельба. Переводчик пытался бежать, но его задержали фронтовики и заставили перед сходом извиниться¹¹⁰.

Большевистские лозунги: «Вся власть Советам рабочих и крестьянских депутатов!», «Земля крестьянам!», «Свобода угнетенному народу!» — сорвали все происки меньшевиков и их сторонников, пытавшихся подчинить сход своему влиянию. Собрание закончилось к 9—10 часам вечера принятием большевистской резолюции об установлении Советской власти в Самурзаканском участке¹¹¹.

Вслед за этим была начата деятельная подготовка к ликвидации меньшевистской власти на территории всего участка. Самурзаканский ревком во главе с Павлом Дзигуа (члены: Я. Хабурзания, Ф. и Д. Тория, Б. Эхвая и др.) скоро создал значительный вооруженный отряд. Надо сказать, что в деревнях у крестьян тогда было много оружия, завезенного возвращавшимися фронтовиками. Штаб восстания обосновался в с. Репо-Шешелети. Отсюда велись боевые действия.

Меньшевистские власти поспешно организовали контрреволюционные части во главе с бывшими царскими офицерами. Тем не менее меньшевики не смогли приостановить начавшееся наступление повстанческих сил. После первого серьезного поражения меньшевистские власти во главе с комиссаром Демурия вынуждены были покинуть пределы Самурзаканского участка¹¹².

На развитие революционной борьбы в этом районе имело большое влияние крестьянское движение в соседней Мегрелии, усилившееся в некоторых местах в апреле 1918 года, а затем, летом, охватившее весь край. Корреспондент газеты «Эртоба»,

¹⁰⁹ «Борьба», 10 мая 1918 г., № 63.

¹¹⁰ Н. Бокучава. Пройденный путь. «Трудовая Абхазия», 7 сентября 1924 г., № 251.

¹¹¹ «Эртоба», 10 мая, 1918 г., № 92.

¹¹² Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 11, папка № 2, лл. 34—35; «Красногвардеец—красный партизан Абхазии», 7 ноября 1932 г. и 4 марта 1933 г.; ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 256, л. 105.

наблюдавший события в Гали 11 апреля и через 3 дня после этого прибывший в Зугдиди, писал, что в Зугдиди и Ахал-Сенаки также ожидали большевиков. Здесь он видел комиссии «по реквизиции поместий, которые уже приступили к работе»¹¹³.

Кутаисская эсеровская газета «Революционური набати» писала, что в Мегрелии происходят события «серьезного характера... Выступает не просто какая-нибудь «толпа», как об этом пишут правительственные газеты, общее недовольство носит массовый характер... Лозунг этого движения — диспровержение нынешнего правительства... Если правду сказать, этот лозунг в Мегрелии очень популярен и причиной является само правительство... Дни меньшевиков в Мегрелии сочтены»¹¹⁴.

Острый характер носила борьба крестьян против меньшевистской власти, не способной решить коренного вопроса деревни, и в других районах Грузии. В 1918 году в стране произошло свыше 20 крестьянских восстаний и вооруженных столкновений¹¹⁵.

* * *

Таким образом, власть Советов была установлена на всей территории Абхазии, за исключением Кодорского участка, где засели дворянские силы и остатки меньшевистских отрядов, поддерживаемые кулачеством. Абхазия становится составной частью Советской страны.

Временным центральным органом Советской власти в Абхазии, до окончательной организации окружной власти в виде Окружного Совета депутатов трудящихся, являлся Окружной Военно-революционный комитет (ВРК). Руководителем ВРК являлся председатель Сухумского окружного комитета РКП(б) Е. Эшба, заместителями — Н. Лакоба и Г. Атарбеков, членами — С. Кухалейшвили, В. Агрба, Е. Дамения, К. Апба, Н. Бахтадзе, К. Инал-ипа, К. Макаров, А. Зейтуян и другие. Внутри ВРК был создан Совет семи ежедневных заседателей для решения экстренных вопросов. ВРК помещался в здании, в котором в настоящее время находится Сухумский городской совет депутатов трудящихся.

Е. Эшба на съезде крестьян Гумистинского участка 22 апреля 1918 года говорил, что ВРК «смотрит на себя как на боевой, военный орган, который должен защитить завоевания со-

¹¹³ „იბრძოლა“, 10 мая 1918 г., № 92.

¹¹⁴ Цит. по газ. „იბრძოლა“, 3 мая 1918 г., № 90.

¹¹⁵ Г. К. Жваниа. Борьба большевиков Грузии за Советскую власть, стр. 361.

циалистической революции и сформировать твердую, определенную власть»¹¹⁶.

Военно-революционный комитет Абхазии, руководствуясь опытом Правительства РСФСР и его директивами, которые поступали в Сухум почти регулярно, немедленно приступил к осуществлению важнейших мероприятий, направленных на укрепление Советской власти в Абхазии.

Революционная энергия масс была направлена в русло советского государственного строительства. Приказом от 9 апреля были закрыты окружной и городской меньшевистские комиссариаты¹¹⁷. При ВРК были созданы боевой, земельный, судебный, продовольственный и культурно-просветительный комитеты; финансовая, хозяйственная, жилищная комиссии; санитарный отдел; управления портами и почтой и т. д. Во главе этих органов и других важнейших учреждений были поставлены комиссары.

В первый же день была распущена меньшевистская милиция и организована постоянная Красная гвардия из различных национальностей в составе 300 человек, во главе с тремя комиссарами, членами ВРК, К. Инал-ипа, С. Кардава и Х. Керселяном, составившими коллегию — Комиссариат Окружной Красной гвардии. В приказе ВРК от 9 апреля этой гвардии (милиции) предписывалось всем поддерживать революционный порядок в городе, показывать пример дисциплины и самоотверженности в борьбе за интересы революции¹¹⁸. Сухумский Совет рабочих депутатов постановил сформировать отряд Красной гвардии из рабочих г. Сухума¹¹⁹. Вместе с тем из бывших кадровых русских солдат был создан особый отряд¹²⁰, а также привлечен армянский партизанский отряд в 140 человек, сформированный в Армавирском округе и шедший в Армению для участия в борьбе за ее освобождение, но не пропущенный туда меньшевиками. Этот отряд, вступивший в Сухум 27 апреля 1918 года, был хорошо вооружен, дисциплинирован и технически подготовлен¹²¹. В начале мая из районов Абхазии и г. Сочи в Сухум были стянуты еще несколько вооруженных отрядов. Отдельные отряды «Киараза» и другие партизанские части, находившиеся в районах, были также в мобилизационной готовности.

К сожалению, трудно установить общую численность во-

¹¹⁶ «Сухумская правда», 24 апреля 1918 г., № 8.

¹¹⁷ Там же, 16 апреля 1918 г., № 1.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же, 10 мая 1918 г., № 18.

¹²⁰ Этот отряд впоследствии сыграл значительную роль в борьбе за Советскую власть в Абхазии. Участник Кодорского боя в беседе с работниками редакции газеты «Сухумская правда» заявил: «Очень много помогает нам русский отряд, состоявший из кадровых солдат» (Указ. газ., 17 мая 1918 г.).

¹²¹ «Сухумская правда», 28 апреля 1918 г., № 12.

оруженных сил Советской власти в Абхазии. Сохранились лишь два списка красногвардейцев, составленные до начала боевых действий и, по-видимому, только по двум отрядам или соединениям. В них значится более 370 чел.¹²². Эту цифру следует увеличить, по крайней мере, в три раза.

Вооружением правительства Абхазии постоянно занималось вооружением своих сил. Оружие, боевые и интендаитские материалы меньшевистской милиции и воннских частей были конфискованы, а частным лицам приказано сдавать оружие штабу Красной гвардии¹²³. Кроме того, ВРК принял меры для получения вооружения с Северного Кавказа. С этой целью туда был командирован Н. Лакоба, сообщение которого было заслушано на заседании ВРК 21 апреля. Констатировалось, что отдельными партиями высылаются пулеметы, винтовки, «вообще предметы военного снаряжения». Сообщалось также, что «в нужный момент будет направлена в Сухум военная сила как сухопутная, так и морская, Центрофлот находится в полной готовности, и решено оградить от каких бы то ни было посягательств Батумский и Сухумский порты»¹²⁴. За оружием в Новороссийск был послан Н. Бахтадзе, которому с помощью Н. Юркова удалось получить 16 пулеметов, 750 винтовок и 27 тыс. ружейных патронов, а также 10 вагонов ячменя. Груз был доставлен в Гудауты на транспорте № 107 в тот момент, когда уже на р. Кодор шли боевые действия. Оружие было выгружено в Сухуме (в этом деле большую энергию проявил рабочий Сухумского порта П. Жос) 16 мая, т. е. накануне прорыва Кодорского фронта¹²⁵.

«Сухумская правда» 21 апреля писала: «Для красногвардейцев решено в спешном порядке устроить помещение в казармах, провести туда электричество и дать необходимую обстановку. До окончательной организации власти решено держать в Сухуме всю вооруженную силу Красной гвардии, позже она будет сокращена». Была избрана специальная комиссия под председательством С. Кухалейшвили по обеспечению Красной гвардии помещением и продовольствием¹²⁶.

Были приняты и другие меры по укреплению обороны Советской Абхазии. 26 апреля Е. А. Эшба обратился к В. И. Ленину с телеграммой, в которой говорилось: «Сухумский окружной военно-революционный комитет, взявший власть в округе 8 апреля, признал положение округа угрожающим и вошел в связь с другими городами Черноморского побережья с целью

¹²² Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 64, лл. 1—4.

¹²³ «Сухумская правда», 16 апреля 1918 г., № 1; ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, лл. 29—31.

¹²⁴ «Сухумская правда», 23 апреля 1918 г., № 7.

¹²⁵ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 63, лл. 144—154; ЦГАА, ф. 65, д. 365, лл. 9, 129—132.

¹²⁶ «Сухумская правда», 17 апреля 1918 г., № 2.

стянуть к Сухуму сухопутную и морскую силу, чтобы защитить советскую территорию от турецкого деспотизма. Пока реальной поддержки от северных портов нет. У нас денег уже совершенно нет. У нас есть свыше полумиллиона пудов табаку. Нам в интересах общего революционного дела нужно оказать помощь деньгами, людьми и продовольствием. Если Центрофлот возьмется защищать советское побережье и не запоздает — никаких опасений быть не может. На основании этих соображений Сухумский революционный комитет Совета крестьянских и рабочих депутатов просит Вас сделать срочное распоряжение [в] Севастополь, Новороссийск, Туапсе, Сочи о необходимости высылки Сухуму морской и сухопутной силы в том размере, какой будет достаточен для защиты Сухумского округа от нашествия контрреволюционеров. Сухум должен быть объявлен советским фронтом. Этого требует положение. Прошу экстренного Вашего ответа»¹²⁷.

Состоялся следующий разговор по прямому проводу между председателем Ревкома Сочинского округа Н. П. Поярко и Е. А. Эшба. Поярко: «Желательно выяснить положение Сухума и дальше Сухума и какие меры желает принять Сухумский военно-рев. ком. в ограждении от нашествия турецких банд и какую предполагают защищать границу, указывавшуюся в договоре Брест-Литовска... На все указ. вопросы делегация съезда просит по каждому в отдельности дать определенные сведения.

Какие сведения и какие данные относительно общего действия получены Сухумск. военно-рев. ком. от Туапсе, Новороссийска, Центрофлота и др. мест и каков будет установлен контакт в отношении взаимодействий плана и определенно указанных мест Сухума и количество высылаемых живых сил, орудий и средств...

Эшба: Сейм решил объявить Закавказье самостоятельным государством... Решено заключить с Турцией мир... Турецкая деспотия совместно с бурж. закавказ. прав[ительством] пойдет войной на Советский Баку, на Советский Сухумский округ, так что война с Турцией неизбежна.

С Новороссийском не удалось еще переговорить..., мы просим вас срочно связаться с Туапсе, Новороссийском и Центрофлотом и объяснить им, что и географически, и политически фронтом Советского черноморского побережья должен быть признан Сухум и поэтому необходимо сюда стянуть как морскую, так и сухопутную силу, необходимо далее обеспечить продовольствием и средствами... Народы Закавказья с надеждой смотрят на Россию... Теперь такой момент, что только

¹²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 580, лл. 22—24.

срочность и решительность могут спасти советскую границу и поддержать революцию...»¹²⁸.

В начале мая состоялось объединенное заседание Абхазского ВРК и представителей съезда Советов Сочинского округа и Туапсинского Совета, на котором констатировалось, что правому флангу Северо-Кавказского фронта — Черноморскому побережью, вплоть до Сухума и в первую голову Сухуму, угрожает опасность. Было признано, что «необходимо мобилизовать свои силы для отпора наступающему империализму»; Сухум должен быть объявлен фронтом правого фланга и в интересах общей борьбы следует стянуть к нему немедленно военную силу, морскую и сухопутную.

Председатель Военно-революционного комитета Абхазии Е. Эшба сообщил это решение по прямому проводу Совету Народных Комиссаров, Чрезвычайному штабу обороны Кубанско-Черноморской советской республики, Ростову. Он просил дать точный и определенный ответ о возможности оказания помощи Советской Абхазии живой силой, оружием, продовольствием и финансами, а также дать общие стратегические указания. «У нас в Сухумском округе, — говорил Эшба, — население крестьянское, станет как один на защиту своей свободы, но ввиду того, что абхазцы, составляющие большинство населения округа, как горцы, не отбывали воинскую повинность, то создать срочно подготовленную в боевом смысле силу не удастся. Кроме того, оружия у нас мало, также продовольствия, денег же совсем нет. Все-таки мы организуем наличные силы, рассчитывая на помощь и указания центра». Далее выражалась просьба, ввиду открывшегося фронта, установить постоянную связь, чтобы не было сепаратных и ошибочных шагов¹²⁹.

Вместе с тем ВРК принял меры по укреплению границы советской территории на линии р. Кодор. Наместник Драндского монастыря Илиан сообщал сухумскому епископу Сергию, что еще в середине апреля в монастырь явилась группа большевиков из Сухума и привезла с собой одно орудие и один пулемет, а через некоторое время — еще 3 орудия и 2 пулемета. До 8 мая здесь постоянно находилось около 50 человек, а 8 мая прибыло 210 человек, которые привезли с собой 4 орудия и 2 пулемета¹³⁰. Руководители меньшевистских отрядов, высадившихся в Кодорском участке 10 мая, в своем сообщении в Тифлис от 19 мая 1918 года также заявляли, что советское командование устроило окопы на правой стороне р. Ко-

¹²⁸ «Крестьянин и рабочий», 27 апреля 1918 г., № 205.

¹²⁹ «Известия Кубанс. обл. ЦИКа Совета народн. деп. и Екатеринодар. Совета народн. деп.», 9 мая 1918 г., № 41, Екатеринодар.

¹³⁰ ЦГАА, ф. 1, д. 8047, лл. 46—49.

дор и по обе стороны моста, приспособив к целям защиты и дамбы, поставив на ней несколько пулеметов¹³¹.

В Самурзаканском участке оборонная работа также являлась предметом особых забот местного ревкома, который в наиболее напряженные моменты держал под ружьем до 2-х тыс. человек, разбитых на отряды во главе с командирами¹³². Был организован специальный сбор средств (100 тыс. руб.) на покупку пушки; приобретали лошадей, запасались фуражом и т. д.¹³³.

Всеи военной работой в Абхазии руководил Боевой комитет Военно-революционного комитета.

В первые же дни после установления Советской власти в Абхазии был ликвидирован старый судебный аппарат (мировой отдел, мировые участки, общинные суды). На основании декрета Совнаркома РСФСР о суде были учреждены военно-революционные трибуналы «на выборном начале»¹³⁴, а также особая комиссия из 4-х человек (С. Кухалейшвили, В. Адлейба, Баркалая и Соловьев) для разбора уголовных дел, созданная постановлением ВРК от 18 апреля¹³⁵. Новые судебные органы сыграли важную роль в борьбе против контрреволюционных элементов, хищения и спекуляции.

Постепенно создавались органы Советской власти и в участках, где Советы стали «полными хозяевами»¹³⁶. В короткое время были созданы различные органы управления во главе с комиссарами, охватившие все стороны хозяйственной и административной деятельности. Как уже отмечалось, в Гудаутском участковом Совете были созданы отделы земельный, финансовый и продовольственный, военно-революционный трибунал, который выделил особую секцию — народный суд. Кроме того, в ведение Совета были приняты почта, управление портом и т. д.¹³⁷. Гумистинский крестьянский съезд, обсудив структуру Совета, заявил, что при участковом Совете создаются путем выборов следующие отделы: административный, финансовый, земельный, продовольственный, судебный и культурно-просветительный¹³⁸, которые, «объединяемые в смысле общих директив Советом, ведают отведенными им областями»¹³⁹. Такие отделы были созданы и при Гагринском и Самурзаканском участках Советов.

Процесс организационного творчества охватил деревню.

¹³¹ «Роботы» 21 мая 1918 г., № 101.

¹³² ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 256, л. 238.

¹³³ «Борьба», 19 октября 1918 г.

¹³⁴ «Сухумская правда», 27 апреля 1918 г., № 11.

¹³⁵ Там же, 20 апреля 1918 г., № 5.

¹³⁶ Там же, 27 апреля 1918 г., № 11.

¹³⁷ Там же, 24 апреля 1918 г., № 8; «Воля вольных», 6 (19) апреля 1918 г., № 29.

¹³⁸ «Сухумская правда», 27 апреля 1918 г., № 11.

¹³⁹ Там же, 24 апреля 1918 г., № 8.

«Товарищи крестьяне! Создавайте ваши Советы в каждом селе, в каждой общине, — писал ВРК в своем обращении к крестьянству Абхазии. — Мы должны покрыть [Абхазию] целой сетью таких Советов, спланировать вокруг и поддерживать их, тогда никакой враг не будет нам страшен»¹⁴⁰. Советы сосредоточили всю власть в своих руках. Они должны были состоять из депутатов от каждой общины или района в числе, пропорциональном их населению¹⁴¹.

Таким образом, мало-помалу, как констатировала «Сухумская правда» в передовой статье от 25 апреля 1918 года, «процесс разрушения постепенно уходит в область истории, идет процесс творчества, процесс созидания, создается новая жизнь...»

В этом отношении важным событием был крестьянский съезд Гумистинского участка, о котором уже частично говорилось¹⁴². Съезд открылся 22 апреля в Сухуме (в театре Алонзи) и продолжался до 26 апреля под председательством Е. Эшба. На нем присутствовало около 150 делегатов, «присланных деревням участка». Съезд обсудил вопросы о власти, земле, суде, текущем моменте и др. Был заслушан доклад председателя ВРК Абхазии Е. Эшба, а также сообщения с мест. Эшба во вступительной речи заявил, что за участковыми съездами будет созван общий съезд делегатов всех Советов¹⁴³. В докладе он доложил о проведенных ВРК мероприятиях и изложил задачи Совета. По вопросу о текущем моменте докладчик сказал, что в ближайшее время, вероятно, власть во всем Кавказском крае должна неизбежно перейти в руки самих рабочих и крестьян. Закавказское националистическое правительство и наступление турок задерживают этот переход власти. «И трудящейся массе всех национальностей необходимо объединиться братски немедленно и развить самую широкую в этом направлении пропаганду среди своих товарищей».

Затем был обсужден проект наказа Совета крестьянских депутатов и, таким образом, ясной становится «вся структура будущей власти, порядок ее образования и, наконец, система управления и функция власти во всех отраслях жизни». Наказ был принят единогласно. В конце состоялись выборы в участковый Совет крестьянских депутатов.

Оценивая значение Гумистинского крестьянского съезда, «Сухумская правда» 25 апреля 1918 года в передовой статье, посвященной этому съезду, писала, что в создании новой жизни в Абхазии он «сыграет громадную роль», а в передовой

¹⁴⁰ «Сухумская правда», 16 апреля 1918 г., № 1.

¹⁴¹ Там же, 25 апреля 1918 г., № 9.

¹⁴² См. газ. «Сухумская правда», 24—27 и 30 апреля 1918 г., №№ 8—11 и 13.

¹⁴³ Однако ВРК не удалось созвать Окружной крестьянский съезд в связи с наступлением контрреволюции.

от 26 апреля подчеркивалось, что съезд выработал по основным вопросам ряд важных резолюций, отвечающих интересам трудового крестьянства

При разрушении старого аппарата власти и создании нового в деятельности ВРК Абхазии были допущены и ошибки. Так, например, была оставлена в неприкосновенности Сухумская городская дума. Этот факт, как увидим ниже, имел серьезные последствия.

Интересы упрочения Советской власти требовали немедленного разрешения земельного вопроса, этого самого жгучего вопроса для основного населения Абхазии. Для осуществления большевистской земельной политики, как отмечалось, были созданы земельные комитеты. Они руководствовались Декретом о земле и Законом о социализации земли, принятыми на II и III Всероссийских съездах Советов. Полный текст Закона о социализации земли был напечатан на страницах «Сухумской правды» (№№ 11 — 14).

Уже 7 апреля 1918 года на митинге, состоявшемся в Гудаутах, большевик Д. Смирнов говорил «о продуктивной деятельности существующих земельных комитетов, проводящих в жизнь известный Декрет о земле, принятый 26 октября (в 2 часа ночи)»¹⁴⁴. Гумистинский крестьянский съезд, на котором вопрос о земле являлся одним из основных вопросов, в постановлении указал на безотлагательную необходимость немедленного учета всех земель в целях разрешения земельного вопроса; при этом были намечены непосредственные практические меры; сущность их заключалась в установлении норм владения, свыше которых вся земля переходила в общий фонд — в собственность народа для бесплатного наделения нуждающихся крестьян. Было также решено отменить арендную плату за землю¹⁴⁵. Самурзаканский ревком с самого начала объявил о передаче княжеско-дворянских земель трудовому крестьянству.

«Сухумская правда» в передовой статье от 17 апреля 1918 года писала: «Богачи и князья хотят, чтобы земля оставалась в их руках, чтобы они могли и дальше жить на счет народа. Крестьянам нужно, чтобы все земли, частновладельческие, удельные, монастырские и т. д., перешли в руки трудового народа, в руки тех, кто «в поте лица своего» обрабатывал сам землю, кто сам кормит себя и свою семью, в руки самих крестьян, которые и должны стать полными хозяевами своей земли. Довольно, товарищи, прежнего гнета и господства богатых! Устраивайте сами свою жизнь».

В этом отношении интересно сообщение наместника Драндского монастыря игумена Илиана, который 19 (6) апре-

¹⁴⁴ «Воля вольных», 3 (16) апреля 1918 г., № 26.

¹⁴⁵ «Сухумская правда», 27 апреля 1918 г., № 11.

ля 1918 года доносил епископу сухумскому Сергию о том, что 14 (1) апреля к нему явился заведующий монастырским хутором в Цебельде и заявил, что постановлением земельного комитета с. Цебельды вся монастырская земля при Цебельдинском укреплении (51 десят.) с постройками и со всем инвентарем переходит в пользование крестьян и что последние уже назначали двух объездчиков, которые должны будут жить в монастырских помещениях и оберегать сенокосный и лесной участки¹⁴⁶.

Для того, чтобы в полной мере направлять экономическую жизнь края, 9 апреля ВРК вынес постановление о национализации Отделения Государственного банка, а также отделений частных банков: Азово-Донского, Русско-Азиатского и др. Отделение Госбанка было переименовано в Народный банк, а остальные превращены в его филиалы. Во главе Народного банка стоял комиссар, который и руководил всеми банковскими операциями. Крупные вклады богачей (свыше 10 000 руб.) были конфискованы, т. е. стали народным достоянием¹⁴⁷. Была избрана финансовая комиссия из представителей ВРК, банка и казначейства. Председателем комиссии и финансовым комиссаром являлся Е. Эшба; членами — П. Гегелия, П. Ладария и А. Зейтуиян¹⁴⁸.

Был установлен рабочий контроль над промышленными предприятиями. В них были введены представители Советской власти. Типографии были национализированы и над их деятельностью установлен строгий надзор. «Без разрешения Военно-революционного комитета, — говорилось в постановлении ВРК по этому поводу, — ни одна типография не имеет права печатать что-либо политического характера. За неисполнение этого постановления виновные будут строго наказаны»¹⁴⁹.

В целях скорейшего улучшения материального положения рабочих и служащих, которые буквально голодали, так как не получали ни продовольствия, ни заработной платы в течение нескольких месяцев, для содержания Красной гвардии, а также, чтобы подорвать экономическую силу буржуазии и одновременно обеспечить молодую Советскую власть денежными средствами, ВРК Абхазии обложил подоходным налогом буржуазию и помещиков. Это дело возглавлял член ВРК А. Урушадзе¹⁵⁰. Имушие классы в Сухуме были обложены, по одним сведениям, на 2 млн. руб.¹⁵¹, а по другим — на 2,5 млн.

¹⁴⁶ ЦГАА, ф. 1, д. 8047, л. 25.

¹⁴⁷ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, лл. 29—31; «Сухумская правда», 16 апреля 1918 г., № 1; «Борьба», 8 (21) апреля 1918 г., № 51.

¹⁴⁸ «Сухумская правда», 17 апреля 1918 г., № 2.

¹⁴⁹ Там же, 16 апреля 1918 г., № 1.

¹⁵⁰ Там же, 24 апреля и 9 мая 1918 г., № № 8 и 17.

¹⁵¹ «Борьба» 8 (21) апреля 1918 г., № 80; «Кавказ», 15 (28) апреля 1918 г., № 86.

руб.¹⁵²; в Гудаутах — на 50 тыс. руб. и в Гаграх — на 40 тыс. руб.¹⁵³. Самурзаканский ревком также начал взимать продовольственный и денежный налог с князей и дворян, кулаков и торговцев.

30 апреля в Сухуме были опубликованы декрет ВЦИКа и Совнаркома РСФСР об уничтожении сословий и гражданских чинов и проект Декрета Совнаркома об отмене права частной собственности на городскую недвижимость¹⁵⁴.

Преследовалась спекуляция. «Спекулянтов, обманщиков и «законных» грабителей-торговцев, конечно, немало и в городе Сухуме, — писала «Сухумская правда» 17 апреля. — До сих пор чинов и проект Декрета Совнаркома об отмене права потребителей — рабочих и крестьян, мелких служащих и т. д. Никто их не беспокоил, никто не старался обуздать аппетиты зарвавшихся грабителей. Но теперь должен быть положен конец этим аппетитам, — и Революционный комитет, Советская власть сделают это и объявят беспощадную борьбу всем грабителям-спекулянтам». Методы борьбы со спекуляцией, применяемые Правительством РСФСР, были руководящими для ВРК Абхазии. 20 апреля ВРК специально обсудил доклад Союза табачных плантаторов-крестьян о борьбе со спекулянтами — скупщиками табака, об оказании крестьянам для этой борьбы денежной помощи (осуды) и о принятии представителя союза в состав ВРК¹⁵⁵.

Советские органы привлекали к строгой ответственности тех, кто нарушал правительственные постановления. В борьбе с контрреволюцией кипучую энергию развил один из руководителей правительства Советской Абхазии Г. Атарбеков. Это особо отмечалось в следственном деле о большевистском движении в Абхазии¹⁵⁶.

Буржуазия, помещики и их защитники-меньшевики принимали отчаянные попытки для того, чтобы свергнуть Советскую власть и вновь утвердить свое господство в Абхазии. Они подняли против молодой Советской власти кампанию лжи и клеветы. «Господа провокаторы не спят и делают свое грязное дело. — писала «Сухумская правда» 16 апреля 1918 года, — они начинают распространять всякие небылицы против большевиков, против Советской власти рабочих и крестьян». Газета призывала беспощадно бороться против этих провокаторов.

На заседании ВРК 22 апреля специально был заслушан доклад Н. Лакоба «о той атмосфере провокации, в которой приходится работать». «Необходимо бороться, — говорилось

¹⁵² «Дело народа», 22 мая 1918 г., № 14, Тифлис.

¹⁵³ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, лл. 35—36, 38—39.

¹⁵⁴ «Сухумская правда», 28 апреля 1918 г., № 12.

¹⁵⁵ Там же, 23 апреля 1918 г., № 7.

¹⁵⁶ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, лл. 29—31.

в докладе, — с этим возбуждением народа против народа самым решительным образом. Необходимо принять меры против существующих национальных советов, которые поддерживают эту вражду...» Однако вопрос «о полной ликвидации всех национальных советов» был отложен «до получения всех необходимых сведений» и было решено послать «в тревожные места агитаторов для разъяснения происходящего вопроса»¹⁵⁷.

Меньшевики, всячески срывая мероприятия Советской власти, возглавили политический саботаж некоторых чиновников и служащих. Так, В. Чхиквишвили, оставшийся на своем посту, организовал саботаж служащих Сухумской городской думы. Добиваясь общего саботажа, эти чиновники распространяли меньшевистские бюллетени, полные лжи и клеветы¹⁵⁸.

Однако мелкие чиновники и низшие служащие вскоре отказались от саботажа, разобравшись в его антинародном характере. В учреждениях и предприятиях на общих собраниях были приняты резолюции о полном признании Советской власти. Например, общее собрание служащих Сухумской почтово-телеграфной конторы, состоявшееся 19 апреля, вынесло резолюцию следующего содержания: «Признавая, что вся политика Совета Народных Комиссаров направлена в защиту трудящихся масс всего мира, Совет Народных Комиссаров признается высшей властью Российской Федеративной Советской Республики, поэтому все распоряжения Совета Народных Комиссаров и Сухумского Военно-Революционного Комитета считать обязательными. Власть безусловно поддерживать. Саботаж, если таковой будет иметь место, беспощадно пресекать в самом зародыше»¹⁵⁹. Надо заметить, что еще в 1916 года среди работников связи Сухума активная революционная работа велась Марией Кухалейшвили и В. Ивановым (Иванншвили), а с конца 1917 года — Т. Узнадзе и А. Ломая. После установления Советской власти в Сухуме Узнадзе был назначен комиссаром связи округа, Иванов — комиссаром правительственного телеграфа, К. Парцвания — комиссаром телеграфа строительства ЧЖД¹⁶⁰.

Важнейшей задачей Советского правительства было — обеспечить население продовольствием. В приказе от 9 апреля ВРК требовал открыть все торговые заведения и вести торговлю. Вместе с тем сообщалось, что приняты меры для облегчения тяжелого продовольственного положения. Прежде всего, были выяснены хлебные запасы в городе Сухуме.

¹⁵⁷ «Сухумская правда», 26 апреля 1918 г., № 10.

¹⁵⁸ Там же, 16 апреля 1918 г., № 1.

¹⁵⁹ Там же, 21 апреля 1918 г., № 6.

¹⁶⁰ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 185/113, лл. 102, 104; д. 186/114, л. 383 об.

Взяли на учет всю имеющуюся в наличии на местах кукурузу с тем, чтобы необходимую ее часть по установленной цене реквизировать. «Сухумская правда» 16 апреля сообщила, что реквизировано 70 мешков муки; часть муки оставлена в продовольственной комиссии для нужд Красной гвардии, часть предназначена для немедленной раздачи населению. Далее сообщалось, что 14 апреля в Сухум было доставлено 1 000 пудов муки. Кроме того, на одной из пригородных дач (Саакова) было конфисковано 900 пудов муки, которую тоже раздали трудовому населению. Были установлена такса на хлеб и контроль за соблюдением твердых цен на все продукты питания¹⁶¹.

Были приняты меры к постоянному подвозу муки и других продовольственных продуктов также извне для удовлетворения нужд городского населения. Даны телеграммы в Новороссийск, Туапсе и Сочи об отпуске муки, откуда поступили сведения, что продовольствие скоро прибывает¹⁶². Вместе с тем ВРК через своего представителя Н. Лакоба выяснил возможности продовольственной помощи из разных районов советского Северного Кавказа. На заседании ВРК 21 апреля Лакоба сообщил, что указанными районами обещана «широкая поддержка Сухумской советской власти продуктами, которые ... в ближайшем будущем будут направлены»¹⁶³. Действительно, из Новороссийска в Сухум поступило 5 тыс. пудов муки. В большом количестве были получены картофель и керосин¹⁶⁴.

Насколько важна и необходима была борьба с продовольственной разрухой говорит тот факт, что Продовольственный комитет Правительства Советской России специальной телеграммой от 19 апреля предложил Сухумскому Совету депутатов строго контролировать Сухумский продовольственный комитет, чтобы он не отступал от предписанных законом планов борьбы с продовольственным кризисом. «Местные представители продовольственных комитетов, — говорилось в этой телеграмме, — нередко... сами распоряжаются хлебными запасами, заключают договоры, противоречащие государственному плану, организуют стандартный товарообмен, нарушают сами твердые цены; такие действия, разрушающие продовольственное дело, преступны. И ваш долг бороться с ними самыми энергичными мерами»¹⁶⁵.

В результате указанных мер продовольственное положение в Сухуме заметно улучшилось. Прежде всего был увеличен рацион хлеба для населения с $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ фунта на человека

¹⁶¹ «Дело народа», 15 мая 1918 г., Тифлис.

¹⁶² «Сухумская правда», 16 апреля 1918 г., № 1.

¹⁶³ Там же, 23 апреля 1918 г., № 7.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же, 23 апреля 1918 г., № 7.

в день. «Сухумская правда» 27 апреля сообщала также: «В последнее время замечается у нас явное понижение цен на продукты. Стали дешевле мясные продукты. Подешевела очень рыба, картофель. Дешевле яйца, зелень. И по карточкам продовольственной управы можно получить муку...» Даже эсеровская газета «Дело народа» призывала: «В продовольственном отношении сухумцы находятся, по сравнению с другими местностями, в недурном положении»¹⁶⁶.

Революционная власть приступила к обеспечению квартирами рабочих и служащих за счет уплотнения и конфискации жилплощади крупных домовладельцев и других богатей. Эту работу возглавляла специальная жилищная комиссия. ВРК принимал меры для ликвидации безработицы в городе. Были опубликованы законы и постановления Совнаркома РСФСР о восьмичасовом рабочем дне, продолжительности и распределении рабочего времени, о борьбе с безработицей, положение о биржах труда и др.¹⁶⁷. Свидетельством повседневной заботы ВРК о нуждах трудящихся является следующая его телеграмма на имя Самурзаканского ревкома: «Немедленно удовлетворить все население, в первую очередь служащих почты, за счет тех денег, которые должны были выплатить торговцы Гали»¹⁶⁸.

ВРК немедленно принялся за коренную перестройку работы профсоюзов. В Сухуме, например, были объединены профсоюз служащих паровозных и транспортных предприятий и профсоюз моряков, а руководящий состав был «оздоровлен и в дальнейшем оба союза выступали уже единым фронтом»¹⁶⁹.

Велась работа среди трудящихся по воспитанию их в духе пролетарского интернационализма. «Рабочие и крестьяне разных национальностей, — писала «Сухумская правда», — имеют свои общие интересы, им нечего делить, они вместе должны бороться против своих эксплуататоров, против поработителей. Боясь этой сплоченности, боясь такой грозной силы, богатые разных национальностей шепчут на ухо крестьянам и рабочим, что их враги не они сами, а другие национальности... Крестьяне и рабочие всех национальностей, и в первую очередь сознательные товарищи, должны вести беспощадную борьбу против травли национальности на национальность, должны объяснить своим малосознательным товарищам всю гибельность националистической политики, всю гибельность натравливания национальности на национальность. Они должны помнить, что если удастся богатым достичь своих корыстных целей, то погибнет и свобода, и земля, и крестьянское дело. Должны помнить, что в союзе, в сплоченности крестьян и

¹⁶⁶ «Дело народа», 15 мая 1918 г.

¹⁶⁷ «Сухумская правда», 5, 10 и 17 мая 1918 г., № № 16, 18 и 24.

¹⁶⁸ «Сухумская правда», 10 мая 1918 г., № 32.

¹⁶⁹ ЦГАА, ф. 101, д. 325, лл. 59—60.

рабочих разных национальностей — наша сила. Не будет этого — опять восторжествуют князья и богатые»¹⁷⁰.

Национальная политика Советского Правительства, провозглашенная в исторической «Декларации прав народов России», обеспечивала переход народных масс угнетенных окраин на сторону социалистической России. Декларация явилась одним из итогов многолетней борьбы Коммунистической партии против всех форм социального и национального угнетения. Ленинская национальная политика способствовала быстрой ликвидации контрреволюционных очагов на окраинах страны. Большое значение в этом смысле приобретало обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», опубликованное 20 ноября (3 декабря) 1917 года. Этот исторический документ был напечатан в «Сухумской правде» 16 мая 1918 года.

Идея дружбы и сплоченности трудящихся различных национальностей в их борьбе за свое светлое будущее пронизывала почти все номера «Сухумской правды». В передовой статье «В борьбе» от 16 мая, например, говорилось: «Да, мы будем бороться, мы будем всей силой отстаивать интересы рабочего класса, беднейшего крестьянства, их право на устройство новой жизни, нового счастья. Будем бороться и отстаивать, не останавливаясь ни перед какими преградами, любовь, братство и равенство, так, чтобы создать счастье для всех, чтобы создать новую, светлую жизнь...»

Результатом большевистской национальной политики было то, что Советскую власть в Абхазии в 1918 году совместно строили и защищали сознательные массы трудящихся разных национальностей. Когда в мае месяце меньшевики начали вооруженное наступление на Сухум, эти массы «образовали священный союз, протянули друг другу братскую руку, объединились и с оружием в руках самоотверженно защищают революцию, защищают свободу, защищают рабоче-крестьянскую власть»¹⁷¹. Даже меньшевистская газета «Борьба»¹⁷² подчеркивала интернациональный характер красных отрядов, состоявших из абхазов, грузин, русских, армян и других, в том числе китайцев, работавших до этого на строительстве Черноморской железной дороги.

Яркой демонстрацией дружбы и братства трудящихся разных национальностей в борьбе за Советскую власть в Абхазии в 1918 году является также митинг, состоявшийся в Сухуме 27 апреля в связи с прибытием в город армянского партизанского отряда из Армавирского округа. Митинг происходил у гостиницы «Ориentalь». С балкона отряд приветство-

¹⁷⁰ «Сухумская правда», 24 апреля 1918 г., № 8.

¹⁷¹ Там же, 17 мая 1918 г., № 24.

¹⁷² «Борьба», 7 (29) апреля и 9 июля 1918 г., № № 79 и 112.

вал Е. Эшба. Выступали и некоторые другие члены ВРК. На приветствия отвечал представитель отряда. Затем говорил председатель Сочинского Совета Н. Поярко. «Общая мысль, общее настроение всех ораторов ясно говорило о том, что свободу нужно отнять силой, без боя ее не отдадут»¹⁷³.

В целях улучшения медицинского обслуживания населения специальным постановлением ВРК были привлечены к работе все врачи Сухума¹⁷⁴, а также группа медицинских работников (50 чел.), прибывшая в город вместе с красными отрядами, причем часть ее была направлена на периферию. Последние с самого начала изъявили желание работать в тех местах, «где представляется в данный момент наибольшая необходимость во врачебной и санитарной помощи»¹⁷⁵. Кроме того, 25 апреля 1918 года в Сухум прибыли из Москвы старый большевик В. Бибинейшвили и П. Лежава (комиссар по формированию партизанских отрядов на Кавказе) с санитарным отрядом и большим количеством медикаментов. Г. К. Орджоникидзе, по распоряжению которого указанный отряд выехал из Ростова в Сухум, просил «все революционные организации оказывать всякое содействие гг. Бибинейшвили и Лежава»¹⁷⁶. Санитарная часть и многие офицеры, находившиеся при отряде (коммунист А. Какучая и др.), остались в распоряжении ВРК Абхазии¹⁷⁷, а Бибинейшвили и Лежава выехали в Тифлис в конце апреля 1918 года с документом от ВРК об оказании им полного доверия и содействия, как его членам¹⁷⁸.

Несмотря на чрезвычайно трудные условия, советские органы занимались и вопросами культурного развития Абхазии. «Вновь образовавшаяся власть в Сухуме, — писала «Сухумская правда» 26 апреля, — вникая в нужды народа, одной из первых задач ставит себе культурную работу и организует Культурно-просветительный комитет, который заведует этим делом». Член редколлегии газеты «Сухумская правда» врач А. Ценовский в своих показаниях следственной комиссии в Тифлисе 10 июня 1918 года говорил: «Революционный комитет стал на точку зрения необходимости немедленной организационной работы. Между прочим, открыты читальни, устройство курсов, лекций, издание социалистической газеты»¹⁷⁹. «Сухумская правда» 23 апреля сообщала: «При редакции

173 «Сухумская правда», 28 апреля 1918 г., № 12.

174 Там же, 16 мая 1918 г., № 23.

175 Там же, 28 апреля 1918 г., № 12.

176 Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 63, л. 156

177 Там же, д. 186/114, л. 260.

178 Там же, д. 63, л. 159.

179 ЦГАОРГ, ф. 40, оп. 1, д. 720, лл. 25 — 26.

«Сухумской правды» открывается читальня..., в которой можно будет пользоваться газетами, журналами, брошюрами и книгами».

Предполагалось издание газет, кроме «Сухумской правды», еще на грузинском и армянском языках¹⁸⁰. Была перестроена работа Сухумского театра. 27 апреля «Сухумская правда» сообщала, что на сцене театра пойдут лучшие пьесы репертуара петроградских и московских театров. Прежде всего была поставлена пьеса А. М. Горького «На дне». Первый музыкальный вечер был посвящен Бетховену. «Сухумская правда» имела постоянную рубрику «Искусство».

«Сухумская правда» напечатала рецензию на постановку пьесы А. М. Горького «На дне». В газете было помещено стихотворение Демьяна Бедного «К братьям». Был напечатан также текст «Интернационала». Ставились вопросы о создании специальных учебных заведений, подготовке кадров для народного хозяйства Абхазии. Так, 26 апреля «Сухумская правда» опубликовала статью «Сельскохозяйственное образование в крае», в которой говорилось: «Абхазия, а главным образом, окрестности Сухума, находятся в исключительно благоприятных условиях для открытия учебного заведения. Сухум может и должен сделаться центром сельскохозяйственного просвещения в широком масштабе. В его окрестностях необходимо открыть сначала сельскохозяйственное, а со временем и высшее специальное учебное заведение».

Сохранились и другие материалы, свидетельствующие о широком плане работы советских органов в области народного образования¹⁸¹. «Сухумская правда» регулярно печатала постановления Совнаркома РСФСР и другие официальные материалы по этому вопросу. В статье «Учитель и школа» говорилось: «В настоящее время должно быть обращено сугубое внимание на дело народного просвещения. Необходимо ввести всеобщее обязательное обучение. Для выполнения этой грандиозной задачи потребуются грандиозные расходы на открытие школ, на книги и пособия. Рабоче-крестьянская власть должна обеспечить учителей, открыть массу новых школ и дать широкую фактическую возможность детям трудового народа получить низшее, среднее и высшее образование»¹⁸².

Следует отметить также то внимание, какое уделял ВРК деятельности Сухумской опытной станции и санаторию «Гульрипш». Станция могла играть важную роль в деле развития сельского хозяйства Абхазии, но, благодаря своему консервативному руководству, она не оправдывала возлагаемых

¹⁸⁰ «Сухумская правда», 23 апреля 1918 года, № 7.

¹⁸¹ См. газ. «Сухумская правда», 27 апреля 1918 г., № 11.

¹⁸² Там же, 28 апреля 1918 г., № 12.

на нее надежд. Об этом «Сухумская правда» писала 26 апреля в статье «Не пора ли?». Однако дирекция не приняла соответствующих мер. Газета 16 мая выступила с новой статьей под названием «Граждане или чиновники?», в которой деятельность станции была подвергнута резкой критике. «Не нужно забывать,—писала она,—служащим там на верху, на административных высотах станции, что они для народа, а не народ для них». «Говорят в письмах, что станция сделала очень мало для края, что она получала большие субсидии, а пользы от нее народу было очень мало». «Говорят, что сельские общины одна за другой выносят приговоры о бесполезности опытной станции». «Сухумская правда» писала также о фактах ущемления администрацией интересов рабочих и зажима критики; более «строптивых» удаляли со службы. По ходатайству санатория «Гульрияш» о денежной поддержке и об урегулировании земельного спора в том районе, ВРК командировал туда П. Гегелия и С. Кардава¹⁸³.

Впервые свободно трудящиеся Сухума провели празднование 1 Мая в 1918 году. Днем состоялись демонстрация и митинг, а вечером в театре — торжественное собрание с литературно-музыкальным отделением. Праздник проходил под лозунгами: «Вся власть Советам!», «Да здравствует рабоче-крестьянская власть!» В театре и на набережной перед трудящимися выступали ораторы-большевики¹⁸⁴.

Несмотря на отдельные недостатки, ежедневный орган ВРК газета «Сухумская правда»¹⁸⁵ сыграла значительную роль в деле укрепления Советской власти в Абхазии, пропаганды большевистских идей, воспитания трудящихся в духе пролетарского интернационализма, в правильной информации о Советской России и международном положении, в деле разоблачения закавказских контрреволюционных партий и освещения революционной борьбы в Грузии и Закавказье. Крестьянская жизнь и аграрная политика Советской власти — одна из центральных тем «Сухумской правды». Пропанду ленинских идей упрочения союза между рабочим классом и крестьянством газета считала своей важнейшей задачей¹⁸⁶. Вопросы пропаганды и защиты большевистских Советов как формы народоправления пронизывают почти все номера «Сухумской

---

¹⁸³ «Сухумская правда», 23 апреля 1918 г., № 7.

¹⁸⁴ Там же, 3 мая 1918 г., № 15.

¹⁸⁵ «Сухумская правда» выходила в г. Сухуме с 16 апреля по 17 мая 1918 года; вышло всего 24 номера; тираж ее не превышал 700—800 экземпляров.

¹⁸⁶ См. передовую статью «Сухумской правды» от 24 апреля 1918 г. — «Крестьянство».

правды». Большое внимание уделялось бакинским событиям¹⁸⁷. «Сухумская правда» активно участвовала в разрешении задач, которые стояли перед революционными рабочими и крестьянами края, освещая принципиальную сторону каждого практического вопроса.

Статьи В. И. Ленина, декреты, постановления и мероприятия Правительства РСФСР, боевые действия Красной Армии, борьба красных партизан против иностранных оккупантов и русской белогвардейщины¹⁸⁸, деятельность и предложения Правительства Советской Абхазии и т. д. — все это отражалось на страницах «Сухумской правды», все это доходило до широких масс трудящихся Абхазии¹⁸⁹.

«Сухумская правда» подымала трудящихся на самоотверженную борьбу за народное дело. В статье «Свобода или смерть», напечатанной 28 апреля, мы читаем: «Победить или умереть. И если умереть, то все равно победить. Никаких колебаний, сомнений, никакой слабости, никакого унижения. Свобода или смерть. И все-таки, кто хочет жить для социализма и умереть за него, умереть за счастье трудящегося, рабочего человека, за счастье добывающего из земли хлеб крестьянина, — все должны стать в одни общие, сплоченные ряды. Пусть нас сломают, но не согнут. Пусть идут, берут силой, раздавят своей военной колесницей. Но не отдавать добровольно, не уступать, стать щилой против силы... Только свобода. Только самим себе выковать свою свободу, завоевать, добыть себе свое право на счастье. Только свобода. Только равная для всех свободная жизнь. Или смерть».

Образцом работы «Сухумской правды» являлся центральный большевистский орган — газета «Правда». Редакторами ее являлись члены ВРК Абхазии А. Долидзе и А. Шахгельдян, а также А. Ценовский.

ВРК Абхазии стремился распространить свое влияние на Кодорский и Самурзаканский участки, считая своей важной задачей помочь трудящимся этих районов установить и упрочить у себя рабоче-крестьянскую власть. ВРК в своем воззвании к крестьянам Абхазии писал, что три участка освободились от власти предателей: «...Очередь за вами, товарищи кодорцы и

---

¹⁸⁷ См. газ. «Сухумская правда», 16, 23, 28 и 30 апреля 1918 г.

¹⁸⁸ В газ. «Сухумская правда» была введена постоянная рубрика «По России». Статьи, корреспонденции и заметки в большинстве случаев перепечатывались из советских газет, а некоторые принимались по телеграфу.

¹⁸⁹ Подробности о деятельности «Сухумской правды» см. в книге Т. Аршба. *Из истории большевистской печати Абхазии (1905—1921 гг.)*. Сухуми, 1961.

самурзаканцы. Призываем и вас последовать нашему примеру: сбросить ваших угнетателей — князей и помещиков»¹⁹⁰. Печатались и другие материалы, призывавшие население к решительной борьбе, к братскому союзу трудящихся, условием которого являлось «признание власти Советов крестьянских депутатов и Центральной Российской власти»¹⁹¹.

Так, 16 мая «Сухумская правда» опубликовала открытое письмо-обращение к крестьянам Кодорского участка народного учителя секретаря ВРК и уроженца указанного участка В. Адлейба. «Поймите одно, — говорилось в этом обращении, — князьям, дворянам, шнакубаевам (ашнакума. — Г. Д.), купцам и другим врагам трудовой массы, очень будет выгодно, если мы — трудовая масса — крестьяне будем вовлечены в войну, потому что тогда число нас, крестьян, будет меньше и силы наши окажутся слабее. Этого они и хотели и хотят, так как им поработать нас легче, когда нас будет меньше и когда наша сила будет слабее. Неужели вы этого не знаете?»

Кроме того, в Кодорский участок направлялись работники, чтобы помочь организовать борьбу. Туда был послан, например, член ВРК Мурат Абухба с полномочиями вести переговоры с крестьянством этого района о признании Советской власти и присоединении к трудящимся советских районов Абхазии¹⁹², а 2 мая И. Жвания и М. Абухба были делегированы на съезд Драндского района «для разъяснения всей неотложной необходимости» Советской власти в Абхазии¹⁹³. Пропагандистскую работу среди крестьянства Кодорского участка вели также С. Чамба и В. Адлейба¹⁹⁴. Что касается Советского Самурзаканского участка, то ВРК Абхазии, несмотря на изоляцию этого района, как мы видели, старался держать с ним постоянную связь и оказывать ему возможную помощь, с целью чего туда были направлены В. Гоня и Е. Шоння.

Трудящиеся Абхазии стремились держать связь и с повстанческими районами Мегрелии и других частей Западной Грузии, с Северным Кавказом, Баку. Сохранились сведения, исходившие от врагов революции, о том, что сухумские большевики, «желая использовать затруднительное положение Закавказья, и в частности Грузии, для распространения большевизма... решили закрепить за Советской Россией Сухумский и Сочинский округа и затем вовлечь в сферу большевистской власти и Грузию». Действительно ВРК Абхазии

¹⁹⁰ «Сухумская правда», 16 апреля 1918 г., №1.

¹⁹¹ Там же, передовая — «Наша правда».

¹⁹² ЦГАА, ф. 12, д. 574, л. 74.

¹⁹³ Там же, л. 76.

¹⁹⁴ Там же, ф. 65, д. 28, л. 16.

обращался в большевистский комитет Екатеринодара с предложением присоединить Абхазию к Черноморско-Кубанской Советской республике и прислать Красную Армию для наступления на меньшевистскую Грузию. С этой же целью председатель ВРК Е. Эшба выезжал в Сочи и просил Сочинский Совет рабочих и крестьянских депутатов об оказании поддержки в борьбе с меньшевистским контрреволюционным правительством¹⁹⁵. Н. Лакоба по поручению ВРК ездил «для установления связи с теми местами Кавказа, которые приняли у себя Советскую власть»¹⁹⁶. ВРК, как уже отмечалось, рассматривал Абхазию «фронтом правого фланга», т. е. частью военных операций на Северном Кавказе, и старался избежать «сепаратных и ошибочных шагов»¹⁹⁷. ВРК Абхазии посылал в Баку своего представителя Бахтадзе и с нетерпением ожидал его возвращения¹⁹⁸.

Вместе с тем было принято решение послать несколько человек в помощь восставшим крестьянам Мегрелии. Эти представители оказали определенное содействие трудящимся даинго района в организации борьбы против буржуазно-меньшевистской диктатуры. Кроме того, в июне месяце один из отрядов Самурзаканского ревкома принял боевое участие в освобождении Зугдиди. Меньшевистская газета «Эртоба» сообщала об участии абхазских повстанцев в борьбе за Советскую власть также в Рача-Лечхуми: «Неделю тому назад повстанцы перенесли свой главный штаб в Чребало. С этим штабом были не только лечхумцы, но мегрелы и абхазы. Видно, что они хотели идти по пути отряда Саша Гегечкори»¹⁹⁹. Есть сведения, что Лечхумский повстанческий штаб через Е. Чабукиани обратился к Н. Лакоба за помощью. В ответ в Лечхуми было отправлено 16 ящиков с боеприпасами, 6 лошадей и 30 человек под командой А. Чалигава²⁰⁰.

В свою очередь повстанцы названных районов оказывали братскую помощь трудящимся Абхазии. Известный революционер С. Губели, член партии с 1906 года, участник I Кавказского съезда большевистских организаций, состоявшегося в октябре 1917 года, в конце этого года приехал в Сухум, где затем принял участие в организации и проведении вооруженного восстания, будучи членом ВРК Абхазии²⁰¹. После временного поражения революционного движения в Мегрелии в апреле месяце отряд повстанцев во главе с Ш. Аскурава пробился

195 ЦГАОРГ, ф. 51 с. д. 41, л. 1.

196 «Сухумская правда», 23 апреля 1918 г., № 7.

197 «Известия...», 9 мая 1918 г., № 41, Екатеринодар.

198 «Крестьянин и рабочий», 27 апреля 1918 г., № 205.

199 «Эртоба» № 263, 1918 г.

200 ვ. ი. ქაჩიავა. საბჭოთა ხელისუფლებისთვის ბრძოლის ისტორიიდან დასავლეთ საქართველოში. თბილისი, 1961, სტრ. 97.

в Абхазию: одна группа — в Сухум, а другая 11 апреля активно участвовала в установлении Советской власти в Самурзаканском участке. Зугдидский большевистский уездный комитет принял меры для установления связи с большевиками Сухума с целью координации действий. Члены Зугдидского уездного комитета П. Меунаргия и А. Толорая в апреле были посланы в Сухум, где приняли участие в работе ВРК. Один из них, П. Меунаргия, выступил с информацией о положении в Зугдидском и Сенакском уездах²⁰². В. Бибинейшвили и П. Лежава, в первых числах мая прибывшие из Сухума в Кутаис, информировали Мамия Орахелашвили о состоянии Сухумского фронта и передали просьбу ВРК Абхазии об оказании ему немедленной помощи²⁰³. Кутаисский комитет партии срочно командировал в Сухум В. Квирквелия, чтобы предупредить сухумских большевистов о готовившемся против Советской Абхазии выступлении меньшевистских войск. Квирквелия остался в Сухуме и принял активное участие в событиях²⁰⁴.

Героическая борьба бакинского пролетариата имела громадное значение для Советской Абхазии, как и для всего Закавказья. В работе Советского правительства Абхазии с самого начала активное участие принимал представитель Чрезвычайного комиссара Кавказа и Кавказского краевого комитета РКП(б) П. Агнишвили (Агниев)²⁰⁵. Краевым комитетом в Сухум были направлены также Н. и В. Бахтадзе, А. Урушадзе, Л. Ананов. Все они были введены в состав ВРК. Причем через Ананова в распоряжение последнего было доставлено 200 тыс. рублей²⁰⁶.

Рабочие и крестьяне Абхазии в своей борьбе за Советскую власть, как уже отмечалось, находили братскую помощь со стороны трудящихся Кубани и Черноморья. Председатель Сочинского Совета Н. Поярко, выступая на митинге в Сухуме 27 апреля 1918 года, заявил: «Не отдадим свободы, не продадим революцию, пусть отнимают у нас силой то, что завоевано кровью народа!»²⁰⁷

Правда, тяжелые условия гражданской войны, а также, как говорилось в заявлении Правительства РСФСР от 18 мая

²⁰¹ Г. Ермишян. Беззаветное служение народу. «Заря Востока», 15 ноября 1957 г.; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 283, 291—292.

²⁰² С. И. Хурцилава. Крестьянские восстания в Мегрелии в 1918 году. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1949, стр. 14—16.

²⁰³ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 261.

²⁰⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 851, л. 6.

²⁰⁵ ЦГАОРГ, ф. 40, д. 720, оп. 1, лл. 34—35.

²⁰⁶ ა. ურუშაძე. Указ. соч., стр. 35; ПА Грузфиннала ИМЛ, ф.93, оп. 2, д. 101, лл. 11—12.

²⁰⁷ «Сухумская правда», 28 апреля 1918 г., № 12.

1918 года германскому представителю в Москве графу Мирбаху, стремление закавказской контрреволюции отрезать «от Черного моря сообщение Абхазии, население которой остается верным Советам»²⁰⁸, мешали осуществлению плана широкой поддержки Советской Абхазии со стороны Северного Кавказа. Кроме того, германское правительство поспешило дать свое толкование Брестскому миру, по которому выходило, что Советское правительство не только не должно было наступать с моря в защиту Сухума, но даже не имело права обороняться.

Н. Воронович, которому события на Черноморском побережье Кавказа были достаточно хорошо известны, писал, что кубайские большевики приступили к формированию Северо-Кубанской Красной Армии и все их наличные силы были стянуты к границам Донской области, занятой немцами и «добровольцами». Поэтому Кубано-Черноморский исполком предложил Туапсинскому и Сочинскому исполкомам прийти на помощь сухумцам. В Сочи был образован Чрезвычайный штаб обороны Черноморского побережья во главе с Н. П. Поярко²⁰⁹.

Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно следили за ходом событий в Грузии и Закавказье. Великий Ленин направлял деятельность местных большевистских организаций. События в Абхазии, в частности, находили свое отражение в информационных сообщениях и дипломатических документах Правительства РСФСР.

Чрезвычайный комиссар Юга России Г. К. Орджоникидзе уделял большое внимание Закавказью. К нему сходились все нити событий. Благодаря Орджоникидзе трудящиеся Абхазии получали большую помощь с Северного Кавказа.

Каждый удар Красной Армии по внутренним контрреволюционным силам и интервентам означал вместе с тем и неоценимую помощь народам Закавказья в их самоотверженной борьбе.

* * *

Указанные выше мероприятия являются, разумеется, далеко неполным перечнем всего того, что было сделано за короткое время существования Советской власти в Абхазии в 1918 году. К сожалению, сохранилось мало документов этого периода, архивы же ВРК Абхазии не дошли до нас. Тем не менее и сказанное достаточно хорошо свидетельствует об энер-

²⁰⁸ ЦГАОРГ, ф. 51 с, оп. 1, д. 23, л. 102. Нота начальника германской делегации фон Лоссова председателю закавказской делегации от 21 мая 1918 г.

²⁰⁹ Н. Воронович. Между двух огней (Записки зеленого). «Архив русской революции», т. VII. Изд. Г. В. Гессена. Берлин, 1922, стр. 81 — 82.

гичной и плодотворной деятельности молодой Советской Абхазии.

Однако в работе ВРК Абхазии имели место упущения и ошибки. Прежде всего, он недостаточно решительно развернул борьбу против контрреволюционных элементов. Как отмечалось выше, не была распущена Сухумская буржуазно-меньшевистская городская дума, та дума, которая после временного поражения Советской власти в Сухуме в 1918 году на экстренном заседании 21 мая постановила послать приветственную телеграмму меньшевистскому правительству, выражая свою благодарность и твердую надежду, что при поддержке правительства ей удастся установить в крае меньшевистскую власть. Такая ошибка была допущена и на местах. Например, в Гудаутах деятельность думы также «не прерывалась»²¹⁰.

Как известно, городские думы в тот период являлись одним из центров контрреволюции, поскольку в них большинство гласных принадлежало к антисоветским партиям. Известно, например, что Петроградская городская дума не только не принялась Советскому правительству, но пыталась выступать в роли органа государственной власти, признанного иностранными державами. Декретом Совнаркома от 29 (16) ноября 1917 года центральная городская дума Петрограда была распущена. В тот же день Совнаркомом был подтвержден акт Московского Совета о роспуске Московской городской думы.

Имея перед собой такой опыт ВРК Абхазии, тем не менее, ограничился лишь следующим постановлением: «Не останавливая хозяйственного аппарата [Сухумского] городского самоуправления, пополнить состав его сотрудников новыми лицами от Военно-революционного комитета»²¹¹, и послал туда двух своих комиссаров²¹². Городской голова Чхиквишвили (с него скоро был снят даже домашний арест) оставался на своем посту и вел подрывную работу. Это был не единственный случай. Были выпущены из тюрьмы Рамишвили и другие меньшевистские руководители.

В Гудаутах комиссаром финансов был назначен меньшевик, работа которого, по его собственному выражению, заключалась в «разложении большевистской массы». В Совет были допущены и другие меньшевники (Робакидзе, Минасяи). Правда, затем всем этим лицам за их подрывную деятельность «был объявлен красный террор»²¹³.

ВРК считал необходимым принять меры против контрре-

²¹⁰ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, лл. 35—36.

²¹¹ «Сухумская правда», 20 апреля 1918 г.

²¹² «Робакидзе», 17(30) апреля 1918 г., № 88.

²¹³ «Наше слово», 7 декабря 1919 г., № 269.

волюционных национальных советов. Однако, как уже отмечалось, откладывался неотложный «вопрос о полной ликвидации всех национальных советов... до получения всех необходимых сведений»²¹⁴. Между тем названные антинародные органы не прекращали своей враждебной деятельности.

Не было упразднено и местное управление воинского начальника, на содержание которого уходило около 150 тыс. рублей в год. Один красногвардеец в письме в редакцию «Сухумской правды» с возмущением писал: «Было бы преступлением для трудового правительства тратить в такое время народные деньги на никому не нужные учреждения»²¹⁵.

Очень дорого обошлась ошибочная позиция по отношению к Кодорскому участку, куда с самого начала стекались контрреволюционные силы, превращая его в свою базу. В этот участок нужно было двинуться сейчас же после победы Советской власти в Сухуме, чтобы раздавить кодорскую контрреволюцию, соединиться с Самурзаканским участком, оказать помощь и облегчить борьбу в Мегрелии и других районах Западной Грузии. Это надо было сделать, пока внутренние враги еще не сорганизовались, пока они сами сознавали невозможность справиться с Советской властью в крае собственными силами. «Народ инстинктивно чувствует, — телеграфировал меньшевистский комиссар Самурзаканского участка В. Эмухвари 18 апреля 1918 года А. Чхенкели, — что большевики наносят удар самому правительству; он (народ.—Г. Д.) отсутствие силы у центральной власти учтет и примкнет к большевикам, как к силе. Вместе с тем, борьба с местными силами приведет к несравненно большему потрясению и жертвам, вызовет большое кровопролитие и кончится нашим поражением, так как большевики, опирающиеся на солдатские массы, представляют более организованный элемент»²¹⁶.

Надо сказать, что по вопросу о способах разрешения «кодорской проблемы» внутри ВРК имели место разногласия. В то время, как часть его членов (Н. Лакоба, Г. Атарбеков и др.) настаивала на немедленном развитии восстания и решительном наступлении на Кодор, другие (Е. Эшба и др.) держались противоположного мнения, предлагая ограничиться переговорами с кодорским крестьянством о признании им Советской власти²¹⁷. Е. Эшба на крестьянском съезде Гумистинского участка 22 апреля 1918 года говорил, что крестьяне Ко-

²¹⁴ «Сухумская правда», 26 апреля 1918 г., № 10.

²¹⁵ Там же, 27 апреля 1918 г., № 11.

²¹⁶ Там же, 19 апреля 1918 г., № 4.

²¹⁷ См. «К истории гражданской войны в Абхазии», л. 63.

С. Кухалейшвили в своих «Воспоминаниях» утверждает, что группа Н. Лакоба была против немедленного наступления на Кодорский участок (см. ЦГАОРГ, ф. 2417, оп. 1, д. 351, л. 26). Но по всему видно, что он тут ошибается.

дорского и Самурзаканского участков «изгнали из своей среды, при обсуждении вопросов князей и помещиков. И в ближайшем будущем революция, несомненно, двинется дальше. Путь, который избрал для этого Военно-революционный комитет, чисто мирный — делегации, убеждение, переговоры. И только в самом крайнем случае, если будет какие-нибудь попытки возвращения к старому, придется поддерживать движение революции и боевой силой. Учитывая возможность этого, Военно-революционный комитет обеспечил себя оружием — пулеметами, винтовками и т. д. от Северного Кавказа»²¹⁸.

В. И. Ленин учит, что «раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно, переходить в наступление. «Оборона есть смерть вооруженного восстания»»²¹⁹.

С другой стороны, ВРК не сумел провести всю необходимую работу среди кодорского крестьянства, известная часть которого оказалась под влиянием княжеско-дворянских элементов.

Н. Лакоба впоследствии отмечал, что борьба в Абхазии в 1918 году «была очень жестокая, и победы 18 года нам достались не без величайших жертв, ошробок, отступлений и т. д.»²²⁰. В частности, он признавал: «Против кодорского крестьянства, обманутого князьями, мы не хотели применять оружия, хотя сопротивление его сломить для нас не представляло никаких затруднений. Много церемонились с ним, и это было нашей ошибкой, что было в ущерб самого кодорского крестьянства»²²¹.

Пока в ВРК обсуждалась «кодорская проблема», пока делегация Ревкома в составе М. Абухба и других ездил за Кодор для переговоров с крестьянами Кодорского участка «в смысле необходимости признания Советской власти»²²², контрреволюционеры приложили все старания для того, чтобы сосредоточить свои силы в этом районе. По сообщению эсеровской газеты «Дело народа» от 15 мая 1918 года, здесь уже в начале мая у меньшевиков имелось до 600 вооруженных людей. Газета заявляла, что эсеровские организации в Абхазии также готовятся к борьбе против большевиков.

Между тем в Батуме начались мирные переговоры между Турцией и Закавказским сеймом. Одновременно меньшевики усиленно вели переговоры с германскими империалистами, а на заседании своего так называемого Национального совета 14 мая 1918 года вынесли решение обратиться к Германии с

²¹⁸ «Сухумская правда», 24 апреля 1918 г., № 8.

²¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 152.

²²⁰ ЦГАА, ф. 2, оп. 2, д. 2, лл. 18—19.

²²¹ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 17.

²²² См. мандат ВРК, выданный 8 мая 1918 г. М. Абухба за подписью председателя ВРК Абхазии Е. Эшба (ЦГАА, ф. 12, д. 574, л. 74).

просьбой прислать войска в Грузию для подавления революционного движения внутри страны и ограждения ее «от опасности извне», имея в виду Советскую Россию. В связи с таким положением Закавказский сейм, по инициативе меньшевиков, направил в Западную Грузию значительные вооруженные силы, в том числе и так называемую «народную гвардию», сняв эти части с турецкого фронта. В Мегрелии между войсками и повстанцами началась настоящая война. Меньшевики ввели в действие тяжелую артиллерию и пулеметы. Повстанцы вынуждены были отступить в горы, часть их перешла в Абхазию.

После временного подавления революционного движения в Мегрелии Сейм решил двинуть против Советской Абхазии крупные силы под командованием полковника Коиева и члена сейма В. Джугели²²³. Еще до этого в Самурзаканский участок были направлены отряды капитана Дундуа и капитана Чкадуа, назначенного здесь начальником вооруженных сил меньшевиков²²⁴. Достигнув границы советской территории, меньшевистское командование предъявило ультиматум — в течение 24 часов сдать оружие. Но крестьяне отвергли это требование и вступили с меньшевиками в борьбу.

Самурзаканский ревком, руководимый П. Дзигуа, сосредоточил свои отряды вдоль правого берега р. Ингур. Основные силы его были расположены у местечка Оцарце, откуда ожидалось наступление главных сил врага; значительная часть — в районе Анаклии против капитана Чкадуа. Фронт тянулся от с. Пахулаи до Анаклии, т. е. до самого моря. Повстанческие отряды поспешно укрепляли свои позиции. Из всех сел участка к ним приходили крестьяне, помогавшие продовольствием, фуражом, в рытье окопов и т. д.

Однако противник имел превосходство и по численности, и по вооружению. Красные отряды после упорного боя вынуждены были отступить к с. Репо-Шешелети. Меньшевистские части перешли Ингур и заняли Гали. Были произведены аресты, многие отправлены в зугдидскую тюрьму. Начался грабеж населения. Очемчирский отдел меньшевистской партии в заявлении в Закавказский областной комитет этой партии констатировал, что отряд Дундуа и Чкадуа «по вступлении в Самурзакани стал предъявлять разные требования вроде доставки 120 жареных поросят, хачапури и пр., отнимали лошадей, книжалы серебряные и тут же продавали. Видя все это, население стало на защиту и присоединилось к большевикам»²²⁵.

В целях разгрома штаба повстанцев в с. Репо-Шешелети,

²²³ «Кавказ», 22 мая 1918 г., № 101.

²²⁴ «Борьба», 20 июня 1918 г., № 99.

²²⁵ ЦГАОРГ, ф. 7 с, оп. 1, д. 13, л. 27 об.

меньшевики послали туда особый отряд под командованием офицера царской гвардии Павленова. Ревком выделил специальную группу (Н. Бокучава, М. Гамисония и др.) для разложения отряда противника, и это удалось частично: многие солдаты сдали ружья и один пулемет. В с. Репи были сосредоточены основные силы повстанцев, которым удалось на правом берегу р. Эрис-Цкали разбить меньшевистский отряд. После этой победы повстанцы перешли в наступление. Дундуа и Чкадуа снова вынуждены были очистить Самурзаканский участок²²⁶.

Между тем положение других советских районов Абхазии становилось критическим. 10 мая в Кодорском участке с пароходов и барж был высажен меньшевистский десант под командованием В. Джугели. Вслед за этим прибыли дополнительные силы под командованием Кониева. К ним немедленно присоединились местные контрреволюционные силы. В Очемчирах к Джугели явилась депутация от абхазских князей и дворян во главе с А. Шервашидзе, Т. и Д. Маршания. Абхазские помещики представили в распоряжение Джугели отряд в 300 всадников.

Одновременно было организовано выступление греческих кулацких элементов в Михайловском, Акапе и других селах, находившихся в окрестностях Сухума. Вдохновителями этого выступления были меньшевик врач Пашалиди и Чача, а отрядом командовал бандит из Анатолии Хамбо Папандопуло²²⁷. С этой стороны «фронт» образовался на Гуме, где уже в начале мая находилось до 200 вооруженных людей²²⁸. Красным отрядом здесь руководили В. Квирквелия, В. Лакоба и Е. Дамения. Председатель ВРК Абхазии Е. Эшба обратился с воззванием к трудовому греческому населению. Вскоре обманутые крестьяне разошлись по домам, послав в ВРК трех своих делегатов с заявлением о признании Советской власти²²⁹. «Греческий фронт» был ликвидирован. Но кулацкое выступление отвлекло внимание ВРК Абхазии и еще более затянуло разрешение «кодорской проблемы».

Еще 7 мая г. Сухум и весь край были объявлены на осадном положении. Организацией борьбы и военными операциями руководил непосредственно Боевой комитет, возглавляемый Е. Эшба. 7 же мая состоялось собрание красногвардейцев. С докладом от имени Боевого комитета выступил член ВРК Абхазии Ш. Аскурава, который заявил: «Мы давно боро-

²²⁶ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 11, папка № 2; «Красногвардеец—красный партизан Абхазии», 7 ноября 1932 г. и 4 марта 1934 г.; «Борьба», 19 октября 1918 г.

²²⁷ А. к. К у к б а я. Союз попов и социал-предателей.

²²⁸ «Дело народа», 15 мая 1918 г.

²²⁹ М. Х. М и к а н б а. Указ. соч., стр. 17—18.

лись вместе с вами за утверждение Советской власти, что и достигнуто сейчас...»²³⁰

Военно-революционный и Боевой комитеты обратились с воззванием ко всем красногвардейцам, призывая их к самоотверженной защите завоеваний революции. «Ваши враги, — говорилось в этом воззвании, — враги крестьян и рабочих. Враги революции осмелились поднять на вас свои предательские руки, осмелились идти против воли ваших отцов, матерей, братьев и сестер. И вы, как истинные герои, истинные борцы за свободу, истинные защитники революции, интересов и прав народа, прав ваших отцов и матерей, вступили с ними в горячий бой... Вы, борцы Сухумского округа, краса и гордость пролетарско-крестьянской революции, встаньте вашей грудью, разбейте черный и злой замысел врагов и изменников»²³¹.

Быстро откликнулись трудящиеся Абхазии на это воззвание. «Идут все, — рассказывал один из руководивших боевыми действиями, — и молодые, и пожилые, и старики. Крестьяне просили принять их в ряды защитников рабоче-крестьянской революции, и в первое время несли на флангах нашего расположения сторожевую службу. Теперь из них сформирован отдельный отряд... Из города пришли рабочие, которые сформировали свой красный отряд»²³².

Вооруженные силы рабочих и крестьян были сосредоточены на правом берегу реки Кодор, в 22 км от Сухума. Здесь, в районе Драндского монастыря, на холме, у ограды монастыря и вдоль реки, были устроены укрепления. Штаб и боевая база находились в самом монастыре. Укрепление границы советской территории с этой стороны, как отмечалось, было начато еще раньше. Уже к 8 мая здесь находилось около 260 человек, 8 орудий и 5 пулеметов. В течение же 9 — 11 мая сюда была переброшена основная масса людей, а также вооружение²³³.

Хорошо снабженные ружьями, артиллерией и поддержанные военными судами регулярные меньшевистские войска, княжеско-дворянские отряды и другие контрреволюционные силы, руководимые старыми военными специалистами, заняли позиции по левому берегу Кодора. Эта река стала стратегическим рубежом. Меньшевистский штаб находился в имении генерала Шашковского, бывшего главного уполномоченного Министерства земледелия на Кавказе²³⁴. Наблюда-

²³⁰ «Сухумская правда», 10 мая 1918 г., № 18.

²³¹ Это воззвание было напечатано в «Сухумской правде» 14 мая 1918 года.

²³² «Сухумская правда», 16 мая 1918 г., № 23.

²³³ ЦГАА, ф. 1, д. 8047, лл. 46—49; «Сухумская правда», 21 мая 1918 г., № 101.

²³⁴ В. Д ж у г е л и. Тяжелый крест. Тифлис, 1920, стр. 11.

тельный пункт находился в здании школы. Джугели говорил крестьянам «о цели и характере» экспедиции, его «слушали хмуρο, но внимательно»²³⁵.

11 мая, около 10 часов, представители ВРК (Басят Агрба, Джип Анкваб и др.) вступили в переговоры с противником. Делегация предложила созвать крестьянский съезд, решению которого и подчиниться²³⁶. Но меньшевики, не рассчитывавшие на поддержку крестьянства, в ответ предъявили ультиматум: сдать оружие к 5 часам вечера и открыть свободный въезд в Сухум.

Трудящиеся Абхазии ответили на это решением: «Борьба, беспощадная борьба с теми, кто на мирное предложение отвечает оружием»²³⁷. Начался Кодорский бой, Оборонительный участок от берега моря до Кодорского моста был поручен В. Лакоба, берег реки выше моста — П. Агнишвили, от с. Владимировского до Цебельды — цебельдиискому и герзельскому отрядам. Артиллерийская позиция была выбрана в районе Драндского монастыря, в саду которого были установлены орудия, а командовал артиллерией К. Инал-нпа. Общее руководство оборонительными действиями осуществляли В. Бахтадзе, А. Урушадзе, В. Агрба, Ш. Аскурава. Полевой штаб, образованный Боевым комитетом, разместился в архиерейских покоях Драндского монастыря.

ВРК принимал все меры для укрепления Кодорского фронта. Приказом № 5 он мобилизовал для нужд обороны врачей и низший медицинский персонал²³⁸; приказом № 6 объявил регистрацию военных специалистов — бывших офицеров, инженеров и пр.; приказом № 7 призывал на фронт всех красногвардейцев²³⁹. Была организована команда связи, которая под руководством А. Ломая наладила связь между ВРК, Боевым комитетом и Полевым штабом, а также между последними и наблюдательным пунктом и боевыми точками²⁴⁰.

«Эта борьба классовая, — говорилось в передовой статье «Сухумской правды» от 16 мая, — и только слепые не видят, что борются, с одной стороны, банды Каледина, Корнилова, буржуазная рада, а с другой стороны — многомиллионный трудящийся народ, измученный, истерзанный этими же генералами, капиталистами и спекулянтами. Меньшевики, идущие с этим реакционным потоком, служат только преступной ширмой для беспощадного подавления революции жестокой расправой с крестьянами и рабочими».

²³⁵ В. Джугели. Тяжелый крест, стр. 11.

²³⁶ «Сухумская правда», 14 мая 1918 г., № 21.

²³⁷ Там же.

²³⁸ «Сухумская правда», 16 мая 1918 г., № 23.

²³⁹ Там же, 17 мая 1918 г., № 24.

²⁴⁰ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гула, ф. 1, л. 186/114, л. 385. Воспоминания А. К. Ломая.

11 мая до наступления темноты красные войска вели активный ружейный и пулеметный огонь, поддерживаемый артиллерийской стрельбой батареи. Конница противника, не выдержав огня артиллерии, бежала и понесла большие потери. Внезапный и стремительный огонь советских отрядов оказался настолько ошутительным для противника, что боевые действия с его стороны начались только на следующий день²⁴¹.

В этот день, 11 мая, председатель ВРК Абхазии Е. А. Эшба обратился к В. И. Ленину и Чрезвычайному комиссару Юга России Г. К. Орджоникидзе со следующей телеграммой: «Объявление Закавказья самостоятельным государством произошло вопреки воле населения Сухумского округа. Сухумский округ признал Советскую власть. Закавказское правительство направило карательные отряды против Сухумского Совдепа, рассматривая это признание Советской власти как бунт против законной власти. Рабоче-крестьянская Красная гвардия Совдепа вступила в неравный бой с контрреволюционными отрядами. Все Черноморское побережье, в случае прорыва Сухумского фронта, находится в опасности. Единство может спасти положение». Далее Эшба просил срочно дать распоряжение командующему Черноморским флотом о высылке на Сухумский фронт боевых судов²⁴².

12 мая на Кодорском фронте красные начали артиллерийскую и пулеметную стрельбу с 6 часов утра и продолжали ее в течение всего дня. В этот день к меньшевикам прибыло из Поти подкрепление в несколько сот человек с боеприпасами и продовольствием. К этому отряду на пути к Кодору присоединился кавалерийский отряд из местных княжеско-дворянских и кулацких сыновей²⁴³.

13 мая бой начался в 8 часов 15 минут. В этот день из Сухума было получено еще несколько пушек. Меньшевики прилагали все усилия, чтобы перейти р. Кодор. Они спешили, так как положение меньшевистской власти во всей Западной Грузии было чрезвычайно шаткое. В одной телеграмме из Зугдиди на имя председателя Закавказского правительства А. Чхенкелн говорилось:

«1) Вчера из Очемчир было получено известие, что между нашим кодорским отрядом и большевиками сухумскими происходила перестрелка. Кодорский мост, а равно и паромы, захвачены большевиками. Сегодня сообщили из Очемчир, что теперь там спокойно, но готовится на днях на Сухум наступление.

2) Самурзаканский участок в руках большевиков. У них около 2 000 большевиков. Советская власть утвердилась там,

²⁴¹ «Сухумская правда», 17 мая 1918 г., № 24.

²⁴² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 580, л. 25.

²⁴³ «Сухумская правда», 14 и 17 мая 1918 г., №№ 21 и 24; ЦГАА, ф. 1, д. 8047, лл. 46—49; «საქართველოს კავშირი», 21 мая 1918 г., № 320, Тифлис.

т. е. в Гали, 11 апреля. На собрании населения Самурзаканского участка присутствовал сам...

3) Кодорский участок еще держится... Положение в Зугдидском участке шаткое. [В] Цаленджихском участке — большевики. Силы у нас почти никакой нет... По сведениям, непроверенным, [в] Сухуме большевики располагают внутренней силой, их около 2 000 человек. Настоятельно необходима немедленная помощь в Зугдиди и Сухумский округ»²⁴⁴.

Весь день 14 мая продолжался артиллерийский бой, начавшийся в 4 часа 20 минут утра. Это сражение было более напряженным, чем в предыдущие дни. Активна была ружейная перестрелка, действовали и пулеметы. Целью противника по-прежнему являлось овладение Кодорским мостом. Надо заметить, что 13 мая к меньшевикам прибыл отряд численностью до 200 штыков, на который Джугели возлагал большие надежды, а кодорские князья и дворяне привели еще одну конную сотню в 200 сабель под командой корнета Д. Мхендзе. «...Исход нашей затягивающейся борьбы этим предreshается», — писал Джугели 14 мая в своем дневнике²⁴⁵. Но и в этот день противнику не удалось выполнить свою задачу. Более того, он понес потерн, в том числе вышло из строя одно орудие²⁴⁶.

15 мая утром, после спокойной ночи, возобновилась артиллерийская перестрелка. В течение дня продолжался также ружейный и пулеметный огонь. Боевые действия приняли позиционный характер. Красному отряду удалось построить окопы у самого берега реки. Вечером этого дня меньшевистские истребители обстреляли берег между устьем р. Кодор и Сухумом. За 15 мая огнем артиллерии советских отрядов было уничтожено одно укрепленное место, сбит наблюдательный пункт, а также разгромлены некоторые меньшевистские части. 16 мая орудийная стрельба началась очень рано и продолжалась с перерывами весь день²⁴⁷. Меньшевистская флотилия снова совершила разведку и обстреляла побережье между устьями рек Мачара и Кодор²⁴⁸.

В местности Цкургнил, отмечал В. Джугели в дневнике, князья «виовь со всех сторон стали к нам липнуть». Большевики вынуждены были даже кое-кого из них прогнать, как например, князя Н. Тавдгиридзе, чтобы он «своим присутствием не вносил путаницы и сумятицы в умы крестьянства»²⁴⁹.

В этот день на одном из проводов индо-европейского телеграфа удалось получить г. Козлов³ (ныне г. Мичуринск) и

²⁴⁴ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 256, л. 236.

²⁴⁵ В. Джугели. Тяжелый крест, стр. 13.

²⁴⁶ «Сухумская правда», 16 мая 1918 г., № 23.

²⁴⁷ «Сухумская правда», 16 и 17 мая 1918 г., № № 23 и 24.

²⁴⁸ «Сухумская правда», 21 мая 1918 г., № 101.

²⁴⁹ В. Джугели. Тяжелый крест, стр. 14.

через него связаться с Москвой. Как рассказывает работавший тогда техником (надсмотрщиком) А. Ломая, лично В. И. Ленин не оказалось в Кремле. Е. Эшба обрисовал правительству положение на фронте и просил об экстренной помощи со стороны Черноморского военного флота²⁵⁰.

В проекте телеграммы Советского правительства начальнику морских сил Черноморского флота от 16 мая мы читаем: «По донесению из Сухума войска закавказского правительства, находящиеся в 20 верстах от Сухума и поддерживаемые флотилией вооруженных торговых судов, двигаются на Сухум, угрожая всему Черноморскому побережью. Предписываем Вам немедленно вооружить ряд наших торговых судов и под видом защиты наших торговых грузов двинуть на юг для защиты Сухума»²⁵¹.

На этом проекте телеграммы В. И. Ленин написал: «Чичерину: по-моему, Брестский договор не может нам запретить бороться против мятежников пиратов (вооруженные торговые суда) и надо найти форму, чтобы дать вооруженный отпор нашими морскими силами против мятежников»²⁵².

Вечером 16 мая Боевой комитет решил направить небольшой партизанский отряд в тыл меньшевикам, в обход правого фланга. Операция эта была поручена В. Лакоба. Переправившись через р. Кодор на пароме (в 10 км выше моста), В. Лакоба взял направление через с. Атара на с. Тамыш. Но эта операция была сорвана меньшевиками, которые в ночь с 16 на 17 мая под прикрытием сильного тумана предприняли генеральное наступление на основном участке Кодорского фронта²⁵³.

17 мая 1918 года А. Чхенкели получил очередную телеграмму о чрезвычайном тревожном положении в районах, в которой говорилось: «В Самтреди, в штаб грузинского корпуса, прибыли делегаты жителей Кодорского и Самурзаканского участков и Зугдидского уезда. Настроение в этих местностях тревожное. Вчера сухумские большевики начали перестрелку на р. Кодор с нашими местными отрядами, каковая продолжается и сегодня... просят подкрепления... В Зугдидском уезде начались выступления большевиков, а именно в Цаленджихском уезде, где власть находится в руках большевиков...» При этом подчеркивалось, что большевики Самурзаканского участка, несмотря на свое исключительно тяжелое положение, угрожают тылу меньшевистских войск в Кодорском участке²⁵⁴.

²⁵⁰ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 385 об — 386.

²⁵¹ «Ленинский сборник» XXXVI, стр. 42.

²⁵² Там же.

²⁵³ «К истории гражданской войны в Абхазии», л. 70.

²⁵⁴ ПА Грузфильнала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 256, л. 105.

Революционные рабочие и крестьяне Абхазии, мужественно перенося опасности и лишения, храбро защищали свою власть, власть Советов. «Это — не регулярные войска, — писала «Сухумская правда», — не привыкший к военной обстановке и опасностям и лишениям войны солдат. Это — мирные люди, люди земли, деревни, тяжелого труда, которых революция научила владеть оружием и которые с этим оружием в руках защищают свое право на свободную жизнь... И все спокойно, без всяких театральных жестов переносят лишения непривычной для них жизни, бессонные ночи, дождливую погоду, военные опасности, сидят на позициях, оторванные наступающим карательным отрядом от своей крестьянской работы, которая так нужна сейчас в весеннее время. И жены им приносят из окружающих деревень на позиции еду»²⁵⁵.

В. Лакоба впоследствии на I съезде Советов Абхазии в феврале 1922 года говорил: «Я, простой крестьянин, должен был стать командиром и выполнять роль генерала. Инал-ипа никогда не был пушкарем-артиллеристом, но ему дали пушку, и мы стреляли. Этот энтузиазм вызвала в нас идея свободы»²⁵⁶.

«Сухумская правда» изо дня в день печатала лозунги, воззвания и статьи, призывавшие трудящихся Абхазии к оружию, к революционной мобилизации, к борьбе. В своем последнем номере 17 мая она писала: «Гражданская война, прокатившаяся кровавой волной по всей России, не минула и нас. И вот уже несколько дней на Кодоре идут бои и льется человеческая кровь. Хитроумные политики стараются объяснить причины этой гражданской войны чем угодно... и никак не хотят понять, что она является прямым продолжением великой борьбы рабочих и крестьян за мир, за землю и волю, за лучшую жизнь».

В эти дни восставшее крестьянство Самурзаканского участка постоянно беспокоило тыл противника своими налетами. Но превосходство противника в живой силе и вооружении в конце концов должно было решить исход боя. Силы меньшевиков в этот момент достигали 1 050 штыков, 200 сабель при 12 орудиях и 28 пулеметах. Кроме того, с моря их поддерживали своим огнем 7 истребителей²⁵⁷. Большевики готовились к генеральному наступлению. «Весь вчерашний вечер, — писал Джугели 17 мая, — мы провели в лихорадочных подготовительных работах»²⁵⁸. В 3 часа ночи был открыт сильный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь. Снаряды рвались прямо над окопами красных отрядов и Полевым штабом²⁵⁹. Тем не менее, писала екатеринодарская большевист-

²⁵⁵ «Сухумская правда», 16 мая 1918 г., № 23.

²⁵⁶ ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 5, лл. 19 — 20.

²⁵⁷ «К истории гражданской войны в Абхазии», лл. 70, 71.

²⁵⁸ В. Джугели. Тяжелый крест, стр. 15.

²⁵⁹ ЦГАОРГ, ф. 40, д. 720, оп. 1, лл. 27—28.

ская газета «Прикубанская правда», в статье «Палачи заняли Сухум», «очевидцы рассказывают, что абхазцы... не хотели отступать, несмотря на то, что у них уже не было ни одного патрона, они рвались на неприятеля с кинжалами в руках. Но с трудом удалось уговорить их подчиниться распоряжению Совета отступать»²⁶⁰. В это время на правом фланге произошло изменение: бывший офицер Демурия, командовавший этим участком, пропустил меньшевистский кавалерийский отряд с пулеметами²⁶¹. Противник в 5 часов 45 минут утра 17 мая вошел в монастырь и вскоре направился к Сухуму. Он на Кодоре потерял около 100 чел., а красные — 50 человек²⁶².

Бой на Кодорском фронте представляет собой самую героическую страницу в истории Советской Абхазии в 1918 году.

«Вся Абхазия — млад и стар — воостала против двухтысячной банды захватчиков с юга, защищая подступы к Сухуму, в 20 верстах южнее Сухума, вот уже 8 дней», — сообщал председатель ВРК Абхазии Е. А. Эшба Советскому правительству²⁶³.

Красные отряды вынуждены были 17 мая оставить и столицу Абхазии — Сухум. Е. Шамба вспоминает: «Я стоял на часах в штабе Ревкома. Е. Эшба и Н. Лакоба отдавали распоряжения об эвакуации. Просматривая документы СОК (Сухумского окружного комитета. — Г. Д.), Полевого военного штаба и штаба «Кнараза», они некоторые бумаги уничтожали, другие передавали для вывоза»²⁶⁴.

Народный комиссарнат по военным делам Советской России о падении красного Сухума сообщил в своей информационной сводке 21 мая 1918 года²⁶⁵. Красные части под сильным нажимом противника отступали морем и по шоссе. Они вынуждены были оставить Новый Афон и Гудауты и отойти к Гаграм. Из этого последнего пункта от председателя Полевого штаба Красной Армии обороны Черноморского побережья А. Урушадзе 21 мая в Совнарком РСФСР была получена телеграмма следующего содержания: «После прорыва Сухумского фронта и сдачи Сухума наша действующая Красная Армия не в состоянии держать какой-то ни было фронт против наступающих регулярных войск закавказского правительства. Требуется немедленная помощь, в противном случае мы вынуждены отступить к Новороссийску. Просим всех немед-

260 «Прикубанская правда», 2 июня 1918 г., № 45.

261 *ს. უბუჭუბუღი*. Указ. соч., стр. 45.

262 Там же, стр. 46.

263 См. сб. «Борьба за Советскую власть в Абхазии», стр. 83, док. № 83.

264 Е. К. Ш а м б а. Сквозь грозы, стр. 51.

265 «Германо-турецкие подводные лодки подходят к берегу гавани Новороссийска. Германские аэропланы совершают полеты над гаванью и городом. Сухум взят закавказским правительством» (ЦГАСА, ф. 6, оп. 3, д. 2 с., л. 223).

ленно сообщить во все организации об угрожающем положении всех городов побережья, где находится Советская власть»²⁶⁶.

В сводке оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам от 23 мая 1918 года сообщалось, что был послан вездным путем в Сухум и Поти транспорт, но захвачен закавказским правительством²⁶⁷. А 24 мая штаб обороны Черноморья сообщал в Совнарком: «Около Гагр появились истребители закавказского правительства, которые забрали в плен наше моторное судно. Угрожает опасность с моря нашему фронту в Гаграх подобно Сухуму. Убедительно просим сделать распоряжение о защите Советской власти со стороны моря...»²⁶⁸ Вообще во время этого отступления красные части потеряли значительное количество оружия; по официальным данным — 11 орудий, в том числе 2 осадных, 21 пулемет, много винтовок и обмундирования²⁶⁹; был захвачен истребитель № 107, в котором находилось 200 человек, много вооружения и 10 000 пудов ячменя²⁷⁰.

Комендантом Сухума был назначен прапорщик Л. Тумаркин, который, на основании предписания штаба отряда меньшевистской гвардии, объявил город Сухум и Абхазию на осадном положении. «Впредь до полного успокоения края вся власть сосредоточивается в руках штаба отряда Закавказской красной гвардии», — писал Л. Тумаркин в официальном объявлении 20 мая 1918 года²⁷¹. В этот же день была получена телеграмма от меньшевистского правительства, которое приветствовало Сухумскую городскую думу по случаю временного поражения здесь Советской власти²⁷². Телеграмма была оглашена на экстренном заседании думы 21 мая. «Отцы города поспешили выразить меньшевистским лидерам благодарность и надежду, что в крае будет «необходимый... порядок»²⁷³. Эсеры также приветствовали «твердые шаги правительства»²⁷⁴. Кроме того, Сухумская городская дума 24 мая с участием В. Джугели вынесла решение ассигновать на содержание оставшегося в Сухуме отряда меньшевистской гвардии в 200 человек 60 тыс. рублей в месяц²⁷⁵.

Однако «победа» контрреволюции в Абхазии была очень непрочной. В. Джугели, выступая с докладом на заседании Исполкома Тифлисского меньшевистского Совета 29 мая 1918

²⁶⁶ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, л. 744, л. 8.

²⁶⁷ ЦГАСА, ф. 6, оп. 3, д. 2 с, л. 236; ф. 25883, оп. 1, д. 84, л. 71.

²⁶⁸ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, л. 744, л. 9.

²⁶⁹ «Кавказ», 22 мая 1918 г., № 101.

²⁷⁰ «Кавказское слово», 21 мая 1918 г., № 100.

²⁷¹ ЦГАА, ф. 12, д. 574, лл. 92—93 об.

²⁷² Там же, ф. 4, д. 2853, лл. 2—3.

²⁷³ Там же, д. 2853, л. 4.

²⁷⁴ «Дело народа», 22 мая 1918 г.

²⁷⁵ ЦГАА, ф. 4, д. 2766, л. 14.

года, вынужден был признать, что «победить» в Абхазии было легче, чем организовать там власть; меньшевики «плохо работали, с деревней никакой связи, плохая организация и в городе»²⁷⁶.

К тому же, в связи с усилением восстания крестьянства в Душети, Лечхуми и Мегрелии и новым наступлением турок, меньшевики вынуждены были перебросить свои войска из Абхазии, оставив здесь небольшой отряд в 150 человек²⁷⁷.

У Закавказского сейма, созданного помимо воли грядущихся, не оказалось достаточно сил, чтобы задержать наступление турецких войск. Большевики нашли «выход» в расчленении Закавказья и в превращении Грузии в германскую колонию. «Ныне о независимости Грузии говорят уже не турки, а германцы, и мы спешим снова ухватиться за эту соломинку...», — писал меньшевистский официоз «Борьба» 26 мая 1918 года. В этот день Сейм объявил о «распадении Закавказья». Грузинский национальный совет под председательством Н. Жордания в присутствии германского консула в Тифлисе графа фон дер Шуленбурга и тифлисского митрополита Леоннда провозгласил «независимую» республику Грузию. Было избрано грузинское буржуазно-меньшевистское правительство во главе с Н. Рамишвили, вскоре смененным Н. Жордания.

По поводу же Абхазии председатель германской мирной делегации генерал фон Лоссов в секретном письме меньшевистским лидерам еще 18 мая 1918 года заявил, что она будет составлять часть Грузии лишь до тех пор, пока последняя «независима» в пределах Кавказа. Если же образуется конфедерация народов Кавказа и Грузия войдет в ее состав, тогда населению Абхазии должно быть представлено право определить свое положение среди этих народов²⁷⁸.

Мусаватистский Азербайджан и дашнакская Армения также объявили себя «независимыми» республиками.

Германское правительство 28 мая 1918 года декларировало признание «независимости» Грузии, обязывалось «защищать» ее и назначило своего дипломатического представителя в Тифлисе и консула в Поти. В тот же день в Поти было подписано соглашение, по которому Грузия фактически превращалась в колонию империалистической Германии, так как последняя становилась хозяином железных дорог, недр и всех богатств страны.

4 июня в Батуме были подписаны договоры между Турци-

²⁷⁶ «К истории гражданской войны в Абхазии», л. 71.

²⁷⁷ Л. Тумаркин. За два года. «Наше слово», 12 декабря 1919 г., № 273.

²⁷⁸ ზ. ავალიანი. საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის 1918-1921 წლების საერთაშორისო პოლიტიკა. Тифлис, 1929, стр. 60.

ей и Грузией, Турцией и Арменией, Турцией и Азербайджаном. Все три договора были в основном одного и того же содержания. Они устанавливали новую пограничную линию между Турцией и закавказскими республиками. К Турции отходила территория Армении и Грузии, равная 38 тыс. кв. верст, с населением в 1 250 тыс. человек; из них от Грузии — 10 тыс. кв. верст, с населением 900 тыс. человек. Эта территория на 12 421 кв. версту с населением в 655 тыс. человек превышала территорию, которая должна была быть очищена русскими войсками по Брестскому мирному договору²⁷⁹. При этом конфигурация пограничной полосы явно обнаруживала заведомые планы Турции, предполагавшей, как писал генерал Эрих Людендорф, «продолжать распространять на Кавказе сферу своего влияния»²⁸⁰. По договору меньшевики обязывались пропустить германо-турецкие войска в Азербайджан для подавления Бакинской коммуны и завладения нефтью и железнодорожными путями. Таким образом, условия Батумского договора, продиктованного турками, явились прямым нарушением Брестского договора и имели целью подготовить Турции дальнейшие захваты на Кавказе, в частности, захват Баку.

Германские войска оккупировали Грузию. Немецкая военщина поставила под свой контроль все внутреннее управление страной и внешнюю политику меньшевиков. Оккупанты подвергли грузинский народ унижениям и тяжелым испытаниям, обирали и грабили его, обрекая на нужду и голод.

Так «...независимость Грузии, — говорил В. И. Ленин на объединенном заседании ВЦИК 29 июля 1918 года, — превратилась в чистейший обман, — на самом деле это есть оккупация и полный захват Грузии германскими империалистами...»²⁸¹

Советское правительство не признало «независимую» меньшевистскую Грузию ни фактически, ни юридически.

* * *

В Сухуме известие об образовании «независимой» Грузии было опубликовано в первых числах июня 1918 года. Трудящиеся Абхазии, как и всей Грузии, не признали эту фиктивную «независимость». В ноте народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина, направленной в мае 1918 года германскому правительству в связи с начавшимися в Ба-

²⁷⁹ Д. С. Завриев. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси, 1947, стр. 69—70.

²⁸⁰ Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II. М., 1923, стр. 186.

²⁸¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 6.

туме переговорами, в числе городов и местечек Грузии, население которых на многочисленных митингах выносило резолюции против отделения Закавказья от России, отмечается и г. Сухум²⁸².

Но Абхазский народный совет поспешно признал «независимость» Грузии. Вместе с тем 2 июня совет постановил: «Ввиду создавшегося положения принять на себя всю полноту власти в пределах Абхазии. Считая необходимым установление самой тесной и солидной работы в деле организации сильной государственной власти» в Грузии и Абхазии, Абхазский народный совет обратился к Грузинскому национальному совету с просьбой оказать помощь в организации «государственной власти» в Абхазии и оставить в распоряжении совета отряд меньшевистской гвардии, который стоял в Сухуме и в руках которого «вся полнота власти фактически находилась»²⁸³.

Большевики Абхазии, опираясь на боевое революционное настроение трудящихся края, готовились к новому выступлению, чтобы ликвидировать «сильную государственную власть», о которой так мечтали контрреволюционеры. В Гагры, где после отступления из Сухума обосновались основные повстанческие силы, приходили все новые и новые отряды из Гудаутского и Гагринского участков и других мест Абхазии. После ликвидации Кодорского фронта в тылу у противника были оставлены С. Кухалейшвили, К. Инал-ипа и другие. Они должны были прорваться горами в сторону Гагр. В горах этот отряд пополнялся новыми силами из местных крестьян, целыми селами восставших против нга меньшевиков²⁸⁴. Местные работники создавали такие отряды как в самих Гаграх, так и в селах Алахадзы, Колхида, Калдахвара и др.²⁸⁵

Абхазские большевики получали руководящие указания и помощь от Кавказского краевого комитета РКП(б), который, оставив в Тифлисе бюро комитета во главе с М. Цхаква, в конце мая — начале июня переехал из Тифлиса во Владикавказ. Краевой комитет при помощи советских органов Северного Кавказа и лично Г. К. Орджоникидзе руководил революционной борьбой как в Грузии, так и во всем Закавказье, снабжал партийные организации средствами, оружием и боеприпасами, посылал им в помощь своих представителей.

Председатель Военно-революционного комитета Абхазии Е. Эшба явился в Сочи, где в это время происходил окруж-

²⁸² «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии». Тифлис, 1919, стр. 291 — 292.

²⁸³ ЦГАА, ф. 339, д. 6, л. 4.

²⁸⁴ К. П. Инал-ипа. Гражданская война в Абхазии.

²⁸⁵ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 68, лл. 15—16.

ной крестьянский съезд, «и потребовал, во имя спасения революции, немедленного объявления мобилизации сочинских крестьян и рабочих». Однако контрреволюционные элементы помешали этому. Особенно подлую роль сыграл эсер Н. Воронович. Поведение последнего, как он сам об этом писал впоследствии, «вызвало негодование Эшбы», обрушившегося на него и назвавшего его контрреволюционером. Эшба решил «ехать искать помощь в Екатеринодар и Москву»²⁸⁶.

По просьбе абхазских большевиков в Майкопе и Лабинской советскими органами 7 июня 1918 года была произведена мобилизация, в результате чего было сформировано два полка. 15 июня в г. Майкоп прибыли представители ВРК Абхазии Е. Эшба и Н. Лакоба. Командиром одного из полков оказался белоказачий офицер Орехов, который категорически отказался выступить и даже принял меры к аресту Е. Эшба и Н. Лакоба. Но мятежный полк был обезоружен, лишь его незначительная часть (168 чел.) под командой Орехова бежала на занятую меньшевистскими войсками территорию Абхазии²⁸⁷. Один полк, видимо, все же был двинут на помощь трудящимся Абхазии, так как в документе мы читаем: «Действительно, из Майкопа для борьбы с грузинским (меньшевистским.—Г. Д.) отрядом, действовавшим в Сухумском округе против большевиком, большевики прислали около 2 000 чел. красноармейцев»²⁸⁸.

Известно также, что в Майкоп был командирован и другой член ВРК Абхазии В. Агрба. Он вместе с Г. Сабуа прибыл на фронтный съезд, происходивший в это время в Майкопе. Здесь им удалось составить отряд из добровольцев в 150 бойцов, а в Туапсе пополнить его еще 50 бойцами²⁸⁹. Кроме того, в Гагры из Екатеринодара был прислан опытный командир большевик Я. Антонов (Донской) вместе с политработником для организации войск и политработы. Все наличные силы Красной Армии на Кубани и Черноморье, как уже отмечалось, были заняты в то время ожесточенной борьбой с белогвардейцами, и более существенную помощь оказать трудящимся Абхазии было трудно.

По распоряжению из Екатеринодара новым командующим Сухумским фронтом был назначен Я. Антонов, а помощником — Н. Поярко. При командующем был сформирован штаб под названием Кубано-Черноморский полевой штаб из членов Военно-революционного комитета Абхазии (Н. Лакоба, Г. Атарбеков, С. Кухалейшвили, Е. Дамения, В. Бахтадзе и

²⁸⁶ Н. Воронович. Между двух огней, стр. 83.

²⁸⁷ «Борьба за Советскую власть в Абхазии», стр. 92, док. № 68.

²⁸⁸ ЦГАОРГ, ф. 51 с, оп. 1, д. 41, л. 2.

²⁸⁹ Арх. Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9 л. 48.

др.) с местопребыванием в Гаграх. Начальником штаба сперва был А. Урушадзе, а затем В. Квирквелия. Артиллерия, начальником которой являлся член штаба гудаутец К. Кореньков, была пополнена новыми орудиями—их стало 4 штуки²⁹⁰.

Штаб Сухумского фронта, по свидетельству Н. Вороновича, ввел в Сочи осадное положение и в своих руках сосредоточил полноту власти; сухумские большевики вступили в энергичную борьбу с контрреволюцией²⁹¹.

Тем временем в Гудаутском участке, занятом меньшевиками, положение становилось все более напряженным. Отряды «Киараза» существовали почти в каждом селении. Крестьяне, готовясь к борьбе с меньшевиками, вооружались чем попало. «Гудаутский участок восстал» снова, отряд меньшевистской гвардии «оказался окруженным»²⁹². Восставшие крестьяне сообщили в Гагры: «Мы, мужчины и женщины, от мала до велика, не остановимся ни перед чем для освобождения города Гудаут от дворянской своры, и для вас дороги наши интересы, — идите с нами против общего врага»²⁹³.

«Все тревожней получались вести из Гудаут», — писал очевидец событий, видимо, активный меньшевик, скрывший свое имя под псевдонимом «Народогвардеец». В Сухум пришла из Гудаут телеграмма с категорическим требованием прислать подкрепление. На выручку гудаутского меньшевистского гарнизона (начальник поручик Глonti) сухумский штаб поспешно выслал «максимум того, что мог, — 70 человек»²⁹⁴. Вместе с тем меньшевики, лишенные сил, пытались «уговорить» крестьян прекратить восстание и вообще «отказаться от большевизма». С этой целью они решили созвать участковый сход крестьянства. Меньшевики открыто говорили, что задача схода — «отвлечь население от участия в большевистском движении. Сход собрался 5 июня в с. Лыхны. На нем были поставлены следующие вопросы: «разъяснение» сущности большевизма и о «рабоче-крестьянском характере» меньшевистской гвардии, «примирение» крестьян с дворянами и об отзыве киаразовцев из Гагр. При этом меньшевистские власти давали всевозможные обещания, вроде: созвать III окружной крестьянский съезд, который «пополнит» постановления II съезда²⁹⁵.

Однако даже гудаутские абхазские меньшевики вынуждены были просить власти хотя бы на некоторое время отложить вопрос о «примирении» крестьян с дворянами ввиду «са-

²⁹⁰ ЦГАА, ф. 65, д. 260, лл. 107—108; с. უბეჭ ზოდგ. Указ. соч., стр. 47; Н. Воронович. Между двух огней, стр. 87.

²⁹¹ Н. Воронович. Между двух огней, стр. 87.

²⁹² «Наше слово», 12 декабря 1918 г., № 273.

²⁹³ «Советская Абхазия», 2 марта 1930 г., № 54.

²⁹⁴ «Борьба», 31 октября 1918 г., № 206.

²⁹⁵ ЦГАА, ф. 339, д. 2, лл. 78—83.

мого критического положения». Что же касается крестьян, то, по свидетельству самих меньшевиков, они слушали меньшевистских ораторов внимательно, «но было видно, что большевики здесь много поработали» и что результаты этой деятельности «не рассеять на одном собрании»²⁹⁶.

Как и следовало ожидать, провалилась также попытка меньшевиков сорвать готовившееся новое наступление красных из Гагр, а затем и вовсе ликвидировать «Кнараз». С этой целью меньшевики сколотили «делегацию» из «влиятельных» лиц и 5 же июня направили ее в Гагры для переговоров. Однако эта «делегация» дальше с. Дурипш не пошла, так как встретившие ее здесь кнаразовцы категорически отвергли все требования меньшевиков. Несколько человек из «делегации» тут же перешли на сторону повстанцев. Не помогли и угрозы властей, что в случае отказа крестьян-кнаразовцев вернуться домой «к тихой жизни» будут разрушены их хозяйства, а родные — истреблены²⁹⁷. Еще плачевнее кончилась миссия гудаутских абхазских меньшевиков, которые не только потерпели полное поражение на сходе, но и подверглись аресту, когда они явились в Гудауты для доклада меньшевистскому штабу о результатах этого схода²⁹⁸.

С другой стороны, в этот момент, 11 июня, когда трудящиеся Абхазии так самоотверженно борлись за рабоче-крестьянскую власть, между меньшевистским правительством и Абхазским народным советом состоялась сделка-договор «в развитие и дополнение» соглашения от 9 февраля 1918 года. Объясняя подлинные причины, побуждавшие совет заключить этот договор, некоторые его члены впоследствии признавались: «Не будучи в силах бороться собственными силами с большевиками, Абхазской народной совет в лице своих уполномоченных обратился за помощью к грузинскому правительству...»²⁹⁹ Поэтому в договоре и предусматривалась посылка в Абхазию меньшевистской гвардии, а в самой Абхазии — создание «национального отряда» для борьбы с революционным движением и организация здесь «твердой власти». «Социальные реформы» должны были «проводиться» народным советом на основании «общих законов», изданных Закавказским сеймом, «применительно к местным условиям». «Окончательное решение» вопросов, связанных с «устройством» Абхазии, снова откладывалось до съезда населения края, характер и срок созыва которого также не указывались³⁰⁰.

Но меньшевикам Абхазии «стало ясно», что с трудящими-

²⁹⁶ «Борьба», 31 октября 1918 г., № 206.

²⁹⁷ ЦГАА, ф. 339, д. 2, лл. 78—83.

²⁹⁸ «Борьба», 31 октября 1918 г., № 206; ЦГАА, ф. 339, д. 2, лл. 78—81.

²⁹⁹ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 274, лл. 3—6.

³⁰⁰ ЦГАОРГ, ф. 81, д. 93, л. 4; ЦГАА, ф. 339, д. 1, л. 2.

ся «разговаривать нечего» было, «нужно готовиться к бою». Однако гудаутский меньшевистский отряд не только не мог начать этот бой, а сам, «окруженный со всех сторон враждебно настроенным (к меньшевистской власти. — Г. Д.) населением», переживал тяжелые минуты³⁰¹. 16 июня повстанцы перерезали телеграфные провода на линии Сухум—Гудауты, а в 4—5 км от Гудаут, в тылу меньшевистских войск, начали рыть окопы³⁰². Начальник меньшевистского гарнизона в Гудаутах Глonti экстренно запросил Сухум: «Выслать все, что имеется, так как бороться с поголовно восставшим участком, имеющим 6—7 тысяч вооруженных людей, плюс к этому регулярные части наступающих из Гагр большевиков... невозможно»³⁰³.

Еще перед этим повстанцы послали в Гагры, в большевистский штаб, делегацию в составе активных кияразовцев Б. Агрба и З. Отырба с просьбой о немедленном выступлении. Гагринский штаб принял решение о наступлении, не ожидая помощи с Северного Кавказа. Причем ему удалось получить через механика сухумского телеграфа А. Ломая от А. Парцваня данные о меньшевистских вооруженных силах³⁰⁴. По пути следования ряды гагринского отряда быстро пополнялись кияразовцами и другими вооруженными крестьянами. Вскоре отряд вошел в с. Лыхны и расположился на поляне. Здесь была установлена артиллерия, а пулеметная команда — на горе юго-восточнее Гудаут, возле моста через р. Аапста, чтобы преградить пути отступления меньшевистским частям³⁰⁵.

17 и 18 июня 1918 года на подступах к Гудаутам под общим командованием Я. Антонова разгорелись упорные бои. Часть наступающих во главе с Н. Лакоба была направлена к городу со стороны с. Бамбора, а основная масса под командой Я. Антонова и В. Бахтадзе двинулась по долине р. Гудоу³⁰⁶. Большевики вынуждены были отступить, оставив на месте 4 пушки, 11 человек убитыми (среди них артиллерийский офицер А. Званбая) и около 30 чел. пленными. В официальном донесении по этому поводу говорилось: «Большевики предприняли наступление на Сухум. Отряды их продвигаются по побережью. Передовой отряд войск Грузинской республики под давлением во много раз превосходящих сил противника, понеся большие потери, вынужден был очистить Гудауты»³⁰⁷.

³⁰¹ «Борьба», 31 октября 1918 г., № 206.

³⁰² Там же.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Арх. Абахзского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 286—387.

³⁰⁵ ЦГАА, ф. 65, д. 260, лл. 107—108.

³⁰⁶ «К истории гражданской войны в Абхазии», лл. 73—74.

³⁰⁷ «Борьба», 20 июня 1918 г., № 99.

Комиссаром г. Гудауты был назначен М. Миканба, которого вскоре сменил Х. Шамба. Немедленно было приступлено к установлению порядка. Была поставлена охрана в банке, на почте, у склада оружия и других местах³⁰⁸.

Безуспешно было сопротивление меньшевистских частей и на р. Аапста, где они также были отброшены; еще плачевнее кончилась их попытка укрепиться в Новом Афоне. Большевистский отряд, потеряв артиллерию и пулеметы, отошел к Сухуму³⁰⁹.

Большевистская пропаганда всячески стремилась убедить население, что положение меньшевиков в Сухуме прочное. Но это заявление, по признанию самих меньшевиков, не могло ввести в заблуждение никого; «положение оправдывало тревогу и самые мрачные ожидания»³¹⁰. А обращение к населению взяться за оружие не имело успеха: явилось всего лишь 2—3 сотни добровольцев из дворянских и кулацких сынков. «Незавидная цифра!» — восклицали с горечью сами меньшевики³¹¹.

В это время на помощь к абхазским повстанцам из Майкопа и Туапсе шел новый отряд с В. Агрба и Г. Сабуа. В Сочи их встретил К. Семерджиев и сообщил, что красные войска уже заняли Гудауты и подходят к Новому Афону³¹².

Эсеры и другие контрреволюционные элементы приняли все меры, чтобы ликвидировать фронт против грузинских меньшевиков и вывести из Сочинского округа прибывших красноармейцев, организуя «вынесение» соответствующих резолюций в разных селах. С одной такой резолюцией эсер Н. Воронович обратился к Кубано-Черноморскому исполкому в Екатеринодаре. Тем временем сюда прибыл Г. К. Орджоникидзе, который заявил, что ни в какие переговоры по поводу этой резолюции он вступать не намерен. «Такую резолюцию, — воскликнул он, стуча кулаком по столу, — могут принять только враги Советской власти, а защищать ее — заведомые и убежденные контрреволюционеры! Сухумский фронт снят не будет, а все те, кто осмелятся открыто встать на сторону наших врагов — будут беспощадно нами уничтожены!» И был отдан приказ об аресте Вороновича³¹³.

Надо было спешить к гудаутским повстанцам. Но с транспортом было очень плохо. Однако стало известно, что строи-

³⁰⁸ М. Миканба. Указ. соч., стр. 20.

³⁰⁹ ЦГАОРГ, ф. 51с, оп. 1, д. 41, лл. 1—5; «Борьба», 9 июля 1918 г., № 112.

³¹⁰ «Борьба», 9 июля 1918 г., № 112.

³¹¹ Там же, 10 июля 1918 г., № 113.

³¹² Арх. Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9, л. 49. Воспоминания В. А. Агрба.

³¹³ Н. Воронович. Между двух огней, стр. 90.

тельство железной дороги имеет большое количество автомашины. Главный инженер дороги Николаев отказался оказать содействие. Тогда Агрба и Сабуа с револьверами в руках заставили его дать транспорт. Через некоторое время отряд прибыл в Гудауты, где находился штаб, а на следующий день выступил на фронт³¹⁴. Большевицкая газета отмечала: «В отряде, действующем против Сухума, обнаружены большевики из Кубанской области»³¹⁵.

Краснопартизанские отряды из Цебельды и Дранды также подошли к Сухуму. Кроме того, как сообщала газета «Борьба», «большевики прилагали все усилия, чтобы направить на Сухум окрестное... крестьянское население»³¹⁶.

Однако в это время в Абхазию прибыли дополнительно меньшевицкие войска. На рассвете 19 июня генерал Мазниев в сопровождении полковника Тухарели на катере «Чайка» высадился в Сухуме. В порту Мазниева встретили И. Рамишвили и члены Абхазского народного совета, которые накануне обращались к генералу с просьбой о помощи. От этих лиц он узнал, что «большевики под руководством абхаза Лакоба вновь заняли Гудауты и, уничтожив передовые отряды гвардии, продвигаются к Сухуму». В тот же день прибыли три роты и батарея. В распоряжении Мазниева были также три истребителя и транспортный пароход «Михаил» с двумя 3-х дюймовыми пушками. Затем прибыла еще одна рота из Самтреди, а Абхазский народный совет наспех сколотил конный отряд в 300 человек³¹⁷.

Чтобы все это выглядело «законно», меньшевицкое правительство еще в договоре от 11 июня 1918 года, заключенном с Абхазским народным советом, ввело пункт (шестой), предусматривавший посылку вооруженных сил в Абхазию для подавления революционного движения. Абхазия была объявлена генерал-губернаторством, а Г. Мазниев — генерал-губернатором и начальником Сухумского гарнизона³¹⁸.

Контрреволюционные элементы Абхазии облегченно вздохнули. Особенно благоговела перед меньшевицкими войсками Сухумская городская управа, взявшая на себя обязательство снабжать их продовольствием и фуражом. На эту цель она израсходовала (помимо полученных из Тифлиса 387 648 рублей) 107 740 рублей. Специальная правительственная ревизионная комиссия под председательством И. Рамишвили осо-

³¹⁴ Воспоминания В. А. Агрба, л. 49.

³¹⁶ «Борьба», 20 июня 1918 г., № 97.

³¹⁶ Там же, 9 июля 1918 г., № 112.

³¹⁷ ვითარება მთხრობის დროს. თბილისი, 1927, სტრ. 59—63.

³¹⁸ ЦГАА, ф. 339, д. 6, лл. 52—53; ვითარება მთხრობის დროს, სტრ. 59, 61.

бо отметила заслуги управы в подавлении революционного движения в Абхазии³¹⁹.

А по поводу ополчения абхазских князей и дворян газета «Борьба» писала, что оно «рвалось в бой, чтобы расправиться с крестьянами»³²⁰. Прапорщик Абхазской конной сотни князь Маршания «за отличие против большевиков» был награжден Георгиевским крестом 4-ой степени³²¹. Орган национал-демократов газета «Сакартвело» сообщала, что показателем лояльности дворянства Абхазии к меньшевистскому правительству является присутствие в отряде генерала Мазниева в качестве сестер милосердия «множества дочерей абхазских дворянских и княжеских домов»³²².

Трудящиеся же массы Абхазии с оружием в руках встретили меньшевистские войска, которые совместно с местными контрреволюционными элементами огнем и мечом пытались уничтожить их завоевания. Борьба велась не только непосредственно на линии фронта. Разрозненные партизанские отряды совершали смелые действия и в глубоком тылу. Так, в момент, когда войска противника подходили к Гудаутам, в с. Дранда крестьяне организовали нападение на проходившие меньшевистские части. Другая группа крестьян обстреляла судно, на котором ехал генерал Мазниев. Подверглось обстрелу и судно, где находился И. Рамишвили. «В общем положение слишком серьезное и требуется много усилий для ликвидации всего этого», — писал И. Рамишвили в донесении своему правительству. Меньшевистские власти вынуждены были послать в «большевистское село» роту солдат «для охраны порядка» (меньшевистского. — Г. Д.)³²³. А в с. Ольгинском вооруженный отряд крестьян, заняв дорогу, ведущую в Сухум, задерживал всех направлявшихся в город к меньшевикам³²⁴. Цebelдинскому отряду, руководимому Х. Керселяном, еще при отступлении большевиков из Сухума было дано задание прикрывать подступы к Клухорскому перевалу, чтобы противник не мог получить помощь от белых со стороны Северного Кавказа.

Между тем в Новом Афоне создалось напряженное положение. Генерал Мазниев считал, что повстанцы после занятия Гудаут могли легко разбить небольшой отряд меньшевистской гвардии и занять Сухум. Но они остановились в Новом Афоне и не проявили активности. Воспользовавшись этой

319 ЦГАА, ф. 4, д. 2891, л. 7.

320 «Борьба», 10 июля 1918 г., № 113.

321 ЦГАА, ф. 339, д. 2, л. 30.

322 «Борьба», 9 июля 1918 г., № 112.

323 Там же, 22 июня 1918 г., № 99.

324 Там же, 9 июля 1918 г., № 112.

местник монастыря свидетельствовал, что «сражение к этому дню (22 июня. — Г. Д.) достигло страшного напряжения»³³⁰.

В этом бою особо отличился Сочинский красногвардейский отряд³³¹. Когда красные части отступили, на позиции остался один из пулеметчиков, который обрушился на противника. Когда же замолк его пулемет, он встал и бросился на врага с гранатой. Раздался взрыв. Русский герой пал смертью храбрых³³².

В сводке командования войск Кубано-Черноморской республики за 25 июня 1918 года было сделано следующее сообщение: «В течение четырех дней у Нового Афона шел ожесточенный бой. Новый Афон переходил из рук в руки. В последний день противник получил целый транспорт свежих сил, сопротивление оказалось немислимим. Наш отряд, окруженный со всех сторон, прорвал цепь и отступил с боем со всем обозом и орудиями»³³³.

Красные части, предводимые конницей под командованием В. Лакоба, отступили к Гудаутам.

22 июня, в 7 часов вечера, передовые отряды меньшевиков вступили в Гудауты. По официальным данным меньшевистского командования, за время второго их наступления было захвачено 11 пулеметов, 3 пушки, большое количество ружей и около полумиллиона патронов, 100 мешков белой муки и около 90 голов рогатого скота³³⁴.

25 июня, в 8 часов вечера, меньшевистские войска подошли к р. Бзыбь. Тем временем сюда на помощь повстанческим отрядам, которыми командовал Я. Антонов, пришла группа красногвардейцев из Сочи и других мест. В течение двух дней все попытки противника форсировать реку оставались безуспешными. Только на третий день меньшевикам удалось перейти реку у с. Калдахвара, а 28 июня они вошли в Гагры³³⁵.

В это время в Гудаутском участке поспешно была сколочена новая дворянская сотия, которая всемерно поддерживала меньшевистские воинские части, забирала у крестьян лошадей и т. д. С этой целью она однажды направилась на железнодорожную стройку в районе Мюсера. Но эваидрипшские и мгулдырхвинские кнаразовцы под командой Лагустана Григолия преградили дорогу черносотенному отряду и, в результа-

³³⁰ ЦГАА, ф. 1, д. 8047, л. 47 об.

³³¹ ГАКК, ф. Р-411 (Воспоминания участников гражданской войны на Кубани и Черноморье), оп. 1, д. 204, л. 186.

³³² М. Миканба. Указ. соч., стр. 22—23.

³³³ ЦГАСА, ф. 25896, оп. 9, д. 14, л. 83.

³³⁴ «Борьба», 9 июля 1918 г., № 112.

³³⁵ ЦГАОРГ, ф. 51 с, оп. 1, д. 41, лл. 1—5; «Борьба», 9 июля 1918 г., № 112.

те перестрелки, заставили его бежать, отбив 70 лошадей³³⁶. Продолжали помогать противнику и монахи Ново-Афонского монастыря. Монастырскими мастерскими было отремонтировано несколько боевых судов.

Меньшевицкие войска пересекли границу Абхазия и вторглись на территорию Советской России. Теперь перед генералом Мазиневым ставилась более широкая задача: занять район Сочи — Туапсе и нанести удар тылу Кубано-Черноморской республики. Но надо было завуалировать эту истинную цель, тем более, что германский генерал Отто фон Кресс считал неудобным занятие этого района меньшевицкими войсками. Поэтому «заинтересованным лицом» в этом деле был выставлен Абхазской народный совет, который должен был «мотивировать» «необходимость» занятия указанной территории «историческими правами абхазского народа»³³⁷.

Однако на заседании совета 24 июня 1918 года, где эти претензии «обосновывались», главным в стремлении к оккупации Сочинского и Туапсинского округов с портом Туапсе была все же признана «необходимость» борьбы против революционного движения, тем более, что в Абхазии оно «уже в течение трех месяцев питается главным образом» этими округами³³⁸. Генерал Кониев в объяснительной записке от 11 февраля 1919 года докладывал: «Моим правительством я был в августе 1918 года прислан в Сочинский округ для борьбы против большевизма»³³⁹. Меньшевики при этом, как известно, преследовали и чисто территориальные интересы.

Меньшевицкие войска, используя свое численное превосходство, 3 июля заняли Адлер и скоро достигли района Кудепсты. Красные части, в состав которых вошел еще один отряд из хостинцев, на некоторое время укрепляются на р. Кудепста, прикрывая Сочи. Большую активность проявил Майкопский полк. Связь осуществляли отряд абхазской кавалерии и сочинская команда связи. Резерв состоял из абхазского партизанского отряда и сочинского отряда рабочих³⁴⁰.

На помощь меньшевикам, войска которых пополнялись все новыми и новыми силами, выступили кудепстинские, адлерские и хостинские кулаки. Под предводительством бывшего унтер-офицера П. Блохина они провели меньшевиков в тыл красных, вследствие чего последние оказались в окружении³⁴¹. Лишь после ожесточенной борьбы красным отрядам удалось выйти из окружения в Кудепсте и отступить дальше.

³³⁶ ЦГАА, ф. 65, д. 60, л. 104.

³³⁷ ЦГАОРГ, ф. 24 с, оп. 2, д. 37, лл. 1—2.

³³⁸ Там же.

³³⁹ Там же, ф. 51 с, оп. 1, д. 41, л. 1.

³⁴⁰ ГАКК, ф. Р—411, оп. 1, д. 204, лл. 186—187.

³⁴¹ «Красное знамя», 28 апреля 1940 г., № 98; ЦГАОРГ, ф. 51 с, д. 41, лл. 1—5; Н. Воронович. Между двух огней, стр. 91.

В Сочи многие белогвардейские офицеры, видя в грузинских меньшевиках «вольных и невольных союзников Добровольческой армии, поступили на службу в отряд Мазниева, значительно усилив его численностью»³⁴².

Красные отряды укрепились около Туапсе. Благодаря рабочим Туапсинского судоремонтного завода (с ними установили связь бойцы отряда В. Конджария и Г. Ганюшкин) удалось соорудить здесь бронированный автомобиль, на который было установлено 3 пулемета. Этот броневик оказал большую помощь в боевых операциях. В частности, он вынудил уйти меньшевистский катер «Чорох», который обстреливал красных³⁴³. В это время командующий передовой колонной Южной армии Ковалев был изобличен в измене и на его место временно назначен В. Лакоба.

В районе Туапсе произошло соединение меньшевистских сил с белоказачьими частями Шкуро. С последними красные части столкнулись в 6 километрах от Туапсе. Первая атака белых была отбита, в результате чего в плен попало 70 казаков и один полковник. Вскоре последовали еще две атаки, которые одна за другой также были отбиты. Но выбыл из строя командир отряда В. Лакоба, раненный в грудь шрапнельным осколком. По выздоровлении В. Лакоба был оставлен адъютантом командующего Южной армией³⁴⁴.

Дальнейший нажим сил противника заставил красные части отступить в сторону станицы Белореченской. За Туапсе, около цементного завода, эти части внезапно были обстреляны; патруль противника перерезал им дорогу, но был разбит; большинство его осталось лежать на дороге. На подступах к станице Хадзыженской абхазский отряд снова был задержан на двое суток. Но вскоре, ведя частые бои, он под общим руководством Н. Лакоба вышел через станицу Белореченскую, г. Майкоп к станице Невинномысской, где был расположен штаб командующего Кубано-Черноморской Красной Армией. Здесь повстанцы, именуюсь «Абхазской сотней», продолжали самоотверженно сражаться в рядах Красной Армии³⁴⁵.

³⁴² Н. Воронович. Между двух огней, стр. 92.

³⁴³ В. Конджария. Мои воспоминания. Сухуми, 1956, стр. 79; М. Х. Миканба. Указ. соч., стр. 23—24.

³⁴⁴ В. Лакоба. Мои воспоминания. Арх. Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9, лл. 13—17; ПА Грузфильмала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, л. 246, л. 21.

В. Д. Лакоба впоследствии был награжден орденом Красного Знамени за участие в этих боевых операциях.

³⁴⁵ Арх. Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9, лл. 13—17. В. Лакоба. Мои воспоминания; К. П. Иналпа. Указ. статья; В. Конджария. Указ. соч., стр. 79—80; ЦГАОРГ, ф. 48 с, оп. 2, д. 116, лл. 27—28; «К истории гражданской войны в Абхазии», л. 74; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулия, ф. 1, д. 186/114, лл. 329—330. С. А. Чолокян. Воспоминания.

Часть же кияразовцев и некоторые руководящие работники (И. Вардания, В. Агрба, Х. Шамба, М. Гобечия) при отступлении из Абхазии были оставлены в районе обычного расположения дружины для продолжения партизанской борьбы в тылу противника. Они еще в течение нескольких дней действовали активно, несмотря на жестокое преследование.

Между тем меньшевистские войска, заняв Сочи и Туапсе, расположились вдоль Черноморского побережья вплоть до Геленджика. Причем они связались с Кубанской радой и осуществляли наступление в направлении, согласованном с кубанским правительством, а затем и с армией генерала Алексеева³⁴⁶. В этом деле грузинским меньшевикам содействовали также и немецкие оккупанты. Известно, например: «В то время, когда верные Советской власти трудящиеся массы Черноморского побережья просили помощи у находящихся на Кубани советских войск, оказанию таковой помощи помешал германский флот, давший возможность правительству Жордания путем кровавой расправы покончить с народным движением на Черноморском побережье»³⁴⁷.

* * *

После этих событий красное знамя Советов еще некоторое время развевалось в Самурзаканском участке. Измененные обстановки в северо-западной части Абхазии, безусловно, затрудняло положение этого советского района. Облегчающим же моментом было нарастание революционного движения в соседней Мегрелии, где борьба крестьян, руководимая большевиками, продолжалась в течение всего лета 1918 года, достигнув наибольшего размаха в августе—сентябре. Это обстоятельство сковывало меньшевистские войска. Но как только им удавалось создать перевес своих сил в Зугдидском и других районах Мегрелии, они немедленно вторгались в пределы Самурзаканского участка. В первое время все атаки меньшевистских частей успешно отбивались самурзаканскими крестьянами.

В середине июня 1918 года меньшевистское правительство приняло постановление: в целях борьбы против Советской власти временно подчинить Самурзаканский участок по вопросам, связанным с сохранением в данном районе меньше-

³⁴⁶ Е. л. Д р а б к и н а. Грузинская контрреволюция. Л., 1928, стр. 79.

³⁴⁷ Нота Советского Правительства от 1 июня 1920 г. министру иностранных дел Грузии Е. Гегечкори. «Германские оккупанты в Грузии», стр. 157—158.

вистской власти, ведению кутаисского губернского комиссара³⁴⁸. 28 июня Абхазский народный совет просил генерала Мазниева «принять срочные меры для подавления большевизма в Самурзакани», где он «безудержно разрастается». Вместе с тем совет ходатайствовал перед правительством о посылке туда значительного отряда³⁴⁹.

Самурзаканский ревком во главе с П. Дзигуа держал свои силы в постоянной мобилизационной готовности. Надо было обороняться начиная от с. Пахулани до Анаклии. Руководство этим участком фронта было поручено А. Корсантия, Д. Колбая, Б. Эхвая и другим. Враг угрожал и со стороны моря, где приходилось держать силы под командованием И. Топурия и Д. Патарая. Было весьма опасно также со стороны Кодорского участка. Здесь ревком сосредоточил отряд примерно в 120 бойцов. Им командовал рекский крестьянин, бывший солдат-фронтвик З. Лабахуа. Задачей этого отряда была защита рубежей Советского Самурзаканского участка начиная от Сухумско-Зугдидского шоссе по р. Охурей — границы с селами Поквеш и Ткварчели — вплоть до Самурзаканских гор. Отряд был вооружен винтовками, револьверами и гранатами, привезенными с фронта империалистической войны самими участниками борьбы. На всей этой линии имелись сторожевые заставы, главная из которых находилась между селами Река и Охурей (начальник Б. Кортава). Со стороны Кодорского участка, куда бежали и многие самурзакаиские князья и дворяне, контрреволюционеры не раз пытались вторгнуться на территорию советского района. Так, в июле 1918 года меньшевистско-княжеский отряд во главе с Я. Маргания и Д. Мхеидзе совершил нападение на главную сторожевую заставу. Противник был отброшен в сторону Охурей; отбито 4 лошади, 2 ящика патронов, 4 винтовки, ранен 1 человек. При повторном нападении было отбито еще 2 лошади и 4 винтовки³⁵⁰. Отряду Лабахуа оказывали содействие партизаны из Поквеш, Беслахуба и других сел Кодорского участка (А. и Д. Пачулия, Р. Тодуа, Б. Танья, К. Кобахия)³⁵¹. Надо отметить, что большую помощь самурзаканским повстанцам оказал Н. Сванидзе, который в тот период находился там, приехав из Тифлиса³⁵².

³⁴⁸ ЦГАА, ф. 339, д. 6, лл. 42—43.

Сообщение об этом было опубликовано в газете «Тифлисский листок» 19 июня 1918 года.

³⁴⁹ ЦГАА, ф. 339, д. 7, лл. 1—2.

³⁵⁰ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 5—6.

³⁵¹ ЦГАА, ф. 65, д. 260, лл. 42, 57—59, 82—85.

³⁵² ПА Грузфиднала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 374, лл. 238—239.

Самурзаканские большевики принимали меры, чтобы ликвидировать блокаду, организованную меньшевиками. С этой целью, а также для оказания помощи зугдидским большевикам в их борьбе за Советскую власть, устраивались смелые диверсии в тыл врага. Так, в конце июня, когда большевики Зугдиди начали наступление против меньшевистских войск, сосредоточенных в этом районе, один из самурзаканских отрядов под руководством Ф. Тория перешел Ингур, с боем занял Анаклию и 28 июня ворвался в г. Зугдиди. В результате упорного боя самурзаканский отряд и зугдидские повстанцы заняли почту, телеграф, тюрьму и завладели большей частью города: Но силы оказались неравными. Повстанцы вынуждены были отступить с потерями. Было убито 6 человек, ранено 2 и несколько бойцов попало в плен (Д. Тория и др.). Остатки этого отряда вернулись в свой штаб, в с. Тагилони³⁵³. Надо сказать, что самурзаканцы здесь не получили необходимо-го содействия: зугдидские большевики не сумели мобилизовать все революционные силы района³⁵⁴.

«Эртоба» писала тогда: «Как видно, большевики ведут настоящую войну против правительства и серьезно думают захватить власть. Их выступления в той или иной деревне нельзя считать партизанским движением, они имеют связь друг с другом и согласуют свои действия с закавказским центром. Организация войск у них тоже удовлетворительна»³⁵⁵.

Ревком, хотя целиком и был занят вопросами обороны, но, как уже отмечалось, провел и ряд важных мероприятий по укреплению Советской власти в участке: приступил к разрешению земельного, продовольственного, финансового и других вопросов, создал новый аппарат управления, вел борьбу против внутренней контрреволюции и т. д.

После сражения за Зугдиди меньшевистские части, сконцентрированные в этом районе, снова пытались перейти Ингур. Но все их попытки не увенчались успехом, хотя силы меньшевиков во много раз и превосходили силы красных частей. После двухдневного боя противник, сжегши Ингурский мост, отступил назад³⁵⁶.

³⁵³ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 909, лл. 12—13; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 52—53; «Красногвардеец—красный партизан Абхазии», 7 ноября 1932 г. и 4 марта 1933 г.; Ф. Тория. 1918 год в Самурзакани (Воспоминания). Журн. «Апсны-Страна души». Сухум, 1925, №№ 3—4, стр. 19—20; С. И. Хурцилава. Указ. автореферат, стр. 19.

³⁵⁴ ი. ევბოძე. შუქო ლაშქრის სამარჯალოში მოხდენი ყაზახობა სამჭოტებში ხეშოულობაშენი. ზუგდიდი, 1932, სტრ. 62.

³⁵⁵ „ერტობა“, 7 ივნის 1918 გ., № 116.

³⁵⁶ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 909, л. 14; «Красногвардеец—красный партизан Абхазии», 7 ноября 1932 г. и 4 марта 1933 г.

Центральная газета «Известия ВЦИК...» в те дни писала: «В Самурзаканском участке, по имеющимся в бюро печати сведениям, происходят крупные беспорядки»³⁵⁷.

В августе 1918 года революции в Закавказье был нанесен большой удар: Бакинская коммуна, окруженная со всех сторон врагом, пала.

1 сентября 1918 года меньшевистское правительство повело новое наступление на Мегрелию, бросив сюда крупные вооруженные силы. Оно пустило в ход тяжелую артиллерию, пулеметы и бронемашину немецких оккупантов. Войска огнем и мечом проходили по селам. Восставшие крестьяне оказывали сопротивление до последней возможности. Тем не менее восстание в крае временно было подавлено.

После этого меньшевики обрушили свои силы на Самурзаканский участок. В первой половине сентября враг повел наступление по трем направлениям: со стороны Оцарце, Тагилони и Отобаиа. В то же время он начал наступление и со стороны Кодорского участка.

10 сентября, к часу дня, меньшевистские отряды под командованием В. Джугели подошли к левому берегу р. Ингур. Группа красных партизан, засевшая на острове Шамгона, открыла стрельбу по разведчикам, на что противник ответил ружейным, пулеметным и орудийным огнем. Капитан Глonti докладывал военному министру Грузии: «Сегодня наше войско с двумя орудиями, которыми командует штабс-капитан Ермайшвили, перешло р. Ингур; во время перехода повстанцы, укрепившиеся у Шамгона, оказывали яростное сопротивление нашим»³⁵⁸. В 4 часа дня меньшевистские части перешли на другой берег реки. Здесь, на правом рукаве Ингура, они встретили более решительное и стойкое сопротивление.

Однако, используя все свое преимущество, враг в конце концов отеснил красные отряды и занял село Тагилони — местопребывание повстанческого штаба. По распоряжению Джугели здесь были расстреляны попавшие в плен большевики Петр Джонджуа и Чочо Шейгелия — активные деятели революционной борьбы³⁵⁹. Кроме того, несколько человек было арестовано, захвачено более 10 лошадей и сожжен один дом³⁶⁰. Население этого села, спасаясь от меньшевиков, поголовно ушло, захватив с собой все, что могло, чтобы ничего не оставить врагу. Когда же крестьяне вернулись к своим до-

³⁵⁷ «Известия ВЦИК...», 18 августа 1918 г., № 177.

³⁵⁸ В. Джугели. Тяжелый крест, стр. 57.

³⁵⁹ ЦА Грузфильмала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 909, л. 15; «Красногвардеец — красный партизан Абхазии», 4 марта 1933 г.

³⁶⁰ В. Джугели. Тяжелый крест, стр. 58.

мам, им предложили сдать оружие, но сдали его немногие. В с. Чубурхинджи повстанческие отряды также оказали сопротивление частям генерала Кониева, переправившимся через Ингур вечером 13 сентября³⁶¹.

В этот же день меньшевистские колонны вступили в Гали. 14 сентября они, в составе двух рот и пулеметной команды с двумя горными орудиями, двинулись из Ачигвара на с. Репи, которое считалось очагом большевистского движения в участке. Здесь, как отмечалось, был убит офицер Павленов, а также пленено несколько меньшевистских солдат. Повстанцы сосредоточили свои силы на левом берегу р. Эрис-Цкали, но после форсирования ее противником вынуждены были отступить, активно отстреливаясь. «Заняли бунтующую деревню... Трещали наши пулеметы и бухали орудия, давая «журавли»... Вся деревня опустела, жители потерялись в чаще лесов и в болотах... Некоторые репрессии мы все же должны применить», — писал цинично В. Джугели³⁶².

15 сентября меньшевики со значительным отрядом вошли в с. Бедиа. Но в поселке Река укрепился повстанческий отряд под командой З. Лабахуа, успешно отбивая наступление меньшевистской части во главе с Я. Маргания и Д. Мхеидзе. Одно время он даже отбросил противника за р. Гализга, захватив при этом 3 лошади и 4 винтовки. Партизаны, поддерживаемые всем трудовым крестьянством, упорно сражались, вступая в схватку порою с одним холодным оружием в руках. Геройское сопротивление партизанского отряда наконец было сломлено³⁶³. 17 сентября Джугели и генерал Кониев прибыли в с. Ачигвара «на свидание» с руководителем самурзаканских повстанцев П. Дзигуа, но последний не явился к палачам.

По распоряжению Ревкома, участникам борьбы было предложено сохранить оружие и перейти на нелегальное положение. Руководящие работники были распределены по селам участка для организации подпольной работы³⁶⁴.

На протяжении всего рассматриваемого периода активную работу вели и большевики Кодорского участка, несмотря на весьма неблагоприятные условия. Еще в начале 1918 года им удалось провести комиссаром в Очемчирах председателя Кодорского участка комитета партии А. Убирия, а председателем комитета стал П. Бигвава. Меньшевики и другие контрреволюционные элементы приложили все усилия, чтобы «удержать» данный район. Вскоре после установления Советской власти в других частях Абхазии они в Очемчирах созда-

³⁶¹ «Борьба», 19 октября 1918 г.

³⁶² В. Джугели. Тяжелый крест, стр. 61—62.

³⁶³ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 8—9.

³⁶⁴ «Красногвардеец—красный партизан Абхазии», 4 марта 1933 г.

ли участковый сход, обеспечив кулацко-дворянское большинство. Активно выступили большевики, но антинародное большинство схода решило направить в Тифлис к контрреволюционному правительству делегацию с просьбой о вооруженной помощи. Были организованы черносотенные отряды под командой урядников А. Зведелава, Я. Маргания и др.

После указанного схода, в противовес ему, Кодорский большевистский комитет созвал в Очемчирах же революционный актив. В его работе приняли участие многие большевики, ставившие целью организовать участковый ревком и провозгласить Советскую власть. Но тем временем явился отряд А. Зведелава и разогнал собрание, у которого почти не было оружия для сопротивления. Сразу же после этого очемчирским городским головой был назначен меньшевик Б. Жоржолиани. Рубежи участка по р. Кодор стал охранять урядник Зведелава, по р. Охурей — урядник Маргания.

В связи с этим Кодорский участковый комитет партии принял решение информировать ВРК Абхазии о положении в районе и получить руководящие указания о дальнейшей работе. С этой целью в Сухум был направлен член комитета Н. Матарадзе. Кодорские большевики в случае необходимости обещали выставить 300 человек³⁶⁵. Имеются сведения и о том, что крестьянами в Сухум были направлены С. Капба и М. Авидзба. Но эта поездка была сорвана действиями отряда Зведелава³⁶⁶.

Несмотря на все это, в ВРК Абхазии было высказано мнение воздержаться от выступления в Кодорском участке до прибытия в Сухум значительных подкреплений с Северного Кавказа. Эта позиция была ошибочной. Вскоре же реакция перешла в открытое наступление. А. Убирая еще до этого был смещен с должности комиссара участка, председатель Кодорского участкового комитета партии П. Бигвава арестован, а другие члены комитета вынуждены были скрываться³⁶⁷. Тем не менее кодорские партизаны, как уже отмечалось, все время оказывали помощь повстанцам Самурзаканского участка.

* * *

Таманская Красная Армия, отступая под натиском немецких оккупантов по побережью на Новороссийск-Туапсе, чтобы вновь соединиться с главными силами Кавказской Красной Армии, разбила в Геленджике меньшевистскую дивизию и 1

³⁶⁵ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 79; Н. И. Матарадзе. Страницы прошлого (Воспоминания старого коммуниста). Сухуми, 1957, стр. 25—36.

³⁶⁶ ЦГАА, ф. 65, д. 260, лл. 40, 42.

³⁶⁷ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 80.

сентября заняла Туапсе. Отсюда таманцы направились к Белореченской, где 12 сентября разгромили группу генерала Покровенского и в конце сентября, пройдя 500 километров с непрерывными боями, заняли Армавир и соединились с другими частями Красной Армии.

Чрезвычайный комиссар Юга России Г. К. Орджоникидзе в телеграмме В. И. Ленину 15 сентября 1918 года писал: «В Грузии восстание крестьян продолжается. Германцы принимают участие в подавлении восстания русских и армянских крестьян в Белом Ключе, в 40 верстах от Тифлиса, и предлагают свои услуги для подавления восстания в Мингрелии. Под Туапсе грузинский отряд генерала Мазниева, действовавший вместе с алексеевцами, разбит наголову. Отряд отступил в Сочи, оставив у нас артиллерию»³⁶⁸.

Последующие события также были весьма неблагоприятны для меньшевистского правительства. После ухода таманцев из Туапсе меньшевики пытались вновь собрать свои силы для борьбы с большевиками. Для этой цели они, как подчеркивал Г. К. Орджоникидзе в цитированной телеграмме, шли и на сотрудничество с русскими белогвардейцами.

Меньшевистское правительство вело дружественные переговоры с контрреволюционной Кубанской радой, посылало оружие и боевые припасы доисскому белогвардейскому правительству. Генерал Гейман, наступавший на красные части со стороны станицы Дагестанской, получил от генерала Мазниева 600 ружей, 2 пулемета и патроны, а генералу Масловскому был передан бронепоезд в Туапсе³⁶⁹. Меньшевики снабжали «Добровольческую» армию нефтью. Так, генерал Мазниев прислал Н. Жордания принять уполномоченного генерала А. Шатилова, и далее сообщалось, что им направлено в Туапсе белому командованию 40 тыс. пудов нефти³⁷⁰.

Меньшевистское правительство систематически вооружало отдельные группы кубанских белоказаков в Абхазии.

Г. К. Орджоникидзе в одном из своих писем того периода указывал: «На Кубани дела значительно поправились. Алексеевские банды разбиты (к позору грузинского правительства, они нашли приют у них в Сухуме)»³⁷¹.

Когда отряд белоказаков в июле 1918 года появился на территории Абхазии, то генерал Мазниев организовал его в сотню и расположил в м. Очемчиры при 2 Черноморском по-

³⁶⁸ «Труды» Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК ВКП(б). XII. Баку, 1948, стр. 231.

³⁶⁹ «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», 397—398.

³⁷⁰ ЦГАОРГ, ф. 48 с, оп. 2, д. 28, л. 33.

³⁷¹ Цит. по книге З. Орджоникидзе. Путь большевика. М., 1956, стр. 220.

ва» Быча, с одной стороны, и, с другой,—представителя меньшевистского правительства Грузии Е. Гегечкори, состоявшееся в Екатеринодаре 25—26 сентября 1918 года. На этом совещании меньшевистский министр Гегечкори прямо заявил: «Наша задача на Черноморском побережье—это борьба с большевизмом»³⁷⁷. На просьбу Деникина сделать относительно большевиков твердое заявление, Гегечкори еще откровеннее сказал: «Борьба с большевизмом в наших пределах беспощадна. Мы всеми имеющимися у нас средствами подавляем большевизм... и я думаю, что в этом отношении мы дали уже ряд доказательств, которые говорят сами за себя»³⁷⁸. Весьма характерно и то, что впоследствии, в мае 1919 года, Гегечкори, возражая английскому генералу Бриггсу, заявил: «...Мы продвигались с ведома английского командования, которому было известно о причинах нашего продвижения...»³⁷⁹.

Но если в борьбе с Советской властью на Черноморье между меньшевиками и деникинцами было полное согласие, то теперь, когда красные войска были оттеснены, между ними возникли трения из-за территории, сперва по поводу Сочинского округа, а затем и Абхазии, на которую начали претендовать деникинцы, предлагая меньшевистскому правительству потесниться «вплоть до Абхазии»³⁸⁰.

Г. К. Орджоникидзе в телеграмме В. И. Ленину от 12 октября 1918 года сообщал: «Алексеев продвигается по Черноморскому побережью и, заняв города Туапсе и Сочи, предъявил требование грузинскому правительству очистить Сухумский округ»³⁸¹.

Белые стремились к оккупации Абхазии, чтобы использовать ее как плацдарм для дальнейшего продвижения в Закавказье. «Я не брался защищать Абхазию, — заявил представитель кубанского «правительства» Воробьев на екатеринодарском совещании, — но полагаю, что во всех отношениях нам границы Абхазии удобнее всего»³⁸².

Однако пока в Грузии стояли германские оккупационные войска, «Добровольческая» армия, опасаясь столкновения с Германией, не решалась начать наступление. Это хорошо учитывало меньшевистское правительство. Гизо Анджапаридзе в телеграмме на имя военного министра Грузии из Сочи 3 сентября 1918 года спрашивал: «Думаем ли мы во что бы то ни

³⁷⁷ «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», стр. 400.

³⁷⁸ Там же, стр. 405.

³⁷⁹ ЦГАОРГ, ф. 51 с. оп. 1, д. 41, лл. 37—50.

³⁸⁰ «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», стр. 406.

³⁸¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, ч. 1, стр. 44.

³⁸² «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», стр. 412 — 413.

стало оставить за собой Сочинский округ? Вы понимаете, что речь идет, конечно, не о большевиках, а о генерале Алексееве, ориентация которого враждебна Германии»³⁸³. Большевики сосредоточили на Черноморье значительные силы. А Абхазский народный совет 25 августа вынес постановление о введении обязательной воинской повинности на территории Абхазии³⁸⁴. «Приморским фронтом» командовал генерал Мазниев, одновременно являясь генерал-губернатором Абхазии.

* * *

Перед генералом Мазниевым меньшевистское правительство, как мы уже видели, поставило задачу — вести беспощадную борьбу против революционного движения рабочих и крестьян, против большевизма в Абхазии и на всем Черноморье. Об этом Мазниев официально заявил в приказе от 28 июня и на заседании Абхазского народного совета³⁸⁵. И нужно сказать, что, говоря словами Клары Цеткин, «ни один из царских генералов не свирепствовал столь беспощадным образом во время покорения кавказских народов, сколько Мазниев в Абхазии»³⁸⁶.

В Абхазии, как и во всей Грузии, свирепствовал жесточайший белый террор и грабеж. Не приходится говорить о том, что во время боевых действий меньшевистские военные власти, не имевшие почти никаких запасов провианта, интенданства и походных кухонь, обирали население. Мародерство доходило до высшей степени. Пьянство и бесчинства были обычным явлением.

Были начаты гонения прежде всего против большевиков и активных участников революционной борьбы. Очевидица В. И. Чайка передает такую картину зверств над сухумскими большевиками: «Исполняя какие-то задания, выехала я из Синопа как раз в тот момент, когда подходили первые отряды меньшевистской гвардии, конвоировавшие военные трофеи — «пленных большевиков». Их было человек 40—50, большинство молодежь. Тут же образовалась толпа зрителей, так как в город никого не пропускали — дорога предназначалась только для победителей. И когда проходили пленные, то какой-то меньшевистский прихвостень закричал: «...Наконец-то до вас добрались...» Один из пленных, молодой парень в студенческой фуражке, обернулся и хотел что-то сказать или даже сказал..., как к нему подскочил близстоящий гвардеец, выхватил наган и выстрелил, ранив его в руку. Вторым выстрелом в сердце студент был убит наповал. Все это произошло молниеносно.

³⁸³ ЦГАОРГ, ф. 48 с, оп. 2, д. 28, лл. 28—30.

³⁸⁴ ЦГАА, ф. 339, д. 10, л. 2.

³⁸⁵ Там же, д. 6, лл. 42—43.

³⁸⁶ Клара Цеткин. На освобожденном Кавказе. М., 1935, стр. 170.

Мои нервы не выдержали, я схватила солдата за руку и закричала: «Негодяй, как смеешь стрелять в безоружного, где ваши законы?» Солдат толкнул меня и со злобой крикнул: «...И ты, наверно, большевичка?» — и прицелился. Второй гвардеец его одернул и сказал: «Не видишь, женщина?». Гвардеец толкнул свою жертву ногой в канаву»³⁸⁷.

Много большевиков было так убито, немало погибло в неравной схватке с меньшевистскими палачами. Пал смертью храбрых и Павел Дзигуа—вдохновитель борьбы за власть Советов в Самурзакинском участке в 1918 году. Дзигуа, готовясь к бегству в Советскую Россию, в октябре 1918 года тайно пробрался в с. Репо-Шешелети. Но здесь, вследствие предательства, был окружен меньшевистским отрядом. Дзигуа оказал сопротивление и геройски погиб в неравной схватке.

Для расследования большевистского выступления в Абхазии меньшевистским правительством была образована специальная следственная комиссия.

По сухумскому, гудаутскому и гагринскому «выступлению большевиков» привлекалось к суду 109 человек³⁸⁸. Были арестованы и другие участники революционной борьбы. Так, работники связи Сухума В. Иванов, М. Кухалейшвили и А. Ломая были арестованы, а некоторые сняты с работы или переведены в другие города, как гласит шифровка коменданта г. Сухума Л. Тумаркина, «ввиду принятия ими активного участия [в] повстанческом движении [и] продолжения ими своей вредной деятельности»³⁸⁹. Гагринского коммуниста К. Семерджиева военно-полевой суд для устрашения населения приговорил к расстрелу, замененному затем тюремным заключением³⁹⁰. Большие аресты коммунистов произошли также в Самурзакинском участке, откуда многие арестованные (Ф. и Д. Тория, Я. Хабурзания и др.) были отправлены в сухумскую тюрьму³⁹¹.

Арестованные коммунисты вели себя мужественно. Так, П. Агииашвили (Агниев), который после прорыва Кодорского фронта противником «был окружен со всех сторон «Особым отрядом», захвачен, обезоружен и арестован», на допросе членом чрезвычайной следственной комиссии в Тифлисе 11 июня 1918 года заявил: «На Кодорский фронт я пошел вполне сознательно, потому что я считал обязанностью гражданина Российской Советской Республики защиту завоевания Ок-

³⁸⁷ «Красногвардеец—партизан Абхазии», 4 марта 1933 г.

³⁸⁸ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, лл. 29—39.

³⁸⁹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 185, лл. 104, 106; д. 186, л. 388.

³⁹⁰ М. М и к а н б а. Указ, соч., стр. 26.

³⁹¹ ПА Грузфильвала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 909, л. 16.

тябрьской революции от нападающего Закавказского сейма»³⁹².

Меньшевистские воинские части и сопровождавшие их конные ополчения абхазских князей и дворян рыскали по селам Абхазии со списками намеченных к уничтожению жилищ и поджигали их. Так, в с. Лыхны были сожжены дома Дмитрия Лакоба и Ермолая Качарава, а на дом Алексея Дзария (Дзидзария) были брошены пушечные снаряды и разграблено имущество; в с. Калдахвара был сожжен дом другого активного партизана — Бедрака Хагуш. Каратели проводили массовые экзекуции; врвались в дома крестьян, забирали даже постельные принадлежности и другие домашние вещи. Они ловили гусей, индюков и кур, которыми набивали хурджины, и увозили с собой. От жары и жажды гуси и индюки в дороге кричали, отчего калдахварцы назвали карательный отряд «гусиной сотней»³⁹³. Сохранились ведомости об убытках мирного населения Гудаутского участка, составленные специальной комиссией под председательством народного учителя К. Ф. Дзидзария и представленные Абхазскому народному совету 17 августа 1918 года. Причем в особую ведомость были внесены потери непосредственных участников революционного движения — Д. Вардан (Вардания), Д. Лакоба, А. Дзария (Дзидзария) и других. Эти убытки в целом были оценены в 147 339 рублей³⁹⁴.

Во время ночных налетов хватали «опасных» людей. Повсюду проводилась конфискация оружия. В с. Аацы Гудаутского участка был созван сход для получения от него гарантий в выдаче скрывавшихся лиц. Начальник меньшевистского отряда, бывший полицейский пристав в г. Поты поручик Купуння, избил участников схода. Он заставил крестьян, согнанных на сельской площади и обнаженных до пояса, лечь на землю. Поверх их голов был пущен пулеметный огонь. Купуння шагал по телам, нанося удары шашкой плашмя. Затем все должны были встать сплошной толпой, и озверелый Купуння проскакал сквозь толпу верхом на лошади, нанося побой нагайкой. Здесь же был арестован народный учитель Д. Дзкуя, выступивший с протестом против бесчинств начальника меньшевистского отряда³⁹⁵.

Г. Д. Туманов на заседании Абхазского народного совета 17 июля 1918 года говорил о «стесненном положении населения и хозяйничаньи солдат» в Гудаутском участке. Он приводил такие конкретные факты: помощник коменданта Гуда-

³⁹² ЦГАОРГ, ф. 40, оп. 1, д. 720, лл. 34—35.

³⁹³ М. Х. Миканба. Указ. соч., стр. 24—25.

³⁹⁴ ЦГАА, ф. 339, д. 9, лл. 4—16.

³⁹⁵ Там же, д. 16, лл. 2—4; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 12, лл. 99—100; «Социал-Демократ», 6 октября 1919 года, № 85; Клара Цеткин. Указ. соч., стр. 171.

уты «со всеми очень суров», «поголовно все население» требует отстранения Л. Картозия от должности участкового комиссара. Совет постановил: «Заслушав доклад члена совета Туманова о бесчинствах войсковых частей в Гудаутах», довести до сведения генерала Мазниѳева об этом для принятия мер. Но уже на этом заседании «выяснилось» о «желании» генерала «оставить Картозия комиссаром», и он, разумеется, остался. Как свидетельствовал тот же Туманов, даже помощник коменданта Гудауты не считался с народным советом, а некоторые работники почтово-телеграфной конторы и вовсе не признавали его³⁹⁶.

Аналогичные насилия производились в Цебельде и в Самурзаканском участке. Когда меньшевистским властям не удалось захватить руководителя Цебельдинского партизанского отряда Х. Керселяна, они расстреляли его жену.

К услугам меньшевиков были германские оккупационные войска, которые, как известно, в 1918 году в Грузии сыграли роль жестоких палачей трудящихся. Большевики Абхазии еще 15 июня 1918 года из Гагр сообщали в Совнарком РСФСР о том, что меньшевики вооружают «пленных германцев, части которых высажены в Сухуме вместе с отрядами грузинского правительства...»³⁹⁷ Германская оккупационная часть непосредственно обосновалась в Очемчирах³⁹⁸. Немецкие пикеты стояли и в других местах Абхазии. В газете «Возрождение» сообщалось, что командир немецкого пикета, стоявшего в Сухуме, заявил официальный протест в связи с исполнением здесь «Марсельезы»³⁹⁹. По случаю массовых выступлений крестьян в Западной Грузии фон Кресс 29 августа 1918 года вновь заверил меньшевистское правительство в своей готовности послать в Поти, Ахал-Сенаки и Очемчиры немецкие войска для обыска населения этого района⁴⁰⁰.

В юте Правительства Советской России от 1 июня 1920 года министру иностранных дел меньшевистской Грузии Е. Гегечкори констатировалось: «Опираясь на германские штыки, правительство Жордания посылало карательные отряды против сухумских рабочих и крестьян, против Абхазии, топило в крови народное движение в Грузии... Вело повсюду жестокую истребительную войну против борцов за освобождение трудящихся масс, огнем и мечом тушило разгоравшийся пожар... Времена алихановых и крыловых бледнеют перед действиями Джугелц, Джибладзе и Кониева»⁴⁰¹.

³⁹⁶ ЦГАА, ф. 339, д. 3, лл. 2—6.

³⁹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 744, л. 10.

³⁹⁸ «Германские оккупанты в Грузии в 1918 году», стр. 16, 98.

³⁹⁹ «Возрождение», 7 июля 1918 г., Тифлис.

⁴⁰⁰ «Германские оккупанты в Грузии в 1918 году», стр. 98.

⁴⁰¹ Там же, стр. 157.

В этот период в Абхазии произошли события, которые еще больше осложнили обстановку. Они были связаны с активизацией различных групп в Абхазском народном совете и дальнейшим усилением антинародной деятельности меньшевиков в крае. Меньшевики не раз добивались изменения в составе народного совета, но тем не менее не смогли сколотить абсолютно лояльного к ним органа, хотя в последнем своем составе он являлся более антисоветским и меньшевики в нем занимали господствующее положение.

Некоторые «депутаты» из абхазских князей и дворян ориентировались на русскую контрреволюцию, хотя они вместе с другими антинародными группировками совета официально и объединялись в одной ориентации — на меньшевистское правительствo. Во всяком случае, есть указание, что они были связаны с генералом Алексеевым. Е. Гегечкори 15 сентября 1918 года сообщал из Сочи в Тифлис, что «абхазская делегация» прибыла к Алексееву с просьбой освободить край от меньшевиков⁴⁰². Сохранились сообщения, позволяющие также говорить об их связях с генералом Деникиным⁴⁰³. В конце 1918 года некоторые члены народного совета обратились к главному представителю «Добровольческой» армии в Закавказье со специальным письмом, в котором просили о помощи и ставили вопрос о присоединении Абхазии к территории, занятой деникинцами⁴⁰⁴. Впоследствии Деникин, готовясь к походу на Закавказье, пытался сплотить эти элементы, которые в свою очередь обещали ему «оказать посильную помощь»⁴⁰⁵.

С другой стороны, вокруг князей Александра Шервашидзе и Таташа Маршания группировались лица турецкой ориентации, которые в свое время активно стремились опираться на Союз горцев Северного Кавказа. К этой группе примкнули и некоторые представители абхазской буржуазно-националистической интеллигенции. В целом же все они мечтали о таком политическом устройстве в Абхазии, при котором играли бы руководящую роль.

Правда, в народном совете были и такие лица, пришедшие сюда по «крестьянскому списку», которые затем оформились в группу «независимых социалистов» и близко примыкали к большевикам, а еще позднее вступили в Коммунистическую партию.

Во время мирной конференции в Батуме в мае 1918 года

⁴⁰² ЦГАОР СССР, ф. 130, д. 433, л. 12.

⁴⁰³ См. «Наше слово», 16 января 1919 г., № 10.

⁴⁰⁴ ПА Грузфильнала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 274, лл. 3—6.

⁴⁰⁵ Газ. «Апсны», 15 июля 1919 г., № 15, Сухум.

Абхазский народный совет послал туда делегацию, которая должна была заявить о том, что «Абхазия входит в общую семью народов в качестве ее равноправного члена»⁴⁰⁶, но одновременно выразить протест против вступления турецких войск на территорию Грузии⁴⁰⁷. Однако в этот момент А. Шервашидзе и Т. Маршания вступили в переговоры с турецким правительством. Этому способствовали офицеры турецкой армии из бывших абхазских махаджиров-переселенцев в Турцию Джамалбек Маршания, Мехтатбен Маргания и Сулейман Бгайба. Вскоре на их сторону перешла и часть указанной делегации, заявив, что она является сторонником единения с Союзом горцев Северного Кавказа и что для «создания этого государства Турция обещала свою помощь посылкой турецких войск в Абхазию»⁴⁰⁸.

В результате действий протурецких элементов, 27 июня 1918 года, в момент, когда меньшевистские войска уже пересекали северо-западную границу Абхазии, в Кодорском участке, в имени А. Шервашидзе, в местности Цкургил, высадился турецкий десант (в значительной степени из бывших махаджиров) численностью около 1000 человек с оружием (до 3000 винтовок, 4,5 миллиона патронов) во главе с полковником Джамалбеком Маршания⁴⁰⁹. В этот же день и вторично 27 августа 1918 года командующий 3-ей турецкой армией Эсад-паша, затем назначенный главнокомандующим турецкими войсками на Восточном фронте вместо генерала Вехиб-паши, приказал занять Сухумский порт, на который «претендовали» руководители Союза горцев Северного Кавказа, «обосновывая» «необходимость» этого мероприятия «защитой» от большевизма⁴¹⁰.

На место высадки десанта 28 июня прибыли представитель меньшевистского правительства И. Рамишвили, два члена Абхазского народного совета и уполномоченный командующего войсками «Приморского фронта». Предводитель десантного отряда объявил, что они прибыли, чтобы «избавить» абхазский народ от «постороннего угнетения» и «анархии». Рамишвили, заявив о недопустимости десанта без ведома правительства, предложил разоружиться в течение 24 часов⁴¹¹.

Одновременно против турецкого десанта были двинуты регулярные меньшевистские войска под общим командованием генерала Мазниева. Последний отправился на место вы-

⁴⁰⁶ «Борьба», 22 мая 1918 г., № 73.

⁴⁰⁷ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 12, л. 60.

⁴⁰⁸ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, л. 1.

⁴⁰⁹ Там же, лл. 1, 42—44; ЦГАА, ф. 339, д. 6, л. 77; «Кавказское слово», 5 октября 1918 г., № 188.

⁴¹⁰ Gotthard Jäschke. Der Turannismus der Jungtürken. Zur osmanischen Aussenpolitik im Weltkriege. „Die Welt des Islams“, т. 23. Берлин, 1941, стр. 38.

⁴¹¹ «Борьба», 9 июля 1918 г., № 112.

садки десанта на пароходе «Михаил» в сопровождении двух истребителей. В имени А. Шервашидзе он встретился с турецким офицером, который заявил, что его обманули: уверение, что «абхазы турок встретят с большим почетом, оказалось ложным, и к тому же они очутились в окружении грузинских войск. Во избежание политических осложнений с Турцией было приказано аскеров отправить на баржах в Потю и сдать их начальнику гарнизона⁴¹².

Окончательная же ликвидация турецкого десанта в Кодорском участке была поручена полковнику Тухарели. Дело в том, что часть десанта направилась в с. Джгерда, в имение Т. Маршания. Но в районе Моквинского монастыря и на высоте Ачмиадзмах она была разбита отрядами Л. Тумаркина и С. Глonti⁴¹³. Турецким аскерам отрезали путь и в Карачай: были заняты переправы через р. Кодор у Багдадского моста⁴¹⁴.

Трудовое крестьянство отнеслось к этой аванюре отрицательно. В с. Моква под председательством участкового комиссара А. Логуа состоялся сход. Несмотря на нажим со стороны князей и дворян, крестьяне потребовали немедленного расследования дела и привлечения к строгой ответственности виновников десанта, а также передачи помещичьих земель трудовому народу⁴¹⁵. Когда же часть десанта по уговору князя Омара Эмухвари двинулась в Самурзаканский участок, то крестьяне задержали ее в с. Бедна, и она была обезоружена отрядом Зосима Лабахуа. Здесь в плен попало более 120 рядовых и несколько офицеров, было захвачено почти столько же винтовок, 7 тысяч патронов и 70 ручных гранат⁴¹⁶. «Бедийцы победили вооруженных турок и взяли их в плен», — писала газета «Борьба» 19 октября 1918 года. В заявлении группы 14 депутатов Народного Совета Абхазии меньшевистскому правительству от 29 сентября 1919 года сообщалось, что все кодорское крестьянское население «отнеслось явно отрицательно к аванюре этого десанта»⁴¹⁷.

Это и понятно, ибо, по заявлению самого А. Шервашидзе, десантные войска были приглашены, главным образом, для «защиты» Абхазии «от большевиков»⁴¹⁸. В. Эмухвари на засе-

⁴¹² ვ. შერვაშიძის დღიური, გვ. 71.

⁴¹³ ЦГАА, ф. 339, д. 6, л. 80; ЦГАОРГ, оп. 1, д. 189, лл. 42—44; «Кавказское слово», 5 октября 1918 г., № 188.

⁴¹⁴ ЦГАОРГ, ф. 48 с, оп. 2, д. 37, л. 21.

⁴¹⁵ Там же, ф. 7 с, оп. 1, д. 13, л. 28; ЦГАА, ф. 65, д. 260, л. 41 об.

⁴¹⁶ Арх. Абахзского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 11, папка № 2; ф. 1, д. 186/114, л. 7; «Красногвардеец—красный партизан Абхазии», 7 ноября 1932 г. и 4 марта 1933 г.

⁴¹⁷ ЦГАА, ф. 339, д. 16, лл. 1—2.

⁴¹⁸ «Грузия», 7 сентября 1918 г.

дании Абхазского народного совета 30 июля 1918 года также заявил: «Я верю, что они приехали сюда помочь, так как на искоренение большевизма поздно обратили наше внимание»⁴¹⁹. Кроме того, абхазские крестьяне никогда не могли мириться с попытками установления владычества турецкого султана над родиной, от чего она была избавлена 100 с лишним лет тому назад. В отрицательном отношении крестьян к десанту немаловажную роль сыграло и поведение султанских аскеров, которые в сопровождении местных помещиков приходили в села и отнимали скот, кукурузу и т. д.⁴²⁰

Надо сказать, что не все высадившиеся вели себя так и преследовали указанную цель. Напротив, часть махаджиров-абхазов, видимо, спровоцированная и введенная в заблуждение, поняв свою неблагоприятную роль, настроилась против коварных замыслов турецких правителей и некоторых давно обанкротившихся абхазских помещиков. Крестьянин Киуга Киут на заседании Абхазского народного совета 30 августа 1918 года приводил следующие слова одного рядового махаджира, сказанные им на сходе в с. Джгерда: «Мы никогда не допустим того, чтобы мы, махаджиры, могли повредить своей [абхазской] нации, своему народу; в случае же, если наш народ нас не примет, то мы имеем право надеяться, что нас отправят обратно в деспотическую страну — Турцию»⁴²¹.

Меньшевники прекрасно понимали причины отрицательного отношения свободолюбивого абхазского крестьянства к турецкой аванюре и перелома в настроении части махаджиров-абхазов. Поэтому они со всей силой обрушились против тех и других. Рассматривая данный случай как удобный повод, войска генерала Мазниева развернули настоящую войну в селах Кодорского участка. Они организовали «массовые поджоги домов» крестьян «в тылу, и в ближайшем, и глубоком». Отряд под наблюдением Тухарели был занят разрушением бомбами домов тех, на которых кто-либо доносил об их «неблагонадежности». 31 августа 1918 года в с. Джгерда «вновь были сожжены 7 домов»⁴²². В связи с этим председатель Абхазского народного совета В. А. Шервашидзе вынужден был писать министру по делам Абхазии 2 сентября 1918 года: «Поджоги домов со стороны правительственных войск, которые шли параллельно с военными действиями против турок, никоим образом оправданы ни в глазах населения, ни с точки зрения государственной быть не могут. Тем более, когда поджигаются дома и уничтожается имущество лиц, совершенно не

⁴¹⁹ ЦГАА, ф. 339, д. 3, л. 24 об.

⁴²⁰ ЦГАОРГ, ф. 7 с, оп. 1, д. 13, л. 28.

⁴²¹ ЦГАА, ф. 339, д. 3, л. 24 об.

⁴²² Там же, д. 6, л. 80; «Кавказское слово», 5 сентября 1918 г. № 188.

причастных к турецкой авантюре»⁴²³. Другой отряд, состоявший из белоказаков, также врвался в мирные села, забирая все мало-мальски ценное, совершая насилия над женщинами⁴²⁴. Очемчирские меньшевики в своем заявлении в Закавказский областной комитет меньшевистской партии писали о коддорских князьях и дворянах: «Повели казаков грабить и насиловать женщин... Эти лица сами указывали дома и лица пьяным казакам для гнусной работы. Об этом мы указывали начальнику штаба полковнику Тухарели; мы заранее уверены, что этим лицам ничего не будет. Население в недоумении... Пришли правительственные войска и казаки, чтобы избавить его от турецких аскеров, и тут опять его грабят в сопровождении тех же лиц»⁴²⁵.

Клара Цеткин писала впоследствии: «Кровь стынет в жилах, кулаки сжимаются, когда читаешь и слышишь о том, как «демократия» огненными буквами запечатлевала в памяти крестьян воспоминания о ее нежных попечениях». «Горе той абхазской деревне, которая подвергалась «законной» каре со стороны Мазниева. Крестьяне становились после этого беднее и приниженной самого Иова»⁴²⁶.

Деятельность меньшевистских войск была настолько разнуданна, генерал Мазниев настолько бесцеремонно попирали мнимые «автономные права» Абхазии, вытекавшие из «договора» от 11 июня 1918 года, что председатель народного совета уже 4 июля 1918 года вынужден был «напомнить» меньшевистскому правительству, что генералу Мазниеву советом были даны «широкие полномочия вплоть до права объявления введения осадного положения, но исключительно при ведении военных операций». Он просил об отмене приказа военного министра, в силу которого Мазниев «без ведома и согласия народного совета» был назначен генерал-губернатором Абхазии. Председатель совета также просил правительство дать всем своим представителям в Абхазии точные и определенные инструкции, чтобы они действовали лишь по указаниям правительства и Абхазского народного совета⁴²⁷.

Но генерал Мазниев, как и руководитель меньшевистской гвардии В. Джугели, лишь рьяно выполнял указания своего правительства. Об этом достаточно откровенно говорили сами меньшевики из того же Абхазского народного совета. Довольно видный в меньшевистской среде абхазский князь В. Эмухвари, раздраженный поведением председателя народного совета В. А. Шервашидзе, 12 июля 1918 года из Зугдиди телегра-

⁴²³ ЦГАА, ф. 339, д. 6, л. 70.

⁴²⁴ Там же, д. 16, лл. 2—4.

⁴²⁵ ЦГАОРГ, ф. 7 с, оп. 1, д. 13, л. 28.

⁴²⁶ Клара Цеткин. Указ. соч., стр. 170.

⁴²⁷ ЦГАА, ф. 339, д. 1, лл. 49—50.

фирова! последнему: «Вашим вмешательством вы помешали правительству Грузинской республики подавить мятеж, ибо вы считаете действия отряда (Мазниева. — Г. Д.) вражескими... Этим вы помешали появлению войска республики, без которого подавить анархию невозможно. Примите меры или собственными силами, которых у вас нет, или обращением к пр-ству Грузинской республики»⁴²⁸.

Но меньшевики отнюдь не были склонны к изменению своей политики. Абхазский народный совет не только не добился «унытия» до крайности распоясавшегося генерала Мазниева, но вскоре, как увидим ниже, сам был разогнан вооруженной силой, чтобы сделать его новый состав более «приемлемым».

Пошли новые массовые аресты мирного населения Абхазии. Как сообщал председатель Абхазского народного совета, Сухумская тюрьма была переполнена «ни в чем не повинными» крестьянами, которые значились в списках штаба «военнопленными». Они содержались «в невозможных условиях»; в тюрьме находилось «втрое больше лиц, чем то количество, которое она может вместить и на которое рассчитана»⁴²⁹.

Еще 26 июля 1918 года в Сухуме была получена телеграмма от директора канцелярии меньшевистского правительства, в которой сообщался окружному комиссару «для сведения и руководства» закон о восстановлении смертной казни через расстрел, как высшей меры наказания в отношении тех лиц, которые совершали «государственную измену» против меньшевистской «республики», стремились «при помощи вооруженной силы изменить государственный строй» этой «республики», принимали участие в восстании против меньшевистских властей, уничтожали военные материалы и т. д.⁴³⁰.

Теперь все чаще и чаще начали появляться приказы подобно следующему приказу меньшевистского комиссара Гумистинского участка комиссару с. Владимировского от 14 августа 1918 года: «Объявите всем... вверенного вам района сельчанам, что переход вброд через реку Кодор после захода солнца безусловно воспрещен, виновные в нарушении сего постановления будут без суда расстреливаться на месте»⁴³¹.

Не лучше вели себя меньшевистские войска на территории Сочинского и Туапсинского округов, особенно в армянских селах, где они также насильовали девушек, убивали и грабили население. Даже особоуполномоченный правительства меньшевистской Грузии по Черноморью М. Хочолава в телеграмме из Сочи лично секретарю председателя правительства сообщал, что ему «самому пришлось лично видеть

⁴²⁸ ЦГАА, ф. 339, д. 7, л. 1.

⁴²⁹ Там же, д. 6, л. 80; «Кавказское слово», 5 сентября 1918 г. № 188.

⁴³⁰ ЦГАА, ф. 339, д. 2, л. 46 об.

⁴³¹ Там же, ф. 22, д. 45, л. 54.

ряд недопустимых деяний, хищений и грубого отношения к населению со стороны солдат»⁴³². О грабежах и возмутительных насилиях, чинимых солдатами войск генерала Мазниева среди армянского крестьянского населения, писал и Армянский национальный совет Сочинского округа председателю правительства меньшевистской Грузии⁴³³. В результате этого здесь, особенно в Адлерском районе, в январе 1919 года имело место вооруженное выступление крестьян, которое было жестоко подавлено меньшевиками⁴³⁴. В. Джугели в своем дневнике цинично писал 3 мая 1919 года: «В час дня наша колония выступила из Гагр для обезоружения армянских горных поселков. Не хотелось ивовых насилий и новой борьбы, но все средства иссякли и терпение истощилось...»⁴³⁵

В сентябре 1918 года член Грузинского национального совета И. Рамишвили был направлен в Абхазию правительством в качестве его «политического представителя», которому все власти были «обязаны оказывать... всякую поддержку и исполнять его указания»⁴³⁶. В начале октября чрезвычайным комиссаром Абхазии был назначен В. Чхиквишвили, этот, по характеристике Ф. Махарадзе, «самодур, брехун и поклонник кнута». Он должен был представлять «твердую власть» для жестокой борьбы против революционного движения в крае⁴³⁷. До прибытия Чхиквишвили в Сухум эту власть осуществлял полковник Тухарели. Совершенно правильно понимая свою задачу, Тухарели сообщал меньшевистскому правительству о том, что им уже произведены большие аресты и вообще «приняты все меры... в целях скорейшего водворения порядка (контрреволюционного, — Г. Д.) в крае»⁴³⁸.

Через некоторое время приехал «сам» Чхиквишвили, возглавивший здесь все бесчинства меньшевиков. Он организовал карательный отряд, который в с. Джгерда ограбил буквально все мирное население и на обратном пути разорил еще одно село⁴³⁹. Правительство обещало ему 200 тысяч рублей на дело «искоренения» революционного движения в Абхазии. Расходы, произведенные в счет этого «чрезвычайного кредита» по прямому назначению, уже к 1 марта 1919 года составляли 38 тысяч рублей⁴⁴⁰.

По сообщению председателя Абхазского народного сове-

⁴³² ЦГАОРГ, ф. 48 с, оп. 2, д. 116, лл. 22—27.

⁴³³ Там же.

⁴³⁴ Там же.

⁴³⁵ В. Джугели. Тяжелый крест, стр. 146.

⁴³⁶ ЦГАОРГ, ф. 48 с, оп. 2, д. 116, л. 37.

⁴³⁷ Там же, д. 37, л. 71.

⁴³⁸ Там же, л. 70.

⁴³⁹ ЦГАА, ф. 339, д. 16, лл. 2—4.

⁴⁴⁰ ЦГАОРГ, ф. 50 с, оп. 1, д. 1298, л. 10.

та Эмухвари от 3 апреля 1919 года, всего «в большевистском движении» обвинялось 498 человек, коммунистов — 83⁴⁴¹. Среди арестованных революционеров в конце 1918 года находился и Н. Лакоба. В начале 1919 года Сухумскую тюрьму посетил палач В. Джугели. Обращаясь к Н. Лакоба, он спросил: «А как вы поступили бы, если я попал бы к Вам в плен?» Лакоба спокойно ответил: «Мы бы вас, безусловно, расстреляли»⁴⁴². Под давлением трудящихся и учитывая популярность Н. Лакоба в народе, меньшевистское правительство вынуждено было освободить его из тюрьмы⁴⁴³. Оно было вынуждено в апреле 1919 года освободить и всех других, состоящих под судом и следствием лиц, привлеченных «по обвинению в участии в пределах Абхазии в большевистском движении»⁴⁴⁴.

Но меньшевики сами сознавали и не могли скрыть, что временные их «успехи» в борьбе с рабочими и крестьянами «в конце концов основывались на техническом превосходстве, а плохо положение... власти, опирающейся лишь на военную силу»⁴⁴⁵. В статье «Уроки сухумских событий» газета «Борьба» 10 июня 1918 года указывала, что к меньшевистской власти население относится крайне враждебно. И этому, говорилось далее, несколько не противоречат «лояльные» резолюции и телеграммы, «ибо резолюции и телеграммы появлялись после прибытия наших пушек».

Вот что стояло за одним из таких «лояльных» постановлений. Речь идет о выборах комиссара в с. Лыхны, сообщение о которых было опубликовано в газете «Наше слово» от 26 — 28 ноября 1918 года. Созывая сход за сходом и присылая каждый раз вооруженный отряд во главе с начальником участковой милиции В. Гумба, помощник комиссара Гудаутского участка Григориани добивался «признания» комиссаром села своего кандидата, 12 лет служившего при царизме в качестве старшины, и вынесения соответствующего «общественного приговора», отстранив при этом «всеми уважаемого» человека, выборного комиссара Муса Лакоба. Но ему это долго не удавалось, и только 5 ноября была «достигнута» цель при следующих обстоятельствах: во-первых, из 500 человек взрослого населения на собрании присутствовало всего лишь 60—70, специально подобранных, главным образом, из родственников «избираемого» и его друзей; во-вторых, на собрании присутствовал начальник участковой милиции с отрядом.

⁴⁴¹ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, л. 5.

⁴⁴² П. Гегелия. Воспоминания из истории революционного движения в Абхазии (1919 год). «Трудовая Абхазия», 7 ноября 1924 г., № 251.

⁴⁴³ Г. Дзидзария. Нестор Лакоба. «Советская Абхазия», 19 июля 1957 г.

⁴⁴⁴ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, л. 26; д. 421, л. 9.

⁴⁴⁵ «Борьба», 10 июля 1918 г., № 113.

В ответ на антидемократические действия властей с мест раздавались голоса: «Если таковы законы власти... для чего же тут требуют от нас приговора, когда сами назначили комиссара... мы тут лишние». Начальник милиции кричал на крестьян: «Сейчас же составьте приговор! Ну, кто желает, кто не желает... Ну, скорее, смотрите, с противниками я строго разделаюсь!» Сам «избираемый» цинично заявил: «Прошу вас отклонить мое назначение, если это в ваших силах, а то, если я войду в должность комиссара, то вам худо будет, потому что за вами много грешков». Затем был составлен «приговор» от имени всех жителей села. Два дня разносили его и собирали подписи⁴⁴⁶.

Здесь следует также сказать о попытках меньшевиков и Абхазского народного совета привлечь на свою сторону оставшуюся в Абхазии часть «Киараза», которая в это время, как и все революционные силы края, находилась в подполье. С этой целью народный совет еще в феврале 1918 года послал в Гудауту «делегацию». Характерно, что в удостоверении, выданном «делегатам», подлаживаясь под действительную цель «Киараза», ибо иначе можно было разоблачить себя, указывалось, что «Киараз» имеет задачей поддерживать революционный порядок, обнаруживать и искоренять действия контрреволюционеров, темные личности. При этом и сама организация именовалась не просто «Киараз», а «Аихаю Киараз»⁴⁴⁷, т. е. «Крестьянский Киараз». Уже говорилось о том, как меньшевистские власти в начале июня 1918 года также безуспешно пытались отозвать отряды «Киараз» с Гагринского фронта и ликвидировать их. В июле месяце и Абхазский народный совет пытался через своего члена Г. Д. Туманова вести переговоры с «Киаразом» на сходе, куда киаразовцы «явились в полной боевой готовности»⁴⁴⁸, но уже более откровенно, с точки зрения действительных видов на эту революционную крестьянскую организацию со стороны народного совета, который в это время носился с планом создания «Абхазской бригады».

Другой член Абхазского народного совета Муханл Тарнава был непосредственным составителем «программы» и «устава» «Киараза» под общим названием «Декларация и конституция Киараза»⁴⁴⁹. Согласно этому «документу», руководящим органом высшей власти в Абхазии «Киараз» должен был признать Абхазский народный совет, а сам «Киараз» — стать «вооруженной демократической и революционной гвардией, воплощающей классовую демократическую дружину». В народном совете «Киаразу» обещалось предоставить два

⁴⁴⁶ «Наше слово», 28 ноября 1918 г., № 150.

⁴⁴⁷ ЦГАА, ф. 12, д. 574, л. 87.

⁴⁴⁸ Там же, ф. 339, д. 3, лл. 2—6. Протокол № 53 заседания Абхазского народного совета от 17 июля 1918 г.

⁴⁴⁹ Там же, д. 2, лл. 58—60.

места. Целью же «Киараза» было — «завоевание, защита и укрепление» лживой буржуазной свободы, братства и равенства. В «Декларации» было вообще немало трескучих фраз, позаимствованных у меньшевиков и эсеров. Но зато в этой «программе» обойден даже такой острый вопрос, как земельный, если не считать предложения иметь представителя «Киараза» в участковом меньшевистском земельном комитете.

Реально существовавший «Киараз», как мы видели, с самого начала своего зарождения тянулся не к Абхазскому народному совету, не признаваемому трудящимися массами, а к большевикам, надежной вооруженной опорой которых он являлся в борьбе за Советскую власть в Абхазии, хотя в «Декларации» и говорилось, что «не являясь особой социалистической партией и не примыкая к одной исключительно социалистической партии, «Киараз» поддерживает и проводит в жизнь общие требования главных социалистических партий». «Декларация и конституция Киараза» были составлены во второй половине 1918 года — после временного поражения Советской власти в северо-западной Абхазии. Могли ли крестьяне-киаразовцы, которые так упорно защищали рабоче-крестьянскую власть в Абхазии под руководством большевиков, а многие из них в это время самоотверженно сражались на Северном Кавказе в рядах Красной Армии, поддерживать и проводить в жизнь также требования меньшевиков и эсеров? Могли ли киаразовцы утверждать, что «абхазскому народу дала... желанную свободу Февральская русская революция», а не Великая Октябрьская социалистическая революция? Нелогично, ложно было утверждение и о том, что «Киараз» — «бессловенная организация».

Тем не менее «Декларация» объективно указывала на тот несомненный факт, что «результатом классовой революционной борьбы явилась сознательная революционная дружина из передовой революционной части абхазского бзыбского крестьянства под названием «Киараз». Возникновению «Киараза» способствовал естественный ход революции и событий, направленных революционную работу в то или другое русло, но отнюдь не капризная или злая воля отдельного лица». Из «Конституции» мы также узнаем, что в тот период действия «Киараза» распространялись на Гудаутский и Гагринский участки; главный его штаб, состоявший из 7 человек, находился в с. Звандрипш. Выбор этого села был обусловлен, по-видимому, его географическим положением и рельефом и тем еще фактом, что многие жители данного села были членами «Киараза», а И. Вардания являлся одним из его организаторов и руководителей. Члены «Киараза» разделялись на отряды (по отдельным селам) с начальниками во главе.

«Декларацию и конституцию Киараза» предполагалось

принять на объединенном собрании киаразовцев Гудаутского и Гагрииского участков. Во всяком случае, в самом тексте после фразы: «настоящий устав принят единогласно» и т. д. — следует многоточие и в скобках — «такого то числа», что ясно указывает лишь на предположение принять его. Кроме того, Мих. Тариана впоследствии писал, что «Положение» о «Киаразе» попало в руки меньшевистской власти раньше, чем оно могло быть использовано самим «Киаразом» для своего восстановления»⁴⁵⁰.

Обращает на себя внимание и то, что в «Декларации и конституции Киараза» значатся подписи начальника штаба В. Агрба, секретаря штаба М. Гобечия и нескольких рядовых киаразовцев, а также проставлена дата 12 августа 1918 года — число отправления документа Гудаутским участковым управлением в Абхазский народный совет. Дело в том, что большевики Абхазии, ведя в этот период активную подпольную работу, решили воспользоваться легальной возможностью восстановить «Киараз», получить оружие и смягчить расправу меньшевистских властей над трудовым крестьянством. Решение об этом тактическом шаге было принято на нелегальном совещании представителей «Киараза» и сельских подпольных партийных ячеек⁴⁵¹. Причем указанное «Положение» о «Киаразе» было предварительно направлено в Сухум руководящим подпольным партийным работником через коммуниста В. С. Харазия. Но в Гудаутах последний по доносу был задержан меньшевистским комиссаром Гудаутского участка Л. Картозия и арестован, а «Положение» отобрано. Затем оно оказалось в руках особоуполномоченного Национального совета Грузии И. Рамишвили, который опубликовал его в измененном и искаженном виде, чтобы на этой основе самому вступить в переговоры с представителями «Киараза»⁴⁵².

Из хитросплетенного плана меньшевистского уполномоченного, разумеется, ничего не могло выйти. Но и большевикам не удалось осуществить свой план. Вследствие предательства власти узнали не только истинный смысл этого плана, но им стало известно и о всей подпольной работе большевистской организации данного района⁴⁵³.

Еще больше были усилены репрессивные меры против большевиков и киаразовцев. В этом направлении действовал и Абхазский народный совет. Причем совет свое слово сказал еще до этого. Условия «Киараза», выдвинутые во время переговоров с уполномоченным Абхазского народного совета Г. Д.

⁴⁵⁰ Архив Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, л. 12, л. 84.

⁴⁵¹ Архив Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9, л. 52.

⁴⁵² Архив Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 12, лл. 84—85.

⁴⁵³ Архив Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9, лл. 52—53.

Тумановым, которые, в сущности, вытекали из вышеуказанного тактического плана большевиков района, даже эти условия оказались настолько неприемлемыми, что на заседании совета 17 июня 1918 года было категорически заявлено: с требованиями «Киараза» «считаться нельзя», «можно ли говорить, что «Киараз» исправился», «во главе «Киараза» стоит... Агрба — явный большевик». Затем совет вынес постановление такого содержания: «Заслушав требования «Киараза»... Абхазский народный совет постановил их с негодованием отвергнуть»⁴⁵⁴. Это весьма показательно для характеристики и «Киараза», и Абхазского народного совета.

Впоследствии Михаил Тарнава признавал, что «Киараз» являлся боевой революционной организацией трудового крестьянства, которая под руководством большевиков участвовала «во всех боях гражданской войны в Абхазии»; Советская власть в Абхазии в 1918 году опиралась на «крестьянскую революционную дружину «Киараз»; после же ее временного поражения члены отрядов «Киараза» ушли в подполье и преследовались меньшевистской властью, а руководители были изъяты»; но «видные члены «Киараза» не складывали политического оружия и работали в подполье»; «Декларация и конституция Киараза» были рассчитаны на обман меньшевистских властей с целью восстановления «Киараза» и получения оружия»⁴⁵⁵.

Нужно также отметить, что в условиях жестокой реакции наиболее неустойчивые и случайно примкнувшие к «Киаразу» элементы постепенно отходили от него. Имела место и прямая измена со стороны этих временных попутчиков, главным образом, представителей зажиточных слоев крестьянства.

Тем временем внутри Абхазского народного совета, положение которого никогда не было устойчивым, обострилась борьба «оппозиционных» элементов, в данном случае — со стороны части абхазской буржуазно-националистической интеллигенции. Эта группа, если брать ее в целом, сталкивалась с грузинскими меньшевиками и нередко с частью абхазских княжеско-дворянских «депутатов», в сущности, в борьбе за власть над народом.

Меньшевики 15 августа 1918 года вооруженной силой разогнали народный совет. Но они не смогли полностью добиться нужного для себя состава его. Даже некоторые правые «депутаты» из абхазских меньшевиков и дворянства начали выражать недовольство в связи с тем, что грузинские меньшевистские диктаторы вели слишком жестокую политику и свои бесчинства в Абхазии прикрывали именем Абхазского народ-

⁴⁵⁴ ЦГАА, ф. 339, д. 3, лл. 2—6. Протокол № 53 заседания Абхазского народного совета от 17 июля 1918 г.

⁴⁵⁵ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гуля, ф. 1—0, д. 12, лл. 82—85.

ного совета. «Особенно ухудшается положение тем и сгущается атмосфера, — телеграфировал 29 августа 1918 года председатель народного совета в Тифлис министру по делам Абхазии, — что военные власти везде и всюду внушают населению, что все, что ими ни делается, они в этом не виноваты, так как они подчинены совету и действуют, выполняя его приказания»⁴⁵⁶.

Но существование Абхазского народного совета меньшевики мыслили только как прикрытие их реакционной политики в крае. Это и привело к новому его разгону 10 октября 1918 года и аресту многих «депутатов», чтобы подобрать еще более реакционный и более послушный состав совета. С целью «мотивировать» этот акт было выдвинуто такое обвинение: группа членов народного совета, прежде державшаяся турецкой ориентации, а теперь ориентировавшаяся на генерала Алексеева, пыталась произвести «переворот» внутри этого органа. Министр по делам Абхазии полковник Р. Чхотуа и окружной комиссар И. Маргания мобилизовали весь резерв милиции для поддержки народного совета. Но подоспели правительственные войска, которые «восстановили порядок»⁴⁵⁷.

Категорически отрицая все это, Чхотуа утверждал, что заседание народного совета 9 октября «закончилось совершенно мирно и закономерно»⁴⁵⁸. Однако названной группой, по-видимому, были предприняты какие-то шаги, чем и воспользовалось меньшевистское правительство. Верно и то, что и та часть абхазского дворянства, которая ориентировалась на Турцию, начала теперь искать связи с «Добровольческой» армией в связи с ее первыми успехами на Северном Кавказе и Кубани. Во всяком случае, правительственное постановление: Абхазский народный совет в нынешнем составе объявить распущенным, а полномочия министра по делам Абхазии полковника Р. Н. Чхотуа признать оконченными, — было осуществлено в спешном порядке. Чрезвычайный комиссар Абхазии В. Чхиквишили немедленно приступил к организации «выборов» нового народного совета, при этом слово «народный» звучало еще более фальшиво.

⁴⁵⁶ ЦГАА, ф. 339, д. 6, л. 80.

⁴⁵⁷ ЦГАОРГ, ф. 48 с, оп. 2, д. 37, лл. 53, 64—69.

⁴⁵⁸ Там же, л. 71.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОБСТАНОВКА В АБХАЗИИ В КОНЦЕ 1918 г. и в 1919 г.

В меньшевистской Грузии все более усиливалась экономическая разруха, происходило дальнейшее сокращение производства, увеличивалось число безработных. Страна была превращена в аграрно-сырьевой придаток империалистического Запада.

Меньшевистские правители, осуществляя национал-шовинистическую политику, не только не были заинтересованы в развитии производительных сил, в поднятии экономической и культурной жизни Абхазии, но и искусственно задерживали это развитие, уничтожая слабые ростки¹.

Приходят в упадок все хозяйственные отрасли Абхазии. Промышленность была сведена почти на нет. Никакого нового строительства не велось, прекратилось и уже начатое. Лес — «один из материальных источников, обеспечивающих экономическое могущество как Грузии, так и Абхазии... до сих пор не эксплуатируется и нет ни одного предприятия в области лесной промышленности»², — констатировала делегация Абхазского народного совета в докладной записке на имя председателя меньшевистского правительства Грузии от 15 декабря 1919 года. Строительство Черноморской железной дороги было приостановлено окончательно, а его оборудование — частично расхищено, частично продано. Пришел в полный упадок морской транспорт. На совещании по вопросу о положении Сухумского порта, состоявшемся 17 ноября 1919 года, начальник портов меньшевистского правительства Андроников говорил, что в Сухуме «набережная разрушается,

¹ См. ЦГАОРГ, ф. 48 с, оп. 2, д. 120, лл. 1—6. Докладная записка делегации Народного совета Абхазии председателю правительства Грузии от 15 декабря 1919 г.

² Там же.

пристаням грозит катастрофа, нет воды³, приличного освещения, погрузка, разгрузка, перевозка пассажиров, продажа билетов, — все находится в хаотическом состоянии»⁴. Край в целом страдал от бездорожья. Единственное благоустроенное когда-то приморское шоссе Новороссийск — Сухум пришло в плохое состояние⁵.

«Вместе со всей Грузией... Абхазия в настоящее время испытывает острый финансово-экономический кризис, достигший в настоящий момент катастрофических размеров», — писали члены делегации Народного совета Абхазии в указанной докладной записке на имя председателя грузинского меньшевистского правительства⁶.

Курс выпускаемых меньшевиками денежных знаков (бон) безудержно падал. В 1919 году рубль котировался в 2 копейки (довоенные), в начале 1920 года он уже равнялся менее $\frac{1}{3}$ копейки и предполагали, что «через некоторое время он дойдет до $\frac{1}{10}$ коп.»⁷. Государственный бюджет Грузии сводился с огромным дефицитом. В 1918 году он составлял 74 проц., а в 1919 году поднялся до 80 процентов⁸.

Массовой становилась безработица. Согласно отчету Сухумской городской биржи труда⁹, с 9 сентября 1918 года по 1 июля 1919 года в городе искали работу 650 человек, из них устроились на работу всего лишь 206 человек¹⁰. Кто имел работу, жил немногим лучше безработного.

Основной принцип рабочей программы меньшевиков, вытекавший из их лозунга: «Враги буржуазии в то же время и наши враги»¹¹ — сводился к жестокому экономическому и политическому угнетению рабочих. Декрет о 8-часовом рабочем дне, как уже отмечалось, являлся фикцией. Когда рабочие сухумского обоза потребовали ввести у них 8-часовой рабочий

³ В. М. Козлов еще 25 февраля 1917 года на совместном заседании Сухумского общества любителей природы и Сухумского медицинского общества говорил: «Каков у нас в Сухуме водопровод, все мы очень хорошо знаем. Знаем, как он мало дает воды: через день и то не всегда появляется она в кранах; знаем, что после дождей она бывает, невозможно мутна и желта» («Известия Сухумской Садовой и Сельскохозяйственной опытной станции», № 31. Сухум, 1920, стр. 1).

⁴ «Наше слово», 19 ноября 1919 г., № 253.

⁵ «Апсны», 30 марта 1919 г., № 10.

⁶ ЦГАОРГ, ф. 48, оп. 2, д. 120, лл. 1—6. Докладная записка делегации Народного совета Абхазии от 15 декабря 1919 г.

⁷ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 84, док. № 6, л. 33. Отчет № 6 заседания Народного совета Абхазии от 13 февраля 1920 г.

⁸ Г. В. Хачапуридзе. Борьба грузинского народа за установление Советской власти, стр. 149.

⁹ ЦГАА, ф. 4, д. 3024, л. 14.

¹⁰ Значение этих цифр станет яснее, если иметь ввиду, что по данным, произведенной в 1919 году Сухумской биржей труда переписи, в Сухуме было всего лишь 1 219 человек рабочих и служащих.

¹¹ «Борьба», 1 июля 1919 г., № 143.

день десятник обоза 2 марта 1921 года получил от городского головы указание: «Городская управа предлагает объявить рабочим обоза, что они должны беспрекословно подчиняться распоряжениям десятника и выходить на работу по его требованиям. Ввиду переживаемого тяжелого времени правила о восьмичасовом рабочем труде не могут точно соблюдаться»¹². Так было на протяжении всего периода господства меньшевиков в крае.

Меньшевики учредили при управах в более или менее крупных городах примирительные камеры и биржи труда. В Сухуме биржа была создана 6 августа 1918 года¹³, а Центральная примирительная камера начала свою деятельность 16 ноября 1918 года¹⁴. Задача этих учреждений заключалась фактически в борьбе с революционным движением. Меньшевистская газета «Наше слово» прямо писала: «Существующие в Сухуме предприятия не считают себя обязанными обращаться в биржу труда, считая существование последней излишним, и сплошь и рядом производят наем служащих помимо биржи труда»¹⁵.

Меньшевики вынуждены были признать резкое падение производительности труда рабочих. Та же газета сообщала: «Производительность труда рабочих (Гагры. — Г. Д.) значительно пала, что прежде всего связано с ненормальной постановкой оплаты труда» и тяжелым продовольственным положением¹⁶.

И действительно, жизненный уровень рабочих и всей городской массы резко понизился. Продовольственные затруднения приобретали катастрофический характер, что прежде всего отражалось на трудящихся. Чувствовался крайний недостаток хлеба и других продуктов, всех предметов первой необходимости, цены на которые росли изо дня в день.

Газета «Наше слово» 15 августа 1918 года в отделе хронки под рубрикой «Рубль-копейка» писала: «Даже при самом грубом сравнении цен на продукты до войны и в настоящее время с ужасом приходишь к заключению, что рубль теперь во многих случаях расценивается не выше копейки. Например, белый хлеб до войны стоил 4 к. фунт, теперь — 4 рубля; коробка спичек стоила 1 к., теперь — 1 руб.; керосин — 3 к. фунт, теперь — 3 рубля; мыло простое — 10—12 к. фунт, теперь — 10—12 рублей фунт и т. д. Спрашивается, сколько нужно получать рабочему, чтобы он мог свести концы с концами?» Та же газета 24 октября 1918 года сообщала: «За последние дни большинство населения живет в буквальном смысле слова без

¹² ЦГАА, ф. 4, д. 3134, л. 1.

¹³ Там же, д. 2897, л. 6.

¹⁴ Там же, д. 2886, л. 1.

¹⁵ «Наше слово», 5 февраля 1920, № 25.

¹⁶ Там же, 28 ноября 1918 г., № 150.

хлеба. По карточкам хлеб не выдается, а выпекаемого в частных пекарнях кукурузного хлеба, ужасного по цене и еще более ужасного по качеству, хватает лишь для самой небольшой части населения. На базаре в изобилии продаются незрелые арбузы, есть фрукты, но нет самого главного: хлеба и картофеля». А в связи с отсутствием керосина в Сухуме, в ноябре месяце «спекулянты всех сортов и калибров вздули на керосин цену до чудовищных размеров. Жестянка керосина (весом 1 пуд) продается от 300 до 400 рублей, в розничной продаже фунт керосина расценивается по 15 рублей»¹⁷.

Сохранившиеся заявления и жалобы рабочих и служащих, а также некоторые официальные материалы дают ясное представление о крайне тяжелом экономическом положении трудящихся. Рабочие городского обоза и садоводства в своем коллективном заявлении сухумскому городскому голове 6 июля 1918 года писали: «Ввиду ежедневного вздорожания условий жизни и жизненных продуктов, положительно не покрывает даже насущные наши потребности тот оклад заработной платы, который мы получаем в настоящее время. Настоящим нашим прошением обращаемся к вам с просьбой обратить ваше внимание на мизерность получаемого нами оклада сравнительно с процентом повышения ценностей продуктов первой необходимости. И если вы найдете, мы в этом надеемся, что наше положение действительно критическое и что наше заявление справедливо, то просим покорно увеличить оклад полагаемого нам содержания»¹⁸. Рабочие Сухумской лекарственной фабрики и плантации 7 августа 1918 года просили Министерство земледелия Грузии об улучшении их «тяжелого экономического положения». «При такой дороговизне, — писали они, — получаем от 160 до 200 руб. содержания в месяц, что не хватает даже на хлеб»¹⁹.

Вот еще два документа, характеризующие тяжелое продовольственное положение мелких служащих. Коллективное заявление служащих конторы, склада, чайной и мясной лавки городского продовольственного комитета в Сухумскую городскую управу: «Вследствие все возрастающей дороговизны жизни вообще и на предметы первой необходимости в особенности... положение наше весьма тяжелое, и мы просим о прибавке жалования с 1 сего июля месяца. Причем мы, служащие конторы, склада и мясной лавки, просим увеличить содержание на 50%; мы же, служащие чайной столовой, вследствие небольших окладов, нами получаемых, просим увеличить оклады содержания на 75%... Мы живем настоящим, а в настоящее время положение наше весьма тяжелое, и мы все

¹⁷ «Наше слово», 28 ноября 1918 г., № 150.

¹⁸ ЦГАА, ф. 4, д. 2904, л. 144.

¹⁹ ЦГАОРГ, ф. 118, оп. 1, д. 96, л. 129.

просим рассмотреть наше прошение и доложить сегодня думе и удовлетворить наши нужды...»²⁰ Это заявление было оставлено без внимания. Голодавшие служащие вновь написали заявление, в котором указывалось, что четыре месяца уже прошло, результатов же никаких от поданных ими коллективных заявлений нет, а «жизнь вздорожала и дорожает с каждым днем неимоверно»²¹.

Второй документ—заявление служащих Сухумской городской управы в ту же управу от 29 июля 1918 года, в котором говорится: «Ввиду неимоверного вздорожания жизни и при получаемом в настоящее время жалованьи жизнь сделалась невыносимо тяжелой, благодаря чему не в состоянии удовлетворять самые необходимые для существования потребности. Влезли между знакомыми в долги и в настоящее время лишены уже всякого кредита. На основании вышеуказанного, мы вынуждены обратиться к управе и просить принять во внимание наше положение и прибавить нам жалованье в размере, можем удовлетворить насущные потребности нашего существования и этим предоставить нам возможность в дальнейшем служить в городском самоуправлении и содержать свой семейства»²².

В связи с острым финансовым кризисом, рабочие и мелкие служащие по нескольку месяцев не получали своей ничтожной заработной платы. Об этом можно судить хотя бы на основании доклада комитета по сокращению денежного обращения при Сухумском отделении Госбанка Министерству финансов Грузии от 17 августа 1918 года. «Распределяя последнюю денежную получку в 300 000 руб. между заявленными нуждами по степени их важности, — говорилось в этом докладе, — комитет совершенно лишен был возможности уделить что-нибудь вкладчикам кредитных учреждений, почтово-телеграфной конторе и ее отделениям, народным учителям округа, а также в полной мере удовлетворить острые нужды городского самоуправления, служащих и прочих, вследствие чего и постановил обратиться к вам, г. министр, с покорнейшей просьбой принять во внимание неотложную необходимость в возможно скором времени вновь снабдить кассу Сухумского отделения Государственного банка денежными знаками»²³. Полковник Тухарели, исполнявший обязанности генерал-губернатора Абхазии, телеграфировал в Тифлис, что служащие гагринской и других контор в течение нескольких месяцев «не получают содержания, положение их крайне тяжелое»²⁴.

²⁰ ЦГАА, ф. 4, д. 2819, л. 22.

²¹ Там же, л. 20.

²² Там же, д. 2904, л. 158.

²³ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 63, л. 92.

²⁴ Там же, л. 9.

Правление профсоюза служащих правительственных и общественных учреждений Кодорского и Самурзаканского участков писало в сухумский штаб меньшевистской гвардии: «В текущем году за редким исключением никто из служащих содержания денежными знаками не получал. Если принять во внимание, что при существующей дороговизне получаемого содержания недостаточно для покрытия даже неотложных расходов, то тем ужаснее положение служащих, вовсе не получающих содержания. Некоторые буквально голодают... Однако для всяких лишений имеются свои границы, и если на безвыходное положение служащих не будет обращено надлежащее внимание и не будут высланы деньги, то правление союза снимает с себя всякую ответственность за последующие события». Правление союза до этого дважды (9 и 19 июля) послало аналогичные телеграммы на имя сухумского окружного комиссара, но они были оставлены без ответа²⁵.

Правление профсоюза служащих фармацевтов г. Сухума писало управляющему городской аптекой, что, пересмотрев получаемое содержание служащих, профсоюз находит, что «едва ли кто-нибудь думает еще, что на получаемое ныне содержание можно существовать, удовлетворив потребности первой необходимости». Профсоюз предлагал увеличить содержание фармацевтам и дать ответ не позднее 20 июля²⁶. Управляющий аптекой Д. К. Медзмарнашвили в связи с этим в свою очередь просил Сухумскую городскую управу рассмотреть указанное требование в кратчайший срок, «чтобы иметь возможность ответить до 20 июля». Он также просил об увеличении зарплат рабочим²⁷.

Катастрофически ухудшалось положение школ. Это особенно видно на примере Сухумской женской гимназии. Председательница педагогического совета гимназии в своем докладе в Министерство просвещения Грузии писала 18 декабря 1918 года: «Жизнь усложняется неимоверно страшно и быстро, и для мало-мальски сносного существования педагогам приходится загружать себя уроками, брать от 26 до 30 уроков в неделю, да и послеобеденное время посвящать частным урокам, что, конечно, не могло не отражаться как на здоровье, так и на занятиях в гимназии. Служащим Сухумской женской гимназии, как учреждения, не содержимого на казенные средства, а существовавшего на специальные, было отказано во всех решительно прибавках на дороговизну, военные и т. д.»²⁸

Вместе с тем не могло быть и речи даже о ремонте школ,

²⁵ ЦГАА, ф. 22, д. 45, л. 1.

²⁶ Там же, ф. 4, д. 2904, л. 147.

²⁷ Там же, л. 146.

²⁸ ЦГАА, ф. 21, д. 419, л. 30.

не говоря уже о строительстве новых учебных зданий. Детям приходилось заниматься в совершенно ненормальных условиях. Более того, имевшиеся школьные здания очень часто использовались под казармы для войск. Это подтверждала председательница педсовета указанной гимназии. «Штабом приморского отряда, по уходе его, здание вверенной мне Сухумской женской гимназии оставлено в тяжелом виде»²⁹. Сухумская горская школа также была «приспособлена... под казарму для конного летучего отряда»³⁰.

Несоответствие между прожиточным минимумом и уровнем заработной платы рабочих и служащих в 1919 году становится еще более разительным. Газета «Наше слово» 19 ноября 1919 года отмечала, что город Гудауты «сейчас больше чем когда-либо переживает продовольственный кризис: нет мяса, мыло дошло до 40 руб. кусок, мука — 120 руб. пуд, сыр — до 40 руб. фунт». И город Очамчыра, «ввиду переживаемой дороговизны..., находится в критическом положении...»³¹

Существовал закон о борьбе со спекуляцией. Но эта «борьба», как предсказывало Бюро профсоюзов г. Сухума 20 мая 1919 года, «не даст никаких положительных результатов в этой области», потому что спекуляция не преследовалась и «дошла до своего апогея»³².

В связи с «повышением цен на продукты, — писала газета «Наше слово» 19 ноября 1919 года, — малоимущий и служилый народ обречены на голод...» «Материальное положение телеграфистов и почтальонов стремительно катилось по наклонной плоскости вниз, вынуждая их в свободные от работы часы искать прибавку рубкой дров, изнурительными побочными работами»³³.

В обращении Гумистинской земской управы в Главный комитет Союза городов Грузии говорилось: «Вследствие разрушения производительных сил страны в ходе мировой войны и полного прекращения торгового сношения с международным рынком, все трудовое население Абхазии и, в частности Гумистинского уезда, в настоящее время испытывает весьма острую нужду в предметах массового потребления, попадая в руки бессовестных спекулянтов, вызывающих искусственный товарный голод в ущерб жизненным интересам непосредственных потребителей»³⁴.

²⁹ ЦГАА, ф. 21, д. 419, л. 61.

³⁰ ЦГАОРГ, ф. 50 с, оп. 1, д. 1298, лл. 1—9.

³¹ Заявление Очамчырской городской думы Народному совету Абхазии от 30 июля 1919 г. ЦГАОРГ, ф. 33, д. 16, л. 5.

³² ЦГАА, ф. 4, д. 2886, л. 14.

³³ Там же, ф. 101, д. 325, лл. 70—71.

³⁴ „ეგრადი და ქალაქი. Город и земство», №№ 1—2, 15 декабря 1919 г., Тифлис, стр. 81.

В телеграмме председателя районного правления почтово-телеграфных служащих Абхазии от 19 декабря 1919 года мы читаем: «Районное правление почтово-телеграфных служащих Сухумского округа на своем экстренном заседании 19 сего декабря, принимая во внимание критическое и совершенно невыносимое материальное положение служащих, которых одинаково терзает голод и холод, и которые за эти два года продали все, что было приобретено ими, а сегодня ходят голодные, оборванные, ободранные, босые, дрожащие от холода, — постановило: еще и в последний раз обратиться к вам, чтобы вы, наконец, вошли в наше положение и удовлетворили те элементарные требования, которые предъявлены центральным правлением. Выражаем надежду, что вы не сделаете нас жертвой голода и холода. Хватит столько страданий, мучений, слез, голода малолетних детей и стариков. Если мы до сегодняшнего дня терпели унижение и обездоленность, то сегодня чаша терпения переполнилась. Пора обратить внимание и на нас. Примите во внимание и то, что в Сухумской области каждому больному сотруднику пятисот рублей в месяц не хватит даже на лекарство. Ждем срочного обнадешивающего ответа»³⁵.

На народных страданиях наживались не только спекулянты и дельцы, но нередко и официальные лица. В октябре 1919 года Сухумской городской думой было дано трем табачным спекулянтам разрешение на вывоз 2 тысяч пудов табака, взамен чего они должны были привезти сахар, муку и мануфактуру. Скоро стало известно, что «договор заключен невыгодно для города и городской голова взял за это известную сумму и поделился со своими членами управы». На этой почве произошел «управский кризис, едва не закончившийся саморрпуском думы». Во всяком случае, дума приняла отставку городского головы³⁶.

Результатом экономической политики меньшевников явилась дальнейшая депрессия сельского хозяйства — основной отрасли народного хозяйства края. Табаководство — главный нерв всей экономической жизни Абхазии — было на пути ликвидации. Если в 1914 году под табак было занято 13 170 десят. и собрано 602 270 пудов, то в 1918 году эти цифры снизились до 1 806 и 97 820³⁷. Таким образом, 1918 год дал сокращение площадей, занятых табаком, против 1914 года на 78,6 процента. Общее сокращение площадей сопровождалось и уменьшением отдельных табачных плантаций. Если средний

³⁵ «Борьба за победу Советской власти в Грузии», стр. 515—516.

³⁶ «Город и земство». Город и земство», №№ 1—2, 15 декабря 1919 г., стр. 59.

³⁷ «Известия Сухумского черноморского табачного района». № 1. Сухум, 1925; Стат.-эк. сб. «Закавказье». Изд. ВЭС ЗСФСР, 1925; Статист. справочник 1927 г. ЦСУ Абхазии. Сухум, 1928; ЦГАА, ф. 12, д. 65, лл. 19—20; П. В. Г у г у ш в и л и. Табаководство в Грузии и Закавказье, стр. 207.

размер одной плантации в 1916 году достигал 0,9 десят., то в 1918 году он равнялся 0,42 десят. Падали и другие отрасли сельского хозяйства.

Как было сказано выше, под давлением крестьянского революционного движения, меньшевики вынуждены были заняться обсуждением аграрного закона. Но они не провели в жизнь даже тех куцых законов, которые были изданы Закавказским комиссариатом и Закавказским сеймом. Сухумский окружной земельный комитет сделал следующее заявление: «Проведение земельной реформы в Сухумском округе сильно запоздало, земля доселе оставалась фактически в руках помещиков и князей»³⁸. Еще откровеннее говорил гудаутский землемер И. Миронов, который писал: «В продолжение 2-х лет революции в земельном вопросе здесь, в Абхазии, властью абсолютно ничего не было сделано»³⁹.

Сухумская окружная земельная управа 20 сентября 1918 года вынесла даже специальное постановление о «праве» помещиков получать арендные платы. В октябре 1918 года состоялся сход представителей крестьян сел Бабушера, Гумнста, Беслетки и Гульрипш, который вынес следующую резолюцию по земельному вопросу: «Полтора года прошло со дня революции, но земельная реформа пока еще не проведена... Поэтому по поручению выбравшего нас населения убедительно просим Абхазский народный совет и уполномоченного правительства Грузинской республики поспешить с проведением земельной реформы, а также, ввиду постановления Окружной земельной управы от 20 сентября сего года за № 22, где дается право помещикам получать арендные платы, единогласно постановили: просить Абхазский народный совет и уполномоченного правительства Грузинской республики: Лишить юридического права как помещиков, так их уполномоченных требовать в той или иной форме арендной платы...»⁴⁰

В результате такой политики меньшевиков помещичьи имения, за редким исключением, оставались нетронутыми. С другой стороны, происходила концентрация земли в руках кулаков. Об этом свидетельствуют следующие данные по с. Багмаран Гумистинского участка за 1918 год⁴¹:

Группа владельцев	Число хозяйств	Всего куплен. земли (десят.)
1 Имевшие 1—5 десятин	7	21
2 " 5—25 "	4	94
3 " 25—50 "	3	78
4 " свыше 50 десятин	2	180
Итого	16	373

³⁸ «Наше слово», 26 сентября 1918 г.

³⁹ Там же, 8 октября 1918 г., № 108.

⁴⁰ Там же.

Таким образом, огромное большинство купленной земли (из 373 десят. — 245) было в руках высшей группы крестьянства.

Вместе с тем деревенская буржуазия в своих руках сосредоточивала и основную массу арендной земли. По тому же с. Багмаран мы имеем такую картину⁴²:

Группа арендаторов	Число дворов	Всего арендованной земли (десят.)
I. Имевшие 1-2 десят.	6	9
II. " 2-3 "	7	21
III. " 3-6 "	3	15
Итого	16	45

Первая группа (беднейшие хозяйства) арендовала земли на 6 десят. меньше третьей группы, хотя в два раза превосходила ее по числу хозяйств. Крупный характер кулацких хозяйств станет еще яснее, если при этом иметь в виду, что в Гумистинском участке значительное количество хозяйств было табаководческим. Плантагорские хозяйства, обрабатывавшие 3—6 десят. земли под табак, уже были хозяйствами кулацкого типа, где широко применялся наемный труд. Совсем другой характер носила аренда в бедняцких хозяйствах. Каждое из этих хозяйств, как правило, арендовало земли до 1 десят. Недостатком земли и хозяйственной нуждой была продиктована в основном и аренда земли средними крестьянами.

Для характеристики расслоения крестьянского хозяйства в Абхазии в 1917 — 1918 годах, к чему неизбежно приводила меньшевистская аграрная политика, очень важны и следующие данные по селам Гумиста, Бесплетка, Дранда, Мерхеул, Суворовка и Дубовка Гумистинского участка, сообщенные, как и некоторые приведенные выше, Гумистинской земской управой, производившей в 1918 году учет земельного обеспечения сельского населения⁴³:

Группа крестьян	Число дворов	°/о к общему числу дворов	Всего земель	°/о к общему числу десят. земли
I. Безземельные	92	11,76	—	—
II. Владевш. до 5 десят.	413	52,81	977,14	31,78
III. " от 5-10 "	238	30,44	1539,85	50,07
IV. " " 10-25 "	34	4,35	401,25	13,05
V. " " 25-30 "	5	0,64	157,50	5,10
Всего	782	100,0	3 075,74	100,0

⁴¹ ЦГАА, ф. 340, д. 2, лл. 67—68.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, д. 2.

Возьмем отдельное село, например, Лата:

Группа крестьян	Число дворов
I. Безземельные	24
II. Имевшие до 1 десят.	12
III. " от 1-3 "	135
IV. " " 3-6 "	4
Всего	175

Вынуждаемый революционной обстановкой в стране, Абхазский народный совет, по предложению меньшевистской фракции, 15 апреля 1919 года принял «Декларацию по земельному вопросу». В общей части она повторяла положение аграрного закона, о конфискации «свыше определенной нормы» земель частновладельческих, юридических лиц и т. д., принятого Закавказским сеймом еще 7 марта 1918 года. Обещая лишь «при дальнейшей разработке земельного вопроса» установить норму землевладения, совет объявил, что временно принимаются нормы землевладения, установленные меньшевистским правительством Грузии⁴⁴. Фактически примечания к закону Сейма о нормах оставляемой за владельцами земли, о мерах по проведению аграрной реформы, давали право губернским и областным комитетам увеличивать количество земли, оставляемой владельцу до 10, 20 и 50 десят., ссылаясь с «местными условиями» и в зависимости от категорий хозяйств.

Этим «декретом» и, следовательно, «декларацией» народного совета помещикам оставлялись такие земельные нормы, которые в условиях мелкопоместного характера помещичьего землевладения в крае не затрагивали значительнейшей части помещичьих имений: нормы часто были очень высокие, несравненно выше «трудовых норм». При этом оставлялось по нескольку «норм», в том числе и самые ценные части имений. Более того, закон создавал лазейку, дававшую возможность помещикам оставить себе не только «нормы», даже многократные, но и всю землю. В законе оговаривалось, что «норма» оставляется у владельца независимо от числа душ в семье. Пользуясь этой оговоркой, помещики устраивали фиктивные семейные разделы с тем, чтобы за каждым членом семьи оставить «норму» земли⁴⁵.

Вместе с тем меньшевистская аграрная политика под видом «особо народохозяйственной ценности» и «культурного

⁴⁴ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 8, л. 2.

⁴⁵ Г. А. Дзидзария. Аграрная политика меньшевиков в Абхазии. «Труды» Сухумского госпединститута, II. Сухуми, 1943, стр. 73—74.

значения» спасала как кулацкие, так и помещичьи имения. Народный совет, на основании положения своей декларации: «земли же культурного государственного значения не подлежат разделу и остаются в ведении Абхазского народного совета» — объявил, например, 6 000 десятин земли Ново-Афонского монастыря «культурными», хотя «почти вся земля под лесом, только небольшая часть культурная»⁴⁶. Уполномоченный меньшевистского правительства на собрании представителей земельных органов Абхазии 12 марта 1919 года прямо заявил, что монастырские имения как в Новом Афоние, так и Пицунде «необходимо сохранить в целостности за монахами»⁴⁷. Один из членов совета на заседании 18 мая 1920 года резонно спрашивал: «Чем будете вы наделять крестьян, если все койфискованные частновладельческие земли назвать культурно-ценными?»⁴⁸

Клара Цеткин метко заметила: «Экономическое значение крупных сельскохозяйственных предприятий — это плащ, которым прикрываются махнации по представлению привилегий крупным землевладельцам»⁴⁹.

В то же время имения действительно культурного значения приходили в упадок. Причем сами меньшевики принимали непосредственное участие в их расхищении. Так, в имении Игумнова в Гагринском участке племенной скот был вырезан, а укос сена увезли солдатами⁵⁰.

Продажные цены на «фондовые земли» были утверждены меньшевистским правительством в размерах, недоступных для бедняцких и середняцких хозяйств. Отбираемые земли «до известной нормы у помещиков», как указывалось в газете «Жизнь национальностей» от 16 сентября 1919 года, продавались «крестьянам в собственность по ценам от 500 р. до 3 000 р. за десятину. Беднейшие крестьяне остаются поэтому, конечно, без земли». Земли из «государственного фонда» скупали кулаки так же, как и земли крестьян-бедняков, хозяйства которых окончательно разорялись.

Меньшевистские правители по-прежнему категорически запрещали крестьянам захватывать помещичьи и монастырские земли, требовали от них внесения частным владельцам натуральной арендной платы, всемерно поддерживая притязания последних на получение этой ренты даже за предыдущие годы. Председатель Гумистинской уездной земской управы в мае 1919 года писал начальнику меньшевистской ми-

⁴⁶ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 84, док. № 15, л. 86 об. Отчет № 16 Народного совета Абхазии от 18 мая 1920 г.

⁴⁷ ЦГАА, ф. 339, д. 17, л. 4.

⁴⁸ Отчет № 16 заседания Народного совета Абхазии от 18 мая 1920 г. Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 84, док. № 15, л. 86 об.

⁴⁹ Клара Цеткин. На освобожденном Кавказе, стр. 167.

⁵⁰ ЦГАОРГ, ф. 118, оп. 1, д. 606, л. 2. Отношение Комиссариата Абхазии министру земледелия Грузии от 23 августа 1919 г.

лиции с. Лата: «Законами правительства Республики Грузии и декларацией Абхазского народного совета от 15 апреля сего года воспрещены всякие самовольные захваты и заселения свободных земель без разрешения на то соответствующих правительствующих учреждений»⁵¹.

Он же 27 июня и 10 сентября 1919 года предписывал начальнику милиции Гумистинского уезда: «Предлагаю вам обязать арендаторов уплатить владельцам земель, жителям сел. Эстонки, следуемую им по закону одну десятую часть урожая натурой или деньгами по действительной стоимости за арендуемые земель в 1918 году, в исполнение чего поручается вам на месте определить, сколько приблизительно пудов кукурузы даст десятина земли, арендуемой арендаторами, из коих десятая часть урожая должна быть уплачена хозяевам земель»⁵². «Земельным отделом Гумистинской земской управы через начальника милиции Гумистинского уезда еще в июле месяце сего [1919] года было предписано вам немедленно взыскать с жителей села «Урочище Наа»..., самоуправно поселившихся в именни протонеря Дмитрия Маргания, следуемые ему, Маргания, части урожая за 1917, 1918 и 1919 гг., но до сих пор вами не исполнено это предписание и о причине этого вами не дано никакого донесения. Ввиду сего предписывается вам вновь немедленно взыскать с означенных лиц в пользу Маргания часть урожая в соответственной норме десяти десяти за указанные годы и об исполнении сего немедленно же донести земельному отделу...»⁵³

Как сообщала Самурзаканская земская управа отделу землеустройства Комиссарната Абхазин 25 ноября 1919 года, священнослужители за сданные «в аренду безземельным крестьянам» причтовые земли⁵⁴ взыскивали «чрезмерную галлу ($\frac{1}{3}$ урожая)»⁵⁵.

В резолюции по земельному вопросу Сухумского окружного съезда меньшевистской партии, состоявшегося в ноябре 1919 года, откровенно признавалось, что действительно «в ряде мест до сих пор взимается арендная плата в пользу помещиков»⁵⁶.

Особенно ухудшилось положение крестьян-плантаторов. Уполномоченный Сухумского окружного армянского национального совета 26 августа 1919 года писал в Главный совет по снабжению Грузии следующее: «В настоящее время табак в Сухумском округе продается крестьянами за бесценок. В

⁵¹ ЦГАА, ф. 340, д. 3, л. 44.

⁵² Там же, л. 11.

⁵³ Там же, л. 32.

⁵⁴ Причтовые земли, размеры которых доходили до 15—20 десят., также не подлежали конфискации.

⁵⁵ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 80, л. 14.

⁵⁶ ЦГАОРГ, ф. 8 с, оп. 1, л. 7.

то время, когда все необходимые крестьянину товары повысились в цене в 100—150 раз, табак поднялся в цене только в 15—20 раз. Это обстоятельство ставит крестьян-плантаторов в безвыходное положение, ибо если по существующим ценам продадут табак, то вырученными деньгами не могут покрыть свои самые существенные и необходимые хозяйственно-экономические потребности»⁵⁷.

В Абхазии постановлением меньшевистского правительства был введен так называемый «одновременный чрезвычайный поземельный налог» в сумме 8 283 354 руб. «Такой чрезвычайный налог крайне обременителен для населения Абхазии»,—писала группа депутатов (С. Чанба, Д. Алания, А. Чукбар и др.) в своем запросе в Народный совет Абхазии 15 ноября 1919 года⁵⁸.

Делегация Народного совета Абхазии в докладной записке на имя председателя меньшевистского правительства Грузии от 15 декабря 1919 года заявляла, что «деревня Абхазии— голая, босая и невежественная... Абхазия физически вырождается; она культурно совершенно отстала...»⁵⁹

Разбой и конокрадство достигли неслыханных размеров. Этим занимались не только бандитские элементы, но и официальные меньшевистские организации и даже милиция. По-прежнему бесчинствовали и воинские части. Вот что писали представители армянского населения семи сел Пиленковского района Гагринского участка в Народный совет Абхазии 21 января 1920 года: «Армянское население Пиленковского района страдало и нравственно, и физически, и материально, и это тревожное положение продолжается до настоящего времени... Принуждены заявить свое недовольство нашему теперешнему жизни, виновниками которого состоят главным образом низшие служащие-солдаты, которые, живя на фронте, постоянно беспокоят нас—крестьян: по ночам нападают на наших мирных жителей и, угрожая расстрелять, требуют деньги, получают несколько тысяч рублей (каждый раз) и уходят, а в противном случае убивают наших братьев (было несколько случаев).

В наших селениях солдаты почти постоянно стреляют из орудий, то убивают быка, обещают вознаграждения, но ничего не дают, то требуют съестные припасы — хлеб, масло, молоко, яйца и т. д. У наших крестьян более нет домашней птицы, ни ульев, ни фуража,—часть украли солдаты, часть уничтожили (опять они — солдаты). Они же ограбили наши одежды, кукурузу, табак и т. д., так что в настоящее время мы очень плохо одеты и плохо кормимся; осталось очень мало коров и буйволиц. Мы всячески стараемся привести в порядок

⁵⁷ ЦГАА, ф. 338, д. 4, л. 74.

⁵⁸ Там же, ф. 339, д. 11, л. 5.

⁵⁹ ЦГАОРГ, ф. 48 с, оп. 2, д. 120, лл. 1—6.

наше расстроенное хозяйство, обсеменить поля, но нам мешают солдаты. Об этом мы часто жаловались батальонным командирам, но они не только не обращают никакого внимания, но как будто поощряют их действия (исключения редки), вследствие чего солдаты до сих пор продолжают свое пагубное направление, окончательно разоряя нас.

Мы..., заявляя о нашем критическом положении, убедительнейше просим оказать ваше скорое и справедливое содействие, улучшить наше положение или же выселить нас куда-нибудь, так как наше отчаянное положение достигло своего кульминационного пункта, и решительно заявляем, что так дальше мы не можем»⁶⁰.

Эти факты оказались настолько вопиющими, что на заседании Президиума Народного совета Абхазии вынуждены были принять резолюцию о необходимости принятия Военным министерством Грузии срочных мер к расследованию и привлечению к ответственности виновных «в насилиях и ограблению впредь мирного населения от насилий»⁶¹.

Разжигая вражду между трудящимися разных национальностей, грузинские меньшевики в национальном вопросе, как мы видели, шли по пути царизма. Г. К. Орджоникидзе называл трехлетнее господство меньшевиков, дашнаков и мусаватов «бесславным периодом господства национализма в Закавказье»⁶². Большевики «оросили поля и горы кровью несчастных южных осетин, аджарцев и абхазцев»⁶³.

Грузинские меньшевики были великодержавными шовинистами, хотя и пытались скрыть это всевозможными ложными лозунгами и обещаниями. Ярким показателем этого было заигрывание с Абхазским народным советом и «автономией» Абхазии.

20 марта 1919 года Абхазский народный совет «деklarировал» акт об «автономии» Абхазии⁶⁴. И. Рамишвили лицемерно заявил, что меньшевистское правительство «задалось целью спасти абхазскую демократию от старых поработителей, и другой цели» у них «нет»⁶⁵. Вслед за этим Абхазский народный совет принялся за разработку и обсуждение «конституции» «автономной» Абхазии.

После долгих споров были приняты «основные положения о конституции власти, управляющей автономной Абхазией»⁶⁶. 20 мая 1919 года Абхазский народный совет объявил об образовании Комиссариата Абхазии, как высшего органа по уп-

⁶⁰ ЦГАА, ф. 339, д. 22, лл. 7—8.

⁶¹ Там же, л. 8.

⁶² Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. I. М., 1956, стр. 216.

⁶³ Там же, стр. 226.

⁶⁴ См. «Наше слово», 21 марта 1919 г., № 60.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ЦГАОРГ, ф. 48 с. оп. 2, д. 122, лл. 2—4.

равлению страной. Одновременно было сообщено о введении следующих новых наименований, учреждений и административных терминологий: Сухумский округ — Абхазия, участки — уезды, местечки — города, Абхазский народный совет — Народный совет Абхазии⁶⁷.

Но если меньшевики спешили с созданием органов порядка, то насчет иаделения Абхазии конституцией они лишь хотели говорить. Для составления конституции была избрана смешанная комиссия на паритарных началах из членов Народного совета Абхазии и Учредительного собрания Грузии. Вместе с тем совет избрал особую комиссию для выработки проекта конституции, который лег бы в основу работы членов совета в вышеуказанной комиссии. Однако внутри комиссии «возникают споры по выяснению понятия «автономия», которая одним понимается иначе, чем другими»⁶⁸. В результате разногласий «в вопросе об объеме прав автономной Абхазии» было разработано три проекта.

Чтобы яснее себе представить это обстоятельство и вообще всю ту «парламентскую борьбу», которая развернулась вокруг вопроса об автономии Абхазии, нужно прежде всего знать партийный состав совета. Он состоял из следующих «фракций»: меньшевиков, социал-федералистов, «независимой социалистической группы», эсеров, «народных демократов», группы колонистов⁶⁹. Затем, 18 марта 1919 года, из меньшевистской фракции выделилась группа абхазских меньшевиков, расходившаяся с грузинскими меньшевиками «в вопросе об объеме прав автономной Абхазии», и образовала «фракцию социал-демократов интернационалистов», блокируясь с «независимыми социалистами»⁷⁰.

Фракция меньшевиков, как фракция «правлящей партии», в совете являлась руководящей⁷¹. «Независимая социалистическая группа» и «меньшевики-интернационалисты» составляли «оппозицию». К ней одновременно, по частным вопросам, примыкали и некоторые другие группировки в целом или отдельные их члены. Между меньшевистской фракцией и «оппозицией», за исключением «независимцев», вначале не было принципиальных разногласий. Даже в вопросе о конституции рознь мнений «не препятствует работе, обмен мнений приводит к

⁶⁷ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 81, л. 15. Объявление Народного совета Абхазии.

⁶⁸ ЦГАА, ф. 339, д. 1, л. 8. Протокол № 6 заседания комиссии Абхазского народного совета по выработке конституции от 17 мая 1919 г.

⁶⁹ «Наше слово», 21 марта 1919 г., № 60; «Социал-Демократ», 24 марта 1919 г., № 59, Тифлис.

⁷⁰ ЦГАА, ф. 339, д. 11, лл. 55—56; «Социал-Демократ», 27 октября 1919 г., № 87.

⁷¹ Например, на заседании Народного совета Абхазии 18 марта 1919 г. из 40 всех депутатов совета меньшевики составляли 27 человек («Социал-Демократ», 24 марта 1919 г., № 59).

ссглашению, а иногда и к истине», — говорили сами меньшевики в телеграмме Учредительному собранию Грузии⁷².

Политическая программа абхазских меньшевиков была типичной меньшевистской программой. «Культурно-экономическое развитие» Абхазии «в согласии с законами» правительства меньшевистской Грузии применительно «к местным условиям», — вот как они сами формулировали ее⁷³. «Оппозиция» в целом же не имела разработанной программы, и меньшевики говорили ей: «Дайте нам программу, выявите свою физиономию, мы ее не видим, может быть, и не увидим»⁷⁴.

Те и другие составили свои проекты конституции, которые обсуждались на многих заседаниях Народного совета Абхазии. Но ни один из них не был принят необходимым количеством голосов, ввиду «коренного расхождения взглядов»⁷⁵. В связи с этим «оппозиция» (14 депутатов) считала, что необходимость выбора делегации для переговоров с правительством по данному вопросу отпала, и вышла из состава делегации⁷⁶. Убедившись же, что правительство и не собиралось вести какие-либо переговоры с представителями «оппозиции», последние выступили в газете, в связи с чем поднялась «целая полемика в прессе»⁷⁷. Но самым острым выступлением, обличавшим антинародную политику меньшевиков, было неоднократно цитированное нами заявление 14 депутатов Народного совета от 29 сентября 1919 года, в чем особенно сказались участие группы в составе М. Цагурия, С. Чаиба, Д. Алания и И. Марганя⁷⁸; за подписью которых оно было послано меньшевистскому правительству.

Группа «независимых социалистов» назвала себя так «в смысле непримиримости и борьбы» с меньшевистской парти-

⁷² ЦГАОРГ, ф. 48 с, оп. 2, д. 122, лл. 2—4.

⁷³ Там же, лл. 1—6. Докладная записка делегации Народного совета Абхазии председателю правительства Грузии от 15 декабря 1919 г.

⁷⁴ Там же, лл. 1—4.

⁷⁵ Там же, д. 119, лл. 2—5. Отчет заседания Народного совета Абхазии от 21 июня 1919 г.

⁷⁶ ЦГАА, ф. 339, д. 11, лл. 11—13. Заявление делегации группы 14 депутатов Народного совета Абхазии от 29 сентября 1919 г.

⁷⁷ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 64, лл. 1—12. Протокол № 1 заседания съезда абхазской интеллигенции от 22 февраля 1920 г.

«Меморандум» указанной группы депутатов совета меньшевистскому правительству был опубликован 6 октября 1919 г. в газете «Социал-Демократ». На второй день в газете «Борьба» Г. Королев выступил с «Письмами из Абхазии» против авторов «меморандума», а 9 октября был помещен «протест» за подписью М. Убирия, Г. Королева и др.

⁷⁸ К этой группе в 1918 г. примыкал и В. К. Чачба (1879—1937), который после разгона Абхазского народного совета в октябре 1918 г. был арестован и заключен в Метехский замок, а по освобождении, в январе 1919 г., переехал в Баку (ПА Грузфинлиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 470, лл. 153—154).

ей» «в ее неправильной политике вообще и, в частности, по отношению к Абхазии»⁷⁹: ведь дело доходило даже до того, что абхазская письменность объявлялась «мнимой азбукой», выдумкой «русских чиновников» и ставился вопрос об ее ликвидации⁸⁰. Эта группа абхазской революционной интеллигенции играла активную роль в общей борьбе против меньшевистской реакции в Абхазии. Ее наиболее активный представитель М. Цагурия являлся членом большевистской партии с 1918 года, а в период существования Советской власти в Абхазии в том же году — членом Окружного Военно-революционного комитета; другие официально в партию вступили в 1921 году.

В указанном «Заявлении», с которым его авторы поехали в Тифлис, ставилась цель — ознакомить правительство не только «с-создавшимся положением в Народном совете Абхазии в связи с непринятием единого проекта», но и указать «на то ненормальное положение, которое вообще создано в Абхазии благодаря весьма неразумной политике агентов грузинского правительства». При этом особо подчеркивалось, что вся деятельность последних «была направлена к тому, чтобы окончательно стусевать те братские взаимоотношения, которые издавна существовали между грузинами и абхазами»⁸¹.

* * *

В конце 1918 года в Сухуме вновь стали группироваться большевистские кадры. Е. А. Эшба, вернувшись с Северного Кавказа, восстанавливает в Абхазии несколько подпольных партийных организаций. В декабре в Сухуме был образован «Руководящий партийный коллектив», который «при полулегальном существовании и при полном отсутствии денежных средств начинает организационную работу в массах»⁸².

Большевистские организации Абхазии под руководством Кавказского краевого комитета РКП(б) росли и крепли. 31 марта 1919 года в с. Володаровском (около г. Сухума) состоялась подпольная конференция большевиков Абхазии⁸³. В ее работе приняли участие бежавшие сюда представители партийной организации Сочи, где в это время особенно свирепствовал белогвардейский террор. Конференция избрала Временный Сухумский окружной комитет РКП(б) в составе А. Белякова (председатель), И. Хиоти (секретарь), С. Кухалейшвили, И. Жвания и А. Мгеладзе⁸⁴. Комитету приходилось работать в очень тяжелых условиях, ввиду отсутствия у него

⁷⁹ Мих. Тарнава. Друзья и враги демократии Абхазии. «Социал-Демократ», 10 ноября 1919 г., № 93.

⁸⁰ «Грузия», 6 июля 1919 г., № 142.

⁸¹ ЦГАА, ф. 359, д. 16, лл. 2—4.

⁸² (Г. Г.) Лемберг. О положении в Абхазии. «Жизнь национальностей», 16 сентября 1920 г., № 28, Москва; ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 642.

⁸³ Ы. Зубов. Указ. соч., ст. 186.

⁸⁴ Лемберг. О положении в Абхазии.

каких-либо средств и слабой связи с центром. Несмотря на это, он развернул активную деятельность по восстановлению и созданию новых партийных организаций на местах⁸⁵. Вскоре были налажены связи с Краевым комитетом партии, которые осуществлялись через И. Выгрианова, обычно приезжавшего в Сухум на буксирном пароходе «Чорох», курсировавшем между Поти и Гаграми⁸⁶.

В Гумистинском участке партийную работу возглавляли А. Беляков и С. Кухалейшвили. В Гудаутском участке активную роль играли В. Абашидзе, З. Бения, И. Вардания и другие. Восстановление Самурзаканского участкового комитета партии было связано с Н. Акиртава и Н. Сванидзе, приехавшими сюда в мае 1919 года; в него вошли также Я. Хабурзания и Ф. Тория. Во многих селах Самурзакано были восстановлены партийные ячейки.

Такая работа велась и в Кодорском участке, где выделялись П. Бигвава, А. Убририя, Н. Матарадзе и Ш. Хокерба⁸⁷. Здесь большую работу среди трудящихся также вел Н. Лакоба. Ему была предложена через Абхазский народный совет и Кодорскую земскую управу должность комиссара Кодорского участка с целью деморализовать этим ряды большевиков и «Киараза». Н. Лакоба по рекомендации мартовской Сухумской окружной партконференции и с санкции Кавказского крайкома партии принял это предложение, чтобы использовать свое служебное положение для революционной агитации среди кодорских трудящихся⁸⁸. За короткое время он успел не только организовать крестьян, но и вооружить их винтовками участкового управления милиции. Однако вскоре меньшевики приняли решение об аресте Н. Лакоба и он снова перешел на нелегальное положение⁸⁹.

О том, в каких условиях кодорским большевикам приходилось вести партийную работу, как конспирироваться, поддерживая связь с Советской Россией, хорошо показывает история продажи ими соли, которая в те годы в Абхазии была одним из самых редких предметов первой необходимости. Однажды в Очемчиры пришло судно «купца» Белякова, нагруженное солью (около 800 пудов), которую затем начали продавать в «лавке» П. Бигвава. Вся

⁸⁵ «К истории революционного движения в Абхазии». Сухум, 1922, стр. 27, 33.

⁸⁶ И. Саблин. На стыке двух эпох. «Советская Абхазия», 22 февраля 1961 г., № 39.

⁸⁷ Г. А. Дзидзария. Трудящиеся Абхазии в борьбе за победу Советской власти. «Труды» Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, XXIX. Сухуми, 1957, стр. 27; Н. И. Матарадзе. Страницы прошлого. Сухуми, 1957, стр. 42—44; ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 909, л. 16.

⁸⁸ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 246, лл. 39—43.

⁸⁹ Н. Матарадзе. Указ. соч., стр. 46—49.

выручка от ее продажи должна была пойти на нужды Сухумской окружной большевистской организации. Беляков привез и значительное количество московских большевистских газет, спрятанных под солью⁹⁰.

Особенно активна была работа большевиков в Сухуме. Приехавший в начале мая 1919 года в распоряжение окружного комитета партии И. Саблин рассказывает, что партийная работа здесь проводилась тогда главным образом в профсоюзах табачников и грузчиков. Вскоре в Сухуме обосновался профессиональный революционер Г. Наумов (Николай), командированный Одесским штабом военно-морского флота на Черноморское побережье для выполнения специального задания. Сперва он работал в Батуме в качестве подрывника в боевой группе подпольного Батумского комитета РКП(б). Наумов в Сухуме оборудовал пиротехническую лабораторию, в которой изготовлялись различные взрывчатые смеси для самодельных детонаторов. Кроме того, в Сухуме хранились взрывчатые вещества, заброшенные сюда, как говорили, известным революционером Камо (С. А. Тер-Петросян), и Саблин с помощью С. Кухалейшвили и П. Мельникова отправлял этот груз в Батум⁹¹.

Уже к началу мая 1919 года в Абхазии насчитывалось 32 большевистские организации и 320 членов партии⁹². Сухумский окружной комитет партии энергично укреплял связи между этими организациями, уделял внимание их идейному росту.

В августе 1919 года в Сухуме, на даче Н. Н. Сметцкого, состоялась очередная подпольная конференция большевистских организаций Абхазии⁹³ с участием представителя Кавказского краевого комитета РКП(б) В. Бахтадзе, который затем остался работать в Абхазии. Как сообщает участник конференции М. Миканба, на повестке дня стояли следующие вопросы: Отчет о работе Сухумского окружного комитета партии. О подготовке к вооруженному восстанию. Выборы Окружного комитета⁹⁴.

В состав Окружного комитета партии были избраны: членами—Н. Лакоба, Н. Акиртава, С. Кухалейшвили, Г. Криштоф

---

⁹⁰ Н. И. Матарадзе. Страницы прошлого, стр. 41—42.

⁹¹ И. Саблин. На стыке двух эпох.

⁹² Лемберг. О положении в Абхазии.

⁹³ ПА Грузфильала ИМЛ, ф. 12798, д. 300, лл. 96—112. Справка Министерства юстиции Грузии о деятельности коммунистов в Абхазии, август 1920 г.; С. Кухалейшвили. Обзор революционной работы в Абхазии, стр. 23.

Указанная конференция датируется в воспоминаниях И. Жвания 23 сентября 1920 г., а в статье Лемберга «О положении в Абхазии» — октябрем того же года, что надо считать неточным.

⁹⁴ М. Х. Миканба. Указ. соч., стр. 31—32.

(Петров) и Л. Москвичев, кандидатами—И. Жванья и А. Мгеладзе⁹⁵. Председателем комитета стал Н. А. Акиртава, член партии с 1914 года. Акиртава был опытный и способный работник-революционер. Еще в 1914 году, будучи студентом Харьковского университета, он работал в Харьковской большевистской организации в качестве агнатора и пропагандиста. В 1916 году был арестован. В 1917—1918 годах принимал участие в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией на Украине. Акиртава находился в составе V Украинской армии, которая с боями пробилась к Царицыну и сыграла большую роль в его обороне. Он сражался более полугодом и был контужен в бронепоезде. Затем Акиртава снова был направлен в Харьков, где назначается городским военно-окружным комиссаром и начальником частей особого назначения (ЧОН). В начале 1919 года Н. Акиртава пробрался через белогвардейский фронт в родную Абхазию⁹⁶. Заместителем председателя Сухумского окружного комитета партии был избран Н. Лакоба. Коиференция приняла решения главным образом о политической подготовке массы⁹⁷. Вскоре после этого был организован Военный революционный комитет во главе с С. Кухалейшвили⁹⁸.

Как подтверждало Министерство юстиции Грузии, Сухумский окружной комитет РКП(б) ставил «целью своей нелегальной деятельности насильственное свержение существующего в Грузии... образа правления и подчинения ее Российской Советской власти путем агнтации и организации в округе уездных комитетов и др. коммунистических ячеек и подготовки восстания»⁹⁹. Абхазская партийная организация усилила связи с Кавказским краевым комитетом РКП(б), откуда получала денежные средства, инструкции и литературу¹⁰⁰.

Согласно решению августовской окружной партийной конференции, осенью 1919 года должны были состояться конференции партийных организаций на местах. Несмотря на бдительность меньшевистской агентуры, удалось провести, например, партийную конференцию Гумистинского участка, избравшую участковый комитет под председательством Е. Дамения¹⁰¹. Затем, 12 октября 1919 года, в с. Володаровском, в доме коммуниста Алексея Кутелия, собралась конференция Сухумской городской организации. Однако в связи с

⁹⁵ С. Кухалейшвили. Указ. статья, стр. 28

⁹⁶ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 12, лл. 75, 78; «Голос Трудовой Абхазии», 6 мая 1923 г.; Архив Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 155.

⁹⁷ И. Жванья. Из воспоминаний о работе в Абхазии, стр. 33.

⁹⁸ С. Кухалейшвили. Указ. соч., стр. 28.

⁹⁹ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 300, лл. 96—112.

¹⁰⁰ С. Кухалейшвили. Указ. соч., стр. 28.

¹⁰¹ Там же.

восстанием солдат Сухумского полка конференция была прервана¹⁰².

Еще в 1917 году в Грузии возникли организации союза молодых социалистов-интернационалистов, получившие название «Спартак» и работавшие под руководством большевиков. В Абхазии первая такая организация была создана в Сухумской учительской семинарии в начале 1919 года. Здесь в 1918 году возникла партийная ячейка. Молодые коммунисты А. Тодуа, Н. Бокучава, Е. Шамба, П. Кирса, Л. Сакания и другие вели активную революционно-пропагандистскую работу среди учащихся семинарии. Из наиболее подготовленных семинаристов была создана инициативная группа, которая наладила тесную связь с подпольным Сухумским окружным комитетом партии. Последний и помог создать в семинарии в январе 1919 года молодежную коммунистическую организацию — «Спартак», пользовавшуюся сочувствием почти всех учащихся этого учебного заведения. В президиум «Спартака» вошли А. Тодуа (председатель), Н. Бокучава (секретарь) и Е. Шамба. Акакий Тодуа, по отзывам хорошо знавших его, был способный, развитой и инициативный человек. Он непосредственно руководил в семинарии организацией читок марксистской литературы¹⁰³. Значительную роль в создании революционной молодежной организации в Абхазии сыграло воззвание (манифест) тифлисской организации «Спартак» — «Ко всей трудящейся молодежи Кавказа», опубликованное в газете «Кавказский рабочий»¹⁰⁴.

«Спартак» быстро завоевал авторитет среди учащихся, рос его актив. Он снабжался Окружным комитетом партии революционной литературой, устанавливал связи с другими учебными заведениями Сухума. К нему примкнули из реального училища Б. Волховский, А. Габуня, А. Цитлидзе, а из женской гимназии — О. Волховская, М. Габуния и другие. Спартаковцы часто устраивали подпольные собрания (на Сухумской горе, в пансионе), куда приходили и партийные пропагандисты. На одном из таких нелегальных собраний с докладом выступила приехавшая из Москвы большевичка Николаева. «Спартак» был связан и с портовыми рабочими-коммунистами¹⁰⁵.

Сухумская окружная партийная конференция, состоявшаяся в марте 1919 года, обсудила вопрос о работе среди трудовой молодежи. На ней в качестве делегатов присутствовали

¹⁰² М. Х. М и к а н б а. Указ. соч., стр. 33.

¹⁰³ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 348; П. Ф. К и р с а. Отдельные моменты из прошлого; Е. К. Ш а м б а. Сквозь грозы, стр. 73.

¹⁰⁴ Е. К. Ш а м б а. Указ. соч., стр. 66.

¹⁰⁵ Там же, стр. 73—74; Н. Бокучава. О зарождении комсомола в Абхазии. «Комсомолец Абхазии», 11 февраля 1941 г.; П. Ф. К и р с а. Отдельные моменты из прошлого, дд. 349—350.

члены «Спартака» Б. Волховский, Н. Бокучава и Е. Шамба. Было дано указание уездным комитетам партии развернуть работу по сплочению революционной молодежи в соответствии с решениями I Всероссийского съезда Союзов рабоче-крестьянской молодежи, состоявшегося 29 октября 1918 года. Спартаковцы во время каникул и в другое время разъезжали по уголкам Абхазии и вели агитацию среди молодежи, содействовали созданию подпольных ячеек «Спартака»¹⁰⁶.

В 1919 году в Очемчирской гимназии, открытой в том же году, возник меньшевистский «Союз молодых марксистов», состоявший преимущественно из детей купцов, чиновников и пр. По заданию Очемчирского уездного комитета большевистской партии агитацией в гимназии занимались Н. Матарадзе и Ш. Хокерба и вскоре эта мелкобуржуазная молодежная организация распалась¹⁰⁷. В гимназии был создан «Союз рабоче-крестьянской молодежи». За короткий срок в ячейку вошло более 30 человек из 65 человек всего контингента учащихся гимназии. Активными членами были Н. Матарадзе, Ш. Хокерба, И. Джавахия, Р. Эшба, П. Квеквескири и другие¹⁰⁸. Они выступали с докладами, например: «Кто такие большевики?», «Эсеры и эсдеки в русской революции» и т. д.¹⁰⁹ Настолько сильна и популярна стала организация революционной молодежи, что ей удалось сорвать выход учащихся гимназии на «торжество» по случаю признания меньшевистской Грузии империалистическими державами¹¹⁰.

Очемчирский «Союз рабоче-крестьянской молодежи» стремился создать революционные молодежные ячейки в селах Кодорского уезда, в результате чего, несмотря на трудные условия подпольной работы, возникли такие ячейки в Поквеш, Беслахуба, Гуп, Илори, Охурей и в других местах. Затем, в конце 1919 года, был создан Кодорский уездный комитет коммунистической молодежи организации под председательством Н. Матарадзе. Другими активистами этой организации являлись А. Кобахия, Б. Пагава, П. Квеквескири и Э. Пачулия¹¹¹.

В конце апреля 1919 года постановлением Кавказского краевого комитета РКП(б) Тифлисский комитет комсомола был преобразован в Закавказский Временный Центральный

¹⁰⁶ Е. Шамба. Так зарождался комсомол в Абхазии. «Советская Абхазия», 22 июля 1959 г.

¹⁰⁷ И. Джавахия. Из воспоминаний. «Голос Трудовой Абхазии», 17 июня 1923 г., № 136.

¹⁰⁸ А. Вардания. Десять лет. «Советская Абхазия», 20 июня 1930 г.

¹⁰⁹ Н. И. Матарадзе. Указ. соч., стр. 51.

¹¹⁰ Г. Дзидзария. Из истории комсомола Абхазии. «Советская Абхазия», 29 сентября 1940 г.

¹¹¹ Н. И. Матарадзе. Указ. соч., стр. 50—51; Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 187.

Комитет коммунистической организации молодежи — «Спартак». В первых числах мая в разные места, в том числе и в Сухум, были посланы организаторы¹¹².

Сухумский окружной комитет РКП(б) в условиях тяжелой подпольной работы решил функции центрального органа революционной молодежной организации Абхазии временно возложить на «Спартак» при Сухумской учительской семинарии¹¹³. По сообщению Е. Шамба, в октябре 1919 года в семинарии состоялось собрание спартаковцев, на котором был преобразован Президиум «Спартака» в Сухумский окружной комитет комсомола. В него вошли: А. Тодуа (председатель), Н. Бокучава и Е. Шамба. Для проведения организационной работы были командированы: в Гумистинский уезд — А. Тодуа и П. Кирса, Кодорский — А. Маргания, Самурзаканский — Н. Бокучава, Гудаутский и Гагринский — Е. Шамба и К. Гамисония¹¹⁴.

В Кодорском участке А. Маргания нашел уже действовавшие молодежные ячейки; новые организации были созданы в Тамыш (Л. Голандзия), Джгерда (М. Амичба) и в других селах. В Гудаутском и Гагринском участках также были организованы участковые комитеты во главе с В. Лакербай и Я. Михайловым (Сангулия). Ячейки существовали в селах Лыхны, Звандрипш, Джирхва, Ачандара, Абгархук, Мгудзырхва, Лдзаа, Калдахвара и т. д. Активными деятелями этих первичных организаций являлись: Е. Варданя, В. Харазия, Г. Ф. Дзидзария, Г. Сабуа, М. Агрба, Д. Чагава, А. Тарба, Н. Таркил и другие¹¹⁵. Вскоре и в Самурзакано был организован комитет комсомола, а ячейки — в селах Тагилони (Н. Сакания), Репо-Шешелети и Набакеви (Ф. Шария)¹¹⁶.

В Сухуме существовало 15 профсоюзов, объединявших до 2 000 человек¹¹⁷. Представитель сухумских профсоюзных организаций был избран в состав Центрального совета профсоюзов Грузии¹¹⁸. В Гаграх до прихода деникинцев было четыре профсоюза — рабочих Гагринского района, рабочих и служащих Климатической станции, грузчиков, служащих государственных и общественных учреждений, торгово-промышленных предприятий. Например, профсоюз рабочих Гагрин-

¹¹² Г. Жваджия. Комсомол Грузии — помощник партии в борьбе за установление и упрочение Советской власти. Тбилиси, 1957, стр. 19.

¹¹³ Е. Шамба. Так зарождался комсомол в Абхазии; Н. Бокучава. О зарождении комсомола Абхазии.

¹¹⁴ Е. К. Шамба. Сквозь грозы, стр. 76.

¹¹⁵ Там же, стр. 75—76.

¹¹⁶ Журн. «Рабочая жизнь», № 12, 1919, стр. 13, Тифлис.

¹¹⁷ Там же, № 1, стр. 10—11.

¹¹⁸ Там же, № 3, стр. 11—12.

ского района (Новые и Старые Гагры, Отрадное и Игумново) состоял из 300 человек. 8 мая состоялось пленарное заседание правлений гагринских профсоюзов, которые вынесли постановление о восстановлении всех четырех союзов. Было составлено Временное бюро. Затем прошли собрания в организациях¹¹⁹. В Очемчирах существовало две профсоюзных организации — рестораторов и артели аробщиков¹²⁰.

Профсоюзы Абхазии страдали чрезвычайной дробностью и замкнутостью, применяли нередко своеобразный, на средневековый лад, метод борьбы с безработицей¹²¹. Весной 1919 года меньшевистское правительство издало новый закон о профсоюзах, согласно которому они должны были стать «нейтральными организациями» и не предъявлять предпринимателям и учреждениям никаких требований, прежде чем эти требования не будут рассмотрены и одобрены Советом профсоюзов, а затем Тарифной палатой. Тем не менее, как увидим дальше, под руководством большевиков повсеместно развернулась стачечная борьба, в которой отдельные профсоюзы играли активную роль.

* * *

Со второй половины 1918 года в Грузии наметился новый подъем массового революционного движения. Осенью 1918 года выступления рабочих и крестьян под руководством большевиков происходили по всей Грузии.

Осенью 1918 года в Тифлисе было зарегистрировано 1 600 конфликтов между рабочими и предпринимателями, в Кутаисе — 684. Особенное значение имела стачка рабочих Ткибульских копей. В стачечном движении этого периода принимали участие и железнодорожники¹²².

В Сухуме бастовали рабочие городского обоза и пожарной команды¹²³. В конце ноября 1918 года бастовали сухумские рабочне-табачники, требуя от администрации увеличения платы за погрузку и выгрузку табачных тюков. Рабочие были частично удовлетворены¹²⁴. Имел место конфликт между рабочими-печатниками и предпринимателями. Но профсоюзные верхушки не дали рабочим возможности отстоять их требова-

¹¹⁹ «Наше слово», 24 января 1919, № 17.

¹²⁰ ЦГАОРГ, ф. 8 с, оп. 1, д. 185, л. 4 об.

¹²¹ «Рабочая жизнь», № 12, 1919, стр. 13.

¹²² Н. В. Х а ч а п у р и д з е. Борьба грузинского народа за установление Советской власти, стр. 134—135.

¹²³ ЦГАА, ф. 4, л. 2904, л. 14.

¹²⁴ «Наше слово», 28 ноября 1918 г., № 150.

ния. Это было вызвано стремлением «близких к развалу меньшевиков удержать падение своих денег»¹²⁵. Подобные действия меньшевистских руководителей профсоюзов еще больше подрывали их авторитет.

Недовольство городской бедноты росло настолько быстро, что буржуазия города была охвачена тревогой, как бы не повторились «продовольственные беспорядки» 1916 года. Один из торговцев обувью в своем заявлении в окружной продовольственный комитет писал: «Вследствие распространившихся слухов по городу (Сухуму — Г. Д.) о предстоящих погромах и поджогах городских магазинов и торговых лавок по причине существующей дороговизны, опасаясь применения... расправы..., 8-го октября [1918 г.] излишек товара, хранившегося в моей сапожной мастерской, на Торговой улице, в занимаемом мною магазине..., я перенес к себе домой»¹²⁶.

14 января 1919 года в г. Сухуме состоялось собрание русских рабочих под председательством руководителя профсоюза рыбаков Мамонова, которое вынесло решение направить в Русский национальный совет делегацию для заявления о том, что этот контрреволюционный орган ни в коей мере не представляет интереса рабочих и крестьян, а также сделать запрос «об общем направлении его деятельности»¹²⁷. 22 января того же года профсоюз электриков г. Сухума потребовал от администрации электростанции повышения заработной платы рабочим на 100 процентов. В середине февраля это требование было передано в Центральную примирительную камеру, которая вынесла постановление об удовлетворении рабочих станции прибавкой в 350 руб. каждому из них¹²⁸.

В феврале 1919 года в Сухуме бастовали рабочие и мелкие служащие связи. Эта забастовка возникла «на почве сокращения зарплаты работников», когда «оклады не стали хватать даже на чурек»¹²⁹. Ища выход «из столь тяжелого положения», связисты часто устраивали собрания, обращались с просьбой об увеличении «мизерных окладов к администрации, дошли наконец до министра внутренних дел Грузин»¹³⁰. Но везде они получали «только одни обещания, улучшения не было». Тогда связисты решили устроить забастовку. Причем это выступление происходило в контакте со связистами

¹²⁵ ЦГАА, ф. 101, д. 325, лл. 32—34.

¹²⁶ Там же, ф. 4, д. 2690, л. 13.

¹²⁷ «Наше слово», 16 января 1919 г., № 10.

¹²⁸ Там же, 20 марта 1919 г., № 59.

¹²⁹ ЦГАА, ф. 101, д. 326, л. 278.

¹³⁰ Там же, д. 325, лл. 70—71.

Батума и Кутаиса. По указанию кутанского главного стачечного комитета, морзисты прикрыли чехлами аппараты, а почтовики покинули свои столы в конторах. На побережье от Гагра до Батума связь была прервана. Забастовка продолжалась в течение недели, пока главный стачком в г. Кутаисе не дал справку, что требования рабочих удовлетворены. Администрация вынуждена была повысить зарплату. Но вскоре руководителей забастовки меньшевистские власти заточили в Метехский замок¹³¹.

В марте 1919 года, в связи с задержкой зарплаты, профсоюз строительных рабочих в Сухуме организовал забастовку. Однако она была сорвана в результате предательства меньшевиков, которые пошли на компромисс с окружным управлением, а к концу 1919 года они и вовсе развалили данный профсоюз рабочих¹³². В начале 1919 года бастовали и сухумские табачники — грузчики и складчики, оказавшиеся без работы после прекращения экспорта табака в результате денкинской блокады побережья Абхазии. Рабочие свое «коллективное горе безработицы решили облегчить коллективным привлечением всех владельцев складов к обеспечению безработных сначала работой, а потом просто денежным пособием в виде ликвидационных». Они выиграли стачку — их условия были приняты¹³³.

Меньшевики в отношении этих выступлений масс занимали резко отрицательную позицию. Здесь следует прежде всего сказать о бирже труда, созданной, как уже отмечалось, фактически для борьбы с рабочим движением. Когда рабочие сухумских пекарен, вступив в конфликт со своими хозяевами, отказавшимися удовлетворить их требование об улучшении условий труда, прибегли к посредству биржи, то комиссар кричал им: «Вы — агенты большевиков и стремитесь углубить продовольственный кризис»¹³⁴. Строительные рабочие Сухума в своих воспоминаниях под характерным названием «В меньшевистском зажиме» также писали, что с ними биржа труда не считалась¹³⁵. Комиссар труда Г. Королев прямо говорил, что отдельные забастовки, таксировка труда воспытавают «в массах слишком пагубную привычку к прямым действиям...»¹³⁶. Квалифицируя как «дезорганизаторское» действие революционное выступление рабочих и мелких служащих, меньшевики принимали все зависящие от них меры, чтобы не допустить.

¹³¹ ЦГАА, ф. 101, д. 326, л. 278.

¹³² Там же, д. 325, л. 38.

¹³³ Г. Королев. Ничему не научились. «Наше слово», 17 июня 1919 г., № 128.

¹³⁴ ЦГАА, ф. 101, д. 325, лл. 23—24.

¹³⁵ Там же, лл. 37—39.

¹³⁶ «Наше слово», 17 июня 1919 г.

сорвать его. В то же время они всячески стремились «уничтожить» большевизм в профсоюзах, арестовывая наиболее классово сознательных рабочих. Например, Г. Королев, утверждавший, что «темнота» рабочих заставляет его, меньшевика, отказаться «не только от социализма, но даже, пожалуй, и от демократизма», старался, «что есть мочи, вышибить большевизм из союзов»¹³⁷.

Но никакие меры меньшевиков не могли сбить рабочих с революционного пути, задержать процесс большевизации профсоюзов. «Темную» рабочую массу, о которой так цинично говорил Г. Королев, меньшевикам не удалось одурачить — «влияние коммунистов росло в союзах неудержимо»¹³⁸. Среди грузчиков Сухумского порта коммунисты составляли около 15 процентов. Вокруг партийного актива (Желудков, Кремлянский, Макаров, Мгеладзе, Кобанцов и др.) «группировалось много сочувствующих»¹³⁹. В конце 1918 года по инициативе передового рабочего Кремлянского и при активной поддержке портового профсоюза в Сухуме была создана первая общедоступная столовая, а в начале 1919 года — больничная касса. Сперва касса содержалась за счет трехпроцентных отчислений от заработка самих рабочих, но вскоре, благодаря энергичной деятельности грузчиков-большевиков Кремлянского и Н. Борнсенко, содержание кассы было отнесено за счет предпринимателя¹⁴⁰. Рабочие профсоюза транспортников (аробчиков) Очемчир также были связаны с большевиками. Они приняли участие в разгрузке судна с солью, привезенной конспиративно для поддержки окружной большевистской организации¹⁴¹.

Профсоюз сухумских печатников возглавлял видный революционный деятель Г. Г. Анджиевский, работавший в типографии под фамилией Никнфоров¹⁴². В типографии А. М. Зайдшера, например, работали такие активные революционные рабочие, как М. Миканба, В. Иванов, П. Степанов, И. Филиппов. Сам владелец типографии Зайдшер сочувствовал делу большевиков и оказал им немало услуг, рискуя часто собой и всем своим имуществом¹⁴³.

И. Б. Шевцов пишет: «Профсоюзы были главной точкой приложения наших сил в Сухуме, где большевистская организация находилась на полулегальном положении. Профсоюзные организации электриков, грузчиков день ото дня большевизи-

¹³⁷ «Рабочий», 3 июля 1919 г., № 1, Тифлис.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ ЦГАА, ф. 101, д. 325, лл. 13—18.

¹⁴⁰ Там же, л. 16.

¹⁴¹ Там же, д. 326, л. 10 об.

¹⁴² О Г. Г. Анджиевском см. «Настольный календарь на 1959 год», М., стр. 141.

¹⁴³ М. Х. Миканба. Указ. соч., стр. 28—29.

ровались. В состав правлений стали также выбирать большевиков»¹⁴⁴.

Орган Тифлисского комитета РКП(б) газета «Рабочий» писала: «Пролетариат и полупролетариат Сухума нашупал правильный путь и твердо шел за Коммунистической партией, как за единственным верным вождем». Празднование 1 Мая в Сухуме «отчетливо установило, что рабочая масса идет прямо за коммунистами»¹⁴⁵; «масса сухумского пролетариата не идет за правительственными социалистами (меньшевиками.—Г. Д.), а признает своим вождем партию коммунистов»¹⁴⁶.

Еще за десять дней до 1 мая рабочие Сухума и крестьяне окрестных сел просили большевиков «устроить праздник отдельно от правительственных социалистов с большевистскими знаменами»¹⁴⁷. Большевики всячески старались сорвать первомайскую демонстрацию. Они запретили, например, профсоюзу грузчиков шествовать с большевистскими красными знаменами, с портретом В. И. Ленина и лозунгами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Да здравствует всемирная социалистическая революция!», а также со знаменем с портретом А. М. Горького. Рабочие спрятали свои знамена «от глаз новых жандармов и развернули их в горах и ущельях»¹⁴⁸.

Назначенная же меньшевиками официальная демонстрация «совершенно не удалась, и под знаменем меньшевиков собралась незначительная кучка рабочих» — 9 человек из 600 членов профсоюзов¹⁴⁹. Большевистский оратор Мякишев на митинге был встречен бурной овацией¹⁵⁰. Г. Королев со свойственным ему цинизмом объяснял это тем, что в Сухуме будто «еще почти не народился рабочий класс», хотя он перед этим писал, что здесь за короткое время образовалось 13 профсоюзов¹⁵¹.

Тот же Королев впоследствии, вспоминая о первомайских событиях 1919 года, констатировал факт «открытого выступления» представителей Коммунистической партии; в частности, призыв Мякишева он передает так: «Перевернуть мир вверх дном и радикально идти к социализму». Королев свидетельствовал и о том, что в «сухумской вечно меняющейся толпе» упомянутый большевик «находит... охотно рукоплещущих»¹⁵².

¹⁴⁴ И. Б. Шевцов. Особое задание. М., 1960, стр. 6.

¹⁴⁵ «Рабочий», 3 июня 1919 г., № 1.

¹⁴⁶ А. Беляков. Из Сухума. «Социал-Демократ», 12 мая 1919 г., № 66, Тифлис.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ И. Жвания. Из воспоминаний о работе в Абхазии, стр. 33.

¹⁵¹ А. Беляков. Указ. статья.

¹⁵² «Наше слово», 1 мая 1920 г., № 94

Трудящиеся Абхазии бойкотировали меньшевистские учреждения и мероприятия. На «всеобщие» выборы Сухумской городской думы 4 мая 1919 года из 11 658 избирателей явилось только 1 608 человек или 13,8 процента. Из 40 гласных думы, «избранных» 21 мая 1919 года, князья и дворяне составляли 16 человек, купцы — 12, рабочих не было ни одного; по партийному составу: меньшевиков было 11 чел., эсеров — 7, национал-демократов — 10 и федералистов — 7 человек¹⁵³.

В связи с первой годовщиной «независимости» Грузинской республики 26 мая 1919 года в городах Абхазии решено было провести собрания и митинги рабочих и служащих. 21 мая в г. Сухуме состоялось собрание печатников, на котором первым выступил меньшевик С. Рамишвили, призвавший всех принять активное участие в предстоящей демонстрации. Типографские рабочие М. Миканба, В. Иванов и другие заявили о бойкоте рабочими меньшевистского торжества. При голосовании большинство голосов было за невыход на демонстрацию. Не увенчалось успехом для меньшевиков и собрание, организованное ими 25 мая. Здесь с горячей речью выступил недавно приехавший из Новороссийска наборщик С. Буряков, который через несколько месяцев после этого, как активный коммунист, был расстрелян англичанами, будучи выданным азербайджанскими мусаватистами. В результате на меньшевистский праздник вышло очень мало трудящихся Сухума¹⁵⁴.

Рабочие и служащие имений «Синоп» и «Диоскурия» 19 июня прекратили работу и объявили забастовку впредь до полного удовлетворения их требований, согласно постановлению общих собраний от 12 и 15 июня, о чем довели до сведения Центрального бюро профсоюзов г. Сухума. Требования рабочих состояли в обеспечении их ежемесячным жалованием в размере 500 рублей начиная с января 1919 года. Это было вызвано тем, что управляющий имением «Синоп» нанял в январе рабочих по 500 руб., а выдавал по 300 руб. в месяц¹⁵⁵. 22 июня 1919 года состоялось общее собрание рабочих электростанции Сухума, которое потребовало от администрации удовлетворения требований рабочих и служащих, предъявленных ранее¹⁵⁶.

Ярким показателем роста влияния большевиков на трудящиеся массы являются также выборы в Центральное бюро профсоюзов. Уже в феврале 1919 года в состав бюро вошло несколько большевиков, а в начале июня того же года при первых выборах председателя бюро представитель большевистской организации, только что приехавший и никому не из-

¹⁵³ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 80, л. 26.

¹⁵⁴ М. Х. Миканба. Указ. соч., стр. 29—30.

¹⁵⁵ «Наше слово», 24 июня 1919 г., № 134.

¹⁵⁶ Там же, 25 июня 1919 г., № 135.

вестный здесь Г. Анджиевский (под фамилией Никифоров), получил 8 голосов, а кандидат блока меньшевиков и эсеров «известный» И. Лордкипанидзе — 9 голосов, несмотря на то, что «большевикам на собрании не давали говорить. Опасность большевизма была налицо в Центр. б. профсоюзов», и меньшевики взялись за разгром «внутреннего врага»¹⁵⁷.

Меньшевики назначили перевыборы делегатов от профсоюзов, предварительно «подсыпав» от союза городских служащих 5 человек — своих надежных людей. При этом надо заметить, что все союзы выбирали делегата от 50 членов союза, а городских служащих всего было 150 человек, следовательно они послали одного делегата от 30 членов союза. Этот профсоюз по своему составу был весьма пестрым. В него входили фармацевты, учителя, врачи, писцы, скотобойцы, сиделки, церковные сторожа, пожарные и другие. В то же время было решено мобилизовать членов «крамольных» союзов для смены меньшевистских гвардейцев, отпущенных на отдых. Центральное бюро профсоюзов предписало союзам ресторанных служащих и грузчиков, чтобы они назначили в меньшевистскую гвардию 51 человек своих членов, в том числе 35 грузчиков. Но рабочие «зашумели и потребовали» общего собрания для обсуждения вопроса¹⁵⁸.

Тем временем шли перевыборы делегатов в Центральное бюро профсоюзов при ближайшем участии комиссара труда и других «лучших сил меньшевистской организации». Последние являлись на общие собрания союзов и «вели свою линию». Тем не менее на первом заседании нового Центрального бюро оказалось, что из 25 выбранных членов бюро — 18 большевиков. «Сухумские профессиональные союзы рабочих дали соглашателям достойный, истинно пролетарский ответ на все их потуги выбросить большевиков из профессиональных союзов. Классовый инстинкт угнетенных рабочих масс подсказал трудящимся Сухума, что Российская Коммунистическая партия единственный верный вождь революционных масс в их классовой войне с паразитами-капиталистами, с хищниками всемирного империализма за диктатуру пролетариата, как верный путь для достижения социализма»¹⁵⁹.

В июне 1919 года бастовали рабочие и мелкие служащие Сухумской электростанции, требовавшие установления восьмичасового рабочего дня, увеличения заработной платы, страхования за счет предприятия, права пользования месячным отпуском с сохранением жалования, предоставления профсоюзу электро-технического дела права на прием и увольнение и т. д. Все эти требования, обсужденные на пленарном засе-

¹⁵⁷ «Рабочий», 3 июля 1919 г., № 1.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

данни Центральной примирительной камеры, были удовлетворены¹⁶⁰.

Весной 1919 года почти весь Северный Кавказ оказался во власти денкинских банд. Они вынудили XI Красную Армию отступить по пустынным пескам к Астрахани. Об этом тяжелом положении уполномоченный Совнаркома РСФСР по делам горцев Кавказа Е. А. Эшба 9 апреля 1919 года писал в Народный комиссариат по делам национальностей следующее: «По приезду в Астрахань мне стало известно, что положение Кавказского фронта катастрофическое. В радиотелеграммах т. Орджоникидзе и Реввоенсовета XI Армии указывалось, что армия, столь героически более года бессменно сражавшаяся с белогвардейцами, вследствие страшной эпидемии сыпного тифа, вследствие плохого обмундирования (дело было зимой), уже несколько месяцев не получавшая дневного довольствия, — эта армия стала определенно разлагаться и что надеяться ее силами удержать фронт нельзя. Вместе с тем оказалось, что контрреволюционные элементы горского населения, воспользовавшись удобным моментом, запугиванием и обманом вербовали своих сторонников и стали помогать денкинцам...» Далее Эшба отмечал, что этот «же перевес противника сильнее сплотил трудовых горцев, уже с оружием вступающих против казачьей контрреволюции...»¹⁶¹

Достигнув такого положения на Северном Кавказе, генерал Деникин непосредственно угрожал вторжением в Закавказье. Он стремился обеспечить себе тыл, расширить свои владения. Захват Закавказья дал бы денкинцам дополнительные материальные ресурсы и помог бы реакционным элементам Закавказья подавить нараставшее революционное движение. Деникин стремился мобилизовать контрреволюционные силы края, в частности, Абхазии. Еще в середине декабря 1918 года в Сухуме высадился агент монархической организации полковник денкинской армии Турчанинов «с целью создания в Абхазии активной монархической группы для вербовки офицеров на месте...» В январе 1919 года он организовал здесь отдел штаба «Добровольческой» армии, «мобилизующего даже полупринудительным путем русских офицеров и отправляющего на... фронт». Кроме того, в Сухуме был учрежден монархический центр для осуществления заданий российской контрреволюции «о восстановлении монархического строя», куда входили такие люди, как официальный агент Деникина Шатилов и др. Между прочим, последний был арестован одновременно с Турчаниновым и у него было найдено письмо, адресованное бывшему герцогу Лейтенбургскому, с изло-

¹⁶⁰ «Наше слово», 17 июля 1919 г., № 128.

¹⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 42, лл. 44—45.

женем плана «выступления одного из бывших великих князей в Крыму при готовящемся провозглашении его монархом»¹⁶².

Деникин стремился также оживить контрреволюционную деятельность русского духовенства «в Черноморье с Сухумом». Работа духовенства «в настоящее время, — писал он сухумскому епископу Сергию, — должна быть особенно энергичной, планомерной и согласованной»¹⁶³. Деникин предлагал, оставив духовенство Черноморской области в канонической зависимости от сухумского епископа, в административном отношении, на время военных действий, подчинить его состоящему при Деникине протопресвитеру военного и морского духовенства, как лицу, «могущему согласовать деятельность указанного духовенства с нуждами и интересами» деникинской армии¹⁶⁴.

Генерал Деникин налаживал связи и с абхазскими контрреволюционными элементами. Последние и сами изъявили готовность поддержать «Добровольческую» армию, а некоторые из них даже сражались в рядах этой армии. Меншевицкий военный представитель в Батуме полковник Гедеванов 24 января 1919 года сообщал министру иностранных дел Грузии, что формирование вооруженной силы деникинцами, видимо, ведется и в Абхазии «через князя Александра Шервашидзе, почему необходима и с этой стороны осторожность. Сейчас мне сообщили, — писал он, — Шервашидзе через инженера Михаила Вартаиовича Буз-оглы, уехавшего через Сухум, отправил туда письмо и документы, между прочим, на имя Таташа Маршания»¹⁶⁵. А в телеграмме от 30 января Гедеванов писал, что ему удалось «собрать некоторые дополнительные сведения о работе Шервашидзе в Абхазии» и делал такой вывод: «Надо думать, что в Абхазии готовится какое-то выступление, возможно даже при поддержке Добровольческой армии»¹⁶⁶.

В июне 1919 года А. Шервашидзе просил Деникина обратить «свое внимание на Абхазию»¹⁶⁷. Деникин получил из Абхазии еще одно письмо — от А. Хасая. «Кроме вас мы не знаем никого, — писал он, — у кого еще мы могли бы просить о предоставлении нам свободы... Просим вас ока-

¹⁶² ЦГАОРГ, ф. 48 с, оп. 2, д. 121, лл. 12—21. Рапорт чрезвычайного комиссара Сухумского округа В. Чхиквишвили председателю правительства Грузии Н. Жордания.

¹⁶³ Арх. Абгосмузея д. 76, л. 1. Письмо генерала А. Деникина епископу сухумскому Сергию от 18 января 1919 г.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ «Борьба за Советскую власть в Аджарии». Документы и материалы (1917—1921 гг.). Батуми, 1961, стр. 176, док. № 104.

¹⁶⁶ Там же, стр. 178—179, док. № 107.

¹⁶⁷ «Апсны», 21 июня 1919 г., № 13.

зать помощь нам, абхазцам, прислать оружие, направить к нам офицеров для руководства, а также прислать возможное количество вооруженных войск; тогда и мы, с помощью последних, постарались бы оказать вам посильную помощь в вашем стремлении...»¹⁶⁸

С генералом Деникиным непосредственно были связаны и некоторые члены Народного совета Абхазии, являвшиеся верными агентами российской белогвардейщины. Один из них, А. А. Демьянов, например, на заседании совета 18 ноября 1919 года открыто выступил в защиту деникинской армии, которая, по его словам, задалась «патриотической целью избавить Россию от... большевизма»¹⁶⁹. Это тот самый Демьянов, который одно время являлся председателем Малого совета Временного правительства, после свержения которого вел широкую контрреволюционную деятельность на юге России, а накануне приезда в Сухум — переговоры с генералом Калединым в Новороссийске¹⁷⁰. В Сухуме он, с благоволения меньшевиков, очутился в составе Абхазского народного совета, откуда, правда, вскоре был изгнан под давлением оппозиции. Абхазские «депутаты» — монархисты также мечтали о присоединении Абхазии к деникинской России. Все эти крайне правые элементы не раз утверждали, что «честный патриот» Деникин — монархист»¹⁷¹.

Генерал Деникин дорожил решимостью контрреволюционных элементов Абхазии, должным образом учитывая в первую очередь стратегическое значение края. Он рассматривал территорию Абхазии как «стратегический ключ Грузии» и собирался «двигаться дальше при помощи таиков, аэропланов и крейсера, представленных в его распоряжение англичанами»¹⁷². Поэтому Деникин, по получении указанного выше заявления абхазских монархистов, обратился к английскому командованию — генералам Мильну и Уоккеру — со следующими требованиями: «1. Немедленное удаление грузинских войск и администрации из [Сухумского] округа. 2. Объявление округа нейтральным... 3. Отвод грузин за реку Ингур»¹⁷³.

Подобные притязания Деникина крайне беспокоили меньшевиков. Меньшевицкую Грузию, как и другие буржуазные государственные образования, создавшиеся после Октябрь-

¹⁶⁸ «Альсы», 5 июля 1919 г., № 15.

¹⁶⁹ «Наше слово», 20 ноября 1919 г., № 254.

¹⁷⁰ А. Демьянов. Записки о подпольном Временном правительстве. «Архив русской революции», т. VII, стр. 51—52.

¹⁷¹ Г. Королев. Письма из Абхазии. «Борьба», 7 октября 1919 г., № 227.

¹⁷² М. Н. Покровский. Предисловие к сб. «Демократическое правительство» Грузии и английское командование». Сост. С. Е. Сеф. Закннига, 1928, стр. 8.

¹⁷³ ЦГАА, ф. 339, д. 7, лл. 5—6. Протокол заседания Абхазского народного совета от 15 апреля 1919 г.

ской революции, отталкивала от царского генерала его великодержавная политика, направленная к «восстановлению» «единой и неделимой» России. Деникин совершенно не скрывал, что Закавказье им рассматривается именно лишь как одна из провинций, в пределах которой в дальнейшем должна была быть восстановлена старая система управления — «наместничество». Кроме того, в планы грузинских меньшевиков несколько не входило, разумеется, укрепление белых вообще на Черноморье. К тому же они сами претендовали на район Сочи—Туапсе.

«По смыслу октябрьских переговоров видно было, что Грузия соглашалась уступить до Сочи, но Алексеев требовал Сочи и даже домогался втянуть Сухумский округ в Кубанскую область. В общем эти переговоры ни к чему не привели, и война между Грузией и Кубанью, очевидно, стала неизбежной»¹⁷⁴. В начале января 1919 года части «Добровольческой» армии вторглись в пределы Сочинского округа. Затем деникинцы, перейдя границу Абхазии, заняли и Гагринский участок¹⁷⁵.

15 февраля 1919 года Н. Жордания в беседе с командующим британскими войсками в Закавказье генералом Уоккером заявил: «Правительство Грузии не может быть спокойно, если отряды Добровольческой армии будут стоять в пределах Грузинской республики». Он угрожал, что если белогвардейцы сами добровольно не отойдут к Старым Гаграм, то они будут изгнаны¹⁷⁶. 20 марта 1919 года Абхазский народный совет постановил: «Телеграфно довести до сведения через председателя правительства Грузии высших представителей союзных держав о горячем протесте... по поводу захвата» части Абхазии «Добровольческой» армией и просить грузинское правительство о принятии мер по немедленному очищению этой территории «до исторических границ Абхазии, т. е. до реки Мзымты»¹⁷⁷.

Но представители английского командования давали грузинским меньшевикам уклончивые ответы и отнюдь не старались оказывать какое бы то ни было давление на Деникина. Тогда правительство меньшевистской Грузии решило силой завладеть отнятой у них деникинцами территорией и начало концентрировать свои войска на территории Абхазии¹⁷⁸.

Между тем генерал Деникин, которому нужны были вой-

¹⁷⁴ «Жизнь национальностей», 5 января 1919 г., № 1.

¹⁷⁵ «Афсны», 5 апреля 1919 г., № 4.

¹⁷⁶ «Демократическое правительство» Грузии и английское командование», стр. 25.

¹⁷⁷ ЦГАОРГ, ф. 24 с, оп. 2, д. 121, лл. 58—60. Телеграмма председателя Народного совета Абхазии Эмухвари председателю правительства Грузии от 20 марта 1920 г.

¹⁷⁸ Н. В о р о н о в и ч. Между двух огней, стр. 107.

ска против большевиков, принужден был постепенно сокращать свои силы на Черноморском побережье. Из оставшихся в Сочинском округе «добровольческих» частей многие были сняты с меньшевистского фронта для подавления «непрекращавшихся крестьянских восстаний». Поэтому в Гаграх и по линии р. Бзыбь у белогвардейцев оставалось всего несколько рот очень слабого состава¹⁷⁹.

Сосредоточив по реке Бзыбь 8 батальонов, конный дивизион и 4 батареи своей гвардии, меньшевики соорудили несколько паромов и, «воспользовавшись беспечностью добровольцев, считавших себя вполне прикрытыми английскими пикетами»¹⁸⁰, в ночь с 17 на 18 апреля, переправившись через указанную реку, правым своим флангом подошли к бывшему имению принца Ольденбургского «Отрадное», а левым — заняли дачу великого князя Александра Михайловича Романова «Колхиду». 17 же апреля части сухумской группы войск заняли Гагры и продвинулись на 6 верст вперед, а конный дивизион занял позицию по реке Мехадыр. Противник, к тому же «обстреливаемый ружейным огнем группами восставшего населения» (в это время в районе Адлера появился сильный партизанский отряд), отступил за реку¹⁸¹.

Части денкинской армии, предназначенные для наступления на Закавказье, были сосредоточены в районе Адлера. Однако дальнейшие военные действия между денкинцами и меньшевистскими войсками не входили в расчеты англичан. Осенью 1918 года последние санкционировали оккупацию Сочинского округа меньшевистскими войсками, так как ни они, ни русские белогвардейцы в тот период не имели возможности держать здесь свои собственные вооруженные силы. В начале 1919 года белогвардейцы развернули наступление на Черноморском побережье в сторону Сухума. Считая, что денкинские войска лучше справятся с революционным движением здесь, чем меньшевистские, английское командование стало на сторону белогвардейцев¹⁸². Теперь же империалисты избегали взаимного ослабления тех и других, ибо они нужны были им для борьбы с большевизмом. К тому же Англия прекрасно учитывала, что распространение Деникина в Закавказье лишит ее возможности продолжать эксплуатацию нефтяных и других богатств края. Поэтому в роли посредника между меньшевиками и денкинцами выступил генерал Бич, уже третий по счету командующий британскими воору-

¹⁷⁹ Н. Воронович. Между двух огней, стр. 107.

¹⁸⁰ Там же, стр. 108.

¹⁸¹ «Грузия», 24 апреля 1919 г., № 87; В. Джугели. Тяжелый крест, стр. 139—144.

¹⁸² В. И. Адамия. Из истории английской интервенции в Грузии. Сухуми, 1961, стр. 79.

¹⁸³ Д. Енукидзе. Крах империалистической интервенции в Закавказье. Тбилиси, 1954, стр. 157.

женными силами на Кавказе¹⁸³. Кроме того, Деникин, намереваясь начать поход на север — «на Москву», теперь и сам считал немислмым создавать здесь новый фронт и без труда дал английскому генералу Бриггсу уговорить себя пойти на переговоры с правительством меньшевистской Грузии¹⁸⁴.

Эти переговоры состоялись в Тифлисе 23—24 мая 1919 года. Бриггс в качестве полномочного представителя Деникина огласил условия последнего, смысл которых заключался в том, чтобы меньшевики отошли за р. Бзыбь, а остальная Абхазия могла «временно оставаться в управлении грузинского правительства»¹⁸⁵. Английские генералы Бич и Бриггс пугали меньшевиков, что если условия Деникина не будут приняты, то он «поведет самое широкое наступление и, может быть, займет Абхазию»¹⁸⁶. Меньшевистское правительство настаивало на сохранении стратегической границы по р. Мехадыр¹⁸⁷. Была также оглашена телеграмма Народного совета Абхазии «с просьбой об очищении Абхазии от войск Добрармии»¹⁸⁸. Однако угрозы генерала Деникина и старания английского командования заставили грузинское меньшевистское правительство дать согласие отвести свои войска за р. Бзыбь, но при условии, что и «добровольцы» не перейдут р. Мехадыр. Территория между этими реками была объявлена «нейтральной зоной». Установлением демаркационной линии английским командованием заграждался Деникину путь в Закавказье, хотя подобные преграды были весьма условны и непрочны.

Грузинские же меньшевики, отказавшись от предложения о военном союзе с Советской Россией, стремились добиться мирных отношений с Деникиным. Правда, как отмечалось выше, они были заинтересованы в ослаблении белых в Черноморье. С этой целью меньшевистские правители даже пытались воспользоваться борьбой красных партизан здесь. Именно этим объясняется тот факт, что бывшим красноармейцам Северокавказской Красной Армии часто удавалось пробираться через границу меньшевистской Грузии в Абхазию¹⁸⁹.

¹⁸⁴ В. Фавицкий. Зеленая армия в Черноморье. Журн. «Пролетарская революция», №№ 8—9, 1924, стр. 45.

¹⁸⁵ Протокол совещания представителей грузинского правительства и Добровольческой армии 23 мая 1919 г. «Наше слово», 15 июня 1919 г., № 127.

¹⁸⁶ Протокол заседания Народного совета Абхазии от 6 июня 1919 г. «Наше слово», 14 июня 1919 г., № 126.

¹⁸⁷ Протокол совещания представителей грузинского правительства и Добровольческой армии. «Наше слово», 14 и 15 июня 1919 г., №№ 126 и 127.

¹⁸⁸ Там же, 14 июня 1919 г., № 126.

¹⁸⁹ В. Фавицкий. Указ. соч., стр. 49.

Несмотря на все это, отдельные части «Добровольческой» армии уже 30 мая 1919 года начали наступать на р. Мехадыр, но они были быстро отброшены. Кроме того, новый командующий британскими силами на Кавказе генерал Кори от имени своего правительства сообщил 11 июня 1919 года о новой демаркационной линии между Деникиным и грузинскими меньшевиками, по которой Гагринский район отходил к Деникину. Правительство меньшевистской Грузии обратилось к английскому командованию с «энергичной нотой»¹⁹⁰.

Однако в условиях революционного подъема, охватившего летом 1919 года Закавказье в связи с угрозой вторжения деникинцев, меньшевистское правительство вынуждено было примириться с этим решением, т. е. уступить Деникину в гагринском вопросе. Вместе с тем меньшевистские правители никогда не забывали, что у них и у царского генерала общие интересы по отношению к большевизму. Глава меньшевистского правительства Ной Жордания английскому генералу Бичу прямо заявил: «Ведь генералу Деникину будет несравненно лучше, если тыл у него будет обеспечен»¹⁹¹. И действительно, когда летом 1919 года Деникин по указке Антанты начал свой поход «на Москву», для российской контрреволюции меньшевистская Грузия стала тылом. Империалистические государства получили полную возможность через территорию Грузии перебрасывать обмундирование и снаряжение деникинской армии. «Грузинское правительство, — говорил Н. Жордания, — определено расположено не делать препятствий для осуществления плана, предложенного верховным командованием...»¹⁹²

Чрезвычайный комиссар Абхазии В. Чхиквишвили писал Ную Жордания: «В связи с раскрытием на днях в Сухуме монархической организации и арестом полковников Шатялова и Турчанинова по городу распространяются слухи, что русским офицерам, желающим поступить в Добровольческую армию, мешают в этом. Настоящим объявляю, что это лишено всякого основания и что все господа, желающие ехать туда, могут встретить со стороны властей только поддержку»¹⁹³. Е. Гегечкори во время переговоров с представителями «Добровольческой» армии в мае 1919 года «с гордостью заявил» о том, что

¹⁹⁰ Мемуар грузинской социалистической делегации на Люцернской конференции для рабочей фракции палаты общин. «Демократическое правительство» Грузии и английское командование», стр. 91—92.

¹⁹¹ «Демократическое правительство» Грузии и английское командование», стр. 64.

¹⁹² Цит. по книге Я. Шафир. Очерки грузинской жироиды. Гиз, 1925 стр. 160.

¹⁹³ ЦГАОРГ, ф. 48 с. оп. 2, д. 121, лл. 12—21.

в меньшевистской Грузии белогвардейское офицерство «нашло защиту и приют... Здесь они могли сохранить свое существование и укрыться от преследований, которым подвергались по всей... России»¹⁹⁴.

Грузинские меньшевики охотно подчинялись требованиям Антанты «закрывать большевикам вход в Закавказье»; не пропускать в Грузию всех, против кого выскажутся английский и «добровольческий» представители. Еще в декабре 1918 года у меньшевистского генерала Магалова «появилась мысль» об организации корпуса «для борьбы с большевиками в союзе с правительствами согласия» на средства последних, т. е. государств Антанты¹⁹⁵. В феврале 1919 года генерал Уоккер с ведома меньшевистского правительства послал отряд в 400 человек для «охраны» Дарьяльского ущелья «против большевиков», причем сохранив за собой права установить британский контроль на Военно-Грузинской дороге, в Казбеке, чтобы можно было бы «во всякое время иметь основание проверить, не делают ли частные лица нечестного употребления из паспортов, выданных грузинским правительством, и не сообщаются ли с большевиками»¹⁹⁶.

Генерал Бич на совещании представителей «Добровольческой» армии и грузинского меньшевистского правительства в мае 1919 года, оценивая заслуги последнего в борьбе с большевизмом, говорил: «В Европе сказали бы, что маленькая Грузия... во имя борьбы с большевизмом принесла жертву, войдя в соглашение с Добровольческой армией, и этим дала возможность Деникину перебросить крупные силы с Черного моря на большевистский фронт»¹⁹⁷.

Вот почему В. И. Ленин включил меньшевистскую Грузию в число участников похода 14 государств против Советской России.

Угроза деникинского вторжения оказала большое влияние на развитие революционного движения в Закавказье. Перед большевистскими организациями края встала задача мобилизовать трудящиеся массы на борьбу и против белогвардейцев, и против контрреволюционеров, сочувствовавших деникинцам и подготовлявших их приход в Закавказье. Большевики выдвинули лозунг объединения всех сил трудящихся Грузии и Закавказья. Они требовали создания единого фронта против белогвардейцев и объявления им революционной войны.

¹⁹⁴ ЦГАОРГ, ф. 51 с, оп. 1, д. 41, лл. 25—32. Объяснение командующего войсками Сухумского и Сочинского округов ген. Кониева.

¹⁹⁵ «Борьба за Советскую власть в Грузии», стр. 353, док. № 381.

¹⁹⁶ Там же, стр. 339, док. № 400.

¹⁹⁷ ««Демократическое правительство» Грузии и английское командование», стр. 59.

Тифлисский комитет РКП(б) призывал трудящихся Грузии требовать от правительства решительной борьбы против Деникина и всех его союзников. Рабочие устраивали митинги и демонстрации, где принимали политические резолюции¹⁹⁸. Резолюции публиковались в большевистских газетах «Волна» и «Рабочий».

В Сухуме в этом деле активную роль играл старый большевик Г. Анджиевский. «Развертывая борьбу против меньшевиков и успешно вовлекая в нее рабочих Сухума, Анджиевскому вскоре удастся отбить попытки меньшевистского совета профсоюзов двинуть под своим руководством рабочие массы Абхазии против деникинских отрядов»¹⁹⁹. Узнав о намерении меньшевиков созвать вербовочное собрание профсоюзов Сухума, Анджиевский организовал нелегальное собрание печатников, на котором он, совместно с В. Ивановым, М. Хахмигери, И. Цехановским и другими, составил резолюцию, призывавшую трудящихся Абхазии двинуться во главе с коммунистами на борьбу с Деникиным и соединиться с Красной Армией. Эту резолюцию рабочие должны были отстаивать на общегородском собрании профсоюзов²⁰⁰.

Такое собрание состоялось в Сухуме 22 июня 1919 года. Меньшевики выставили на митинге лучшие свои силы во главе с И. Рамишвили. Выступил, например, член Учредительного собрания К. Нинидзе, специально приехавший из Тифлиса. «Соглашатели, — писала большевистская газета «Рабочий», — направили все свои усилия для затемнения классового самознания пролетариата, для одурачивания... масс. Трудно да и нет необходимости передать все обычные пошлости, ложь и клевету, на которую всегда так щедры меньшевики, когда ради интересов собственного болота они вступают в бой против коммунистов»²⁰¹.

На собрании от имени коммунистов выступило три человека (рабочий А. Мгеладзе и др.). Рабочие по предложению большевиков приняли резолюцию о создании единого фронта против Деникина и об освобождении из Метехского замка арестованных коммунистов²⁰².

Между прочим, с занятой деникинцами территории в Сухум хлынула масса беженцев, в числе которых оказалось много коммунистов, бежавших от белогвардейцев через горы почти раздетыми и разутыми. Сухумский окружной комитет

198 «История гражданской войны в СССР», т. 4. М., 1959, стр. 324—325.

199 ЦГАА, ф. 101, д. 325, лл. 31—34.

200 Там же, д. 326, л. 33.

201 «Рабочий», 4 июля 1919 г., № 2.

202 Там же.

203 С. Кухалейшвили. Обзор революционной работы в Абхазии, стр. 27.

большевистской партии стремился оказать им материальную и иную помощь²⁰³.

Революционный подъем, охвативший летом 1919 года Закавказье в связи с угрозой вторжения денкинцев, вызвал серьезные опасения у английских империалистов и крайне напугал буржуазно-националистическое правительство. Последнее, опираясь на поддержку интервентов, принялись громить революционные организации пролетариата, арестовывать большевиков, закрывать революционные газеты. Газета «Рабочий» писала: «Явные предатели лозунг «все на борьбу против Деникина» заменили лозунгом «все против большевиков»²⁰⁴.

Многие активные партийные и профсоюзные деятели снова были арестованы или вынуждены выехать из Абхазии, как например, Г. Анджиевский. По постановлению Народного совета Абхазии было «очень много посажено в тюрьмы»²⁰⁵. Большевики принимали все меры, чтобы разложить профсоюзы. Это видно особенно наглядно на примере профсоюза кожевников. Он был организован по инициативе подпольной группы большевиков 18 июля 1919 года и охватывал вначале до 150 человек. Председатель Центрального бюро профсоюзов С. Рамишвили предложил исключить из него «всех замеченных в большевизме». После «реорганизации» в августе 1919 года осталось в профсоюзе всего 45 человек; остальные разъехались, или были арестованы; секретаря союза Жукова выслали из Абхазии²⁰⁶.

Большевистский комиссар внутренних дел Абхазии Л. Тумаркин на заседании Абхазского народного совета 6 мая 1919 года говорил: «Переполнение тюрьмы, конца которому нельзя предвидеть... заставляет открыть второе отделение тюрьмы, а это требует увеличения штата... Тюрьма, рассчитанная на 120 ч., содержит теперь 200 ч., из них 70 чел. больных сыпным тифом»²⁰⁷.

В городах Абхазии были созданы военные комендатуры, в центре — окружное управление под названием «штаба обороны» во главе с полковником Тухарели, в уездах оперировали войсковые части «по своему усмотрению, заменяя администрацию». Словом, все военно-административное управление страной находилось в руках военных агентов большевистского правительства²⁰⁸. Большевики захватили и городские самоуправления. Они издали закон о подданстве при выборах этих органов, лишавший права голоса значительную часть город-

²⁰⁴ «Рабочий», 3 июля 1919, № 1.

²⁰⁵ Лемберг. Указ статья.

²⁰⁶ ЦГАА, ф. 101, д. 5, л. 309. История профсоюза кожевников Абхазии.

²⁰⁷ «Наше слово», 15 июня 1919 г., № 127.

²⁰⁸ Мих. Тарнава. Друзья и враги демократии Абхазии. «Социал-Демократ», 20 октября 1919 г., № 87.

²⁰⁹ Там же, 10 ноября 1919 г., № 90.

ского населения, так как указанный закон вышел до принятия последней подданства меньшевистской Грузии²⁰⁹.

Все эти меры только усилили борьбу трудящихся масс против буржуазно-меньшевистской диктатуры. Центральное бюро профсоюзов Сухума сообщало об участившихся конфликтах между рабочими и предпринимателями, в связи с чем оно считало необходимым поставить примирительную камеру «на должную высоту». «Значение примирительной камеры для Сухума и Сухумского округа, — писало Центральное бюро профсоюзов в Сухумскую городскую думу 21 июля 1919 года, — видно по количеству поступивших и поступающих дел...»²¹⁰

Не мирилось с меньшевистской властью и крестьянство Абхазии. «Абхазия хотела знать лишь одну Соввласть. Какие-либо другие лозунги для крестьянства Абхазии уже были пустым звуком»²¹¹. Убедившись, что из рук меньшевиков землю получить нельзя, крестьяне сами все чаще захватывали помещичьи и монастырские земли.

Наместник Драндского монастыря игумен Илиан в своем доисесении меньшевистскому комиссару села от 20 августа 1918 года писал, что в течение всего 1918 года крестьяне близлежащих к монастырю селений «позволяли себе творить следующие... деяния, строго преследуемые законом: 1) Занимать и самовольно запахивать монастырские земли. 2) Производить потравы, пасти скот на полянах, представляющих собою хороший сенокос. 3) Уводить живой и уносить мертвый инвентарь. 4) Пользоваться... сельскохозяйственными продуктами с полей, огородов и садов. 5) Производить... порубку монастырского леса»²¹².

Настоятель Ново-Афонского монастыря архимандрит Илларион 25 октября 1918 года также писал чрезвычайному комиссару Абхазии, что участились «незаконные» крестьянские захваты монастырских земель, и просил защитить обитель от захватчиков, являющихся в вооруженном виде²¹³. На специально созванном совещании 30 октября 1918 года стоял воп-

²¹⁰ ЦГАА, ф. 4, д. 2886, л. 18.

²¹¹ Н. Л а к о б а. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 18.

²¹² ЦГАА, ф. 22, д. 45, л. 55.

Заведующий 7-м верстовым хутором Драндского монастыря Андроник писал 12 июня наместнику этого монастыря: «Случаи самовольной порубки леса со стороны монастырских арендаторов-армян не прекращаются. Я нахожу необходимым обратиться ваше серьезное внимание на столь печальное явление... В заключение присовокуплю еще, что можно было бы даже возбудить вопрос о выселении наших арендаторов с монастырской земли (ЦГАА, ф. 12, д. 574, л. 95). Из Сухумской епархиальной канцелярии 14 августа ген. Мазиневу сообщалось также, что «вооруженные мингрельцы ежедневно приезжают на нескольких арбах в монастырский лес и рубят его беспощадно» (Там же, ф. 1, д. 8047, л. 78).

²¹³ Там же, ф. 339, д. 17, л. 8.

рос, «как защитить имения Ново-Афонского монастыря от захватчиков, уничтожающих покосы, фруктовые деревья и строящих сакли на монастырской земле, запрещающих монахам собирать яблоки, виноград и пр.». На совещании присутствовали председатели и члены окружных земельных управ и земельного комитета (среди них, как члены окружного земельного комитета, В. Чхиквишвили, И. Рамшвили, член окружного суда Махарадзе и др.). При обсуждении председатели и члены Кодорской и Гумистинской земельных управ тревожно заявляли, что, несмотря на предпринятые меры, «захваты увеличиваются и хозяйство монастырское уже начинает ухудшаться»²¹⁴.

Кроме того, продолжались и все более учащались вооруженные нападения крестьян на монастыри. Такие нападения были совершены, например, на Драндский монастырь — 2 и 3 июля и 20 августа, на Моквинский — в ночь с 25 на 26 июня, на Бедийский храм — в ночь с 12 на 13 июля, на виноградный сад Ново-Афонского монастыря в с. Аацы — 29 октября²¹⁵ и т. д.

Настоятели монастырей — крупнейших в Абхазии земельных магнатов — систематически обращались за помощью и защитой к меньшевистским властям. Это было весьма характерно. Еще показательнее было реагирование меньшевистских органов и их руководителей на эти обращения. В ответ на отношение сухумского епископа генералу Мазниеву от 28 июля 1918 года о принятии мер к «защите» Каманского монастыря посылкой туда стражников «ввиду четвертого ограбления»²¹⁶ Мазниев разрешил выдать монастырю 5 винтовок²¹⁷. На вышеуказанном совещании 30 октября 1918 года о Новом Афоне единогласно было постановлено: «Просить чрезвычайного комиссара округа Чхиквишвили употребить всю полноту предоставленной ему власти в деле выдворения захватчиков и ограждения монастыря на будущее время от возможных захватов и притеснений со стороны местного населения».

Окружная земельная управа также вынесла постановление 16 октября 1918 года: «Выдворить арендаторов с земли Драндского монастыря, так как монахам в данное время даже не хватает земли»²¹⁸. А на запрос намесника Драндского монастыря председатель Гумистинского уездного земельного комитета разъяснял, что «частные владельцы имеют право получать с арендаторов арендную плату, а при отказе в уплате арендных денег могут возбуждать иск в суде

²¹⁴ ЦГАА, ф. 339, д. 17, л. 8.

²¹⁵ Там же, ф. 1, д. 8047, лл. 52—55, 67, 77—79, 89—90.

²¹⁶ Там же, л. 50.

²¹⁷ Там же, л. 57.

²¹⁸ Там же, ф. 12, д. 576, л. 1.

или же передавать спорные дела с арендаторами в примирительные камеры»²¹⁹.

Но чем больше крестьяне видели благосклонное отношение меньшевиков к крупным земельным собственникам, тем они тверже становились на революционный путь. В октябре 1918 года гудаутский землемер И. Миронов отмечал: «Из расспросов жителей сел. Лыхны и др. общин я убедился, что крестьяне уже потеряли надежду на получение помещичьих земель и утоление их земельного голода... Последние распоряжения, хотя и стремятся предупредить дальнейшие самовольные захваты и рубку лесов, как бы убеждают их еще более в этом»²²⁰.

Действия отдельных отрядов «Кнарара» снова становятся активными. В частности, так называемый «Лазский отряд» под руководством сельскохозяйственных рабочих-табачников Риза Бибин-оглы и Хелим Хазыр-оглы все время оперировал в горных селах в северо-западной части Абхазии (Хуап, Отхара, Хабю), совершая оттуда смелые набеги на меньшевистские коммуникации, воинские части и т. д.²²¹ Тем временем и отряд, действовавший на Северном Кавказе во главе с Н. Лакоба, был направлен в Абхазию для ведения партизанской борьбы в тылу у меньшевиков. Правда, Н. Лакоба предлагал с группой кнараровцев пробиться через строй белогвардейцев в районе Минеральных вод к Г. К. Орджоникидзе, но затем вместе со всем отрядом двинулся в Абхазию. Отряд, имея частые стычки с противником, прошел без потерь весь район, занятый белыми. В станице Преградной группа кнараровцев-всадников из 30 человек наткнулась на сильную засаду. Учитывая серьезность положения, Н. Лакоба прибег к хитрости. Атаману станицы через нарочного К. Иналипа было послано предложение: «Под страхом расстрела предлагается заготовить фураж и продовольствие для частей кавалерийской дивизии». Получив такой ультиматум, атаман поднял тревогу, приказав снять заставу и скрыться всем казакам станицы. Этот маневр дал абхазскому отряду возможность спокойно войти в станицу и запасти продукты. На второй день казаки поняли, что их обманули и вместе с частями генерала Покровского пытались догнать отряд, но уже было поздно — последний взял трудный перевал Главного хребта у горы Заадан, куда противник не решился двинуться. Во время этого геройского похода партизанам пришлось преодолеть много препятствий. На Псху отряд был расформирован и кнараровцы разошлись по разным местам Гу-

²¹⁹ ЦГАА, ф. 12, д. 569, л. 19.

²²⁰ «Наше слово», 8 октября 1918 г., № 108.

²²¹ ЦГАА, ф. 65, д. 260, лл. 12—18.

даутского и Гагринского участков, где соединились с другими партизанскими отрядами²²².

Другой отряд партизан Абхазии (С. Кухалейшвили, С. Губели, Е. Дамения, А. Мгеладзе и др.) пробился в Кисловодск, где Н. Буачидзе и Г. Анджиевский сообщили ему об указании Г. К. Орджоникидзе возвращаться работникам Абхазии на родину для ведения подпольной деятельности. После неудачной попытки пройти Мамисонский перевал отряд взял направление на Новороссийск, откуда на моторном судне добрался до Сухума. Третий отряд (А. Долидзе и др.) достиг Владикавказа и оттуда по Военно-Грузинской дороге ушел в Грузию²²³.

Многие же абхазские партизаны продолжали борьбу с белогвардейскими бандами на Северном Кавказе. Активное участие в этом деле принимали Е. Эшба, Г. Атарбеков, Н. Бахтадзе и другие. Эшба становится членом ЦИКа Советов Северного Кавказа и комиссаром по городским делам. Он принял участие в бою под Георгиевском и защите Пятигорска. Вскоре он пробирается в Сухум, а в начале декабря 1918 года через оккупированные немцами Крым и Украину — в Москву. В январе 1919 года Эшба едет на Северный Кавказ в качестве особо уполномоченного, по делам горцев. Затем он работал заместителем председателя Центрального бюро Коммунистических организаций народов Востока при ЦК ВКП(б). Эшба снова направляется на фронт для организации борьбы в тылу у Деникина. В. И. Ленин лично давал ему подробные инструкции о работе на Северном Кавказе²²⁴. Сухумский рабочий И. Рудь являлся комиссаром части. М. М. Ходжа-ипа находился на различных фронтах (Кубань, Дагестан) в качестве машиниста броневых и товарных поездов. О другом участнике борьбы Г. К. Орджоникидзе в 1923 году писал А. А. Гегечкори: «Ты помнишь тов. Багателия Д. З., бывшего участника в боях с деникинцами в 1919 году по Владикавказу...»²²⁵.

Революционная борьба трудящихся Абхазии в начале 1919 года вступает в новую полосу своего развития. Мгудзырхейские партизаны — киразовцы, предводимые коммунистом Княгуса Губаз, нанесли поражение дворянской сотне, которая набегом пыталась угнать из Мюсеры лошадей²²⁶.

²²² Арх. Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9, лл. 13—17; «Красногвардеец — партизан Абхазии», 7 ноября 1932 г.

²²³ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 291—292; ა. დ. ლ. ი. ძ. გ. ბაგატელია და მისი მემორუა, л. 22.

²²⁴ Г. А. Дзидзария. Пламенный революционер. «Труды» Абхазского института им. Д. И. Гулиа, XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963, стр. 128—132.

²²⁵ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 185, лл. 1, 75, д. 186, л. 3 г.

²²⁶ «Советская Ахазия», 19 февраля 1931 г., № 39.

29 марта 1919 года председатель Гудаутской земельной управы И. Мушба сообщал Абхазскому народному совету, что крестьяне захватили 600 десятин земли Ново-Афонского монастыря, построили на этой земле до 80 домов и собирались уже выбрать своего сельского комиссара²²⁷. На заседании управы 9 апреля 1919 года, где снова обсуждался вопрос «о крестьянских захватах земель Ново-Афонского монастыря», было постановлено: «Вновь просить чрезвычайного комиссара Сухумского округа о выдворении из монастырских земель всех захватчиков»²²⁸.

Гумистинская земская управа строго предписывала начальникам милиции быть более решительными в борьбе с «захватчиками». «... Предлагается вам, — писала она начальнику милиции с. Лата в апреле 1919 года, — прекратить всякие захваты земель в районе села Лата и решительно бороться со всякими самовольными выступлениями отдельных лиц или групп, направленных к захвату земель»²²⁹. Того же требовала управа и от районных земельных комиссий. Абхазский народный совет в апреле 1919 года также категорически предписывал всем земельным комитетам «не допускать самочинных захватов и вольного заселения земель, ... карать захватчиков по закону»²³⁰.

Чрезвычайный комиссар Абхазии Л. Тумаркин сообщал на заседании народного совета, что в Самурзаканском уезде «милиция ничего не могла сделать, так как там имеется шайка [?] в 200 чел., прекрасно вооруженная и обученная...»²³¹.

Для борьбы с «аиархией» были созданы особые летучие отряды. В марте 1919 года один из таких отрядов в 15 человек был организован в Самурзаканском участке. Л. Тумаркин 14 мая 1919 года просил министра внутренних дел Грузии об увеличении этого отряда до 30 человек. В «противном случае, — писал он, — борьба [с] разбоями [и] дезертирами почти невозможна»²³².

Меньшевистские власти запрещали крестьянам даже обсуждать земельный вопрос. «Уездная земская управа, — писала управа начальнику милиции с. Владимировского 19 декабря 1919 года, — предлагает вам впредь до особого распоряже-

227 ЦГАА, ф. 339, д. 17, л. 2.

228 Там же.

229 Там же, ф. 340, д. 3, л. 44.

230 Г. А. Дзидзария. Аграрная политика меньшевиков в Абхазии. «Труды» Сухумского государственного педагогического института. III. Сухуми, 1943, стр. 88.

231 «Наше слово», 16 июня 1919 г., № 127.

232 ЦГАОРГ, ф. 50 е, оп. 1, д. 1313, лл. 5—6.

ния не допускать на сходах обсуждение вопросов о земельных участках вашего общества и разъяснить сходу не выносить определенных приговоров о предоставлении кому-нибудь земельных участков и в каждом отдельном случаях возбуждать соответствующее ходатайство перед управой»²³³.

Группа членов Народного совета Абхазии (С. Чанба, Д. Алалия, А. Чукбар и др.) в связи с введением «единовременного чрезвычайного поземельного налога» сообщила 15 ноября 1919 года, что «на этой почве в стране возникают волнения и ропот»²³⁴.

Процесс революционизирования охватил и меньшевистскую армию. В 1918—1919 годах имели место неоднократные случаи неповиновения и восстания в воинских частях в Кутаисе, Гори, Телави и т. д. Одним из них было вооруженное восстание 12 октября 1919 года во 2 меньшевистском пехотном полку, стоявшем в Сухуме. Это восстание меньшевики связывали с деятельностью большевиков. В одном из официальных отношений Министерства юстиции Грузии на имя прокурора Тифлисской судебной палаты от 2 июля 1920 года данное восстание было квалифицировано как «большевистское выступление и мятеж»²³⁵. Командир полка и «начальник обороны» Черноморского побережья полковник Тухарели в своем сообщении в Тифлис восстание солдат в Сухуме также расценивал как «вооруженное выступление части 7 роты большевистски настроенных». Он подчеркивал, что «в городе много большевиков, ведущих открытую пропаганду»²³⁶.

Эта оценка восстания в Сухумском полку носит объективный характер, если иметь в виду, что указанные переписка и переговоры происходили между меньшевистскими официальными лицами и учреждениями и в совершенно секретном порядке. Данная характеристика вполне согласуется и со следующим фактом. В начале сентября 1919 года состоялась большевистская гарнизонная конференция, которая избрала гарнизонный комитет для ведения пропаганды среди солдат²³⁷. Показательно и то, что восстание в полку произошло накануне предполагавшегося всеобщего вооруженного восстания в Грузии, назначенного первоначально на 24 октября 1919 года.

В постановлении н. д. судебного следователя при Сухумском окружном суде А. Секавина от 19 октября 1919 года по

233 ЦГАА, ф. 22, д. 48, л. 3.

234 Там же, ф. 339, д. 11, л. 5.

235 ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 421, л. 32.

236 Там же, ф. 177, оп. 2, д. 26, лл. 95—98.

237 И. Жвания. Из воспоминаний о работе в Абхазии, стр. 33.

делу восстания в Сухумском полку говорилось, что некоторые представители Абхазской большевистской организации (Дамення, Мгеладзе и Жвания) «изобличаются в том, что с целью произвести государственнй переворот организовали, а также приняли активное участие в явном восстании группы солдат 2-го полка 12 октября». «Следствием также установлено, что в войсках шла пропаганда под большевистским флагом, имеющая своей целью организовать возмущение солдат...»²³⁸

Надо, однако, сказать, что восстание в Сухумском полку произошло все же не по установке и не под непосредственным руководством Сухумской большевистской организации. Об этом еще в тот период было заявлено коммунистами, арестованными по поводу восстания²³⁹. Этот факт был установлен также Верховным революционным трибуналом Абхазии в мае 1921 года в связи с судом над Ф. Нодия, бывшим солдатом 2 полка, который в 1919 году проходил в качестве главного свидетеля по делу большевиков, обвинявшихся в организации вооруженного восстания в полку; причем он действовал «по наущению меньшевистских властей»²⁴⁰, пытавшихся использовать его «как слепое орудие задуманного ими плана уничтожения большевистской организации в Сухуме»²⁴¹. Известно и то, что в момент возникновения стрельбы происходило нелегальное собрание большевиков (С. Кухалейшвили, А. Мгеладзе, Г. Криштоф и др.), на котором обсуждался вопрос о текущем моменте²⁴². Такое совещание, конечно, не могло бы иметь место, если бы участники его были непосредственными организаторами восстания.

Восстание в Сухумском полку хотя и вспыхнуло стихийно, но готовилось заранее. Известно, например, что 5 сентября, в ночное время, около туннеля состоялось нелегальное совещание уполномоченных солдат. На этом совещании было решено убить ненавистных солдатам военачальников, контрреволюционных деятелей — Тухарели, Эмухвари, Думбадзе и др.²⁴³ Здесь, по-видимому, обсуждался и конкретный план восстания в полку²⁴⁴. Причем организаторы восстания стре-

---

²³⁸ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 421, лл. 20—21.

²³⁹ «Социал-Демократ», 10 ноября 1919 г., № 90, Тифлис.

²⁴⁰ ЦГАА, ф. 9, д. 8.

²⁴¹ Там же, л. 40 об.

²⁴² «Голос Трудовой Абхазии», № 54, 1921 г.

²⁴³ ЦГАА, ф. 9, д. 8, лл. 19 об, 24, 34.

²⁴⁴ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 11, папка № 1, л. 1.

мились создать впечатление, что движением руководят большевики Сухума²⁴⁵.

И. д. судебного следователя Окружного суда в указанном выше постановлении по делу восстания считал следствием установленным: «В войсках шла пропаганда под большевистским флагом, имеющая своей целью организовать возмущение солдат при помощи ареста и убийства некоторых офицеров и чиновников, захватить власть в округе и уничтожить существующий государственный строй Грузинской демократической республики, [с] каковой целью группой лиц до восстания 12-го октября устраивались тайные собрания, на которых в присутствии солдат велась пропаганда, решались убийства должностных лиц и назначался срок восстания».

В обвинительном заключении следователя Верховного революционного трибунала от 3 мая 1921 года и в материалах предварительного следствия по делу Ф. Нодия также отмечалось, что восстание солдат возникло на почве недовольства названными военачальниками; повстанцы ставили перед собой задачу убийства этих лиц «и устройства государственного переворота в Грузии»²⁴⁶.

Кроме того, есть указание, что повстанцы предполагали захватить арсенал полка и, таким образом, раздобыть оружие и боеприпасы для вооружения создаваемых отрядов из рабочих города и крестьян окрестных сел²⁴⁷. Еще днем, между 4 и 5 часами, в Сухумскую городскую милицию поступило сообщение о готовившемся ночью выступлении солдат 2 полка. Между 6 и 7 часами вечера начальник милиции Беридзе передал это сообщение некоторым офицерам полка (полковнику Мебуке, адъютанту Галустову и др.). Причем от имени командира полка полковника Тухарели было приказано всем офицерам прибыть в их части и оставаться с солдатами.

Некоторые офицеры 1 и 3 пулеметных команд (Картвелишвили, Мшвидобадзе и др.), узнав о готовившемся восстании, «немедленно начали предпринимать необходимые меры». Дежурный по полку капитан Кутателадзе начал обход помещений команд, чтобы удостовериться в наличии там офицеров.

В это время кончилась вечерняя проверка, и минут через 15—20 после этого из окна помещения 7 роты раздался винтовочный выстрел, который, очевидно, послужил сигналом для выступления. Во всяком случае, сразу же после выстрела из помещения 7 роты во двор казарм выбежала с винтовка-

²⁴⁵ «Голос Трудовой Абхазии», № 54, 1921 г.

²⁴⁶ ЦГАА, ф. 9, д. 8, л. 34.

²⁴⁷ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 11, папка № 1, л. 1.

ми в руках группа солдат в 10—15 человек и открыла беспорядочную стрельбу в воздух. Вскоре к ним присоединилась группа солдат из нестроевой роты, а за ними «стали подбегать поодиночке и кучками солдаты других команд». «Толпа быстро росла»²⁴⁸. Солдаты до 100 человек «бросились со стрельбой» к полковому патронному цейхгаузу и, несмотря на сопротивление часового, разбили двери, разобрали около 150 винтовок и 15 000 патронов²⁴⁹.

Во время нападения на склад солдат комендантской команды А. Баркалая схватил часового у порохового склада за винтовку, чтобы вырвать ее, но выстрелом этого часового был убит. Часовой произвел в толпу еще три выстрела, но его сбили с ног и склад был занят. К этому времени толпа возросла до 200—300 человек²⁵⁰. Причем последние «пытались принудить своих товарищей по полку» к выступлению²⁵¹.

Однако у повстанцев не было организованности и порядка. Некоторые, как отмечал Секавин, даже не знали в чем дело. Среди солдат ходили разные слухи, в особенности вначале. Распоряжалось несколько человек; раздавались приказания: «занять штаб полка», «захватить пулеметы», «захватить полковую артиллерию», «перестрелять всех офицеров и чиновников» и т. п.

После занятия патронного склада солдаты направились к вещевому складу, но не разгромили его, отложив «раздачу вещей до утра». Тем временем группа повстанцев подходила к пулеметным командам, «то делая попытки применения сил, то уговаривая, пыталась склонить пулеметчиков на свою сторону». Но благодаря действиям, главным образом, офицеров указанных команд, они не смогли этого сделать. «Значительная группа бунтовщиков» напала на артиллерию полка и «под угрозой расстрела заставляла» оружейную прислугу стрелять по городу. Но несмотря на то, что в наводчика был даже произведен в упор выстрел, артиллеристы отказались исполнить это требование. Тогда повстанцы «своими силами», добыв из разбитого имн артиллерийского склада снаряды, произвели один выстрел в море. Командованию удалось снять замки с орудий.

Восставшие солдаты, захватив орудия, снова повели нас-

²⁴⁸ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 421, лл. 20—21. Постановление и. д. суд. следователя Сухумского окружного суда А. Н. Секавина от 19 октября 1919 г. по делу восстания 12 октября 1919 г.

²⁴⁹ ЦГАОРГ, ф. 177, оп. 2, д. 26, лл. 95—98. Запись переговоров по прямому проводу между ген. Цициановым и полк. Гедевановым о вооружен. восстании во 2-ом полку в Сухуме 13 октября 1919 г.

²⁵⁰ Постановление и. д. суд. следов. Секавина от 19 октября 1919 г.

²⁵¹ «Борьба», 22 октября, № 240, 1919 г.

тупление на пулеметные комаиды. Но вследствие того, что пулеметы уже были вынесены наружу и расположены вокруг помещения пулеметных команд, повстанцы были разогнаны открытым по ним огнем²⁵².

Под командой полковника Химшиева был оцеплен район подка и от повстанцев потребовали сдать оружие, а после отказа броневик открыл огонь. Тем временем и из города начался орудийный обстрел казарм. Не прекращали огонь также пулеметные команды. Все это заставило повстанцев «колебаться в успехе их дела». Кроме того, к месту столкновения прибыли вызванные полковником Тухарели коинный дивизион и отряд сухумской меньшевистской гвардии²⁵³.

В общей сложности перестрелка продолжалась более трех часов. К 1 часу ночи повстанцы вынуждены были сложить оружие²⁵⁴.

Восстание солдат в Сухумском полку настолько испугало власти, что они, мобилизовав все свои наличные силы в городе, обратились за помощью к командованию английского крейсера, стоявшему на рейде. Утром 13 октября крейсер высадил десант. Однако после заверения английского командования комиссаром внутренних дел Лордкипандзе в том, что восстание солдат уже подавлено, десантный отряд порта не пошел²⁵⁵. Между прочим, за год до этого меньшевистская газета «Борьба» по поводу прибытия начальника миноносной эскадры в Сухум «со свитой гостей», которые осмотрели город, посетили управу и т. д. и перед которыми выступили от имени правительства В. Чхиквишвили и И. Рамишвили, прибытие англичан на Черноморское побережье вообще объясняли как меру поддержания «порядка (контрреволюционного.— Г. Д.) там, где он нарушен»²⁵⁶. Небезынтересен и следующий факт. В отчете об «экстренных случайных расходах» чрезвычайного комиссариата Абхазии за период с конца октября 1918 года по 1 марта 1919 года значителен расход, произведенный, согласно распоряжению В. Чхиквишвили, в сумме 3 тыс. рублей на обед, данный в ресторане «Сан-Ремо» (ныне «Рица») «в честь прибытия в Сухум английских и французских моряков»²⁵⁷. Этим радушным приемом интервенты были

---

252 Постановление н. д. суд. следователя Секавина от 19 октября 1919 г.

253 Там же.

254 Там же.

255 «Обновление», 23 октября 1919 г., № 25.

256 «Борьба», 31 октября 1918 г., № 206.

257 ЦГАОРГ, ф. 50 с. оп. 1, д. 1298, лл. 1—9. Журнал общего присутствия Сухумского окружного комиссариата 1 марта 1919 г.

очень довольны. Уполномоченный меньшевистского правительства в Батуме Д. Топуридзе в телеграмме на имя министра иностранных дел Грузии Е. Гегечкори от 4 декабря 1918 года подчеркивал, что английскую оккупационную флотилию в Сухуме и Поти меньшевистские власти «хорошо встретили, и англичане остались довольны и благодарны»²⁵⁸.

Полковник Тухарели 13 октября 1919 года по прямому проводу сообщил в Тифлис о вооруженном восстании в Сухумском полку и вместе с тем ходатайствовал об объявлении города Сухума на осадиом положении, потому что, как объяснял генерал Цицианов, «не ручается, что это явление не повторится в скором будущем». Полковник Гедеванов, узнав о восстании, тотчас же доложил «по начальству». Генерал Артмеладзе немедленно выехал в Сухум, чтобы «на месте ознакомиться с обстановкой»²⁵⁹.

Утром 13 же октября в полк явился и. д. следователя при Сухумском окружном суде А. Секавин и приступил к производству следствия. Было выяснено, что наиболее деятельное и руководящее участие в восстании принимали солдаты 7 роты Трофим Липартия, Михаил Ториана, Георгий Чубинидзе, Баграт Цомая, Ной Тодуа, Бахва Бигвава и Лаврентий Берая.

Одновременно было начато дело против большевиков и революционных рабочих Сухума по обвинению в организации восстания в полку. Арестовано было много людей. 10 ноября 1919 года в тифлисской газете «Социал-Демократ» появилась статья, подписанная 14 лицами, под названием «Голос из Сухумской крепостной тюрьмы». В ней, между прочим, говорилось: «Если нынешние правители... присмотрятся серьезно к народному положению, то тогда они увидят громадную пропасть, отделяющую их от массы... Держат в Сухумской крепостной тюрьме четырнадцать человек — рабочих, мирно живших, но только инакомыслящих... Настоящим мы обращаемся ко всем рабочим организациям и просим положить конец всем этим гнусным проделкам и издевательствам над сознательными революционными рабочими... Мы просим рабочие организации принять участие в следствиях и допросах над всеми арестованными и заключенными товарищами рабочими и не доверять дело следствия, допроса и суда чиновникам»²⁶⁰.

²⁵⁸ «Борьба за победу Советской власти в Аджарии», стр. 130, док. № 72.

²⁵⁹ Запись переговоров между Цициановым и Гедевановым.

²⁶⁰ Были арестованы и некоторые другие руководящие партийные работники, как например, Л. Ф. Москвичев (Новороссийский госархив, ф. Р—5, оп. 1, д. 17, л. 79), К. Н. Макаров (Арх. Абхазского института им. Д. И. Гуля, ф. 186/114, лл. 44—45), а А. Убирья был выслан из Абхазии (ПА Грузфильнала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 420, л. 27).

По окончании следствия группа сухумских коммунистов — Е. Дамения, И. Жвания и А. Мгеладзе — была предана военно-полевому суду и им угрожала смертная казнь. Главным обвинителем большевиков выступал солдат Ф. Нодия (родом из с. Цебельда), который, как было доказано Верховным революционным трибуналом Абхазии в мае 1921 года, «действовал по наущению тогдашних контрреволюционеров»: полковника Тухарели, Думбадзе — председателя военно-полевого суда, М. Цулукидзе — одного из лидеров сухумских меньшевиков, и др.²⁶¹ Однако Нодия на суде растерялся и отказался от обвинения. Суд вынужден был оправдать арестованных. Но несмотря на это, коммунисты еще в течение 9 месяцев содержались в тюрьмах в Кутаисе и Метехи²⁶². Следует отметить и такой факт, имевший влияние на заключение суда. В день разбора дела судьи получили от Окружного комитета РКП(б) ультиматум: «Предупреждает... за одного из наших — десять ваших»²⁶³. Кроме того, была выпущена большевистская листовка, отпечатанная нелегально в типографии А. М. Зайдшера и распространенная в Сухуме, Гаграх, Пиленкове и других населенных пунктах²⁶⁴.

Группа солдат, инициаторов восстания, также была предана чрезвычайному военному суду. Два солдата — П. Липартия и М. Торинава — были приговорены к смертной казни, а остальные — к каторжным работам. Лишь по требованию Полномочного представителя РСФСР в Грузии С. М. Кирова в ноте от 9 июля 1920 года министру иностранных дел Грузии этих солдат, в том числе Лаврентия Игнатьевича Берая²⁶⁵, меньшевистское правительство вынуждено было освободить²⁶⁶.

В этот период происходит дальнейшее разложение Народного совета Абхазии. В нем все более активной становилась «фракция независимцев». Члены этой группы С. Чанба, М. Цагурия, И. Маргания и Д. Алалия, стоявшие «на платформе Компартии»²⁶⁷, — разоблачали демагогические махинации меньшевиков и резко критиковали контрреволюционное руководство народного совета и его исполнительного органа — комиссариата. Н. Лакоба о их деятельности писал следующее:

261 ЦГАА, ф. 9, д. 8.

262 Там же.

263 ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 125, лл. 373—374.

264 М. Х. Миканба. Указ. соч., стр. 34—35.

265 См. Г. А. Дзидария. Вооруженное восстание солдат 2-го меньшевистского пехотного полка в Сухуме в 1919 г. «Труды» Сухумского государственного института им. А. М. Горького, X—XI. Сухуми, 1958, стр. 66.

266 ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 241, лл. 31—32, 41.

267 ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 14, л. 20 об.

«Они, пользуясь парламентскими законами, всячески клеймят шовинистов, грузинских националистов, разоблачают все их фокусы и шаптажи и поддерживают в крестьянской массе стихийное недовольство. Группа товарищей в Абхазском народном совете, можно сказать без преувеличения, выполнила добросовестно свой революционный долг»²⁶⁸. «Независимцы» держали связь с руководящими партийными работниками Абхазии, в частности Е. Эшба и Н. Лакоба, находившимися в это время за пределами края. 18 ноября 1919 года в Тифлисе был арестован М. Цагурия. Причиной ареста, как он объяснял председателю Народного совета Абхазии, послужило следующее обстоятельство: «Во время ареста товарища Е. Эшба на его квартире найдены мои документы, где я часто бывал, подозревая меня в содействии ему»²⁶⁹.

По инициативе «независимцев» в Сухуме начала издаваться абхазская газета «Апсны» («Абхазия»), первый номер которой вышел 27 февраля 1919 года. Редактирование ее было поручено Д. И. Гулиа. Шрифт для этой газеты с большим трудом был доставлен в Сухум народным учителем А. М. Чочуа. Газета «Апсны» сначала выходила два раза в месяц, а затем стала еженедельной; всего вышло 85 номеров. Редакция помещалась в здании Сухумской учительской семинарии. Газета печаталась в типографии А. М. Зайдшера, а наборщиками были М. Миканба и Е. Харбеция. Газета «Апсны» существовала в основном на средства, присылаемые трудовыми крестьянами, а также собираемые разными другими способами. С помощью специальных агентов она распространялась в абхазских селах. Среди них выделялись З. Бения и К. Дзидзария (по Гудаутскому уезду), М. Булиа, И. Аджинджал, Б. Чолокуа и Т. Ченгелия (по Кодорскому уезду). Колличество подписчиков в одно время доходило до 200 человек, а число постоянных корреспондентов превышало 40 человек²⁷⁰.

В газете «Апсны» сотрудничали Д. Гулиа, С. Чаиба, Д. Алания и другие видные представители абхазской трудовой интеллигенции. В первом номере Д. И. Гулиа, поздравляя своих соотечественников с выходом периодического печатного органа, писал: «Сегодняшний день, 27 февраля, для нас, абхазов, весьма замечательный день. Он выше всех праздничных дней: сегодня вышла в свет первая газета на абхазском языке под названием «Апсны». Абхазы говорят: «День прибавился на один прыжок оленя». Так и мы сегодня продвинулись вперед на один олений прыжок. Надеюсь, мы уже не пропадем, если в должной мере используем это новое приобретение».

²⁶⁸ Н. Лакоба. Искры Октябрьской революции в Абхазии, стр. 21.

²⁶⁹ ЦГАА, ф. 339, л. 19, лл. 10—11.

²⁷⁰ Там же, ф. 8, оп. 1, д. 70, л. 19.

Меньшевики, соглашаясь на издание абхазской газеты, разумеется, преследовали определенную политическую цель. Они готовы были даже объявить ее своим органом. Это им было нужно для лицемерного «доказательства» «правильного» разрешения национального вопроса в Абхазии.

Однако газета «Апсны» с самого начала взяла противоположный курс. Пропаганда большевистских идей и критика меньшевиков газету «Апсны» много раз ставили на грани закрытия. В сентябре 1919 года в газете (№№ 26—27) была напечатана статья С. Я. Чанба, в которой трудящимся Абхазии разъяснялись цели и задачи Коммунистической партии. Автор писал, что эксплуататорские классы ненавидят большевиков потому, что они отбирают землю у помещиков и передают крестьянам, а в городе, объединяя рабочих, направляют их против эксплуататоров. «Большевики хотят немедленно отдать власть в руки народа... А меньшевики утверждают, что для этого время еще не наступило». Тема «Советская Россия» красной нитью проходит почти через все номера газеты «Апсны». На ее страницах резко критиковался буржуазно-помещичий Народный совет Абхазии. Газета выступала с острыми критическими заметками и сатирическими стихотворениями. Она постоянно освещала состояние школьного дела в Абхазии. По этому вопросу особенно часто выступал Д. И. Гулиа. Поэт пропагандировал просвещение среди народа, давал учителям советы, как проводить обучение детей родному языку.

Выход первой абхазской газеты был значительным событием и в культурной жизни абхазского народа. Она способствовала развитию абхазской литературы, основной темой которой на данном этапе была судьба народа; послужила толчком и к развитию абхазского литературного языка.

Д. И. Гулиа выступал со стихами, проникнутыми патристическими мотивами. Особенно стихи «Моя родина» и «Апсны» полны чувством боли за родной народ. Он писал:

Отчего накинула
Облачную шаль,
Что ты плачешь, родина,
И о чем печаль?
Об уплывших за море,
Об ушедших вдаль,
Отчего ты в трауре
И о чем печаль?
Стыдно ли невежества
Иль погибших жаль?
Что ж грустишь ты, родина,
И о чем печаль?

В стихотворении «Апсны» явно звучат мотивы борьбы и утверждения жизни.

Не бойся трудности, АПСНЫ.
Кто побеждает зло — боец,
Достойный похвалы.
Борьба — вот друг таких сердец,
Что в бурю могут плыть.

Патриотические и социальные мотивы звучат и в творчестве С. Я. Чанба. В драме «Махаджиры» и поэме «Апсны» его волнуют исторические судьбы своего многострадального народа. Причем первым произведением («Махаджиры») было положено начало абхазской драматургии. На страницах газеты «Апсны» впервые стали печататься И. Когониа, М. Хашба, М. Лакербай, Д. Дарсалиа, Ш. Хокерба и другие молодые абхазские писатели. В 1919 году при Сухумской учительской семинарии был организован литературный кружок, которым руководил Д. И. Гулиа совместно с С. Я. Чанба. Кружок издавал еженедельный рукописный журнал «Утренняя звезда». Гулиа писал в газете «Апсны» о работе своих литкружковцев: «Наши питомцы читали свой журнал «Утренняя звезда», и с той поры убедился, что мой труд не пропал даром, посев дал свои всходы. Я видел яркую утреннюю звезду, и надо полагать, что скоро станет светло»²⁷¹.

Вот почему, как писал Д. И. Гулиа, «полюбили абхазцы свою газету и с большой охотой стали читать и принимать участие не только молодежь, но и мало-мальски грамотные старики-абхазцы. Даже некоторые малограмотные научились читать по-абхазски благодаря этой газете»²⁷².

Вне влияния указанной группы абхазской интеллигенции нельзя рассматривать и следующий факт. Художник А. К. Шервашидзе, значительный вклад которого в развитие русского театрального декорационного искусства неоспорим, в 1918 году вместе со своей женой — актрисой и педагогом Н. И. Бутковой и театральным деятелем Н. Н. Евреиновым открыл в Сухуме драматические курсы. Силами учащих в постановке Шервашидзе были показаны инсценировки абхазских народных песен «Шигу» и «Раненый в сердце». Спектакли эти в обстановке шовинистической политики грузинских меньшевиков в крае получили острое политическое звучание. К сожалению, драматические курсы просуществовали всего лишь 8 месяцев²⁷³.

В Народном совете Абхазии и вообще в стране антинародная политика грузинских меньшевиков дошла до того, что, как уже отмечалось, из фракции последних вышли почти все

²⁷¹ Х. Бгажба, К. Зеленский. Дмитрий Гулиа. М., 1956, стр. 55.

²⁷² ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 70, л. 19.

²⁷³ М. Лакербай. Абхазский театр и драматургия. «Театральная энциклопедия», т. I. М., 1961, стр. 31—32.

абхазские меньшевики (К. Барцыц, Мих. Тарнава, Д. Базба, Цвнжба и др.), которые так «искренно поддерживали их», и примкнули к «независимцам», в результате чего и появилось известное «Заявление делегации группы 14 депутатов» от 29 сентября 1919 года²⁷⁴. Этот документ, в котором приведены многочисленные конкретные факты о бесчинствах меньшевистских властей в Абхазии, впоследствии был использован Кларой Цеткин в деле разоблачения грузинских меньшевиков и оппортунистов II Интернационала²⁷⁵. «По какой-то злой иронии, — говорится в указании заявлении, — Великая русская революция, давшая свободу и независимость почти всем народам Кавказа, обошла маленькую Абхазию, и в нашей стране великие принципы революции совершенно заслонялись произволом и насилием властей, и народы Абхазии пока что не видели ничего, кроме карательных экспедиций, поджогов, порки и насилия над женщинами»²⁷⁶.

В последних числах сентября 1919 года Пленум Кавказского краевого комитета РКП(б) принял решение о всеобщем вооруженном восстании, которое приурочивалось к годовщине Октябрьской революции²⁷⁷. Восстание в Грузии имело «особое значение» для «Советской России в ее борьбе с мировым империализмом»²⁷⁸. Однако в силу ряда обстоятельств (массовые аресты коммунистов и т. д.) Краевой комитет принял постановление об отсрочке восстания. Но в ряде районов Грузии восстания начались в назначенный ранее срок.

По этому поводу Н. Лакоба сообщает: «В октябре (20—25), согласно постановлению Кр. Ком. РКП, предполагалось восстание крестьян в Грузии и Абхазии. Дело с восстанием кончилось неудачно. И я был выслан меньшевистскими властями из пределов Грузии»²⁷⁹. Из автобиографии Н. Бахтадзе мы также узнаем, что примерно в сентябре 1919 года он был направлен в Абхазию в качестве уполномоченного Краевого комитета партии для укрепления партийных организаций и «создания боевых отрядов»²⁸⁰. Об этом свидетельствует и И. Саблин. В сентябре С. Кухалейшвили и Л. Москвичев сообщили ему о решении крайкома организовать на территории

---

274 Оно было опубликовано в газете «Социал-Демократ» от 6 октября 1919 г., № 85.

275 См. Клара Цеткин. На освобожденном Кавказе. М., 1935.

276 ЦГАА, ф. 339, д. 16, лл. 2—4.

277 «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», ч. I, стр. 348.

278 «Жизнь национальностей», 5 января 1919 г., № 1.

279 ПА Грузфинла ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 246, лл. 39—43.

280 ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 142, л. 9 об.

Грузии военно-технические комиссии для практической подготовки вооруженного восстания. Саблину было поручено организовать такую комиссию в Гаграх. Она была составлена из трех лиц под председательством сочинского партизана В. Зимна. Однако после восстания солдат в Сухумском полку и последовавших за ним репрессий эта комиссия прекратила свое существование²⁸¹.

Представитель меньшевистской организации Кодорского уезда Б. Жоржوليани на окружном съезде меньшевистской партии, состоявшемся в Сухуме в ноябре 1919 года, заявил, что на выборах в Народный совет Абхазии они «потерпели неудачу... Подчас замечается большевистская агитация»²⁸². Между прочим, на этом съезде «красная нить, проходящая через все доклады (с мест. — Г. Д.), — указания на оторванность не только от центра республики, но и от своего окружного центра — сухумской организации. Мало людей, денежных средств...»²⁸³

В 1919 году Закубанье и Черноморье были охвачены партизанской войной. Еще в конце 1918 года здесь, в лесистых горах, в тылу у Деникина, были созданы боевые «красно-зеленые», как назывались красные партизанские отряды в этом крае, во главе которых стояли большевики. К концу 1919 года намечались два главных района группировки красно-зеленых отрядов: первый — между Новороссийском и Туапсе, второй — Сочи и Адлером. Последний непосредственно соприкасался с районом расположенных деникинских частей, сосредоточенных на границе Абхазии — по реке Псоу и занимавших укрепленные позиции фронтом на юго-восток. Другие, более мелкие группы красно-зеленых были расположены по всему Черноморскому побережью и югу Кубани²⁸⁴. В числе первых восставших населенных пунктов в начале 1919 года были села Сальме, Эстонка и др. на территории современной Абхазии. Крестьяне, «вооружившись чем попало, ушли в горы. Уходили целыми деревнями и образовывали партизанские отряды»²⁸⁵.

18 ноября 1919 года в Гаграх состоялся нелегальный съезд делегатов крестьян Черноморской губернии, который создал «Комитет освобождения Черноморья» (КОЧ). Комитет был составлен в Тифлисе. У его руководства оказались эсеры

281 И. Саблин. На стыке двух эпох.

282 ЦГАОРГ, ф. 8 с, оп. 1, д. 185, л. 4 а.

283 Там же.

284 В. Фавицкий. Указ. соч., стр. 45—46.

285 ЦГАОРГ, ф. 51 с, д. 41, лл. 25—32. Объяснение командующего войсками Сухумского и Сочинского округов ген. Кониева.

во главе с В. Н. Самариним-Филипповским. Эта организация ставила себе целью путем широкого вооруженного восстания очистить Черноморье от белой армии и образовать там «демократическую» республику с учредилловским режимом²⁸⁶.

Грузинские меньшевики предпочитали иметь соседом бледно-розовое правительство, каким считали КОЧА. Стараясь таким образом создать здесь «буфер», стратегический и политический, правительство Ноя Жордания оказывало КОЧу всемерное содействие и материальную помощь. Оно отпустило ему около 1 миллиона рублей деньгами, 250 винтовок, несколько пулеметов, обмундирование и послало своего политического комиссара Л. Рухадзе. Был создан «Главный штаб Черноморского крестьянского ополчения» во главе с бывшим полковником эсером Н. В. Вороновичем. КОЧ и штаб ополчения переехали в Гагры, где расположились во дворце принца Ольденбургского.

Кавказский краевой комитет РКП(б), находившийся в это время в г. Тифлисе, ставил своей задачей разоблачить эсеров из КОЧА и поддерживавших их грузинских меньшевиков и возглавить борьбу трудящихся против денкинской, за власть Советов. В районе движения и КОЧ (в Гагры) были посланы коммунисты и беспартийные лица, известные своей революционной деятельностью: И. Выгрианов, П. Джанашия, И. Шевцов, В. Фавицкий, И. Саблин и другие, которые взяли фактически все руководство восстанием в свои руки²⁸⁷. О деятельности И. Выгрианова впоследствии П. Джанашия писал: «Удивительно хладнокровно, с большой революционной выдержкой т. Ваня доставлял... революционному крестьянству («зеленым») литературу и оружие. Своим рождением Красная Армия Черноморья немало обязана энергии, трудам, ловкости т. Ваин»²⁸⁸.

Сухумский окружной комитет РКП(б) в свою очередь «выбивался из сил и делал все возможное» для оказания помощи партизанским отрядам в горах²⁸⁹. И. Хиоти писал, что ему, как секретарю Сухумского окружного комитета партии, приходилось руководить организацией и переброской в Сочинский округ партизанских отрядов. Лучшие из них были организованы Г. Сафоновым и И. Шевцовым. Оба эти отряда «сыграли колоссальную роль в борьбе с белыми»²⁹⁰.

²⁸⁶ В. Фавицкий. Указ. соч., стр. 48.

²⁸⁷ Там же, стр. 49; Г. В. Хачапуридзе. *Борьба за пролетарскую революцию в Грузии*. Тбилиси, 1936, стр. 259.

²⁸⁸ П. Джанашия. Памяти И. Выгрианова. «Голос Трудовой Абхазии», 21 июля 1922 г., № 163.

²⁸⁹ С. Кухалейшвили. Обзор революционной работы в Абхазии, стр. 27.

²⁹⁰ ЦГАА, ф. 65, д. 20, лл. 20—21.

На границе Абхазии был создан небольшой штаб во главе с Л. Москвичевым, Л. Ивницким и П. Соркиным, который руководил действиями отдельных отрядов красно-зеленых против белогвардейцев²⁹¹. Для руководства партийной работой в район восстания выезжали И. Выгрианов, Н. Бахтадзе и другие. Связь коммунистов повстанческой армии с Кавказским крайевым комитетом осуществлялась через Сухум²⁹². Большевикам удалось добиться назначения А. Убирия начальником милиции в Гаграх. Последний, пользуясь своим служебным положением, занимался переброской оружия через фронт. В этой связи небезынтересен такой факт. В 1919 году солдат И. К. Черкезня (родом из с. Бедиа) в Гаграх был предан меньшевистскому военно-полевому суду «за похищение пулемета для отряда зеленых», действовавших на Красной Поляне²⁹⁴.

Все это в то время, когда, по признанию представителя гагринской меньшевистской организации Гогишвили на окружном съезде партии меньшевиков, состоявшемся в ноябре 1919 года, в период деникинщины меньшевистская организация в Гаграх «совершенно распалась»²⁹⁵.

Вместе с тем отдельные абхазские партизанские отряды вступали в смелую схватку с белогвардейскими подразделениями. Так, в Гудаутском уезде отряд партизан под командой В. Агрба уничтожил группу деникинских агентов, имевшую задание взорвать мосты на территории Абхазии²⁹⁶.

Грузинские меньшевики усилили репрессии внутри страны, где с каждым днем нарастала революционная борьба трудящихся. Свой главный удар они направляли против большевиков. В шифрованной телеграмме директора канцелярии Министерства внутренних дел Грузии председателю Комиссариата Абхазии от 1 ноября 1919 года говорилось: «По полученным в Министерстве сведениям, в Сухуме в одно из ближайших воскресений должно состояться выступление рабочих организаций с целью заявить правительству протест по поводу ареста большевиков. По приказу министра прошу принять строжайшие меры к предотвращению означенного выступления и о результатах сообщить»²⁹⁷. Затем, в ноябре того же года, в Комиссариат Абхазии поступила телеграмма самого министра Н. Рамишвили «об аресте всех агитаторов и про-

²⁹¹ С. Кухалейшвили. Обзор..., стр. 27.

²⁹² И. Саблин. На стыке двух эпох.

²⁹³ Однако эта работа была прервана в связи с выселением А. Убирия из Абхазии после восстания в Сухумском полку (ПА Грузфинла ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 420, л. 27).

²⁹⁴ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 543.

²⁹⁵ ЦГАОРГ, ф. 8 с, оп. 1, д. 185, л. 4-об.

²⁹⁶ Арх. Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9, л. 53.

²⁹⁷ «Борьба за победу Советской власти в Грузии», стр. 497, док. № 501.

пагандистов большевиков» и о препровождении их в Тифлис в его распоряжение²⁹⁸.

В ноябре 1919 года в Сухуме был созван съезд меньшевистской организации Абхазии, который прошел под лозунгом беспощадной борьбы с большевизмом. Вслед за этим изданная циркулярная инструкция меньшевистского окружного комитета своим уездным организациям указывала, что «злободневным и остро стоящим вопросом является борьба с большевиками. Комитет предлагал «развить на местах эту борьбу во всей своей широте..., привлечь новых членов в партию»²⁹⁹. Под предлогом разгрузки городов меньшевистские власти высылали из пределов края всех лиц, «подозреваемых в сочувствии большевизму»³⁰⁰. Для «проведения единой... политики во всей Абхазии и создания надежного административного аппарата» решено было сделать милицию действительно способной подавить революционное движение и «восстановить порядок и спокойствие» (с точки зрения буржуазно-меньшевистской диктатуры. — Г. Д.), для чего изменить положение о милиции, какая мера уже давно была проведена в центре. Была произведена проверка состава милиции, с целью установления ее «благонадежности»³⁰¹.

В борьбе с революционным движением в крае активную роль по-прежнему играли Народный совет и комиссариат Абхазии. «Результаты энергичных мер комиссариата против анархических элементов, свивших гнездо в некоторых уездах Абхазии, оказались особенно ощутительными», — писали члены совета меньшевистскому правительству 15 декабря 1919 года. Далее они призывали совет и комиссариат к проявлению чрезвычайных усилий, «дабы край в переживаемую эпоху величайших потрясений и политической неустойчивости избавиться от анархии и неурядицы...»³⁰²

²⁹⁸ «Борьба за победу Советской власти в Грузии», стр. 512, док. № 514.

²⁹⁹ «Наше слово», 20 ноября 1919 г., № 254.

³⁰⁰ Постановление об этом было утверждено Сухумской городской думой 22 декабря 1919 года. «Все лица, — говорится в § 1 этого постановления, — независимо от их подданства, не связанные с городом Сухумом домовладением, определенной торговлей или промышленной деятельностью, а равно службою государственной, общественной или частной и не занимающиеся вольными профессиями, обязаны покинуть город Сухум в 2-х недельный со дня опубликования настоящего постановления срок» (Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 81, лл. 51—53).

³⁰¹ ЦГАА, ф. 339, д. 11, л. 85.

³⁰² ЦГАОРГ, ф. 48 с, оп. 2, д. 120, лл. 1—6.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1920 ГОД В АБХАЗИИ

В меньшевистской Грузии 1920 год характеризовался дальнейшим углублением экономического кризиса. Распад и дезорганизацию переживали все отрасли промышленности и сельского хозяйства. Страна испытывала исключительную острую продовольственную нужду. На экономическом совещании, созванном в Тифлисе в октябре 1920 года, глава меньшевистского правительства Н. Жордания вынужден был признать: «Теперь каждый из нас чувствует, каждый из нас во всей остроте испытывает на себе горькую действительность: мы уже дошли до катастрофы»¹.

Катастрофическое состояние хозяйства Грузии особенно усугублялось разрывом с Россией, с экономикой которой она была органически связана. Абхазия, в частности, получая из России хлеб и промышленные товары, развивала доходные отрасли сельского хозяйства — табаководство, промышленное садоводство, виноградарство и шелководство, продукция которых, как лес, кожи, мёд и другие, вывозилась почти исключительно в Россию. Уже первая мировая война, изолировавшая побережье Абхазии от юга России, причинила огромный ущерб этому товарообмену. Окончательный удар товарному земледелию края был нанесен его разрывом с Советской Россией. Большевики своей антинародной политикой в области экономики обострили положение до крайних пределов.

Большевистское правительство монополизировало все источники доходов. Был отменен единственный источник дохода Абхазии — табачный сбор в размере 100 руб. и 4-х фунтов натурой с пуда, утвержденный постановлением Народного совета Абхазии от 11 декабря 1919 года². Общий расходный бюджет в год по Народному совету и Комиссариату Абхазии достигал всего лишь около 20 миллионов рублей. На прось-

¹ «Борьба», 16 октября 1920 года, № 235.

² Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 84, док. № 3, л. 7 об. Отчет № 3 заседания Народного совета Абхазии от 3 февраля 1920 г.

бу совета о выдаче ему ссуды в размере 10 миллионов рублей, государственный контролер Гогичайшвили цинично заявил: «В докладной записке вы говорите, что гарантируете нам возвращение ссуды. Я смеялся, читая это, потому что у вас нет бюджета, вы кормитесь табачным сбором, а говорите о гарантнн»³.

Народный совет систематически просил правительство дать ему возможность хоть сколько-нибудь участвовать в дележе доходов и богатств края (лес, табак, фрукты и др.). Он направил в Тифлис финансово-экономическую делегацию. Однако договор, заключенный этой делегацией с правительством, состоял лишь в том, что совет брал на себя техническую заготовку различных продуктов, монополизированных на территории Абхазии, за что получал проценты — 5, 10 и т. д.⁴.

«Успех» этот тем более был ничтожным, что при появлении коммерсантов, могущих взять заготовку табака и других предметов на более выгодных условиях, Народный совет Абхазии терял и это свое право. Комиссариату Абхазии было отказано в просьбе о разрешении ему на вывоз 20 000 пудов табака только потому, что в Сухуме нашлись состоятельные коммерсанты, взявшие это дело на более выгодных условиях. Один из них получил разрешение на вывоз 10 000 пудов табака⁵, а заграничная фирма Матусяна — 35 000 пудов⁶. В Сухуме находилось отделение «Правления русской табачной компании в Лондоне», которое усиленно занималось заготовкой и вывозом табака⁷. На вывозе табака «частные лица наживают большие деньги..., а между тем исполнительный орган (Комиссариат Абхазии. — Г. Д.) не мог получить такого разрешения», — отмечалось на заседании народного совета 3 февраля 1920 года⁸.

Отмена права попудного сбора вызвала в Народном совете Абхазии большие споры со стороны оппозиции, особенно «независимцев». «Абхазская автономия» — бессодержательная, бумажная, «одна только функция», — заявляли они. Некоторые требовали дать «должный отпор этому насилию...»⁹

³ Отчет № 3 заседания Народного совета Абхазии от 3 февраля 1920 г., л. 8.

⁴ Там же, л. 10.

⁵ Там же.

⁶ Там же, док. № 19, л. 109. Отчет № 22 заседания Народного совета Абхазии от 29 сентября 1920 года.

⁷ В. И. Адамия. Из истории английской интервенции в Грузии. стр. 65.

⁸ Арх. Абгосмузея; ф. 1, д. 84, док. № 3, л. 41 об.

⁹ Там же, док. № 6, л. 29 об. Отчет № 6 заседания Народного совета Абхазии от 13 февраля 1920 г.

По настоянию оппозиции и была избрана финансово-экономическая комиссия¹⁰.

Пытаясь найти выход из создавшегося положения, меньшевики попадали в кабалу к иностранным капиталистам, добиваясь сдачи в концессию некоторых отраслей народного хозяйства. Однако меньшевикам удалось заключить всего лишь несколько экономических договоров с отдельными предпринимателями. В Абхазии известны две такие попытки. Первая из них относится к 1919 году. В ноябре месяце в Очемчирах состоялось «коллективное совещание» представителей городских дум и земств Абхазин, которое выдвинуло вопрос о переговорах с «крупными финансовыми силами как заграничными, так и пребывающими в Грузии» с целью добиться финансирования строительства Черноморской железной дороги¹¹. Вторая попытка привлечь иностранный капитал в его «производительной форме» имела место в 1920 году, когда меньшевистское правительство предложило в концессию крупнейшей в Италии металлургической фирме «Ильва» и Итало-Кавказскому учетному банку¹² Ткварчельские каменноугольные месторождения.

Группа итальянских разведчиков высадилась в Сухуме еще 2 июля 1919 года. В связи с этим газета «Апсны» с возмущением писала: «Как мед собирает муравьев, так некоторые богатства нашей Абхазии привлекают чужеземцев... Но наша Абхазия пережила не одних чужеземных завоевателей. Некогда, в отдаленном прошлом, предки ныне пожаловавших к нам итальянцев держали Абхазию в своем подчинении, но от этого времени остались лишь одиноко торчащие руины крепостей. Да постигнет та же участь и всех тех, кто пытается нанести вред Абхазии»¹³.

В январе 1920 года министр финансов Грузии К. П. Кандеки заключил концессию с обществом доменных печей и сталелитейных заводов «Ильва» и Итало-Кавказским банком¹⁴. Согласно договору, который, кстати, меньшевики считали «одним из замечательнейших факторов экономического развития... страны», итальянским промышленникам представлялось «исключительное право эксплуатации» залежей каменного угля в бассейне реки Гализга в течение 45 лет. По истечении этого срока вся собственность концессионеров перехо-

¹⁰ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 84, док. №№ 6, 13 и 15.

¹¹ «Борьба», № 266, 1919 г.

¹² Отделение крупнейшего в Италии учетного банка.

¹³ «Апсны», 11 июля 1919 г., № 16.

¹⁴ Журн. «Экономическая жизнь», № 84, 1921, Тифлис, стр. 84.

дила без вознаграждения к меньшевистскому правительству. Причем последнее имело право выкупить предприятие на льготных условиях за 15 лет до истечения срока договора.

С начала эксплуатации концессионеры обязаны были предоставлять бесплатно меньшевистскому правительству определенную часть ежегодной добычи угля. Часть эта равнялась 5 проц. общей добычи за первые 3 года подготовительного периода, 10 проц. — в течение первых 10 лет эксплуатационного периода, 15 проц. — в течение следующих 10 лет, а затем до истечения срока концессии — 20 проц. Правительство участвовало в прибылях общества. Если прибыль превышала 10 проц. акционерного капитала, то излишек делился пополам, 20 проц. выпускаемых акций и облигаций предоставлялись в распоряжение правительства Грузии. Причем концессионеры обязывались авансировать сумму, необходимую для приобретения 20 проц. выпускаемых первоначально акций¹⁵.

Этот договор был «типом хищнической эксплуатации», хотя меньшевики и уверяли, что в данном случае они имели «дело с нормальным экономическим договором, построенным на принципе взаимности на обоюдной выгоде»¹⁶. Итальянские промышленники имели право для постройки эксплуатационных и транспортных сооружений пользоваться лесными материалами из государственных лесов как района Ткварчели, так и других мест по ценам «самой низкой официальной таксы». Кроме того, в течение первых десятилетий концессионерам в районе Ткварчели предоставлялось «исключительное право в изыскании других минеральных богатств», а также на получение концессии на эксплуатацию лесов и водной энергии. Освобождались от таможенного сбора все машины и материалы, ввозимые в Грузию, а также уголь, вывозимый концессионерами за границу¹⁷.

В октябре 1920 года в Министерство финансов, торговли и промышленности Грузии поступила на заключение докладная записка Кавказско-Персидского торгово-промышленного общества о предоставлении ему права эксплуатации Ткварчельских каменноугольных копей¹⁸. Однако на заседании Учредительного собрания Грузии 21 января 1921 года, т. е. накануне свержения меньшевистской власти, был утвержден проект договора с итальянской компанией¹⁹.

¹⁵ «Борьба», 25 января 1921 г., № 17.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Грузия», 29 октября 1920 г., № 154.

¹⁹ «Борьба», 25 января 1921 г., № 17.

В августе 1920 года в Сухуме состоялся съезд городов и земств Абхазии, на котором констатировалось, что на местах фактически нет никакой промышленности, города находятся в запущенном состоянии, нет финансового дохода. Например, «главный нерв жизни Гагр — лесная промышленность — теперь убит», а лесопильный завод принца А. П. Ольденбургского расхищен. Были закрыты и окончательно разграблены курортные учреждения и культурно-ценного значения имения²⁰. Санаторий «Гульрипш» подвергся разрушению. Имущество Гульрипшского и Агудзерского санаториев было расхищено на сумму 2 140 000 руб. Н. Н. Смейкой писал по этому поводу: «Когда через несколько времени грузинское правительство конфисковало мое имение, в пределах которого находились санатории, ...движимое имущество... было разобрано частью вновь возникшими в крае учреждениями...»²¹. Еще в марте 1919 года газета «Апсны» отмечала, что замечательный сад между Сухумом и Гульрипш находился в запущенном состоянии — в нем бродили козы, буйволы, коровы и свиньи²². В ноябре 1920 года конституционная делегация Народного совета Абхазии заявила министру земледелия Грузии Н. Хомерики: «В Абхазии расхищается народное имущество и этим наносится смертельный вред благосостоянию Абхазии»²³.

Продовольственный кризис все более и более обострялся, тем более, что 1920 год оказался неурожайным. В резолюции съезда плантаторов Абхазии говорилось о «почти полном отсутствии в крае предметов первой необходимости»²⁴.

В августе месяце положение с продовольствием стало особенно тяжелым. В резолюции съезда земств и городов Абхазии, принятой 18 августа 1920 года, констатировалось, что из докладов с мест «явствует, что города и земства Абхазии в данный период переживают острый продовольственный кризис»²⁵. Сухумский комиссар труда 26 числа сообщил в Министерство труда Грузии: «В городах Абхазии с августа месяца, под влиянием необыкновенной засухи, невыяснившихся перспектив урожая в республике и непрерывного вывоза кукурузы за пределы Абхазии, разразился продовольственный кризис. Кукурузу купить крайне трудно. От 200 р. в мае месяце она дошла до 1 200 р. п. и выше. Кукурузная мука — 1 700

²⁰ «Наше слово», 21 и 22 августа 1920 г., №№ 183 и 184.

²¹ Цит. по статье В. И. Карчава. Из истории Гульрипшского санатория им. В. И. Ленина. «Труды» Абхазского государственного музея, вып. II, Сухуми, 1957, стр. 177.

²² «Апсны», 30 марта 1919 г., № 10.

²³ ЦГАА, ф. 339, д. 18, лл. 181—190.

²⁴ «Борьба», 4 апреля 1920 г., № 77.

²⁵ ЦГАА, ф. 339, д. 18, л. 146.

р. Черный хлеб с мякиной в ограниченном количестве — по 35 р. фунт. Разрешенный министерством дефицит в 550 р. на пуд необходимо увеличить, так как иначе придется увеличить цену... Необходимо запретить вывоз кукурузы из Абхазии»²⁶. В январе 1921 года в Гаграх килограмм мяса стоил 100 руб., фунт хлеба — 150 руб., пуд кукурузной муки — 1500 руб.²⁷, а на гудаутском рынке — 2500 руб., фунт фасоли — 80 руб., кусок мыла — 350 руб., фунт соли — 40 руб. «Цены эти ежедневно увеличиваются»²⁸.

Надо сказать, что сами власти занимались спекуляцией предметами широкого потребления. Газета «Красное Черноморье» 11 июня 1920 года сообщала, например, о таком факте: «Среди жителей Сухума открытое брожение против грузинских властей вследствие того, что закупленную представителями власти на американском судне муку по 500 руб. за пуд население получило по 2000 рублей».

Между тем, по официальным данным, средний заработок чернорабочего в сутки доходил лишь до 40 руб.²⁹ Вместе с тем в Абхазии, где промышленности почти не было, «в рабочей семье... яблоком раздора жизни делает погоня за самой работой, которой всем недостает»³⁰. Например, в Сухуме в августе 1920 года число безработных, по сведениям биржи труда, доходило до 60 человек³¹.

Профсоюз служащих правительственных учреждений г. Сухума в своем заявлении в Народный совет Абхазии от 7 сентября 1920 года писал: «Крайняя дороговизна и отсутствие предметов первой необходимости при совершенно недостаточном содержании, едва хватающим на 10 дней, создают необычайно тяжелые условия существования служащим, ведущие к постепенному физическому истощению. В погоне за куском хлеба служащие поневоле отрываются от исполнения своих обязанностей и тем самым наносят неумышленный ущерб интересам государства. В Сухуме все снабжение до сих пор ограничивается выдачей фунта плохого чурека, ценою в 15 рублей фунт, с половины августа этого года...»³²

Один из руководителей меньшевиков Абхазии М. Цулукидзе, выступая перед членами сухумской меньшевистской организации 22 декабря 1920 года, вынужден был нарисовать мрачную картину положения рабочих и служащих и выска-

²⁶ «Наше слово», 26 августа 1920 г., № 187.

²⁷ «Эхо Батума», 11 января 1921 г., № 155.

²⁸ «Грузия», 12 января 1921 г., № 8.

²⁹ ЦГАА, ф. 4, д. 2926, л. 16.

³⁰ «Наше слово», 6 мая 1920 г., № 97.

³¹ Там же, 22 августа 1920 г., № 184.

³² ЦГАА, ф. 339, л. 19, л. 176.

зять свои соображения, как «выйти из этого тяжелого и невыносимого положения»³³.

Гагринский коммунист А. Куридзе, высланный из Абхазии, в записке от 22 января 1921 года приводил следующие данные: размер месячной зарплаты рабочего составляет 5 000 руб., в то время, когда на базаре фунт кукурузного хлеба (чурка) стоит 40—50 руб., мяса — от 150 до 250 руб., сыра — 1 000 руб., пара ботинок — 5 000—6 000 руб., а сапог — до 150 000 руб., аршин простого ситца — 1 500—2 000 руб., сажень дров — 40 000—60 000 рублей³⁴.

Сухумская эсеровская газета «Голос труда» писала: «В то время, когда трудовой народ стонет от буржуазной вакханалии спекулянтов и сказочной дороговизны, социал-демократы (меньшевики. — Г. Д.) укрепляют буржуазную собственность, делают дело буржуазии»³⁵.

Как уже отмечалось, под давлением крестьянского движения еще в конце 1917 года Закавказским комиссариатом был проведен закон об отчуждении удельных и частновладельческих земель, впоследствии подтвержденный Закавказским сеймом и Учредительным собранием Грузии. Однако этот закон не только не ликвидировал принципа частной собственности на землю, но даже не мешал дальнейшему росту и развитию крупного землевладения. Учредительное собрание Грузии, по предложению меньшевистской фракции, 3 февраля 1920 года приняло закон, завершивший дело буржуазного земельного законодательства меньшевиков. Он гласил: «Постановление Закавказского комиссариата от 23 февраля 1918 года, в силу которого было приостановлено совершение купчих крепостей на сельские имения, — упразднить»³⁶. Таким образом, сельской буржуазии представлялась широкая возможность сосредоточить в своих руках земельные площади.

Представитель грузинского меньшевистского правительства во время переговоров с американской миссией недвусмысленно заверял, что принцип частной собственности сохранен и что вся реформа проведена исключительно с целью приостановить массовые «самовольные» захваты и насилия, производимые крестьянами³⁷.

Как мы видели, помещикам оставались высокие земельные «нормы», которые меньшевики считали неприкосновенными и оберегали всячески. Гумистинская уездная земская управа 28 февраля 1920 года обязывала Драндскую волостную земскую управу «принять меры к ограждению» жителя с. Гуль-

³³ ЦГАОРГ, ф. 8 с, оп. 1, д. 86, л. 39.

³⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 27, л. 72.

³⁵ «Голос труда», 26 марта 1920 г., № 4.

³⁶ «Борьба», 5 февраля 1920 г., № 25.

³⁷ См. Я. Шафир. Очерки грузинской жиронды, стр. 92.

рипш Давида Эмухвари, чтобы он мог «спокойно и беспрепятственно пользоваться... отведенными ему по законной норме 16 десят. землн...»³⁸

Летом 1920 года были составлены списки частновладельческих имений. Если произвести подсчет данных «Выписок из крепостных книг старшего нотариуса Сухумского окружного суда» и «Выписок из данных податного инспектора Сухумского округа на частновладельческие имения земли выше нормы»³⁹, то мы получим по Гумистинскому уезду примерно следующую картину:

Группа владельцев		Число хозяйств	Всего земли (в десят.)
I. Имевшие	10 — 15 десят.	91	2 200
II.	50 — 200 "	54	6 120
III.	200 — 400 "	27	7 869
IV.	400 — 600 "	18	8 552
V.	600 — 1000 "	10	8 196
VI.	более 1000 "	3	10 501
Итого		203	43 437

По данным отчета приемочной комиссии о проделанной работе с 15 июля по 15 ноября 1920 года в том же Гумистинском уезде из 2 445 десят. земли, занятой 6 помещиками, было «выделено» последним 552 десят., причем двум из них оставлено по 4 нормы — 317 десят.⁴⁰ Возьмем отдельное село — Амчара Михайловской волости, где по «списку имеющих земли выше нормы» 11 частновладельцев обладали 750 десят. земли, из них имевших 25—50 десят. было 4 чел., 50—75 десят. — 2 чел., 75—100 десят. — 5 человек⁴¹.

Начальник земельного отдела Комиссариата Абхазии 12 января 1921 года писал циркулярно в Гумистинскую уездную земскую управу, что в отделе «имеются сведения о том, как некоторые районные аграрные комиссии отводят бывшим владельцам увеличенные нормы, а иногда по несколько норм, причем ни в приемочном акте, ни в особых протоколах ничем не мотивируются подобные постановления комиссии, а также не прилагаются к акту необходимые документы»⁴².

Грузинские меньшевики и их подголосок Народный совет Абхазии были не менее благосклонны к земельным спекулянтам. В угоду именно им были сделаны примечания к общей части декларации совета по земельному вопросу от 15 апреля 1919 года, идущие дальше, чем даже разъяснения Сейма от 2 мая 1918 года, где указывалось, что земли в городской черте не подлежат конфискации⁴³. И поскольку оговарива-

³⁸ ЦГАА, ф. 340, д. 3, л. 48.

³⁹ Там же, д. 10, лл. 20—30, 43.

⁴⁰ Там же, л. 18.

⁴¹ Там же, лл. 25—26.

⁴² Там же.

⁴³ «Борьба за Советскую власть в Абхазии», стр. 170, док. № 134.

лось, что по установленной норме землей будут бесплатно наделяться лишь безземельные и малоземельные крестьяне, что разрешается купля и продажа городских земель, находящихся в черте города⁴⁴, постольку давалось прямое указание на возможность покупки земли.

Орган Сухумского комитета эсеров газета «Голос труда» писала: «Меньшевики пишут, что они отобрали земли у помещиков и передали трудовому крестьянству. Это просто-напросто ложь, которая понадобилась меньшевикам для того, чтобы прикрыть свою буржуазно-реакционную земельную реформу. Крестьянам хорошо известно, что они этих земель не получали. Крестьянам также известно и то, что землю, согласно социал-демократическому закону, начали продавать спекулянтам, богачам, а крестьян оставили в том же положении»⁴⁵.

Гумистинская земская управа 7 июня 1920 года писала в земельный отдел Комиссарната Абхазии: «Вся крестьянская масса, страдающая от малоземелья и испытывающая материальную нужду, давно с нетерпением ждала и ждет тех или иных реальных шагов в области урегулирования земельных вопросов. До сего времени в нашем распоряжении не имеется достаточного материала, на основании которого можно бы выяснить степень продуктивности работ аграрных комиссий. Между тем психология крестьян и вообще их настроение находится в зависимости от разрешения в том или ином духе аграрного вопроса, весьма существенного в данное время...»⁴⁶. На сходе населения Кодорского уезда, состоявшемся 12 августа 1920 года в с. Моква, членам Народного совета Абхазии было заявлено, что при наделении землей агенты Комиссарната Абхазии и меньшевистского правительства «допускают различные злоупотребления, и, во-вторых,... наделяемая норма недостаточна», а потому народному совету надо отдать распоряжение о приостановке работ районных земельных комиссий⁴⁷.

Усиление крестьянской буржуазии шло за счет эксплуатации и разорения деревенской бедноты. Это особенно относилось к плантаторам-табаководам. Уже говорилось о том, что летом 1920 года была предпринята работа по обследованию крестьянских хозяйств Гумистинского уезда. Правда, эта работа не была завершена, но некоторые районные аграрные комиссии, как например, Михайловской волости, свою работу в основном закончили. Если суммировать данные о земельной обеспеченности крестьянского населения, в том числе и арен-

⁴⁴ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 80, л. 2.

⁴⁵ «Голос труда», 26 марта 1920 г., № 4.

⁴⁶ «Борьба за Советскую власть в Абхазии», стр. 126, док. № 102.

⁴⁷ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 59, док. № 48, л. 145.

даторов, по 15 селам указанной волости, то получим следующую картину:⁴⁸

Группа крестьян	Число дворов
Безземельные и имевшие до 1 десят.	112
Имевшие 1	157
2	123
3	112
свыше	103
Итого	605

Рассмотрим, для большей убедительности, отдельные села. В с. Пилераитон число безземельных и малоземельных дворов доходило до 50, из которых безземельных, малоземельных и имевших до 1 десят. было 37; имевших 1 десят. — 11; имевших 2 десят. — 2. В с. Беш-Кардаш (Речхуца) из 47 безземельных и малоземельных дворов только 4 владели свыше 3 десят. и 13 владели 1—2 десят., а остальные 30 были безземельными или владевшими до 1 десят.⁵⁰ В этом отношении интересно и то, что на сходе крестьян Николаевско-Анастасиевской общины, состоявшемся 1 января 1920 года, выяснилось, что в общине количество одних безземельных крестьян равнялось 95 дворам. Неудивительно поэтому, что сход высказался против меньшевистской аграрной политики⁵¹.

Меньшевики и на исходе третьего года «периода аграрной политики» «страдающему от безземелья и испытывающему материальную нужду» крестьянству предлагали лишь терпеливо ждать «тех или иных шагов в области урегулирования земельных вопросов...»⁵². При этом они по-прежнему жестоко расправлялись со всякими попытками крестьян захватить помещичьи и монастырские земли. Принять «все меры к категорическому прекращению этих захватов и впредь до особого разрешения» не разрешать «никому занимать или обрабатывать земли», — обязывал председатель Гумистинской земской управы Драндскую районную земельную комиссию 9 февраля 1920 года по поводу захватов земель Драндского монастыря крестьянами⁵³. Подобные указания получили все земельные органы. Один из них, земельный отдел с. Дзыгута, 30 августа того же года докладывал председателю Гумистинской уездной земской управы, что отделом земледелия «категорически отвергнуты всякие домогательства захватчиков

⁴⁸ ЦГАА, ф. 340, д. 10, л. 18.

⁴⁹ Число душ обоого пола по всем 15 селам — 3448.

⁵⁰ ЦГАА, ф. 340, д. 10, л. 18.

⁵¹ Там же, ф. 341, д. 3, л. 25.

⁵² Там же, ф. 350, д. 2, л. 286. Заявление Гумистинской уездной земской управы Земельному отделу Комиссариата Абхазии от 7 июня 1920 г.

⁵³ Там же, ф. 341, д. 3, л. 18.

расчистить... лесную площадь..., поставлен вопрос о выселении оттуда указанных захватчиков»⁵⁴.

Народный совет Абхазии подавляющим большинством постановил очистить территорию Ново-Афонского монастыря от крестьян, занявших, по свидетельству члена же совета, лишь «окраинные земли, где никакой культуры нет»⁵⁵. Меншевик Д. Захаров сделал откровенное заявление: «Лично я всецело приветствую, чтобы оно (имение Ново-Афонского монастыря. — Г. Д.) было очищено от кого бы то ни было... Я бы даже пошел дальше и сказал, что лучше пусть будут монахи...»⁵⁶ Меншевики считали, что вообще в Гудаутском участке создались «ненормальные земельные отношения... вследствие самовольных захватов»⁵⁷.

Крестьян карали даже за неуплату владельцам имений натуральной арендной платы. А о размерах этой крепостнической формы аренды можно судить хотя бы на основании заявления переселенческих крестьян с Бага-Пошта на имя Гумистинской уездной земской управы от 23 сентября 1920 года. Весной 1920 года, говорится в этом документе, «начали работать на частновладельческой земле на условиях делиться с ним (владельцем. — Г. Д.) пополам урожаем, обработанным исключительно нашим трудом»⁵⁸. Или же: с «безземельных крестьян» за сданные им в аренду причтовые земли⁵⁹ «взыскивают с них чрезмерно высокую галлу (1/3 урожая)»⁶⁰.

Как видно из всего сказанного, меньшевистская аграрная реформа ничем не улучшила экономического положения беднейших слоев крестьянства. Наоборот, меньшевики завершили эту реформу за счет последних в интересах помещиков и кулаков как верные исполнители социального заказа капитализирующихся помещиков и кулацкой верхушки деревни.

Происходила дальнейшая деградация всех отраслей сельского хозяйства. Помощник заведующего Отделом земледелия Комиссариата Абхазии особо подчеркивал, что даже «культурно-национальные имения» «в переживаемое нами время, вследствие прекратившегося снабжения края разными

⁵⁴ Там же, ф. 350, д. 13, л. 374.

⁵⁵ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 84, док. № 15, л. 86 об. Отчет № 16 заседания Народного совета Абхазии от 18 мая 1920 г.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ «Борьба», 1 декабря 1920 г., № 274.

⁵⁸ Г. А. Дзидзария. Аграрная политика меньшевиков в Абхазии, стр. 82.

⁵⁹ Причтовые земли, размеры которых достигали 15—20 и выше десят., также не подлежали конфискации.

⁶⁰ ЦГАА, ф. 350, д. 3, л. 44. Сообщение Самурзаканской уездной земской управы Отделу землеустройства комиссариата Абхазии от 21 ноября 1919 г.

культурными необходимыми пособиями сельского хозяйства, остались без сельскохозяйственных орудий, культурного скота, семян и посадочного садового материала. Сельскохозяйственное производство занялось спекуляцией, углубляя односторонними культурами переложную систему хозяйства...»⁶¹

Особенно пострадало табаководство. Общая площадь табачных плантаций в 1920 году не превышала 1 200 десят. против 13 107 десят. в 1914 году. Валовый сбор табака составлял в 1920 году 100 тыс. пудов, тогда как в 1914 году он равнялся 602 270 пудам⁶².

Оказавшись перед таким фактом, меньшевистское правительство, как мы видели, пыталось компенсировать сокращение товарного выхода табака на рынок установлением государственной табачной монополии, закон о которой был объявлен Учредительным собранием Грузии еще 24 октября 1919 года. Управляющий таможней Квириани 10 февраля 1920 года на заседании Народного совета Абхазии говорил, что табак теперь вывозится иностранцами, одесскими спекулянтами, «Космосом и К^о»; «значит, в итоге наживаются какие-то частные лица, спекулянты, и то народное богатство, которое создано тысячами рук, потом и кровью абхазского народа, уничтожается, не принося никакой пользы, т. е. принося пользу только частным лицам — Кернерам и Комп^з»⁶³. Таким образом, по признанию меньшевика Новикова, монополия приняла вид «реквизиции табаков»⁶⁴. В. Джугели на заседании ЦК меньшевистской партии Грузии 2 января 1920 года откровенно называл эту меру насилием, например, над греками-табаководами⁶⁵.

Такое положение, естественно, вызвало еще больший отход крестьян от табаководства, дальнейшее падение производства табака. «Были даже случаи, когда молодой табак вырывали с корнем и на его место садили кукурузу, как более выгодное растение»⁶⁶. Но зато монополия дала меньшевистскому правительству возможность сконцентрировать в своих руках большие партии табаков. Поэтому, хотя производство табака и падало катастрофически, но вывоз местного табака за границу (за пределы бывш. Российской империи) оставался относительно значительным по сравнению с довоенным, абсолютно — по отношению с первым периодом господства мень-

⁶¹ ЦГАОРГ, ф. 118, оп. 1, д. 606, л. 16.

⁶² П. В. Гугушвили. Табаководство в Грузии и Закавказье. 1801—1920 гг. «Труды» Института экономики АН ГССР, XI. Тбилиси, 1959, стр. 208.

⁶³ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 84, док. № 5, лл. 33 — 33 об. Отчет № 6 заседания Народного совета Абхазии от 13 февраля 1920 г.

⁶⁴ «Наше слово», 25 августа 1920 г., № 186.

⁶⁵ ЦГАОРГ, ф. 8 с, оп. 1, д. 190, л. 1.

⁶⁶ «Наше слово», 25 августа 1920 г., № 186.

шевиков. Если в 1918 году было вывезено 165 261 пуд., то в 1919 году — 144 499 пуд., а в 1920 году — 431 307 пуд. По сравнению же со средним вывозом табака в 1910 — 1914 годах вывоз в 1920 году упал лишь на 15 процентов⁶⁷. Всего за период с 1919 года по 4 марта 1921 года меньшевиками было вывезено в Англию, США, Турцию, Италию, Германию и другие государства 692 600 пудов абхазского табака, общей стоимостью в 2 077 800 фунтов стерлингов⁶⁸.

Для характеристики состояния табаководства и плантаторской массы представляет большой интерес доклад Совета кооперативного товарищества табаководов Гумистинского уезда общему собранию от 27 июня 1920 года. Вот выдержки из этого документа: «Главнейшей опорой и основой хозяйственно-экономической жизни и почти единственным источником богатства Абхазии с восьмидесятых годов прошлого века по сие время является табаководство, которым за последнее десятилетие уже стало заниматься 60% населения этого края.

В настоящее время, как валютный товар, представляет почти незначительную ценность для нашей республики... Обещанная ссуда не была во время и в потребном количестве доставлена плантаторам, которые четыре месяца в ожидании получения ссуды бродят по улицам городов Абхазии. Они потеряли самое лучшее и дорогое для них время года, свои рабочие дни и тратили большие деньги на дорогу, в гостиницах и столовых. Если перевести все эти потери на деньги, мы получим ужасную цифру в 18 миллионов рублей. Сопоставляя ее с суммой, полученной до сегодня ссуды в размере 47 миллионов, мы получим печальную картину настоящего положения плантаторов.

Не лучше стоит вопрос с ссудой на обработку табака. Кооперативами для этой цели еще не получено ни одной копейки, вследствие чего большинство плантаторов в этом году или не сажают табак, или же сажают его в ничтожном размере. Посаженные же табаки пропадают за неимением у плантаторов средств на очистку и обработку плантации... Цена на сухумский табак определена главноуполномоченным по проведению табачной монополии И. Д. Кисовым единолично. Его ни на чем не основанная расценка не оправдывается абсолютно ничем. Особенно она не выдерживает критики в настоящих условиях, когда наш табак имеет такую большую цену на заграничных рынках... Эта цена, в среднем 700 руб. на пуд, окончательно разоряет плантаторов и у всех отбивает желание сажать табак.

⁶⁷ А. Олонекский. Экономическая политика меньшевиков в Абхазии. «Труды» Абхазского научно-исследовательского института краеведения. I. Сухум, 1934, стр. 197.

⁶⁸ ЦГАА, ф. 1, д. 4, л. 286.

Последнее обстоятельство уже проявилось на деле и в этом году: имея все возможности к обработке до 300 тысяч пудов табаку, край вряд ли обработает и пятую часть этого количества...»⁶⁹.

Другие, притом старинные виды экспортного сырья — лес, орехи и вино, которые могли конкурировать на внешнем рынке, — были лишены доступа туда. Вследствие этого виноград и орехи были обречены «на постоянное вымирание»; «не говоря о том, что население от этого экономически страдает», в частности, «виноградарям будет нанесен невознаградимый ущерб», тем более, что вино и орехи подвержены порче⁷⁰. Общая посевная площадь в Абхазии к 1920 году сократилась по сравнению с 1914 годом до 30 — 40 процентов⁷¹. Пришло в упадок и пчеловодство, которое «совершенно потеряло товарное значение и приобрело подсобно-потребительский характер»⁷².

На заседании Народного совета Абхазии 3 февраля 1920 года говорилось: «Плохо поставлено больничное дело, так как нет медикаментов. Нет мануфактуры для народа и пр. и пр... Нужны сельскохозяйственные учебные заведения, а мы отказываем на том основании, что нет средств. Везде и всюду нет средств»⁷³.

В резолюции съезда абхазской интеллигенции от 22 февраля 1920 года тоже отмечалось: «Выслушав доклады с мест, съезд абхазской интеллигенции всей Абхазии констатирует тот печальный факт, что в абхазских массах, а также и среди крестьян других национальностей, населяющих Абхазию, царит полная нищета и крайняя нужда в предметах фабрично-заводского производства, что продукты местного производства, ввиду ненормальной постановки сбыта, обесцениваются, что дело народного образования, медицинской и агрономической помощи населению стоит на низкой ступени или совершенно отсутствует...»⁷⁴

Председатель Комиссариата Абхазии «обратил внимание» министра снабжения Грузии на то, что на рынке в Абхазии «замечается полное отсутствие доступной крестьянству мануфактуры. Ситца и бязи нет вовсе. Вынося на рынок пред-

⁶⁹ ЦГАА, ф. 321, д. 31, лл. 12—13.

⁷⁰ ЦГАОРГ, ф. 48 с, оп. 2, д. 126, лл. 1—6. Докладная записка делегации Народного совета Абхазии от 15 декабря 1919 г.

⁷¹ Г. А. Дзидзария. Аграрная политика меньшевиков в Абхазии, стр. 83.

⁷² Я. Агума. Состояние и перспективы развития пчеловодства в Абхазии. Сухуми, 1938, стр. 8.

⁷³ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 84, № 3, л. 8.

⁷⁴ «Борьба за Советскую власть в Абхазии», стр. 117, док. № 93.

меты своего производства, крестьяне лишены возможности получать взамен этого необходимые им товары»⁷⁵.

Особенно тяжелое было положение трудящихся в «нейтральной зоне», где не велось «никакой культурной созидательной работы... Школы запущены», учителя жалование не получали; медицинская помощь также «поставлена скверно или вернее ее вовсе не существует»; сельчане начинали «испытывать голод»⁷⁶.

Многие школы были закрыты, а функционировавшие влачили жалкое существование. На съезде абхазской интеллигенции 22 февраля 1919 года представитель Кодорского участка К. Шакирбай заявил: «Положение школ самое печальное: сельские школы не имеют достаточных кадров учителей; где есть учителя там нет зданий, учебников, всего того, что необходимо для ведения более или менее нормального занятия»⁷⁷. Конкретные факты плачевного положения школ Абхазии приводились на страницах газеты «Апсны», особенно в статьях Д. И. Гулиа⁷⁸. В «Истории Горской школы» он писал, что эту школу, где обучались абхазские дети, меньшевики превратили в казарму для своих войск; «парты и другие классные принадлежности пришли в негодность, полы шатаются, окна разбиты, электрический свет отсутствует. Словом, здание как конюшня, стало вонючим, нельзя в него зайти»⁷⁹.

Перестало существовать «Общество любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа» и вместе с ним музей. «Культурно-просветительное дело представляло печальное положение. Оно в центре уже заглохло. Единственная наша газета («Апсны». — Г. Д.) едва влачит свое существование», — говорил Д. Алания на съезде интеллигенции⁸⁰. Один из руководителей Сухумского окружного комитета меньшевистской партии К. Сванидзе в письме в ЦК партии меньшевиков Грузии от 14 января 1920 года откровенно признавался, что «в области просвещения и культуры комитетом почти ничего не сделано»⁸¹.

Предоставив на словах Абхазии автономию, меньшевистское правительство, как мы видели, всю власть фактически сосредоточило в руках своего «чрезвычайного уполномоченного», а Народный совет Абхазии превратило в свое послушное орудие. «Был объявлен акт об автономии Абхазии, — говорил Д. Алания на заседании совета 21 мая 1920 года, —

⁷⁵ «Наше слово», 5 февраля 1920 г., № 25.

⁷⁶ Там же, 3 сентября 1920 г., № 194.

⁷⁷ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 64, л. 203.

⁷⁸ «Апсны», № 2 за 1919 г. и №№ 2—5, 8, 11, 16—19 за 1920 г.

⁷⁹ Там же, 29 мая 1920 г., № 18.

⁸⁰ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 64, лл. 209—210.

⁸¹ ЦГАОРГ, ф. 8 с, оп. 1, д. 185, л. 15 об.

но где эта автономия? Никакой автономии нет — мы это прекрасно знаем... Пусть хватит у нас смелости заявить, что нет автономии, нет Совета и т. д. Хуже всего самообман»⁸².

Даже Учредительное собрание Грузии, в связи с запросом национал-демократической фракции о положении в Абхазии, вынуждено было заявить: «Реальные интересы грузин и абхазов требуют немедленной смены односторонней и крайней политики нашего правительства в Абхазии, которая неприемлема для большинства абхазского населения»⁸³.

Не менее жестокой была политика меньшевиков по отношению к армянскому населению и другим национальностям. Между прочим, этим обстоятельством пыталось воспользоваться правительство дашнакской Армении. Дашнаки, под видом «покровительства» армянам Абхазии, которых объявляли «неоспоримыми гражданами Армении», стремились переселить их туда. В Сухуме было учреждено консульство, которое предлагало большие усилия в «разрешении» этой «проблемы». Но в действительности дашнаки мечтали получить из Абхазии, как писал сухумский консул Саакян министру иностранных дел Армении 2 марта 1920 года, 25 тыс. «сохранившихся, здоровых и трудолюбивых граждан, которые принесут в... разоренную страну 500 хозяйств и достаточно материальных средств...»⁸⁴. Еще более откровенно писал заведующий отделом заграничных установлений. «Переселение такого элемента, как сухумские табаководы, — мечтал он, — вполне отвечает интересам армянской (читай дашнакской) государственности, а потому правительство... совершенно не заинтересовано в закреплении за сухумскими армянами обрабатываемых ими земель и вообще в создании для них цветущих перспектив»⁸⁵. В Сухуме имелся еще Армянский национальный совет. Но он, по характеристике названного консула, проявлял «рвение к проведению» меньшевистской политики; его руководители состояли из тех же меньшевиков.

* * *

1920 год в меньшевистской Грузии, естественно, характеризовался дальнейшим обострением классовых противоречий, крутым подъемом революционной борьбы трудящихся масс. Более активно и организованно выступали рабочие, для улучшения положения которых меньшевики «абсолютно ничего не сделали»⁸⁶. К ним присоединялись служащие.

⁸² Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 84, док. № 16, л. 90.

⁸³ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 65, л. 115.

⁸⁴ ЦГА Арм., ф. 190 с/507, д. 459, лл. 11—17.

⁸⁵ Там же, лл. 56—57.

⁸⁶ «Голос труда», 26 марта 1920 г., № 4, Сухум.

В феврале 1920 года наборщики газеты «Апсны» требовали повышения зарплаты на 60 процентов. Члены редколлегии Д. И. Гулиа и С. Я. Чанба, заручившись отношениями председателя профсоюза печатников и комиссара труда, 9 февраля 1920 года писали комиссару просвещения Абхазии о необходимости удовлетворения претензий рабочих⁸⁷.

Даже официальные меньшевистские органы вынуждены были писать о частых выступлениях рабочих и служащих. В марте 1920 года в Сухуме, как и во многих местах Грузии, забастовали почтово-телеграфные служащие. Меньшевистский президиум совета профсоюзов г. Сухума, обсудив этот «нецелесообразный» прием борьбы, вынес осуждение лицам, ставшим на «опасный путь разрушения»⁸⁸. Газета «Борьба» 6 мая 1920 года писала о «многих конфликтах», имевших место в Гудаутах. В имени Игумнова (Гагрииский уезд) «рабочие требуют увеличения жалования на 60 процентов», а рабочие «Синопа» (около Сухума) угрожают забастовкой. Требуют увеличения с 1 июня [1920 года] платы..., фиксированной лачи дров, керосина»⁸⁹. В октябре в Новых Гаграх на кожевенном заводе Джиджишвили, где работало около 50 постоянных и поденных рабочих, вспыхнула забастовка, закончившаяся в пользу рабочих⁹⁰.

И в тяжелом 1920 году трудящимися Абхазии был отмечен международный рабочий день 1 Мая. Первомайский номер газеты «Апсны» был почти весь посвящен пролетарскому празднику. В газете были опубликованы статьи С. Чанба «Сухум 1 мая» (передовая) и «Политика большевиков», Д. Алания — о значении празднования 1 Мая и другие материалы. «Большевизм, — писал Чанба, — поражает всех своих идейных врагов, неуклонно двигается вперед. Таково сегодняшнее положение в мире». В статье Алания празднование 1 Мая называлось «днем солидарности трудящихся всего мира, днем международной поддержки». Автор призывал рабочих и крестьян еще теснее сплотиться в борьбе за свободу.

Освобождение трудящихся Абхазии возможно только в соединении с Советской Россией — вот важнейшее положение этих и других материалов газеты «Апсны». Не случайно она в короткой информации «Речь Леина», напечатанной 29 января 1920 года, уверенно сообщала читателям: «На недавно состоявшемся в Москве съезде он (В. И. Ленин) заявил, что... вся Россия будет в руках Советской власти».

Сохранилось сообщение о проведении первомайского

⁸⁷ ЦГАА, ф. 339, д. 18, л. 89.

⁸⁸ «Наше слово», 19 марта 1920 г., № 60.

⁸⁹ ЦГАОРГ, ф. 118, оп. 1, д. 606, лл. 46, 59.

⁹⁰ «Борьба», 14 октября 1920 г., № 228.

праздника в с. Цебельда. Цебельдинская волостная земская управа обратилась к населению с обращением закрыть все торговые точки, школы, разукрасить дома цветами и «национальными» флагами. Однако не все лавки были закрыты. Была открыта, например, мясная с выставкой окровавленной туши, «как бы извещающая о царящих в мире кровн и насилии»; только кое-где виднелись меньшевистские флаги⁹¹.

Вообще в абхазской деревне происходил процесс усиленного революционирования. Гумистинская земская управа 9 января 1920 года предупреждала комиссара народного хозяйства Абхазии, что с наступлением весенних работ «мало-земельные и безземельные поселяне вынуждены будут самовольно осуществлять свои заветные мечты о куске земли для собственной обработки...»⁹² Предчувствие это полностью оправдалось. Уже 7 февраля 1920 года сухумский епископ общал, что земли Драндского монастыря «самовольно захватываются крестьянами, которые производят дележ этих земель». Гумистинская уездная земская управа обязывала Драндскую земельную комиссию принять «все меры к категорическому прекращению этих захватов, и впредь до особого распоряжения не разрешайте никому занимать или обрабатывать там земли...»⁹³ Крестьяне расправлялись с отдельными помещиками. 3 марта 1920 года в г. Очемчиры беслахубского дворянина Шакирбай «чуть не разорвали его односельчане за лишение крестьян нужной им земли». Он «спасся благодаря вмешательству» председателя комиссарната Абхазии и председателя местной земской управы⁹⁴. Крестьяне устраивали нападения и на меньшевистские воинские части. Так, в январе 1920 года житель с. Гергамыш Гумистинского уезда Леонид Попандопуло был признан чрезвычайным военным судом виновным «в вооруженном сопротивлении войскам», развившемся в стрельбе по отряду капитана Чачуа, и приговорен к смертной казне⁹⁵.

Трудящиеся массы отрицательно относились к меньшевистским учреждениям. Главной причиной, тормозящей, например, работу Гумистинского земства, сами работники этого органа объясняли то, что «в населении существует глубокое недоверие к земству»⁹⁶.

Революционному движению в Абхазии способствовало нарастание борьбы по всей Грузии и развертывание вооруженного восстания на Черноморье, к подготовке которого

⁹¹ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 72 (газ. «Наше слово»), л. 47 об.

⁹² ЦГАА, ф. 340, д. 1, л. 36.

⁹³ Там же, ф. 341, д. 3, л. 18.

⁹⁴ «Борьба», 4 апреля 1920 г., № 77.

⁹⁵ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 64, л. 131 а.

⁹⁶ «Наше слово», 5 февраля 1920 г., № 25.

приступили в январе 1920 года. Надо сказать, что большевики Грузии, как уже отмечалось частично, оказали значительную помощь трудящимся Черноморья в их борьбе за установление Советской власти. Кавказский краевой комитет РКП(б) формировал в Грузии боевые отряды и отправлял их систематически на Черноморское побережье. Грузинские же меньшевики, опасаясь, что борьба партизан Черноморья может создать угрозу также их режиму, всячески стремились подавить это движение.

Исходным пунктом выступления партизан-крестьян была намечена «нейтральная зона», т. е. район Пиленково-Ермоловска. В Пиленково грузинский партизан Гурули собрал вокруг себя группу в 80 человек грузин-партизан, а в Гаграх И. Шевцов и И. Саблини организовали отряд для высадки в тылу у белых с моря. 27 января 1920 года в с. Мехадыр (против левого фланга белых) сосредоточились главные силы ополчения. Туда же прибыл Г. Учадзе, назначенный командующим действующими частями ополчения⁹⁷.

В ночь на 28 января части Черноморского крестьянского ополчения перешли в наступление против 52 отдельной бригады армии Деникина в секторе Веселое—Адлер, где она стояла на берегу р. Псоу. 29 января повстанцы отрезали белым путь к отступлению, уничтожив мост через р. Мзымта у с. Молдованка. 24 февраля уже был взят город Туапсе — военно-морская база Деникина, где ополченские отряды приходят в непосредственное соприкосновение с Советской армией Черноморья, созданной Северокавказским комитетом большевистской партии из красно-зеленых групп, оперировавших в районе Новороссийска. В начале марта 1920 года состоялось объединение Советской красно-зеленой армии с Черноморским крестьянским ополчением. Таким образом, была создана Красная Армия Черноморья.

Однако ставить вопрос о свержении КОЧа было пока рано, хотя его авторитет упал в глазах масс. В условиях, когда имелись два фронта (по направлению к Новороссийску и Кубани), а необходимые силы Советской России находились еще далеко от Черноморья, образовать третий фронт — меньшевистский — было нецелесообразно. Грузинские меньшевики могли повторить, с помощью тех же эсеров, опыт 1918 года, когда они оккупировали Сочинский округ и двигались дальше. Более того, обстоятельства требовали даже того, чтобы пойти на временное соглашение с находившимся в Сочи КОЧом, имевшим своего полномочного представителя в Тифлисе. 9 марта 1920 года в Туапсе состоялось совещание, на котором были установлены сферы влияния Реввоен-

⁹⁷ В Фавицкий. Указ. соч., стр. 50—51.

света Красной Армии Черноморья и КОЧа. Фронт и вся прифронтовая полоса, до с. Лазаревского включительно, переходили в ведение Реввоенсовета, а к КОЧу — территория к юго-востоку от Лазаревского до Пиленково.

Тем временем дела белых на фронте становятся все хуже и хуже. Красная Армия Кавказского фронта успешно вела наступательные действия против деникинских сил. Задача Красной Армии Черноморья в это время заключалась в том, чтобы облегчить наступление советских войск на Екатеринодар — столицу Кубани, и не дать деникинцам возможность эвакуироваться через Новороссийск и Туапсе. Повстанческая Красная Армия Черноморья 20 марта 1920 года с боем заняла Майкоп. 22 марта сюда подошли и части Первой Конной Армии. В ночь на 27 марта красные части освободили Новороссийск. Деникинцы вынуждены были частью эвакуироваться в Крым и Турцию, частью перейти границу меньшевистской Грузии. В связи с этим надобность в существовании самостоятельной Красной Армии Черноморья отпала, и она лучшие свои боевые части дала на пополнение IX Кубанской Красной Армии. Напряженная борьба красно-зеленых под руководством большевистской партии против деникинщины окончилась полной победой⁹⁸.

Таким образом, в начале 1920 года победоносная Красная Армия, разгромив белогвардейцев, освободила Северный Кавказ и вплотную подошла к границам Закавказья, а в конце апреля 1920 года и в Азербайджане победила Советская власть. Эти огромной важности факты имели исключительное значение в усилении борьбы трудящихся Грузии, подготовившей условия для свержения меньшевистского режима.

Революционным движением масс в Грузии руководили большевистские организации. После неудавшегося осенью 1919 года всеобщего восстания, Кавказский краевой комитет РКП(б) и партийные организации Грузии в начале 1920 года сумели восстановить нелегальный партийный аппарат и вновь организовать подпольную работу.

В первых числах февраля 1920 года председателем Сухумского окружного комитета РКП(б) был избран И. Выгрианов, а членами комитета: С. Кухалейшвили, Н. Сванидзе и Г. Лемберг (Гегель). В феврале же месяце Выгрианов по поручению окружкома ездил в Тифлис за деньгами для партийной работы и ему было передано 232 тыс. рублей. Работа окружкома в этот период, по сообщению Выгрианова, «выражалась в организации на местах ячеек, в рассылке литературы и агит-

⁹⁸ И. Разгон. Орджоникидзе и Киров и борьба за Советскую власть на Северном Кавказе. М., 1941, стр. 308—317; В. Фавицкий. Указ. соч., стр. 52—71.

тации..., выдвигались и боевые вопросы...»⁹⁹ К началу 1920 года «во всех уездах Абхазии были уже уездные и районные комитеты, а по селениям — комячейки...»¹⁰⁰

Между тем меньшевистских организаций «было очень мало». Они имелись преимущественно в городах и местечках; «...деревня же оставалась заброшенной», — жаловалась газета меньшевиков «Борьба»¹⁰¹. В. Джугели на заседании ЦК меньшевистской партии Грузии 2 января 1920 года признавал, что меньшевистская партийная работа в Абхазии поставлена слабо¹⁰². К. Сванидзе в письме в тот же ЦК от 14 января 1920 года также подтверждал, что Сухумскому меньшевистскому комитету партии «не удалось поднять партийную работу на должный уровень», что в меньшевистских организациях Абхазии состоят преимущественно купцы, служащие и ремесленники, а рабочих очень мало. Он негодовал на сухумскую меньшевистскую газету «Наше слово», в редакцию которой проникли люди, «которые совершенно не разделяют мнения комитета»¹⁰³.

Весной 1920 года окружной комитет партии большевиков организовал в Сухуме подпольную типографию, которая за короткое время своего существования выпустила ряд революционных прокламаций и листовок. Шрифт, краску и пр. большевики добыли через рабочих-печатников. Типография вначале находилась на даче Усовой, за Красным мостом, на квартире В. И. Чайки. Надо сказать, что Чайка вообще играла активную роль на протяжении всего периода господства меньшевиков в Абхазии. Сухумский окружной комитет через нее поддерживал связь с отдельными подпольными деятелями; на ее конспиративной квартире устраивал совещания, хранил типографию, в работе которой отважная революционерка принимала деятельное участие; она командировалась в Тифлис в Краевой комитет партии за получением средств и т. д.¹⁰⁴ С. Кухалейшвили где-то достал копировальный станок, но он оказался негодным. Печатание происходило ручным способом¹⁰⁵. В. Иванову пришлось работать и наборщиком, и метранпажем, и печатником. Вскоре стало необходимо перебросить типографию на квартиру Толстой на даче Татаириной, что была около больницы имени проф. А. А. Остроу-

⁹⁹ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 497, лл. 56—58. Протокол допроса И. М. Выгрнаова.

¹⁰⁰ «Жизнь национальностей», 16 сентября 1920 г., № 28.

¹⁰¹ «Борьба», 23 апреля 1920 года, № 90.

¹⁰² ЦГАОРГ, ф. 8 с, оп. 1, д. 190, л. 1.

¹⁰³ Там же, д. 185, л. 15.

¹⁰⁴ В. И. Чайка — член большевистской партии с 1917 г., по национальности чешка из г. Праги, в Сухум приехала из Самарканда в 1908 году.

¹⁰⁵ ЦГАА, ф. 65, д. 342, лл. 2, 4.

мова. Постоянно сюда приходили, «прячась от дневного света», С. Кухалейшвили и Г. Криштоф (Петров)¹⁰⁶.

В марте 1920 года, когда меньшевики готовились к дополнительным выборам по Абхазии в Учредительное собрание Грузии, Сухумский окружной комитет РКП(б) принял решение бойкотировать эти выборы. В подпольной типографии были отпечатаны прокламации — воззвания Сухумского окружкома партии о бойкоте выборов¹⁰⁷. Они печатались также в типографии А. М. Зайдшера, где наборщиками работали тот же В. Иванов, М. Миканба, Е. Харбедия и другие.

В одном из таких воззваний говорилось: «Товарищи рабочие и крестьяне! Ни одного голоса не должны подать вы, трудящиеся Абхазии, при выборах в Учредительное собрание. Вы должны помнить, что всякий из вас, кто примет участие в выборах, тот тем самым санкционирует весь тот произвол и все те насилия, которые составляют основу режима Учредительного собрания; тот санкционирует все расстрелы и аресты, земельную вакханалию, бесшабашный разгул спекуляции, одним словом, весь тот невыносимо тяжелый строй, который создали господа меньшевики за два года своей власти.

Только власть Советов, власть рабочих и крестьян, способна вывести трудящихся из того тупика, куда завела их четырехлетняя мировая бойня и двухлетний разгул меньшевистского самодержавия. Только власть Советов способна на беспощадное подавление эксплуататоров и спекуляции в интересах трудящихся масс»¹⁰⁸.

В другой прокламации было сказано: «Сухумский Окружной комитет Российской Коммунистической партии (большевиков), являющейся единственной до конца последовательной выразительницей и защитницей интересов трудящихся, считает своим долгом сказать вам, как вы трудящиеся, рабочие и крестьяне Абхазии, должны отнестись к выборам в Учредительное собрание. Для этого вы должны сначала уяснить себе, что такое Учредительное собрание и чего вы можете от него ожидать... Благодаря капиталам богачи через своих представителей всегда умеют превратить Учредительное собрание... в своего приказчика, и, таким образом, высшая власть государства превращается в кнут, посредством которого разного рода богачи выкачивают из трудящегося люда все жизненные соки, высасывают пот и кровь, заставляя работать на себя до полного изнеможения. Все трудящиеся, жившие под игом грузинской буржуазно-демократической власти, уже ус-

¹⁰⁶ В. Иванов. Типография 20-го года. Сб. «К истории революционного движения в Абхазии». Сухум, 1922, стр. 37—38.

¹⁰⁷ Два таких воззвания помещены в сб. документов и материалов «Борьба за Советскую власть в Абхазии. 1917—1921 гг.», стр. 118—120.

¹⁰⁸ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулна, ф. 1, д. 65, л. 112.

пели на своей собственной спине испытать прелесть «демократического» строя, режим Учредительного собрания: рабочие, создавая огромные богатства для других, сами испытывают нужду, голод и холод; крестьяне стонут под гнетом всевозможных налогов; наслаждаются жизнью только спекулянты, капиталисты и вообще разного рода паразиты, общественные трутни.

Таким образом, трудящиеся Абхазии путем собственного опыта должны прийти к сознанию, что и при Учредительном собрании им живется не лучше, чем при царском самодержавии... Режим Учредительного собрания не ограничивается единым экономическим рабством. Учредительное собрание несет трудящимся и рабство политическое... А если все это так, то все трудящиеся, сознавшие интересы своего класса и интересы всего человечества, должны сказать свое решительное и бесповоротное слово: долой Учредительное собрание — орган насилия кучки трутней капиталистов над массой трудящихся!»¹⁰⁹.

И «когда в день выборов в Сухуме и в округе меньшевики с утра увидели наклеенные прокламации, то пришли в ужас. Они такой дерзости не ожидали». Тотчас же были мобилизованы отряды милиционеров и «особоотрядчиков», которые ножами соскребли со стен «злополучный сюрприз». И все же эти «прокламации не пропали даром»¹¹⁰. То же самое было и на местах. Так, представитель Кодорской партийной организации Е. Уридия был вызван в Сухум, в окружной комитет, и снабжен антименьшевистской агитационной литературой, которая затем широко была распространена среди городского и сельского населения. Большевистские листовки приклеивались на заборах, в магазинах, учреждениях. Дело доходило до того, что листовки оказывались... на спинах стражников и даже городского головы, несмотря на систематические аресты агитаторов, в том числе и учащих старших классов¹¹¹. В Гудаутский участок был командирован М. Миканба с воззваниями и другими материалами. В с. Калдахвара им совместно с Ч. Ашхараа, Б. Хагуш, М. Бения и другими был разработан план срыва выборов в меньшевистское Учредительное собрание. В это дело было вовлечено десять активных киаразовцев, вместе с которыми велась среди населения агитационная работа, разоблачавшая меньшевистскую выборную комедию¹¹².

Встревоженные развернутой большевиками пропагандой, меньшевики еще 2 января 1920 года, заслушав на заседании

¹⁰⁹ ЦГАА, ф. Коллекции, д. 1, л. 2.

¹¹⁰ В. Иванов. Типография 20-го года, стр. 38.

¹¹¹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 3. Е. Э. Уридия. Воспоминания.

¹¹² М. Х. Миканба. Из воспоминаний старого коммуниста, стр. 35.

своего ЦК доклад В. Джугели о положении в Абхазии, вынуждены были признать, что «большинство абхазов находится в колебании и решительно нас не поддерживает, как будто кого-то ожидает... Во время выборов (в Учредительное собрание Грузии. — Г. Д.) надо ожидать абсентизма со стороны греков и бойкота со стороны абхазов»¹¹³. Большевики не ошиблись: следуя призыву большевиков, подавляющее большинство трудящихся Абхазии не явилось и на дополнительные выборы. «Рабочие совершенно не приняли участия в выборах»¹¹⁴, закончившихся 29 марта 1920 года.

Между прочим, для характеристики «приема агитации» меньшевиков в период избирательной кампании показателен следующий факт. Большевик В. Нодия в сопровождении представителя штаба «народной» гвардии явился в с. Лечкоп, собрал сход, выбрал «влиятельных крестьян» и начал записывать в книжку, обязав их агитировать за меньшевистский список (№ 1). Крестьяне заявили, что они не меньшевики. Но им угрожали поголовным арестом, если не будут голосовать¹¹⁵.

Надо сказать, что в срыве выборов в Учредительное собрание Грузин активную роль сыграли и члены группы «независимцев» Народного совета Абхазии, о которых меньшевистская газета «Наше слово» писала: «Конечно, их ориентация ясна. Эта ориентация на Советскую Россию»¹¹⁶. Они «полагали, что не идти в Учредительное собрание и призывать к отрицанию его — верх революционности»¹¹⁷. И когда меньшевики в с. Моква буквально согнали крестьян со всех сел Кодорского уезда для «решения» вопроса об участии в выборах, «независимцам» удалось отложить выборы, по крайней мере, на неделю под видом «заготовления собственных списков». По этому поводу газета «Борьба» писала: «Маневр с «заготовкой собственных списков» был проведен приверженцами независимцев. На этом «недопущении» собственных моквииских списков они надеялись отыгаться. Нет сомнения, что это им отчасти и удалось»¹¹⁸. Вместе с тем «независимцы» все более острой критике подвергали буржуазно-националистический Народный совет Абхазии. М. Цагурия на заседании народного совета 13 февраля 1920 года прямо заявил: «Совет изжил себя, оказался нежизнеспособным органом. Эта цель нам известна. Разве мы не говорили, что совет нужен был центру как фиговый лист то для Деникина, то для союзников, то для Турции, то для конференции, чтобы показать, что существует

¹¹³ ПА Грузфилиала ИМЛ ф. 8 с, оп. 1, д. 190, л. 1.

¹¹⁴ В. Иванов. Указ. статья, стр. 38.

¹¹⁵ «Голос труда», 15 марта 1920 г., № 2, Сухум.

¹¹⁶ «Наше слово», 21 марта 1919 г., № 60.

¹¹⁷ «Борьба», 23 апреля 1920 г., № 90.

¹¹⁸ Там же, 3 апреля 1920 г., № 76.

автономия»¹¹⁹. На съезде абхазской интеллигенции 22 февраля 1920 года представитель Кодорского уезда К. Шакирбай тоже отметил: «Совет и его исполнительный орган превратились в агентов центральной власти, который покорно и беспрекословно проводят в жизнь все предначертания последней. Естественно, что такое положение вызывает сильное недовольство в народе, который чувствует себя обманутым...»¹²⁰ Беспощадная критика народного совета проводилась и на страницах газеты «Апсны». Д. Алания 8 октября 1920 года писал, что совет — «никчемная организация Абхазии».

«У абхазцев, — печалилась тифлисская меньшевистская газета «Борьба», — губительную работу по дезорганизации строительства государства (меньшевистского. — Г. Д.) усиленно вела фракция «независимцев»»¹²¹. Сухумский орган меньшевиков «Наше слово» обратил внимание и на такое существенное явление: «Партийная (меньшевистская. — Г. Д.) среда жнвет под тяжелым впечатлением разобщення с абхазской интеллигенцией, явившегося в результате непринятия абхазским населением участия в выборах в Учредительное собрание»¹²².

Как уже отмечалось, большевики Абхазии считали своей важной задачей посылку людей в соседние районы Черноморского побережья. К тому же в это время в Сухуме скрывалось немало коммунистов, бежавших сюда после захвата белыми указанных районов. Так, Сухумскому окружному комитету партии весной 1920 года удалось зафрахтовать парусное судно, на котором выехала группа коммунистов. По прибытии в Туапсе часть ее направилась в Краснодар, а некоторые (Т. Хребтов, А. Ломтадзе, К. Карасев) вступили в Отдельную черноморскую стрелковую бригаду, вскоре влившуюся в IX Кубанскую Красную Армию, вместе с которой весной 1920 года участвовали в освобождении Сочи и Адлера, а в начале 1921 года — Абхазии¹²³.

Сухумская большевистская организация «находилась в непрерывных сношениях с Тифлиским Центральным Коммунистическим Комитетом и Москвой. Из Тифлиса в Сухум часто прибывали ходяки-старцы, привозившие документы и инструкции из центра. Сухумская коммунистическая организация предполагала вести деятельную работу в полковых частях путем образования в них особых коммунистических ячеек. По агентурным данным, в Сухуме в ближайшее время комитет готовился поднять восстание с целью свержения демократи-

¹¹⁹ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 84, док. № 6, л. 30 об.

¹²⁰ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 65, л. 203.

¹²¹ «Борьба», 4 апреля 1920 г., № 77.

¹²² «Наше слово», 6 мая 1920 г., № 97.

¹²³ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 448.

ческого республиканского (буржуазно-меньшевистского. — Г. Д.) строя. Живую связь поддерживал Сухумский комитет с коммунистическими организациями Абхазии¹²⁴.

Через некоторое время после бойкота выборов в Учредительное собрание Грузии квартира, в которой помещалась большевистская типография, была обнаружена, хотя члены окружного комитета И. Выгрианов, С. Кухалейшвили и другие успели унести с дачи оборудование типографии. Были арестованы некоторые партийные работники¹²⁵. Еще до этого, 26 февраля 1920 года, в Сухуме был задержан один из руководителей Абхазской партийной организации Н. Акиртава, как лицо «крайне вредное и опасное для общественного спокойствия и порядка», и заключен в Сухумскую тюрьму сроком на три месяца¹²⁶. После ареста Н. Акиртава и отъезда Н. Лакоба председателем Сухумского окружного комитета РКП(б) стал С. Кухалейшвили¹²⁷.

По свидетельству участников (В. Иванова, А. Цитлидзе, П. Кирса)¹²⁸, в апреле 1920 года в Сухуме, за дачей Томара, состоялась окружная партийная конференция, на которой были заслушаны информация приехавшего из РСФСР коммуниста и доклад о задачах членов партии по усилению работы среди населения, а также сообщение о подготовке и проведении маевки¹²⁹. Председателем Сухумского окружного комитета партии и секретарем оргбюро был избран Н. Сванидзе, который на этих должностях находился до конца июня 1920 года. Членами комитета являлись: С. Кухалейшвили, И. Выгрианов, К. Макаров и Г. Лемберг (Гегель)¹³⁰.

2 мая 1920 года в Сухуме, на квартире Д. Мельниковой, в которой помещался горком партии, был произведен обыск под личным руководством начальника милиции Г. Тевзая и начальника «Особого отряда» Т. Эшбая. Они обнаружили мешок, наполненный шерстью, в котором находился другой, вешевой мешок, обитый клеенкой, вероятно, на случай дождя. В мешке находилась разная переписка по делам партийной организации, большевистская литература, печать горкома, калсули для взрыва динамита, членские книжки, типографский шрифт и др. По распоряжению начальника милиции были арестованы «уличенные по найденным документам» В. Иванов, И. Цехановский, студент М. Франгулянц, М. Койлю.

¹²⁴ «Наше слово», 6 мая 1920 г., № 97.

¹²⁵ В. Иванов. Указ. статья, стр. 38.

¹²⁶ «Борьба за Советскую власть в Абхазии», стр. 117—118.

¹²⁷ С. Кухалейшвили. Обзор революционной работы в Абхазии, стр. 28.

¹²⁸ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 454, л. 37; В. Иванов. Указ. статья, стр. 38; П. Кирса. Отдельные моменты из прошлого, л. 356.

¹²⁹ П. Кирса. Отдельные моменты из прошлого, л. 356.

¹³⁰ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 374, лл. 236—239.

П. Гегелия и другие. 3 мая 1920 года, «согласно дополнительно полученным агентурным сведениям», на даче Андреевского были арестованы Г. Лемберг, Г. Соколовский, С. Кавтарадзе и Г. Скворцов¹³¹.

Дальнейшим следствием по делу о Сухумской большевистской организации были обнаружены «новые члены партии и планы ближайшей их деятельности». В руках начальника милиции Г. Тевзая оказался список членов партии, по которому попали под арест и портовые рабочие П. Шепуин, П. Поляков, В. Янков, П. Кобанцов, В. Галавков, А. Божков и П. Жостов, а также ученик 6 класса реального училища А. Габуня, который «вел агитацию в пользу Советской власти среди солдат».

Вместе с тем по распоряжению прокурорского надзора, «основанному на телеграмме министра юстиции» Грузии, были арестованы члены группы «независимцев» Народного совета Абхазии М. Цагурия, Д. Алания и И. Маргания, обвиняемые в «государственной измене»¹³². Комиссар внутренних дел М. Убирия на заседании народного совета 18 мая 1920 года, давая объяснение, говорил, что они были арестованы в связи с усилением революционного движения и, в частности, оживлением деятельности большевиков края. Он докладывал, что раскрыта организация, целью которой было «ниспровержение существующего строя». Меншевистский комиссар заявил, что указанные депутаты были задержаны, так как «они были призваны стоять во главе организации...»¹³³

С гневной речью выступил на этом заседании С. Я. Чаба, возмущенный тем, что неприкосновенность депутата совершенно не гарантирована. Он говорил: «Всякий, кто вздумает, может схватить нас за шиворот и делать с нами что ему угодно... Мы находимся под строжайшим контролем. Работать искренно в пользу Абхазии, защищать ее права нет возможности...» Чаба огласил протокол протеста населения Гудаутского уезда от 13 мая 1920 года и резолюцию «независимцев», по которой народный совет должен был выразить протест против действий министра юстиции Грузии¹³⁴.

Одновременно были произведены аресты и по всей Абхазии. Это оправдывали тем, что «в ближайшие дни предполагалось в Сухуме вооруженное восстание с целью свержения существующего строя и провозглашения Советской власти»¹³⁵.

Действительно, уже к концу января 1920 года в Грузии опять создалась благоприятная ситуация для борьбы за Со-

¹³¹ «Наше слово», 6 мая 1920 г., № 97.

¹³² «Наше слово», 10 мая 1920 г., № 101.

¹³³ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 84, док. № 15, лл. 79 об.—80 об. 84.

¹³⁴ Там же, л. 81.

¹³⁵ «Наше слово», 10 мая 1920 г., № 101.

ветскую власть, в связи с чем Кавказский Краевой Комитет РКП(б) вновь принял решение о подготовке к вооруженному восстанию. 2 мая, согласно плану, заранее разработанному Краевым Комитетом, в Тифлисе состоялось вооруженное выступление. Интенсивная подготовка к нему проводилась в Батуме, Абхазии и Южной Осетии.

Учитывая возросшую мощь Советской России и разгром сил российской контрреволюции, социально-экономический кризис внутри страны, давление трудящихся масс, грузинское меньшевистское правительство вынуждено было изменить свою тактику и само начало переговоры с Советской Россией о заключении мирного договора. Договор между Грузией и Советской Россией, вытекающий из ленинских принципов миролюбивой внешней политики, был подписан 7 мая 1920 года в Москве. Большевистские организации Грузии получили право на легальное существование. Из тюрем к активной работе вернулось до тысячи коммунистов, в том числе и большевики Абхазии. Была выработана тактика партийной работы в новых условиях.

Сухумский окружной комитет РКП(б) 12 мая 1920 года разослал (циркулярно) следующее объявление всем партийным организациям Абхазии:

« § 1. С сего числа все члены Сухумской окружной организации РКП (большевиков) считаются мобилизованными и обязаны явиться к своим партийным органам для получения инструкций.

§ 2. Все распоряжения партийных органов членами партии должны быть выполнены немедленно и безоговорочно, за исключением тех случаев, когда это невозможно по особо уважительным причинам.

§ 3. Невыполнение сего распоряжения влечет за собой исключение из Сух[умской] окружной организации РКП(б).

§ 4. Нарушения правил партийной дисциплины и конспирации будут подлежать партийному военно-революционному суду и наказываться по закону революции.

§ 5. Всем ответственным партийным работникам, если того требуют интересы дела, по усмотрению местных организаций, перейти в подполье.

§ 6. По отношению к правительственной мобилизации сообщать через сельские и уездные организации членам партии, чтобы к мобилизации они не являлись, а в случае где что будет возможно — явиться на мобилизацию, получив винтовки, и разойтись по домам»¹³⁶.

Создавшееся положение в Закавказье требовало приближения руководящих органов к массам. ЦК РКП(б) принял

¹³⁶ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 197, л. 70.

решение об образовании коммунистических партий Грузии, Азербайджана, Армении. Вместо Кавказского Краевого комитета было создано Кавказское бюро ЦК РКП(б) в составе Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова, А. М. Назаретяна и других.

В мае 1920 года большевистская организация Грузии оформилась в Коммунистическую партию (большевиков) Грузии. Был создан Временный Центральный Комитет, в состав которого вошли Ф. Махарадзе, М. Орахелашвили, М. Цхакая, А. Назаретян и другие. Центральный Комитет сделал много по укреплению рядов партии.

7 июня 1920 года Сухумский окружной комитет РКП(б) был реорганизован во Временный Сухумский окружной комитет КП(б) Грузии¹³⁷. Он повел энергичную работу по перерегистрации своих членов, укреплению партийных рядов и созыву конференции.

Был избран новый Кодорский уездный комитет партии в составе А. Убирия (председатель), Н. Микая и Е. Уридия. Окружной комитет обязал его немедленно прислать регистрационные карточки всех зарегистрированных членов партии¹³⁸. Кроме того, туда, как и в другие уезды Абхазии, был командирован член окружкома, который на расширенном заседании уездного комитета сделал сообщение о партийной работе в новых условиях¹³⁹. Местным коммунистам в деревне горячо помогали учащиеся Сухумской семинарии, уроженцы этого уезда. Так, Л. Ф. Голандзия, член КПСС с марта 1920 года, организовал партийные ячейки в селах Квитаул, Тамыш, Лабра, Кочара и Джгерда. Эти организации затем были утверждены окружным комитетом партии¹⁴⁰. Связь держалась и с солдатами местного пограничного отряда, где было несколько коммунистов, а также с большевиками Самурзаканского уезда, с Сухумом, Тифлисом и Поти. Сюда приезжали работники из Екатеринодара, Новороссийска и других городов. Среди населения уезда распространялись политические брошюры, плакаты и т. д.¹⁴¹. Председатель Кодорского уездного комитета КП(б) Грузии А. Убирия решением от 17 августа был введен в состав Сухумского окружного комитета партии¹⁴².

В Гудаутском уезде летом 1920 года насчитывалось уже 8 сельских партийных комитетов, руководимых уездным комитетом КП(б) Грузии во главе с В. Агрба. Комитеты, в которых насчитывалось от 3 до 5 человек, имелись в следующих

¹³⁷ ЦГАА, ф. Коллекции, д. 1, л. 1.

¹³⁸ ЦГАОРГ, ф. 50 с, оп. 1, д. 308, л. 1.

¹³⁹ Н. И. М а т а р а д з е. Указ. соч., стр. 57.

¹⁴⁰ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 147.

¹⁴¹ Там же, л. 174.

¹⁴² ЦГАОРГ, ф. 50 с, оп. 1, д. 308, лл. 17, 26.

селах: Калдахвара, Отхара, Бармыш, Мгудзырхва, Звандрипш, Джирхва, Дурипш и Лыхны¹⁴³.

Между тем на II съезде меньшевиков Абхазии, состоявшемся в октябре 1920 года, вынуждены были констатировать «отсутствие более или менее систематической партийной (меньшевистской. — Г. Д.) работы в городе (Гудауты. — Г. Д.). В деревне же ее нет вовсе... Ячеек нет...»¹⁴⁴

Большая работа проводилась также в Самурзаканском и Гумистинском уездах. В Самурзакано, после перехода на работу в Сухум Н. Сванидзе, председателем уездного комитета стал Я. Хабурзания¹⁴⁵.

Еще в начале 1920 года в с. Владимировском Гумистинского уезда была создана партийная организация. С этой целью сюда приезжал представитель окружного комитета Б. Волховский. В создании этой организации особенно активную роль сыграли П. Радович, П. Кирса и Д. Крыжановский. Вскоре партийные ячейки были организованы также в селах Эстанское, Николаевское, Анастасьевское и Черниговское, которые были объединены вокруг владимировской организации. Примерно в середине 1920 года состоялось объединенное партийное собрание, избравшее «Комитет района пяти» под председательством П. Радовича¹⁴⁶.

В июле 1920 года в с. Бабушера состоялось общее собрание партийной ячейки, на котором присутствовали и «многие сочувствующие». До открытия собрания 22 человека изъявили желание вступить в партию. Собрание заслушало доклад о текущем моменте, партийной работе и вынесло резолюцию — протест по поводу истязания арестованных революционеров¹⁴⁷.

В особых условиях протекала работа большевиков Гагринского уезда, являвшегося прифронтовой полосой. Своей важнейшей задачей уездный комитет считал «агитацию и организацию сочувствующих»¹⁴⁸.

На заседании Сухумского окружного комитета КП(б) Грузии 5 июля 1920 года был утвержден Временный устав Абхазской партийной организации, составленный в полном соответствии с общим уставом РКП(б)¹⁴⁹.

¹⁴³ ЦГИАГ ф. 114, оп. 3, д. 31, лл. 19—24. Донесение прокурора Сухумского окружного суда Чхиквишвили прокурору Судебной палаты Грузии от 19 августа 1920 г.

¹⁴⁴ «Наше слово», 19 октября 1920 г., № 232.

¹⁴⁵ ПА Грузфильнала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 909, лл. 3—19.

¹⁴⁶ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 335—356, 361—362, 456—457.

¹⁴⁷ „აბაზო კომუნისტო“, 22 июля 1920 г., № 26.

¹⁴⁸ ПА Грузфильнала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 300, лл. 96—112. Справка Министерства юстиции Грузии о деятельности коммунистов Абхазии, август 1920 г.

¹⁴⁹ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 497, л. 70, № 6.

Ведя активную легальную работу, большевики Абхазии с самого начала ни в коей мере не ослабляли нелегальной деятельности. Не доверяя меньшевистским обещаниям, партийные органы направляли на легальную работу обычно только тех, которые ранее были уже известны как большевики. Сочетание легальных условий работы с нелегальными еще больше сплачивало и закаляло ряды большевиков.

Большевики Грузии развернули кипучую деятельность среди трудящихся масс. В результате этого они завоевали большинство во многих профсоюзах. В Сухуме был организован большевистский «Рабочий центр», сыгравший значительную роль в укреплении профсоюзных организаций и революционизировании трудящихся. В начале августа 1920 года состоялась Сухумская окружная конференция профсоюзов, на которой присутствовало 25 делегатов от 25 организаций (Сухум, Гудауты, Очемчиры и Гагры). Хотя руководство конференции оказалось в руках меньшевиков, но большевики сумели повлиять на ход ее работы. Отдельные делегаты остро критиковали, например, камеру и биржу труда, указывая на их бездеятельность, а также на отсутствие больничных касс¹⁵⁰.

Под руководством большевиков развернул свою работу и Коммунистический союз молодежи. 22 мая 1920 года был создан Временный Центральный комитет КСМ Грузии: 16 июня 1920 года в Сухуме было созвано совещание представителей комсомольских организаций Абхазии, на котором обсуждались следующие вопросы: информационный доклад, выборы Президиума окружного комитета комсомола и делегата в Тифлис для установления связи с центральным органом комсомола Грузии. В Сухумский окружной комитет Коммунистического союза молодежи Грузии были избраны: К. Семерджиев (председатель), Е. Шамба, А. Габуния, Б. Волховский, В. Гоголейшвилл, А. Цитлидзе, М. Добровольская; делегатом для установления связи с ЦК комсомола Грузии — Б. Волховский¹⁵¹.

На указанном совещании было решено выпустить воззвание к рабоче-крестьянской молодежи Абхазии, которое затем в печатном виде было ночью расклеено в Сухуме, распространено по всем уездам Абхазии. В воззвании говорилось: «Наш долг идти плечом к плечу в первых рядах борющегося пролетариата... из наших рядов должны выйти строители будущего общества — техники, художники и мыслители... Мы призываем вас... принять самое горячее участие в организации трудящихся масс; сплотитесь вокруг красных знамен

¹⁵⁰ Журн. «Рабочая жизнь», № 15, 1920, стр. 13, Тифлис.

¹⁵¹ ЦА Грузфильнала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 454, л. 37; К. Семерджиев. Комсомол в Абхазии. «Апсны — страна души» №№ 3—4, Сухум, 1925, стр. 21, Е. К. Шамба и др. Сквозь грозы, стр. 33.

Коммунистического Интернационала, проникните священ-
ной ненавистью ко всему прогнившему старому, помня, что в
этой священной борьбе против буржуазного мира мы можем
потерять только свои цепи, а приобретем весь мир. Сомкните
свои ряды, товарищи! Соединитесь под Красным знаменем
Коммунистического Интернационала молодежи!»¹⁵².

Б. Волховский из Тифлиса привез необходимые инструк-
ции. Была открыта библиотека-читальня. Для оказания помо-
щи в Сухум приехал член ЦК КСМ Грузии Г. Девдериани¹⁵³.

Для укрепления местных комсомольских организаций в
районы Абхазии были направлены активные работники: в Гу-
даутский уезд — А. Габуния и Е. Шамба, в Самурзаканский —
Н. Бокучава, в Кодорском это дело было поручено Н. Мата-
радзе и И. Джавахия, а в г. Сухуме и Гумистинском уезде —
Б. Волховскому, А. Цитлидзе и Т. Мелкянцу. Оформляются
городской и уездные комитеты, создаются новые ячейки¹⁵⁴. В
Сухуме, например, с помощью коммуниста А. Квятко была
создана комсомольская ячейка среди извозчиков¹⁵⁵. «Молодые
извозчики — комсомольцы, — отмечает Квятко, — оказывали
большую революционную услугу большевистской партии. Ис-
пользуя свой транспорт, они провозили оружие, литературу,
распространяли среди населения революционные проклама-
ции, листовки и т. д.»¹⁵⁶. Таких организаций за короткий срок
в городе было уже 5, из которых — 3 рабочих ячейки и 2 из-
учащихся учительской семинарии.

Комсомольские организации Абхазии, руководимые из
одного центра, работали организованно и энергично по сплочению и воспитанию молодых революционных рабочих и кре-
стьян. Особенно отличалась работа Сухумского городского
комитета комсомола, состоявшего из представителей отдель-
ных ячеек. Председателем был рабочий-печатник И. Цеха-
новский, членами — Н. Бокучава, О. Минасянц и др.¹⁵⁷. Чис-
ленность городской организации вскоре дошла до 60 — 80
чел., а в уездах — 500 — 600 чел. Городские ячейки регуляр-
но собирались один раз в неделю, изучали и обсуждали
теоретические и текущие вопросы. Была открыта читальня,
располагавшая значительным количеством коммунистической
литературы. Средняя посещаемость ее доходила до 50 — 70
чел. в день. В деле распространения политической литера-

¹⁵² «Советская Абхазия», 18 июня 1927 г., № 136.

¹⁵³ К. Семерджиев. Указ. статья, стр. 22.

¹⁵⁴ А. Цитлидзе. В дни меньшевистской реакции. «Голос Трудовой
Абхазии», 17 июня 1923 г., № 136.

¹⁵⁵ «Советская Абхазия», 21 июня 1930 г., № 139.

¹⁵⁶ Цит. по статье В. В. Бжания. Из истории создания комсомола
Абхазии. «Труды Абхазского государственного музея, III, Сухуми, 1958,
стр. 134.

¹⁵⁷ А. Цитлидзе. Указ. статья.

туры среди населения активистами были и комсомольцы Кодорского уезда¹⁵⁸.

Большевистские организации Абхазии делали все для выполнения своей основной задачи — подготовки и успешного проведения вооруженного восстания. «После заключения мирного договора с Советской Россией и во время войны с Советским Азербайджаном, — доносил прокурор Сухумского окружного суда Чхартишвили прокурору Судебной палаты Грузии 19 августа 1920 года, — возглавляющий в округе партийные организации большевиков (Сухумский окружной комитет. — Г. Д.) в согласии и контакте с зарубежными советскими властями и сочинским советским командованием продолжал свою нелегальную противоправительственную деятельность...» Эта деятельность, осуществлявшаяся главным образом через уездные комитеты, летом 1920 года велась в трех направлениях: в г. Сухуме она выражалась « в общем руководстве», в агитации, приобретении оружия и взрывчатых веществ, в срыве государственной мобилизации и снабжении организаций денежными средствами; в Гаграх — «в разложении фронта пропагандой, организацией военного комитета»; во всей же Абхазии — «в возбуждении брожения и сепаратизма и организации восстания абхазцев..., жаждущих присоединиться к Совет[ской] России»¹⁵⁹.

Начальник милиции г. Сухума в донесении комиссару внутренних дел Абхазии от 21 июля 1920 года отмечал, что коммунисты Н. Акиртава, С. Кухалейшвили, И. Выгрианов, Н. Сваидзе, Е. Дамения и И. Жвания в Сухуме и его окрестностях «ведут усиленную агитацию среди населения с целью вооруженного выступления для ниспровержения существующего... строя»¹⁶⁰.

Гагринский уездный комитет КП(б) Грузии для «организации восстания, т. е. ударных групп, приобретения оружия и т. п.» образовал Военный революционный комитет¹⁶¹. Во главе партийного и Военно-революционного комитетов стоял Н. Волков (Нико Верди, Куценко), членами были: кочегар А. Нефедьев, рабочий-металлист Тарасов, крестьянин Ч. Ашхараа, солдат Л. Каландарашвили и С. Долидзе¹⁶². Причем А. Нефедьев являлся и председателем местной профсоюзной организации¹⁶³. В Гаграх активную роль играл также В. И.

¹⁵⁸ А. Цитлидзе. Указ. статья.

¹⁵⁹ ЦГИАГ, ф. 114, оп. 3, д. 31, лл. 19—24.

¹⁶⁰ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 497, л. 26.

¹⁶¹ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 300, лл. 96—112. Справка Министерства юстиции Грузии о деятельности коммунистов в Абхазии, август 1920 г.

¹⁶² ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 497, лл. 118—120. Протокол допроса Г. А. Джнбладзе.

¹⁶³ Там же, лл. 143—144. Протокол допроса М. А. Габронидзе.

Каштанов, работавший в качестве помощника начальника Климатической станции. 23 июня 1920 года начальником Гагринской уездной милиции А. Осндзе был составлен «протокол дознания», из которого видно, что Каштанов еще в 1919 году не раз был задержан в Гаграх по подозрению «в разбрасывании прокламаций большевистского характера в городе и на фронте». Каштанов устранил у себя на квартире «конспиративные заседания с деятелями большевистского направления»; приезжавшие из Сочи «всегда находили приют у него». Он получал газеты (по 4—5 экз.) для «черноморской организации» и систематически посылал их в Сочи. Каштанов дружил с В. Зиминим — «ярким большевиком», работавшим в Сочи. 20 июня было перехвачено письмо Зимина к Каштанову, в котором тот просил передать ему «важные сведения» через Нефедьева. Словом, Каштанов вел «подрывную работу против» меньшевистского правительства¹⁶⁴. Гагринский уездный комитет партии держал тесную связь с соседними большевистскими организациями, в первую очередь с Гудаутским и Сочинским комитетами, а также с Сухумским окружным комитетом и Кавказским бюро ЦК РКП(б).

Усиленная подготовка к вооруженному восстанию шла и в Гудаутском уезде. Очень важно было согласовать действия партийных организаций Гудаутского и Гагринского уездов, из коих последний непосредственно граничил с Советской Россией. Связь между этими комитетами партии осуществлялась через Д. Агрба. Сохранилось письмо председателя Гагринского уездного комитета Н. Волкова на имя председателя Гудаутского уездного комитета В. Агрба от 9 июня 1920 года, представляющее исключительный интерес с точки зрения выяснения взаимодействий партийных организаций и вообще подготовки вооруженного восстания в Абхазии летом 1920 года. «Тов. Агрба, — писал Волков, — очень жалею, что безрезультатно потеряли ценное время. Постараюсь 14 июня быть у [Шанува] Конджария; к тому времени желательно знать точно, какими силами располагает Гудаутский уездком; необходимо выяснить слы только военные нам при всех обстоятельствах, какое количество оружия в распоряжении реальной силы. Кто назначен руководителем уездного боевого отряда, а также кто является руководителями сельских отрядов? О положении в Гагринском уезде узнаете при встрече или из письма, которое будет оставлено у Конджария. Связь держим с Советским командованием, находящимся в Сочи и СОКом. На днях может заехать к Вам связь из Сочи, товарищ этот в настоящее время отправился в Сухум. Жела-

¹⁶⁴ ЦГАА, ф. 339, д. 16, лл. 27—28.

тельно знать подробно о Гудаутском уездном. Оставляю газеты»¹⁶⁵.

Это письмо, заключал прокурор Сухумского окружного суда, «представляется особо важным именно потому, что наглядно объединяет все три течения (о чем говорилось выше.— Г. Д.)... деятельности в одно русло, намеченное СОКом и российскими и азербайджанскими советскими властями... Организация восстания должна была тесно связаться с деятельностью на фронте и сочинским командованием»¹⁶⁶.

Встреча, о которой писал Н. Волков, произошла гораздо раньше: около 9—10 июня 1920 года в селах Калдахвара и Мгудзырхва состоялись совещания, на которых присутствовали В. Агрба и Н. Волков, а также А. Сургуладзе и Г. Джибладзе—члены боевой группы Батумского большевистского комитета¹⁶⁷. После убийства генерала Ляхова в Батуме они направились в Туапсе, однако по доносу шкипера моторной лодки «Нур» были высажены в Гудаутах и арестованы, но 2 июня бежали из тюрьмы и направились пешком в Гагры. В с. Калдахвара они остановились у Ч. Ашхараа. Крестьяне, рассказывал А. Сургуладзе, узнав, что они большевики, рекомендовали Василия Агрба как «известного среди местных людей большевика», у которого в с. Мгудзырхва затем они прожили 2—3 дня. «Много беседовали с ним... жаловался на отсутствие интеллигентных сил для коммунистической работы»; они беседовали и с другими «абхазцами, были в школе». Потом перешли к Д. Агрба, в доме которого и встретились с председателем Гагринского уездного комитета Н. Волковым, с Ч. Ашхараа и другими подпольными работниками. Следующая их остановка была в доме Кунты Авидзба, в 6 км от Гагр. Об Авидзба и его соседе Хусейне Акушба Джибладзе показывал: «На мой взгляд, коммунисты»¹⁶⁸.

Сургуладзе и Джибладзе решили принять участие в нелегальной работе на Гагринском фронте, где вошли в контакт с уездным комитетом¹⁶⁹. Они были связаны с Н. Лакоба, по заданию которого и стремились выяснить состояние местных партийных организаций и возможности поднять восстание¹⁷⁰. Сургуладзе и Волков ездили в Тифлис в Кавказское бюро ЦК РКП(б), откуда Волков привез большую сумму денег

¹⁶⁵ ПА Грузфильнала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 300, лл. 96—112. Справка Министерства юстиции Грузии о деятельности коммунистов в Абхазии.

¹⁶⁶ ЦГИАГ, ф. 114, оп. 3, д. 31, лл. 19—24. Донесение прокурора Сухумского окружного суда Чхартишвили прокурору Судебной палаты Грузии от 19 августа 1920 г.

¹⁶⁷ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 497, лл. 85, 88.

¹⁶⁸ Там же, лл. 107—112, 114—120.

¹⁶⁹ ПА Грузфильнала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 300, лл. 96—112; ЦГАОРГ, ф. 50 с, оп. 1, д. 507, лл. 2—5.

¹⁷⁰ Арх. Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 2, лл. 53—54. В. А. Агрба. Воспоминания.

для Комитета освобождения Черноморья и передал Сухумскому окружному комитету партии.

В. Агрба считался «главарем большевистского движения в Абхазии, действовавшим в контакте с зарубежными (Нестор Лакоба) и местными комитетами»¹⁷¹. А. Сургуладзе в своем дневнике так характеризовал В. Агрба: «Мне понравились его выходки... Он энергичный работник, опытный, пользующийся симпатией и доверием абхазского народа и других народностей»¹⁷².

По Гудаутскому уезду было организовано 14 боевых партизанских отрядов с охватом 560 человек. Согласно спискам «боевых сил», эти отряды были расположены в следующих селах: Лыхны — 70 чел., Дурипш — 30 чел., Анухва — 50 чел., Аацы — 30 чел., Абгархук — 70 чел., Джирхва — 43 чел., Калдахвара — 68 чел., Отхара — 49 чел., Мгудзырхва — 41 чел.; в «особом боевом списке» (пятом) значатся 93 абхазских фамилии. О вооружении отрядов трудно судить. Во всяком случае, прокурору Сухумского окружного суда удалось установить наличие винтовок у 117 человек¹⁷³.

Большевики Гагринского и Гудаутского уездов пытались установить более действенный контакт с соседними советскими районами. Постановлением Гагринского ВРК от 19 июня 1920 года в Кубано-Черноморский ревком было командировано несколько коммунистов «для совместного выяснения вопросов о предстоящей работе на Гагринском фронте»¹⁷⁴. Но при попытке проникнуть через Гагринский фронт в Советскую Россию А. Сургуладзе и Г. Джибладзе были арестованы меньшевистскими органами. У них были найдены пятиверстная карта Абхазии, на которой кружочками были отмечены населенные пункты Кодорского уезда (Адзюбжа, Атара, Джгерда, Квитаул, Тамыш, Члоу, Моква, Тхина, Гуп, Ткварчели, Поквеш, Бедиа и другие села); военная карта района Гагринского фронта также с отметкой многочисленных географических пунктов; разные записки с указанием постов, лиц и т. д.¹⁷⁵.

Однако на съезде рабочих и крестьян Черноморья в Новороссийске, состоявшемся 23 июня 1920 года в клубе имени В. И. Ленина, мы видим председателя Калдахварского партийного комитета крестьянина Чагу Ашхараа, посланного туда «для информации о революционном настроении абхазско-

¹⁷¹ ЦГИАГ, ф. 114, оп. 3, д. 31, лл. 9—10; ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 497, лл. 114—117.

¹⁷² ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 497, лл. 107—112.

¹⁷³ ЦГИАГ, ф. 114, оп. 3, д. 31, лл. 19—24.

¹⁷⁴ ПА Грузафилиала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 300, лл. 96—112.

¹⁷⁵ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 497, лл. 114—117.

го народа»¹⁷⁶. Ч. А. Ашхараа принимал участие в революционном движении с 1906 года, был одним из активных кяразовцев, в 1918 году арестовывался органами меньшевиков¹⁷⁷. На указанном съезде Н. Лакоба и Ч. Ашхараа заявили, что трудящиеся Абхазии горячо желают быть вместе с российским пролетариатом, в составе Советской России¹⁷⁸. Об этом стремлении Н. Лакоба хорошо были осведомлены и меньшевистские власти. «По имеющимся сведениям, — писал прокурор Сухумского окружного суда, — в Совет[ской] России в качестве представителя Абхазии ныне выступает скрывающийся в России Нестор Лакоба, главарь вооруженного выступления и захвата большевиками власти в Сухумском округе в 1918 году...»¹⁷⁹

В 1920 году Н. Лакоба несколько месяцев работал на Кубани. 11 июля он был назначен уполномоченным Кубано-Черноморского ревкома¹⁸⁰. Н. Лакоба являлся председателем Горского совета¹⁸¹. В Совете состояли также К. Инал-ипа и М. Лакоба¹⁸². В. Агрба впоследствии писал: «Из Батума т. Н. Лакоба выехал в Москву, откуда был направлен для работы на Северный Кавказ, в г. Краснодар, имея в течение всего времени связь с нашей организацией, пересылая нам соответствующие директивы и финансовые подкрепления на организационную работу... Спустя некоторое время с подробным докладом о состоянии нашей организации тт. М. Лакоба и К. Инал-ипа выехали в Краснодар в распоряжение т. Н. Лакоба...»¹⁸³.

Вот что рассказывает Асланбек Бжассо об этом периоде работы Н. Лакоба: «В 1920 г. в г. Екатеринодар (теперь Краснодар) вместе с Красной Армией прибыли два абхаза: Лакоба Нестор и Эшба. Оба были молоды, энергичны и необычайно увлечены идеями новой Советской власти. В первые же дни они познакомились с нами, немногими интеллигентами-черкесами, которые были в Краснодаре. Тогда же они повели с нами разговор о необходимости организовать при Кубано-Черноморском областном исполкоме Горской секции для управления горским населением Кубани. Вскоре такая секция была создана, и первым председателем ее был Лакоба Нестор. Он находился на этой работе немного, но оставил

¹⁷⁶ ЦГИАГ, ф. 114, оп. 3, д. 31, лл. 19—24. Донесение прокурора Сухумского окружного суда Чхиквишвили прокурору Судебной палаты Грузии от 19 августа 1920 г.

¹⁷⁷ ЦГАА, ф. 325, л. 34.

¹⁷⁸ ЦГИАГ, ф. 114, оп. 3, д. 31, лл. 19—24. «Красное Черноморье», 25 июня 1920 г. (Новороссийск).

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ ГАКК, ф. Р—158, оп. 1, д. 50, л. 42.

¹⁸¹ ПА Грузфилинала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 246, лл. 39—43.

¹⁸² К. П. Инал-ипа. Гражданская война в Абхазии. «Красногвардеец—партизан Абхазии», 7 ноября 1932 г.

¹⁸³ Арх. Абхазского, обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9, л. 51.

о себе память, как о хорошем, вдумчивом и умном руководителе»¹⁸⁴. Между прочим, в Адыгее, в с. Николаевском (ныне—Красногвардейское), с помощью Н. Лакоба в 1920 году был создан один из первых на Кубани детский дом, которому тогда было присвоено его имя¹⁸⁵.

Е. Эшба в Екатеринодар перебрался после освобождения из Кутаисской тюрьмы в мае 1920 года. Здесь он был избран заместителем председателя Исполкома Совета рабочих и красноармейских депутатов. Под его председательством в августе 1920 года прошел I съезд трудящихся горцев Кубани и Черноморья. В президиум съезда был избран и Н. Лакоба. Оба они выступали с основными докладами. В августе же 1920 года, в период боев против врангелевского десанта на Кубани, Эшба был направлен уполномоченным комиссаром бригады, а после его разгрома становится секретарем Армавирского окружного комитета партии¹⁸⁶.

Меньшевистское правительство с самого начала, открыто нарушив мирный договор с Советской Россией, обрушилось новыми жестокими репрессиями на коммунистов и революционно настроенных рабочих и крестьян. В связи с арестом Г. Джинбладзе и А. Сургуладзе меньшевистскими властями был организован «специальный розыск в Абхазии»¹⁸⁷. В Гаграх были арестованы и высланы из Абхазии коммунисты А. Нефедьев, В. Каштанов, С. Долидзе, А. Куридзе, у которого происходили «собрания коммунистов», Асланикашвили—поддерживавший «связь с сочинскими коммунистами», а солдат Л. Калаидарашвили был предан полковому суду «за дезертирство»¹⁸⁸.

Что касается Н. Волкова, то ему удалось пробраться на советскую территорию с мандатом Гагринского ВРК от 19 июня 1920 года, подтверждавшим, что он «делегуруется в Сочи и Екатеринодар для выяснения в Кубано-Черноморском ревкоме вопросов, связанных с предстоящей работой на Гагринском фронте и в округе для восстановления Советской власти в Абхазии»¹⁸⁹. Сохранилось также удостоверение, выданное Н. Волкову Кубано-Черноморским областным комитетом РКП(б) 6 июля 1920 года, в котором говорится, что он «направляется в Кавказское бюро РКП(б) для разрешения вопросов, связанных с предстоящими работами в Грузии»¹⁹⁰.

¹⁸⁴ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 499; Книга предложений и отзывов Абгосмузея, л. 84-об.

¹⁸⁵ Там же, л. 462.

¹⁸⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 642, л. 7; ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 504, лл. 213—215; Газ. «Красное Знамя», № 96, 1920 г., Краснодар.

¹⁸⁷ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 300, лл. 96—112.

¹⁸⁸ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 497, лл. 143—144.

¹⁸⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 27, л. 87.

¹⁹⁰ Там же, л. 91.

Одновременно с арестом гагринских коммунистов был брошен в сухумскую тюрьму и старый член партии К. Макаров. У него вместе с другими документами оказался циркуляр Сухумского окружного комитета РКП(б) от 12 мая 1920 года¹⁹¹.

В ночь на 21 июня в Сухуме были арестованы и другие члены окружного комитета партии — С. Кухалейшвили, Н. Сванидзе и И. Выгрианов. При обыске в доме Кухалейшвили было обнаружено разного рода оружие, несколько политических брошюр (например, В. Карпинского «Что такое Советская власть и как она строится?»). Начальник городской милиции считал доказанным, что «боевая организация коммунистов, а также и оружие находятся в с. Абжаква, Гумнстинского участка»¹⁹².

Тем не менее в ночь на 21 же июня 1920 года состоялось чрезвычайное заседание Сухумского окружного комитета РКП(б), на котором присутствовали А. Габуния, М. Франгулянц, А. Каплунов, А. Мгеладзе и М. Лнзогубова. На этом заседании должно было состояться выступление ожидаемого из России коммуниста Сухова, но он не прибыл. Однако собравшиеся, как сообщал прокурор Сухумского окружного суда Чхартишвили 2 августа 1920 года в Судебную палату Грузии, «обменялись несколькими замечаниями», причем А. Габуния заявил, что хотя из-за отсутствия Сухова чрезвычайное заседание комитета не состоится, «но так как дело не терпит отлагательства, то необходимо командировать одного из товарищей в Сочинский ревком с докладом о коммунистическом настроении населения Сухумского округа и воинских частей». Это предложение было принято и делегатом избран М. Франгулянц. Затем Габуния «призвал продолжать работу и оставаться на местах, несмотря на преследования властей»¹⁹³.

Начальник «Особого отряда» Т. Эшбая, снабженный прокурором Сухумского окружного суда Чхартишвили «выписками из гласного дознания о коммунистах с указанием данных, которые надлежало разобрать в отдельных селениях и пунктах Абхазии», был направлен через г. Гудауты и ряд абхазских сел в Гагры, где должен был встретиться с прокурором, производителем дознания и другими лицами, прибывшими сюда морем 28 июня. Эшбая выполнил данное ему поручение «весьма добросовестно и с отличными результатами». Ему удалось «обнаружить» и задержать несколько коммунистов (Ч. Ашхараа, Д. Агрба и др.); «из числа продолжающих

¹⁹¹ «Борьба за Советскую власть в Аджарии», стр. 307, док. № 208.

¹⁹² ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 497, л. 26. Донесение начальника Сухумской городской милиции комиссару внутренних дел Абхазии от 21 июня 1920 г.

¹⁹³ ЦГИАГ, ф. 114, оп. 3, д. 31, л. 10.

нелегальную деятельность», в том числе «наиболее важное лицо» — В. Агрба¹⁹⁴.

При внезапном обыске и аресте у В. Агрба нашли «много ценных документов, а именно: списки личного состава сельских коммунистических комитетов Абхазин, списки личного состава организованных этим Агрба боевых отрядов из абхазцев, переписка с Гагринским комитетом и др..., а также советские газеты, портреты и т. п.»¹⁹⁵.

Прокурор Сухумского окружного суда Чхиквишвили в донесении прокурору Судебной палаты Грузии от 19 августа 1920 года особо подчеркивал, что «дознанием установлено сочувствие коммунистам некоторых деятелей местного земства». Далее он рекомендовал при дальнейшем негласном расследовании вообще «обратить внимание на местных чинов милиции и земских деятелей». «Успехи большевиков побуждают неустойчивых (?) проявлять так или иначе сочувствие и содействие им», — писал прокурор¹⁹⁶.

Он и его коллеги также указывали на постоянную и всестороннюю помощь абхазским коммунистам со стороны соседних советских районов. Об этом ярко свидетельствует и следующий факт. 17 августа 1920 года в Сухумском порту было задержано 15 коммунистов, прибывших сюда на моторном судне «Эстония». При обыске была обнаружена большая сумма денег, ассигнованная «на освобождение из Сухумской тюрьмы коммунистов Кухалейшвили, Макарова, Сургуладзе, Джибладзе, Агрба и других», литература (под досками палубы) «Советского государственного издательства» — в большом количестве книги, брошюры, журналы, календари¹⁹⁷. Среди арестованных коммунистов особое внимание привлекли к себе В. А. Сазонов и И. И. Куценко. Однако первый был освобожден из-под стражи после предъявления им удостоверения, выданного Советским представительством в Грузии о том, что он является его уполномоченным по эвакуации проживающих в Грузии советских подданных. Куценко же был опознан: это был Н. Волков (Нико Верди) — председатель Гагринского уездного комитета партии¹⁹⁸. Прокурор Сухумского окружного суда считал заметки из изъятой у Волкова записной книги особенно ценными, поскольку «та организация и схема де-

¹⁹⁴ ЦГИАГ, ф. 114, оп. 3, д. 31, лл. 9—10. Донесение прокурора Сухумского окружного суда Чхартушвили прокурору Судебной палаты Грузии от 2 августа 1920 г.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же, лл. 19—24. То же от 19 августа 1920 г.

¹⁹⁷ ЦГАОРГ, ф. 50 с, оп. 1, д. 49, л. 48. Телеграмма прокурора Сухумского окружного суда министру юстиции Грузии от 19 августа 1920 г.

¹⁹⁸ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 300, лл. 96—112; ЦГАОРГ, ф. 50 с, оп. 1, д. 507, лл. 2—5.

тельности коммунистов, которая раскрыта дознанием, несомненно имела связь с Тифлисом и ККК» (Кавказским краевым комитетом)¹⁹⁹.

В августе же месяце в Сухум прибыло из Туапсе судно «Два брата»²⁰⁰ с 400 пуд. соли для обмена в Сухуме и Батуме. На судне были командированные П. Федоров и Скиталец (Давидберк) с «коммунистической литературой Советского государственного издательства» (два пуда 36 фунтов) и деньгами (2 180 000 руб. николаевскими и керенскими) для Сухумского окружного комитета партии большевиков, которые были переданы уполномоченной последнего В. П. Чайке. Как сообщал прокурор Сухумского окружного суда, Скиталец имел по вечерам свидания с В. Сазоновым с судна «Эстония» и местным коммунистом Сидоровым. У него был взят ряд документов, в одном из которых было сказано, что «он является руководителем боевой партизанской организации для борьбы с белыми на Черном море» (удостоверение было выдано Реввоенсоветом IX Кубанской Красной Армии). Среди документов находился также специально составленный список литературы для Грузии²⁰¹.

Вследствие измены шкипера и боцмана судна Федоров и Скиталец были арестованы и подвергнуты пыткам. Лицо Эшбая и Тевзая кололи их иглами и били воловьей жилой; у Федорова было выбито 4 зуба. Но палачи не добились своей цели — они оказались бессильными перед мужественными революционерами. Затем, «получив распоряжение от тов. Агрба к Гудаутской организации о наибольшей напряженности работы среди абхазцев и выполнив его», Федоров с письмами отправился обратно²⁰².

В наших материалах прослеживаются связи Абхазии и с Советским Азербайджаном. Этому во многом способствовали В. К. Чачба и Н. Н. Акиртава, находившиеся в это время в Баку. Чачба был назначен заведующим коммунальным отделом, а затем работал в Наркомвиуделе. Здесь он близко познакомился с Андреевым (впоследствии секретарем полиомочного представителя Советского правительства в Грузии при С. М. Кирове). После установления Советской власти в Дагестане В. К. Чачба едет туда, где «говорил на тему о советизации Абхазии» с Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым. Затем он в Баку встречается с Поповым, приехавшим из Москвы

¹⁹⁹ ПА Грузфильнала ИМЛ, ф. 12798, оп. 3, д. 300, л. 56.

²⁰⁰ Судно из Туапсе вышло 27 августа 1920 г.

²⁰¹ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 27, лл. 174—175. Протокол допроса свидетеля; ЦИАГ, ф. 114, оп. 3, д. 31, лл. 92—93. Донесение прокурора Сухумского окружного суда прокурору Судебной палаты Грузии от 8 сентября 1920 года.

²⁰² ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 27, л. 68.

и объездившим нелегально разные районы Закавказья, в том числе и Абхазию, которому дал материал о политике меньшевиков. Чачба в Абхазии был связан, в частности, с членами группы «независимцев» Народного совета Абхазии. Он предлагал им выйти из этого «кукольного дома». В августе 1920 года в Баку приехали Е. Эшба, Н. Лакоба и Н. Акиртава на I-й съезд народов Востока²⁰³. Было признано, что В. Чачба в Абхазии может быть полезнее «в деле агитации и подготовки населения к восстанию против меньшевиков», учитывая, что меньшевики его «не подозревают в работе совместно с Коммунистической партией». Вопрос был согласован с ЦК КП(б) Грузии. В декабре 1920 года В. Чачба выехал в Тифлис, где получил направление в Гудаутский уезд. Условившись, что будет «сноситься прямо с ЦК» под псевдонимом Набарова, он выехал в Абхазию²⁰⁴.

Н. Акиртава в Баку оставался до начала вооруженного восстания в Абхазии в феврале 1921 года. Он являлся членом Бакинского бюро Кавказского бюро ЦК РКП(б) и вел активную работу «по абхазскому вопросу» под непосредственным руководством Г. К. Орджоникидзе.

Меньшевистское руководство принимает ряд срочных мер. Еще 28 мая 1920 года в ЦК партии меньшевиков слушали М. Цулукидзе о положении дел в Абхазии, который заявил: «Теперь мы там должны обратить особое внимание на партийную работу»²⁰⁵. А на заседании президиума ЦК 24 июня было решено направить в Абхазию Аюли, в Кодорский уезд — Ю. Кокая, в Гумистинский — В. Нодия²⁰⁶.

В Абхазии было начато «дознание о коммунистах»²⁰⁷. Его вел прокурор Сухумского окружного суда совместно с начальником «Особого отряда». На помощь из Тифлиса были присланы специальные лица. В Гудаутский уезд для дополнительного расследования вновь был командирован начальник «Особого отряда» Т. Эшбая; для Гагр и «нейтральной зоны» сколочена «экспедиция», а помощнику прокурора поручено «в спешном порядке... организовать регистрацию коммунистов»²⁰⁸.

В ноябре 1920 года были начаты аресты «второй группы» коммунистов, которые «после ликвидации, благодаря приня-

²⁰³ Съезд открылся 1 сентября 1920 года в столице Советского Азербайджана. На нем присутствовало 1800 делегатов, представлявших 38 различных народов. В работе съезда принял участие С. М. Киров.

²⁰⁴ ПА Грузфильнала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 470, лл. 153—154. Биография В. К. Чачба.

²⁰⁵ ЦГАОРГ, ф. 8 с, оп. 1, д. 189, л. 30.

²⁰⁶ Там же, д. 187, л. 101.

²⁰⁷ «Коммунист Грузии», 29 октября 1920 г., № 15.

²⁰⁸ ЦГАОРГ, ф. 50 с, оп. 1, д. 49—51; ЦГИАГ, ф. 114, оп. 3, д. 31, лл. 19—24.

тым чрезвычайным мерам, первой значительной группы коммунистов... ушли глубже в подполье..., стали лишь более осторожны, несколько не ослабив интенсивности своей работы»²⁰⁹. У арестованного в Сухуме М. Ахалая были обнаружены 63 экземпляра тифлисской газеты «Ахали коммунисти», две прокламации, боевые патроны и т. д. Было также установлено, что Ахалая часто встречался с коммунистом И. М. Петровым, незадолго до этого приехавшим из Тифлиса и исполнявшим обязанности казначея окружкома партии, что оба они участвовали в организации побега коммунистов из Сухумской тюрьмы²¹⁰.

Сухумскому военному чрезвычайному суду были преданы: С. Кухалейшвили, В. Агрба, И. Выгрианов, Ч. Ашхараа, Н. Сванидзе, Д. Агрба, К. Макаров, А. Сургуладзе, Н. Волков, М. Ахалая, И. Петров и другие. Список этот, писал прокурор окружного суда, «лишь незначительная часть той многочисленной армии..., которая имеет своей целью производить внутренние взрывы на территории нашего государства... Несомненно одно, что учтя настоящее критическое положение нашей республики..., коммунисты не замедлят в самом ближайшем будущем проявить наивысшую энергию в деле разрушения нашего государства изнутри и разложения, могущего не сегодня-завтра образоваться фронта». «Из изложенного яствует, — писал он далее, — что, наряду с объявленной нашим правительством мобилизацией военных сил для создания, ввиду грядущей опасности, мобилизации военных сил, сильного фронта на границах республики, надлежит создать и внутри государства такую мощную организацию, которая с успехом могла бы противопоставить свои силы опасной работе коммунистов»²¹¹.

Последовали массовые аресты коммунистов в Кодорском и Самурзаканском уездах²¹². Руководящие работники Кодорской партийной организации (П. Бигвава, Н. Матарадзе, Ш. Хожерба, Е. Уридия, Н. Кобахия, И. Джавахия и В. Гварамия) 18 декабря 1920 года писали из Очемчирской тюрьмы: «В Кодорском и Самурзаканском уездах всех коммунистов арестовывают и сажают в Очемчирскую тюрьму... Арестовывают за то, что коммунист, и сажают вместе с разбойниками и ворами... По сведениям, полученным нами, в Кодор. и Са-

²⁰⁹ ЦГИАГ, ф. 114, оп. 3, д. 31, лл. 126—128. Донесение прокурора Сухумского окружного суда Чхартишвили прокурору Судебной палаты Грузии от 13 ноября 1920 г.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же.

²¹² Н. Матарадзе. Указ. соч., стр. 72.

мур. уездах производится облава на всех сочувствующих коммунистам. Не знаем, почему и за какие грехи нас сажают. Мы же думали, что разрешена легальная работа, но оказалось наоборот. Скоро, наверняка, нас переселят в коммунистическую семью Сухумской окружной тюрьмы»²¹³.

Впоследствии, при наступлении Красной Армии на Сухум, многие из арестованных коммунистов в сопровождении английских крейсеров были перевезены на катере в Потю, затем переброшены в Кутаис, а оттуда — в Батум и еле избегли расстрела²¹⁴.

Гагринский коммунист А. Куридзе, арестованный в июне 1920 года и высланный из Грузии в январе 1921 года, свидетельствовал: «Волнение среди абхазцев усиливается с каждым днем, а потому в последнее время по всему Сухумскому округу идут массовые аресты. Арестовывают как членов нашей партии (коммунистов), так и сочувствующих нам лиц, считая их главными виновниками создавшегося положения. И эта охота на коммунистов в Сухумском округе составляет главное развлечение для членов Особого отряда, возглавляемого Тарасханом Эшбая (бывший пристав). Они так и снуют по всем уголкам Абхазии. Местами ими устраиваются экзекуции, которые по старому николаевскому обычаю сопровождаются пьянствами и разгулами за счет общества. Отрывая от всяких работ, крестьян держат целыми неделями под открытым небом, требуя от них выдачи партийных работников — коммунистов. Еще перед моим выездом, а именно в первых числах декабря, ...в четырех селах Гудаутского уезда (Абхазия) с помощью народогвардейцев администрацией была установлена экзекуция. Отбирались всякого рода холодное и огнестрельное оружие и арестовано было до 50 душ крестьян. Среди них много наших партийных товарищей. Кроме этого, в Самурзаканском уезде были арестованы еще до 10 наших товарищей. Арестованы были также и ученики Очемчирской муж. гимназии. Итак, в одном лишь Сух. округе ныне арестовано до 150 членов нашей партии. Среди них много старых работников, как-то: Макаров, Кухалейшвили, Сванидзе, Гобечия, Бечвая, Бигвава, Агрба и др. Часто при аресте наши товарищи подвергаются насилию и избиваниям членами особ. отряда...»²¹⁵

Грузинские меньшевики делали последнюю ставку на усиление открытой террористической диктатуры. В Абхазии вся власть была сосредоточена в руках комиссара внутренних

²¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 27, лл. 61—62.

²¹⁴ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 374, л. 239; Арх. Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9, лл. 55—58.

²¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 27, лл. 69—71..

дел Абхазии, а сам он являлся «простым орудием, агентом» меньшевистского правительства Грузии и, следовательно, в народных массах не пользовался «абсолютно никаким авторитетом». При комиссаре находился «Особый отряд» (меньшевистская контрразведка), агенты которого были рассеяны по всем уголкам Абхазии. Эти «особоотрядчики» повсюду хватали «подозрительных» лиц и без суда и следствия сажали их в тюрьмы. Сухумская тюрьма, например, была «постоянно переполнена (сидят до 400 чел.) в большинстве абхазцами, юридически невинными»²¹⁶.

И. Выгрианов по поручению политзаключенных сухумской тюрьмы 3 ноября 1920 года обратился в Народный совет Абхазии с протестом, что в Абхазии имеет место «вопнящее глумление над правосудием, осуждение идейных революционеров по агентурным сведениям с лишением обвиняемых неотъемлемых прав на свою защиту и при полном отсутствии гласности суда, чем последний превращается в николаевский застенок»²¹⁷.

Газета «Коммунист Грузии» 15 декабря 1920 года писала, что в застенках «Особого отряда» коммунистов «начинают пытаться средневековыми пытками».

В Абхазии был образован «тыловой район», начальником которого был назначен полковник В. Сулаквелидзе. «В настоящий момент, — сообщала газета «Жизнь национальностей» 16 сентября 1920 года, — в стране свободно разбойничает известный грузинский жандарм — кровавый полковник Сулаквелидзе». Д. Алания еще в мае 1920 года в газете «Апсны» писал, что меньшевистское правительство «недавно прислало в Абхазию с большими полномочиями полковника Сулаквелидзе. Говорят, что все органы власти в Абхазии находятся в его руках. Если это правда, то где же тогда автономия Абхазии, о которой мы говорим?»²¹⁸.

Военно-чрезвычайный суд, который, как констатировали представители оппозиции Народного совета Абхазии в своем запросе в совет 10 сентября 1920 года, «уже около 20 смертных приговоров вынес и привел их в исполнение»²¹⁹. На указание, что военно-чрезвычайный суд был создан Сулаквелидзе, меньшевик М. Цулукидзе на заседании совета 14 сентября 1920 года заявил, что «не по желанию Сулаквелидзе введен здесь военно-чрезвычайный суд... так как он работал в полном контакте и подчинении комиссариату» Абхазии²²⁰.

²¹⁶ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1456, лл. 239—240. Агентурные сведения Ресстротдела IX Красной Армии к 7 декабря 1920 г.

²¹⁷ ЦГАОРГ, ф. 142, оп. 1, д. 189, л. 62.

²¹⁸ «Апсны», 1 мая 1920 г., № 4.

²¹⁹ ЦГАА, ф. 339, д. 18, л. 165.

²²⁰ Там же, лл. 212—214 об.

Что касается Народного совета Абхазии, то на указанном заседании некоторыми депутатами был поставлен вопрос об упразднении военно-чрезвычайного суда. За его сохранение голосовало 13 человек из 28 всех членов совета. Один из них в своем выступлении сказал: «Нам говорят, что у нас, если бы не было смертной казни было бы лучше; если бы у нас не было военно-чрезвычайных судов, то у нас восторжествовала бы еще больше анархия. Здесь говорят, что анархии нет и существуют только простые грабежи, но у нас существуют не только простые преступления, но и определенные банды, и их цель не только простые грабежи, но даже деятельность их затрагивает основы государства. Народный совет... должен высказаться за существование военно-чрезвычайных судов до тех пор, пока существуют банды»²²¹.

Второй съезд меньшевистской организации Абхазии, заслушав доклад председателя Комиссариата Абхазии Д. Эмухвари, постановил, что съезд «всецело одобряет политическую линию работы Комиссариата Абхазии»²²².

Меньшевики в своих преступлениях шли все дальше и дальше, делая «все, чтобы перещеголять старый режим», и, действительно, «оказались еще хуже прежней власти»²²³. «Они насильствовали женщин и еще полудетского возраста девушек. Они забрасывали бомбами дома тех людей, на которых какой-нибудь негодяй доносил, как «подстрекателей» и «смутьянов»²²⁴. И. Маргания на заседании Народного совета Абхазии 22 октября 1920 года свидетельствовал, что посланный в деревню меньшевистский «отряд расстрелял целое селение». И, глубоко возмущаясь, подчеркивал, что «даже при царском режиме не было таких случаев, чтобы расстреливались целые селения»²²⁵. Меньшевистский комиссар Гудаутского участка Л. Картозия в с. Мгудзырхва сжег много домов и избил крестьян, которых подозревал в сочувствии коммунистам²²⁶.

После таких мер «ничего не оставалось, как собраться и уехать»²²⁷. И тысячи крестьянских семейств покидали Абхазию, спасаясь от меньшевистских зверств. «Крестьянская масса, —

---

²²¹ ЦГАА, ф. 339, д. 18, лл. 212—214 об.

²²² «Наше слово», 15 октября 1920 г., № 229.

²²³ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 84, док. № 27, л. 156 об. Отчет № 30 заседания Народного совета Абхазии от 22 октября 1920 г.

²²⁴ Клара Цеткин. На освобожденном Кавказе, стр. 170—171.

²²⁵ Отчет № 30 заседания Народного совета Абхазии от 22 октября 1920 г., л. 156.

²²⁶ Арх. Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 14, д. 9, л. 54.

²²⁷ Отчет № 30 заседания Народного совета Абхазии от 22 октября 1920 г., л. 156.

доносила Гумистинская земская управа председателю комиссариата Абхазии и др. 16 марта 1920 года, — жившая до последнего времени совершенно мирно десятки лет и занимавшаяся сельским хозяйством, ныне по какой-то странной причине снимается с насиженных мест и, продавая за бесценок все свое добро, окончательно и навсегда порывает связь с нашим краем»²²⁸.

Эта утонченная жестокость, чудовищные преступления, творимые меньшевиками в деревне — прямое следствие методически осуществляемой социально-экономической системы буржуазно-помещичьего государства, а не простое проявление произвола местной администрации. Сам лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания следующим образом «оправдывал» реакционную политику своей партии: «То, что сейчас происходит у нас в деревнях Грузии — не ново: то же самое происходило во всех революциях, повсюду крестьянские массы восставали против демократин (лживой. — Г. Д.), и последней приходилось с ними бороться, как с реакционерями»²²⁹.

Меньшевицкое правительство усиливало свою реакционную политику и в области национального вопроса. Продолжалась глухая борьба по вопросу конституции Абхазии. Делегация Народного совета Абхазии три раза безуспешно ездила в Тифлис. Однажды ей даже было заявлено: «Нам некогда с вами разговаривать»²³⁰. На сходе Кодорского уезда 12 августа 1920 года стало ясно: «Общего языка между делегацией совета и представителями республики Грузии не было найдено»²³¹.

Конституционная делегация «не могла достигнуть единогласия» и внутри себя²³². Группа «независимых социалистов» во время выборов этой комиссии, в которых она отказалась участвовать, яростно нападала на меньшевицкую фракцию и доказывала, что в Абхазии нет «никаких признаков автономного стронтельства». На заявление комиссара внутренних дел Абхазии о том, что со стороны центральной власти не было ни разу сделано покушения на автономию Абхазии, указанная группа резонно ответила: «Не было покушений, ибо не на что было покушаться, нет самой автономии». Вместе с тем она настаивала на самороспуске Народного совета Абхазии, «как совершенно бесцельного органа, который фиговым листком своего представительного, народного, парламентско-

²²⁸ Г. А. Дзидзария. Аграрная политика меньшевиков в Абхазии, стр. 90.

²²⁹ Цит. по книге Клара Цеткин. На освобожденном Кавказе, стр. 171.

²³⁰ Арх. Абгосмузея, д. 84, док. № 18, л. 101. Отчет № 21 заседания Народного совета Абхазии от 28 сентября 1920 г.

²³¹ Арх. Абгосмузея, ф. 59, док. 48, л. 145.

²³² Там же, док. № 43, л. 127 об. Доклад конституционной делегации.

го звания только прикрывает голую истину — отсутствие в Абхазии намека на автономию»²³³.

В это время в народном совете произошел скандал. Он начался вокруг вопроса о заселении Абхазии. Меншевицкие власти свободные земли в Гагринском и Гумистинском уездах, образовавшиеся главным образом в связи с уходом греческих и армянских крестьян в результате жестокой политики по отношению к ним, планировали заселить выходцами из некоторых других районов Западной Грузии. По этому делу в канцелярии Земельного отдела Комиссариата Абхазии, возглавляемого И. Месхи, была обнаружена ревизионной комиссией народного совета обширная переписка с центральными правительственными органами²³⁴. Вопрос этот обсуждался и на заседании ЦК меньшевистской партии Грузии 12 ноября 1920 года²³⁵. Представители оппозиции в указанной переписке, в сношении Земельного отдела с центром помимо народного совета, усмотрели «преступную закулисную политику, которая ведет к аннулированию автономии Абхазии»²³⁶. Самы они предполагали эти «фондовые земли» предназначить в будущем преимущественно махаджирам. Но вопрос о последних не был еще решен. И вот вдруг «махаджирской проблемы» начинается ажиотаж, раздаются категорические требования в совете и в правительственных кругах, организуется сбор средств и т. д.

Съезд абхазской интеллигенции принял специальную резолюцию по вопросу о махаджирах, считая необходимым перенести его «в плоскость практического разрешения»²³⁷. С этой целью 12 июня 1920 года был создан «Сухумский центральный комитет по делам абхазцев-махаджирцев»²³⁸, который 20 августа 1920 года через профессора Бутба обратился к «Черкесскому комитету» в Стамбуле, выражая надежду, что совместно с ним будет разрешена дальнейшая судьба абхазских махаджиров, «брошенных судьбой в объятия Турции»²³⁹. Однако «прошение махаджиров исчезло в Тифлисе»²⁴⁰.

²³³ «Слово», 20 августа 1920 года, № 188, Тифлис.

²³⁴ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 84, док. № 27, лл. 152—164. Отчет № 30 заседания Народного совета Абхазии от 22 октября 1920 г.; ЦГАА, ф. 339, д. 18, лл. 305—308. Протокол ревизионной комиссии Народного совета Абхазии от 20 октября 1920 г.; ЦГАА, ф. 339, д. 18, лл. 305—308.

²³⁵ См. ЦГАОРГ, ф. 8 с, оп. 1, д. 189, л. 77.

²³⁶ «Слово», 9 ноября 1920 г., № 255.

²³⁷ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 64, л. 202.

²³⁸ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 59, док. № 46, л. 130.

²³⁹ Там же, док. № 33, лл. 100—101.

²⁴⁰ «Слово», 9 ноября 1920 г., № 255.

Председатель Комиссариата Абхазии Д. Эмухвари заявил, что о переписке по вопросу заселения края почти ничего не знал и как лицо «ответственное» перед советом за дела комиссариата слагает с себя обязанности руководителя этого органа. Так говорил человек, которого И. Рамишвили на заседании ЦК меньшевистской партии Грузии 30 января 1920 года характеризовал как «очень верного»²⁴¹. Поэтому, естественно, отставка Эмухвари при баллотировке не была принята большинством членов совета. Оппозиция в знак протеста покинула зал заседания.

Надо сказать, что во всей этой шумихе более или менее трезвые голоса моментами раздавались со стороны левой части оппозиции в лице тех же «независимцев». Так, М. Цагурия на заседании народного совета 22 октября 1920 года, обращаясь к представителям меньшевистских властей, говорил: «Мы подчеркивали, что вас интересы рабочих и крестьян вовсе не интересуют... Здесь ведется тоже политика, которая при старом режиме велась на Кавказе и которую вы называли позором... Что касается предоставления крестьянам земель, мы в этом отношении от вас не отстанем. С самого начала мы заявляем, что всякий клочок свободной земли должен принадлежать крестьянам, и мы не отступим от этого положения. У вас же под этим скрывается грязная политика»²⁴². Другой представитель этой же группы И. Маргания заявил: «В аграрном вопросе мы всегда спорили с вами, что вся ваша аграрная политика антиаграрная»²⁴³.

Что же касается конституции «автономной» Абхазии, то она не только не была утверждена, но даже рассмотрена Учредительным собранием Грузии. Таким образом, «пресловутая автономия Абхазии оказалась пустой приманкой, лишенной всякого содержания»²⁴⁴.

Меньшевистское правительство, превратив Грузию в основную базу империалистических операций Англии и Франции против Советской России, сосредотачивает крупные военные силы на границе с советской территорией, в частности в северо-западной Абхазии. К 1 февраля 1921 года на этом участке границы было расположено 7750 штыков, 111 пулеметов, 12 орудий и 2 броневика²⁴⁵.

Вместе с тем меньшевики в районе селений Веселое — Пиленково создали под наблюдением иностранных специалистов так называемый «щит демократической республики». Из

²⁴¹ ЦГАОРГ, ф. 8 с, оп. 1, д. 190, л. 24.

²⁴² Арх. Абгссмузея, ф. 84, док. № 27, л. 153 об.

²⁴³ Там же, л. 156 об.

²⁴⁴ «Коммунист Грузии», 20 ноября 1920 г., № 28.

²⁴⁵ ЦГАСА, ф. 109, д. 789, л. 189.

разведсводки Кавказского фронта Красной Армии от 10 декабря 1920 года мы узнаем, что по правому берегу р. Лапста, в одной версте западнее Пиленково, был воздвигнут ряд проволочных заграждений в три кола, на левом берегу той же реки — окопы, местами бетонированные. Восточнее Пиленково, по левому берегу р. Хашупса, были вырыты такие же окопы с 2 рядами проволочных заграждений в 4 кола²⁴⁶. Эти работы продолжались в январе и феврале 1921 года. Так меньшевики создали здесь действительно «сильно укрепленную бетонированную позицию»²⁴⁷. Такую же хорошо укрепленную позицию они одновременно возвели на линии р. Бзыбь²⁴⁸. Были минированы все мосты. Территория, совпадающая примерно с бывшим Гагрским районом, еще 18 ноября 1920 года была объявлена военным округом, а 16 декабря в ней введено военное положение²⁴⁹. Особоуполномоченным правительства был назначен член Учредительного собрания Грузии Л. Рухадзе, по приказу которого было решено (17 января 1921 года) выселить из пределов Абхазии «всех политически неблагонадежных, а равно лиц, замеченных в недоброжелательном отношении к Грузинской демократической республике»²⁵⁰. «Наиболее опасные лица» физически уничтожались. Например, в феврале 1921 года житель с. Пиленково П. Ф. Панченко был зверски убит на глазах семьи. Панченко вел подпольную работу, держал связь с Адлером, Туапсе и Краснодаром, куда он ездил неоднократно, снабжал красно-зеленые отряды²⁵¹.

В то же время меньшевистские правители превратили Грузию в базу для формирования белогвардейских сил. В течение всего 1920 года они всячески поддерживали врангелевцев, активно участвовали в формировании частей для белогвардейского фронта. Тифлис и Батум были превращены в центры шпионской и провокационной работы врангелевских агентов²⁵². Генерал Ляхов, например, во время оккупации Батума интервентами проводил вербовку на белогвардейский фронт. Между прочим, деятельность этого кровавого генерала, имя которого хорошо было известно на Кавказе²⁵³, была ликвидирована 30 апреля 1920 г. Одним из руководителей этой

²⁴⁶ ЦГАСА, ф. 109, д. 959, л. 384.

²⁴⁷ Там же, ф. 192, оп. 4, д. 1541, л. 17.

²⁴⁸ Там же, ф. 109, д. 959, л. 398.

²⁴⁹ Там же, д. 951, лл. 26—27.

²⁵⁰ ЦГАОРГ, ф. 3 с, оп. 1, д. 977, л. 20.

²⁵¹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 171—172.

²⁵² См. «РСФСР и Грузинская демократическая республика. Их взаимоотношения». М., 1922, стр. 31.

²⁵³ Генерал Ляхов еще в 1905—1907 гг. возглавлял на Кавказе карательные экспедиции и беспощадно подавлял революционные выступления трудящихся.

операции, непосредственно осуществленной членами боевой группы Батумского комитета РКП(б) А. Сургуладзе и Г. Джибладзе, был Н. Лакоба, который в 1919—1920 годах входил в состав тройки, выделенной Кавбюро ЦК РКП(б) по руководству нелегальной большевистской организацией в Батумской области. Н. Лакоба также являлся одним из организаторов взрыва Кинтришского моста и парохода «Возрождение», груженого боевыми припасами и оружием, предназначенными Врангелю. О цели своей работы в Батуме Лакоба впоследствии писал: «Дезорганизовать оккупантскую (английскую) власть, рассорить англичан с меньшевистским правительством»²⁵⁴. В это время в Батуме находились и другие революционные деятели Абхазии: М. Лакоба, К. Инал-ипа, З. Бения, Х. Джикирба. Причем последний (родом из с. Мгудзырхва), в 1919—1921 годах работавший в Батумской подпольной организации, принимал участие в операции против белогвардейского генерала Ляхова. Сюда неоднократно приезжала с секретными документами для абхазских подпольных работников в Батуме Мария Джикирба²⁵⁵.

Грузинские меньшевики снабжали врангелевскую армию углем, нефтью, машинным маслом, авиационным бензином, снарядами, оружием. Их роль в снабжении врангелевцев была настолько значительна, что Ллойд Джордж, отвечая на вопрос депутата, информировал английский парламент, что «Грузия снабжает Врангеля оружием»²⁵⁶. Когда летом 1920 года барон Врангель предпринял новую попытку раздуть пламя гражданской войны на Кубани, высадив здесь десант, и белые отряды объединились в армию «Возрождения России» под командованием генерала Фостикова, грузинское меньшевистское правительство всячески содействовало в этом белогвардейцам.

Советское правительство в специальной ноте изобличало грузинских меньшевиков в активном участии в формировании врангелевского фронта²⁵⁷. В докладе военного атташе полномочного представителя РСФСР в Грузии от 23 сентября 1920 года²⁵⁸ был приведен целый ряд неопровержимых фак-

---

²⁵⁴ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 41. Н. Лакоба. Краткая биография.

²⁵⁵ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 237—238.

²⁵⁶ Г. В. Хачапуридзе. Борьба за пролетарскую революцию в Грузии. Тбилиси, 1936, стр. 348.

²⁵⁷ См. «РСФСР и Грузинская демократическая республика. Их взаимоотношения», стр. 31.

²⁵⁸ ЦГАСА, ф. 109, д. 788, лл. 50—56.

тов. В этом документе, в разделе «Черноморское побережье», констатировалось, что эта территория в пределах Грузинской республики является базой для организации белогвардейских отрядов, которые направляются кратчайшим путем из пределов Грузии на Кубань. Главные пункты побережья — города Сухум и Поты. Последний является первым этапом сосредоточения всех антисоветских деятелей, а Сухум — исходным пунктом, откуда организованные отряды и банды направляются в помощь контрреволюции. Главными же направлениями из Сухума были: путь через горы на Кубань, преимущественно дорога через Марухский перевал и верховья рек Кубани и Лабы, где уже в это время действовали отряды генерала Фостикова и полковника Посевина; другой путь — через Черноморское побережье в районы Адлера и Сочи.

Эти коммуникационные пути имели своим назначением доставлять отряду врангелевского генерала Султан-Гирея пополнения, снабжение и все средства для борьбы с Советской властью. Причем первый путь должен был питать наиболее сильную группу генерала Фостикова, а второй был предназначен для отряда полковника Посевина, который должен был расположиться в районе Майкопа для соединения и совместных действий с отрядами, оперировавшими в районе Майкоп — Новороссийск — Екатеринодар. «Существующие на местах грузинские власти всячески оказывают свое содействие формированию и отправке этих групп повстанцев и по имеющимся данным снабжают их по возможности вооружением и другим военным снабжением». Участие в организации этих отрядов принимали и французские интервенты, которые, как например в Батуме, действовали совершенно открыто, предоставляя средства для выезда добровольцев в Крым и Поты.

26 августа 1920 года на пароход «Донец» в Поты погрузились около 60 офицеров во главе с генералом Султан-Гиреем и отправились в Сухум, где выгрузились с большим имуществом боевого назначения. Султан Гирей во главе вновь сформированного отряда отбыл на Кубань, где он предполагал принять общее руководство над всеми контрреволюционными силами. «Сухум, — говорится в докладе, — и до сих пор является базой для этих отрядов, действующих в пределах Кубани и получающих через него все указания и распоряжения от Врангеля. Итак, Сухум — это ближайший тыл повстанцев Кубани». В другом месте: «Полная безопасность пребывания тылового управления в Сухум-Кале дает возможность спокойно работать под покровительством Грузинского правительства».

В районе Сухума (в горах) находились отряды генерала Красильникова, состоявшие из остатков «Добровольческой»

армии и отряда Черного. Численность последнего доходила до полутора тысяч человек. Для связи с Тифлисом служил некий Нарсия. В работе отряда деятельное участие принимал член Кубанской рады Крикун. В это время в Тифлисе имелись две контрреволюционные организации Северного Кавказа. В 20-х числах сентября 1920 года, «по предложению из Крыма», одна из этих организаций занялась разработкой вопроса об Абхазии и использовании черкесов и абхазов «в целях борьбы с большевизмом». Состоялось совещание, на котором присутствовали и «представители» Абхазии — князь А. Шервашидзе и полковник Чхетия. Было решено «немедленно приступить к формированию в Турции, в зоне оккупации союзников, в Исмидском вилайете, 10 тысяч[ного] кониного корпуса» из бывших абхазских и черкесских эмигрантов²⁵⁹.

Сохранилось значительное количество и других материалов, которые дополняют приведенные данные военного атташе полномочного представителя РСФСР в Грузии, ярко характеризующие политику меньшевиков по отношению к врангелевцам и к иным контрреволюционным силам, в частности, стремление тех и других превратить территорию Абхазии в плацдарм для борьбы против Советской власти на Северном Кавказе.

Заведующий телеграфной конторой в с. Веселом при допросе в штабе 272 полка 31 дивизии IX Кубанской Красной Армии 12 октября 1920 года показал, что еще в апреле часть офицеров отряда Шкуро перешла границу Абхазии и, как он узнал, в начале июля поселилась в Монашеской Поляне (Гагрский уезд). Ему также было известно, что здесь, выше с. Сальме, находился генерал Муравьев с 800—1000 офицерами. Последний послал одного полковника с внушительным отрядом в с. Веселое, чтобы обезоружить 6 роту 3 Сочинского полка. Но рота успешно отбила наступление белых. Противник вынужден был отступить в «нейтральную зону». Второй раз отряд белых под командованием полковника Улагая, пройдя через Красную Поляну, занял с. Веселое. Но под натиском советских частей бежал в сторону Шиловки; около 300—350 человек перешли р. Псоу и скрылись также в «нейтральной зоне», в с. Михельрипш. При этом опрошенный заявил, что не было еще слышно, чтобы отряды генерала Муравьева и полковника Улагая были обезоружены меньшевистскими властями в «нейтральной зоне»; одна же советская рота в 26 человек, вынужденная перейти сюда, была немедленно обезоружена и отправлена в Гагры под конвоем²⁶⁰.

²⁵⁹ ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 581, л. 277.

²⁶⁰ ЦГАСА, ф. 109, д. 788, лл. 68—69. Разведка 272 полка к 6 ч. 12 октября 1920 г.

11 сентября в Сухум из Крыма прибыли 45 офицеров с крупной суммой денег, из которых 4 человека уехали в Тифлис, а остальные — к полковнику Улагая²⁶¹. По данным советской разведки, отряд Улагая состоял из 600 сабель и находился 12 сентября в районе Пиленково. Причем противник не проявлял активности, «якобы ожидая десанта Врангеля на грузинской территории». В Гаграх Улагай открыл лазарет, где находились на излечении раненные под Адлером. 12 сентября в Пиленково находился и генерал Муравьев, который говорил казакам, что в Крыму грузится десант, который скоро должен прибыть на помощь²⁶². Муравьев, как сообщал начальник Гагринской уездной милиции А. Осадзе, был «арестован» меньшевистскими военными властями, но вскоре выпущен, получив возможность уйти через перевал²⁶³. В наступлении белых на Адлер 19 сентября участвовал и отряд полковника Улагая в 400 человек, который снабжался частью начальником штаба Сухумского гарнизона полковника Сулаквелидзе²⁶⁴.

Разведке 272 полка некоторые жители «нейтральной зоны» сообщили ряд любопытных фактов. 20 сентября, по взятии Адлера, Фостиков собрал совещание офицеров, на котором заявил, что при наступлении красных войск белые по договоренности с представителями меньшевистских властей намереваются уйти в Абхазию горами и спуститься в Гагры, Гудауты, Новый Афон и Сухум, получить от англичан оружие и еще раз попробовать «отбить... Кубань». Фостиков сообщал, что он был на совещании с меньшевистским правительством и «их Грузия принимает». Когда фостиковцы дрались в районе Кудепста-Хоста меньшевики через с. Веселое в Адлер 3 раза на арбах доставляли патроны²⁶⁵. Чиновник особых поручений при генерале Фостикове Чивиджиев открыто говорил среди казаков: «Если грузины (меньшевики. — Г. Д.) нам не помогут, то им же плохо будет, ибо они же нам давали патроны»²⁶⁶. По одним данным, к 26 сентября 1920 года в «нейтральной зоне» сгруппировалось до 5 тысяч белоказачков²⁶⁷.

Хотя меньшевистское правительство официально фостиковцев разместило в «концентрационном лагере» в 16 километрах от Гагр, но им фактически была дана полная свобода действий. «... Откровенно могу сказать, — писал начальник

²⁶¹ ЦГАСА, ф. 109, д. 959, л. 218. Разведсводка Кавказского фронта к 6 ч. 24 сентября 1920 г.

²⁶² Там же. То же к 6 ч. 19 сентября 1920 г.

²⁶³ ЦГАА, ф. 339, д. 16, лл. 65—66.

²⁶⁴ ЦГАСА, ф. 109, д. 959, л. 218.

²⁶⁵ Там же, д. 788, л. 71.

²⁶⁶ Там же, лл. 68—69.

²⁶⁷ Там же, л. 241.

Гагринской уездной милиции А. Осидзе меньшевистскому правительственному уполномоченному Л. Рухадзе, — что охрана военных властей там (на Игумнове, где по сообщению Осидзе стояло до 10 000 белоказakov. — Г. Д.) была слаба и не было достаточного количества солдат. Если я, имея в распоряжении 32 уездных милиционера, мог поставить охрану из милиции и сельских народов до 20-ти человек, то полагаю, что военные власти могли охрану во много процентов раз удвоить и можно было бы избежать этой истории». Причем, когда белоказакки интернировались, то они даже «не обыскивались» и «при случае у многих казаков — маузеры и наганы».

Далее Осидзе приводил конкретные факты, свидетельствующие о покровительственном отношении меньшевистских военных властей к белогвардейцам в Гагринском уезде: «Появление генерала Фостикова тоже не было без ведома военных властей, ибо он с ним имели разговор и в моем отсутствии, когда я был в служебной поездке в Сухуме. Отлично знали, что Фостиков проживает во Временной гостинице, но отчего не арестовали — не знаю. Я при всем моем желании не мог не подчиниться генералу Мачавариани (начальник «нейтральной зоны». — Г. Д.) и ловить казаков, тем более имея личное ко мне письменное приказание генерала (в сентябре 1920 г. — Г. Д.).. об оказании полковнику Балуюву всяких содействий во всех его секретных делах. Балуюв был начальником штаба генерала Фостикова».

Однажды подводная лодка остановилась на горизонте, близ Гагр, и из нее на моторе вышел полковник Просвирин с двумя сопровождающими его офицерами, переодетыми в штатскую форму. Они сейчас же направились к генералу Мачавариани, который разрешил им проживать в Гаграх. Около Холодной речки Осидзе встретился с отрядом верховых казаков в 200 человек. По «долгу своей службы» он решил задержать их, для чего обратился к Мачавариани, так как всеми делами интернированных казаков ведали военные власти. Но ничего не добился, «как будто это так и должно было случиться». Осидзе откровенно признавался: «Арестовывая большевиков, мы в Гаграх давали свободно размахнуться агентам Врангеля, которые хотели тут основать чуть ли не штаб свой... Ясно и определенно могу сказать, что со стороны военных властей казаки имели поддержку»²⁶⁸.

Разведкой IX Красной Армии в конце сентября также было подтверждено: «несмотря на официальное объявление о закрытии для белых границ», меньшевистское правительство систематически пропускало в Гагринский уезд как ране-

²⁶⁸ ЦГАА, ф. 339, д. 16, лл. 65—66.

ных, так и вооруженных из частей генерала Фостикова²⁶⁹. Что же касается «боев» меньшевистской Грузии с войсками генерала Фостикова, то они были разыграны в начале лишь для отвода глаз²⁷⁰.

Меньшевики, боясь лишь открыто нарушить договор, делали вид, что они лояльны к Советской России. Об этом Осидзе, не скрывая, подтверждал: «Я потихоньку начал их (агентов Врангеля. — Г. Д.) искать, разгонять и препятствовать им жить в Гаграх. Это я делал потому, что я был уверен, что большевистские агенты следят за нами, а Грузия ведь сохраняет полный нейтралитет»²⁷¹.

Когда генерал Фостиков потребовал у меньшевистского комиссара пограничной стражи пропускать всю его армию на территорию Грузии, то он отказал, но опять-таки формально, лишь для видимости. Тут же комиссар любезно указал фостиковцам дорогу, по которой они могли двигаться незаметно²⁷². Войска генерала Фостикова свободно проникали на территорию меньшевистской Грузии через р. Псоу в четырех пунктах. Одна часть переправилась у Пиленково, вторая — через Красную Поляну, третья («Отряд Освобождения крестьян Черноморской губернии») направилась через горы вдоль границ Абхазии²⁷³.

По данным советской агентуры от 12 октября 1920 года, в Грузию прошло белогвардейцев до 30 тыс. человек, из коих до 3 тыс. вооруженных казаков. Частям генерала Фостикова меньшевистским правительством было отпущено до 25 тыс. патронов, 700 винтовок, продовольствие²⁷⁴. За эту помощь «Фостиков, с разрешения Врангеля, обещает дать грузинам часть Черноморского побережья по Туапсе включительно»²⁷⁵.

Вместе с тем в меньшевистской Грузии, как мы уже видели частично по данным советского военного атташе в Тифлисе, нашли себе приют и поддержку бывшие контрреволюционные правительства: «Горское правительство», «Комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков», представители «Северокавказского эмирства», видные деятели генерала Деникина и др. Все они свободно формировали здесь контрреволюционные части, которые затем снабжались оружием и направлялись на советскую террито-

²⁶⁹ ЦГАСА, ф. 109, д. 959, л. 248.

²⁷⁰ Там же, д. 788, л. 71.

²⁷¹ ЦГАА, ф. 339, д. 16, лл. 65—66.

²⁷² ЦГАСА, ф. 109, д. 959, л. 250. Из разведсводки Кавказского фронта к 6 ч. 10 октября 1920 г.

²⁷³ Там же, л. 274. Из разведсводки Кавказского фронта к 6 ч. 19 октября 1920 г.

²⁷⁴ Там же, л. 272. То же 18 октября 1920 г.

²⁷⁵ Там же, д. 788, л. 70. Из разведсводки 272 полка от 18 октября 1920 г.

рию для подрывной работы и организации контрреволюционных восстаний²⁷⁶.

Представители перечисленных «правительств» и организаций и их комитетов не второстепенное внимание уделяли территории Абхазии, как непосредственному плацдарму для действий «северной группы» контрреволюции. Советская разведка констатировала, например, следующее: «Все действующие на Кубани бело-зеленые отряды имеют связь с Радой, их представители находятся в Гаграх, Сухум-Кале и Новом Афоне»²⁷⁷. По данным той же разведки от 5 августа 1920 года, князь Александр Шервашидзе из интернированных казаков формировал отряд под названием «Дикая дивизия», имевший к 27 июля численность до 3 тыс. человек. Причем «оружие для отряда дается грузинскими властями». Другой видный руководитель контрреволюционных элементов в Абхазии князь Таташ Маршания в 30 верстах к юго-востоку от Сухума формировал второй отряд в 500 человек, который входил в состав «Дикой дивизии». Причем А. Шервашидзе «держит связь с Кубанью и намерен направить свои силы в район Баталпашинска в помощь ген. Фостикову»²⁷⁸.

По-видимому, из попытки А. Шервашидзе создать «Дикую дивизию» ничего серьезного не вышло. Из документов, находящихся в нашем распоряжении, очевидно, что сколоченные А. Шервашидзе и Т. Маршания отряды скоро распались. Из донесения советской разведки от 22 сентября 1920 года выясняется, что в районе реки Бзыбь под командой Шервашидзе находился отряд уже лишь в 200 человек, правда, хорошо вооруженных. По предположению разведки, это — остатки формировавшейся «Дикой дивизии», которая «из-за недостатка продовольствия разошлась». А генерал Султан-Гирей, «организатор интернированных в Грузии «добровольцев», остановился в Гудаутах²⁷⁹. По данным тех же источников от 20 сентября, отряд князя А. Шервашидзе «усиленно комплектуется» с целью двинуться на Красную Поляну, но нигде не видно, чтобы этот поход состоялся. Сообщается о распаде и отряда Т. Маршания²⁸⁰.

Несмотря на предупреждение и решительный протест со стороны полиомочного представителя РСФСР в Грузии, мень-

²⁷⁶ Г. В. Хачапуридзе. Борьба за пролетарскую революцию в Грузии, стр. 348.

²⁷⁷ ЦГАСА, ф. 109, д. 959, лл. 275 об — 276. Разведсводка Кавказского фронта за период с 1 по 15 октября 1920 г.

²⁷⁸ Там же, л. 139. Из разведсводки Кавказфронта к 6 ч. 8 августа 1920 г.

²⁷⁹ Там же, ф. 109, д. 959, л. 227. То же к 6 ч. 24 сентября 1920 г.

²⁸⁰ Там же, л. 230. То же к 6 ч. 25 сентября 1920 г.

шевики в октябре 1920 года дали возможность генералу Фостикову вместе со своими войсками из белоказаков уехать в Крым на врангелевских судах. По данным разведки 272 полка IX Красной Армии, когда в первой половине октября белоказаки под натиском красных войск вынуждены были отступить из с. Веселого, меньшевики пропустили их через горы в Абхазию, где 15 октября в с. Калдахвара, на даче Игумнова, погрузились и уехали в Крым²⁸¹. В этот день в Новых Гаграх также была произведена на 3 судах погрузка фостиковцев в количестве 300 человек. Выхал в Крым и сам генерал Фостиков. Причем на рейде стояло 2 трехтрубных и 5 двухтрубных судов и одна подводная лодка, которые 17 октября ушли также в направлении Крыма²⁸².

В районе Гагр существовала секретная организация по формированию белогвардейских отрядов, штаб которых, во главе с генералом Бурневичем и полковником Н. Вороновичем, находился в Новых Гаграх. Меньшевистское правительство дало согласие на передачу интернированных вооруженных казаков бывшей армии Фостикова в количестве 1 600 чел. в распоряжение Вороновича. Для нового формирования оно отпустило полтора миллиона патронов²⁸³. Раненым и больным были отведены помещения в Гаграх, Гудаутах и Новом Афоне. По данным от 6 ноября, из Гагринского порта в Крым в этот день было отправлено 5 тыс. белоказаков²⁸⁴.

В январе 1921 года Султан-Гирей, окопавшийся в с. Мерхеул, объединял в Абхазии до 1000 человек белых²⁸⁵. В том же месяце в Гагры к бывшему начальнику штаба генерала Фостикова полковнику Уварову для ознакомления с ходом формирований антисоветских отрядов приезжал член бывшей Кубанской рады полковник Дробышев²⁸⁶. При разборе документов, захваченных частями Красной Армии после освобождения Сухума 4 марта 1921 года, было установлено, что контрреволюционным «Комитетом спасения Кубани», орудовавшим в Тифлисе, 26 февраля 1921 года в районе Сухума для оказания помощи меньшевистским частям из белоказаков был сформирован отряд под командой полковника Роговца, причем ожидалось пополнение этого отряда «добровольцами» из бывшей армии Врангеля²⁸⁷.

²⁸¹ ЦГАСА, ф. 109, д. 788, л. 70.

²⁸² Там же, л. 285. Из разведсводки Кавказского фронта к 6 ч. 24 октября 1920 г.

²⁸³ Там же, ф. 109, д. 595, л. 308. То же к 6 ч. 2 ноября 1920 г.

²⁸⁴ Там же, л. 289. То же к 6 ч. 26 октября 1920 г. Там же, л. 321. То же к 6 ч. 8 ноября 1920 г.

²⁸⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 80, оп. 5, д. 38, л. 37.

²⁸⁶ Там же, ф. 192, оп. 4, д. 1538, лл. 25—29.

²⁸⁷ ЦГАСА, д. 1543, лл. 11—15; д. 1545, лл. 19—25; д. 1538, л. 25; ф. 109, л. 946, л. 216.

Надо сказать, что еще в августе 1920 года по указанию С. М. Кирова в Сухуме (приезжал советник Советской миссии в Грузии Л. Старк) Е. Свердловым, Б. Волховским, Музыкантским и В. Ивановым была образована Чрезвычайная комиссия, главной целью которой являлось «раскрытие меньшевистско-белогвардейских замыслов, сведения о которых» сообщались советскому полномочному представителю в Грузии²⁸⁸.

После установления Советской власти в Азербайджане (апрель 1920 г.) и Армении (октябрь 1920 г.) в меньшевистской Грузии нашли приют и представители свергнутых антинародных правительств мусаватистов и дашнаков, которые всячески стремились возратить утраченную власть. Меншевистское правительство вело империалистическую политику по отношению к советским республикам Закавказья. Оно не соблюдало даже элементарных норм отношений между государствами. Правительство Советской Армении, например, неоднократно обращалось к меньшевистскому правительству с нотами протеста против концентрации крупных вооруженных сил в нейтральной зоне, вторжения на территорию Советской Армении, нарушения условий сохранения нейтральной зоны²⁸⁹.

Меншевистское правительство на протяжении всего своего существования держалось при помощи иноземных штыков. Оно рассчитывало и впредь при поддержке тех же сил справиться с народным восстанием и втянуть Грузию в длительную кровопролитную борьбу с Советской Россией. В начале декабря 1920 года в Тифлис приехал французский «верховный комиссар» А. Шевалье, а в Батум — французский адмирал Дюмениль, командующий Черноморской эскадрой. Шевалье обещал меньшевикам вооруженную помощь на случай, если внутри Грузии произойдет революция или если она подвергнется нападению «внешнего врага». Адмирал Дюмениль также заявил в беседе с сотрудником газеты «Эхо Батума», что он прислан для выяснения политического положения на Кавказе; если меньшевистское правительство обратится к нему за помощью, то он, конечно, ее окажет²⁹⁰.

Империалисты США, Англии и Франции и после разгрома Врангеля не оставляли мысли об использовании меньше-

²⁸⁸ В. Иванов. Типография 1920 года, стр. 39; ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 27, лл. 10—11, 28; ф. 14, оп. 5, д. 374, лл. 371—372.

²⁸⁹ Г. А. Галоян. Социалистическая революция в Закавказье в освещении буржуазной историографии. М., 1950, стр. 189—190.

²⁹⁰ Н. Мещеряков. В меньшевистском раю. Из впечатлений поездки в Грузию. Госполитиздат, 1921, стр. 51—52.

вистской Грузии как плацдарма для российской контрреволюции. Убедившись в бессилии меньшевистских правителей Грузии, империалисты задумали осуществить новую интервенцию в Закавказье. Они принимали все меры, чтобы договориться с Турцией и включить ее в антисоветский блок, используя пантюркистские тенденции турецких националистов вообще, их агрессивные происки на Кавказе, в частности. 17 января 1921 года Великое национальное собрание Турции признало меньшевистскую Грузию, а 26 января того же года Верховный совет союзников признал де-юре меньшевистское правительство²⁹¹.

Надо отметить, что в этих грязных делах показали себя и лидеры II Интернационала. В сентябре 1920 года многие из них во главе с К. Каутским приехали в меньшевистскую Грузию. В Тифлисе они нанесли визит и верховному комиссару империалистической Англии Уордропу, который восторженно встретил «социалистов» и имел с ними продолжительную беседу. После возвращения в Европу члены «социалистической» делегации повели большую кампанию в прессе. Они клеветали на Советскую страну и всячески превозносили меньшевистскую Грузию, добиваясь принятия ее в Лигу Наций²⁹².

Таким образом, меньшевистская Грузия являлась не только опасным центром контрреволюции на Юге, но и надежной базой для новой военной интервенции против Советской страны, которую империалисты Антанты готовили на весну 1921 года. При этом необходимо подчеркнуть, что для империалистических государств были открыты не только черноморские проливы, но и северные порты Черного моря, где они могли высадить войска и, сосредоточив контрреволюционные силы, начать нападение на Закавказские советские республики Азербайджан и Армению и на Юг России²⁹³.

Однако все эти потуги, имевшие целью задержать ход истории, были обречены на полный провал. Развитие революции шло своим чередом. Классовые противоречия обнажились до крайности. Трудящиеся массы, руководимые Коммунистической партией и вдохновляемые великими успехами Советской страны, вели напряженную борьбу против меньшевистской контрреволюции. Компартия Грузии в борьбе за Советскую власть одерживала одну победу за другой.

В. И. Ленин неослабно следил за развитием революционной борьбы в Грузии. Систематически получал информации

²⁹¹ Д. С. Завериев. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси, 1947, стр. 98—99.

²⁹² В. И. Адамия. Вопрос о Грузии на Пражской мирной конференции (1919—1920 гг.). «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 4. М., 1958, стр. 79.

²⁹³ ს. უზგულაძე. Указ. соч., стр. 556—557.

от Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова, А. И. Микояна, Ф. Е. Махарадзе и других деятелей, он оказывал большевикам Грузии повседневную помощь своими советами и руководящими указаниями. Большую роль в укреплении партийных организаций Грузии, в оказании помощи трудящимся, борющимся за установление Советской власти, сыграл С. М. Киров, находившийся в Грузии с июня по сентябрь 1920 года.

28 ноября 1920 года в Тифлисе открылась нелегальная конференция большевиков Грузии, обсудившая важные вопросы. Конференция приняла ряд мероприятий по подготовке к вооруженному восстанию. Был избран новый ЦК Компартии Грузии. Председателем Президиума ЦК КП(б) Грузии стал М. Орахелашвили, который возглавил подпольную работу в Грузии²⁹⁴.

В Абхазии снова активизировалась борьба за Советскую власть. Многие рабочие и крестьяне ушли в партизанские отряды. Один такой отряд, сформированный большевиками, действовал под командой Е. Дамения в 30 километрах восточнее Сухума. Он состоял из 400 человек при 6 пулеметах²⁹⁵. По агентурным данным из района Пиленково от 18 октября 1920 года, «отношение грузинских властей [к] населению Абхазии обострилось, и в районе горы Псыш (50 вер. сев.-вост. Сухума) действует повстанческий отряд абхазцев неустановленной численности при пулеметах под командой коммуниста Армацидзе (?)»²⁹⁶. Документ, относящийся к началу декабря 1920 года, свидетельствует о наличии в Абхазии и других отрядов, пользовавшихся «поддержкой населения», но преследуемые «Особым отрядом» «как политические организации»²⁹⁷. Так, «Комитетом района пяти» Гумистинского уезда был создан боевой отряд под командой И. Шумейко (начальник штаба Я. Свиридов)²⁹⁸.

Что касается абхазского народа в целом, то он ждал «подходящего момента, внешнего натиска, чтобы выявить внутреннюю горечь»²⁹⁹. 26 августа 1920 года в с. Моква происходил сход крестьян всего Кодорского уезда, на котором они открыто выражали свое недовольство меньшевистскими

²⁹⁴ «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», ч. I, стр. 363—364.

²⁹⁵ ЦГАСА, ф. 109, д. 959, л. 230 об. Из разведсводки Кавказского фронта от 25 сентября 1920 г.

²⁹⁶ Там же, л. 362. То же от 29 ноября 1920 г.

²⁹⁷ Там же, ф. 192, оп. 4, д. 1456, лл. 239—240. Агентсводка Регистротдела IX Кубанской Красной Армии от 7 декабря 1920 г.

²⁹⁸ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 458.

²⁹⁹ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1456, лл. 239—240. Агентсводка Регистротдела IX Кубанской Красной Армии от 7 декабря 1920 г.

законами, особенно земельным³⁰⁰. В циркуляре Гумистинской земской управы от 4 октября 1920 года сообщалось, что в районе Гумистинского уезда «за последнее время усилили свою преступную (с точки зрения меньшевистской власти. — Г. Д.) деятельность различные антиобщественные (читай антименьшевистские. — Г. Д.) элементы, которые открыто выступают на сельских собраниях против аграрной политики правительства, взывания с фондовых участков установленного «гала» и добровольной уплаты государственных налогов»³⁰¹.

Трудящиеся массы не хотели мириться с такой «демократией», которая «была буржуазной по существу и фальсифицировала и предавала революцию». «В Абхазии, как и в Южной Осетии, — писала Клара Цеткин, — ...горькая нужда в соединении с сильным национальным чувством толкала крестьян на открытое возмущение против меньшевистской власти»³⁰².

В разведсводке Кавказского фронта от 14 июля 1920 года отмечалось, что «между грузинскими [войсками] и абхазцами ...произошло крупное вооруженное столкновение, для ликвидации которого грузинские власти из городов Гагры и Гудауты высылают 2 отряда»³⁰³.

Трудовое население всячески саботировало мероприятия властей и протестовало против мобилизаций в армию. Так, еще 10 февраля 1920 года начальник милиции Гумистинского уезда «под страхом строгой законной ответственности последний раз категорически» требовал от начальника милиции Драндской волости «немедленно принять решительные меры к задержанию и доставлению... всех дезертиров, родившихся в 1897, 1898, 1899 гг... При этом предупреждаю, — писал он далее, — что если и на этот раз не будут задержаны и доставлены требуемые дезертиры, то я вынужден буду против сельской администрации принять самую суровую меру наказания»³⁰⁴.

В разведсводке Кавказского фронта от 19 декабря 1920 года отмечалось, что повсеместно «не подчинившиеся призыву абхазцы поголовно разоружаются»³⁰⁵. Большевистским властям пришлось перебросить батальон войск из Гагр в район Сухума «для усмирения абхазцев». Показательно при этом, что в состав регулярных частей, «ввиду их неадекватности», бы-

³⁰⁰ З. Агрба, А. Фадеев. Обществоведение для IV и V гг. обучения. Сухум, 1932, стр. 42.

³⁰¹ ЦГАА, ф. 337, д. 3, л. 79.

³⁰² Клара Цеткин. Указ. соч., стр. 170.

³⁰³ ЦГАСА, ф. 109, д. 959, л. 87.

³⁰⁴ ЦГАА, ф. 22, д. 49, л. 32.

³⁰⁵ ЦГАСА, ф. 109, д. 959, л. 399.

ли влиты «народогвардейцы»³⁰⁶. Причем в связи с этими событиями в Сухумскую тюрьму было заключено до 200 человек³⁰⁷.

Из сказанного видно, что меньшевики на свою армию, даже по признанию руководителей «народной гвардии», не могли положиться. Солдаты не желали драться за чуждый им режим. Еще 3 июля 1920 года газета «Грузия» сообщала, что в первых числах мая из стоявших в Гаграх меньшевистских частей «перешли к коммунистам 24 солдата». Многие солдаты войск, расположенных в Гагринском уезде, угрожали «бросить фронт и перейти на сторону советских войск»³⁰⁸. В декабре 1920 года правительству пришлось смеить эти части ввиду того, что они оказались в «большинстве революционными», где раздавались голоса: «Красную Армию нужно встречать не как врагов, а как братьев»³⁰⁹. Настроение солдат меньшевистских войск и в других местах «было плохое»; очевидцы свидетельствуют: «Только и слышно, что если будут наступать большевики, то мы не будем сражаться»³¹⁰. О конкретных случаях массового перехода этих солдат на сторону Красной Армии мы будем говорить в дальнейшем изложении. Здесь же приведем очень показательное сообщение командира одного из полков IX Кубанской Красной Армии П. А. Россомахина. После того, как он, проникнув в окопы меньшевиков (в Гагрском уезде), разъяснил солдатам цель прихода Красной Армии, солдаты бросали свои винтовки. «Бери нас, — начали просить они, — бери винтовки, бери пулеметы — мы тоже большевики, мы тоже против капиталистов, против помещиков». Достали откуда-то чуреков, кислого молока и угощают: «Будь друг, будь гость!»³¹¹.

Такое настроение в меньшевистской армии возникло в результате той большой подпольной работы среди трудящихся и солдатских масс, которую вели большевики. В самом же начале восстания в Грузии в меньшевистской армии возник революционный комитет, который обратился с воззванием к «народогвардейцам» и солдатам: «Мы поняли, в какую пропасть нас толкают, мы поняли, что наше правительство наполнено ложью и обманом, мы поняли, что нас толкают на войну с рабочими и крестьянами России. Мы поняли и сказали —

³⁰⁶ ЦГАСА, ф. 109, д. 959, л. 384. Из разведсводки Кавказского фронта от 10 декабря 1920 г.

³⁰⁷ Там же, л. 399. Из разведсводки Кавказского фронта от 19 декабря 1920 г.

³⁰⁸ Там же, л. 60. То же от 9 июня 1920 г.

³⁰⁹ Там же, л. 398. То же от 18 декабря 1920 г.

³¹⁰ Там же, л. 73.

³¹¹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 11, папка № 1, л. 61.

этому не бывать!.. Мы восстали и вместе с нами восстала вся Грузия. ...Российская Советская Республика, которой наше предательское правительство всегда мешало свободно жить, услышала наши просьбы и вступила в союз с нами. Российская Красная Армия несет нам освобождение, она наша верная союзница»³¹².

Даже многие белоказаки, которых меньшевики также готовили к бою с Красной Армией, заявляли, что они не хотят больше вести войну с большевиками³¹³. И действительно, когда развернулись боевые действия, некоторые казачьи части отказались вести борьбу против Красной Армии.

Здесь надо еще отметить, что группа «независимцев» Народного совета Абхазии в конце 1920 года начала увязывать свою деятельность с подготовкой к вооруженному восстанию в Абхазии. Воспользовавшись отказом меньшевистского правительства предоставить Абхазии автономию, она поставила вопрос о разрыве с меньшевистским правительством и развернула агитацию среди населения о присоединении края к Советской России. Член этой группы коммунист М. Цагурия был направлен в Баку для личных переговоров с Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым, которые ознакомили его с общим планом восстания в Грузии³¹⁴. Другой член указанной группы коммунист А. Убирия, избранный в 1920 году в состав совета с санкции Окружного комитета партии, в это время был лишен «депутатских полномочий» «за антигосударственную работу», а затем и арестован³¹⁵. Д. Алания и И. Маргания еще до этого подвергались репрессиям.

Сохранилось письмо уполномоченного Кавбюро ЦК РКП(б) А. Саджая на имя М. Цагурия от 13 февраля 1921 года, в котором говорится: «Вы, наверное, меня уже позабыли, но при каждом воспоминании об абхазском народе я вспоминаю Вас. Вы сейчас вероятно лучше представляете политическое положение Грузин и Абхазии. Надеюсь, Вы вполне понимаете, что Абхазия имеет, наконец, возможность самоопределиться подобно другим горским народам: Дагестану, Азербайджану, народам Терека, организовавшимся под защитой Советской России в автономные советские социалистические республики.

Я уверен, что Вы, Маргания, Алания, Чанба, независимая фракция Абхазск. народн. Совета, учитывая факт близжайшего падения меньшевистской власти в Грузии, примите немедленные меры теперь же к освобождению трудящихся.

³¹² «К истории революционного движения в Абхазии», стр. 46—48.

³¹³ ЦГАСА, ф. 109, д. 788, л. 73.

³¹⁴ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 12, лл. 126—127.

³¹⁵ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 85, док. № 20, л. 42.

масс Абхазии и поднимете Красное знамя революции против лжесоциалистов-меньшевиков.

Вы знаете, что на ветер слов я не бросаю, и все, что я могу сделать в помощь Вам, будет сделано.

Сообщите мне срочно Ваши взгляды, Ваши желания, стремления абхазского народа, что и в чем у Вас нужда.

Могу заранее сказать, что Абхазия имеет право на такое же свободное развитие, какое предоставила Советская власть всем малым народам бывшей Российской империи.

Желаю бодрости и твердости в предстоящей Вашей борьбе с желтой контрреволюцией»³¹⁶.

Наблюдалось в это время оживление работы и комсомольской организации Абхазии. Окружной комитет почти систематически созывал совещания руководящих комсомольских работников, чтобы, ознакомившись с положением дел на местах, дать им соответствующие директивы, снабжать литературой и т. д. Постоянно держалась связь с ЦК КСМ Грузии. Представитель последнего В. Имедадзе в сентябре 1920 года приезжал в Сухум для ознакомления с работой Абхазской организации комсомола³¹⁷. Сухумскому окружному комсомолу удалось связаться также с комсомольскими организациями Сочи и Туапсе через владельца моторного судна «Победа», который доставлял сюда нужную литературу и т. д. Каждый раз, когда «Победа» приходила в Гагры, К. Семерджиев получал условленную телеграмму и сообщал жившим на Сухумском маяке братьям Вильчевским, которые выезжали ночью на своей рыбацкой лодке в море и ждали судно. Выгрузив на маяке литературу, «Победа» приходила в порт вне всякого подозрения³¹⁸.

2 октября 1920 года Сухумский окружной комитет комсомола выработал развернутый план, который лег в основу всей работы комсомольских организаций Абхазии и еще более усилил их деятельность. В плане был предусмотрен ряд мероприятий. В области организационной работы предполагалось создать гибкий руководящий аппарат в сельских, районных и уездных организациях; установить прочную связь с партийной организацией и с ЦК комсомола Грузии; создать твердую дисциплину в комсомольских организациях. В области культурно-просветительной и агитационно-пропагандистской работы окружной комитет требовал принять решительные меры по ликвидации безграмотности среди комсомольцев, изучению ими теории марксизма и истории Коммунистической партии, ее программы и тактики. Кроме того, в целях

³¹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 27, л. 86.

³¹⁷ Н. Бокучава. О зарождении комсомола Абхазии.

³¹⁸ К. Семерджиев. Мои воспоминания. «Советская Абхазия», 21 июня 1930 г., № 139.

подготовки кадров пропагандистов и агитаторов, предусматривалось создание школы пропагандистов и культурно-просветительных коллегий, а также открытие библиотек при первичных комсомольских организациях. Наконец, комитет заметил очень важную задачу — привить принципы интернационализма комсомольцам, несоюзной молодежи и всей массе трудящихся³¹⁹.

Для общей характеристики положения в Абхазии в конце 1920 — начале 1921 года, т. е. накануне восстания, исключительный интерес представляет письмо заключенных коммунистов Абхазии из тюрьмы, адресованное Е. Эшба, Н. Лакоба и Г. Атарбекову³²⁰. К сожалению, не удалось еще найти оригинал письма, а в копии о подписи его непосредственного составителя сказано: «неразборчиво» — и далее значатся А. Суритидзе (Сургуладзе?), Ашхараа, Волков и Петров³²¹. Однако анализ документов и некоторые другие данные приводят к предположению, что его автором является В. А. Агрба³²². Письмо, переданное через В. Ч., т. е. В. И. Чайку, было зарегистрировано 8 января 1921 года в 273 полку Кубанской Красной Армии в с. Веселое.

В письме, пропитанном духом высокой революционности, говорится: «Первым долгом считаю [необходимым] сообщить Вам, каково положение в Абхазии. Как Вам неизвестно, Абхазия находится в самом ужасном положении, ибо эта угнетенность усиливается с каждым днем. Положение в полном смысле катастрофическое. В настоящее время все политические работники Абхазии преданы военно-чрезвычайному суду без допущения защиты. Из этого вытекает, что многие из нас могут быть сильно наказанными, не исключая казни.

Несмотря на все эти репрессии к нашим работникам все же все [трудящиеся] абхазцы сильно сплотились под одним революционным долгом и готовы в любой момент выступить на защиту революции, но мы, учитывая момент, удерживаем их, ибо все [трудящиеся] абхазцы в настоящее время, стоя на высоте своего положения, в полном смысле нашли наше направление...

Революционное сознание возрастает и укрепляется в массах Абхазии, и что радует меня, несмотря на предстоящий

³¹⁹ Г. Жвания. Комсомол Грузии..., стр. 59—60.

³²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, ф. 34, лл. 173—174.

³²¹ Речь идет о И. М. Петрове, о котором говорилось выше; раньше мы полагали, что это Г. И. Криштоф (Петров) (см. «Труды» Сухумского госпединститута им. А. М. Горького, XIV, Сухуми, 1961, стр. 151).

³²² В. А. Агрба впоследствии (в 1924 г.) писал: «Во время нахождения в тюрьме держал связь с организацией (переписка, взаимная информация), получал материальную поддержку от ЦК КПГ; в тюрьме работал над своим самообразованием» (ГА Грузфилиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 8, л. 183).

расстрел лично меня. Не считаю лишним добавить: что посеяно было т. Лакоба в Абхазии, особенно в Гудаутском уезде, цветет, как майская роза, конечно, в нашу пользу. Его бывшие ученики в настоящее время сами оказались учителями в деле, которое мы ведем совместно с российскими товарищами. Во всех уездах и селах, особенно в Гудаутско-Гагринском уезде, работы увенчиваются успехом...»

Председатель Кодорского уездного комитета меньшевиков Б. Жоржоллиани в письме в ЦК меньшевистской партии от 6 января 1921 года писал об ослаблении меньшевистской партийной работы, особенно в деревне, и усилении большевистской агитации — «в ближайшем будущем ожидается взрыв анархии» (революции)³²³.

Советский военный атташе в Тифлисе 25 января 1921 года сообщал: «По полученным последним сведениям наша работа в Абхазии успешно продвигается вперед. Образован коллектив из активных партийных работников Абхазии. В гарнизоне гор. Сухума образован ВРК из трех. Запасная часть из 380 солдат уже подготовлена. Солдаты же действительной службы прислушиваются исключительно к запасным и без сомнения поддержат последних... Население ждет призыва к восстанию»³²⁴.

Резко изменились и внешнеполитические условия меньшевистской Грузии. С победой Советской власти на Северном Кавказе, в Азербайджане и Армении она оказалась в окружении советских республик. С разгромом Врангеля — последнего участника похода Антанты, были окончательно разгромлены вооруженные силы российской контрреволюции и основные силы иностранных интервентов. Советская страна, руководимая Коммунистической партией, отстаивала свою государственную независимость и вступила на путь мирного строительства.

Рабочий класс и трудящееся крестьянство Грузии под руководством большевистских организаций стали готовиться к решающей борьбе против буржуазно-националистического меньшевистского правительства, за победу Советской власти. Коммунистическая партия выросла в крепкую, массовую партию. В начале 1921 года она насчитывала в своих рядах более 9 тысяч человек. Трудящиеся Грузии на собственном опыте все более убеждались в том, что только под руководством Коммунистической партии они смогут добиться своего социального и национального освобождения. Дни меньшевистского господства были сочтены. В стране создались условия для победы революции. Вождь партии В. И. Ленин считал невозможным медлить с установлением Советской власти в Грузии.

³²³ ЦГАОРГ, ф. 8 с, оп. 1, д. 160, л. 3.

³²⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 80, оп. 5, д. 38, л. 37.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В АБХАЗИИ В ФЕВРАЛЕ—МАРТЕ 1921 ГОДА

Учитывая благоприятную внутреннюю и внешнюю обстановку, отсутствие у меньшевиков опоры в трудящихся массах, рост влияния Коммунистической партии Кавбюро ЦК РКП(б) в январе 1921 года дало указание ЦК Компартии Грузии о немедленном вооруженном выступлении.

ЦК КП(б) Грузии разработал план вооруженного восстания. Были приведены в боевую готовность все партийные организации, вооруженные отряды рабочих и крестьян.

Напряженная работа велась, в частности, в Абхазии. В этот ответственный момент большую практическую помощь местным работникам оказала группа коммунистов во главе с М. Д. Соловьевым, которая в конце 1920 года была направлена в Грузию, как сообщает А. А. Соловьева-Ватова, по заданию ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленина. Причем осуществление ее плана было поручено Кавбюро ЦК РКП(б) и Допскому комитету партии, а персонально — Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кирову¹.

А. Ляк по этому поводу в своем докладе в Кавбюро от 8 августа 1921 года писал: «Одна из основных задач работы, порученной мне Кавбюро ЦК РКП(б) осенью двадцатого года, — это установление связи с Аджарией и Абхазией, постановка там партийной работы на должную высоту и подготовка как Абхазии, так и Аджарии к повстанческому взрыву»².

Часть указанной группы (М. Д. Соловьев, М. И. Карагодская и А. А. Соловьева-Ватова) выехала в Тифлис, другие (Веселов, Понамарев и др.) — в район Гудауты, где должны

¹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 403. А. Соловьева. За счастливую жизнь.

² ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 27, л. 83.

были встретиться с руководящими партийными работниками Абхазии.

А. А. Соловьева, имевшая задание «через Тифлисскую организацию помочь Абхазской подпольной организации», встретила в Тифлисе с работниками Абхазии — Е. Дамения и А. Саджая, с помощью которых она и «реализовала свое задание». От них стало известно, что лица, направленные в Гудаутский уезд, «благополучно перешли перевал и работают с абхазскими товарищами». По приезде в Москву М. Д. Соловьев подробно доложил Ф. Э. Дзержинскому о выполнении задания, рассказал о «положении на сегодняшний день в Грузии и Абхазии (по информации подпольщиков)»³.

Особенно большую роль непосредственно в Абхазии сыграла М. И. Карагодская (Мария) — политический представитель от Кавбюро ЦК РКП(б) при подпольном ЦК КП(б) Грузии, который направил ее на партийную работу в Абхазию и Аджарию⁴. По приезде в Тифлис Карагодская имела свидание с М. П. Орахелашвили, который подробно рассказал ей о состоянии партийной работы в Абхазии и Аджарии. ЦК КП(б) Грузии считал основной задачей по Абхазии восстановление партийных организаций и подготовку масс к вооруженному восстанию.

В январе 1921 года М. Карагодская приехала в Сухум. Здесь она совместно с И. Жвания и Е. Свердловым энергично взялась за восстановление и укрепление партийных организаций в городе и в уездах и создание вооруженных отрядов⁵.

Тем временем А. Ляком была составлена новая группа во главе с Л. Ивницким (председатель совнархоза Кубано-Черноморской области) и П. Соркиным (председатель Исполкома Краснодарского отдела) для установления связи между Батумом, Сухумом и Сочи или Адлером. А для связи с Карагодской в Сухуме предварительно была послана группа молодых коммунистов из Абхазии — Б. Волховский, А. Саджая и Ш. Цитлидзе⁶.

Активно действовали и комсомольцы Абхазии. Надо сказать, что «Абхазская организация комсомола... так высоко держала Красное знамя коммунизма, что когда Абхазская организация Компартии была задавлена репрессиями и разбита массовыми арестами господ демократов, то Централь-

³ А. Соловьева. За счастливую жизнь, лл. 403—430.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 27, л. 83. Доклад А. Ляка в Кавбюро ЦК РКП(б) от 9 августа 1921 г.

⁵ Архив Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, лл. 463—464. М. Карагодская. О партработе в меньшевистской Грузии; И. Жвания. Из воспоминаний..., стр. 34.

⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 27, л. 83.

ный Комитет Компартии Грузии доверил ей проведение в Абхазии общеполитических кампаний»⁷.

14 февраля 1921 года в Сухуме состоялось нелегальное организационное собрание членов партии под председательством И. Жвания и с участием М. Карагодской. На повестке дня собрания стояли следующие вопросы: доклады с мест (о состоянии партийной работы), схема работы, распределение обязанностей, текущие дела. М. Карагодская сообщила собранию, что она командирована в Сухум для того, чтобы обследовать состояние коммунистических организаций в Абхазии и чтобы наладить здесь нелегальную партийную работу. Выслушав уполномоченного от Кавбюро, участники собрания доложили о положении дел на местах. Сущность этих сообщений сводилась к тому, что партийная работа в крае была ослаблена еще с июля 1920 года, т. е. вскоре после легализации партии, вследствие, во-первых, усиленных преследований со стороны меньшевистских властей, результатом чего было или заключение в тюрьму большей части активных работников, или выезд их в Советскую Россию; во-вторых, отсутствие партийной литературы, особенно на языках местных национальностей; в-третьих, острый недостаток в самых необходимых денежных средствах.

Собрание постановило в первую очередь, избрав окружной комитет, обследовать всю Абхазию с целью установления наличности работников на местах и восстановления уездных и районных комитетов; составить для них инструкции по ведению работы и выработать смету местных расходов. М. Карагодская заявила, что финансирование организации берет на себя Кавбюро и на первое время она передает в распоряжение комитета имеющиеся у нее при себе 70 500 руб. и золотое кольцо с камнем.

Сухумский окружной комитет КП(б) Грузии был избран в составе И. Жвания (Орести) — председатель, Цанава — член и Е. Сзврдлова (Илья) — секретарь и казначей. Уралова⁸ и Чемия — кандидаты; представитель от комсомола — Габаев⁹.

Окружной комитет партии решительными мерами быстро оздоровил партийные организации Абхазии. Были взяты на учет все члены партии¹⁰. Организовался новый Кодорский

⁷ «Голос Трудовой Абхазии», 17 июня 1921 г.

⁸ Уралов был избран заместителем на случай ареста и вообще выбытия кого-либо из членов комитета.

⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 45, л. 57. Протокол организационного собрания членов Компартии Грузии в г. Сухуме от 14 февраля 1921 г.

¹⁰ ЦГАОРГ, ф. 50 с, оп. 1, д. 308, л. 4 об.

уездный комитет, прежний состав которого оказался почти целиком арестованным, а другие уездные комитеты пополнены. Был пополнен и сам окружной комитет. Окружком требовал от уездных комитетов и всех членов партии соблюдения строгой партийной дисциплины¹¹.

Окружком возглавил вооруженное восстание трудящихся масс Абхазии за установление Советской власти. Во всех уездах создаются вооруженные отряды, разрабатываются план и срок выступления.

Общее восстание в Грузии началось в ночь с 11 на 12 февраля 1921 года в Борчалинском уезде и быстро охватило значительную часть страны. 16 февраля был образован Революционный комитет Грузии. В его состав вошли Ф. Махарадзе, М. Орахелашвили, Ш. Элиава, А. Назаретян, А. Гегечкори, В. Квирквелия и другие, закаленные в огне рабочего революционного движения и боевые руководители большевистских организаций Грузии и всего Закавказья.

Видимо, одновременно, во всяком случае не позднее 17 февраля 1921 года, был образован и Ревком Абхазии в составе Е. Эшба, Н. Лакоба и Н. Акиртава. Секретарь Кавбюро ЦК КП(б) и член Ревкома Грузии А. М. Назаретян 17 февраля 1921 года телеграфировал Г. К. Орджоникидзе: «Сосредоточение закончено. Акиртава выехал... Необходимо срочно вызвать Е. Эшба и Н. Лакоба»¹². Е. Эшба и Н. Лакоба, в конце 1920 года с группой работников направленные Советом пропаганды и действия народов Востока в качестве уполномоченных в Турцию с ответственным заданием, были вызваны Г. К. Орджоникидзе радиogramмой¹³. Ревком Абхазии бросил «клич к восстанию против поработителей». В его воззвании к абхазскому народу говорилось: «Подлое меньшевистское правительство воспользовалось плодами Российской революции лишь в интересах помещиков, дворян и спекулянтов. Оно расстреливало трудовые массы своей страны... Пробили час вашего освобождения. Вся Грузия в огне восстания... Грузинские полки один за другим переходят на сторону красных повстанцев, вступая в их борющиеся ряды. Все, как один, дружно встанем на борьбу...

Мы уверены, что великая защитница трудящихся народов мира — Советская Россия не откажет нам в своей братской помощи в нашей тяжелой борьбе... Вам предлагается

¹¹ ЦГАОРГ, ф. 50 с, оп. 1, д. 308, л. 32.

¹² ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 15, д. 103, л. 1.

¹³ Из Турции были вызваны также К. Инал-ипа, М. Лакоба и Е. Дамения.

исполнять отныне только приказы и распоряжения Ревкома Абхазии — единственной революционной вашей власти»¹⁴.

Тем временем, по некоторым данным, 18 февраля 1921 г.¹⁵ членами Окружного подпольного комитета партии в с. Яштхуа Гумистинского участка, в нзбушке крестьянина Квашилава, был образован Временный подпольный ревком Абхазии, в состав которого вошли И. Жвания (председатель), М. Цагурия и Е. Свердлов. Первой его задачей была организация на местах временных ревкомов и повстанческих отрядов в тылу меньшевистских войск. Однако подпольный ревком оказался в труднейших условиях, и в силу этого его деятельность, ограничивавшаяся в лучшем случае фактически рамками Гумистинского уезда, была скована. Население было терроризовано меньшевистскими карательными отрядами. Меньшевики, узнав, что где-то в горах, в их тылу, образовался Временный революционный комитет, не жалели средств, чтобы арестовать его членов. В списках было отмечено крестиками, кого из них нужно было по дороге в Сухум расстрелять. Но это им не удалось сделать, так как крестьяне заявили революционерам: «Мы, как один, будем вас защищать от палачей. Не бойтесь, мы с вами»¹⁶.

Между тем партизанские отряды из Гудаутского и Гагринского уездов, перебравшись на советскую территорию, совместно с сочинскими и туапсинскими красногвардейцами под руководством члена Ревкома Абхазии и политработника IX Кубанской Красной Армии Н. Акиртава 19 февраля вступили в сражение с меньшевистскими вооруженными силами на линии границы по р. Псоу в районе Веселое — Пиленково. Однако красные отряды не смогли быстро преодолеть укрепления меньшевиков, которых поддерживала военная эскадра англо-французских империалистов¹⁷.

В обращении Абхазского ревкома, направленном к Г. К. Орджоникидзе в Баку, говорилось: «Крестьяне и рабочие Абхазии, железом и кровью задавленные три года тому назад за то, что осмелились поднять Красное знамя Октябрьской революции, снова взяли за оружие и вступили в смертельную борьбу с желтым грузинским меньшевистским правительством. Восставшие трудящиеся массы Абхазии твердо убеждены в том, что опора и гордость трудящихся всего мира — Красная Армия не даст возможности меньшевистским

¹⁴ ЦГАА, ф. 5, д. 18, л. 20.

¹⁵ И. Ж в а н и я. Из воспоминаний..., стр. 34.

¹⁶ Там же, стр. 34—35.

¹⁷ «Голос Трудовой Абхазии», 22 февраля 1923 г., № 42.

палачам и душителям народной свободы снова залить потоком народной крови красную Абхазию»¹⁸.

«Красная Армия изменила бы себе, — отвечал Г. К. Орджоникидзе, — если бы она не пришла на помощь восставшим рабочим и крестьянам Абхазии против своих поработителей. Да, здравствует Красное знамя над Сухумом! Да здравствует Красная Армия!»¹⁹.

Социалистическая революция в Грузии, как мы видели, созрела на почве внутренней классовой борьбы. Однако одними только внутренними силами свергнуть меньшевистскую власть было трудно. Эта попытка могла перерасти в продолжительные кровопролитные бои, что дало бы меньшевикам возможность получить подмогу от стоявших за их спиной империалистов Антанты, которые пытались использовать территорию меньшевистской Грузии против Советской власти на Кавказе²⁰. Поэтому Ревком Грузии обратился к Советской России за помощью от имени рабочих и крестьян всей страны, о чем последние давно мечтали и в Красной Армии видели свою освободительницу.

По решению Советского Правительства на помощь восставшим рабочим и крестьянам Грузии пришла доблестная Красная Армия. План операций по освобождению Грузии, разработанный командованием Кавказского фронта, предусматривал взаимодействие XI и IX армий и Терской группы войск. Основную задачу решала XI Армия, войска которой должны были нанести главный удар по меньшевистским войскам в Тифлисе с юга. 98 бригада 33 стрелковой дивизии, с приданными ей кавалерийским эскадронам и отрядами красных партизан, направленных в Грузию по инициативе С. М. Кирова через снежный Мамисонский перевал, должны были отрезать Западную Грузию от Восточной. 31 дивизия IX Армии должна была помочь революционным повстанцам Абхазии и Аджарии и помешать англо-французским военным кораблям оказать поддержку меньшевикам с моря. План операций имел целью обеспечить наиболее полный контакт с революционными повстанцами, свести боевые действия до минимума²¹.

В рядах славных войск Красной Армии, освобождавших Грузию, находился Н. С. Хрущев. По окончании армейской партийной школы Н. С. Хрущев в сентябре 1920 года был назначен инструктором политотдела IX Кубанской Красной

¹⁸ ЦГАА, ф. 38, д. 72, л. 4.

¹⁹ «Голос Трудовой Абхазии», 4 марта 1923 г., № 5.

²⁰ იმპერიალიზმი. Указ. соч., стр. 559.

²¹ М. Б. Траскунов. Кавказская краснознаменная. Тбилиси, 1961, стр. 298—300.

Армии, начальником которого являлся Д. А. Фурманов. Он принимал активное участие в разгроме врангелевского десанта на Кубани, а затем в составе указанной армии следовал в Грузию²².

Говоря о цели прихода Красной Армии в Грузию, Г. К. Орджоникидзе указывал: «Раньше меньшевики искали и получали поддержку со стороны западноевропейских империалистов, слугами которых они являлись. А сейчас коммунисты Грузии нашли поддержку и помощь в лице рабоче-крестьянской русской армии, ставящей своей целью исключительно задачу освобождения рабочих и крестьян Грузии и создания настоящей, действительно независимой рабоче-крестьянской Грузии, а не Грузии, находящейся целиком в лапах Антанты»²³.

Части Красной Армии пришли на помощь восставшим трудящимся Грузии, выполняя свой интернациональный долг. Они были интернациональны не только по своим целям и задачам, но и по своему составу. В рядах XI Армии, например, до начала ее действий на территории Грузии были не только отдельные бойцы, командиры и политработники — грузины, но и целая национальная грузинская часть. По решению Кавбюро ЦК РКП(б) в июне 1920 года в Баку был организован Первый Грузинский рабоче-крестьянский национальный полк, укомплектованный высланными и эмигрировавшими из Грузии большевиками, участниками вооруженных восстаний (как известно, в нарушение мирного договора с РСФСР от 7 мая 1920 года меньшевистское правительство Грузии выслало за пределы края до 1500 большевиков)²⁴. В составе войск Красной Армии, действовавших на территории Абхазии, отважно сражались также многие сыны абхазского народа, а еще на границе, в районе р. Псоу, в него влился абхазский повстанческий отряд.

Части Красной Армии «вошли в охваченную революционным восстанием страну как избавители»²⁵. В частности, войскам IX Армии, расположенной на Черноморье и Кубани, ставилась задача — «наступлением в Абхазию помочь его населению установить власть Советов»²⁶. Приказ по армии о немедленном наступлении был отдан 17 февраля 1921 года в 23 ч. 50 м. (вр. командарм Чернышев). Согласно этому приказу, 31 стрелковая дивизия под командованием Пашковского

²² М. Б. Траскунов. Указ. соч., стр. 294.

²³ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. I, стр. 175.

²⁴ М. Траскунов. Воины-грузины в XI-й Армии. «Заря Востока», 22 февраля 1959 г.

²⁵ Воззвание съезда Советов Грузии к трудящимся всего мира от 26 февраля 1922 г. «Правда Грузии», 1922 г., № 301.

²⁶ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1144, л. 77.

должна была быстрым и энергичным наступлением вдоль Сухумского шоссе овладеть районом Гагр и, переправившись через р. Бзыбь, укрепиться здесь²⁷, а затем, развивая дальнейшее движение, очистить все побережье Абхазии. Главные силы должны были занять Зугдиди, их авангарды — Поти и Ахал-Сенаки, обеспечив за собой переправы через р. Риои, и соединиться с частями XI Армии²⁸. Для этой операции предлагалось использовать силы 91 и 92 бригад 31 дивизии²⁹, прикрыв свои сообщения, впредь до выдвижения бригады 34 дивизии, частями 93 бригады³⁰.

В составе частей 31 дивизии был сформированный в Краснодаре особый «Коммунистический отряд», которым командовал М. Д. Соловьев, направленный в этот отряд вместе с Соловьевой-Ватовой (в качестве пулеметчицы) Ф. Э. Дзержинским³¹. К отряду Соловьева присоединилась группа Ивницкого и Соркина³².

В воззвании Ревкома Абхазии, с которым он от имени восставшего народа обратился к 31 стрелковой дивизии, говорилось:

«Дорогие товарищи красноармейцы!

Мы, народы Абхазии, восстали против дикого произвола своего правительства, его угнетения, казней, пыток и тюрем, которые стали его боевым девизом по отношению к нам, трудящимся массам. Задыхаясь в этом вихре житейских невзгод, мы, по примеру вас, взяли за оружие.

Как в минуту восстания, так и теперь мы исполнены революционным пылом, ненавистью к своим классовым угнетателям, которая, наверно, кипела в сердцах каждого из вас в дни Великой Октябрьской революции 1917 года.

Но, дорогие товарищи, вы имели опыт революционной борьбы, вас было много и во главе вашего движения были вожди, как тов. Ленин и другие, которые сумели объединить вокруг себя всех трудящихся России на борьбу с буржуазией.

Но не так у нас обстоит дело борьбы. Мы окружены бушующим морем контрреволюции. Солдаты правительства, будучи подкуплены мировой буржуазией, остаются пока его верными сынами и руководимые генералами и офицерами готовы с каждой минутой подавить нас самым бесчеловечным образом.

²⁷ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 144, л. 77.

²⁸ Там же, д. 1150, л. 26.

²⁹ Войска дивизии участвовали в тяжелых походах против остатков денкинских войск до границы Абхазии.

³⁰ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1144, л. 77.

³¹ А. Соловьев а. За счастливую жизнь, лл. 432—433.

³² ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 27, лл. 54, 83.

Но мы верны своим идеалам, и путь нами избран! Пусть будет смерть, но смерть с Красным революционным знаменем свободы в умирающих руках абхазца ...Она является радостным сновидением для тех, кто заключен в цепях рабства буржуазии!

Пусть это знамя поднимется выше над всей Грузией и озарит отроги Кавказских гор лучом истинной свободы, единства и братства трудящихся.

Итак, дорогие товарищи красноармейцы, посылая проклятие своему соглашательскому правительству, мы обращаем на Вас свои взоры и в своем порыве на мировой капитал, мы зовем Вас... К иам! К иам, дорогие братья, через гранитные отроги Кавказа... Так вперед, дорогие товарищи, на защиту прав попираемого народа!

Да здравствует героическая Красная Армия!

Да здравствует Советская Россия!

Пусть Красное знамя свободного народа с гордостью развевается над Грузией!

Долой международный капитал!»³³

На рассвете 19 февраля 1921 года части 91 бригады 31 дивизии совместно с абхазскими повстанческими и сочинско-туапсинскими красногвардейскими отрядами начали боевые действия на р. Псоу. Быстро форсировав реку, 272 полк стремительной атакой овладел мостом у с. Веселого, который противник не успел взорвать, и начал продвигаться быстро к Гаграм. 273 полк достиг левого берега реки, а 271 наступал на Мехадыр, обходя правый фланг противника. Большевики взорвали мост у с. Пиленково³⁴. Несмотря на то, что противник оказывал сильное сопротивление, обстреливая части Красной Армии ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем, 273 полк при поддержке 48 бронепоезда 19 же февраля занял с. Пиленково и начал вести бой за овладение высотами восточнее этого села. Для обхода правого фланга противника были двинуты два батальона 272 полка; оставшийся батальон этого полка двигался в резерве за левым флангом 273 полка. 271 полк достиг среднего течения р. Хашупса, откуда продолжал движение в юго-западном направлении. Большевики в этом районе отступали почти без всякого сопротивления. 19 февраля войсками 91 бригады было взято 22 плен-ных, 2 пулемета, винтовки, патроны, двуколки и др.³⁵

Г. К. Орджоникидзе внимательно следил за ходом событий в Абхазии. 20 февраля 1921 года он телеграфировал в Краснодар члену Реввоенсовета IX Армии Я. В. Полуяну:

³³ «Красноармейский клич», 27 февраля 1921 г., № 1, Сочи.

³⁴ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1144, л. 77.

³⁵ Там же, ф. 109, д. 514, л. 49.

«Только что получили сообщение о восстании в Абхазии. Сообщите, пожалуйста, состав Абхазского ревкома нам и в Москву... Жду немедленного ответа»³⁶. «Трудящиеся массы Абхазии, — ответил Я. В. Полуян в тот же день Г. К. Орджоникидзе, — восстали против правительства Грузин. Образовался Ревком в составе Эшба, Лакоба, Акиртава. Восставшие просят у нас помощи. Ревкомом выпущено воззвание [к] абхазскому народу»³⁷.

Противник, занимавший значительными силами высоты восточнее Пиленково, 20 февраля подтянул сюда из Гагр до 1 000 штыков. Корабли Антанты (миноносец и транспорт) около 17 часов начали обстреливать побережье в 4 километрах юго-восточнее с. Веселого, выпустив до 80 снарядов³⁸. Сводка меньшевистского генштаба от 20 февраля сообщала: «Французская эскадра в деле защиты нашей территории оказывает нам поддержку, обстреливая большевиков с фланга»³⁹. Глава меньшевистского правительства Н. Жордания 21 февраля на заседании Учредительного собрания Грузии также признал: «Нам оказала активную помощь Франция..., французская эскадра подошла к Гаграм и вчера совместно с нашими войсками вела борьбу с врагом...»⁴⁰ Ревком Абхазии в телеграмме на имя В. И. Ленина от 10 марта 1921 года подчеркивал, что меньшевники-«лакеи получили помощь от своих хозяев: флот Антанты бомбардировал побережье, предавал огню хижины крестьян»⁴¹. Между прочим, по некоторым сведениям, меньшевики за каждый пушечный выстрел обещали интервентам чуть ли не 40 пудов табака. Видя тяжелое положение меньшевистских войск, интервенты действовали 21 и 22 февраля еще более интенсивно. В 0 ч. 20 м. 22 февраля три корабля из дальнобойных орудий обстреляли занятое советскими войсками с. Веселое; в 1 час эти корабли подошли к берегу около с. Пиленково и выпустили несколько снарядов по расположению 273 полка, обстреляв его также пулеметным огнем. В 9 часов вечера около Пиленково снова показались три судна, в том числе два миноносца, и начали обстреливать из дальнобойных орудий полевой штаб 91 бригады и расположение 273 полка⁴².

Несмотря на это, части Красной Армии успешно продвигались вперед. Выбив противника с высоты восточнее с. Пиленково, овладев «щитом демократической республики», они

³⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 15, д. 85, д. 224, лл. 1—2.

³⁷ Там же, л. 3.

³⁸ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1144, л. 77.

³⁹ См. Ел. Драбкина. Указ. соч., стр. 178.

⁴⁰ Там же, стр. 178.

⁴¹ ЦГАА, ф. 5, д. 17, л. 3.

⁴² Там же, ф. 109, д. 514, л. 52.

22 февраля почти без боя заняли Старые Гагры⁴³. В этих боях, сообщает А. А. Соловьева-Ватова, «очень помогли абхазские партизаны». Среди пленных были французские офицеры. Погибшие красноармейцы были похоронены в центре с. Пиленково — в красивом живописном месте⁴⁴.

По распоряжению Н. Акиртава и под его редакцией 22 февраля 1921 года в Сочи вышел первый номер газеты «Голос Трудовой Абхазии» — орган Ревкома Абхазии (технический редактор Д. Рогачев, метранпаж Н. Надарая). В сочинской типографии газета издавалась до освобождения Сухума, там вышло 8 номеров⁴⁵. Как отмечала впоследствии М. И. Ульянова, «возникнув в период белогвардейско-меньшевистского засилия и террора, «Трудовая Абхазия»⁴⁶ сыграла немалую роль в организации трудящихся масс Абхазии на борьбу за Советскую власть»⁴⁷.

Англо-французские интервенты пытались нанести удар в тыл наступающим войскам. С этой целью вражеский миноносец 23 февраля снова обстреливал с. Пиленково из пулеметов. Обстрел побережья в районе Веселое-Пиленково производился, по некоторым данным, судами французской флотилии адмирала Дюмениля, стояка которой ранее была отмечена в Потн и Батуме⁴⁸. Преследуя отходившего противника, 274 полк 23 февраля занял Новые Гагры, захватив пленных, бомбомет и другие трофеи, а в 23 часа того же дня достиг р. Бзыбь⁴⁹.

Меньшевики большие надежды возлагали на свои заранее сооруженные бзыбские укрепления, тем более, что у устья р. Бзыбь стояли корабли интервентов. Однако советские войска 23 февраля форсировали бурную горную реку и нанесли противнику поражение. По позициям меньшевиков били и корабли интервентов, судовая артиллерия которых, перепутав расположение сражавшихся войск, своим огнем уничтожила меньшевистские укрепления, обстреливая их в течение почти двух часов. Попавшие в плен солдаты, полагая, что их бомбила советская эскадра, говорили: «Ваш флот так нас раскатал, что не только о наступлении, мы не могли думать и о сопротивлении»⁵⁰.

⁴³ ЦГАСА, ф. 109, д. 946, л. 176; ф. 192, оп. 4, д. 1541, л. 25.

⁴⁴ А. Соловьева. За счастливую жизнь, л. 436.

⁴⁵ «Трудовая Абхазия», 22 февраля 1923 г., № 42.

⁴⁶ Газета «Голос Трудовой Абхазии» 6 октября 1924 г. была переименована в «Трудовую Абхазию», а 1 декабря 1926 г. — в «Советскую Абхазию».

⁴⁷ «Трудовая Абхазия», 23 февраля 1926 г., № 43.

⁴⁸ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1541, л. 26.

⁴⁹ Там же, ф. 109, д. 514, л. 54.

⁵⁰ «Голос Трудовой Абхазии», 4 марта 1924 г., № 54.

Наголову разбитый враг в панике отступил к Гудаутам, уничтожив под руководством иностранных офицеров весь настил Бзыбского моста⁵¹. 2 Сухумский пехотный полк меньшевиков после боев на р. Бзыбь был сведен в одну роту общей численностью в 350 штыков; штаб же полка эвакуировался в Поты⁵².

Ревком Абхазии принимал все меры для повсеместной организации ревкомов и развертывания агитации среди широких масс. Части Красной Армии выделили соответствующих людей для оказания помощи в налаживании работы советских и партийных органов. А. А. Соловьева-Ватова рассказывает, что Ф. Э. Дзержинский считал необходимым, чтобы большинство участников Коммунистического отряда после освобождения Абхазии осталось там для работы хотя бы временно, пока окончательно не укрепятся социалистические позиции, чтобы передать опыт по укреплению завоеваний власти⁵³. После освобождения Гагр там образовался уездный ревком под председательством А. Куридзе. Ревком на своем заседании 26 февраля постановил немедленно завершить организацию власти на местах путем создания сельских ревкомов. Буквально через один-два дня после этого такие органы возникли в Калдахвара, Колхнда, Алахадзы и других селах⁵⁴.

Успешное наступление частей Красной Армии и повстанческих отрядов подняло на решительную борьбу буквально все трудовое население Абхазии против ненавистного буржуазно-меньшевистского режима.

В сообщении разведсводки Кавказского фронта к 18 часам 24 февраля 1921 года говорилось: «Жители района Пиленкова 23 февраля показали, что [в] районе Гагры и южнее поднялось восстание абхазцев за Соввласть»⁵⁵. В разведсводке IX Армии к 24 часам того же дня также отмечалось: «По показанию жителей Дача (5 вер. юго-восточнее Пиленково), опрошенных в штабриге, 23 февраля в Сухумокруге поднялось восстание, частичное, абхазцев за Советвласть»⁵⁶.

24 февраля 1921 года член Ревкома Абхазии Н. Акиртава телеграфировал в Ростов-на-Дону А. Назаретяну: «Восстание по всей Абхазии началось. Прошу срочно выслать надежным товарищем на мое имя [в] Гагры — Сухум: первое — все декреты с 1917 по 1921 годы, второе — инструкции и положения по организации ревкомов и их отделов, третье — агитаци-

⁵¹ ЦГАА, ф. 26, 1924 г., д. 64, л. 3.

⁵² ЦГАСА, ф. 109, д. 946, л. 208.

⁵³ А. Соловьева. За счастливую жизнь, л. 433.

⁵⁴ ЦГАА, ф. 308, д. 68, лл. 2—4.

⁵⁵ ЦГАСА, ф. 109, д. 946, л. 187.

⁵⁶ Там же, ф. 192, оп. 4, д. 1541, л. 21.

онную литературу и плакаты, четвертое — на первое время для организации ревкомов на местах — десять миллионов руб. мелкими купюрами»⁵⁷. Для этой цели в Ростов была командирована А. Соловьева-Ватова в сопровождении Горина и Пономарева. Она с честью выполнила это важное задание.

Г. К. Орджоникидзе в беседе с сотрудником Грузкавроста сказал: «Об Абхазии и не приходится говорить. Там организовался Абхазский ревком, и почти поголовно восставшее население создало свои добровольческие красные отряды, которые ударили в тыл меньшевикам»⁵⁸.

Еще 19 февраля председатель Гудаутского уездного комитета З. Бения через З. Агрба разослал циркулярное распоряжение комитета всем сельским ячейкам быть наготове с оружием в руках и при первом сигнале выступить. Уездный комитет располагал сведениями из сел о настроении крестьянства, «которое было самое воинственное», а комитет информировал население о положении дел на фронте⁵⁹. Требования властей снабжать меньшевистские войска кукурузой, мясом, подводами, верховыми лошадьми и т. д. не выполнялись крестьянами. В лесах и глухих местах происходили тайные крестьянские сходки. Через секретные горные тропинки повстанцы связывались с частями Красной Армии⁶⁰.

Вскоре был дан сигнал о выступлении. Повсюду отряды «Киараза» (начальник штаба И. Чамагуа) развернули боевые действия, нанося удары отступающим меньшевистским войскам с тыла. В этих боевых действиях особенно отличились И. Вардания, М. Гобечия, М. Тарнава, Х. Шамба, З. Отырба и другие.

Как уже отмечалось, в Гудаутский уезд в декабре 1920 года ЦК КП(б) Грузии был направлен В. К. Чачба. Впоследствии он о своей революционной работе здесь в начале 1921 года писал: «При приезде в Гудаутский уезд я на сходе крестьян в Лыхиенской общине заявил, что никогда, как им известно, не был связан с их дворянством, и просил считать меня таким же крестьянином, рядовым, как они сами, и общество меня приняло в свою общину... Я чутьем нащупал И. Вардания и Хаджарата Шамба... И я не ошибся в них. Через них я вел агитацию и агитировал их. Поступив на службу делопроизводителем в земельный отдел Гудаутской земской управы, я открыто агитировал среди служащих управы,

⁵⁷ ЦГАА, ф. 38, д. 72, л. 3.

⁵⁸ «Правда Грузии», 10 марта 1921 года, № 8.

⁵⁹ З. Бения. Красный февраль в Гудаутах. «Голос Трудовой Абхазии», 4 марта 1924 года, № 54.

⁶⁰ М. Тарнава. Отступление меньшевиков. «Советская Абхазия», 4 марта 1927 года, № 50.

и молва городская скоро указала на меня, как на большевика... Пользуясь каждым свободным днем, я ходил по селениям, агитируя в пользу Советской власти; почти поголовно крестьянство было на нашей стороне, и за этой работой меня застало наступление советских войск и, скрывшись от меньшевиков, я присоединился к наступающим войскам»⁶¹.

В те дни и большевики Сухума готовились к приходу красных войск. Поистине героической была борьба сухумских рабочих. «Откликнувшиеся на призыв трудящихся, — сообщают сухумские портовые рабочие, — Красную Армию грузчики встретили с необычайным энтузиазмом и, всемерно помогая продвижению регулярных красных частей, они всеми силами содействовали разложению меньшевистской гвардии, саботировали эвакуацию панически удиравших меньшевиков и устраивали всевозможные препятствия в отправке их воинских грузов»⁶². И все это, несмотря на то, что работа в Сухумском порту велась под усиленной охраной меньшевистской гвардии. Портовым рабочим в награду за самоотверженность впоследствии Советом профессиональных союзов Абхазии было вручено Красное знамя⁶³.

Вскоре в Сухум явился член Окружного комитета партии и Временного ревкома Е. Свердлов с заданием: связаться с подпольными работниками типографий, порта и меньшевистских воинских частей, а также находившимися в тюрьме коммунистами. Установив связи с революционными силами города и ряда сельских местностей (Володаровское, Цебельда и т. д.) и имея сведения о начале военных действий в районе Гагр, он совместно с М. Карагодской занялся организацией боевых дружин «с целью поднятия в нужный момент восстания и таким образом отрезать тыл от фронта»⁶⁴.

Сильное движение происходило среди крестьянства в окрестных селах Сухума и во всем Гумистинском уезде. Как отмечал А. Ляк в докладе от 9 августа 1921 года в Кавбюро ЦК РКП(б), в Абхазию для подпольной работы была направлена группа Б. Волховского и А. Саджая (Саджаев). В бумагах Волховского сохранилась сделанная им запись, в которой говорится: «В Сухуме — дача Симонова за Красным мостом. Спросить Илью Свердлов-Свердленко (парткличка Курский) от Мавра. Гудауты — Зосим Николаевич Бения, живет против Гудаутской почты (он свяжет с Тарнава, Гобечия), связаться главным образом с Василием Лакоба (от

⁶¹ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 470, лл. 153—154. В. К. Чачба. Автобиография.

⁶² ЦГАА, ф. 101, д. 325, лл. 13—18.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 374, лл. 371—372.

Мавра или Акиртава). В Самурзакани. Филипп Ториа...»⁶⁵ Как сообщал А. Ляк, указанная группа создала два боевых отряда из местных крестьян и коммунистов и оперировала в тылу у меньшевиков, нарушая телеграфную связь и взрывая мосты по шоссе⁶⁶.

Сохранился также доклад Б. Волховского на имя А. Ляка, в котором дается подробный отчет о деятельности его группы в Абхазии⁶⁷. Б. Волховский, А. Саджая и Ш. Цитлидзе с большим трудом и риском перешли границу Абхазии, причем Ш. Цитлидзе был арестован. В Гаграх Волховский связался с образовавшимся здесь партизанским отрядом в 200 человек. 19 февраля он уже был в Сухуме, где также немедленно связался с Окружным комитетом партии, а еще через несколько дней в с. Владимировском был организован Гумистинский революционный комитет. Затем с помощью членов ревкома П. Радовича, З. Терещенко, Я. Свиридова и других была создана «крестьянская милиция» в составе 40 вооруженных людей. Такие отряды появились и в следующих селах: Архиерейском — 20 чел., Наа — 12, Герзеул — 12—15, Старо-Черниговском — 10, Ново-Черниговском — 8, Парнаут — 20 и т. д., всего — 150 человек.

Гумистинский ревком так определял свою задачу: «Выступить для захвата города, удара в тыл, нарушения снабжения гр[узинской] армии, создания паники и самое главное — вооружения населения, которое не имело оружия. В случае этого выступления мы могли по дороге собрать до 400 — 500 вооруженных мингрельцев, армян и русских»⁶⁸. Однако этого не удалось сделать ввиду того, что Окружной ревком не сумел известить своевременно о наступлении частей Красной Армии на Сухум, не было налажено взаимодействие между бабушерским и другими партизанскими отрядами уезда.

Другие участники события — П. Радович и П. Кирса, рассказывают следующие подробности. Из сел Владимировского и Эстонского были изгнаны меньшевистские части, присланные для реквизиции продуктов. Владимировский ревком провел собрание крестьян смежных сел, на которое его власть фактически распространялась, под лозунгом — ни одного человека и ни одного грамма продовольственных продуктов для меньшевистской армии. Был случай, когда крестьяне обезоружили и доставили на собрание населения с. Владимировского помощника начальника уездной милиции и командира одного меньшевистского отряда, а за несколько дней до при-

⁶⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, л. 27, л. 23.

⁶⁶ Там же, л. 83.

⁶⁷ Там же, лл. 19—22.

⁶⁸ Там же, л. 21.

хода частей Красной Армии в Сухум был арестован начальник Драндской земской управы Е. Джикия. Боевой отряд устраивал иалеты на меньшевистские войска. Так, у одной такой части было отобрано до 20 ручных гранат, винтовки и большое количество патронов. Этой операцией руководил П. Радович⁶⁹.

Выступления крестьян имели место и в Цебельде. Среди крестьян большую роль играли лица, принимавшие участие в восстании 1918 года. В селах Бабушера, Дранда и других партизаны действовали под руководством И. Каландия и П. Сичиава.

В Кодорском уезде образовался подпольный ревком во главе с А. Убирия (председатель уездного комитета партии Н. Матарадзе). До нас дошел протокол заседания Кодорского ревкома, на котором обсуждался следующий порядок дня: «1. План выступления для захвата власти в Кодорском уезде. 2. Командировка одного из членов Ревкома в Сухум для доклада [Сухумскому] в[ременному] ревкому. 3. Командировка в Самурзакани человека для установления связи и выработки общего плана выступления с Самурзаканским в/ревкомом». На заседании также констатировалось, что в уезде в распоряжении противника — 448 вооруженных людей, из коих на стороне Кодорского ревкома, не считая всех сочувствующих, — 58; вся же вооруженная сила последнего — 88 чел., число которых «при иаличии оружия можно увеличить до 200 человек»⁷⁰. Ревком особо рассчитывал на помощь со стороны отрядов С. Капба в с. Гуп и З. Лабахуа в с. Река.

Активная борьба развернулась и в Самурзаканском уезде. По директиве Сухумского окружного комитета партии был составлен список лиц, могущих выступить для вооруженного восстания, были намечены командиры — Ф. Тория, А. Лабашия, Г. Джгубурня, З. Лабахуа, И. Топурня, А. Корсантия, В. Кецбая, Б. Кортава, Б. Эхвая и другие⁷¹. 18 февраля командир конной разведки 31 дивизии сообщил самурзаканским работникам о скором наступлении Красной Армии, в связи с чем предписывалось «серьезнейшее внимание обратить на то, чтобы отступающими войсками не были бы разрушены мосты, имеющие серьезное значение для наступающих войск, охрану из восставших крестьян и помешать какими-либо мерами разрушить их»⁷². Самурзаканские партизаны сыграли в этом деле важную роль.

⁶⁹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулна, ф. 1, д. 186/114, лл. 364—365, 458—459.

⁷⁰ ЦГАОРГ, ф. 50 с, оп. 1, д. 308, л. 4 об.

⁷¹ ПА Грузфильнала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 909, л. 17.

⁷² «Голос Трудовой Абхазии», 4 марта 1924 г., № 54.

Меньшевики приняли новые «экстренные меры». В ряде мест спешно возводились укрепления, решающее же сражение предполагалось дать у Нового Афона. Председатель меньшевистского комиссариата Абхазии Дмитрий (Арзакан) Эмухвари, назначенный «генерал-губернатором Абхазии», издал «приказ № 1», призывавший всех граждан до 35-летнего возраста включительно к выступлению против наступавших советских частей. «Уклонение и неявка, — угрожал он, — будут рассматриваться как измена республике и враждебные против нее действия и караться по всей строгости законов военного времени. Срочное и неуклонное исполнение сего приказа возлагаю на земские и городские самоуправления и подведомственные и административные органы. Должностные лица, замеченные в бездействии, медлительности и нерадении, будут предаваться военному суду»⁷³.

Буржуазно-националистический Народный совет Абхазии в эти дни тоже проявил максимум энергии для спасения контрреволюционной власти меньшевиков. 23 февраля, когда красные части форсировали р. Бзыбь, совет, заслушав председателя комиссариата Абхазии о положении на фронте, постановил: принять решительные меры против наступающих советских частей и отпустить 1 миллион рублей в распоряжение меньшевистского «совета обороны», командировать своих членов в районы для привлечения населения «тем или иным путем к обороне». Народный совет решил приветствовать правительство Н. Жордания и Учредительное собрание Грузии «и всеми силами содействовать проведению в жизнь его мероприятий по обороне страны». В конце заседания председатель совета еще раз заявил, что работа «депутатов» теперь будет заключаться в призыве населения к «помощи фронту всеми средствами», агитации для «создания благоприятного защите страны настроения»⁷⁴. 25 февраля президиум совета постановил: «Предложить всем членам Народного совета Абхазии оставаться в городе (Сухуме. — Г. Д.). На случай отставления города Сухума войсками республики Грузии вменить в обязанность членов совета следовать по пути отступления»⁷⁵. Совет при этом стал на путь подкупа, обещав увеличить лицам, получавшим по смете совета и комиссариата, жалованье на 50 процентов и т. д.⁷⁶ 1 марта совещание членов совета выделило специальную комиссию для поездки на фронт и в уезды⁷⁷, а 2 марта, за два дня до установления в

⁷³ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 93, л. 5.

⁷⁴ Там же, д. 85, л. 38.

⁷⁵ Там же, л. 46.

⁷⁶ «Голос Трудовой Абхазии», 4 марта 1922 г., № 52.

⁷⁷ Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 85, док. № 19, л. 41.

Сухуме Советской власти, президиум совета вынес решение отпустить 50 тыс. рублей на закупку подарков для меньшевистских войск⁷⁸.

26 февраля Д. Эмухвари издал «приказ № 2», в силу которого Сухум, Гумистинский, Кодорский и Самурзакаинский уезды объявлялись укрепленным тыловым районом фронта, а член Учредительного собрания Грузии И. Лордкипанидзе — его начальником⁷⁹.

Белогвардейские руководители в эти дни лихорадочно сколачивали контрреволюционные силы, обращаясь с призывами к населению и ко всем находившимся в Абхазии казакам записываться добровольцами и пойти вместе с меньшевистскими регулярными частями против Красной Армии и восставшего населения. Как уже указывалось, как раз 26 февраля «Комитетом спасения Кубани» в районе Сухума был сформирован отряд полковника Роговца.

В г. Гудауты, к которому непосредственно приближались части Красной Армии, меньшевики также спешно сколачивали контрреволюционные отряды из купеческих сынков, белых офицеров и духаншиков для «защиты» города от большевиков. На окраинах Гудаут создавались укрепления. Французский линейный корабль «Жан Бар» стоял на рейде, направив свои пушки на город. Шли повальные аресты; еще 20 февраля были арестованы почти все члены уездного большевистского комитета. С 21 февраля город был объявлен на осадном положении⁸⁰.

Но ничто уже не могло спасти меньшевистскую власть. В Тифлисе среди буржуазии поднялась паника. Ежедневно в Батум уходило переполненными 8 поездов. За проезд обезумевшие буржуи платили по 100 тыс. бонами. Первыми уехали восвояси иностранные миссии. Позорно бежало из Тифлиса и правительство Н. Жордания, а 25 февраля 1921 года восставшие рабочие и крестьяне вместе с частями Красной Армии вступили в столицу Грузии.

Меньшевистское правительство, чувствуя свое близкое падение, «напрягает остатки сил для своего сохранения, — говорилось в приказе Ревкома Абхазии. — Необходимо напрячь все силы для скорейшего уничтожения меньшевистских банд». Ревком издал приказ выделить из каждого села по 20 вооруженных людей⁸¹.

Отряды «Киараза» действовали исключительно активно. Один из них под командой Максима Гобечия и Мартына Тар-

78. Арх. Абгосмузея, ф. 1, д. 85, док. № 21, л. 43.

79. Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 62, л. 182.

80. Г. А. Дзидзария. Народ пришел к власти. «Советская Абхазия», 23 июля 1940 г.

81. «Голос Трудовой Абхазии», 4 марта 1923 г., № 51.

нава в с. Отхара с тыла напал на меньшевистскую часть и обратил ее в бегство, захватив при этом 30 человек в плен, обоз со снарядами и оружием и, главное, не дал противнику взорвать мост через р. Хыпста (Белая). Затем к частям Красной Армии была послана делегация из партизан (Рашит Лабия и Заурбек Мамацев) с письмом такого содержания: «Дорогие товарищи красноармейцы! Уездный комитет действует в районе села Лыхны с небольшим вооруженным крестьянским отрядом, у которого имеются и плеиные. Большевики очистили гор. Гудауты и укрепились в Новом Афоне. Мы находимся в 5 верстах от Гудаут, но не хотим рисковать занять город без вас. Ждем»⁸². Еще до этого, во время боев в районе Гагр, навстречу Красной Армии была послана делегация во главе с членом уездного комитета партии И. Вардания⁸³.

Вечером 25 февраля революционная армия остановилась в с. Лыхны (в 4—5 км от Гудаут) и начала обстреливать остатки меньшевистских частей, находившихся на побережье. Противник, разграбив город, бежал в Новый Афон. В Гудаутах образовался Временный комитет общественной безопасности под председательством народного учителя А. Чукбар, который составил акт об ограблении города меньшевиками. Для охраны Гудаут большевистским комитетом был создан специальный боевой отряд. Исключительную храбрость проявила молодежь. Председатель уездного ревкома З. Бения позже (в 1924 г.) писал, что никогда нельзя забыть это «рвение молодежи Гудаут». В. Ладария, Н. Леонтович, А. Камлия, А. Лукин и другие представители молодежи, «не страшась ничего, стояли на своих советских постах, выжидая с минуты на минуту горячего чугуниного снаряда французского империализма»⁸⁴.

26 февраля 1921 года в Гудауты вступили 274 полк в сопровождении члена Гудаутского уездного комитета партии Мартына Тарнава и абхазские партизанские отряды, которыми командовали М. Гобечия, И. Чамагуа, Х. Шамба и другие. Туда прибыли члены Ревкома Абхазии Н. Акиртава и уполномоченный Кавбюро ЦК РКП(б) А. Ляк. Состоялся митинг. Командир 274 полка Семенов выступил с докладом «Что такое Советская власть?» Он был выслушан с большим вниманием и горячо одобрен населением⁸⁵.

Вообще население повсюду восторженно встречало своих освободителей. Впоследствии, когда задача 31 дивизии была

⁸² М. Тарнава. Отступление меньшевиков. «Советская Абхазия». 4 марта 1927 г., № 50; ЦГАА ф. 65, д. 260, л. 101 об.

⁸³ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 63, л. 146.

⁸⁴ З. Бения. Красный февраль в Гудаутах.

⁸⁵ Там же.

выполнена, т. е. когда была установлена Советская власть в крае, в директиве командующего Кавказским фронтом от 4 апреля 1921 года по поводу вывода этой дивизии из Абхазии говорилось: «Всему командному и комиссарскому составу дивизии подтвердить необходимость принятия всех мер, чтобы доблестная репутация дивизии, заслуженная ее боевыми действиями и политической сознательностью, не была поколеблена какими-либо фактами при выходе частей в район 9 армии, а наоборот, чтобы в памяти населения Абхазии закреплена была со стороны всего личного состава дивизии: строжайшая лояльность и самое бережное отношение к абхазской бедноте, столь дружественно и братски относившейся к частям дивизии»⁸⁶.

26 февраля, в 3 часа дня, в помещении бывшей Гудаутской городской управы под председательством Н. Акиртава состоялось организационное собрание местных работников с участием прибывших из Советской России политработников. Был организован Гудаутский уездный ревком в составе З. Бения (председатель), В. Чачба, Мартына Тарнава, И. Юрченко, А. Гавриленко и Сумбурова.

В этот день Г. К. Орджоникидзе телеграфировал Н. Акиртава: «От души приветствую освобождающуюся Абхазию от ига меньшевистского правительства. Красная Армия изменила бы себе, если бы она позволила меньшевистским бандам разорить трудящихся Абхазии. Опасность меньшевистской расправы миновала навсегда. Над Тифлисом реет Красное знамя Советской власти. Да здравствует Красная Абхазия»⁸⁷.

В то же время Г. К. Орджоникидзе через начальника 31 дивизии Пашковского просил Акиртава срочно сообщить ему о ходе дел и о состоянии связи с Гудаутским, Гумистинским и Кодорским уездами. «Вы очень мало информируете нас, — писал Орджоникидзе, — а информация нужна. По моему мнению, в Ревком надо ввести несколько влиятельных беспартийных местных деятелей... Будьте очень осторожны в своих действиях. Вообще прошу подробно информировать»⁸⁸.

Ревком Абхазии обратился к населению со следующим воззванием: «Революционный комитет напоминает, что борьба еще не закончена, враг окончательно не сломлен, он собирается в нашем Сухуме остатki своих разбитых сил. Сплотитесь все вокруг вашего Революционного комитета, встаньте все как один, от мала до велика, на защиту нашей дорогой Абхазии. Вперед же, братья, вперед!» Воззвание заканчивалось лозунгами: «Да здравствует отныне свободная Совет-

⁸⁶ ЦГАСА, ф. 109, д. 324, л. 2. ф. 195, оп. 4, д. 657, л. 11.

⁸⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 15, д. 227, лл. 1—2.

⁸⁸ Там же, д. 226, лл. 1—2.

ская Абхазия! Да здравствует наша освободительница — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика!»⁸⁹.

Гудаутский партийный комитет через своего представителя М. Гобечия держал постоянную связь с партизанской группой с. Анухва, действовавшей на подступах к Новому Афону с севера. Эта группа систематически сообщала сведения об оборонительных мероприятиях меньшевиков. Одновременно в Анухва концентрировались партизанские силы из разных сел, которые при наступлении на противника в районе Нового Афона должны были нанести удар с тыла⁹⁰.

274 красный полк занял позицию по хребту между речками Гудоу и Дахуарта⁹¹. Корабли Антанты 27 февраля подошли к берегу и обстреляли Гудауты, выпустив около 15 снарядов⁹². На борту одного из кораблей находился сбежавший меньшевистский начальник милиции, умолявший интервентов превратить город в груды развалин⁹³. Этому помешал 274 полк, батарея которого открыла огонь по интервентам и вынудила их скрыться⁹⁴.

Г. К. Орджоникидзе 27 февраля 1921 года предложил по телеграфу Я. В. Полуяну немедленно связаться с Н. Н. Акиртава и указать ему еще раз на необходимость ввести в состав Ревкома Абхазии двух-трех влиятельных беспартийных общественных деятелей Абхазии. «Иначе, — писал Орджоникидзе, — ревком там будет непопулярный. Надо предостеречь его от необходимых скороспелых шагов по коммунизации Абхазии. Нужна величайшая осторожность. Прошу тебя информировать меня»⁹⁵. Вскоре после этого А. М. Назаретян сообщал Г. К. Орджоникидзе, что предложение его о пополнении Ревкома Абхазии несколькими популярными деятелями передано через лиц, ехавших с Ф. Е. Махарадзе, а также выделена группа людей, которую снабдили необходимой литературой и деньгами, и послана в распоряжение Абхазского ревкома⁹⁶.

Меньшевики лихорадочно укреплялись в Новом Афоне. Линия окопов тянулась от моря до с. Анухва. Работы по укреплению района велись под руководством иностранных офицеров⁹⁷. Численность меньшевистских войск здесь дохо-

⁸⁹ «Голос Трудовой Абхазии», 4 марта 1923 г., № 51.

⁹⁰ ЦГАА, ф. 65, д. 120, л. 101 об.

⁹¹ ЦГАСА, ф. 109, д. 514, л. 61.

⁹² Там же.

⁹³ «Советская Абхазия», 23 июля 1940 г.

⁹⁴ ЦГАСА, ф. 109, д. 514, л. 61.

⁹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 15, д. 228, лл. 1—2.

⁹⁶ Там же, оп. 18, д. 187, лл. 1—2.

⁹⁷ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1—0, д. 11, папка № 1, л. 63.

дила до 2 тыс. штыков при 25 пулеметах и 2 орудиях⁹⁸, не считая белоказачьего отряда в 240 чел.⁹⁹ Боевым участком командовал генерал Мачавариани. Общая же численность меньшевистских войск на Сухумском направлении, по состоянию на 1 марта 1921 года, равнялась 7 010 штыкам при 98 пулеметах, 6 легких и 2 тяжелых орудиях и 2 броневиках. Кроме того, белогвардейские части составляли 775 сабель¹⁰⁰. 28 февраля из Батума на пароходе «Мария» прибыло еще 2 роты численностью до 600 штыков, которые приняли участие в бою у Нового Афона¹⁰¹. Силы были немалые, но вот какую оценку дает им М. Д. Крутиков; участник боев: «Вперед пускали в бой на позиции войска, состоящие из простого народа — солдат, одетых в куртки бурого войлока — простой ткани, ботинок и простых шаровар, а сзади стояли гвардейцы из офицеров, юнкеров, из богатого сословия, которые сдерживали неустойчивость солдат из крестьян и рабочих»¹⁰².

Меньшевистским войскам по-прежнему усердно помогали антантовские военные корабли, которые продолжали методично бомбардировать прибрежную полосу Абхазии и разрушать ее приморские города и другие населенные пункты. Таким образом, «при помощи военных судов империалистической Франции, меньшевики хотят парализовать абхазское восстание — сил собственных полуразложившихся войск у них для удержания Абхазии уже не хватает»¹⁰³.

В связи с этим Ревком Абхазии сделал следующий протест: «Крестьяне и рабочие Абхазии, не выдержав гнет и насилия меньшевистского правительства, взяли за оружие и вступили в смертельную борьбу с ненавистным меньшевистским правительством. Французские военные суда по приглашению правительства Жордания — Рамишвили бомбардируют освобожденные повстанцами города Абхазии. Местечко Пиленково разрушено до основания. Разрушено также несколько десятков домов в городах Гагры и Гудауты. Есть жертвы среди мирного населения. В числе убитых есть женщины и дети.

Военно-Революционный Комитет Абхазии выражает свой протест против гнусного вмешательства французского правительства в дела Абхазии и его грязного стремления затопить в крови трудовые массы Абхазии, борющиеся за окончатель-

⁹⁸ ЦГАСА, ф. 109, д. 946, л. 205.

⁹⁹ Там же, л. 216.

¹⁰⁰ Там же, ф. 192, оп. 4, д. 1541, лл. 9—12; д. 1543, лл. 4—5, 11—15.

¹⁰¹ Там же, ф. 109, д. 946, л. 216.

¹⁰² Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 186/114, л. 168. М. Д. Крутиков. 36 лет тому назад.

¹⁰³ «Советский Юг», 5 марта 1921 г., № 50, Ростов-на-Дону.

ное освобождение Абхазии из-под ига контрреволюционного меньшевистского правительства»¹⁰⁴.

1 марта части 274 и 271 красных полков вплотную подошли к новоафонской позиции противника. Вечером того же дня батальон 271 полка совместно с местными партизанами и ротой учебного батальона выступил, чтобы обойти правый фланг меньшевиков со стороны с. Анухва и выйти в тыл его южнее Нового Афона¹⁰⁵. Утром 2 марта обходная колонна и другие части 271 и 274 полков перешли в наступление по всему фронту. В 10 часов 55 м. 274 полк после короткого удара энергичным натиском выбил противника из первой линии укреплений и, преследуя отходящие к Новому Афону части, в 16 часов достиг дороги, ведущей от Нового Афона на северо-восток. Противник, имевший до 900 штыков, поддерживаемый активным артиллерийским огнем французских кораблей в составе 1 броненосца, 1 крейсера и 2 транспортов, оказывал упорное сопротивление.

К вечеру 2 марта части 274 полка заняли позицию в полутора верстах к западу от Нового Афона, начиная от моря по хребту до с. Анухва. Абхазский партизанский отряд под командой аацынского крестьянина Шерифа Коруа продолжал свою операцию по обходу правого фланга противника¹⁰⁶. 272 полк стоял в резерве на высотах по правому берегу р. Псырца. 271 полк занимал позицию по хребту на левом берегу указанной реки. 273 полк с учебным батальоном на рассвете выступил из с. Петропавловского. 48 бронеполк также двигался по шоссе. К Гудаутам подходили другие части 31 дивизии¹⁰⁷.

3 марта бой начался в 9 часов 30 м. Противник, поддерживаемый ураганным артиллерийским огнем и химическими снарядами с двух кораблей интервентов, перешел в наступление¹⁰⁸. Однако советские войска в 16 часов снова перешли в контр наступление по всему фронту. 274 полк три раза отбрасывал противника и, наконец, энергичным ударом выбил его из второй линии окопов, прорвал фронт и занял исходное положение по хребту около с. Анухва. В прорыве меньшевистского фронта большую поддержку оказали бронемашины

¹⁰⁴ «Советский Юг», 5 марта 1921 г., № 50.

Текст этой ноты Ревкома Абхазии содержится в телеграмме А. М. Назаретяна на имя Г. К. Орджоникидзе от 4 марта 1921 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 18, д. 187, лл. 1—2), а также был послан Николаем Акиртава в Москву Наркому иностранных дел Г. В. Чичерину.

¹⁰⁵ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1176, лл. 10—13, 19.

¹⁰⁶ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулна, ф. 1, д. 186/114, л. 492 об.

¹⁰⁷ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1176, лл. 23—24, 26, 38, 42, 48, 51; ф. 109, д. 514, л. 66.

¹⁰⁸ Там же, ф. 192, оп. 4, д. 1176, лл. 55—56.

(«Ленин» и др.) Одновременно батальон 271 полка с партизанами обошел правый фланг противника и ударил в тыл. В операции по охвату правофланговой группы противника участвовали части 271 и 272 полков. Новоафонская позиция меньшевиков была полностью занята красными частями.

Противник, энергично преследуемый, в панике отступил к Сухуму, взрывая мосты и грабя жителей на своем пути. Поспешно ушли в открытое море и антантовские корабли, на которые советский самолет сбросил две бомбы¹⁰⁹. Эти корабли артиллерийским огнем обстреливали побережье на участке Петропавловское—Новый Афон в течение 5 часов¹¹⁰.

Частям Красной Армии было приказано: «Ни в коем случае не теряя соприкосновения с противником, овладеть Сухумом и выдвинуться к реке Кодор»¹¹¹, где кончалась первая половина линии обороны противника, начинавшаяся от устья р. Псоу. В тот же день, 3 марта, советские части достигли р. Гумнста и заняли позицию на подступах к г. Сухуму¹¹².

Меньшевицкие власти, захватив награбленное имущество, 3 марта тайно от населения и собственного войска бежали в Батум на французском пароходе. Деморализованные меньшевистские войска занялись грабежом и пьянством. В оперсводке штаба 31 дивизии к 14 часам 4 марта 1921 года указывалось, что отступавшие войска противника «грабили магазины и склады Сухума»¹¹³.

На рассвете 4 марта гумистинский партизанский отряд в 45 человек под командой И. Жвания ворвался в г. Сухум и вступил в сражение с грабителями. Несмотря на многочисленность последних, партизанам удалось значительную их часть разоружить и взять в плен¹¹⁴. Тут же был издан приказ № 1 Временного ревкома, отпечатанный в типографии Зайдшера В. Ивановыми и И. Цехановским «под звуки неутихающих выстрелов», и немедленно расклеен¹¹⁵. Вскоре в город вошли части Красной Армии и гагринско-гудаутские повстанческие отряды.

При занятии Сухума были захвачены большие трофеи. По предварительным сведениям, в боях у Нового Афона и Сухума были захвачены: винтовок — 500, винтовочных патронов (русских) — 3 122 тыс., «лыюиса» — 14 тыс., орудий — 8, лопат саперных — 152, автомобиль — 1 и мотоцикл — 1, а

¹⁰⁹ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1176, лл. 39—43; д. 1171, лл. 81—82.

¹¹⁰ Там же, д. 1545, лл. 1—6.

¹¹¹ Там же, д. 1176, л. 47.

¹¹² Там же, л. 60.

¹¹³ Там же, л. 72.

¹¹⁴ И. Жвания. Из воспоминаний..., стр. 35—36.

¹¹⁵ В. Г. Иванов. К истории революционного движения в Абхазии, лл. 1—15; Его же. Типография 20-го года, стр. 39.

пленных было зарегистрировано 1100 человек¹¹⁶. Причем многие сдались добровольно. Группа военнопленных впоследствии, 24 марта 1921 года, в заявлении на имя председателя Гагринского ревкома И. Д. Вардания писала, что они после отступления меньшевиков «добровольно остались в Сухуме и не хотели следовать за войском, так как были уверены, что в Грузии без войны будет объявлена Советская власть, и после успокоения намеривались вернуться к своим занятиям у себя дома». Далее указывалось, что они «мирно занимались своим хозяйством» и были мобилизованы меньшевистскими властями 20 февраля 1921 года¹¹⁷.

Так 4 марта 1921 года в столице Абхазии — Сухуме было водружено Красное знамя Советов.

В телеграмме штаба 31 дивизии В. И. Ленину и М. И. Калинину сообщалось: «После непрерывного двухдневного боя, сопровождавшегося тремя повторными атаками противника с помощью судовой артиллерии Аитанты, применявшей снаряды с удушливыми газами, доблестные бойцы 31-й стрелковой дивизии, преодолев все трудности, в 16 часов 3 марта наголову разбили противника у Нового Афона... Взятые огромные, неподдающиеся учету трофеи, пленные, орудия, пулеметы, патроны и снаряды. Развивая дальнейшее наступление, части дивизии в 6 часов 4-го марта заняли город Сухум-Кале и ведут преследование разбитого противника. Да здравствует Красный Сухум — столица Советской Абхазии! Да здравствует непобедимая Красная Армия!»¹¹⁸.

Трудящиеся Сухума, как и всей Абхазии, с величайшей радостью и торжеством встретили Красную Армию — освободительницу. «Сегодня трудящиеся Абхазии, — читаем в резолюции, принятой на митинге трудящихся города 8 марта 1921 года, — изнемогавшие под тяжелым игом самодержавия меньшевиков, лакеев империализма, празднуют свое освобождение, приветствуют Красную Армию, пришедшую на помощь восставшему народу Абхазии» и шлют горячий привет вождю мирового пролетариата В. И. Ленину¹¹⁹. Участник боевых действий М. Д. Крутиков пишет, что перед подступами к Сухуму наступавших «встретили абхазцы, брали к себе в дома, угощали, радовались вместе с ними»¹²⁰.

Такая картина наблюдалась по всему Гумистинскому уезду. Образовался уездный ревком во главе с П. Радовичем. Представитель Кавбюро ЦК РКП(б) Б. Волховский и А. Габуния 3 марта 1921 года писали учителю школы с. Герзеул

¹¹⁶ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1176, лл. 77, 119—120, 122—123, 135—137.

¹¹⁷ ЦГАА, ф. 38, д. 22, л. 14.

¹¹⁸ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1176, л. 63.

¹¹⁹ ЦГАА, ф. 38, д. 72, л. 6.

¹²⁰ М. Д. Крутиков в 36 лет тому назад, л. 165.

М. Квашилава. «Тов. Квашилава, по имеющимся директивам Сухумского окружного ревкома, просим явиться Вас, как руководителя с. Герзеули, в с. Владимировку для вхождения в состав Ревкома Гумистинского уезда. Ввиду особой остроты момента и необходимости напряжения всех сил, просим явиться как можно скорее. Здесь на месте Вам нужно будет организовать руководящий сельский ревком, произвести точный подсчет оружия и людей, могущих принять участие в выступлении, согласованном с представителями Красной Армии»¹²¹.

4 марта в с. Дранда состоялся большой митинг, куда стекались крестьяне со всех сел с красивыми знаменами, пением революционных песен и т. д. «Крестьянство, измученное и страдавшееся, ждало с нетерпением прихода Красной Армии и ждало его, по собственному выражению, как пасхи. Все крестьянство, за исключением немногих кулаков, готово поддерживать Советскую власть и бороться за нее до последней капли крови».¹²² В тот же день образовался Цебельдино-Ажарский ревком. В протоколе организационного заседания этого ревкома говорится: «Мы, нижеподписавшиеся сторонники Советской власти (106 подписей.—Г. Д.), организовали вооруженные силы и напали на ненавистную нам местную администрацию, обезоружив ее, забрали в свои руки всю власть. После умиротворения, дабы обеспечить себя от посягательства со стороны бывшей власти, чтобы раз навсегда прочно утвердиться, мы в первую голову арестовали бывших заправил волости, сейчас же вызвали из ближайших деревень наших товарищей и сочувствующих Советской власти крестьян и образовали Временный ревком Цебельдино-Ажарской волости... Для обеспечения тыла и дороги победоносно наступающей Рабоче-Крестьянской Армии, мы все единогласно решили широко оповестить население и призвать на помощь всех, кто сочувствует рабоче-крестьянской власти»¹²³.

Состоялось первое заседание Абхазского организационного бюро РКП(б), на котором присутствовали: Г. Криштоф (секретарь оргбюро), Н. Акиртава, И. Жвания, Воробьев и Дорофеев. Были обсуждены, в частности, вопросы: организационный, о работе в тылу противника, о кутаисской тюрьме. По этим вопросам были приняты следующие решения: Объявить перерегистрацию всех членов и кандидатов Абхазской организации РКП(б). Поручить А. Убирия и В. Гварамия выехать в Очемчиры и Гали «для организации восстания в тылу

¹²¹ ЦГАА, ф. Коллекции, л. 4.

¹²² ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 27, л. 25. Доклад Б. Волховского А. Ляку.

¹²³ ЦГАА, ф. 590, д. 16, л. 14.

противника». Послать в Кутаис Сафлая (Габлая?) и Цава для принятия мер к освобождению арестованных товарищей¹²⁴.

Части Красной Армии, преследуя противника, который «бежал в панике на Очемчиры, бросая по дороге вооружение и снаряжение»¹²⁵, 5 марта вышли на линию р. Кодор, мост через которую меньшевики взорвали. 271, 272 и 274 полки заняли прикодорскую полосу, начиная от берега моря до отдаленного горного с. Цебельда. Тем временем 275, 276 и I кавалерийский полки прибыли в Сухум и немедленно двинулись дальше, чтобы также выйти на линию р. Кодор. Очемчирским боевым участком противника командовал генерал Артмеладзе, в распоряжении которого было до 3 тыс. штыков. 7 марта I кавалерийский полк переправился через р. Кодор и вечером того же дня вошел в г. Очемчиры. В составе этого полка действовали партизаны под командой И. Маргания. 275 полк, форсировав р. Кодор, достиг р. Цхенис-Цкали, 276 полк — р. Дгамыш, 274 полк — р. Моква¹²⁶.

Значительную помощь наступающим частям Красной Армии и в Кодорском уезде оказали местные партизанские отряды, которыми еще накануне повсеместно было начато разрушение меньшевистских частей. Фактически в ряде сел была уже установлена Советская власть. 6 марта в г. Очемчиры власть перешла в руки боевой группы во главе с Е. Уридия. В город вошел партизанский отряд С. Капба, прорвавшись через с. Моква. Пришли и другие отряды (Н. Матарадзе и т. д.)¹²⁷

Части Красной Армии перешли в общее наступление из Очемчир на рассвете 8 марта с целью выйти к р. Ингур и занять ее переправы, выслав для наблюдения за морем к югу от Очемчир сильные разъезды.

Ревком Кодорского уезда во главе с А. Убирия мобилизовал все силы революционного крестьянства на преследование противника. Партизанские отряды под командой А. Убирия, С. Капба, Т. Бгажба, Б. Пагава, А. Кобахия и других принимали активное участие в боевых действиях и за пределами Абхазии¹²⁸. Один из отрядов в 40 человек в районе с. Охурей Самурзаканского уезда напал на меньшевистскую часть и за-

¹²⁵ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1545, лл. 28—30.

¹²⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 105, л. 1—2.

¹²⁶ Там же, д. 1176, лл. 89—91, 102, 112, 125—127, 132; д. 545, лл. 38—39.

¹²⁷ Н. И. М а т а р а д з е. Странички прошлого, стр. 86—91.

¹²⁸ Там же, стр. 82.

хватил 77 винтовок и свыше 600 патронов¹²⁹, а другой отряд захватил в плен около 300 человек¹³⁰.

Подходя к Гали, 1 кавалерийский полк вошел в соприкосновение с противником и после двухчасового боя выбил его из этого местечка. Большевики оставили трофеи — 160 чел. пленными, 133 винтовки и 1 пулемет. Также с боем был занят с. Цхири. Противник, обойденный с фланга, отошел за р. Ингур, где и пытался закрепиться. 8 марта в 18 ч. 30 м. 1 кавалерийский полк достиг р. Ингур. При попытке захватить переправы он был встречен сильным орудийным и пулеметным огнем¹³¹.

Общая численность меньшевистских войск у р. Ингур достигала до 1500 штыков при 3 орудиях¹³². В результате боя кавалерийский полк занял позицию на правом берегу р. Ингур по обе стороны шоссе, выслал конные разъезды в юго-западном направлении — в сторону моря и в северо-восточном направлении — в сторону Саберио и Джвари. 275 полк прибыл в местечко Гали, 274 и 276 полки — в с. Мухури¹³³. Таким образом, была очищена вся территория Абхазии.

Г. К. Орджоникидзе в беседе с сотрудником Грузкавроста 8 марта 1921 года сказал: «...В Сухумском округе боевые операции происходят с обычным успехом. Красная Армия движется по Черноморью. Без боя был занят Сухум, в настоящее время форсирована река Кодор, и части Красной Армии подходят к реке Ингур»¹³⁴.

В этот же день в газете «Правда» сообщалось, что «красными повстанцами занят Сухум. Войска меньшевистского правительства продолжают отступать»¹³⁵.

Партизанские отряды Самурзаканского уезда, организованные местными большевиками, также наносили удары в тыл противника и разоружали отступающие меньшевистские войска. Они были вооружены винтовками, берданками и револьверами. Один из партизанских отрядов в 60 человек под командой Ф. Тория и с участием А. Габлая, К. Гогохия и др. присоединился к части Красной Армии, сопровождаемой И. Маргания, в районе Ачигвара и вместе с ней занял Гали. Другой отряд, руководимый Г. Джгубурия, Д. Тория, В. Кецбая и А. Корсантия, тоже присоединился к Красной Армии в с. Ачигвара. Третий отряд под командой Я. Хабурзания, А. Ла-

¹²⁹ ЦГАА, ф. 65, д. 260, л. 85.

¹³⁰ ПА Грузфильмала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 420, л. 27.

¹³¹ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1176, лл. 135—143, 146—148, 163—164; ф. 109, д. 514, л. 76.

¹³² Там же, д. 1543, л. 17; д. 1545, лл. 31—34; ф. 109, д. 946, л. 220.

¹³³ ЦГАСА, ф. 192, д. 1176, лл. 163—164; ф. 109, д. 514, л. 78.

¹³⁴ «Правда Грузии», 10 марта 1921 г., № 8.

¹³⁵ «Правда», 9 марта 1921 г., № 52.

башия, Ш. Квеквескири и др. преградил путь бежавшим меньшевикам и разоружил их, а затем в с. Чубурхинджи прервал телеграфную связь с г. Зугдиди, что помогло частям Красной Армии взять в плен большое количество войск противника. Четвертый партизанский отряд под командой И. Топурия и др. соединился с Красной Армией в с. Гагида¹³⁶. Надо особо отметить тот факт, что в рядах красных партизан самоотверженно боролась молодежь, в том числе комсомольцы. Последние в районе с. Охурей чуть было не захватили в плен генерала Артмеладзе, позорно отступавшего под натиском частей Красной Армии¹³⁷. В Гали образовался уездный ревком в составе А. Лабация (председатель), Я. Хабурзания, Ф. Тория, Д. Тория и Р. Гогохия.

Противник занимал позицию на левом берегу р. Ингур. Его окопы тянулись от Рухи до Шамгона. Задачей этой группы войск, в которую входил и отряд белоказаков, было удержаться на линии р. Ингур до прихода подкрепления из Поты и Батума¹³⁸.

9 марта 1 кавалерийский полк с боем форсировал р. Ингур и в 17 часов занял Зугдиди; в 18 часов в Зугдиди вступил и 275 стрелковый полк. Противник в панике бежал в Ахал-Сенаки¹³⁹.

Разложение меньшевистских войск достигло крайнего предела. Солдаты массами переходили на сторону Красной Армии или просто расходились по домам. В различных сводках командования Красной Армии этого периода так и пестрят сообщения о том, что «части противника деморализованы, не желают воевать»¹⁴⁰; солдаты «воевать не желают и разбегаются по домам»¹⁴¹ и т. д. Г. К. Орджоникидзе в эти дни писал: «Меньшевистской армии нет. Она разошлась по домам, а небольшие остатки ее не выдерживают малейшего соприкосновения с наступательным движением Красной Армии»¹⁴².

Обращало на себя внимание также дезертирство из казачьих частей. Так, действовавший в районе Сухума казачий отряд «отказался воевать с Красармией...»¹⁴³ По другим сведениям, еще в феврале по распоряжению меньшевистского правительства казаки генерала Фостикова (500 чел.), нахо-

¹³⁶ ПА Грузфилиала ИМЛ, ф. 93, оп. 2, д. 909, лл. 17—18; «Голос Трудовой Абхазии», 4 марта 1924 г., № 54.

¹³⁷ «Советская Абхазия», 20 июня 1930 г., № 138.

¹³⁸ ЦГАСА, ф. 192 оп. 4, д. 1545, лл. 35—39; д. 1453, лл. 18—19; ф. 109, д. 946, л. 221.

¹³⁹ Там же, ф. 192, оп. 4, д. 1176, лл. 154—156.

¹⁴⁰ Там же, ф. 109, д. 946, л. 221; ф. 192, оп. 4, д. 1453, лл. 18—19.

¹⁴¹ Там же, ф. 192, оп. 4, д. 1543, лл. 11—15, 21—22.

¹⁴² Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, ч. I, стр. 173.

¹⁴³ ЦГАСА, ф. 109, д. 946, л. 220; ф. 192, оп. 4, д. 1541, л. 40; д. 1545, лл. 31—34.

дившиеся в районе Сухума, были отправлены на Гагринский фронт с целью «отражения наступающих Красновойск, но казаки от боевых действий отказались, заявив, что с Красноармией они могут сговориться, не пуская [в] ход оружия...»¹⁴⁴

11 марта был взят г. Ахал-Сенаки и в ночь на 14 марта — Поти. В Ахал-Сенаки, по свидетельству М. Д. Крутикова, с частями IX Красной Армии встретился Г. К. Орджоникидзе. Здесь был устроен митинг «в честь организации грузинских, абхазских войск Красной Армии». Бойцы этой конницы, в бурках, вооруженные кинжалами, дали клятву сражаться за Советскую власть, и «с криками новая конница прямо с митинга бросилась вперед в погоню за буржуазией»¹⁴⁵.

Имея в своем распоряжении незначительные военные силы, главным образом из офицеров, юнкеров и «народоохранителей», меньшевистское правительство остановилось в г. Кутаисе. Однако и этот город 10 марта был занят 98 бригадой XI Армии, совершивший под руководством С. М. Кирова свой знаменитый поход из Владикавказа через считающийся зимою недоступным Мамисонский перевал. В числе освобожденных из кутаисской тюрьмы находились Ч. Ашхараа и другие революционеры, приговоренные к расстрелу.

Последним убежищем грузинских меньшевиков стал Батум. Окончательно обанкротившиеся меньшевистские правители, движущей силой политики которых был страх перед революцией и ненависть к советскому строю, вошли, по указке Антанты, в тайное соглашение с командующим Восточно-анатолийским фронтом генералом Кязым Кара Бекир-пашой на предмет передачи Турции значительной части территории Грузии с г. Батумом. Антанта и меньшевики надеялись спровоцировать столкновение между РСФСР и Турцией. 11 марта 1921 года турецкие войска заняли Батум и его форты.

Однако надежды Антанты и правительства Н. Жордания на войну Турции с Советской Россией не оправдались. Восстание охватило и всю Аджарню. 18 марта 1921 года части XI Красной Армии вошли в Батум. Турецкие войска отступили. Аджария стала советской. Бывшее меньшевистское правительство, находившееся в Батуме (в ночь с 17 на 18 марта) тайно бежало за границу на итальянском пароходе «Ферей-Жозеф-Мирилли», захватив с собой огромное количество награбленного народного имущества.

По определению специальной правительственной комиссии, меньшевики и интервенты только из хранилищ, принад-

¹⁴⁴ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 1538, л. 51.

¹⁴⁵ М. Д. Крутиков. 36 лет тому назад, л. 165.

лежавших различным ведомствам бывшего Министерства просвещения, увезли за границу ценностей на сумму 10 471 770 золотых рублей. Помимо этого, они ограбили в Тифлисе банк, сельскохозяйственный музей, казначейство и т. д.¹⁴⁶. Размеры всего расхищенного имущества не поддаются учету. Только от жителей Аджарии после установления Советской власти в Общество содействия жертвам интервенции поступило более 5 тысяч заявлений об ограблении интервентами¹⁴⁷.

По данным правительственной комиссии, с 28 февраля по 4 марта меньшевики с помощью военного флота Антанты вывезли из Абхазии одного табака высшего сорта около 35 тыс. пудов, стоимостью почти в 175 тыс. фунтов стерлингов. За период же с 1919 года до установления Советской власти меньшевики вывезли из Абхазии в Англию, США, Италию, Турцию, Германию и другие страны 692 600 пудов табака, общей стоимостью в 2 077 800 фунтов стерлингов¹⁴⁸.

Из Гагр, Нового Афона, Сухума и других пунктов Абхазии было вывезено имущество строившейся железной дороги (рельсы, шпалы и пр.), военный лазарет и медикаменты всех аптек, «у многих жителей было реквизировано имущество вплоть до мебели и домашних вещей»¹⁴⁹, были угнаны все пловучие средства — катера, барки, фелюги и т. д.¹⁵⁰ Этот ущерб составлял около 2 213 000 золотых рублей¹⁵¹. Убытки только климатической станции в Гаграх от простоя и грабежа английских войск исчислялись в 160 тыс. рублей; меньшевики в свою очередь ограбили станцию еще на 150 тыс. рублей¹⁵². Из Гагр они вывезли даже динамо электростанции. Была полностью разграблена шелководческая станция, несколько зданий которой в 1919 году занимали английский и меньшевистский гарнизоны. Гагринский питомник ценных культурных растений и насаждения приморского парка вар-

146 Г. В. Хачапуридзе. Борьба Грузинского народа за установление Советской власти, стр. 256, 286—прим. 29.

147 «Заря Востока», 11 августа 1951 г., № 188.

148 ЦГАА, ф. 1, д. 4, л. 286.

149 См. «Результаты интервенции в Грузии». «Заря Востока», 14 мая 1924 г.; «О грабеже населения Абхазии меньшевистскими властями и войсками, конкретные данные, собранные правительственной комиссией». ЦГАА, ф. 1, д. 3 н 4.

150 ЦГАА, ф. 101, д. 326, лл. 248—251.

151 «Заря Востока», 14 мая 1924 г.

152 ЦГАА, ф. 1, д. 4, л. 263; ф. 2, оп. 1, д. 115, л. 4; «Трудовая Абхазия», 25 сентября 1924 г., № 214.

варски были уничтожены. На территории парка англичане устроили пастбище для лошадей. некогда великолепные пруды парка превратились в сплошное болото. Значительный ущерб был нанесен и Гагринскому реальному училищу, превращенному в постой для английских войск¹⁵³. Вывезенное имущество из бывшего дворца принца А. П. Ольденбургского оценивалось в 3 миллиона рублей. В этом были повиивы и англичане, расхитившие драгоценную обстановку, серебряные сервизы, ковры и проч. Было также расхищено имущество гостиниц. Все это было погружено на английский пароход и увезено в Англию¹⁵⁴. Потери Гульрипшского и Агудзерского санаториев превышали 2 140 000 рублей¹⁵⁵.

При отступлении меньшевистские и интервенционистские банды, при активном участии своей местной агентуры, с звериной яростью разрушали народное хозяйство края. В результате обстрела судами Антанты района села Пиленково были сожжены табачные склады, и в огне погибли десятки тысяч пудов табака¹⁵⁶. Интервенты и меньшевистские войска повредили и подорвали все мосты на шоссе между реками Псоу и Ингур. Были разрушены совсем или частично путевые здания, полотно дороги, все пристани — грузовые и пассажирские¹⁵⁷. Кроме того, меньшевистские власти вывезли золото, серебро и ценности Сухумского отделения бывшего Государственного банка, Казначейства и взаимного кредита¹⁵⁸. Общие убытки, причиненные Абхазии за время господства меньшевиков, по далеко неполным подсчетам, определялись в размере свыше 40 миллионов рублей золотом¹⁵⁹.

С победой Советской власти в Грузии, в том числе Абхазии, закончилось освобождение всего Закавказья. Из плацдарма контрреволюции, направленной против Советской России, оно превратилось в надежную опору Советской власти.

---

¹⁵³ Доклад председателя Совнаркома Абхазии Н. А. Лакоба ЦИКу СССР от 27 июля 1923 г. о состоянии и мерах восстановления курорта Гагры. ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 115, лл. 1—4; ЦГАА, ф. 1, д. 3, л. 28; д. 4, лл. 245, 263, 278.

¹⁵⁴ ЦГАА, ф. 1, д. 4, л. 255; «Трудовая Абхазия», 25 сентября 1924 г., № 214.

¹⁵⁵ «Трудовая Абхазия», 25 сентября 1924 г., № 214.

¹⁵⁶ ЦГАА, ф. 1, д. 4, л. 286.

¹⁵⁷ Там же, ф. 26, д. 64, л. 5; ф. 101, д. 5, л. 251.

¹⁵⁸ ЦГАА, ф. 5, д. 17, л. 19.

¹⁵⁹ «Заря Востока», 14 мая 1924 г.

На примере революционных событий в Абхазии, освещенных в настоящей книге, достаточно хорошо видно, что борьба за Советскую власть в Закавказском крае была неразрывной частью борьбы всех народов нашей страны, т. е. победа социалистической революции в Закавказье — это лишь своеобразие победы Великого Октября в этом районе страны¹⁶⁰.

В истории трудящихся Закавказья наступила новая эра — эра национального возрождения и расцвета экономики и культуры в условиях социалистического строя.

---

¹⁶⁰ П. С. Кольцов, П. А. Родионов, С. В. Хармандарян, М. В. Церцвадзе. Из истории коммунистических организаций Закавказья. «Вопросы истории», № 6, 1962.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции знаменовала начало коренных перемен во взаимоотношениях больших и малых народов. Советская власть ликвидировала национальное угнетение и объединила в единый братский союз трудящиеся массы различных национальностей, что обеспечило всем народам нашей страны всемирно-исторические победы.

В. И. Ленин поставил перед коммунистами Кавказа задачу — превратить многонациональный край в «образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе»¹.

Партийные организации Грузии, как и всего Кавказа, повели неустанную борьбу за выполнение мудрых указаний великого Ленина.

28 марта 1921 года совещание членов ревкомов Грузии и Абхазии, состоявшееся в Батуме под председательством Г. К. Орджоникидзе, приняло решение о признании Абхазии Советской Социалистической Республикой. В связи с этим Ревком Абхазии 31 марта 1921 года радиogramмой, подписанной его руководителями Е. А. Эшба, Н. А. Лакоба и Н. Н. Акиртава, сообщил в Москву В. И. Ленину: «Волей трудящихся родилась новая Советская Социалистическая Республика — Абхазия... Советская республика маленького народа служит наглядным примером великой освободительной роли Красной Армии и является новой пощечиной, которую нанесла Великая Октябрьская революция угнетателям малых народов, империалистам всех стран и их лакеям — социал-предателям...»².

В начале апреля 1921 года председатель Ревкома Абхазии Е. А. Эшба по прямому проводу передал В. И. Ленину текст постановления «О структуре Советской власти и Компартии в Абхазии», принятого на указанном совещании³.

21 мая 1921 года Ревком Грузии, исходя из ленинских принципов равноправия народов и провозглашенного Советской властью права народов на самоопределение, опублико-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 295.

² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 740, лл. 9—10.

³ ЦГАА, ф. 38, д. 74, л. 60.

вал «Декларацию о независимости Советской Социалистической Республики Абхазии».

Создание Абхазской республики положило начало строительству национальной государственности абхазского народа.

Абхазская партийная организация с самого начала вела решительную борьбу против всяких националистических элементов, мешавших укреплению дружбы народов, в частности, дружбы между братскими грузинским и абхазским народами, которая упрочивалась и укреплялась с каждым днем.

Как отмечал Г. К. Орджоникидзе, «абхазский народ на своем съезде решает быть вместе с Советской Грузией»⁴. Это был I съезд трудящихся Абхазии, состоявшийся в конце мая 1921 года.

В декабре того же года Абхазия на договорных началах вошла в состав Грузинской ССР. В Союзном договоре подчеркивалось, что трудящихся обеих республик связывает «глубокая общность национальных уз»⁵.

В январе 1922 года состоялась первая легальная областная партийная конференция, на которой был образован Абхазской областной комитет КП(б) Грузии. Первый съезд Советов Абхазии, состоявшийся в феврале 1922 года, избрал Центральный Исполнительный Комитет, председателем которого стал Е. А. Эшба. ЦИК Абхазии создал Совет Народных Комиссаров во главе с Н. А. Лакоба. Это было первое правительство Абхазии, основанное на началах советской демократии.

На III сессии Всегрузинского ЦИКа в Сухуме в июне 1926 года председатель Совнаркома Абхазии Н. А. Лакоба говорил: «Для трудящихся масс Абхазии вопрос раз навсегда стоит так — судьба Абхазии с Грузией едина»⁶.

Созданная по идее В. И. Ленина в декабре 1922 года Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР) явилась живым воплощением нерушимой дружбы народов. 30 декабря 1922 года Абхазия в составе Грузинской ССР через Закавказскую Федерацию вошла в СССР.

24 ноября 1922 года на общем профсоюзном собрании гор. Сухума с докладом об объединении советских республик в Союз ССР выступал Г. К. Орджоникидзе. Была принята резолюция, в которой говорилось: «Общее собрание профорганизаций г. Сухума горячо приветствует идею создания единого мощного Союза Советских Социалистических Республик...»⁷

⁴ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. I, стр. 297.

⁵ «Голос Трудовой Абхазии», 28 декабря 1921 г.

⁶ «Трудовая Абхазия», 19 июня 1926 г.

⁷ «Голос Трудовой Абхазии», 26 ноября 1922 г.

В феврале 1931 года Абхазия вошла в состав Грузинской ССР на правах автономной республики.

Советская власть обеспечила расцвет экономики и культуры Абхазии, подъем благосостояния трудящихся.

В. И. Ленин в письме к коммунистам Кавказа от 14 апреля 1921 года призвал всеми силами развивать производительные силы богатого края, организовать разработку его громадных горных богатств, в том числе Ткварчельских угольных копей⁸.

Великий вождь проявлял живой интерес и к курортному делу в Абхазии. Известный интродуктор субтропических растений и энтузиаст строительства первых санаториев в Абхазии Н. Н. Смецкой писал: «Врач, ...командированный Лениным для осмотра лечебных заведений побережья, осмотрел Агудзеру...»⁹ В мае 1921 года в Абхазию приезжал заместитель Наркома здравоохранения РСФСР З. П. Соловьев. Было заключено соглашение, по которому курорты республики переходили в непосредственное ведение Наркомздрава РСФСР как здравницы общегосударственного значения.

Указания В. И. Ленина вдохновляли трудящихся Абхазии, как и всего советского Кавказа, на строительство новой жизни.

Председатель Ревкома Абхазии Е. А. Эшба на I съезде трудящихся Абхазии 28 мая 1921 года говорил: «Наша политика направляется центром РКП, во главе которой стоит тов. Ленин... В своих письмах к нам тов. Ленин всегда указывает нам на необходимость... бережного и осторожного отношения к крестьянству...»¹⁰ В постановлении объединенного заседания Оргбюро РКП(б) в Абхазии и Ревкома Абхазии от 3 июня 1921 года по докладу Е. А. Эшба подчеркивалось, что «общеполитическая линия Оргбюро и Ревкома Абхазии была до сего времени согласована с положением письма тов. Ленина...»¹¹

Первый съезд Советов Абхазии рассмотрел важнейшие вопросы государственного и хозяйственного строительства в республике и принял конкретные мероприятия по дальнейшему укреплению советского строя.

На основании декрета Ревкома Грузии о земле от 6 апреля 1921 года, в котором указывалось, что вся земля обращается в общее достояние трудящегося народа, проводилась национализация земли. В 1921 году было распределено между крестьянами до 40 тыс. десятин бывших помещичьих

⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 296.

⁹ ЦГАА, ф. 46, д. 14, лл. 92, 94.

¹⁰ Там же, ф. 5, д. 40, лл. 30—32.

¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 105, л. 32.

земель. Сверх того в 1923 году у бывших частных владельцев было отобрано и передано крестьянам 4 288 десятин. Так сбылась вековая мечта крестьянства Абхазии.

Мероприятия партии и правительства за короткий срок обеспечили восстановление народного хозяйства. В 1926 году общая площадь посевов в Абхазии составляла более 43 тысяч десятин против 42,6 тыс. десятин в 1917 году; из них под табак было занято 10 780 десятин против 1 200 десяти в 1920 году.

Значительные перемены произошли и в области промышленности. К 1926 году предприятия республики были восстановлены, а некоторые из них расширены и переоборудованы. Вместе с тем было начато и новое промышленное строительство, в чем большую помощь оказала Советская Россия. Так, в 1924 году по решению ВСНХ СССР в Абхазию было послано оборудование одной табачной фабрики из Ленинграда и двух небольших винокуренно-ректификационных заводов из Смоленска.

Начинается широкое изучение природных ресурсов Абхазии. Изыскательная работа осуществлялась с помощью специалистов Москвы, Тбилиси и других центров страны.

В годы восстановительного периода были достигнуты большие успехи также в строительстве новой социалистической культуры. Прежде всего, была проведена реформа школьного образования. Создается единая трудовая школа с одновременной организацией национальных школ. Количество школ увеличилось с 146 в 1921 году до 273 в 1926 году, а число учащихся возросло с 10 468 до 19 179 человек. Были организованы новые культурные учреждения — клубы, библиотеки, избы-читальни и др., развернулась работа по ликвидации неграмотности населения. В 1922 году было создано Абхазское научное общество, а в 1925 году, по инициативе акад. Н. Я. Марра, — Академия абхазского языка и литературы. Абхазская национальная литература и искусство вступают на путь небывалого своего творческого развития.

Осуществление ленинской национальной политики обеспечило первые успехи в строительстве национальной по форме, социалистической по содержанию культуры абхазского народа.

III съезд Советов Абхазии, состоявшийся в апреле 1925 года, принял Конституцию, в которой нашли отражение глубокие изменения, происшедшие в жизни края.

Последующий этап развития экономики Абхазии был непосредственно связан с реконструкцией народного хозяйства на основе новой техники и социалистического преобразования деревни.

В годы довоенных пятилеток в республике в результате осуществления директив Коммунистической партии были созданы развитая промышленность и многоотраслевое коллективизированное сельское хозяйство, совершилась культурная революция, достигнуты крупные успехи в формировании и становлении национальных кадров рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции.

Валовая продукция государственной промышленности в 1940 году выросла по сравнению с 1928 годом более чем в 65 раз, а промкооперации — в 389 раз. Промышленность Абхазии по валовой продукции в 1940 году превысила уровень 1911 года в 438 раз. В 1940 году в республике уже имелось 147 сравнительно крупных предприятий; удельный вес промышленной продукции в ее народном хозяйстве составлял 36,4 процента против 2,9 процента в 1926 году.

Важнейшую роль в индустриализации Абхазии и развитии ее народного хозяйства сыграло осуществление указания В. И. Ленина о разработке Ткварчельского каменноугольного месторождения. За короткий срок в горах, на местах редких пастушеских стоянок, создан крупный индустриальный центр республики—Ткварчели, где были введены в эксплуатацию несколько угольных шахт, а в 1939 году вступил в строй первый агрегат мощной тепловой электростанции. Кроме того, в республике имелись десятки электростанций: коммунальных, курортных, колхозных. Стоимость продукции электропромышленности и угледобывающей промышленности в 1940 году составляла 17 процентов ко всей промышленной продукции в республике.

До революции в Абхазии не было фактически промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. За годы Советской власти в республике широкое развитие получила пищевая промышленность, предприятия которой в 1940 году дали продукции на 37 623 тыс. руб. Возникла и быстро развивается чайная промышленность. В 1940 году производство чая первичной обработки составляло 1 234,2 тонны. Одной из ведущих отраслей являлась табачная промышленность. В 1940 году ферментационными заводами было переработано 3 602 тонны листового табака. Вступили в эксплуатацию Сухумский рыбзавод, Сухумский и Очамчирский хлебзаводы, Сухумская кондитерская фабрика и другие предприятия пищевой промышленности.

Успешно развивалась и легкая промышленность. В 1929 году продукция лесной промышленности увеличилась в 8 раз по сравнению с 1911 годом. Почти заново были созданы Кодорский, Калдахварский и Гагидский лесопильные заводы, а также другие предприятия деревообрабатывающей промыш-

ленности. Были построены кирпичные заводы в Сухуми и во всех районах Абхазии. В Гудаута возник гвоздильный завод. Предприятия строительных материалов (без лесной промышленности) в 1940 году выпустили продукции почти в 10 раз больше, чем в 1911 году.

Одной из важнейших задач в годы первых пятилеток была ликвидация бездорожья и транспортной разобщенности Абхазии с другими советскими республиками. В 1936 году железная дорога со стороны Тбилиси была доведена до станции Келасури и в 1938 году первый паровоз въехал в Сухуми, а еще в 1933 году была дана в эксплуатацию железнодорожная ветка между Очамчире и Квезаии. Неуклонно развивался морской транспорт. В Сухуми была построена грузопассажирская причальная пристань. Устанавливается регулярное сообщение с портами Черного моря, налаживаются рейсы между городами и курортами Абхазии. Старое Черноморское шоссе было полностью отремонтировано. Были проложены сотни километров новых шоссе и грунтовых дорог. Быстро развивался автотранспорт. Автобусы стали совершать регулярные рейсы между Сухуми и районными центрами и курортами республики. Появились автомашины и на селе. Установилось воздушное сообщение с Москвой, Ленинградом, Тбилиси и другими городами страны.

Сельские советы, совхозы, МТС и большинство колхозов были телефонизированы. Число радиотрансляционных точек в 1940 году увеличилось более чем в 6 раз по сравнению с 1930 годом.

Коренным образом за годы Советской власти изменился облик сельского хозяйства Абхазии. В результате осуществления ленинского кооперативного плана вместо 41 тысячи отсталых, раздробленных и малопродуктивных крестьянских хозяйств была создана социалистическая система хозяйства, состоящая из крупных колхозов и совхозов. В 1940 году обобществленный сектор составлял 93,8 процента. На базе сплошной коллективизации был окончательно ликвидирован класс кулаков и тем самым полностью покончено с капитализмом в деревне. Этот революционный переворот в области экономических и социальных отношений в абхазской деревне был сопряжен с большими трудностями.

Создание крупных коллективных хозяйств позволило поднять культуру земледелия и животноводства, использовать сельскохозяйственную технику. Если в 1930 году в Абхазии было всего 13 тракторов, то в 1940 году их стало 199. Капиталовложения государства в сельское хозяйство Абхазии в 1930 году равнялись 5 809 тыс. руб., а в 1940 году — 30 495 тыс. руб. Заботливо выращивались кадры для сельского хозяй-

ства — агрономы, трактористы, механики и другие специалисты.

Победа колхозного строя привела к коренному изменению структуры сельского хозяйства Абхазии. Были внедрены чай, цитрусовые, тунг, герань и другие ценные культуры, почти неизвестные в дореволюционной абхазской деревне.

Абхазия является основным в стране поставщиком высокоароматных желтых табаков сорта «Самсун», пользующихся мировой славой. В 1940 году площадь посадки табака в республике составляла 11,3 тыс. гектара. Другой ведущей отраслью субтропического сельского хозяйства становится чаеводство. Если в 1926 году под чаем было занято всего лишь 3 гектара, то в 1940 году — 9 098 гектаров. Появились крупные чаеводческие совхозы и колхозы. Широкое распространение получили и цитрусовые культуры. Площади под цитрусовыми насаждениями в 1921 году равнялись 10 гектарам, а в 1940 году — 3 397.

Колхозный строй вывел трудовое крестьянство на путь зажиточной и культурной жизни. Основные фонды колхозов Абхазии в 1940 году составили 10,4 млн. рублей, денежные доходы — 6,8 млн. рублей, а неделимые фонды — 8,0 млн. рублей. В абхазской деревне появилось радио, кино, детские сады и ясли. Новые условия труда выдвинули многих передовиков и организаторов колхозного производства.

На основе неуклонного развития всех отраслей социалистической экономики большие успехи были достигнуты трудящимися Абхазской АССР в повышении народного благосостояния. В республике непрерывно рос товарооборот, расширялась сеть магазинов и предприятий общественного питания. Государство из года в год увеличивало расходы на социально-культурные нужды. В 1940 году они составляли более 70 процентов всего бюджета Абхазской АССР:

Советская власть коренным образом улучшила медицинское обслуживание трудящихся. Расходы на это дело по бюджету республики в 1940 году составляли более 1,7 млн. рублей. Количество больничных учреждений в указанном году увеличилось до 40 против четырех в 1913 году, а количество врачей — до 403.

Были созданы новые санатории и дома отдыха, число которых в 1940 году по сравнению с 1921 годом увеличилось в 16 раз. Проведены крупные работы по благоустройству и озеленению курортов Гагра, Гудаута, Нового Афона, Гульрипш и др. Неузнаваемо изменился облик Сухуми — столицы республики. Он стал одним из наиболее красивых и благоустроенных городов Черноморского побережья.

Население Абхазии с 1926 по 1939 год увеличилось с

201 016 до 311 885 человек. Численность рабочих и служащих за указанное время увеличилась с 11,9 до 39,4 процента.

Бурно развивалось и культурное строительство в Абхазии. Безвозвратно ушли в прошлое бытовавшие ранее здесь феодальные и даже дофеодальные пережитки. Была ликвидирована массовая неграмотность населения, введено всеобщее начальное обучение детей (в 1897 году в Абхазии было только 9,8 процента грамотных). В 1940/41 учебном году в Абхазии обучалось более 64 тыс. человек. С 1928/29 по 1940/41 учебный год число учителей увеличилось с 813 до 2 962 человека. Расходы на просвещение по бюджету республики в 1940 году составляли 4 076,9 тыс. рублей — 49,6 процента общей расходной части бюджета.

В 1932 году в Сухуми был открыт педагогический институт. В 1940/41 учебном году в республике функционировало 15 техникумов и других специальных учебных заведений. Кроме того, часть молодежи Абхазии обучалась в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Тбилиси и других городов страны.

Все эти и другие меры сыграли большую роль в решении проблемы подготовки квалифицированных национальных кадров для культурного фронта, в формировании абхазской советской интеллигенции.

В Абхазии в 1940 году было 9 научных учреждений, которые занимались разработкой хозяйственных и культурных проблем, стоявших перед республикой. Абхазский научно-исследовательский институт, созданный в 1931 году, плодотворно работал в направлении научного изучения многовековой истории абхазского народа, абхазского языка и литературы, производительных сил края.

С каждым годом росла сеть культурно-просветительных учреждений. В 1940 году в Абхазии было 140 клубов, 60 киноустановок, 159 массовых библиотек. Развивалась печать, издательская деятельность.

За годы Советской власти расцвели литература и искусство абхазского народа. Одним из ярких проявлений триумфа ленинской национальной политики являлось, как отмечалось выше, становление абхазской художественной литературы. Ее зарождение и развитие неразрывно связано с именем народного поэта Абхазии Д. И. Гулиа. Большой вклад в абхазскую литературу внесли С. Я. Чанба, Иуа Когония и другие. Писательская организация в Абхазии была создана в 1928 году.

Детищем Советской власти является и наш драматический театр (абхазский профессиональный театр был создан

в 1929 году). Высока творческая активность коллектива Государственного ансамбля песни и танца Абхазии. Широко развернулась художественная самодеятельность. Плодотворно работали хореографы, художники. Успешно развивалась музыкальная культура. В 1929—1930 годах были опубликованы первые нотные сборники абхазских народных песен.

Достижения Советской Абхазии в социалистическом строительстве были высоко оценены. 15 марта 1935 года Абхазская АССР была награждена орденом Ленина.

Председатель ЦИК Абхазии Н. А. Лакоба, в связи с 15-летием Советской власти в Абхазии, особо отметил: «До Советской власти Абхазия страдала от междунациональной вражды, которую сознательно раздували царские приспешники, а позже грузинские меньшевики. Это зло уничтожила Советская власть — в этом огромное достижение партии... Дружно живут и работают трудящиеся Абхазии...»¹²

В августе 1937 года на VIII Чрезвычайном съезде Советов Абхазии была утверждена Конституция Абхазской АССР, отразившая победу социализма в республике. В Конституции подчеркивается, что Абхазская АССР является социалистическим государством рабочих и крестьян. На основе новой Конституции в июне 1938 года были проведены выборы в высший орган государственной власти Абхазии — Верховный Совет Абхазской АССР, на первой сессии которого были образованы органы государственного управления республики. Абхазский народ консолидировался в социалистическую нацию.

Абхазская АССР вместе со всей Советской страной быстро шла по пути дальнейшего подъема всех отраслей народного хозяйства и культуры. Но летом 1941 года был прерван мирный созидательный труд советского народа вероломным нападением фашистской Германии на СССР.

С первых дней Великой Отечественной войны вся жизнь трудящихся Абхазской АССР, как и всего советского народа, была подчинена обслуживанию нужд фронта. Многие тысячи сынов Абхазии ушли на фронт, оставшиеся в тылу самоотверженно трудились.

Летом 1942 года немецко-фашистским захватчикам удалось прорваться на Северный Кавказ, а отдельным их отрядам вклиниться на территорию Советской Абхазии через Клухорский и Санчарский перевалы. Они овладели селом Псху, бомбили Сухуми и другие города и промышленные объекты.

---

¹² Н. Лакоба. 15 лет Советской Абхазии. «Советская Абхазия», 4 марта 1936 года.

В результате успешного наступления советских войск в конце сентября 1942 года фашисты были отброшены. Вскоре враг бежал с Кавказа. В героической обороне Кавказа население Абхазии приняло самое деятельное участие.

Трудящиеся республики регулярно направляли пополнение в Советскую Армию. Они уделяли большое внимание организации производства вооружения, боеприпасов, обмундирования, продовольствия, всемерному укреплению тыла. Население создавало истребительные батальоны, уничтожая воздушные десанты противника и активно участвуя в боях на перевалах. На оборонительных укреплениях ежедневно работало до 8 тысяч человек, тысячи колхозников доставляли воинским частям и истребительным батальонам, стоявшим на перевалах, продовольствие, боеприпасы и обмундирование.

В период войны трудящиеся нашей страны проявили свою преданность Родине не только подъёмом производительности труда во всех областях деятельности, но и организацией и осуществлением многообразных форм добровольной помощи фронту материальными и денежными ресурсами.

Самоотверженный труд рабочих, колхозников и интеллигенции Абхазии, их активная помощь фронту получили высокую оценку. Большое число передовых людей республики было награждено орденами и медалями Советского Союза. Медали «За оборону Кавказа» было удостоено 8776 человек, а медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» — 32 102 человека.

Славные сыны Абхазии мужественно сражались на всех фронтах Отечественной войны. Республика дала 19 Героев Советского Союза, среди которых — бесстрашный артиллерист В. Харазия, павший смертью храбрых в мае 1942 года, М. Кантария, который вместе с М. Егоровым водрузил советское Знамя Победы над рейхстагом. Воин Владимир Пачулиа повторил подвиг Александра Матросова. Ради победы над врагом геройски пожертвовал собой партизан Хынтругу Мхонджия («Иван-абхаз»). И многие другие посланцы Абхазии совершили незабываемые подвиги в борьбе за честь и независимость социалистической Родины.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны трудящиеся Абхазии включились в созидательную работу по ликвидации последствий войны, осуществлению послевоенных пятилеток.

Довоенный уровень производства был превзойден промышленностью Абхазии уже в 1947 году. Четвертый пятилетний план республика выполнила к 1 ноября 1950 года. Выпуск валовой продукции за пятилетие увеличился на 112,4 процента.

Серьезные успехи были достигнуты в развитии угольной промышленности. В 1950 году добыча угля достигла 782,1 тыс. тонн, превысив уровень 1940 года более чем в 3,4 раза. В 1960 году шахтеры Ткварчели добыли 1 209 тыс. тонн топлива. За 25 лет ткварчельцы дали Родине около 18 млн. тонн угля.

Замечательны были достижения в развитии энергетики. В 1946 году вошла в строй вторая очередь Ткварчельской ГРЭС, являющейся самой мощной теплоэлектростанцией в Грузии, а в 1948 году — Сухумская ГЭС. Затем были сооружены Бagnarская, Моквинская, Дурипшская, Джирхвинская и многие другие гидроэлектростанции. Широкий размах получило строительство небольших межколхозных ГЭС. По сравнению с 1913 годом выработка электроэнергии в Абхазии возросла в несколько сот раз, а против 1940 года — в 5,5 раза.

Быстро развивается пищевая промышленность. К 1963 году в Абхазии стало 10 чайных фабрик, 4 табачно-ферментационных завода, табачная и кондитерская фабрики, заводы по производству вин, фруктовых консервов и натуральных соков, эфирных масел, тунгового масла и другие предприятия. За последние годы вошли в строй новые хлебозаводы и рыбокомбинат в Сухуми, консервный завод в Гантиади, рыбозавод в Гагра, мясокомбинаты, молочные заводы, крупные холодильники.

Успешно развивается легкая промышленность, возрастает выпуск обуви, строительных материалов, на новой технической базе увеличивают производство продукции лесная, мебельная и другие отрасли промышленности. В Абхазии в настоящее время производится кирпича, например, почти столько, сколько во всей дореволюционной Грузии.

Объем промышленной продукции в Абхазии за годы Советской власти вырос по сравнению с дореволюционным уровнем в несколько тысяч раз, против же уровня 1940 года промышленное производство увеличилось в 1960 году в 3,3 раза, а число промышленных рабочих — в 2,1 раза.

Широкое развитие получили транспорт и связь. Всю территорию республики прорезала электрифицированная железнодорожная магистраль (строительство дороги на участке Сухуми—Адлер было в основном завершено в 1942—1945 годах). Построены новые железнодорожные вокзалы почти во всех городах Абхазии. Во много раз увеличилась протяженность благоустроенных шоссейных дорог, увеличился автомобильный парк, введены новые автобусные маршруты. С каждым годом возрастает объем перевозок грузов и пассажиров воздушным транспортом. Высоки темпы развития и морского транспорта.

Города и большая часть сел Абхазии телефонизированы и радиофицированы. В последние годы в Сухуми сооружены радиовещательная станция, ведущая передачи на абхазском, грузинском и русском языках, телевизионная ретрансляционная станция, крупная АТС.

В Абхазии выросли опытные квалифицированные кадры рабочего класса, инженерно-технической интеллигенции.

Мероприятия партии и правительства и самоотверженный труд колхозного крестьянства обеспечили быстрое восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства. В 1947 году был превзойден довоенный уровень сельскохозяйственного производства.

Важнейшим этапом в развитии сельского хозяйства Советской страны стали годы, прошедшие после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Были проведены мероприятия по организованному укреплению колхозов и совхозов, расширена материально-техническая база земледелия и животноводства. Эти и другие меры обеспечили подъем сельского хозяйства Абхазии.

Особенно серьезные качественные улучшения произошли в чаеводстве — ведущей отрасли субтропического сельского хозяйства республики. Если в 1916 году чаем в Абхазии было занято менее одного гектара, то в 1962 году — 10487 гектаров. В 1962 году колхозы и совхозы Абхазии продали государству 26 028 тонн сортового зеленого чайного листа.

В годы послевоенных пятилеток дальнейшее развитие получило и табаководство. Например, в 1957 году было заготовлено 9 397 тонн табака, т. е. почти в два раза больше, чем в 1940 году.

Из года в год увеличиваются сборы цитрусовых плодов: мандаринов, апельсинов и лимонов. Ликвидируя последствия значительного урона, нанесенного цитрусовым культурам в морозные зимы 1950 и 1953 годов, цитрусоводы Абхазии с помощью научных учреждений ведут работу по повышению морозостойкости растений, восстановлению погибших плантаций. В 1961 году Абхазия дала стране 3 782,6 тонн мандаринов, т. е. в 2,4 раза больше, чем в 1940 году, 1 069,5 тонн апельсинов — в 16 раз больше 1940 года.

В Абхазии с каждым годом расширяются насаждения субтропической хурмы, фейхоа, благородного лавра и других многолетних субтропических и технических культур, увеличивается производство фруктов.

Важное место в экономике сельского хозяйства занимает шелководство. В 1961 году было сдано государству 400,2 тонны коконов тутового шелкопряда, т. е. почти в 13 раз больше, чем в 1924 году. Достигнуто также некоторое увеличение производства продуктов животноводства.

Перестройка колхозного производства на основе решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС положительно сказалась и на развитии зернового хозяйства. В 1962 году было получено 27 100 тонн зерна кукурузы, вместо 16 200 тонн в 1953 году.

На основе роста общественного хозяйства неуклонно повышаются доходы колхозов Абхазии, увеличиваются их неделимые фонды. Денежный доход колхозов в 1958 году достиг 40,5 млн. рублей вместо 6,8 млн. в 1940 году, а в 1962 году — 30,5 млн. рублей. Неделимый фонд колхозов в 1960 году составлял 47,1 млн. рублей — в 6 раз больше по сравнению с 1940 годом. Более 90 процентов доходов колхозы получают от выращивания чая, табака и цитрусовых культур.

В колхозной деревне стало больше сооружений производственного и культурно-бытового назначения. В 1961 году их стоимость составляла 2 775 тыс. рублей.

Результаты успехов в развитии народного хозяйства, достигнутых в годы послевоенных пятилеток, — быстрый рост материального благосостояния и культурного уровня трудящихся Абхазии.

Ярким выражением заботы партии и правительства об улучшении условий жизни советских людей является нарастающей с каждым годом размах жилищного строительства.

Все более красивыми и благоустроенными становятся наши города. Улучшается коммунальное обслуживание городского населения, введены в эксплуатацию новые магистрали водопровода, канализации, линии электросети. Много нового появилось и в облике наших колхозных сел.

В Абхазии развернута широкая сеть медицинских учреждений. Население республики обслуживают 71 стационарное лечебное учреждение на 3 260 коек, 1 118 врачей и 3 092 человека среднего медицинского персонала. В Абхазской АССР один врач приходится на 381 человека, один средний медицинский работник — на 138 человек. Подобных высоких показателей обеспеченности населения медицинскими кадрами не знает ни одна страна в мире. Даже в самой высокоразвитой капиталистической стране — США один врач приходится на 833 человека, в Турции — на 3 703, в Иране — на 5 555, Пакистане — на 14 280. Если в 1940 году расходы на здравоохранение по местному бюджету составляли 1,7 млн. рублей, то в 1963 году предусмотрено 8 355,5 тыс. рублей.

Дальнейшее развитие получили и курорты. В Абхазской АССР, в этой здравнице Советского Союза, насчитывается более 60 санаториев, домов отдыха, пансионатов и туристских баз. На базе целебных минеральных источников возникли новые здравницы на высокогорном курорте Ауадхара,

Ткварчели и около Сухуми. В результате подъема жизненного уровня трудящихся и развития народного здравоохранения произошло резкое сокращение смертности. Значительно увеличился естественный прирост населения. Полностью ликвидирована малярия, достигнуты серьезные успехи и в борьбе с другими заболеваниями.

Вместе с бурным развитием всех отраслей народного хозяйства расцветает культура трудящихся Абхазии. Принятые ЦК КПСС и ЦК Компартии Грузии меры по ликвидации имевших место искривлений ленинской национальной политики создали все условия для дальнейшего роста и развития культуры абхазского народа.

Исключительно велики достижения республики в области просвещения. Создана широкая школьная сеть. В Абхазии насчитывается около 480 общеобразовательных школ, в которых обучается свыше 84,2 тыс. человек. В 1962 году окончили среднюю школу и получили аттестат зрелости 1900 человек. В Абхазии имеется два вуза — педагогический институт и институт субтропического хозяйства, в которых обучается 6,4 тыс. человек. Высшие и средние специальные учебные заведения выпустили только в 1962 году 878 молодых специалистов, из них с высшим образованием — 564 человека.

Одним из выдающихся завоеваний Советской Абхазии является подлинный расцвет научной мысли. Число научных учреждений достигло 11, в них к началу 1963 года работало свыше 210 человек, в том числе около 90 докторов и кандидатов наук.

В системе Министерства культуры Абхазской АССР в 1962 году насчитывалось 116 библиотек и клубных учреждений. К концу года имелось 125 киноустановок. В Сухумском государственном театре в творческом содружестве работают абхазский и грузинский коллективы. На сцене театра ставятся произведения русской, грузинской и зарубежной классической драматургии, пьесы абхазских, грузинских, русских и других советских авторов. Успешно работают также Абхазская государственная филармония, Ансамбль песни и танца Абхазии, Дом народного творчества, эстрадный оркестр и другие творческие коллективы. Имеется Абхазский государственный музей. Развивается музыкальная культура. Плодотворно работают музыкальные школы и Сухумское музыкальное училище. Серьезных успехов добилось изобразительное искусство.

Под животворными лучами ленинской национальной политики расцветает абхазская литература, лучшие произведения которой известны трудящимся всей Советской страны и за рубежом. Она развивается в тесном содружестве с брат-

скими литературами советских народов, прежде всего русской и грузинской. В 1958 году в Москве вышла антология абхазской поэзии, а в 1957 году в Тбилиси — антология абхазской поэзии и прозы. Союз писателей Абхазии объединяет около 50 литераторов. Их творчество отражает жизнь и героический труд наших современников.

С каждым годом в республике увеличивается количество выпускаемых книг и брошюр. С 1921 по 1962 год выпуск книг в Абхазии возрос с 2,5 тыс. до 219 тыс. экземпляров. На абхазском языке издаются газеты, журналы, труды классиков марксизма-ленинизма, произведения абхазской, грузинской, русской и зарубежной литературы. В Сухуми выходят областные газеты «Апсны кашш», «Сабчота Абхазети» и «Советская Абхазия», литературно-художественный и общественно-политический журнал «Алашара» («Свет») и детский иллюстративный журнал «Амцабз» («Пламя»).

Ярким свидетельством мощного подъема социалистической культуры в Советской Абхазии явилась состоявшаяся в 1957 году в городе Тбилиси Декада абхазского искусства и литературы, прошедшая с успехом в обстановке дружбы и братства абхазского и грузинского народов.

О больших масштабах хозяйственного и культурного строительства свидетельствует рост бюджета Абхазской АССР. В 1940 году бюджет республики составлял 8,4 миллиона рублей, а на 1963 год он определен в сумме 29 095,3 тыс. рублей.

Таким образом, в настоящее время Абхазия представляет собой важный экономический район Советского Союза, социалистическую республику, далеко шагнувшую вперед в своем хозяйственном и культурном развитии.

По мере создания материально-технической базы коммунизма увеличится мощь экономики и еще ярче расцветет культура всех народов и национальностей Советского Союза.

Основные задачи и главные направления дальнейшего развития народного хозяйства Абхазии определены в соответствии с конкретными цифрами семилетнего плана и Программой развернутого строительства коммунистического общества, намеченной XXII съездом КПСС.

Объем капиталовложений в народное хозяйство Абхазской АССР за семилетие составит 97 млн. рублей. Выпуск промышленной продукции в 1965 году достигнет 153 млн. рублей — в 1,3 раза больше, чем в 1958 году.

Возрастет добыча угля, выработка электроэнергии, производство различных пищевых продуктов, обуви, мебели, строительных материалов и др.; будет сдана в эксплуатацию уникальная в стране шахта в комплексе с подземной гидроэлектростанцией в Ткварчели, завод по производству прибо-

ров для пищевой промышленности в Сухуми, развернется строительство энергетических объектов на Ингури, Кодоре и других реках, что обеспечит быстрые темпы электрификации всех отраслей народного хозяйства республики. Намечена промышленная разработка крупных запасов барита в Очамчирском и Гудаутском районах. С вводом в эксплуатацию Пицкварского баритного рудника создается новая отрасль горнодобывающей промышленности. Дальнейшее развитие получат все виды транспорта и связи.

Перед колхозами и совхозами республики ставятся большие задачи по дальнейшему подъему сельскохозяйственного производства. В широких масштабах будут развиваться ценные субтропические и технические культуры. Сбор чайного листа в семилетии достигнет 174 360 тонн — на 39 500 тонн больше, чем за семь предыдущих лет. В 1965 году государство получит 9200 тонн табачного сырья — на 1000 тонн больше, чем в 1958 году. Сбор мандаринов достигнет 6030 тонн — в 2,2 раза больше, чем в 1958 году. Вдвое увеличится сбор лимонов и апельсинов. В 1965 году будет произведено до 2000 тонн эфиромасличного сырья, а заготовка винограда возрастет с 2864 тонн в 1958 году до 7850 тонн в 1965 году. Большие задачи стоят перед сельским хозяйством Абхазии в деле подъема зернового хозяйства. В области животноводства произойдут качественные изменения.

В семилетии еще выше поднимется благосостояние советских людей. Увеличится объем государственной и кооперативной торговли. Большое внимание уделяется питанию населения, производству промышленных товаров. Особое место будет занимать жилищное строительство. Предусмотрены крупные мероприятия по развитию коммунального хозяйства в городах и других населенных пунктах, благоустройство которых существенно улучшится.

Улучшится медицинское обслуживание населения. Дальнейшее развитие получит курортное строительство. К 1965 году, по сравнению с 1958 годом, число коек в санаториях увеличится на 18,5 проц., в домах отдыха — на 21,1 проц., в пансионатах — на 12,5 процента. По инициативе ЦК КПСС и лично Н. С. Хрущева создается крупнейший народный курорт в Пицунде (Гудаутский район), с одновременной пропускной способностью до 10 тысяч человек.

Предусмотрены важные меры по дальнейшему росту культурного уровня трудящихся. Значительно расширится заочное и вечернее высшее и среднее специальное образование. Число учащихся в школах увеличится за семь лет более, чем на 7 тысяч человек. Предусмотрено расширение сети культурно-просветительных учреждений.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР в своем приветствии в связи с 40-летием Абхазской АССР писали:

«Победа Советской власти открыла перед Абхазией богатейшие перспективы. За прошедшие четыре десятилетия трудящиеся Абхазии в тесном единстве с другими народами Грузии, при братской помощи всех народов нашей страны совершили глубокие социально-экономические преобразования, добились больших успехов в развитии народного хозяйства, науки и культуры.

Эти исторические завоевания, достигнутые под руководством Коммунистической партии, являются ярким свидетельством великих преимуществ социалистического строя, жизненной силы ленинской национальной политики, обеспечивающих быстрый и неуклонный подъем всех народов нашей многонациональной Родины.

Абхазская республика имеет неисчерпаемые возможности для дальнейшего развития всех отраслей ее народного хозяйства, повышения производства citrusовых культур, винограда, различных фруктов, табака, чая, для развития замечательных курортов этой всесоюзной здравницы. Использование этих возможностей должно стать боевым делом коммунистов и всех трудящихся Абхазии»¹³.

Замечательные успехи и перспективы хозяйственного и культурного строительства и подъема материального благосостояния трудящихся Абхазской АССР — яркий пример результатов осуществления ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза.

Исторические решения XXII съезда КПСС вновь подтвердили неизбежность принципа ленинской национальной политики о том, что только социализм и коммунизм могут обеспечить подлинное всестороннее развитие народов.

---

¹³ «Правда», 4 марта 1961 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абашидзе В. Г. — 12, 236
 Абухба М. Г. — 161, 166
 Абхазава Б. Х. — 131, 139
 Авидзба К. О. — 313
 Авидзба М. — 124, 197
 Агрба В. А. — 109, 130, 137, 143, 181, 185, 186, 192, 215, 216, 277, 307, 313—314, 318, 319, 321, 322
 Агрба Б. Ч. — 65, 82, 169, 184
 Агрба Д. П. — 39, 77, 312, 313, 317, 321
 Агрба З. С. — 358
 Агрба М. — 241
 Агнишвили (Агниева) П. С. — 163, 169, 202
 Аджинжал И. А. — 171
 Адлейба В. Г. — 148, 161
 Акиртава Н. Н. — 236—238, 304, 311, 319, 320, 349, 350, 355—357, 360, 364—366, 371, 379
 Акушба Х. — 313
 Алания Д. И. — 231, 234, 264, 270, 271, 293, 303, 305, 323, 342
 Аласания К. Г. — 84
 Алексеев М. В., генерал — 199—201, 205
 Алоизи И. М. — 56, 61
 Алферов С. А. — 51, 106
 Амираджиби, генерал — 199
 Амичба М. — 241
 Амчиславский М. — 84
 Ананов Л. К. — 263
 Анджапаридзе Г. — 199, 200
 Анджиевский Г. Г. — 245, 248, 257, 258, 262
 Анкваб Д. — 169
 Антонов (Донской) Я. — 137, 163, 181, 184, 188, 189
 Анчабадзе П. — 34
 Апба К. З. — 138, 143
 Аршба А. — 50
 Артмеладзе, генерал — 269, 374
 Аскурава Ш. М. — 162, 169, 171
 Асланикашвили — 316
 Атарбеков Г. А. — 81, 122, 131, 132, 140, 143, 152, 166, 181, 188, 262, 344
 Ахалая М. Б. — 321
 Ачба Ж. — 56
 Ашхараа Ч. Х. — 135, 301, 313—316, 321, 344, 375
 Ашхацава С. М. — 52, 55, 56
 Базба Д. — 271
 Бадия С. — 124
 Багателия Д. З. — 64, 262
 Бакрадзе И. — 80
 Балашов — 26
 Баркалая — 267
 Баркалая А. — 148
 Барцци К. И. — 136, 274
 Басария С. П. — 51, 91
 Бах А. — 14
 Бахтадзе В. С. — 131, 163, 171, 181, 184, 237
 Бахтадзе Н. И. — 12, 131, 143, 145, 163, 262, 274, 277
 Бгажба Т. Я. — 111, 372
 Бганба С. — 206
 Бебель А. — 17
 Беляков А. — 235—237
 Бендукидзе А. С. — 84, 135
 Бения З. Н. — 236, 237, 271, 329, 358, 359
 Бения М. — 135, 301
 Берая Л. И. — 169, 170
 Бжассо А. — 315
 Бибнейшвили В. — 157, 163
 Бибин-оглы Р. — 188, 261
 Бигвава П. С. — 86, 110, 196, 197, 236, 321, 322
 Бигвава Б. — 269
 Бич — 253, 254, 256
 Блохин П. — 190
 Бобринский, граф — 100
 Божков А. — 305
 Бокучава Н. Я. — 50, 169, 239, 240, 262, 310
 Борисенко Н. — 245
 Брингс — 254
 Буачидзе Н. — 262
 Булна М. — 271
 Бураковский И. — 138
 Бурневич, генерал — 336
 Буряков С. — 247
 Бутба М., профессор — 326
 Бутков Н. И. — 273

- Вардан (Вардания) Д. Я. — 203
 Вардания И. Д. — 109, 132, 137, 138,
 192, 214, 236, 358, 364, 370
 Вардания Е. Д. — 241
 Веселов — 346
 Вехиб-паша — 206
 Виноградов В. — 64
 Вишневский В. П. — 19
 Волков (Нико Верди, Куценко) Н. Н.
 — 311—313, 316, 318, 321, 344
 Волховский Б. П. — 239, 240, 308—310,
 337, 347, 359, 360, 370
 Волховская О. П. — 239
 Воробьев — 200
 Воронович Н. В. — 164, 182, 185, 276,
 336
 Войцехович — 64
 Врангель П. Н., генерал — 332—334,
 336, 345
 Выгрианов И. М. — 236, 276, 277, 304,
 311, 317, 321, 322

 Габаев — 348
 Габлая А. Д. — 84, 373
 Габраа Т. — 48
 Габуния А. — 239, 305, 309, 310, 317
 Габуния М. — 239
 Гавриленко А. — 365
 Галавков В. — 305
 Гамисония К. — 132, 241
 Гамисония М. — 169
 Ганюшкин Г. — 191
 Гарцкия В. Х. — 51
 Гварамия В. — 321, 371
 Гегелия П. А. — 91, 151, 159, 304
 Гегечкори А. А. — 262, 349
 Гегечкори Е. П. — 89, 200, 204,
 205, 269
 Гедёванов, полковник — 250, 269
 Гейман, генерал — 198
 Глонти С. — 207
 Гобечия В. П. — 39
 Гобечия М. Г. — 82, 109, 118, 192, 215,
 322, 358, 359, 364, 366
 Гогия В. А. — 130, 132, 133, 161
 Гоголейшвили В. — 309
 Гогохия К. — 373
 Гогохия Р. Б. — 374
 Горин — 358
 Горький А. М. — 158, 246
 Грачев — 77
 Григолия Л. Р. — 189
 Григориади — 212
 Грудачев П. А. — 122—124
 Губаз Киагуса — 262
 Губели С. — 162, 262
 Гулиа Д. И. — 5, 51, 271—273, 295

 Гумба В. — 212
 Гумба-Рашит — 65
 Гуниа В. — 56

 Давиташвили (Давидов) М. — 18
 Дадияни Ш. Н. — 56
 Дамения Е. К. — 81, 132, 140, 143, 169,
 181, 238, 262, 265, 270, 311, 339,
 347
 Дарсания Д. — 273
 Девдериани Г. — 310
 Демьян Бедный — 158
 Демьянов А. А. — 251, 252
 Дамения Е. К. — 81, 116, 132, 140, 143,
 169, 181, 238, 262, 265, 270, 311,
 339, 347.
 Джавахия И. П. — 240, 310, 321
 Джанашия Н. С. — 23, 24, 55
 Джанашия П. — 276
 Джапаридзе А. — 35
 Джафаров М. — 74
 Джгубуря Г. Г. — 361, 373
 Джибладзе Г. А. — 313, 314, 316, 329
 Джикирба М. К. — 329
 Джикирба Х. Д. — 329
 Джикия Е. — 361
 Джикия Т. — 122
 Джонджуа П. Х. — 195
 Джугели В. — 84, 91, 168—171, 173,
 175, 177, 195, 196, 204, 209, 211,
 212, 290, 299, 302
 Дзария (Дзидзария) А. А. — 203
 Дзержинский Ф. Е. — 347, 353, 357
 Дзигуа П. Е. — 110, 127, 133, 142, 168,
 193, 196, 202
 Дзидзария Г. Ф. — 241
 Дзидзария К. Ф. — 51, 271
 Дзкуя Д. — 203
 Дирсен А. А. — 72
 Добровольская М. В. — 309
 Добровольский В. З. — 15, 54
 Долидзе А. Г. — 14, 38, 130, 132, 133,
 160, 311
 Долидзе С. — 316
 Долинский В. Н. — 61
 Дорофеев — 371
 Доценко Н. — 70
 Дробышев, полковник — 336
 Дундуа, капитан — 168, 169
 Дюмениль, адмирал — 337, 356

 Евреинов Н. Н. — 273
 Егоров М. — 388
 Езугбая Б. — 34
 Елкин Н. И. — 17
 Есванджия В. — 38
 Ефимов — 64

- Жвания И. Е. — 13, 18, 36, 161 235.
 238, 265, 270, 311, 347, 348, 369.
 371
 Желудков — 115, 245
 Жордания Н. Н. — 113, 126, 178, 198.
 199, 204, 252, 255, 276, 350, 355.
 362, 363, 367, 375
 Жоржолани Б. — 197, 275
 Жос П. — 145
 Жуков — 258

 Захаров Д. В. — 38, 61, 63, 68, 69, 71.
 78, 121, 122, 126, 140
 Захаров И. Б. — 61
 Зайдшер А. М. — 245, 270, 271.
 300, 369
 Засыпкин Ф. А., генерал — 20, 40, 43
 Званбая А. — 184
 Зведелава А. — 197
 Зейтуния А. Г. — 143, 151
 Зернскоу, граф — 133
 Зимин В. — 275, 312
 Золотарев, генерал — 133

 Иванов (Богданов) В. Г. — 12, 69, 80.
 245, 247, 257, 299, 300, 304, 337, 369
 Иваноц (Иванишвили) В. И. — 130,
 153, 202
 Ивняцкий Л. 277, 347, 353
 Имедадзе В. — 343
 Инал-ипа К. П. — 136, 138, 139, 143.
 144, 171, 175, 180, 261, 315, 329

 Кавтарадзе С. — 305
 Кантария М. — 388
 Карагодская М. И. — 346—348, 359
 Кагоров С. — 42
 Какучая А. — 157
 Каландарашвили В. — 69
 Каландарашвили Л. — 311
 Калинин М. И. — 370
 Каландия И. С. — 361
 Каландия М. — 131
 Камаев Ф. — 115
 Камлия А. — 364
 Камлия Абзагу — 65
 Камо (С. А. Тер-Петросян) — 237
 Канделаки К. П. — 281
 Капба С. Я. — 111, 124, 361, 372
 Капель Ели — 19, 20
 Капланов Рашид-хан — 92
 Каплунов А. — 317
 Карасев К. — 303
 Кардава С. К. — 131, 139, 140,
 144, 159
 Карпинский В. А. — 317
 Картозия Л. — 86, 125, 136, 204, 215,
 324

 Каутский К. — 338
 Качия Б. А. — 50
 Качарава Е. — 203
 Каштанов В. — 312, 316
 Кварацхелия Т. К. — 54
 Квашилава М. И. — 371
 Квеквесири П. — 240
 Квеквесири Ш. — 373
 Квирквелия В. М. — 135, 163, 169, 182,
 349
 Квятко А. И. — 80, 310
 Келбакиани Д. — 43, 63
 Керенский А. Ф. — 62
 Керселян Х. А. — 139, 144, 187, 204
 Кецбая В. К. — 142, 361, 373
 Киасов И. Д. — 291
 Кизильбеков Гирей — 87
 Киров С. М. — 262, 270, 307, 319, 337,
 339, 342, 346, 351, 375
 Кирса П. Ф. — 239, 241, 304,
 308, 360
 Киут Киагуа — 208
 Кобанцов П. Д. — 81, 115, 245, 305
 Кобахия А. — 240, 272
 Кобахия Е. А. — 111
 Кобахия Д. К. — 51, 64—66, 82,
 107—109
 Кобахия К. Г. — 193
 Кобахия Н. — 321
 Когония И. А. — 243, 386
 Козлов В. М. — 32, 54
 Козловский П. — 82, 83, 137
 Кокая Ю. — 320
 Кокоскерия Н. И. — 118, 119
 Койлю М. — 304
 Колбая Д. Г. — 193
 Конджария В. З. — 82, 138, 191
 Конджария Ш. — 312
 Кореньков К. — 105, 137, 182
 Королев Г. — 244—246
 Кортава Б. К. — 193, 361
 Коруа Ш. С. — 188, 368
 Кониев, генерал — 169, 190, 196, 204
 Корсантия А. Б. — 193, 361, 373
 Коцев Пшемахо — 92
 Кочергии, генерал — 133
 Криволапов И. — 135
 Криштоф (Петров) Г. — 237, 265,
 300, 371

 Кремлянский — 245
 Кропоткин П. А. — 14
 Крутиков М. Д. — 367, 370, 375
 Крыжановский Д. А. — 308
 Кукба А. У. — 82
 Купуня, поручик — 203
 Куридзе А. — 285, 316, 322, 357
 Кутелия А. — 238
 Кухалейшвили М. И. — 130, 153, 202

- Кухалейшвили С. И. — 12, 15, 16, 36, 37, 68, 80, 81, 86, 122, 124, 130, 132, 133, 140, 143, 145, 148, 180, 181, 236—238, 262, 265, 274, 298—300, 304, 311, 317, 321, 322
- Лабахуа З. Г. — 193, 196, 207, 361
 Лабия Р. К. — 364
 Лабашия А. А. — 361, 373, 374
 Ладария В. К. — 364
 Ладария П. А. — 151
 Лакербай В. — 241
 Лакербай К. Ш. — 34
 Лакербай М. А. — 273
 Лакербая В. — 61, 63, 64, 86, 125
 Лакрба Мурзакан — 64, 66, 77
 Лакоба В. Д. — 117, 118, 138, 139, 169, 174, 175, 188, 191, 359
 Лакоба Д. — 203
 Лакоба М. А. — 315, 329
 Лакоба Муса — 212
 Лакоба Н. А. — 15, 38, 63, 65—67, 77, 79, 81—83, 86, 91, 93, 94, 109, 118, 119, 127—133, 135—138, 143, 145, 152, 162, 166, 167, 176, 181, 184, 186, 191, 212, 236—238, 261, 270, 271, 274, 304, 313—316, 320, 329, 344, 345, 349, 355, 379, 380, 387.
 Лассаль Ф. — 17
 Ленин В. И. — 11, 14, 18, 35, 37, 39, 44, 57, 78, 145, 160, 166, 172, 174, 179, 198, 200, 246, 256, 295, 314, 337, 345, 346, 349, 355, 370, 379, 380, 381, 383
 Лемберг (Гегель) Г. — 298, 304, 305
 Лежава П. И. — 157, 163
 Леонтович Н. — 364
 Лизагубова М. — 317
 Липартия Т. — 269, 270
 Логуа А. С. — 67, 207
 Ллойд Джордж — 329
 Лолуа Д. — 56
 Ломая А. К. — 130, 153, 171, 174, 184, 202
 Ломтадзе А. — 303
 Лорткипанидзе И. Н. — 248, 363
 Лопатин Г. А. — 70
 Лопатин П. Ф. — 47
 Лукин А. — 364
 Лядов М. — 13
 Ляк А. — 346, 347, 359, 360, 364
 Ляхов, генерал — 313, 328, 329
 Любарский — 74
 Людендорф Э. — 179
 Магалов, генерал — 256
 Мазниев Г., генерал — 186—188, 190, 191, 198—200, 206, 208—211
 Макаров К. Н. — 13, 37, 38, 80, 81, 115, 141, 143, 245, 304, 317, 321, 322
 Мамулия Ю. — 135
 Мамацев Заурбек — 364
 Мамацев К. — 67
 Маргания А. — 241
 Маргания Д. Т. — 51
 Маргания Д. — 108, 109
 Маргания И. Д. — 217, 234, 270, 305, 324, 327, 342, 372
 Маргания Мехтатбей — 206
 Маргания Я. — 193, 196, 197
 Маркович В. В. — 53, 54
 Маркс К. — 17
 Марр Н. Я., академик — 54, 382
 Мартов Л. — 13, 16, 44
 Маршания Д. — 88, 169
 Маршания Джамалбек, полковник — 206
 Маршания Таташ — 61, 67, 169, 205 — 207, 250, 335
 Маршания Титш — 90
 Матарадзе Н. И. — 110, 197, 236, 240, 310, 321, 361, 372
 Матросов А. — 388
 Махарадзе Ф. Е. — 35, 37, 211, 307, 339, 349, 366
 Мачавариани К. Д. — 54
 Мачавариани, генерал — 333, 366
 Мгеладзе А. Л. — 12, 38, 130, 132, 235, 238, 245, 257, 262, 265, 270, 317
 Медзмаришвили Д. К. — 223
 Меладзе К. Л. — 11, 16, 81, 114
 Меликянц Т. — 310
 Мельников П. — 237
 Мельникова Д. — 304
 Месхи И. — 326
 Месхишвили Л. — 56
 Меунаргия П. — 163
 Миканба М. Х. — 135, 185, 237, 245, 247, 271, 300, 301
 Микая Н. — 307
 Микоян А. И. — 339
 Мильн — 251
 Минсянц О. — 310
 Мионов И. — 261
 Михайлов (Сангулия) Я. — 64, 136, 241
 Мордовцев Д. Л. — 56
 Москвичев Л. Ф. — 238, 274, 277
 Музыкантский — 337
 Мумин — 87
 Муравьев, генерал — 331, 332
 Мушба И. — 263

- Мхеидзе Д. — 193, 196
 Мьякишев — 246
 Навроцкий Г. — 41, 49
 Надарайшвили А. В. — 64
 Надарая Н. — 356
 Назаретян А. М. — 307, 349, 357, 366
 Наумов Г. — 237
 Невесский Н. — 73, 75, 77
 Нефедьев А. — 311, 316
 Нинидзе К. — 16, 257
 Нодия В. — 84, 302, 320
 Нодия Н. Д. — 16
 Нодия Ф. — 265, 266, 270
 Ольденбургский А. П. — 11, 100, 283
 Орахелашвили М. П. — 131, 163, 307, 339, 347, 349
 Орджоникидзе Г. К. — 14, 82, 157, 164, 172, 180, 185, 198, 200, 232, 261, 262, 307, 319, 320, 339, 342, 349, 350, 351, 352, 354, 355, 358, 365, 366, 372, 374, 375, 379, 380
 Орлов — 43, 58, 61
 Осидзе А. — 312, 332, 333
 Осипов П. — 29
 Остроумов А. А. — 52, 299
 Отырба З. Л. — 65, 82, 137, 184, 358
 Павленов — 169, 196
 Пагава Б. К. — 240, 372
 Панченко П. Ф. — 328
 Парцвания А. — 184
 Парцвания К. Н. — 130
 Паргалава В. — 135
 Пастрюлин — 17
 Патарая Д. С. — 193
 Патеяпа Н. С. — 51
 Пачулия А. — 193
 Пачулия Д. К. — 193
 Пачулия Э. — 240
 Пашковский — 352, 365
 Педан К. Д. — 41, 44
 Перов А. Е. — 80, 122
 Петерсон Н. Л. — 21
 Петров И. М. — 321, 344
 Пилия С. Д. — 66, 137, 138
 Плеханов Г. В. — 14
 Поливанов Н. В. — 58, 59, 61, 62
 Поляков П. — 305
 Понамарев — 346, 358
 Попаидопуло Л. — 296
 Посевин, полковник — 330
 Поярко Н. П. — 63, 64, 134, 135, 146, 157, 163, 164, 181
 Радович Г. — 117, 139
 Радович П. — 308, 360, 370
 Рамишвили Н. В. — 57, 178, 277, 367, 211, 215, 232, 257, 260, 268, 327
 Рамишвили Н. В. — 57, 178, 277, 367
 Рамишвили С. — 68, 247, 258
 Ридель Д. И. — 100
 Редькин И. — 105, 138
 Рогачев Д. — 356
 Родзянко М. В. — 57
 Романов А. М. — 106, 253
 Романов Н. Н. — 57, 58, 60
 Россомхин П. А. — 341
 Рудь И. П. — 80, 132, 262
 Рухадзе Л. — 276, 328, 333
 Саблин И. В. — 237, 274—276, 297
 Сабуа Г. З. — 181, 185, 186, 241
 Саджая А. Н. — 342, 347, 359, 360
 Сазонов В. А. — 318, 319
 Сакания Л. — 239
 Сакания Н. — 241
 Самарин-Филипповский В. Н. — 276
 Сафонов Г. — 276
 Сванидзе К. — 293, 299
 Сванидзе Н. С. — 80, 121, 122, 193, 298, 304, 311, 317, 321, 322
 Свердлов Е. Е. — 337, 346—348, 350, 359
 Свиридов Я. — 339, 360
 Севриков Д. З. — 115
 Секавин А. Н. — 264, 269
 Семерджиев К. Г. — 135, 185, 202, 343
 Сергей, епископ — 115, 116
 Сичинава П. Х. — 131, 361
 Скалон, полковник — 133
 Скиталец (Давидберк) — 319
 Смецкой Н. Н. — 52, 237, 283, 381
 Смирнов Д. — 12, 82, 84, 133—135
 Смыр Х. — 188
 Соколов В. К. — 137
 Соколовский Г. — 305
 Соллогуб — 21
 Соловьев А. — 135
 Соловьев З. П. — 381
 Соловьев М. Д. — 346, 347, 353
 Соловьева-Ватова А. А. — 346, 347, 353, 356—358
 Соркин П. П. — 277, 347, 353
 Старк Л. — 337
 Степанов П. — 245
 Сулаквелидзе В., полковник — 323, 332
 Султан-Гирей, генерал — 330, 335
 Сумбуров — 365
 Сургуладзе А. Н. — 313, 314, 316, 321, 329, 344
 Тавдгиридзе Н. К. — 29, 37, 42, 43, 48, 59, 61, 173
 Такайшвили Г. Е. — 13
 Тания Бардгу — 193

- Тарба А. — 241
 Тирекьян Л. К. — 13
 Таркил Н. — 241
 Тарнава Мартын И. — 66, 358, 359,
 363—365
 Тарнава Михаил И. — 213, 215,
 216, 274
 Тевзя Г. — 304, 305, 319
 Терещенко З. — 360
 Тиракьян Л. К. — 13
 Тодуа А. Е. — 50, 239
 Тодуа И. Г. — 124
 Тодуа Н. — 269
 Тодуа Р. Г. — 193
 Толорая А. — 163
 Толстой Л. Н. — 14
 Торинава М. Г. — 269, 270
 Торня Д. Г. — 110, 142, 194, 202,
 372, 374
 Торня Ф. А. — 110, 142, 194, 202, 360,
 361, 373, 374
 Топуридзе Д. — 269
 Топурня И. И. — 193, 361
 Торшелдзэ М. — 18
 Туманов Г. Д. — 203, 204, 213, 216
 Тумаркин Л. — 177, 202, 207, 258, 263
 Турчанинов — 249, 255
 Тухарели полковник — 186, 209, 211,
 222, 258, 265, 266, 268, 270
 Убирня А. Л. — 110, 124, 196, 197,
 236, 277, 305, 307, 342, 361, 371,
 372
 Уджмаджурдзэ К. — 14, 38
 Узнадзе Т. — 130, 153
 Улагай, полковник — 331, 332
 Ульянова М. И. — 356
 Уоккер — 251, 256
 Уралов — 348
 Уридия Е. Э. — 301, 307, 372
 Урушадзе А. Х. — 38, 68, 131, 151,
 163, 171, 176, 182, 321
 Учадзе Г. — 297
 Фавицкий В. В. — 276
 Федоров П. — 319
 Федотов — 111
 Филмонов И. — 115
 Филиппов М. — 125
 Филипчук В. — 135
 Фиолетов И. — 37, 245
 Фон Кресс, генерал — 190, 204
 Фон Лоссов, генерал — 178
 Фон дер Шуленбург — 19, 178
 Фостяков, генерал — 329, 330, 332, 334,
 336, 374
 Фурманов Д. А. — 352
 Хабурзания Я. Г. — 38, 76, 84, 142,
 202, 308, 373, 374
 Хагуш Б. О. — 203, 301
 Хазыр-оглы Х. М. — 261
 Харламов Б. — 60, 73
 Харазия В. К. — 388
 Харазия В. С. — 215, 241
 Харбедия Е. — 271, 300
 Хатисов А. И. — 58
 Хасая А. — 250
 Хахмигери М. Д. — 257
 Хахубня Л. — 142
 Хашба М. Л. — 273
 Хюоти И. К. — 235, 276
 Ходжа-ипа М. М. — 262
 Хокерба Ш. И. — 236, 240, 273, 321
 Хомерики Н. Г. — 283
 Хочолава М. — 210
 Христовский Ф. И. — 38
 Хребтов Т. Д. — 81, 303
 Хрушев Н. С. — 4, 351, 394
 Цагуря М. К. — 234, 235, 270, 271,
 302, 305, 342, 350
 Цанава — 348
 Цвижба — 274
 Цедербаум В. — 16
 Ценовский А. А. — 157, 160
 Церетели А. — 56
 Церцвадзе М. В. — 112
 Цеткин Клара — 201, 209, 229, 274,
 339, 341
 Цехановский И. — 257, 304, 310, 369
 Цинцадзе Н. — 33, 59
 Цитлидзе А. Д. — 304, 309, 310
 Цитлидзе Р. — 115
 Цитладзе Ш. Б. — 347, 360
 Цицианов, генерал — 269
 Цомая Б. — 269
 Цулукидзе М. — 122, 124, 125, 270,
 283, 320, 323, 327
 Цхакая М. Г. — 307
 Чабукиани Е. Р. — 162
 Чавчавадзе И. Г. — 55, 56
 Чагава Д. — 241
 Чайка В. И. — 201, 299, 319, 344
 Чалигава А. Д. — 134, 135, 162
 Чалмаз М. И. — 50
 Чамагуа И. П. — 82, 93, 137,
 358, 364
 Чанба С. Я. — 51, 52, 161, 231, 234,
 264, 270—273, 295, 305, 342, 386
 Чарая П. Г. — 51, 54
 Чачба В. К. — 319, 320, 358, 365
 Челноков — 58
 Чемия — 348

- Ченгелия Т. — 271
Черкезия И. К. — 277
Чермоев Тапа — 92, 93
Чернышев — 352
Чикобава М. — 131
Чиков П. В. — 54
Чичерин Г. В. — 179
Чкадуа, капитан — 168, 169
Чолокуа Б. — 271
Чочуа А. М. — 51, 96, 271
Чубинидзе Г. — 269
Чукбар А. И. — 34, 51, 53, 231, 264, 364
Чхеидзе Н. С. — 44, 113
Чхенкелли А. И. — 39, 60, 68, 73, 93, 126, 127, 166, 174
Чхетия, полковник — 331
Чхиквишвили В. — 70, 76, 112, 119, 122, 124—127, 131, 139, 140, 153, 211, 217, 225, 260, 268
Чхотуа Р. Н., полковник — 217
- Шакрыл П. С. — 51
Шакирбай К. З. — 293, 303
Шамба Е. К. — 50, 132, 176, 239—241, 309, 310
Шамба Х. Б. — 137, 185, 192, 358, 364
Шанский — 48
Шария К. — 66
Шария Ф. — 241
Шаумян С. Г. — 35, 37, 39
Шатнлов, генерал — 198, 249, 255
Шахгельдян А. — 160
Шебеко, граф — 133
Шевалье А. — 337
Шенгелая М. — 42
Шенгелия Ч. — 195
Шевцов И. Б. — 245, 276, 297
Шелленберг Л. — 19
Шепулин П. — 305
- Шервашидзе А. Г. — 61, 63, 71, 77, 88, 113, 169, 205—207, 250, 331, 335
Шервашидзе А. К. — 273
Шервашидзе В. А. — 208, 209
Шервашидзе Г. Д. — 100
Шервашидзе Г. М., писатель — 55, 273
Шервашидзе Г. К. — 34
Шервашидзе Г. М. — 61
Шервашидзе К. К. — 33, 34, 51
Шерипов Асланбек — 87—89, 91
Шкуро А. Г., генерал — 191, 331
Шония Е. — 141, 161
Шумейко И. — 339
- Элиава Ш. З. — 349
Эмухвари В. — 207, 209
Эмухвари Д. — 68, 93, 324, 326, 362, 363
Эмухвари М. — 34
Эмухвари Н. — 121, 124, 125
Эмухвари О. — 207
Энгельс Ф. — 17
Эсад-паша — 206
Эхвая Б. В. — 110, 142, 193
Эшба Е. А. — 80, 84, 88, 91, 93, 119, 121—123, 127—129, 131—133, 135, 143, 145—147, 150, 151, 157, 162, 166, 169, 171, 174, 176, 180, 181, 235, 249, 262, 271, 315, 316, 320, 344, 349, 355, 379, 380, 381
Эшба Р. Д. — 240
Эшба Ф. Х. — 51, 54
Эшбая Т. — 317, 319, 322
Юрков Н. В. — 121, 123, 132, 145
Юрченко И. — 365
Янков В. — 305
Яхнопуло П. — 69

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АОГА — Адыгейский областной государственный архив
ГАКК — Государственный архив Краснодарского края
ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма
МГОАОР — Московский государственный областной архив Октябрьской революции
ПА — Партийный архив
ЦГАА — Центральный государственный архив Абхазской АССР.
ЦГААрм. — Центральный государственный архив Армянской ССР
ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской Армии
ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР
ЦГАОРГ — Центральный государственный архив Октябрьской революции Грузинской ССР
ЦГАВМФ — Центральный государственный архив военно-морского флота
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
ЦГИАГ — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда
ЦПА — Центральный партийный архив
ЧСХ — Черноморское сельское хозяйство

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
Предисловие	3
Глава первая. Абхазия в годы нового революционного подъема и первой мировой войны	6
Глава вторая. Абхазия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции	57
Глава третья. Советская власть в Абхазии в 1918 году	121
Глава четвертая. Обстановка в Абхазии в конце 1918 г. и в 1919 г.	218
Глава пятая. 1920 год в Абхазии	279
Глава шестая. Победа Советской власти в Абхазии в феврале— марте 1921 года	346
Заключение	379
Указатель имен	397
Список сокращений	404

Редактор издательства *Н. Ш. Дзоценидзе*

Техредактор *М. Д. Хахмигери*

Корректор *Н. Н. Иоаниди*

ЭИ00498. Сдано в набор 5.X.1962 г. Подписано к печати 13.VII.1963 г.
Форм. бум. 60×92¹/₁₆. Печатных листов 25,5. Уч.-издат. лист. 23,5.
Заказ № 3928. Тираж 1000. Цена 73 к.

Типолиитография Грузглавополиграфиздата
им. Ленина, г. Сухуми.